

9(115) Кор
ББК 63.3(5 Кор); 63.3(5 Коо)
И 90

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением вузов
Российской Федерации по образованию в области международных
отношений в качестве учебника для студентов и аспирантов,
обучающихся по специальности «Международные отношения»
и «Регионоведение»*

*Книга издана при поддержке Благотворительного Фонда
А.Усманова*

Редакционный совет:

А.В.Торкунов (председатель), М.В.Ильин, Ю.М.Колосов,
Н.Н.Ливенцев, А.Ю.Мельвиль, А.К.Сорокин,
И.Г.Тюлин, О.Г.Ульциферов

Авторский коллектив:

А.В.Торкунов (Предисловие, послесловие, отв. редактор),
С.В.Волков (Главы I—XIII), А.В.Ланьков (Главы XIV—XIX),
Вл.Ф.Ли (Ли У Хё) (Главы XX—XXV), В.И.Денисов,
В.П.Ткаченко (Главы XXVI—XXVIII),
В.Е.Сушкин (Глава XXIX)

И 90 История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А.В.Торкунова. — М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 430 с., ил.

Первый в отечественной литературе вузовский учебник по истории Кореи на основе богатых знаний, накопленных корееведением в России и за рубежом, дает систематическое изложение истории страны с древнейших времен до наших дней. Освещаются основные этапы формирования корейской государственности, народная борьба за независимость, международные взаимосвязи, экономика и культура двух корейских государств.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников, всех интересующихся международными отношениями.

843/33
ISBN 5-8243-0436-X

© Московский государственный институт международных отношений (Университет), 2003.
© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление этой книги связано с растущим интересом к Корее и отражает очевидную потребность в работах по истории этой страны, где на основе сегодняшних наших знаний и с учетом достижений мирового корееведения освещалась бы история корейского народа с древнейших времен до наших дней. При этом авторы исходили из того, что новый учебник сможет дать достаточно полное представление о предмете не только тем, кто решил профессионально заниматься корейскими проблемами — студентам, аспирантам, изучающим Корею и корейский язык почти в десяти российских университетах от Владивостока до Санкт-Петербурга, — но и всем, интересующимся историей, культурой и традициями народа, создавшего свою уникальную цивилизацию, и древле играющего огромную роль в Восточной Азии. Тем более, что судьба корейского государства, корейцев вот уже более двух веков теснейшим образом переплетена с судьбами России и населяющих ее народов.

Не скрою, что одним из серьезных мотивов, побудивших членов авторского коллектива приступить к этой работе, стало то, что многие из них, изучая Корею в годы своего студенчества, столкнулись с серьезными трудностями. Речь идет не о тогдашней своеобразной трактовке некоторых событий новейшего времени (корейская война, раскол страны, политическое развитие в Северной Корее в 50—80-е годы), не о многочисленных «белых пятнах», которые упоминались преподавателями лишь полунамеками (история коммунистического движения, межфракционная борьба в КНДР в 50—60 годы). Много неясного и противоречивого было также в толковании событий давней корейской истории. Трактовка этих событий и явлений, оценки значения этих событий для последующего исторического развития Кореи существенно различались, а зачастую и просто противоречили друг другу в советской, северокорейской и доступной нам южнокорейской и англоязычной литературе, изданной в США и Европе. Объяснения этому, как представляется, следует искать не только в недостатке объективных исторических сведений, в тотальном контроле в СССР за историческими публикациями со стороны «вышестоящих органов», которые стремились не допускать, чтобы открыто издавались работы, хоть сколько-нибудь идущие вразрез с «генеральной линией» партии в освещении событий новейшего времени (например, причин и хода корейской войны), и даже не толь-

ко в желании «верхов» не допустить осложнений в отношениях с Пхеньяном, где крайне болезненно реагировали на иную, чем утвержденную северокорейским руководством «историческую истину». Многие объяснялось и многочисленными искажениями и диффамациями, которые появились в японских и прояпонских изданиях периода подготовки к колонизации Кореи, собственно колониальной эпохи и оттуда перекочевали в некоторые американские и европейские работы. Большую роль сыграло здесь и то, что трактовка ряда событий в истории Кореи долгое время носила явную идеологическую окраску, причем она придавалась не только историками из т.н. «социалистического лагеря». От них в идеологическом запале не отставали и либеральные англоязычные авторы. Если для первых были характерны «классовый подход» к анализу корейской истории и попытки уложить ее в «прокрустово ложе» теории формационного развития и понятий марксистского истмата, то для вторых (а среди них было немало авторов корейского происхождения) примечательны абсолютизация роли субъективного фактора, отдельных династийных фигур, преувеличение значения внешних сил (хотя они, конечно, оказывали огромное влияние на развитие страны). Для китайских же авторов долгое время был характерен традиционный китаецентристский подход к оценке того, что происходило на Корейском полуострове. Важно подчеркнуть, что развитие различных национальных школ, равно как и мирового корееведения, в последние 50 лет происходило на фоне острого противостояния двух корейских государств, важным составным элементом которого долгое время являлось стремление каждого из них доказать свою уникальную легитимность, в том числе представляя себя в качестве единственного исторического преемника восстановленной после Второй мировой войны корейской государственности. Естественно, что это тоже отражалось на характере и направленности исторических исследований как в обеих частях Кореи, так и в работах зарубежных корееведов.

Убежденность в необходимости преодолеть некоторые устоявшиеся стереотипы, кто бы ни стоял у истоков их формирования, равно как и желание кратко, но максимально всесторонне представить молодому поколению исследователей неувыдающую цивилизацию Страны Утренней Свежести, подвели авторов книги к идее нового прочтения «Истории Кореи». Тем более, что вдохновляющим примером для них стали созданные в последние годы в нашей стране новые труды по Японии, Китаю, Вьетнаму и другим странам.

В процессе разработки структуры и концепции работы перед авторским коллективом возникла непростая проблема уточнения общей периодизации истории Кореи. Необходимо было отойти от сугубо истматовской методологии, особенно в упрощенном толковании, и в то же время не оказаться в плену династийного подхода, когда исторический процесс концентрируется почти исключи-

тельно вокруг правителей и отдельных личностей. Поэтому в книге преобладает своего рода синтез историко-хронологического и цивилизационного подходов. Авторы исходят из того, что каждый новый этап корейской цивилизации, независимо от его синхронизации или, напротив, несовпадения с господствующей тенденцией общемирового развития, является уникальным в локальном историческом развитии.

Комплексная методология позволяет исследовать исторический процесс в непрерывной динамике развития во времени и пространстве с признанием основополагающих и случайных явлений, многообразия и в то же время уникальности и нелинейности цивилизационного опыта человечества. В этом плане развитие Кореи в целом синхронизируется с всемирной историей, хотя отдельные циклы взлета, с одной стороны, и падения — с другой, порождали «особые», в том числе застойные и регрессивные, периоды эволюции.

С учетом вышеизложенного в нашей работе в *первом разделе* освещаются вопросы зарождения и развития корейской цивилизации в древности и раннем средневековье (палеолит и неолит, Древний Чосон, Государство Когурё, Государство Пэкче, Государство Силла—Три государства, Объединенное Силла). Такого рода структура обусловлена, прежде всего, довольно тесной и последовательной взаимосвязью между древностью и ранним средневековьем, которые сами по себе, безусловно, обладают уникальными чертами. Что же касается истории государства Бохай (Пархэ), существовавшего (в VII—IX вв.) под господством когурёсцев на стыке географического соприкосновения современной Кореи, Маньчжурии и Российского Приморья со столицей на маньчжурской территории, то авторы рекомендуют читателю обратиться к обширной научной литературе, опубликованной по этой теме в последние годы.

Во *втором разделе* «Корея в эпоху Корё» охватываются события на Корейском полуострове в X — конце XIV в., когда было провозглашено государство Корё (918 г.), велись войны с киданями, войны с чжурчжэнями, борьба с монгольскими нашествиями (XIII в.), походы в Японию (1274 и 1281 гг.), проанализированы реформы административно-территориального управления. Рассмотрены расцвет и упадок Корё во второй половине XIV в., а также приход к власти новой янбанской династии Ли или династии Чосон, как ее иногда называют в литературе. Здесь, с первого взгляда, может возникнуть впечатление, что авторы невольно возвращаются к династийной хронологии. Но это далеко не так. Принятие закона о чиновном наделе — «кваджон» (1391 г.) сопровождалось качественными изменениями в социально-экономических отношениях, а смена правящей династии, как это показывается в книге, стала отнюдь не формальной верхушечной политико-административной акцией.

Глава I

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ КОРЕИ

Как и когда сложилась корейская нация? Откуда вообще появились корейцы со своей самобытной культурой? Окончательно и общепринятого ответа на эти вопросы нет до сих пор. Несомненно, что истоки корейской нации уходят в глубину тысячелетий, когда Корейский полуостров волна за волной заселяли древние племена. Однако далеко не все, кто жил на полуострове, генетически связаны с современными корейцами.

1. Палеолит Кореи

Территория Кореи была заселена еще в период палеолита. Правда, несмотря на то, что археологические исследования проводились в стране с 20-х годов XX в., первые памятники, которые можно было с уверенностью отнести к палеолитическим, были открыты довольно поздно — только в 1960-х гг. В 1962—1963 гг. в уезде Унги провинции Северная Хамгён на стоянке Кульпхори были обнаружены позднепалеолитические орудия (рубила и рёзцы), а в 1964 г. в Южной Корее (провинция Южная Чхунчхон, уезд Конджу) на стоянке Сокчанни в долине р. Кымган были найдены даже раннепалеолитические орудия. После этих открытий населенность Корейского полуострова в эпоху палеолита уже не вызывала сомнений.

Наиболее древней палеолитической стоянкой считается пещера Комын-мору близ Пхеньяна. На юге страны к числу самых интересных относятся открытые относительно недавно — в конце 1970 — начале 1980-х гг. стоянки Чонгонни (провинция Кёнги, уезд Ёнчхон) и Суянгё (провинция Северная Чхунчхон, уезд Ганян). На первой из них, характеризующейся вообще чрезвычайно большим (свыше 1100) числом находок, были обнаружены, в числе прочего, 4 кремневые рубила из крупных отщепов с двусторонней обработкой, выполненные по так называемой ашельской технологии — первая находка такого рода не только в Корее, но и на всем Дальнем Востоке. На второй, возраст которой определяется примерно в 20—10 тыс. лет до н.э., было найдено много недоработанного материала и приспособлений для обработки камня (что заставляет предположить наличие здесь одного из центров массового производства орудий труда), а также каменные ножи вытянутой прямоугольной формы, продолговатые и клюво-

видные скребки, наконечники копий и дротиков; здесь же обнаружены остатки жилья в виде полуземлянки.

На ряде стоянок (особенно в пещере Комын-мору) обнаружено очень большое количество костей животных, что позволяет представить себе животный мир, с которым приходилось иметь дело людям полуострова того времени. Среди находок такого рода видное место занимают кости носорогов, пещерных медведей, слонов и бизонов.

Количество добытого материала все-таки еще недостаточно для того, чтобы составить полное представление об эволюции палеолитической культуры на полуострове. Не вполне ясен и вопрос о корейском мезолите, поскольку число памятников, которые могут быть отнесены к мезолитическим (например, один из слоев в пещере Ёнгуль и некоторые находки в провинции Канвон) крайне невелико. Однако по наиболее выразительным изделиям типа леваллуазских нуклеусов, галечных нуклеусов, рубящих орудий типа чопперов и чоппингов, а также резцов типа арая корейский палеолит не обнаруживает существенного отличия от других культурных ареалов Восточной Азии. Поэтому можно сказать, что корейский палеолит входит в семейство глубоко родственных в основе культур сибирско-восточноазиатской локальной провинции верхнего палеолита Старого Света.

Это обстоятельство не исключает, разумеется, определенного своеобразия корейских находок. В частности, найденные на стоянках Кульпхо, Сокчанни и Чхованни топовидные инструменты не встречаются на других верхнепалеолитических стоянках Восточной Азии. То же можно сказать о типе жилища, обнаруженного на стоянке Сокчанни.

Хотя по имеющимся находкам можно предположить, что территория полуострова была обитаема уже в раннем палеолите, т.е. 400—150 тыс. лет назад, останков людей того времени до сих пор не обнаружено. Самые ранние находки такого рода относятся ко времени среднего палеолита (150—40 тыс. лет назад). В начале 70-х годов в провинции Южная Пхенан на горе Сынни в уезде Токчхон были обнаружены фрагменты скелета (часть нижней челюсти и ключица) неандертальца, в пещере Тэхёндон (Пхеньян) — скелет мальчика переходного к неандертальцу вида, в пещере Мандалли (в районе Пхеньяна) найдены останки позднепалеолитического человека.

Проблема заселения полуострова во времена палеолита дискуссионна. Можно предположить, что раннепалеолитические люди двигались из Сибири и Дальнего Востока на юго-восток — в Японию и на Корейский полуостров (Япония в то время была еще соединена с материком перешейком). Считается, что складывание характерных расовых черт приходится на период позднего палеолита. По-видимому, население Северо-Восточной Азии в то

ремя уже обладало рядом выраженных признаков, свойственных континентальным монголоидам.

Однако даже позднее палеолитическое население полуострова не имеет отношения к предкам корейцев. Несмотря на стремление ряда южнокорейских исследователей обнаружить связь между людьми палеолита и более поздними жителями полуострова (в КИДР такая связь является аксиомой, что, впрочем, не имеет никакого отношения к науке, а продиктовано политической установкой на обоснование «исконной связи» корейцев с нынешней территорией обитания) никаких хоть сколько-нибудь убедительных свидетельств такого рода не существует.

2. Неолит Кореи

Если памятники палеолитического времени в Корее относительно немногочисленны, то памятников периода неолита найдено в целом довольно много. Начальный этап раннего неолита (V — первая половина IV тыс. до н.э.) представлен стоянкой Сопхохан I и находками на холме Пупхо в уезде Унги, а финальный этап (2-я половина IV тыс. до н.э.) — комплексами Сопхохан II и Кунсан I. Ранний этап развитого неолита (1-я половина III тыс. до н.э.) представлен такими памятниками, как Сопхохан III, Кунсан II (провинция Южная Пхёнан), Амса (провинция Кёнги), Тонсандон (провинция Южная Кёнсан), Кымтхан (Пхеньян) и другими. Что же касается позднего этапа развитого неолита (2-я половина III — начало II тыс. до н.э.), то количество поселений этого времени очень велико и многократно превосходит число памятников более ранних периодов. Наиболее характерными из них являются Сопхохан IV, Сопхохан V, Кымтхан II, Тхосон II на севере, Енсондон, Пусан — на юге страны. Ряд памятников сходного характера обнаружен и на Ляодунском полуострове, в бассейне р. Ляохэ на юге Маньчжурии, а также на востоке Внутренней Монголии.

В эпоху неолита сложилось пять основных региональных центров, каждый из которых был связан с долинами рек: 1) крайний северо-восток — бассейн р. Туманган; 2) район Пусана — устье р. Нактонган; 3) район Сеула — низовья р. Ханган; 4) полуостров Хванхэ с рядом мелких рек; 5) район Пхеньяна — нижнее течение р. Тэдонган.

Стоянки обитателей полуострова эпохи неолита представлены в основном двумя типами поселений. Первый из них — это стоянки с раковинными кучами. Такие стоянки располагались по морскому побережью и в устьях рек. Они получили свое название благодаря наличию огромных куч отходов (главным образом использованных раковин), которые за много лет существования стоянки накапливались на ее краю с подветренной стороны (выполняя и функцию защиты от ветра). Обитатели таких стоянок занимались в основном рыболовством и сбором морепродуктов. Этот

тип стоянок появляется уже в раннем неолите и сохраняется до наступления железного века, однако уже в развитом и позднем неолите его начинает вытеснять появившийся тогда второй тип. Второй тип неолитических стоянок — это так называемые стоянки на холмах, поселения на вершинах невысоких изолированных холмов, на террасах или склонах гор в непосредственной близости от низин.

Факт появления многочисленных стоянок, не привязанных к источникам морепродуктов, свидетельствует о появлении земледелия и развитии оседлости. В позднем неолите населению Корейского полуострова уже было знакомо довольно много видов культурных растений, оно уже знало просо, фасоль, бобы, чумизу, а на юге полуострова — и рис, однако возделывание земли осуществлялось без использования тяглового скота, вручную. Одомашнивание коровы, лошади и свиньи вообще произошло в Корее, видимо, довольно поздно.

Расчистка и разрыхление пашни производилось при помощи каменных мотыг, цилиндрических тесел с площадкой для прикрепления обуха, жатва — с помощью полулунных ножей и серпов, размол — с помощью зернотерок. Все эти предметы часто встречаются среди сельскохозяйственного инвентаря неолитических поселений. В поздненеолитическое время в составе хозяйственного инвентаря появляются миндалевидные топоры и топоры-долота со скошенным лезвием, тесла с отверстием, клиновидные и прямоугольные тесла, ромбовидные наконечники копий с черенком, треугольные и листовидные наконечники стрел. Однако несовершенство земледельческих орудий позволяло обрабатывать лишь мягкие земли, а гористый и пересеченный рельеф большей части полуострова сильно ограничивал развитие искусственного орошения.

На неолитических стоянках найдено огромное количество каменного и костяного инвентаря, свидетельствующего, что их население занималось не только рыболовством и собирательством, но и земледелием и охотой (предметами охоты жителей глубинных районов страны были косули, кабаны и олени). Анализ керамики и инвентаря показывает, что и то, и другое обладало определенным единообразием для полуострова в целом, хотя локальные культуры в провинции Хамгён обнаруживают более тесное сходство в Приморье, чем с территорией остальной Кореи.

На протяжении неолитического периода довольно хорошо прослеживается эволюция форм и типов жилищ, наглядно свидетельствующая о социальных изменениях. Длинные прямоугольные с закругленными углами жилища, в которых обитали большие семьи, включавшие несколько поколений родственников, сменяются со временем небольшими полуземлянками строго квадратных или прямоугольных очертаний, очевидно принадлежавших парным семьям из 5—7 человек (включая детей). Сами жилища представляли собой землянки (в более позднее время — полузем-

линики). По углам их вкапывались весьма прочные столбы, которые поддерживали крышу и стены, изготавливавшиеся из жердей и глины. Очаг располагался в центре жилища и представлял собой углубление, выложенное камнями. Плотнo утрамбованный пол промазывался глиной, а иногда даже мостился плоскими плитами. В поздненеолитическое время встречаются остатки каналов, проделанных в полу для обогрева его с помощью теплого воздуха.

С распространением оседлости населения изменяется и тип поселения в целом. Поскольку развитие орудий охоты и земледелия позволяло прокормить большее число людей, проживающих компактно, размеры поселений заметно увеличиваются, и в одном поселении часто насчитывают до ста и более отдельных жилищ. Вообще же наряду с типичными стоянками, включающими до 10 жилищ каждое, встречаются и поселения с сотнями жилищ. Поселения эпохи неолита располагались на достаточно близком расстоянии друг от друга, чтобы можно было поддерживать обмен продуктами между ними, но достаточно далеко, чтобы можно было не опасаться внезапного нападения, так как в это время уже могли иметь место вооруженные конфликты между отдельными общинами.

Обычно стоянка-поселение представляла собой место обитания рода, состоящего из нескольких семей. В таких коллективах существовали, надо полагать, руководители и наиболее уважаемые члены. Однако их влияние не носило еще наследственного характера и не находило выражение в социальном неравенстве. Во всяком случае наиболее очевидный индикатор такого неравенства — существование различных по сложности и богатству типов погребений, еще отсутствует. Все известные погребения этого периода весьма просты по форме (это были ямные погребения) и единообразны по составу погребального инвентаря.

Духовная жизнь неолитического населения Кореи была связана с поклонением духам-покровителям рода, культом плодородия, о чем свидетельствуют находки характерных женских статуэток и примитивных изображений животных. Набор украшений обычно представлен бусами из камней (чаще всего яшмы), различного рода подвесками, серьгами в виде колец, а также браслетами из раковин и шпильками.

Если относительно распространения палеолитического населения и его этнической принадлежности ничего определенного сказать нельзя, то для периода неолита, благодаря появлению в это время такого важнейшего идентификационного элемента, как керамика, становится возможным проследить основные этапы и направления заселения Корейского полуострова и сделать некоторые выводы об этнической принадлежности пришельцев.

Древнейшая стадия неолита, охватывающая IV и даже V тысячелетия до н.э., представлена в Корее культурой гладкой округлой керамики, которая принадлежала пришедшей с запада байкаль-

ской ветви сибирских монголоидов. Считается, что этой керамике сопутствовала определенная микролитическая традиция — техника изготовления специфического каменного инвентаря (мелких ножевидных пластин и вкладышей), тяготеющая к культуре Монголии и прилегающих областей. Культура гладкой керамики продолжала существовать на полуострове и после проникновения туда следующей волны переселенцев (носителей культуры гребенчатой керамики).

Однако гладкие сосуды с относительно маленьким плоским дном были найдены и в нижних слоях поселений Тонсамдон (Пусан) и Саннодэ (провинция Южная Кёнсан), где вместе с ними были обнаружены сосуды с выпуклым наlepным узором зигзагообразной формы, характерные для японских памятников раннего Дзёмона. Последнее обстоятельство (поскольку японские находки значительно древнее) свидетельствует в пользу того, что заселение полуострова в это время происходило, возможно, и с Японских островов. О контактах с населением острова Кюсю говорят и находки на корейском побережье скребков из сорта обсидиана, встречающегося только в Японии.

На рубеже IV—III тыс. до н.э. на полуостров проникают носители культуры гребенчатой керамики — северо-восточные палеоазиаты. Эта культура первая, которая охватывает весь Корейский полуостров, хотя уже на ранней стадии в ней прослеживаются два варианта: на северо-востоке — собственно гребенчатая керамика, тесно связанная с культурами Восточной Сибири и особенно Приморья, южнее — сосуды с желобчатым, выемчатым узором, близкие к монгольским находкам. Специфический вид этой керамики придавался нанесением на верхнюю и среднюю часть тулова сосуда узора в виде «елочки» (возможно, с помощью рыбьей кости). Сами сосуды обычно делались из глины с высоким содержанием слюды и песка (самые ранние изготавливались без помощи гончарного круга). Носители этой культуры расселялись в основном в устьях крупных рек. В III—II тыс. до н.э. происходит развитие стиливых различий в рамках этой культуры, становится более разнообразной и форма сосудов, отмечена некоторая эволюция гребенчатой керамики в сторону гладкой.

В позднем неолите (II—I тыс. до н.э.) происходит инфильтрация на полуостров монголоидов восточно-азиатского типа — носителей культуры крашеной керамики. Именно в это время сформировался маньчжурско-корейский вариант восточно-азиатской ветви монголоидной расы. Поздний период вообще отличается радикальными изменениями в облике керамических изделий в результате постепенного перехода к новой форме сосудов — с острым дном, с утолщенной нижней частью и удлиненным горлом. Орнамент сначала исчезает с нижней и средней части сосуда, а затем и с горлышка (где ранее еще оставался точечно-штриховой узор в виде параллельных линий).

3. Период бронзы и ранний железный век

Датировка периода бронзы в Корее вызывает большие споры, вплоть до того, что высказывается мнение о смене неолита непосредственно веком железа. Нет единого мнения и по вопросу о том, что именно считать началом периода бронзы. Поскольку наиболее ранние находки бронзовых предметов на территории Корейского полуострова датируются XI—X вв. до н.э., большинство как южнокорейских, так и западных исследователей относят начало бронзового века к этому времени. Но часто период бронзы датируется VII—IV вв. до н.э. (как курьез можно отметить, что в КИДР из политических соображений — чтобы корейская бронза оказалась не моложе китайской периода Шан-Инь, считают необходимым отнести его начало чуть ли не к началу II тысячелетия до н.э.).

На Корейский полуостров культура бронзы пришла из Маньчжурии, где она сформировалась в качестве самостоятельной под воздействием ряда бронзовых культур Восточной Азии: Шан-иньской культуры Китая, северокайской Ордосской, Карасукской культуры в Южной Сибири. Наиболее характерными чертами, свойственными этой культуре, являются: 1) ритуальные бронзовые предметы; 2) предметы престижного пользования из яшмы; 3) гладкая керамика; 4) дольмены; 5) погребения в каменных ящиках.

Носители культуры бронзы принадлежали, по наиболее распространенной версии, к прототунгусской монголоидной (алтайской) группе. Это население может быть отождествлено с народами, известными в китайских письменных источниках под наименованием вэймо (кор. емэк). В южнокорейской историографии существует тенденция трактовать емэк как единую протокорейскую народность, обладавшую общностью языка и культуры. Однако наличие на полуострове единого языка сомнительно даже для периода Трех государств, сама же культура бронзы представляла собой довольно сложный конгломерат региональных вариаций, не говоря о том, что ее носители смешались в ходе расселения по полуострову с местным неолитическим населением, и емэк в любом случае не могли сохранить «этнической чистоты».

Что касается типичных черт материальной культуры периода бронзы, то из бронзового инвентаря наиболее характерны некоторые виды церемониального вооружения. Прежде всего это так называемые скрипкообразные мечи (с коротким, до 50 см., клинком, выпуклой нижней частью, выделяющимися выступами в середине и постепенно сужающиеся к концу). Они явственно отличаются от иньских и чжоуских мечей. К концу IV — началу III в. до н.э. форма мечей меняется на узкую — с зауженным, почти прямым лезвием и выемкой в боковой части. Другими распространенными предметами были секиры, сходные с известными по уральским и южносибирским культурам (Андроновской и Кара-

сукской). Известны также наконечники стрел с двумя жалцами, ножи, резцы, из предметов культурно-ритуального обихода — зеркала, колокольчики и др. На последнем этапе бронзовый инвентарь становится более разнообразным и встречается чаще, но к нему примешиваются изделия из железа.

Следует иметь в виду, что практически все бронзовые предметы находились в употреблении высшего слоя общества. Подавляющая часть изделий (прежде всего орудий труда) по-прежнему делалась из камня, дерева и кости. Важнейшим сельскохозяйственным орудием был полулунный жатвенный нож (напоминающий китайский, но с лезвием, обточенным только с одной стороны и прямой спинкой). Из камня изготавливались и мечи, по форме сходные с бронзовыми, а также наконечники стрел. Для обработки дерева применялись каменные ступенчатые тесла (хорошо известные в Индокитае и Южном Китае).

Керамика периода бронзы отличается от неолитической прежде всего отсутствием узора. В это время на полуострове сложилась культура так называемой вымеобразной керамики, представленная кирпично-красными сосудами с широким округлым туловом и узкой шейкой и днищем. Лощеная крашенная в красный цвет керамика распространилась в то время с севера по всему полуострову. Она дала ветвь лощеной керамики без раскраски, сближающейся с вымеобразной. В более позднее время вымеобразная керамика теряет свое ведущее положение, у сосудов появляется ровное днище, отогнутый венчик, криволинейные очертания тулова, а красно-бурый цвет сменяется на черноватый, сопровождающийся лощением.

Жилища по сравнению с неолитическим временем не претерпели существенных изменений. По-прежнему основным типом жилища была прямоугольная (в юго-западной части полуострова иногда круглая) полуземлянка с утрамбованным глиняным полом и столбами, поддерживающими двускатную крышу. Однако площадь жилищ несколько увеличилась — до 20—50 кв. м., что означало, что на каждого человека приходилось около 10 кв. м. — значительно больше, чем в период неолита. В каждом поселке существовали общественные постройки довольно внушительных размеров, которые, видимо, использовались для нужд общественного производства или ритуальных целей.

В период бронзы происходят важные сдвиги в земледелии, связанные прежде всего с широким освоением рисосеяния, которое к V—IV вв. до н.э. распространилось уже по всему полуострову. В Корее культивировался холодоустойчивый вид риса, по-видимому заимствованный из Маньчжурии. Другими зерновыми культурами, возделывавшимися на полуострове в то время, были ячмень, пшеница и просо. Животноводство не было развито, оно имело вспомогательное значение (разводились быки, свиньи и собаки), так что рацион населения состоял в основном из злаков и рыбы.

Существенные отличия от предшествовавшего периода демонстрирует погребальная практика. Для культуры бронзы типичными являются погребения в так называемых каменных ящиках — могилах, выложенных каменными (сланцевыми) плитами. Иногда они достаточно длинны, чтобы тело могло находиться в выпрямленном виде (чаще встречаются более короткие «ящики», в которых покойник лежит в скорченном виде). Этот тип погребения также связан с упоминавшимися выше культурами Южной Сибири.

Если вначале погребения в каменных ящиках были принадлежностью знати, то в дальнейшем так хоронили и рядовых членов общества, а над могилами знати стали сооружаться дольмены — столбовидные сооружения из больших каменных плит, где две плиты поддерживают третью — тяжелую и широкую крышу. Появление этих сооружений стало развитием традиции погребений в каменных ящиках, только в этом случае погребальная камера оказывалась вынесенной на поверхность земли. Дольмены стали как бы «визитной карточкой» бронзового века Кореи. Их насчитывается на полуострове в общей сложности около 30 тыс. При этом довольно четко различаются два основных типа дольменов: классический (или северный, так как сравнительно более распространен в Маньчжурии и на полуострове севернее р. Ханган) и южный, который отличается очень большой крышей, но низкими и удлиненными подпорками. Поскольку в этом случае погребальная камера оказывается очень небольшой, то обычно такой дольмен служит лишь завершением обычного погребения в «каменном ящике» ниже уровня земли.

Дольмены, однако, были не просто погребальными сооружениями, но и предметами культа. Являясь захоронениями вождей и старейшин, они, естественно, играли важную роль в формировании культа предков, чьи духи рассматривались как покровители общины. Некоторые ученые склонны связывать дольмены с шаманским культом Большой Медведицы (поскольку есть примеры расположения дольменов, напоминающие очертанием это созвездие). Другими явлениями духовной культуры населения бронзового века были так называемые писаницы — петроглифы, встречающиеся на скалах по берегам рек. На писаницах встречаются как весьма реалистические изображения животных, так и геометрические рисунки, среди которых выделяется мотив круга с расходящимися линиями, свидетельствующий о культе солнца. Однако составить представление о существовании в то время какой-то связанной системы религиозных представлений по имеющимся сведениям невозможно.

Железные изделия появляются довольно рано и сопутствуют периоду поздней бронзы. Прежде всего из железа стало изготавливаться оружие, затем — предметы конской упряжи. Железные предметы в погребениях сопутствуют гладкой черной керамике с высокой шейкой и отогнутым венчиком, лаковой утвари, полированным каменным орудиям. Со временем появляются также железные предметы сельскохозяйственного инвентаря (ножи, серпы, мотыги), а также орудия ремесла. В погребальной практике используется такая форма захоронения, как курган. В чисто земляных курганах на ранних стадиях встречаются ямные погребения, в

курганах с каменной насыпью — сооружения типа дольмена, прикрытые каменной засыпкой. В качестве начальной даты раннего железного века часто называют VII—V вв. до н.э., то есть получается, что он практически совпадает по времени с периодом бронзы, и действительно, четко разграничить эти два периода оказывается весьма трудно. На период бронзы и раннего железного века приходится формирование на территории Кореи первых государственных образований.

Глава II

ДРЕВНИЙ ЧОСОН — ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОРЕЕ

1. Первые сведения о Древнем Чосоне

Первым государственным образованием, созданным предками корейцев, предшественником ранних корейских государств первых веков нашей эры был так называемый Древний Чосон.

На легендах о его происхождении следует остановиться несколько подробнее, поскольку в настоящее время и в Северной, и в Южной Корее они стали предметом политических споров на государственном уровне. Согласно наиболее распространенному теперь мифу, Древний Чосон был основан неким Тангуном в 2333 г. до н.э. По этой версии Небесный государь по имени Хваннин послал своего сына Хвануна управлять Землей с помощью духов ветра, облаков и дождя. К Хвануну обратились медведица и тигр, пожелавшие превратиться в людей. Для этого Хванун, дав им волшебной полыни и чеснока, приказал оставаться в пещере и поститься там в течение 100 дней. Тигр не смог выдержать испытания, но медведица, выполнившая все условия, была превращена в красивую женщину. Более того, она стала супругой Хвануна, от которого родила Тангуна. Последний и стал основателем государства, причем событие это было привязано к хронологии китайской истории и произошло, якобы, на 50-м году правления мифического китайского правителя Яо.

Надо сразу сказать, что миф этот очень позднего происхождения. Он впервые встречается только в летописи «Самгук юса» («Забывшие дела Трех государств»), сочинении, которое относится к жанру так называемых «частных» историй и составлено буддийским монахом Ирёном в 1285 г. Это произведение было написано в противовес «Самгук саги» («Исторические записи Трех государств») — официальной истории, написанной в жанре китайских династийных историй известным государственным деятелем Ким Бу Сиком. Последняя создавалась на основе древних хроник трех раннесредневековых корейских государств, и о Чосоне там не упоминалось.

Гораздо более раннее (более чем на тысячу лет) происхождение имеет другая версия об основании Древнего Чосона, приписывающая его создание пришельцу из Китая, вельможе иньской династии Ци Цзы (кор. Киджа), который, не пожелав служить

новой династии Чжоу, отправился на восток, где и основал в 1121 г. до н.э. государство, позже признанное чжоуской династией в качестве «удела» Ци Цзы. Эта версия впервые зафиксирована в труде знаменитого китайского историка Сыма Цяня «Ши цзи» («Исторические записки»), то есть в I в. до н.э. Затем, повторенная в последующих китайских династийных историях, она стала канонической в конфуцианской историографии.

Со времени появления мифа о Древнем Чосоне на страницах «Самгук юса» в определенных кругах, недовольных традиционной ориентацией корейской государственной традиции на Китай, Древний Чосон стал считаться первым корейским государством, а его мифический основатель Тангун стал выступать в роли прародителя корейской нации, превратившись позже в символ «гомогенности» корейской нации и древности ее происхождения и культуры. Однако вовсе игнорировать устоявшуюся в конфуцианской историографии версию об основании Древнего Чосона Ци Цзы было нельзя, поэтому выход из положения был найден следующим образом. Корейская историография просто совместила обе легенды и, не отрицая роли Киджа, стала помещать время его правления непосредственно после «правления» Тангуна. (Тангун, правивший, якобы, полторы тысячи лет, после прибытия Ци Цзы отказался от престола и превратился в горного духа, прожив в общей сложности 1908 лет.) Несмотря на очевидные хронологические несообразности, в таком виде версия о возникновении Древнего Чосона и продолжала существовать. В позднее средневековье появились даже «исторические произведения», подробнейшим образом, да еще с «точной» хронологией перечислявшие правителей Древнего Чосона, правивших после Тангуна.

Следует, впрочем, сказать, что в официальной (неоконфуцианской) государственной идеологии до самого конца существования традиционной корейской государственности миф о Тангуне никогда не занимал ведущего положения. Однако в колониальный период он играл заметную роль в идеологии национально-освободительного движения и окончательно стал одним из «краеугольных камней» корейского национализма. В последние годы и в Северной, и в Южной Корее культ Тангуна заметно усилился. В Южной Корее официально принято национальное летосчисление по «эре Тангуна» (отсюда — известная формула о «пяти тысячелетиях корейской истории»), предпринимаются попытки создания на базе культа Тангуна особой национальной религии. На Севере, где Тангун объявлен «реальной исторической фигурой», пошли еще дальше, «обнаружив» могилу Тангуна и соорудив над ней в 1994 г. огромный помпезный мавзолей.

На самом деле не только о Тангуне, но и о самом Древнем Чосоне достоверно по источникам известно немного. Возможно, что этноним «чосон» относился первоначально к группе протокорейских общин Ляодуна (к востоку от р. Ляохэ), составлявших некоторую общность, которая проявлялась в общих чертах мате-

риальной культуры (типах керамики и предметов обихода). Возможно также, что Чосон первых веков своего существования представлял собой племенной союз или военно-политическое объединение ряда так называемых вожеств (которые в западной литературе принято называть чифдомами) во главе с наиболее многочисленным и сильным из них, по наименованию которого был известен и весь этот союз.

Вопрос локализации Древнего Чосона также спорен. Насколько можно судить, он занимал северную часть Корейского полуострова и часть Ляодуна. Существует мнение, что первоначальный центр Древнего Чосона находился на территории Ляодуна и Ляоси, однако в начале III в. до н.э. после понесенных поражений от китайцев столица этого государства была перенесена на р. Тэдонган — в район современного Пхеньяна (именно там локализуется легендарной традицией Вангомсон — столица Чосона). Однако это не вполне согласуется с данными о перемещении границ Чосона, которые едва ли могли сдвигаться столь значительно. Вопрос осложняется тем, что название реки Пхэсу, упоминаемой в связи с границами Древнего Чосона, в разное время относилось к разным рекам на пространстве от р. Чхончхонган в Корее до рек западнее р. Ляо в Северо-Восточном Китае.

Упомянувшиеся выше даты «основания» Древнего Чосона всерьез, естественно, приниматься не могут, однако, по некоторым данным, название «Чосон» было известно в Китае еще в VII в. до н.э., из чего можно заключить, что какие-то контакты между Древним Чосоном и Китаем имели место уже в то время. Однако нет никаких свидетельств того, что в это время территория Древнего Чосона входила в состав китайских владений или того, что Древний Чосон находился в вассальной или какой-либо еще зависимости. Поэтому сообщение «Ши цзи» о том, что Чосон был пожалован около 1121 г. до н.э. в удел Ци Цзы чжоуским ваном следует отнести за счет обычных представлений китайских авторов о подвластности всей Поднебесной правителю Китая, хотя реальность исторического существования видного сановника китайской династии Инь Ци Цзы никем под сомнение не ставится.

До объединения Китая под властью династий Цинь и Хань Древний Чосон имел, по существу, отношения только с непосредственно граничившим с ним китайским царством Янь — имеется в виду период с IV в. до н.э. до разгрома царства Янь циньским войском в 222 г. до н.э. С ослаблением Чжоу, когда Янь получило возможность вести самостоятельную политику, первой жертвой его экспансии на востоке должен был оказаться Древний Чосон. Чосонский правитель, носивший титул ху (кит. хоу), понимая это, также решил вести активную внешнюю политику. Он провозгласил себя ваном и собирался начать превентивную войну против Янь под лозунгом «поддержки дома Чжоу». Однако на этот раз до военного столкновения дело не дошло. Чосонский ван направил посла в Янь, в результате чего была достигнута договоренность о

взаимном ненападении. Время описанных событий точно не известно, но, по-видимому, речь идет о последней трети IV в. до н.э.

Эти события показывают, что Древний Чосон, возможно, пытался претендовать на равенство в политическом отношении с китайскими царствами эпохи «Чжаньго» (чему, кстати, должна была служить опорой версия о происхождении чосонских правителей от Ци Цзы), тем более, что Янь, входившее в семерку основных китайских царств, было одним из самых слабых среди них. Однако, как только происходило сколько-нибудь заметное усиление Янь, оно обращало свой взор на восток. Так, после того, как Янь в составе коалиции одержало победу над царством Ци в 283 г. до н.э., яньский полководец Цинь Кай нанес поражение Чосону, в результате чего последний лишился значительных территорий к западу от Манбонхана, на которых были созданы китайские округа.

Но в 240 г. до н.э. царство Янь само оказалось под угрозой гибели, и в это время Чосон, возможно, вернул себе западные земли. В 222 г. до н.э. Янь пало под ударами царства Цинь, и чосонские земли, очевидно, перешли под контроль последнего. Более того, после постройки Великой стены циньские войска, перейдя р. Пхэйшуй (кор. Пхэсу), вновь нанесли поражение Древнему Чосону и, очевидно, захватили еще часть его территории. По другим сведениям, чосонский ван Пу под угрозой нашествия сам признал себя вассалом Цинь.

Как только в Китае после смерти Цинь Ши-хуана началась внутренняя война, в 209 г. до н.э. Чосон перешел в наступление и захватил восточные земли Янь (одно из владений, созданных на территории бывшего царства Янь). Однако после объединения Китая под властью династии Хань, граница между ним и Древним Чосоном была установлена по р. Пхэсу.

Правивший в Чосоне на рубеже III—II вв. до н.э. ван Чун охотно принимал и селил на своей территории беженцев из Китая, которые были носителями более высокой китайской культуры и соответствующих технологических знаний. В 195 г. до н.э. в страну прибыл из Китая во главе группы таких эмигрантов некто Вэй Мань (кор. Ви Ман). Ему было доверено управление западными чосонскими землями, которые были в основном населены китайскими эмигрантами. Однако уже в следующем, 194 г. до н.э. Ви Ман поднял мятеж и захватил власть в Чосоне, основав новую династию. Ван Чун бежал на юг Корейского полуострова.

2. Основные этапы истории Древнего Чосона

С начала II века до н.э. между Китаем и Древним Чосоном установились мирные отношения на основе формального вассалитета, причем соглашение об этом сначала было заключено с Чосоном китайским правителем Ляодуна и лишь затем санкционировано императором. Соглашением оговаривалось, что Чосон обязывается охранять пограничные земли Китая от набегов варвар-

ских племен, но в то же время не должен препятствовать свободному сношению вождей этих племен с Китаем. Между тем, целый ряд окрестных племен — чинбон, имдун, окчо и других при Ви Мане был чосонцами покорен и обложен данью.

В 128 г. произошел инспирированный китайцами мятеж одного из местных чосонских правителей — Намнэ, в результате которого земли Намнэ были отделены от Чосона и перешли к Китаю, получив название округа Цанхай (кор. Чханхэ), хотя через три года этот округ пришлось упразднить. В результате попытки китайцев отторгнуть часть чосонских земель отношения Чосона с Китаем резко обострились. Правивший в это время в Чосоне ван Уго (внук Ви Мана) не только ни разу не являлся ко двору императора, но пресекал всякие попытки связи с Китаем соседних племен, а также принимал много китайских беженцев.

Таким образом, соглашение о вассалитете практически не выполнялось. Китайский император Уди в 109 г. до н.э. направил в Чосон посла Шэ Хэ с целью восстановить соглашение. Однако домогательства китайцев ваном Уго были отвергнуты. Тогда китайцы решили спровоцировать конфликт. На обратном пути, достигнув границы у р. Пхэсу, Шэ Хэ вероломно убил начальника чосонского эскорта Чана (в награду за что был назначен императором правителем Ляодуна). Возмущенный Уго тут же направил отряд войск в поход на Ляодун и расправился с Шэ Хэ. Таким образом, повод для войны был создан.

Империя Хань находилась тогда в зените своего могущества, и противостоять ей было практически невозможно. Осенью того же года воинственный император Уди двинул на Чосон большую армию (более чем в 50 тыс. человек), однако после ряда поражений он решил направить к Уго посла. Уго принял мирные предложения и в знак доброй воли передал китайцам 5 тыс. лошадей и военное снаряжение, а также отправил наследника к китайскому двору. Но из-за инцидента на пограничной р. Пхэсу, когда направившийся в Китай наследник заподозрил угрозу со стороны китайских полководцев, мирные переговоры были прерваны. В 108 г. до н.э. военные действия возобновились, и китайские войска осадили столицу Чосона — Вангомсон. В ходе осады чосонский ван Уго был убит в результате раскола в среде правящих кругов. Возглавившего после него оборону Сонги постигла та же участь, и в конце концов столица пала. На территории Древнего Чосона были образованы четыре китайских округа: Чэньфань (кор. Чинбон), Лолан (кор. Аннан), Сюаньгу (кор. Хэнтхо) и Пинтунь (кор. Имдун).

С Древним Чосоном обычно связывают распространенную в начале — середине I тыс. до н.э. на территории Маньчжурии культуру бронзы, характеризующуюся короткими мечами скрипообразной формы. Если это действительно так, то следует признать, что технология производства в Древнем Чосоне находилась на весьма высоком уровне, не уступающем китайскому. Изделия,

принадлежащие этой культуре, предполагают специализацию ремесла и высокую профессиональную подготовку мастеров. В поздний период истории Древнего Чосона получили распространение орудия из железа, изготовленные путем как литья, так иковки. Основой экономики Древнего Чосона было, по-видимому, земледелие — выращивание конопли, проса, ячменя, пшеницы и других культур. Развито было также коневодство, хотя оно и не имело значительного веса в структуре сельского хозяйства.

О социальном строе Древнего Чосона сведения практически отсутствуют, и судить о нем можно только по косвенным данным, да и то весьма немногочисленным. Во всяком случае несомненно, что существовала наследственная власть монарха — вана, имевшего постоянную резиденцию в столичном городе Вангомсоне. Существовал ряд других городов и крепостей. О государственном аппарате Древнего Чосона судить трудно, скорее всего — по причине его отсутствия. Известны некоторые термины, которые могут быть истолкованы как свидетельство существования госаппарата, но и только. Опыт изучения развития госаппарата в тех государствах, для которых имеется по этому вопросу множество фактов, позволяющих составить полную картину этого процесса (например, Силла), свидетельствует о том, что в данном случае речь идет лишь о зачатках госаппарата, лишь о самых ранних стадиях его формирования.

Обратимся к известным терминам. Во-первых, это тэбу и пакса. Первый из них означает, скорее всего, главного министра (подобно тому, чем был тэбо в Силла в I в. н.э., когда никакого госаппарата там еще не существовало) или главного советника. Второй может означать нечто вроде наставника при ванае (вообще должность пакса известна в учебно-научных учреждениях средневековой Кореи, но занимавший ее имел довольно низкий ранг). Известен также термин чангун, но он обозначает вообще всякого полководца, и им китайские авторы могли называть любых лиц, причастных к руководству сколько-нибудь крупными военными отрядами (в Силла и Корё существовали должности тэ-чангун, сан-чангун и хачангун, но там они были строго определенными должностями с регламентированными штатами и чинами). Встречающиеся термины егун, тэсин, сан могут обозначать, в принципе, что угодно — от аристократических титулов и почетных званий до названий лиц, являющихся главами племен или родов, но менее всего они похожи на названия должностей. Таким образом, ни один из встречающихся терминов, обозначающих начальствовавших лиц, не может сам по себе свидетельствовать о наличии сколько-нибудь зрелого аппарата управления. Подобные названия характерны для начального этапа складывания госаппарата, когда уже есть должности (прежде всего высшие), но нет системы должностей, то есть госаппарата, и управление является пока как бы нерасчлененным, что находит свое выражение в нерасчлененности функций должностных лиц.

В Древнем Чосоне существовал кодекс из восьми так называемых запретительных статей, введение которого приписывается Килжа. Из этих статей до нас дошло содержание лишь трех. Совершенно первой из них, убийство каралось смертной казнью. Во второй говорилось о компенсации зерном за причинение телесных повреждений, а в третьей — наказании за воровство. Как следует из этой статьи, человек, совершивший кражу, должен стать рабом того дома, где она совершена. Семья его тоже, по-видимому, обращалась в рабство. При этом, однако, за обращенным в рабство за кражу сохранялось право выкупа за значительную сумму.

Существование подобных статей свидетельствует о стремлении правителей защищать безопасность личности и имущества подданного населения, но вряд ли стоит переоценивать их значение (тем более, что ничего не известно о применении всех этих мер ответственности). Кроме того, учитывая, что за изложением содержания статей в китайской летописи («Хань шу») следует фраза о том, что в результате введения этих законов население Чосона стало весьма нравственно, в частности, исчезло воровство, можно вообще усомниться в реальном действии кодекса. Возможно, целью автора было прославление цивилизаторской миссии Китая.

О семейных отношениях также ничего не известно. Если принимать всерьез сообщения, о которых говорилось выше, можно предположить, что среди остальных пяти статей была и статья, регулирующая семейные отношения, поскольку после слов об отсутствии воровства говорится о том, что жены были верными и добродетельными.

В целом Древний Чосон был, по-видимому, раннегосударственным образованием с зачатками аппарата управления и государственно-правовых норм. В нем существовали наследственная монархическая власть, социальное неравенство, возможно — торжные отношения (на предполагаемой территории Древнего Чосона найдено несколько кладов с китайскими монетами; видимо, они имели хождение среди населения страны за отсутствием собственных денег), хотя о развитых товарно-денежных отношениях говорить не приходится.

3. Корейские племена после падения Древнего Чосона

После падения Древнего Чосона корейские племена, лишенные своей государственности, оказались отброшены назад в своем социально-политическом развитии, очутившись на более низкой, по сравнению с временами Древнего Чосона, стадии политической организации. Их примерная локализация и образ жизни известны по «описаниям восточных варваров» китайских династийных историй, в первую очередь составленной в III в. «Саньго чжи».

В то время на Корейском полуострове и на прилегающих к нему с севера территориях существовал ряд политических объединений, возникавших на племенной основе. На самом севере (в районе современного Чанчуня) располагалось Пуе, занимая довольно значительную территорию (протяженность ее оценивалась китайцами в 2 тыс ли, а население составляло до 80 тыс дворов), к югу от него, на территории такой же протяженности — родственное пуесцам, но обособившееся от них Когуре (30 тыс дворов). К востоку от Когуре, вдоль побережья Японского моря, — Восточное Окчо (5 тыс дворов на пространстве 1 тыс ли) и Восточное Е (20 тыс дворов). Севернее Восточного Окчо находилось Северное Окчо, а к югу от Восточного Е уже находились земли «трех хан».

Объединения возглавлялись правителями-ванами, в недалеком прошлом — военными вождями. Однако власть вана не обязательно передавалась по наследству, более того, он мог быть смещен, например, если случались тяжелые стихийные хронические неурожай и т.д., за которые он, как считалось, нес личную ответственность. Ван выполнял, очевидно, и функции верховного жреца. В структуре власти имелись еще заметные пережитки родового строя, в частности, существовало народное собрание (в Пуе таковое именовалось энго, в Когуре — тонмэн), в ведении которого находились некоторые судебные дела. Однако оно функционировало обычно в дни больших праздников и в непосредственном управлении не играло большой роли. Ван выдвигался верхушкой аристократии того рода (общины, племенной группы), которому принадлежала в данный момент ведущая роль в политическом образовании. Степень централизации была в ряде случаев (например, в Пуе) невелика.

Высший слой общества составляла аристократия (у пуесцев и когуресцев аристократы обозначались термином «га» с добавлением названий различных домашних животных). Аристократия представляла собой членов правящего рода либо вождей и старейшин других родов и общин, входивших в данное объединение. Аристократы выполняли и все функции управления отдельными районами (территориями расселения входящих в союз племенных групп), среди аристократии существовала иерархия по служебному принципу. Простой народ именовался «хахо» («низшие дворы») и обеспечивал правящий слой продовольствием и предметами обихода. В самом низу социальной лестницы стояли рабы, прослойка которых формировалась из обращенных в рабство преступников и, возможно, военнопленных. В области семейно-брачных отношений пережитки первобытных форм были, видимо, наиболее сильны. Даже у когуресцев существовали какие-то пережитки группового брака, существовал и обычай левирата.

Положение Окчо и Е было специфичным в том плане, что эти племенные объединения, во-первых, не имели единого верховного правителя, а во-вторых, находились в зависимости от Когуре. Старейшины и вожди окчоских и еских общин носили китайские титулы хоу (кор ху) и в ряде случаев самостоятельно сносились с Китаем. Общественно-политическое устройство Окчо и Е было более

примитивным, чем Пуе и Когуре. Форма их эксплуатации ресурсами была даннической.

К югу от р. Ханган существовали еще три племенных объединения, занимая всю остальную часть Корейского полуострова: Махан (западное побережье), Чинхан (восточное побережье, до границ Енн на севере) и Пенхан, или Пенджин (к югу от Чинхана). В общей сложности они занимали пространство в 4 тыс. ли. Махан включал в себя 54 родо-племенные единицы или общины (от нескольких сот до более 10 тыс. дворов в каждой — в общей сложности более 100 тыс.), Чинхан — 12 и Пенхан — 12 (или 13). В китайских источниках все такие образования называются государствами, однако государственная организация в них находилась в это время еще в стадии своего возникновения. По сообщению китайских летописей в древности все они составляли «государство Чин», причем и в первых веках нашей эры «чинского вана», правившего государством Мокчи (или Вольджи) выдвигал Махан. При этом 12 пенджинских общин считались зависимыми от чинского вана, а остальные имели общего правителя. Махан, Чинхан и Пенхан были, возможно, не столько политическими единицами, сколько общими названиями для более или менее родственных по происхождению общин.

В Махане китайские авторы отмечают отсутствие укрепленных городов, тогда как в Чинхане и Пенхане таковые имелись. Те из общин «трех хан», которые имели более или менее тесные связи с Китаем, быстрее шли по пути создания государственности. Во всяком случае, прослойка лиц, причастных к управлению и стремящихся приблизиться к китайской культуре, была уже заметной. Эти люди носили соответствующие одеяния и пользовались в быту различными предметами, произведенными в китайских округах, в том числе и печатями.

На рубеже и в первые века нашей эры в наиболее развитых из существовавших на Корейском полуострове политических образованиях шло формирование государственности. Традиционные даты образования трех корейских государств — Когуре, Пэкче и Силла, относящиеся к середине — второй половине I в. до н.э., были, несомненно, связаны с реальными политическими событиями, однако о существовании там государств в современном понимании этого слова говорить вряд ли можно.

Общей чертой в образовании трех корейских государств было то, что все они сложились на общинной основе, т.е. путем объединения родственных общин-пу, одна из которых имела или постепенно приобретала господствующее положение. Такая община присваивала себе право выдвигать из своей среды вана.

В конце II — первой половине I в. до н.э. практически все корейские племена, за исключением юга полуострова, жили на территории названных выше четырех китайских округов, образованных на месте уничтоженного Древнего Чосона. Точная локализация китайских округов до сих пор вызывает споры, тем более, что в источниках она сколько-нибудь определенно не прописана. Совершенно ясно, однако, что их территория выходила далеко за

пределы полуострова — как и бывшая территория Древнего Чосона. Существует мнение, что округ Сюаньту (Хёнтхо) находился на территории нынешней провинции Северная Хамгён с прилегающими маньчжурскими землями и части Южной Пхёнан (в состав этого округа первоначально вошли когурёсцы и окчосцы), Линтунь (Имдун) — провинции Канвон и части Южной Хамгён, а Аннан — на территории современных провинций Пхёнан и Хванхэ. Однако известно, что округ Чэньфань (Чинбон) находился к югу от Аннана, следовательно, самый южный из округов занимал, по-видимому, западную часть середины Корейского полуострова, а округ Аннан едва ли мог включать провинцию Хванхэ.

Округ Лолан (Аннан) был основным центром китайского влияния в Южной Маньчжурии и на полуострове. Центром его был Чаосяньский уезд, который находился, как считают, на месте бывшей столицы Древнего Чосона Вангомсона, то есть в районе Пхеньяна. Этот форпост Китая на полуострове сыграл большую роль в деле приобщения верхушки корейских племен к китайской культуре и формированию у них государственности. Однако процесс формирования государственности у корейских племен был неразрывно связан как раз с борьбой против китайских округов, в ходе которой они и обрели независимость. В результате напора корейских племен китайцам пришлось пересматривать административное деление: в 86 г. до н.э. часть территории округа Сюаньту была разделена между округом Лолан (сюда вошли территории обитания окчосцев, есцев и мэкцев) и вновь созданным специальным управлением землями к востоку от него (прекратившим существование около 22—23 гг.), а два из четырех округов — Чэньфань и Линтунь в 82 г. до н.э. пришлось вовсе упразднить. (В 206 г. китайцы восстановили бывшее восточное управление в виде округа Дайфан (кор. Тэбан), просуществовавшего до 313 г.)

Территория округа Лолан стала местом консолидации когурёских племен и создания на этой основе одного из трех раннесредневековых корейских государств — Когурё.

Глава III

ГОСУДАРСТВО КОГУРЁ

1. Основание и развитие государства Когурё

Когурёсцы представляли собой часть маньчжурско-протокорейской общности, известной под наименованием емэк. Выделение племенной группы курё (которая позже стала известна под названием когурё) относится, по-видимому, к концу II в. до н.э. Ядром этой племенной группы были пять более мелких групп (родов, общин или вожеств), которые известны в источниках как ку: Керубу, Сонобу, Кваннобу, Суннобу и Чоллобу.

Основание государства Когурё приписывается традицией некоему Чумону (Тонмёну), сыну Небесного царя и дочери речного божества, который был воспитан ваном Северного Пуё, но, вывав своими сверхъестественными способностями зависть других сыновей вана, вынужден был бежать на юг, где в 37 г. до н.э. и основал государство. Эта дата примерно соответствует времени, когда Керубу установило гегемонию над большинством когурёских общин долины Амноккана и стало выдвигать из своей среды правителей. Историчность Чумона, несмотря на «чудесные» обстоятельства его рождения, полностью исключать нельзя. Во всяком случае, легенда о приходе Чумона с севера отражает представления о родстве когурёсцев (особенно знати Керубу) с пуёсцами.

Чумону (Тонмёну) наследовал его сын, ван Юри (19 г. до н.э. — 18 г. н.э.*), при котором в 3 г. до н.э. столица была перенесена в Куннэсон. Представители династии Чумона оставались на троне до самого конца существования государственности Когурё. Порядок престолонаследия с самого начала был установлен достаточно определенный — власть передавалась от отца к старшему сыну и лишь в случае бездетности или крайнего малолетства наследника престол переходил к брату. Все случаи, когда порядок этот нарушался, были связаны с переворотами и борьбой за власть. В общей сложности 16 раз престол переходил к сыну покойного вана, 7 раз к брату и только 4 раза к племянникам и двоюродному брату.

В это время Когурё продолжало оставаться в зависимости от Китая. Когда в 12 г. н.э. когурёсцы отказались по приказу китайского правителя Ван Мана выступить против кочевников-сюнну (по-видимому, и столкновение Когурё с сяньбйцами, описанное

* Здесь и далее после имени вана указываются годы его правления

под 9 г. до н.э., было связано с войной против них Китая), тот понизил титул когурёского правителя (вместо вана — ху). После того, как Когурё освободилось от китайского господства, оно стало совершать набеги на китайские владения. Это произошло в период правления третьего вана — Тэмусина (18—44). Очевидно, в ответ на это в 28 г. в страну вторглась огромная китайская армия из Ляодуна, но когурёсцам удалось отбиться, а в 32 г. китайцы вновь признали за когурёским правителем титул вана.

Отношения с Пуё первое время существования Когурё были весьма непростыми. Пуёсцы требовали от Когурё признания своей вассальной зависимости (таковая выражалась, в частности, в требовании пребывания наследника престола Когурё в заложниках при пуёском дворе). На этой почве между Пуё и Когурё происходили столкновения.

Уже к этому времени Когурё подчиняет себе целый ряд окрестных протогосударственных образований: Хэнин (32 г. до н.э.), Северное Окчо (28 г. до н.э.), Янмэк (14 г.), Кэма и Кудэ (26 г.) и превращается в довольно сильное образование.

В 53 г. ваном становится Тхэджо (Основатель). Его правление было важным этапом в истории страны. Действительно, при нем Когурё значительно расширяет свои пределы, покорив в 56 г. Восточное Окчо и выйдя к Японскому морю, в 72 г. — Чона и в 74 г. — Чуна.

В 146 г. Тхэджо, достигнув преклонного возраста, передал власть своему брату (ван Чхадэ, 146—165), причем это отречение произошло под сильным давлением и угрозой переворота. Новый ван немедленно приступил к укреплению своей власти, казня и увольняя высших сановников и заменяя их своими друзьями, а в 148 г. не остановился и перед уничтожением племянников (старший сын вана Тхэджо Манык был убит, а младший Макток повесился). В конце концов против снискавшего ненависть многих вана был составлен заговор во главе с Мёним Даппу, и в 165 г. Чхадэ был убит. Сын убитого был признан «недостойным», устранен от наследования и бежал, а на престол вззошел самый младший брат вана Тхэджо, который последнее время, опасаясь расправы, был вынужден скрываться в горах.

При ване Синдэ (165—179) Мёним Даппу до своей смерти в 179 г. стоял во главе правительства. В 168 г. Когурё подверглось нападению со стороны китайцев из округа Сюаньту, причем речь даже шла о включении Когурё в состав этого китайского округа, однако в 172 г., при новом нападении китайцев, после упорной обороны крепости Ёнсон когурёсцы разбили их в районе Чжавона. Следующий ван — Когукчхон (179—197) в 184 г. там же одержал победу над вторгнувшимися китайскими войсками из округа Ляодун. Осенью 190 г. власть в стране была фактически узурпирована сановниками из числа родственников жены вана — Обирю и Чвагарё, опиравшимися на могущественный род Ённа. В ответ на попытку ограничить их произвол они подняли мятеж и летом следующего года осадили столицу, но были разбиты оставшимися верны-

ми вану столичными войсками. В 194 г. страну постиг голод, а в 197 г. в результате внутренних смут в империи Хань, в страну хлынул поток китайских эмигрантов.

После смерти бездетного вана Синдэ на престол при поддержке его вдовы вззошел младший брат покойного (вскоре на ней женившийся). Обойденный средний брат Пальги осадил со своей дружиной дворец, но, никем более не поддержанный, бежал в Ляодун и попытался отбить престол при помощи китайских войск, однако был разбит и покончил жизнь самоубийством. При вана Сансане (197—227) столица Когурё была в 212 г. перенесена в построенную (возможно, отстроенную заново после землетрясения) в 198 г. крепость Хвандо.

Начало III в. было ознаменовано падением империи Хань и наступлением эпохи Троецарствия. Когурё в этой ситуации решил ориентироваться на образовавшееся на севере Китая в 220 г. государство Вэй — своего непосредственного соседа. Когда в начале 236 г. в страну прибыл для установления мирных отношений посол соперничавшего с Вэй юго-восточного царства У, правивший тогда ван Тончхон (227—248) отослал его голову к вэйскому двору, а в следующем году в Вэй направилось и когурёское посольство; в 238 г. Когурё посылало в Вэй отряд в 1000 воинов на помощь в подавлении мятежа Гунсунь Юаня. Однако затем отношения испортились, и в 242 г. когурёсцы нападают на ляодунский город Сианьпин. В ответ осенью 246 г. вэйские войска во главе с Гуанью Цзянем вторгаются в страну со стороны округа Сюаньту. Ван, возглавив 20-тысячную армию, одержал над ними победу у р. Пиррюсу и в ущелье Янмэк, но затем сам потерпел сокрушительное поражение, потеряв более 18 тыс. человек. После этого китайцы осенью того же года взяли столицу, учинив там резню, и стали преследовать вана, бежавшего в Южное Окчо. Затем, после смерти вэйского полководца и, очевидно, действий когурёских войск, китайцы покинули страну, отступив через округ Лолан. В ходе этой военной кампании вэйские войска прошли через всю страну, и именно этому факту мы обязаны появлением сведений о корейских племенах в «Саньго чжи». После войны разрушенный Хвандо невозможно было быстро отстроить, и столица государства была в 247 г. перенесена в Пхеньян (существует мнение, что это — город с тем же названием, что и более поздняя столица Когурё, но находившийся на р. Амноккан).

К этому же времени относятся и первые контакты Когурё с государством Силла (в 245 г. когурёские войска были отправлены для нападения на северную границу Силла, а в 248 г. оттуда прибыл посол с предложением мира). В конце 259 г., уже при следующем вана — Чунчхоне (248—270) Когурё вновь подверглось нападению вэйских войск, но одержало над ними победу в ущелье Янмэк. Вступление на престол Чунчхона прошло небезболезненно, судя по тому, что через два месяца после этого был казнен его

младший брат Емуть с Сагу и другими сторонниками, якобы замыслившими мятеж.

К началу IV в. н.э. международная ситуация на Дальнем Востоке резко изменилась. Север Китая оказался во власти кочевых варварских племен, создававших там свои государства. Территория у границ Когурё оказалась во власти сяньбийцев из рода Муюнов, создавших в 307 г. государство Раннее Янь (Когурё подверглось нападению войск Муюнов еще в 293 и 296 гг.). Тем не менее, в первые два десятилетия IV в. когурёсцы активно действовали против китайских округов.

Что касается Пуё, то отношения с ним у Когурё были весьма прохладные (лишь в 105 г. зафиксирован факт прибытия пуёского посла). Однако после сяньбийского нашествия на Пуё в 346 г. последнее не смогло оправиться, его южные территории стали переходить под контроль Когурё, а вскоре под ударами сяньбийцев Пуё вообще исчезло с политической карты, а клан ее правителей перебрался в Когурё (в летописи этот факт отнесен, правда, к 494 г.).

В 369 г. Когурё впервые сталкивается с Пэкче: напавшее на южного соседа 20-тысячное войско когурёсцев было разбито при Чхияне. В 371 г. пэкческий ван во главе 30 тыс. воинов осадил Пхеньян, и ван Когуквон погиб в сражении. При ванах Сосуриме (371—384) и Когугяне (384—192) противостояние с Пэкче продолжилось.

В 370 г. муюнское Раннее Янь в Китае пало и было поглощено Ранним Цинь (государством, созданным племенами ди), с которым Когурё в 372 г. обменялось посольствами (еще одно посольство было отправлено туда из Когурё в 377 г.). Однако в 384 г. при крахе Раннего Цинь на месте Раннего Янь возникло созданное теми же Муюнами государство Позднее Янь, с которым у Когурё немедленно возник конфликт. Летом 385 г. когурёсцы захватили Ляодун и Сюаньту, взяв 10 тыс. пленных, однако зимой Муюны отбили оба округа.

В 392 г. на престол Когурё вступает знаменитый ван Квангэтхо (392—413), вполне оправдавший свое посмертное имя — «Расширитель земель». Уже в лето он нападает на Пэкче, захватив 10 городов, осенью совершает поход на киданей, отбив 10 тыс. пленных когурёсцев, а затем после 20-дневного штурма овладевает неприступной пэкческой крепостью Кванмисон. В 393 и 394 гг. были отражены нападения пэкчесцев на южной границе (после чего там построено 7 крепостей), а в 395 г. Квангэтхо наголову разбил их на р. Пхэсу, взяв 8 тыс. пленных.

Продолжались и войны с Поздним Янь. В 400 г., несмотря на мирное когурёское посольство, 30-тысячная армия Муюнов захватила крепости Синсон и Намсо, угнав более 5 тыс. семей, в ответ на что Квангэтхо совершал походы в глубину территории Янь в 402 и 404 гг.; в 405 г. было отражено нападения яньцев на крепость Ляодун, а в 406 г. — на крепость Мокчосон, на которую те напали, возвращаясь из неудачного похода против киданей. В 408 г. Когурё обменялось дружественными посольствами с китайским царством Северное Янь (в следующем году уничтожившим Позднее Янь).

В начале V в. власть в Когурё наследует ван Чансу (413—491), и время его правления становится временем наибольшего расцвета Когурё. В 427 г. его столица была перенесена в Пхеньян (на р. Тэдонган). До самого конца V в. отмечены лишь два нападения соседей — оба раза незначительные пограничные набеги: в 440 г. со стороны Силла (причем тут же последовало посольство с извинениями) и в 469 г. со стороны Пэкче. Зато когурёсцы неоднократно совершали нападения на них. Так Пэкче потерпело в 475 г. одно из самых больших поражений в своей истории: войско когурёсцев (30 тыс. человек) взяло тогда пэкческую столицу, убило вана и увело 8 тыс. пленных. В последующий период продолжается острое противостояние Когурё со своими южными соседями, хотя борьба ведется со все более переменным успехом, когурёсцы уже не имеют явного преимущества перед своими противниками.

В V—VI вв. в период Северных и Южных династий в Китае весьма важное место во внешней политике Когурё занимали отношения с китайскими государствами. На протяжении почти двух столетий Когурё ни разу не воевало ни с одним из китайских государств, сменявших друг друга на Севере и Юге. Общая модель взаимоотношений с ними сводилась к тому, что императоры и южных, и северных династий при первых дипломатических контактах присваивали правителям Когурё определенный набор китайских титулов и почетных званий и «утверждали» их в качестве вассалов Когурё, так что последние получали инвеституру от одновременно существовавших китайских государств. Такая формула подразумевала признание Когурё вассальной зависимости от китайских царств (она включала и отправку регулярных посольств с символической данью), но никакой реальной зависимости, конечно, не предполагала; не существует и свидетельств вмешательства китайцев во внутренние дела Когурё.

Первостепенное место занимали, разумеется, контакты с империями Севера — непосредственными соседями Когурё. Отношения с империей Северная Вэй были установлены в 435 г., когда туда были отправлены два посольства. Правда, в следующем году отношения едва не были испорчены тем, что когурёские отряды способствовали бегству разгромленного вэйцами правителя Северной Янь, с которым у Когурё были дружественные отношения, однако до столкновения дело не дошло. Когурёские посольства направлялись в Вэй в 437—534 гг. в общей сложности 72 раза, причем в некоторые годы отправлялось по 2 посольства.

Менее регулярными и интенсивными были связи Когурё с чисто китайскими империями, сменявшими друг друга на юге, однако и с ними оно неизменно старалось поддерживать отношения, несмотря на то, что рисковало испортить отношения с Вэй (именно такой случай имел место в 480 г., когда когурёское посольство в Южное Ци было перехвачено вэйцами). Ситуация изменилась после того, как Китай был объединен под властью ос-

нованной в 581 г. империи Суй. При ванах Пхёнвоне (559—590) и Ёнъяне (590—618) отношения с ней Когурё почти два десятилетия оставались мирными. Суйский император, как и другие, присвоил вану китайские титулы, хотя в 590 г. и выразил недовольство дружбой Когурё с уничтоженной им Чэнь. Когурёские посольства отправлялись в Суй в 581—600 гг. 13 раз. Однако в начале 598 г. ван Ёнъян, призвав на помощь 10 тыс. мохэ, напал на китайские владения на Ляодуне, что повлекло за собой цепь кровопролитных войн.

Император Вэньди летом того же года лишил вана всех титулов и бросил на Когурё 300-тысячную армию и флот. Однако в сухопутных войсках вспыхнула эпидемия, к тому же из-за проливных дождей стал невозможен подвоз провианта, а флот был разметан бурей, и китайские войска вернулись, потеряв до 80—90% своей численности. Когурёский ван, впрочем, поспешил прислать посла с извинениями, и конфликт на время был, казалось, исчерпан, так что когда Пэкче предложило было свою помощь против Когурё, император отказался, а когурёсцы за это разорили пэкчское пограничье.

Между тем, суйский Китай не смирился с поражением и весной 611 г. объявил поход на Когурё. В начале следующего года для похода были собраны огромные силы. Когурёсцы встретили суйские войска на р. Ляо, но потерпели поражение, потеряв до 10 тыс. человек. Летом когурёсцы упорно оборонялись в крепостях. В полевом бою они вновь потерпели поражение от передовых частей китайцев недалеко от Пхеньяна, однако в сражении под стенами города китайцы были разбиты и отошли к морю. Основные силы китайцев, двигаясь по нескольким дорогам, собрались к западу от р. Амноккан, затем, одержав ряд побед в небольших боях и преследуя отступающие когурёские войска, дошли до Пхеньяна. Однако к этому времени они были совершенно измотаны (к тому же введенные в заблуждение когурёским полководцем Ыльчи Мундоком относительно готовности вана покориться в случае вывода из страны китайских войск) и поэтому решили отступить. Однако при отступлении подверглись атакам когурёсцев, особенно при переправе через р. Сальсу, и понесли огромные потери (в общей сложности из 300-тысячной армии на Ляодун вернулось, будто бы, 2,7 тыс.). Результатом похода (несоизмеримым с потерями и затратами материальных средств) стал лишь захват одного из когурёских округов к западу от р. Ляохэ, где китайцами была построена крепость Тундин.

Летом 613 г. суйские войска во главе с самим императором Янди вновь выступили против Когурё. Когурёсцы упорно обороняли крепости Синсон и Ёдон (Ляодун). Последнюю китайцы безуспешно штурмовали около месяца, но, несмотря на огромные потери с обеих сторон, взять не смогли. Получив известие о мятеже Ян Сюаньганя, Янди решил прекратить поход. Когурёсцы, настигнув китайский арьергард при переправе через р. Ляохэ, на-

несли ему большие потери. Осенью 614 г. Янди начал новый поход, однако из-за начавшейся смуты в Китае большинство войск не прибыло. Тем не менее, китайские войска, взяв крепость Писа, двинулись на Пхеньян. Тогда ван Ёнъян запросил мира, и Янди, которому продолжение войны было в сложившейся ситуации крайне нежелательно, отвел войска. Требованию прибыть ко двору императора когурёский ван, впрочем, не подчинился, однако империя Суй сама уже стояла на краю гибели, и новый поход на Когурё не состоялся.

Брату Ёнъяна, вану Ённю (618—642) пришлось уже иметь дело с империей Тан, с которой у него сложились мирные отношения; за годы его правления отмечено 12 когурёских посольств в Тан, и 4 танских посольства в Когурё. Однако в его царствование обострились отношения с Силла: в 629 г. силласцы разрушили крепость Нанби, а в 638 г. когурёсцы напали на крепость Чхильджун, но в бою под ней потерпели поражение.

Зимой 642 г. в Когурё произошел государственный переворот, в ходе которого ван был убит одним из сановников — Ён Гэсомун, который возвел на престол малолетнего племянника покойного (ван Поджан, 642—668). При этом реальная власть все время находилась в руках Ён Гэсомуна, получившего титул манниджи (покомандующего). Этим событием начался последний этап истории Когурё. В 643—644 гг. между Когурё и Тан состоялся мирный договор с посольствами, но вопрос о войне уже был решен, тем не менее, что в 644 г. Гэсомун напал на Силла, разрушив две крепости Ую, а также факт убийства им вана Ённю, и послужило поводом к войне. Для похода на Когурё было собрано две армии: Пхеньянская (40 тыс. человек) и Ляодунская (60 тыс. человек).

В начале 645 г. они выступили в поход и летом достигли пределов Когурё. Китайские войска, переправившись через р. Ляохэ, нанесли когурёсцам поражение у крепости Конан и взяли крепость Кэмо, а морские силы — крепость Писа. Затем 40-тысячная морская армия потерпела тяжелое поражение при попытке деблокировать Ёдон (Ляодун), а сама крепость пала после двухнедельного штурма (там погибло более 10 тыс. человек и 50 тыс. попали в плен). Вскоре та же участь постигла крепость Пэгам, после чего китайская армия во главе с императором Тай-цзуном осадила крепость Анси. На помощь ей подошли войска правителей Северных и Южной областей Ко Ён Су и Ко Хе Джина, а также 10 тыс. (цифра наверняка преувеличена) мохэ. В завязавшемся сражении когурёсцы потерпели полное поражение, оставив более 10 тыс. убитых, а 36,8 тыс. во главе с обоими полководцами казнили и захватили в плен. Исход кампании решила героическая оборона Анси, которая выстояла, несмотря на многочисленные штурмы. Потерпев неудачу, китайцы отступили. Однако эта война дорого обошлась Когурё: помимо потерь убитыми (в общей сложности не менее 50 тыс. человек) было разрушено 10 крепостей, а 70 тыс. человек угнано в Китай.

В 647 г. танские войска вновь выступили против Когурё. Армия Ли Шицзи, переправившись через р. Ляохэ, разрушила Намсо и ряд других крепостей, после чего вернулась, а войска Нью Цзинда и Ли Хайаня, после более 100 стычек с когурёсцами взяли Соксон и разгромили 10-тысячную армию Когурё под Чокни (убив более 3 тыс. человек). Летом 648 г. китайский полководец Гу Шэньгань, высадившись с моря, разбил 5 тыс. когурёсцев у Эксана, другой отряд когурёсцев в 10 тыс. человек был разбит тогда же при попытке уничтожить китайские десантные суда. Осенью того же года китайские войска высадились в устье Амноккана у крепости Пакчак. Хотя ее начальник Со Бусон, выступивший против китайцев с 10-тысячным гарнизоном, потерпел поражение, а также была рассеяна и пришедшая на помощь более чем 30-тысячная армия Ко Муна, но саму крепость китайцам взять не удалось. Отметим, что китайцы продолжали военные действия, несмотря на то, что в 646—648 гг. когурёсцы ежегодно направляли в Тан посольства с просьбой о «прощении». В 649 г. император Тай-цзун умер, завещав прекратить походы на Когурё.

После небольшой передышки когурёсцы зимой 654 г. вместе с мохэ пытались напасть на киданей, но были разбиты китайскими войсками у Синсона. В 655 г. когурёсцы вместе с мохэ и пэкчесцами захватили 33 силлаские крепости, в ответ на что китайские войска вторглись в Когурё, разбили когурёсцев у р. Квидан и сожгли ряд поселений. Несмотря на напряженные отношения с Тан, к императорскому двору в 652 и 656 гг. были отправлены обычные когурёские посольства.

Летом 658 г. китайские пограничные войска вторгаются в Когурё, зимой 659 г. китайский полководец Сюэ Жэньгуй разбивает в Хвансане когурёское войско Он Самуна, а в 660 г. на Когурё двинулись 4 китайских армии.

В 666 г. Когурё направляет в Тан посольство во главе с наследником престола. В том же году умирает фактический правитель Когурё Ён Гэсомун, которого на посту манниджи сменяет его старший сын Ён Нам Сэн. Однако два других сына Ён Гэсомуна — Ён Нам Гон и Ён Нам Сан в результате интриг решают выступить против Нам Сэна (совершавшего инспекционную поездку по крепостям) и ванским указом пытаются вызвать его в столицу. Когда это не удается, Ён Нам Гон объявляет себя манниджи и отправляет войско против Ён Нам Сэна, укрывшегося в Кукнэсоне, но тот бежит в Китай и просит императора о помощи.

Эти события послужили императору Гао-цзуну предлогом для новой большой войны против Когурё. В 667 г. китайские войска начали поход, захватив сдавшийся вследствие измены Синсон, вслед за которым пало еще 15 крепостей. В 668 г. пала крепость Пуё, центр одноименной области, затем сдались и все другие ее крепости (более 40). Посланное для деблокады Пуё 50-тысячное

когурёское войско потерпело поражение у р. Сольха, потеряв более 30 тыс. человек, после чего китайцы под командованием Ли Цзи взяли крепость Тэхэн. Осенью когурёсцам, опиравшимся на укрепления вдоль Амноккана, было нанесено еще одно поражение, после чего китайские армии с разных направлений сошлись в Пхеньяну.

Так пало государство Когурё. На его территории, где находилось тогда 176 городов и более 990 тыс. дворов населения, было учреждено Аньдунское военное наместничество с центром в Пхеньяне в составе 9 военных областей (дудуфу), 42 областей (чжоу) и 100 уездов. Часть населения была выселена в Китай. Однако некоторое время сопротивление продолжалось.

В дальнейшем на бывшей территории Когурё (незначительная ее часть вошла в состав Силла) за пределами Корейского полуострова и смежных областей Маньчжурии и Приморья, населенных в основном племенами мохэ, было создано государство Бохай. Во главе его стояли представители когурёской знати, на основании чего корейская историография склонна считать его корейским государством, а время существования Бохая и Объединенного Силла даже именуется «периодом Северного и Южного государств». Однако ни по населению, ни по территории, ни по культуре, ни в политическом плане Бохай не имел никакого отношения к корейской истории. Более того, как будет показано ниже, между ним и объединенной к тому времени Кореей даже практически отсутствовали какие-либо контакты.

2. Социально-политический строй, экономика и культура

Об административной системе государства Когурё, а тем более социально-экономических отношениях известно чрезвычайно мало. О них можно судить лишь по отдельным упоминаниям тех или иных реалий. Во всяком случае несомненно, что территориальная организация, существовавшая до самого падения Когурё, воспроизводила черты прежнего родо-племенного деления на 5 пу. Пять областей, обозначавшихся тем же термином и именовавшихся по сторонам света, отождествлялись с этими группами: Центральная область (Хванбу) — с Керубу, Северная или Задняя (Пукпу) — с Чоллобу, Восточная или Левая (Тонбу) — с Суннобу, Южная или Передняя (Намбу) — с Кваннобу, Западная или Правая (Собу) — с Сонобу.

Становление государственной организации было, по-видимому, тесно связано с проникновением в страну конфуцианства и вообще влиянием китайской политической культуры. Известно, что уже в 372 г. по китайскому образцу была основана высшая школа для подготовки кадров госаппарата — Тхэхак, а в следующем году «впервые обнародованы законы». Ведущая роль в стране принадлежала аристократии 5-ти пу, прежде всего Керубу, Чолло-

бу и Сонобу (первая из них выдвигала ванов, а две другие обычно поставляли им жен).

Названия различных должностей известны очень рано, с первой половины I в. н.э., но это почти исключительно высшие должности — первого министра (тэбо), с 27 г. — «левого» и «правого» министров: чвабо и убо (с 166 г. министры именовались куксан) и начальников областей (саджа, пхэджа, позже ёксаль). Тогда же начинают упоминаться и чины, названия которых происходят от титулов аристократической верхушки-га: кочхуга, тэдэро, утхэ, тэга, чубу и др. Со временем сложилась более или менее стройная система чинов, причем, несмотря на имеющиеся различия, все источники отмечают наличие в ней 12 рангов. Для более позднего времени (отраженного в «Тан шу»), это тэдэро (тходжоль), ульджоль, тхэбу, чойй тудэхён, тэсаджа, тэхён, санви саджа, чехён, сосаджа, кваджоль, сонин и кочху тэга. В более ранних источниках (всего известно до 9 вариантов перечня чинов) номенклатура чинов и их иерархическая последовательность несколько отличаются, хотя большинство терминов повторяется. Не исключено, что эта система со временем изменялась, что и отражено источниками. Из «Тан шу» явствует, что ряд высших чинов (очевидно, по четвертый — чойй тудэхён включительно) охватывался понятием «чойй» (кит. цзинь). Можно предположить, что эти чины могли иметь лишь лица какой-то высшей прослойки знати подобно силлаской чинголь (см. ниже).

О должностях и государственных учреждениях центрального аппарата почти ничего не известно, что заставляет предполагать весьма слабое развитие последнего. Данные об одежде господствующего класса Когурё свидетельствуют об отсутствии четкой дифференциации между различными слоями чиновничества (как было в Пэкче и Силла). Существовал и заимствованный из Китая трехлетний срок смены чиновников, но, насколько можно судить по сообщениям китайских источников, он не соблюдался, а вопрос о пребывании на высших должностях часто решался силой, причем ван мог выступать пассивным зрителем этой борьбы. В первые века своего существования Когурё, судя по сообщению «Саньго чжи» о том, что «все тэга сами назначают своих саджа и чойй сонинов», представляло собой конгломерат достаточно автономных владений, но и в дальнейшем оно оставалось, несомненно, гораздо менее централизованным государством, чем Пэкче и Силла. Что, впрочем, неудивительно, если принять во внимание его значительные размеры.

Большинство населения Когурё составляли так называемые хахо (низшие дворы) — лично свободные крестьяне, очевидно, — держатели государственных наделов. Они занимали подчиненное положение по отношению к аристократам-га. Существовали в когурёском обществе и рабы-ноби, которые могли сажаться на землю и использовались, например, для охраны и благоустройства могил ванов (к гробнице могли быть приписаны до нескольких

и семейств ноби). Эта категория населения сформировалась из обращенных в рабство семей преступников (такие меры практиковались еще в период Древнего Чосона) и, возможно, военнопленных. О наличии верховной государственной собственности на землю или, по крайней мере, значительного государственного земельного фонда свидетельствуют нередкие сообщения летописи о пожалованиях ваном заслуженным сановникам так называемых «кормовых округов (сигып).

В духовной жизни Когурё древнейший религиозный пласт был представлен различными верованиями, восходившими к эпохе первобытно-общинного строя. Здесь переплетались такие древние формы религии, как анимизм, тотемизм, фетишизм, демонизм, культ природы. Хорошо известно о существовании культа пещер, гор и рек. Из животных особым почитанием в Когурё пользовался медведь, игравший, как говорилось выше, ключевую роль в мифе о рождении основателя Древнего Чосона. Культ Неба был распространен в Когурё еще до проникновения конфуцианства и понимался несколько иначе, чем в конфуцианской интерпретации. Считалось, что жизнь и судьба человека зависят от духов Солнца, Луны и многочисленных звезд. При этом особым почитанием в Когурё пользовались семь звезд Большой медведицы, изображение которых можно встретить на стенах гробниц. Важнейшую роль еще до проникновения конфуцианства играл культ предков, на государственном уровне оформившийся как культ Основателя государства. Новый ван после вступления на престол (обычно на первом году правления) приносил жертвы на алтаре основателя Когурё Чумона. В первые века существовал, видимо, обычай погребения ближайших к вану людей на его могиле, которые таким образом получали право быть похороненными вместе с ним. Во всяком случае, имеется сообщение, что в 248 г., несмотря на то, что новый ван Чунчхон специально запретил эту практику, многие все-таки совершили самоубийство.

В IV в. в Когурё из Китая практически одновременно проникли и распространяются конфуцианство и буддизм. Из раннединастических корейских государств Когурё стало первым, где они появились. Упомянутый выше факт открытия в 372 г. Такхак свидетельствует о том, что к этому времени когурёская элита уже была хорошо знакома с конфуцианством. С буддизмом Когурё знакомится впервые в том же 372 г., когда вместе с посольством императора Ранней Цинь Фу Цзяня в страну прибыл монах Сундо, привезя с собой изображение Будды и буддийскую литературу (вслед за ним в Когурё по некоторым данным прибыли еще трое монахов — Попсин, Ыйён и Тамом), а в 374 г. — монахи Адо. В 375 г. были основаны два первых в Корее монастыря — Чхонмунса и Ибулласа, настоятелями которых стали Сундо и Адо. Буддизм встретил благожелательное отношение властей и к концу IV в. получил признание на государственном уровне, в столице в 393 г. было основано 9 монастырей. Третья из основных

дальневосточных религиозно-идеологических систем — даосизм, «официально» был признан в Когурё позже — в начале VII в. (хотя нельзя исключить его несанкционированного распространения и в более раннее время). В 624 г. танский император специально направил в Когурё даосских проповедников распространять там учение Лао-цзы.

Буддизм и конфуцианство, дополняя друг друга, вполне гармонично сочетались в идеологии когурёских верхов, не противоречил первое время этой гармонии и даосизм. Существовало представление о трех учениях как трех ножках котла, опираясь на которые он только и может стоять. Однако после переворота Ён Гэ-сомуна распространение даосизма реально происходило за счет вытеснения буддизма и фактически привело к гонениям на него. Повсеместно началось упразднение буддийских монастырей и храмов, которые отдавались даосам. Даосы приобрели и большое влияние на государственные дела. Один из самых известных в то время буддийских проповедников — Подок, потерпев неудачу в попытках убедить вана Поджана в гибельности такой политики, был вынужден бежать в Силла.

Культура Когурё характеризуется весьма высоким уровнем обработки железа, в погребальных камерах сохранилось большое количество железного инвентаря и сельскохозяйственных орудий. Имелась в стране, вероятно, и служба наблюдения за небесными светилами, во всяком случае о накоплении астрономических знаний свидетельствуют многочисленные изображения созвездий на стенах гробниц. Достаточно развиты были строительная техника и архитектура, о чем можно судить по раскопкам когурёских столиц. Особенно любопытны сохранившиеся подземные гробницы, представляющие собой целые дворцы из ряда комнат, стены которых сложены из гладкого, хорошо обработанного камня. Наиболее известны Анакская гробница № 3 и гробницы в уезде Кансо. Анакская гробница представляет собой величественное сооружение с главным залом, с галереями, кладовыми и иными помещениями.

Когурёские гробницы дают представление и об уровне художественного ремесла и искусства страны. На их стенах обнаружены высокохудожественные росписи, которые к тому же позволяют представить себе жизнь и быт когурёсцев. Настенная роспись упомянутой Анакской гробницы изображает парадные выезды вельмож, сцены охоты когурёской аристократии, пиров и развлечений. В общей сложности на фресках можно увидеть несколько сотен людей разного социального положения, в том числе многочисленных слуг. Широко представлены на фресковых росписях и мифологические сюжеты, особенно часты изображения духов четырех частей света (Востока — синий дракон, Запада — белый тигр, Юга — пурпурная птица, Севера — черепаха, обитая змеей). Изображения животных весьма натуралистичны и исполнены с большим мастерством.

В Когурё довольно рано началось летописание: была составлена историческая хроника «Юги» (Записи о прошлом) в 100 книгах, которая легла в основу составленного в 600 г. Ли Мун Джинном «Синджип» (Нового собрания) — компиляции в 5 книгах. О существовании в Когурё различных жанров танцевального искусства позволяют судить изображения танцующих на фресках. Судя по тому, что значительную часть свиты знатных лиц составляли музыканты, можно сделать вывод, что немалое значение придавалось и музыке. Из струнных инструментов в Когурё наибольшее распространение имел изобретенный местным музыкантом Ван Сонаком комунго.

К югу от Когурё сформировалось второе раннесредневековое корейское государство — Пэкче, ставшее впоследствии основным соперником Когурё в борьбе за гегемонию на Корейском полуострове.

Глава IV

ГОСУДАРСТВО ПЭКЧЕ

1. Основание и развитие государства Пэкче

Пэкче было одним из 54 общин-протогосударств Махана. Основание Пэкче традиционно приписывается Онджо, сыну основателя Когурё Чумона. Согласно легенде, когда Чумон бежал из Северного Пуё на юг, в Чольбон Пуё, то женился на дочери тамошнего вана, и от этого брака родились сыновья Пирю и Онджо. Когда же с севера в Когурё прибыл родившийся в Северном Пуё арший сын и наследник Чумона Юри, братья, опасаясь неприязни с его стороны, бежали с преданными им людьми на юг. Пирю обосновался на морском побережье в Мичхухоле, а Онджо — в крепости Вире, у р. Ханган, где в 18 г. до н.э. и основал государство. Позже к нему присоединились и ушедшие с Пирю, потому что выбранное им место оказалось непригодным для жизни. С этого времени государство получило название Пэкче. Поскольку основатели происходили из Пуё, то его название стало родовым именем пэкческой династии. По иной версии, общем схожей с первой, основателем Пэкче был Пирю, оба брата приходились Чумону не сыновьями, а пасынками, отцом же был побочный внук вана Северного Пуё. Так или иначе, обе версии связаны с северным, пуёским происхождением правящей династии Пэкче, которая не менялась до самого конца существования государства. Порядок престолонаследия в Пэкче (от отца к сыну) выдерживался еще более последовательно, чем в Когурё. В 2 случаях из 30 наследовал сын предшествующего вана, 2 раза брат, 1 раз племянник и 5 раз другие родственники.

История Пэкче в первые века н.э. — почти исключительно история его военных столкновений с соседями, в ходе которых Пэкче превращается из одного среди полусотни маханских вожеств в одно из трех раннесредневековых корейских государств. После Онджо (18 г. до н.э. — 28 г. н.э.) правил его сын ван Пурю (28—77). В этот, самый ранний, период основным противником Пэкче были племена мохэ, постоянно совершавшие на его набег.

В 16 г. до н.э. мохэ потерпели поражение при нападении на границу, потеряв до 80% воинов, в 11 г. до н.э. 3 тыс. мохэ напали на Вире, но при отходе были разбиты у перевала Тэбухён, потеряв более 500 человек, зимой 9 г. до н.э. произошел бой с ними у р. Конмичхон (со стороны Пэкче участвовало 300 воинов), летом

следующего года мохэ, разрушив Пёнсан, убили и пленили более 100 человек, в 1 г. до н.э. мохэ были разбиты на р. Чхильджунчха, в 4 г. н.э. ван во главе 1 тыс. всадников разбил их восточнее перевала Пухен, осенью 22 г. мохэ напали на крепость Сульчхон, а зимой — на Пухён, убив и пленив более 100 человек, и против них было отправлено 200 всадников; зимой 30 г. мохэ были разбиты западнее горы Масусан, осенью следующего года — у крепости Комок (потеряв более 200 человек), осенью 34 г. они захватили и сожгли крепость Масу, а зимой напали на Пёнсан, осенью 55 г. напали на северную границу.

С 60-х годов I в. н.э. начинаются пограничные столкновения с Силла, которое почти всегда обороняется, а не нападает. В 64 г. Пэкче неудачно штурмовало силлаские крепости Васан и Куян, в 66 г. Васан был взят, но вскоре отбит силласцами, нападения на Силла имели место также в 70 и 74 гг., в 75 г. Васан снова был захвачен, но в следующем году опять отбит.

Так продолжалось до конца III в. — в правления ванов Киру (77—128), Кэру (128—166), Чхого (166—214), Кусу (214—234), Сабана (234 г.) и Кои (234—286). В 204 г. в ответ на захват пэкчесцами крепости Ёчха силласцы напали на крепость Сахён, в 218 г. пэкчесцы были разбиты при нападении на Чансан, в 222 г. они захватили крепость Уду и разбили 5 тыс. силласцев в Унгоке, в 224 г. при ответном нападении Силла пэкческое войско было разбито под горой Понсан.

Первые века существования Пэкче вследствие засухи и иных стихийных бедствий довольно часто случались неурожаи и наступил голод. Особенно сильный голод, со случаями людоедства, а иногда и с массовыми беспорядками (появление «воров и разбойников») отмечен летописями в 15, 19, 108, 208, 211 и 248 годах. К III в. в стране уже существовали государственные хранилища зерна, из которых производились раздачи населению.

Ван Кои вступил на престол, устранив своего внучатого племянника — малолетнего Сабана. Китайские источники именно его считают основателем пэкческого государства. Его правление действительно стало важнейшим этапом становления пэкческой государственности. В 260 г. впервые вводится стройная система чинов и высших государственных должностей, а также форменная одежда для чиновников, различающаяся по цвету в зависимости от принадлежности к одной из трех иерархических групп чиновничества.

Вану Кои наследовали его сын — ван Чхэкке (286—298) и внук — ван Пунсо (298—304). В это время Пэкче впервые вступает в конфликт с Когурё, направив войска на помощь подвергнутому когурёскому нападению китайскому округу Дайфан, на дочери правителя которого был женат ван Чхэкке. В 298 этот ван был убит при нападении китайцев (из округа Лолан) и емэкцев. Весной 304 г. пэкчесцы захватили один из уездов Лолана, но ван Пунсо пал от руки агента лоланского тайшоу (правителя округа).

При ванах Кынгусу (375—384), Чхимню (384—385) и Чинса (385—392) Пэкче было сильнейшим государством на полуострове. Внутреннее состояние государства оставалось стабильным.

В этот период единственным противником Пэкче было Когурё, с которым пэкчесцы вошли в непосредственное столкновение при своем продвижении на север. В Силла же в 366 и 368 гг. отправляются дружественные посольства. Первое военное столкновение с Когурё произошло в 369 г. когда 20-тысячное когурёское войско было разбито у Чхияна, потеряв только пленными 5 тыс. человек. Победа была ознаменована большим военным смотром зимой того же года. В 371 г., разгромив когурёское войско, попавшее в засаду у р. Пхэха, 30 тыс. пэкчесцев осадил Пхеньян. Зимой 377 г. пэкчесцы повторили нападение на Пхеньян, и через месяц последовало ответное когурёское вторжение. Весной 386 г. развернулось строительство укрепленной линии от перевала Чхонмок до морского побережья. Летом того же года последовало новое когурёское нападение, а в 389 г. — ответный поход пэкчесцев, которые в следующем году взяли крепость Тогон. В 387 г. вновь активизируются мохе (происходит стычка с ними на перевале Кванми), которые в 391 г. берут штурмом крепость Чокхён.

При ване Асине (392—405), борьба с Когурё продолжилась, но крайне неудачно для Пэкче. Осенью 392 г. 40 тыс. когурёсцев захватили 10 крепостей на северной границе и множество поселений, а зимой — штурмом взяли крепость Кванми. Попытка отбить ее в 393 г. не удалась, а в следующем году пэкчесцы потерпели поражение у крепости Суток. Осенью 395 г. вышедшее в поход на Когурё пэкческое войско было разбито в верховьях р. Пхэсу, потеряв 8 тыс. убитыми, а повторный зимний поход провалился из-за глубокого снега и морозов. В 398 и 399 гг. планировавшиеся походы на Когурё не состоялись из-за крайнего истощения сил.

Если Когурё преимущественно поддерживало отношения с северными китайскими империями, то Пэкче — больше с южными. Императоры южных династий присваивали пэкческим правителям китайские почетные титулы и звания и «утверждали» их в качестве ванов Пэкче. В 372—406 гг. пэкчесцы 5 раз направляли посольства в Цзинь и в 429 и 476 гг. в Сун. Цзиньское посольство посетило Пэкче в 416 г., а сунское — в 430 г. В 472 г. Пэкче пыталось установить дружественные отношения и с Северным Вэй, рассчитывая использовать его против Когурё, но, поскольку и после повторной просьбы помощи не последовало, оскорбленный ван Кэро прервал отношения с Вэй.

Правление вана Кэро закончилось катастрофой. В 469 г. пэкчесцы совершили нападение на южные пределы Когурё, а осенью 475 г. 30-тысячное когурёское войско осадило пэкческую столицу Хансон. Ван, пытавшийся бежать из подвергшейся штурму крепости, в которой начиналась паника, был настигнут и убит. Вступивший на престол сын Кэро, ван Мунджу (475—477) сразу же

перенес столицу в Унджин. Но в 477 г. власть в стране была узурпирована военным министром Хэгу, а в следующем месяце ван пал от руки подосланного им убийцы. В 501 г. на престол вступил племянник покойного ван Мунён (501—523). Он пытался принять меры по восстановлению хозяйства страны: в 510 г. им был издан указ об укреплении плотин, а множество выловленных бродяг были насильно посажены на землю. Однако в 502, 506 и 521 гг. страну постигал голод (в последнем случае в Силла бежали 900 семей).

После поражения в 475 г. Пэкче долгое время не ведет активной внешней экспансии. В 482 г. оно подвергается нападению мохэ. В 494 г. пэкчесцы направляют 3 тыс. воинов на помощь Силла против Когурё (в 485 г. в Силла было направлено посольство, а в 493 г. между правителями государств заключается брачный союз).

В конце V в. продолжают контакты с южнокитайскими династиями. В 484 г., узнав о даровании императором Южной Цинь Когурё китайских титулов, Пэкче направило туда посольство и добилось признания Пэкче в том же вассальном статусе, что и Когурё.

Попытка возрождения Пэкче связана с именем вана Сона (523—554). Этот ван, чье посмертное имя (Святой) само по себе уже говорит об оценке его деяний, отличался умом и глубокими познаниями. В 538 г. он перенес столицу еще южнее — в Саби (последствие этого названием государства стало Южное Пуё). Понимая, что для возрождения Пэкче следует прежде всего укрепить центральную власть, ван Сон провел административные реформы. Был создан ряд новых центральных учреждений, в пяти важнейших провинциальных центрах на постоянной основе размещены войска, а для предотвращения эгоистических устремлений знати стал широко использовать на местах представителей правящего рода, заменив ими начальников 22 округов. В поисках союзников против Когурё, которое оставалось главным врагом страны, Пэкче в 525 г. обменялось посольствами с Силла.

С Когурё продолжались столкновения, хотя и менее интенсивные. В 523 г. когурёсцы дошли до р. Пхэсу, но были отогнаны 10-тысячным пэкческим войском. Зимой 529 г., когда когурёсцы взяли крепость Хёльсон, выступившая против них 30-тысячная армия Пэкче потерпела поражение; в 540 г. пэкчесцы неудачно пытались взять когурёскую крепость Усан.

Последние годы правления Сона были омрачены конфликтом с Силла, которое осенью 553 г. захватило северо-восточные пэкческие земли. Зимой того же года в попытке предотвратить дальнейшее ухудшение отношений, туда была выдана замуж дочь вана, однако это не дало результата, и в 554 г. ван выступил с отрядом против Силла, но попал в засаду у р. Кучхон и был убит (по некоторым сведениям — своими же взбунтовавшимися солда-

тами). Длительное правление сына его — вана Видока (554—598) прошло достаточно спокойно.

Во внешнеполитической сфере все более видное место занимали контакты с китайскими империями. После объединения Китая под властью династии Суй Пэкче в 581—611 гг. 7 раз направляло туда посольства, предлагая свою помощь против Когурё.

Все шесть десятилетий VII в., завершающих существование государства Пэкче и приходящихся на время правления сына и внука вана Попа — ванов Му (600—641) и Ыйджа (641—660), прошли в отчаянной, практически непрерывной борьбе с окрепшим государством Силла, к этому времени обнаружившим очевидные претензии на установление своей гегемонии на полуострове.

Пэкче поддерживало дипломатические отношения со сменившей Суй династией Тан, у императоров которой получали инвентитуру. Пэкческие посольства в Китай отправлялись в 624—652 гг. в общей сложности 19 раз, танские посольства посещали Пэкче в 641 и 644 гг. В 640 г. пэкчесцы просили о принятии на обучение в Китае сыновей пэкческой знати. Однако Таны считали тогда своим союзником прежде всего Силла и постоянно предостерегали пэкчесцев от нападений, так что не раз они вынуждены были отводить войска именно вследствие угроз Танов. В поисках союзника Пэкче в 653 г. устанавливает дружественные отношения с Японией.

Ван Ыйджа в последнее десятилетие своего правления не отличался особыми добродетелями. Несмотря на то, что в 653 г. страну вследствие засухи постиг голод, он тратил большие средства на перестройку с особенной роскошью и великолепием дворцовых помещений, а кроме того, длительное время предавался пьянству и блуду. Приближенные, озабоченные чередой непрерывных развлечений вана, вынуждены были молчать. Безнравственное поведение вана непосредственным образом сказалось и на авторитете государственного аппарата и состоянии земельного фонда. У вана имелись десятки внебрачных детей, и более сорока его побочным сыновьям в 657 г. был пожалован высший чин чвапхёна (присваиваемый обычно только министрам) и, кроме того, каждому из них были выделены «кормовые округа» (обычно дававшиеся крайне редко за особые заслуги). Все это немало способствовало краху пэкческой государственности.

Империя Тан и Силла договорились о совместных действиях против Пэкче, и в 660 г. 130-тысячная китайская армия под командованием Су Динфана высадилась на побережье, а 50 тыс. силласцев шли на соединение с ней с востока. 5 тыс. отборных воинов во главе с Кебэком встретили силласкую армию на Хвансанской равнине, но были разбиты, а Кебэк погиб. Основные силы Пэкче, выставленные против китайцев, потерпели тяжелое поражение на морском побережье в устье р. Пэккан у порта Кибольпо. После этого Су Динфан пошел на столицу, на расстоя-

нии одного перехода от которой остатки пэкческих войск вновь были разбиты, потеряв более 10 тыс. убитыми. Ван и наследник престола Хе бежали из осажденной столицы на север в крепость Унджин. В столице оставались два других сына — Юн и Тхэ, из которых первый предпочел сразу сдаться, а второй некоторое время продолжал оборонять город, но вскоре тоже был вынужден капитулировать. После падения столицы сдался и ван с оставшимися ему верными крепостями.

Таким образом, с независимостью Пэкче было покончено. 88 представителей пэкческой верхушки (в т.ч. ван с четырьмя сыновьями) и около 13 тыс. жителей были вывезены в Китай, а территория Пэкче (200 крепостей, 760 тыс. дворов) была разделена на 4 военных областей (дудуфу) — Унджинское, Маханское, Гёнмёнское, Кымёнское и Токанское (примерно совпадавших с прежним пятитичным делением Пэкче), включавших области-чжу и усиды. Резиденция китайского наместника Лю Жэньгуя находилась в Унджине, а в бывшей столице Пэкче Саби был оставлен 10 тысячный китайский гарнизон.

Однако еще несколько лет продолжались попытки восстановления Пэкче. В 661 г. сопротивление возглавил племянник предпоследнего пэкческого вана Му — Поксин, который вместе с буддийским монахом Точхимом засел в крепости Чурю. Ваном был провозглашен находившийся в Японии (где он был заложником) еще один сын вана Ыйджа — Пхун. Восставшие осадили столицу, где оборонялись войска Лю Жэньюаня. Лю Жэньгуй в 661 г. выступил на помощь осажденным, соединившись с силласкими войсками, и разбил повстанцев, пытавшихся преградить ему путь, у р. Унджин, истребив из них более 10 тыс. человек. После этого Поксин вынужден был снять осаду и отойти в крепость Имджон на северо-западе страны, где командовал возглавивший сопротивление этого региона Хыкчхи Санджи. Затем Поксину удалось разгромить шедшую на помощь китайцам силласкую армию у перешейки Каллён.

В 662 г. из Японии в сопровождении 5-тысячного японского отряда прибыл Пхун. В 663 г. между руководителями сопротивления начались распри, в ходе которых Точхим был убит Поксином, а войска Точхима присоединены к армии Поксина. Но такое усиление Поксина вызвало опасения Пхуна, и он решил нанести упреждающий удар, подослав убийц к Поксину. Затем он пытался перенестись на Когурё и Японию, направив туда своих послов. Однако прибывший на помощь большой японский флот был разгромлен китайцами в четырех сражениях в устье р. Пэккан, потеряв 400 кораблей из 1000. Пал и главный оплот повстанцев — крепость Чурю, а Пхун бежал в Когурё. После этого сопротивление возглавляли Хыкчхи Санджи (собранный более 30 тыс. воинов и получивший поддержку более 200 крепостей), которому даже удалось разбить китайские войска Су Динфана, и Сатха Сингё. В крепости Имджон некоторое время держался сын Пхуна

Чисусин (два других его сына сдались при разгроме японского флота), но затем он бежал в Когурё. Постепенно капитулировали и остальные крепости. После этого китайцы назначили наместником сына последнего пэкческого вана Ыйджа — Юна (который самостоятельно подавил восстание в горной крепости Саби, вспыхнувшее в 664 г.), и в 665 г. принудили Силла заключить с ним мир, чтобы пресечь силлаские притязания на территорию бывшего Пэкче. Однако затем в ходе силласко-китайской войны вся территория Пэкче вошла в состав Силла.

2. Социально-политический строй, экономика, культура

При становлении государства Пэкче его ядром послужили пришедшие элементы с севера, из среды которых выделились со временем аристократические роды, традиционно составлявшие верхушку пэкческого общества. Помимо самого правящего рода с фамилией Пуё, таких родов существовало восемь: Хэ, Са, Ён, Хён, Чин, Коль (или Кук), Пэк и Мок. В этом смысле Пэкче отличалось от Силла, где круг аристократии был ограничен разросшимся ванским родом. Рядовое население — крестьяне-общинники (масса населения присоединенных к Пэкче протогосударств), как и в других государствах Корейского полуострова, были лично свободными и считались подданными государства. В этом качестве они несли военную службу и государственные повинности, мобилизовывались на строительство дворцов, крепостей и т.д. Государство взимало поземельный налог зерном и подворные сборы, состоявшие из натуральных поставок шелка, пеньки, тканей и других продуктов домашнего хозяйства. В Пэкче существовала государственная собственность на землю, благодаря чему обеспечивались порядок сбора налогов и выполнение населением государственных повинностей. Однако государство в лице вана могло передавать часть земель и в частное владение. Свидетельством этого выступает практика выделения, как и в Когурё, некоторым представителям высшего слоя «кормовых округов». Существовала, естественно, и категория ноби — рабов. Сведений о характере их использования нет, но едва ли он отличался от обычного в то время.

Административная система Пэкче формировалась постепенно, и на ранних стадиях государственности высших должностей было немного. Среди терминов, обозначающих эти должности, встречаются (как и в Когурё) левый и правый министры — чвабо и убо, чваджан, пукмунду. Довольно рано (260 г.) оформляется и весьма стройная чиновно-должностная система, просуществовавшая до самого конца пэкческого государства. Пэкческая чиновная система включала 16 рангов: 1-й — чвапхён (его одновременно могло иметь 6 человек), 2-й — тальсоль (по «Суй шу» — тэсоль; его одновременно могло иметь 13 человек), 3-й — ынсоль, 4-й — ток-соль, 5-й — хансоль, 6-й — насоль, 7-й — чандок, 8-й — сидок,

9-й — кодок, 10-й — кедок, 11-й — тэдок, 12-й — мундок, 13-й — мулок, 14-й — чвагун, 15-й — чинму, 16-й — кыгу. Для чиновников 3—16 рангов определенной численности не предусматривалось, их число определялось штатами учреждений, где существовали различные должности, которые могли замещаться чиновниками, имевшими соответствующие ранги. Были предусмотрены и отличия в форменной одежде. Чиновники шести высших рангов носили на шляпе серебряные цветы, а чиновники более низких рангов различались цветом пояса: у чиновников 7-го ранга он был темно-красный, 8-го — темный, 9-го — красный, 10-го — зеленый, 11-го и 12-го — желтый, с 13-го по 16-й — белый. Существовал и принцип смены высших чиновников через 3 года.

Чвапхёны представляли собой нечто вроде министров: каждый из шести ведал определенными вопросами, так что в данном случае чин как бы совпадал с должностью. Однако это не означало, что они возглавляли соответствующие учреждения, ибо последних было гораздо больше. Нэсин чвапхён занимался подготовкой и проведением в жизнь государственных указов, нэду чвапхён ведал государственными запасами, нэбоп чвапхён — церемониями и ритуалами, виса чвапхён — охраной вана, чоджон чвапхён — наказаниями и тюрьмами и пёнгван чвапхён — военными делами (в его ведении находились провинциальные войска).

Центральный аппарат Пэкче (после реформ вана Сона) состоял из 20 ведомств-пу, из которых 11 назывались внутренними (иг), а 9 — внешними (ве). Реальную значимость такого разделения определить трудно, по-видимому, под «внешними» понимаются учреждения, находившиеся в столице, но централизованно занимающиеся делами своего профиля на территории всей страны, всех провинций, а под «внутренними» — те, чья область деятельности ограничивалась столицей или двором вана. К «внутренним» ведомствам относились Чоннэбу (очевидно, главное государственное учреждение, Государственный совет), ведомства зерна (Кокнэбу), по делам столичных и провинциальных чиновников (Пиёнбу и Вегёнбу), конюшенное (Мабу), по делам буддизма (Кондокпу), оружейное (Тобу), аптечное (Якпу), лесоводства (Мокпу), церемоний (Поппу) и дворцовое (Хугунбу), а к «внешним» — военное (Сагунбу), образования (Садобу), общественных работ (Сагонбу), юриспруденции (Сагубу), подворное (Чомгубу), по делам родственников вана (Весабу), шелководства (Чубу), астрономии (Ильгванбу) и рынков (Сибу).

Пэкческая столица, по данным «Бэй ши», делилась на «стороны»-пан, каждая из которых, в свою очередь, — на 5 районов-пу (Верхний, Передний, Средний, Нижний и Задний), подразделявшихся на кварталы-хан. В каждом пу имелся гарнизон в 500 солдат. Территория всего государства также делилась на 5 областей-пан во главе с панджином в чине тальсоля и его помощником шичхва. Пан состояла из 10 округов-кун, в каждом из которых имелось по три воинских начальника в чине токсоля, под коман-

дованием которых находилось в общей сложности от 700 до 1100 солдат. Пэкче могло располагать не менее 5 тыс. столичных и до 50 тыс. провинциальных войск.

Основной государственной идеологии в Пэкче был, по-видимому, культ Основателя. Поскольку первопредком правящей династии был Чумон (то есть основатель Когурё ван Тонмён), то именно ему был посвящен храм, который каждый ван после вступления на престол посещал в первый месяц второго года своего правления. Есть также свидетельство, что в Пэкче четырежды в год совершались жертвоприношения на алтаре «Основателя Кутхэ». Главными божествами почитались Небо и Земля. Для жертвоприношения духам Неба и Земли в 243 г. был воздвигнут огромный алтарь. Такие жертвоприношения совершались обычно в 1-й год правления нового вана, причем жертвоприношения духам Неба и Земли, сопровождающиеся игрой на музыкальных инструментах, совершались задолго до возведения упомянутого алтаря. Посещение ванами храма Тонмёна и жертвоприношения духам Неба и Земли на Южном алтаре в ряде случаев упоминаются вместе. Эти церемонии практиковались и после принятия буддизма, ставшего наряду с конфуцианскими представлениями, важным компонентом идеологии правящего слоя Пэкче. Даосизм не получил в Пэкче заметного развития, во всяком случае, отсутствуют свидетельства принятия и популярности его на государственном уровне. Конфуцианство же, несомненно, было популярно при пэкческом дворе, что видно хотя бы из факта отправки молодых людей на обучение в Китай.

Буддизм проник в Пэкче в 384 г., когда из Восточной Цзинь в страну прибыл индийский монах Маранантха, тепло встреченный ваном и двором. В следующем году в пэкческой столице был основан первый буддийский монастырь, в котором поселились 10 вновь обращенных монахов из местного населения. Буддизм оказал глубокое и всестороннее влияние на культуру Пэкче, особенно на развитие искусства. С VI в. встречается целый ряд сведений об изготовлении изображений Будды из золоченой бронзы, из них особенно замечательна дошедшая до нашего времени статуя сидящего Майтрейи. Известен целый ряд крупных монастырей (Ванхынса, строившийся с 600 по 634 г., Кунджаса (631 г.), Пэгамса (632 г.), Мирыкса (634 г.)). Последний из них занимал площадь 9,2 пхён, а его девятиярусная пагода высотой в 70 чхок представляет собой один из шедевров раннесредневековой корейской архитектуры.

Именно Пэкче, имевшее из трех корейских государств наиболее дружественные и тесные связи с Японией, послужило тем культурным мостом, по которому туда пришли достижения китайской культуры. В 552 г. ван Сон отправил в Японию изображение Шакьямуни из золоченой бронзы, каменную статую Майтрейи, а также храмовый флаг и буддийскую литературу, что и стало началом распространения в Японии буддизма. В дальнейшем туда не-

однократно посылались ремесленники, специалисты по изготовлению предметов культа и строительству монастырей, а также буддийская литература и изображения. До нашего времени сохранилось такое выдающееся произведение пэкческих мастеров, как статуя бодхисаттвы Авалокитешвары в храме Хорюдзи в Нара.

Пэкческие ремесленники славились производством художественной черепицы, кирпичи из Пэкче иногда представляли собой настоящие картины с изображениями фениксов, гор, лепестков лотоса, языков пламени, фантастических чудовищ. О высоком уровне пэкческих живописцев свидетельствуют и фрески гробниц, которых, правда, известно гораздо меньше, чем в Когурё. Пэкческие художники пользовались славой и в Японии, в частности, знаменитый портрет японского принца Сэйтоку принадлежит кисти жившего в Японии с 597 г. представителя пэкческой правящей династии Аджва.

В Пэкче велись регулярные астрономические наблюдения, заметное развитие получили и гуманитарные науки. Известен факт составления в Пэкче «Тоджок» («Собрание карт»). летописание в стране началось еще в IV в., в 384 г. Кохыном была написана история государства Пэкче под названием «Соги» («Исторические записи»).

Глава V

ГОСУДАРСТВО СИЛЛА ДО ОБЪЕДИНЕНИЯ

1. Формирование государства Силла

Государство Силла возникло путем объединения шести чинханских общин-вожеств плодородной Кёнджуской равнины по берегам р. Хёнсанган. Эти общины (Янсан у р. Альчхон, Кохо у горы Тольсан, Чинджи у горы Часан, Тэсу у горы Мусан, Кари у горы Кымсан и Коя у горы Мёнхвальсан) составили союзное протогосударство под названием Саро (название Силла установилось позже). Они (во всяком случае, их знать или ядро) имели общее этническое происхождение, которое однозначно связывается с Древним Чосоном («первоначально пришлые из Чосона расселились среди гор и ущелий, образуя шесть деревень»).

Легенда об образовании государства Силла отличается от соответствующих легенд про Когурё и Пэкче. Если в образовании последних выделяется личностный элемент — государствообразующим началом выступает одно лицо — вождь-Основатель, то в данном случае союз шести общин ко времени появления и воцарения Основателя уже определенно существовал. Первый правитель — Пак Хёккосе, согласно легенде, был найден старейшиной общины Кохо в яйце, оставленном рыдающей лошадью на склоне горы Янсан, и им же выращен, а когда проявил необыкновенные дарования — был сделан правителем. Женой его стала девушка, якобы рожденная драконом из священного колодца (мотив, иллюстрирующий образование государства в результате слияния небесного и земного/водного начала, что также свидетельствует о северном происхождении государствообразующего элемента Силла).

Хёккосе был первопредком влиятельного рода Пак, представители которого доминировали тогда в сароском союзе общин. Однако нетрудно заметить, что воцарение первого представителя этого клана было основано не на захвате власти, а на согласии вождей остальных общин. Правители из других родов (на престоле Силла сменяли друг друга представители родов Пак, Сок и Ким), хотя и им легенда приписывает необычные обстоятельства рождения, неизменно возводились «людьми государства». Это (как и сам факт, что, в отличие от правящих династий Когурё и Пэкче, линия которых не прерывалась, в Силла власть переходила от одного рода к другому) свидетельствует о том, что здесь на ранних стадиях развития государственности чрезвычайно большую роль в управлении играла аристократия.

Традиционной датой основания государства Силла считается 57 г. до н.э.

Первый период существования Силла (57 г. до н.э. — 184 г. н.э.) связан с правлением рода Пак. В роде Пак престол, как правило, переходил от отца к сыну, но конкретно в каждом случае вопрос решался, видимо, исходя из мнения виднейших представителей аристократии, что нашло выражение в обстоятельствах вступления на престол целого ряда ванов. Наиболее тесные брачные связи у правящего рода были с родом Ким: из 6 ванов рода Пак (не считая Хёккосе) трое были женаты на женщинах своего рода и трое — на представительницах рода Ким, из 11 известных браков женщин рода Пак 6 вышли за Кимов, 3 — за представителей своего рода и двое — за Соков.

Правители Силла долгое время именовались не ванами, а но- и другие титулы. Косогана Хёккосе (57 г. до н.э. — 4 г. н.э.) имел его сын, чхачхаун Намхэ (4—24) и внук, исагым Юри (24—57). В это время Силла представляло собой еще очень незначительное по силе протогосударство и находилось, видимо, в номинальном подчинении маханскому вану, поскольку в 20 г. до н.э. последний выговаривал силласкому послу за непредставление положенной дани, однако, судя по тому, что в следующем году, по смерти маханского вана предполагалось даже идти войной на Махан, эта зависимость была уже анахронизмом. В Силла направлялись дружественные посольства из Восточного Окчо (5 г. до н.э.) и Мэк (42 г. н.э.). Вопрос о завоевании соседей еще не стоял (хотя под 39 г. до н.э. встречается сообщение о добровольном присоединении одной из пёнханских общин). Напротив, Силла в это время является объектом нападений китайцев из округа Лолан (в 28 г. до н.э., в 4, 14 и 40 гг. н.э.) и японцев (чьи нападения на побережье отмечены в 50 и 14 гг. до н.э.).

Государство Силла в это время уже вело борьбу с соседними политическими образованиями, и в первую очередь с Кая, причем, если против других соседей Силла воевало успешно, то борьба с Кая шла с переменным успехом. Кая выделилось в первых веках нашей эры из числа других общин-вожеств Пёнхана в устье р. Нактонган. Уже тогда сильное вождество этого района Куя (или Южное Кая) было поставщиком железа для Лолана и протояпонских племен. Его основатель Суро, согласно мифологической традиции, был сыном Неба и горы-Черепahi. Позже оно было известно как Кымгван (Страна железа) и Пон Кая (Основное Кая) и сумело подчинить себе другие вождества региона. (По существу Кая, как и Пуё, долгое время были геополитическими явлениями того же порядка, что Когурё, Пэкче и Силла, но прекратили свое существование раньше, благодаря чему эпоха I в. до н.э. — VII в. н.э. в традиционной историографии и получила название периода Трех государств.)

Первое столкновение с Кая отмечено в 77 г., когда в сражении с ним при гавани Хвансанджин было взято более 1 тыс. пленных. В 94 г. 1000 силласких всадников отогнали каясцев от крепости Миду, в 96 г. каясцы напали на южную окраину, разбив выслан-

ные против них войска, но затем были разгромлены 5-тысячным силласким войском во главе с Пхаджа, в 97 г. для похода против них были собраны войска, но правитель Кая прислал посла с извинениями, и поход не состоялся. С начала II в. инициатива перешла к Силла, оно трижды нападало на Кая: в 106 и 115 гг. (когда силласцы во главе с Чима едва выбрались из засады) и 116 г. (когда 10-тысячное силлаское войско безуспешно штурмовало каяские крепости и было вынуждено уйти из-за проливных дождей), тогда как каяское нападение отмечено только в 115 г. В отношении других мелких государственных образований Силла также вело себя агрессивно.

В 73 и 121 гг. Силла приходилось отражать нападения японских пиратов, ибо обмен посольствами и установление дружественных отношений с японцами (что имело место в 59 г., японские посольства прибывали также в 158 и 173 гг.) вовсе не гарантировали от набегов полунезависимых прибрежных японских правителей. Кроме того, в первой половине II в. Силла неоднократно подвергалось нападениям мохэских племен.

Со 2-й половины I в. начинаются столкновения между Силла и Пэкче, причем нападающей стороной неизменно выступает последнее. В этот период силлаские хроники зафиксировали 8 пэкческих нападений.

В 105 и 113 гг. в Силла прибывали пэкческие посольства с предложением мира, и 1-я половина II в. прошла без столкновений, Силла и Пэкче были даже союзниками в борьбе против мохэ, и пэкческие войска помогали отразить мохэское нападение на Силла в 125 г., но в 165 г. отношения вновь испортились: Пэкче отказалось выдать бежавшего туда разоблаченного заговорщика силлаского ачхана Кильсона. В 167 г. пэкчесцы разрушили две крепости, пленив 1000 человек, но через месяц силласцы двинули в поход 28 тыс. войск, и пленные были возвращены; в 170 г. пэкчесцы разграбили окраину Силла.

После кончины бездетного исагыма Адалла в 184 г. на престол вступает исагым Порхю.

Следующий период истории Силла (184—356) связан с правлением рода Сок. Роду Сок в несколько большей степени были свойственны эндогамные тенденции: характерен, например, обмен двоюродными и троюродными сестрами и племянницами между линиями сыновей Порхю. В общей сложности из семи известных браков правителей рода Сок три приходятся на женщин своего рода, два — на женщин рода Пак и два — на женщин рода Ким.

Дважды — в 253 и 259 гг. страну постигал сильный голод, приведший к беспорядкам.

В период правления рода Сок Силла продолжало завоевывать соседние протогосударства. В 185 г. жертвой его стал Сомун, в 209 г., уже по просьбе вана Кая (с Кая в 201 г., после прибытия каяского посольства, установились дружественные отношения;

они основывались на признании «старшинства» Силла: в 212 г. в качестве заложника туда прибыл сын каяского вана) силлаские войска совершили поход против Пхосанпхаля, освободив 6 тыс. пленников каясцев, в 231 г. был разгромлен и присоединен Каммун, а в 236 г. добровольно покорилась Силла другая община — Кольболь. До конца III в. вокруг еще оставались довольно воинственные соседи, судя по тому, что в 297 г. столица Силла Кымсон подверглась нападению протогосударства Исо, однако после этого гегемония Силла в регионе была неоспоримой.

На протяжении III в. Силла продолжало бороться с японцами. В 300 г. между Силла и государством Вэ (как называли тогда Японию) произошел обмен посольствами, а в 312 г. в ответ на соответствующую просьбу в Японию была послана невеста для сына правителя, после чего отношения более 30 лет оставались мирными. Но в 344 г. в аналогичной просьбе японцам было отказано; на следующий год они сообщили о разрыве отношений, а в 346 г. внезапно напали на о. Пхундо.

Отношения с Пэкче, натиск которого на Силла заметно усилился, до конца III в. оставались напряженными. В 188 г. пэкчесцы напали на крепость Мосан, в 189 г. потерпели поражение при Куяне, потеряв 500 человек, в 190 г. напали на Вонсанхян и Пугок, силлаский конный отряд отогнал их, но при преследовании был разбит у Васана. В 261 г. пэкческое предложение о мире было отвергнуто, но в 286 г. оно было принято. Столкновения прекратились до середины VI в. В 245 г. произошло первое столкновение Силла и Когурё: когурёские войска вторглись на северные границы Силла, но в 248 г. в Когурё был послан посол для заключения мира.

В 356 г., после кончины бездетного исагыма Хырхэ на силласком престоле безраздельно утверждается род Ким, занимая его в течение пяти с половиной столетий. Ваны из рода Ким вовсе не обязаны были жениться только на представительницах своего рода, но, когда род Ким стал безраздельно занимать престол, это стало почти правилом. В общей сложности из 46 известных браков высших представителей рода Ким 31 приходится на женщин собственного рода.

2. Развитие Силла при правителях из рода Ким

Период правления первых ванах из рода Ким (356—500) в целом мало отличается от периодов правлений родов Пак и Сок: роль аристократии была столь же велика. После кончины Намуля (356—402) «люди страны» возвели на престол (под предлогом молодости его сына) дальнего родственника — исагыма Сильсона (402—417). В это время впервые в силлаской истории происходит открытая борьба за власть среди членов правящего рода.

В это время Силла полностью господствовала на юго-востоке полуострова, Кая находилось в подчиненном положении и не

могло более угрожать (в 496 г. оттуда прибыло посольство с дарами), с Пэкче продолжался мир (правда, в 373 г. Силла отказалось вернуть 300 человек, бежавших из Пэкче, но этот инцидент не имел последствий, и лишь раз, в 403 г., произошло нападение небольших сил пэкчесцев на окраину), стороны не раз обменивались посольствами (Силла принимало пэкческие посольства в 366, 368, 433, 434 (дважды), 474, 485, 493 и 495 гг., а отправляло в Пэкче в 434 и 493 гг.).

Во 2-й половине IV в. Силла установило отношения с Китаем, первое посольство в Цзинь было отправлено в 381 году.

Отношения с Японией после разрыва в середине IV в. долгое время не поддерживались. В 364 г. японцы напали на Силла, но были разбиты к востоку от перевала Пухён и почти полностью истреблены при преследовании. В 1-й половине V в. (несмотря на то, что в 402—418 гг. в Японии находился заложником сын Намуля Мисахын) отношения были уже чрезвычайно враждебными, и нападения японцев на Силла участились. В 405 г. они напали на Мёнхваль, но потерпели поражение, потеряв 300 человек. В 431 г. японцы безуспешно осаждали Мёнхваль, в 440 г. дважды нападали на южную и восточную окраины, взяв пленных. В 459 г. на 100 кораблях японцы вновь напали на Вольсон, но понесли большие потери. Нападения японцев на окраины Силла имели место также в 476 (потерпели поражение, потеряв 200 человек), 477, 482, 486, 497 и 500 гг. После этого нападения японцев надолго прекратились, что было вызвано усилением отпора со стороны Силла.

Между Когурё и Силла отношения были установлены в 392 г., когда в Силла прибыл первый когурёский посол, а в Когурё отправился силлаский заложник. С этого времени между двумя странами стал складываться временный союз. В 399 г., когда японцы и Кая стали нападать на Силла, оно запросило у Когурё помощи, а в следующем году когурёские войска изгнали японцев и принудили Кая к капитуляции. В 450 г. охотившийся в Сильджикской долине пограничный когурёский начальник был убит силласцами, когурёский посол потребовал объяснений, и, не дожидаясь их, когурёсцы напали на пограничные районы Силлы. После принесенных извинений они ушли, но отношения были испорчены. В 454 г. последовало новое когурёское нападение, в следующем году силласцы отправляли войска на помощь Пэкче против Когурё, в 468 г. когурёсцы вместе с мохэ напали на крепость Сильджик.

Следующий период силлаской истории (500—654) — когда правили Чиджын и его потомки был временем складывания и окончательного становления государственности Силла (само название Силла окончательно утвердилось в 503 г., а сын Чиджына Попхын впервые принял титул вана). Это был период создания разветвленного государственного аппарата, столичного и провинциального, а также частей и подразделений регулярной армии, сопровождавшийся бурным ростом чиновничества. В этот период

окончательно устанавливается порядок престолонаследия, который более не зависел от желаний и мнений «людей государства». Влияние аристократии заметно слабеет, в то время как автократическая тенденция набирает силу.

Марипкан Чиджын (500—514) вступил на престол после смерти Соджи. При нем произошли важные изменения. В 502 г. были запрещены человеческие жертвоприношения при погребении правителя. Впервые стали применять волов для пахоты. В 503 г. окончательно установилось новое название государства — Силла вместо Саро. В 504 г. был установлен порядок ношения траурных одеяний — очевидное свидетельство проникновения в Силла конфуцианства, а в 505 г. впервые было установлено административное деление страны на области (чу), округа (кун) и уезды (хён).

При ване Попхыне (514—540) началось создание государственного аппарата, причем первым в 517 г. было создано военное ведомство — Пёнбу. В 520 г. был обнародован свод законов и введена форменная одежда для чиновников (красного и лилового цвета). В 531 г. учреждается должность сандэдына — главы аристократического совета при ване (его члены назывались тэдынами), эта должность становится высшей в государстве, ее занимают наиболее близкие к трону лица, и обычно новый ван назначал и нового сандэдына.

Важнейшим событием стало официальное принятие в 528 г. буддизма в качестве государственной религии (уже в следующем году был издан указ о запрете убийства живых существ). Наконец, при Попхыне был окончательно решен вопрос о Кая. В 522 г. каяский ван прислал посла для сватовства, и ему была послана одна из представительниц правящего рода, а в 524 г. при поездке Попхына на южную границу состоялась его встреча с ваном Кая. Дело кончилось тем, что в 532 г. ван Кая отдался под власть Силла, а его трем сыновьям были пожалованы высшие силлаские чины.

В 576 г. ваном становится Чинджи (576—579). При нем учреждается Государственный совет — Пхумджу (позже Чилсасон) — высшее государственное учреждение Силла. При Чинхыне создается постоянная армия и появляется ряд военных должностей. В 544 г. были сформированы Тэдан (в дальнейшем важнейшая часть армии, игравшая роль гвардии) и так называемые «Сипчон» — 10 отрядов, именовавшихся по населенным пунктам. В это время Силла устанавливает связи с южными китайскими династиями: в 521 г. силлаское посольство отправляется в Лян (в 549 г. Силла посещает лянское посольство), а затем поддерживает регулярные связи с Чэнь (после того, как оттуда в 565 г. прибыл посол для установления дипломатических отношений, силлаские посольства в Чэнь следуют в 566—568, 570—572 и 578 гг.). Однако отмечены и контакты с Северным Ци (посольства туда направлялись в 564 и 572 гг.).

Именно при Чинхыне начинается новый этап борьбы за преобладание на Корейском полуострове, когда Силла впервые выступает как претендент на гегемонию. В 550 г. Силла, окрепнув, перешло к завоевательным действиям, причем против обоих государств — и Пэкче и Когурё, воспользовавшись их ослаблением в результате предшествующих войн. Пэкче захватило когурёскую крепость Тосаль, а Когурё — пэкческую крепость Кымхён, и силлаский ван захватил обе эти крепости. Так рухнул полуторавековой союз с Пэкче, хотя еще в 541 г. было принято мирное пэкческое посольство, и в 548 г. Силла отправляло 3 тыс. воинов на помощь атакованной когурёсцами крепости Токсан). В 551 г. силлаские войска во главе с Кочхильбу захватили 10 когурёских округов. Что касается Пэкче, то оно после разрыва отношений ответило целым рядом нападений, большей частью неудачных: в 554 г. пэкческие войска напали на Квансон, но потерпели тяжелое поражение, в 562 г. они потеряли более 1000 человек убитыми и пленными.

В 562 г. силласкими войсками во главе с Исабу и Садахамом было подавлено восстание в Кая.

После Чинджи престол достается вану Чинпхёну (579—632). Именно при его длительном правлении была сформирована основа государственного аппарата Силла в виде важнейших отраслевых ведомств (в 581 г. учреждается такой важнейший орган как Вихвабу — ведомство чинов, в 583 г. — корабельное ведомство Сонбу, в 584 г. — подворное ведомство Чобу и транспортное Сымбу, в 586 г. — ведомство церемоний Йебу, в 622 г. — объединенное дворцовое ведомство Нэсон) а также целый ряд других учреждений. Продолжается формирование новых частей постоянной армии, в 624 г. учреждается и Сивибу — управление дворцовой охраны.

Выдающимися деятелями этого периода были Исабу и Кочхильбу. Первый из них, появившийся на политической сцене в 505 г., прославился не только как полководец; именно по его инициативе в 545 г. началось составление истории государства. Задача эта была возложена на Кочхильбу, который состоял в ближайшем окружении вана Чинхына, а в 576—579 гг. был сандэдыном (умер он в возрасте 78 лет, приняв монашество).

После объединения Китая династией Суй, Силла становится его стратегическим союзником на полуострове (для китайцев, следовавших известному правилу «враждовать с соседями, дружить с дальними странами», только Силла, расположенное в тылу соприкасавшихся с ними Когурё и Пэкче, могло играть эту роль). Силлаские посольства в 596—608 гг. отправлялись в Суй четырежды, суйское прибыло в Силла в 613 г. Не изменилась эта ситуация и после смены Суй династией Тан. Чинпхён в 621—632 гг. 9 раз направлял туда посольства, а из Китая в 621—626 гг. прибыло 3 посольства.

В это время продолжают столкновения с Когурё (в 603 г. 10 тыс. силласцев отражали когурёское нападение на Пукхансан, в 608 г. когурёсцы пленили 8 тыс. человек на северной границе и захватили крепость Умёнсан, в 629 г. силласцы нанесли им поражение и взяли крепость Нанби, убив более 5 тыс. когуресцев).

Силла ведет также войны и с Пэкче. В 602 г. пэкчесцы напали на крепость Амак, потерпев поражение, в 605 г. последовал ответный силласский удар, в 611 г. после 100-дневной осады пэкчесцы взяли крепость Каджам, в 616 г. напали на Мосан, в 624 г. пэкчесцы осадили и взяли 6 силласских крепостей, в 626 г. напали на крепость Чудже, в 627 г. захватили еще 2 крепости, уведя более 100 пленных.

За полгода до смерти вана Чинпхёна, летом 631 г., двое сановников — ичхан Чхильсук и ачхан Сокпхум намеревались поднять мятеж, но их заговор был раскрыт. Чхильсук и 9 колен его родственников (четыре — по мужской, три — по женской и две — со стороны жены) были казнены сразу же, а Сокпхум, бежавший в Пэкче — после его поимки. Попытка мятежа была связана с намерением вана оставить престол своей старшей дочери Токман, что было неслыханным в практике силасского престолонаследия. Однако она все же взошла на престол, и стала первой женщиной-ваном Сондок (632—647). Наследовала ей (несмотря на наличие мужского потомства вана Чинджи) ее двоюродная сестра Сынман, вступившая в брак с ваном Чиндок (647—654). Ее вступление на престол было магическим. За несколько дней до кончины вана Сондок, когда решение о престолонаследии было уже известно, занимавший должность сандэдына ичхан Пидам, а также и Ёмджон, считая, что «при женщине-правительнице не может быть доброго правления», подняли мятеж, опираясь на крепость Мёнхвальсон, однако после десятидневных боев с верными вану войсками во главе с Ким Ю Сином были разбиты. Пидам и 30 его сторонников были казнены. Ким Ю Син, сыгравший главную роль в этих событиях, был, пожалуй, наиболее выдающимся деятелем за всю историю Силлы. Внук перешедшего на службу в Силла сына бывшего каясы вана каккана Мурёка начал службу еще в начале 20-х годов VI в., и к этому времени уже прославился как полководец.

При Чиндок формирование государственного аппарата было продолжено. В 651 г., с преобразованием Пхумджу в Чипсабу, там учреждена должность его главы — чунси (позже сиджун), занимавшая второй по значению после сандэдына должность в государстве. Она появилась в качестве некоторого противовеса посту сандэдына и замещалась лично преданными вану сановниками. Благодаря тому, что чунси фактически стоял во главе всей государственной администрации (которая с этого времени приобретает преобладающее значение в деле государственного управления), его реальный политический вес был даже выше, чем сандэдына. В том же году были образованы Чханбу, недавнее государственны-

ми запасами, и Чварибанбу, ведавшее юриспруденцией, а также ряд специализированных управлений.

При женщинах-правительницах внешняя политика Силла оставалась неизменной. Отношения с танским Китаем еще более укрепились, обе правительницы получили инвеституру от императора (с этой целью прибывали танские посольства в 635 и 647 гг.), а Силла в 633—654 гг. 18 раз отправляло посольства к танскому двору. В 640 г. на учебу в Китай были посланы дети силлаской знати. По-прежнему враждебные отношения сохраняются с Когурё (в 638 г. когурёсцы потерпели тяжелое поражение при осаде крепости Чхильджун; зимой 642 г., когда когурёсцы задержали силлаского посла, 10 тыс. силласцев вторглись в их южные пределы. Силла вело интенсивные войны и с Пэкче. В 642 г. пэкчесцы захватили 40 силласких крепостей. В 644 г. силласцы во главе с Ким Ю Сином в свою очередь взяли 7 пэкческих крепостей; в 645 г. войска Силлы разбили вторгнувшееся пэкческое войско, уничтожив 2 тыс. человек. В 649 г. Ким Ю Син нанес войскам Пэкче сокрушительное поражение (они потеряли до 100 военачальников и 8890 солдат убитыми, силасцам досталось 10 тыс. лошадей и большое количество вооружения).

Глава VI

БОРЬБА ЗА ГЕГЕМОНИЮ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

1. Борьба Силла за объединение полуострова

В 654 г. начинается новая эпоха истории Силла — правление Чхунчху-вана Тхэджон-Мурёля (654—661) и его сына вана Мунму (661—681). Это самый важный период истории страны, время наиболее ожесточенных войн за объединение полуострова, когда Силла не только объединило страну, но и отразило попытки Кнгая аннексировать значительную ее часть. Это было время резкого усиления единоличной власти вана, становления ванской автократии. Этот период насыщен важнейшими событиями.

Ким Ю Син и Чхунчху были дружны с юности, и союз этих двух выдающихся людей во многом обусловил ход дальнейших событий. Группировка Чхунчху — Ю Сина, стоявшая в этот период у власти и обеспечившая в конечном счете объединение страны, сложилась еще до вступления Чхунчху на престол, а затем ее представители играли, естественно, ведущую роль в событиях. К ней принадлежали, во-первых, сыновья Чхунчху, которые (за исключением никак особенно себя не проявившего Ночха) были крупными полководцами и государственными деятелями. Старший — Поммин, до назначения в 655 г. наследником престола был главой военного ведомства — пёнбурёном, тэаккан Инмун был вторым по значению государственным деятелем Силла после Ким Ю Сина, игравшим важнейшую роль в войнах за объединение и отношениях с Танами, а также другие сыновья.

Сразу по вступлении на престол вану Тхэджон-Мурёлю пришлось иметь дело с коалицией всех противников Силла: в начале 655 г. объединенные силы Пэкче, Когурё и племен мохэ напали на северную границу и захватили 33 крепости. В 659 г. Силла обратилось за помощью к Танам, и в 660 г. развернулись решающие события. Главные силы Силла во главе с Ким Ю Сином вышли на Хвансанскую равнину, где их ждали пэкчесцы, успевшие оборудовать 3 укрепленных лагеря. После ожесточенных боев силлосцы победили и через три дня вышли на равнину Собоури, к пэкческой столице, которая вскоре капитулировала, а пэкческий ван бежал в Унджин и также капитулировал.

Одновременно с пэкческой кампанией велись бои и против Когурё, которое зимой 660 г. напало на Чхильджун. В следующем году когурёсцы вместе с мохэ напали на Сульчхон, и, потерпев

там неудачу, предприняли ожесточенный штурм крепости Пукхансан, которая, имея 2,8 тыс. населения, героически держалась 20 дней.

В разгар военных действий летом 661 г. скончался ван Тхэджон-Мурёль, и новый ван Мунму продолжил борьбу с пэкческими повстанцами. В следующем году были разбиты пэкчесцы, сосредоточившиеся у крепости Нэсаджи, а в начале 663 г. повстанцы утратили крепости Корёль (потеряв 700 человек), Комуль, Сапхён и Токан (потеряв 1070 человек). В мае того же года силласцы вместе с китайскими войсками Лю Жэньюаня сняли осаду с Унджина. Затем силласко-китайские войска взяли несколько пэкческих крепостей. Силлаская конница, составляя авангард танской армии, участвовала также в разгроме японского десанта.

Если в разгроме Пэкче силлаские войска вынесли на себе основную тяжесть боев, то их участие в войнах против Когурё, которые вели тогда Таны, носило скорее вспомогательный характер. Получив в начале 662 г. приказ императора доставить для китайских войск продовольствие в район Пхеньяна, ван послал Ким Ю Сина с войсками сопровождать обоз из 2 тыс. телег с 4 тыс. сок* очищенного и 24 сок неочищенного риса. Силласцы, достигнув Саняна, уничтожили на перевале Лихён небольшой когурёский отряд, однако прибыв в Чанги, потеряли от холода много людей и лошадей. На обратном пути, перейдя р. Квачхон, они подверглись преследованию когурёской армии, но нанесли ей тяжелое поражение (уничтожив более 10 тыс. человек). В 664 г. силласцы уничтожили когурёскую крепость Тольса, а в 666 г. присоединили к своим владениям 12 когурёских городов, население которых добровольно признало власть Силла. В 667 г. силлаские войска ходили в поход на Когурё, чтобы помочь китайцам, но до военных действий дело не дошло. В 668 г. силлаские войска вновь вышли на соединение с танской армией и нанесли когурёсцам поражение на Чичхонской равнине, после чего вместе с китайцами окружили Пхеньян. После капитуляции Когурё они вернулись в столицу, приведя 7 тыс. пленных. Ким Ю Син, которому ранее за разгром Пэкче был пожалован специально введенный особый чин тэаккана, теперь был возведен в еще один введенный специально для него чин тхэдэаккана.

Итак, Силла осталось единственным государством на Корейском полуострове. Так завершилась многовековая борьба ранних корейских государств за гегемонию. Эта борьба прошла несколько этапов. На первом из них (I в. до н.э. — IV в. н.э.) Когурё, Пэкче и Силла занимались в основном присоединением окружавших их мелких государственных образований. На втором (IV — первая половина VI в.) этот процесс был в основном завершен и борьба за гегемонию на полуострове начинается столкновением Когурё с

* сок, сом — мера объема (180 мл); единица измерения урожая («сноп»).

Пэкче при складывании союза Силла и Когурё против Пэкче, мохэцев и Кая, однако с начала V в. происходит сближение Силла с Пэкче для совместной борьбы против Когурё. Третий этап (вторая половина VI в. — первая половина VII в.) начинается с перехода инициативы к Силла и характеризуется складыванием силласко-китайского союза против Когурё и Пэкче и пэкческо-мохэского союза, что и приводит к исчезновению с политической карты Пэкче и Когурё.

2. Противодействие китайской экспансии

После победы между союзниками — Силла и Китаем, обнаружилось непримиримые противоречия. Силла, естественно, претендовало на земли бывших Пэкче и Когурё, тогда как китайцы имели там свои наместничества, включив эти территории непосредственно в состав империи. Усмирив последние очаги пэкческо-мохэского сопротивления, Таны заставили Силла заключить в присутствии Сюэ Жэньюаня мирный договор со своим ставленником в Пэкче, сыном последнего пэкческого вана Пуё Юном (назначенным наместником) и скрепить его кровью белой лошади. Однако самые возможные претензии Силла на бывшие пэкческие территории полностью исключались. Тем более не собирались китайцы отдать Силла огромную территорию Когурё.

Пока продолжались военные действия против Когурё Силла, естественно, не заявляло о своих претензиях. Но как только оно стало единственным государством на полуострове, все быстро изменилось, и ван Мунму решил начать открытую борьбу с китайцами. Военные действия развернулись на двух фронтах: на севере — на территории бывшего Пэкче. В 670 г. силлаские войска пэкчёрские повстанцы перешли Амноккан и дошли до Оккола, гдеголову разгромили мохэские войска, посланные Танам для подавления восстания в Когурё, однако затем по прибытии больших китайских подкреплений им пришлось отойти в крепость Чонсон. В том же году на территории бывшего Когурё силласцы захватили 12 крепостей и нанесли новое поражение мохэ, убив более 7 тыс. человек. В начале 671 г. мохэ напали на крепость Чонсон, но были отбиты, потеряв более 300 человек. После того, как китайский полководец Сюэ Жэньгуй и силлаский ван обменялись взаимными обвинениями, 40 тыс. мохэ под командованием китайского военачальника Гао Каня прибыли в Пхеньян, укрепили его стены, а затем вторглись в Силла. В октябре 677 г. силласцы разбили китайский флот из 70 транспортных судов, взяв 100 пленных и истребив остальных.

Одновременно шли бои и на землях бывшего Пэкче. В 670 г. ван Силла, больше не считая себя связанным договором с Пуё Юном, направил войска на находившуюся под его контролем пэкческую территорию. Силлаские полководцы в короткий срок захватили 70 пэкческих крепостей, переселив часть населения в Силла. В

671 г. силласцы напали на окрестности крепости Карим, а затем разбили китайско-пэкческие силы у Соксона, убив 5300 человек. В начале 672 г. силласцы взяли крепость Косон. Вскоре все земли бывшего Пэкче были захвачены и присоединены к Силла.

Но на севере война продолжалась еще несколько лет. В 672 г. к Пхеньяну подошли подчиненные Танам 10 тыс. мохэ и 30 тыс. киданей, которые захватили крепости Ханси и Маып в нижнем течении Тэдонгана. При дальнейшем продвижении в районе крепости Пэксу они потерпели поражение от силласко-когурёских войск, потеряв несколько тысяч человек, и отступили. Осенью 673 г. 100 силласких кораблей были посланы охранять побережье Желтого моря, а вторгшиеся с севера китайцы с киданями и мохэ были разбиты в 9 боях, потеряв более 2 тыс. человек убитыми и много утонувшими в реках Хоро и Ванбон. Зимой китайцы захватили крепость Уджам, а кидани и мохэ разрушили Тэян и Тонджа. В 674 г., когда ван Мунму принял под свою власть восставшее население Когурё, а также официально аннексировал территорию Пэкче, назначив туда своих чиновников, император лишил его всех титулов и вместо него ваном Силла был провозглашен брат Мунму Инмун, находившийся тогда при танском дворе.

В 675 г. Лю Жэньгуй разбил силлаские войска у крепости Чильджун, но другой китайский полководец, Сюэ Жэньгуй потерпел поражение при попытке взять Чхонсон, потеряв 1400 человек и 40 кораблей. В конце сентября силласцы разбили 200-тысячную армию Ли Цзиньсина у крепости Мэчхо, захватив 30380 коней. Тогда же нападению мохэ подверглась крепость Ададь, затем китайцы с мохэ и киданями пытались взять Чхильджун, мохэ разрушили Ёкмок, истребив все ее население, а китайцы взяли Сокхён. Всего силласцы в 675 г. имели 18 больших и малых победных сражений с Танами, в которых убили 6047 вражеских воинов. Осенью 676 г. китайцы захватили крепость Торим, а зимой Сюэ Жэньгуй нанес поражение силласким войскам Сидыка у Кибольхо, но в последовавших за этим 22 сражениях был разбит, потеряв более 4 тыс. убитыми. После этого военные действия прекратились.

После войны между Силла и Китаем установились мирные отношения на основе вассалитета Силла, которые не подвергались ни малейшим испытаниям на протяжении всей дальнейшей истории. Таны вынуждены были смириться с утратой всей территории Пэкче и южных районов Когурё, хотя официально признали фактическую границу значительно позже. Любопытно, что силлаские посольства направлялись даже во время военных действий, причем в ходе переписки силлаский ван приносил извинения и пытался обосновать свои действия, ссылаясь на заслуги во время совместных операций против Пэкче и Когурё в 660—668 гг. За период правления Тхэджон-Мурёля и Мунму зафиксировано 15 силласких посольств в Тан и 10 китайских посольств в Силла.

Внутреннее положение в Силла во время этих войн оставалось стабильным. При ване Мунму, несмотря на постоянные войны, уделялось много внимания и совершенствованию государственного аппарата: в 667 г. появилось еще одно ведомство по юриспруденции — Урибанбу, в 677 и 681 гг. — два управления по выдаче повеления чиновникам (Чвасароккван и Усароккван). Были увеличены штаты ряда ранее созданных учреждений. Большое внимание уделялось формированию новых частей армии (в том числе были сформированы 5 отрядов чусо, именовавшихся по областям, и ряд других). Административная система Силла к концу этого периода полностью была сформирована.

Глава VII

ГОСУДАРСТВО ОБЪЕДИНЕННОЕ СИЛЛА

1. Расцвет Объединенного Силла

В результате ожесточенных войн в VII в. на Корейском полуострове впервые в корейской истории образовалось единое государство Объединенное Силла. В состав этого государства была включена вся территория полуострова к югу от р. Тэдонган (официально граница по р. Тэдонган была признана Китаем только в 735 г.). На территории северной части полуострова, Маньчжурии и Приморья образовалось государство Бохай (Пархэ), основное население которого составляли племена мохэ, а правящий слой — бывшие когурёские аристократы, но с ним Объединенное Силла не поддерживало отношений. Вся история Объединенного Силла прошла без внешних войн.

Период 681—780 гг., когда правили сын Мунму, ван Синмун (681—692) и прямые потомки последнего вплоть до Хегона (правлением которого, по традиционной хронологии завершается «средняя эпоха» Силла), был временем наивысшего расцвета централизованного государства, торжества ванского абсолютизма. В течение практически всего этого периода, несмотря на оппозиционные настроения части аристократии, ваны твердо держали власть в своих руках.

Уже при восшествии на престол в 681 г. вану Синмуну пришлось столкнуться с мощным заговором, во главе которого стояли сопхан Ким Хым Доль, пхаджинчхан Хынвон и тэачхан Чингон. Все трое вместе со своими сторонниками были схвачены и казнены. Через 20 дней был казнен и пёнбурён ичхан Кунгван, «имевший связь с заговорщиками» и не донесший об их замыслах. Участие в заговоре главы военного ведомства придавало ему особенно опасный характер, тем более, что заговорщики готовились к вооруженному выступлению.

В 684 г. Синмуну пришлось иметь дело с оппозицией со стороны бывших когурёских сановников. Бывший «когурёский ван» Ансын в 683 г. был официально принят на силласкую службу, и тем самым был положен конец даже формальному существованию когурёской автономии (сохранявшейся некоторое время из политических соображений в условиях войны с Китаем). Это-то и вызвало недовольство группировавшихся вокруг Ансына когурёских аристократов. В 684 г. родственник Ансына, чангун Тэмун, замышлявший мятеж в округе Кыммаджо, был разоблачен и казнен,

его единомышленники, несмотря на это, все-таки восстали, были силласких чиновников и укрепились в крепости Кым-ко. В ожесточенном сражении крепость была взята, а ее население переселено в южные области страны. В 700 г. был раскрыт один заговор силласких аристократов во главе с ичханом Чонном (казнен): в заговоре был замешан также чунси тэачхан Чон (был смещен, но ему сохранили жизнь).

При Синмуне и его сыне ване Хёсо (692—702) наибольшим влиянием в государстве пользовались деятели, выдвинувшиеся в предшествующий период, — собульгам Чинбок и ичхан Кэвон. Такие сандэдынами соответственно в 681—694 и 695—706 гг.). В это время существенных изменений в структуре государственно-административного аппарата не происходило (он уже был полностью сформирован).

В 682 г. был создан Кукхака — Государственный конфуцистский университет. Были произведены изменения в военной организации: в 683—693 гг. были созданы новые части (в том числе в соданов, некоторые из них были сформированы по «национальному» принципу, в частности, из бывших когурёсцев, пэкхёнцев, из мохэ), после чего уже никаких изменений до самого конца Силла не происходило. Тогда же впервые была установлена система получения жалованья чиновниками: в 687 г. им были выделены служебные поля «ногып», размеры которых различались в зависимости от ранга, но в 689 г. вместо «ногып» было введено денежное жалованье зерном, что свидетельствовало о достигнутом к этому времени весьма высокой степени бюрократизации.

Правления брата Хёсо, вана Сондока (702—737), и сына последнего, вана Хёсона (737—742) прошли относительно мирно. Несмотря на то, что несколько лет подряд страну постигала засуха и истощающий ее голод (голодными были 705—707, 709, 714—720 гг.), появления банд «воров и разбойников», как это обычно бывало в подобных случаях, не зафиксировано. Из замечательных мероприятий царствования Сондока можно отметить строительство длинных стен на северной границе (для этого было мобилизовано 2 тыс. военнообязанных) и раздачу так называемых государственных полей: вдоль укреплений предполагалось расселить переселенцев. В 735 г. Таны, наконец, признали де-юре существующую с 70-х годов VII в. границу, «даровав» Силла занятые тогда земли.

После смерти не имевшего сыновей Хёсона престол наследовал брат — ван Кёндок (742—765). Его правление прошло безмятежно (хотя некоторые годы — 747, 754—755 были неурожайными). Это был, пожалуй, пик благополучия, когда силлаское государство в наибольшей мере отвечало тогдашним понятиям «цивизованности». Наглядным выражением этого явились широкоэтабные административные реформы, затронувшие центральный и провинциальный аппарат и имевшие целью привести его в максимально полное соответствие с китайским. С 747 г. чунси стали именоваться сиджунами, в следующем году для надзора за

поведением чиновников вводится должность чончхаля, тогда же на севере страны создается 14 новых округов и уездов, но основные реформы осуществлялись в 757—759 гг. В 757 г. проходит реформа местной администрации, в ходе которой переименовываются области и между ними перераспределяются заново округа и уезды. Тогда же вместо помесячного жалования вновь вводятся служебные наделы ногып. В следующем году происходит чистка госаппарата, в ходе которой увольняются недееспособные чиновники («находящиеся в отпуске более 60 дней»). Наконец, в 759 г. производится тотальное преобразование по китайскому образцу практически всех государственных учреждений и переименование их штатных должностей.

Однако уже при сыне Кёндокка — ване Хегоне (765—780) впервые намечилось ослабление государственной власти, выражением чего стал отказ от нововведений его отца в сфере устройства государственного аппарата. В 776 г. все преобразования и переименования 759 г. были отменены.

В 768 г. против вана Хегона подняли мятеж ильгильчхан Тэгон и его младший брат — ачхан Тэрём. Беспорядки затронули не только столицу, где мятежники 33 дня они осаждали ванский дворец, но всю страну и продолжались в общей сложности три месяца (в «Самгук юса» эти события характеризуются как «война 96 какканов»). В конце концов сторонники Тэгона были разгромлены верными вану войсками и казнены вместе с их родственниками «девяти колен». Общее же количество казнённых «было неисчислимо». Через два года, в 770 г. был казнён тэачхан Ким Юн, также замышлявший мятеж. В июне 775 г. Ким Ынго поднял мятеж, но был пленен и казнён, а в августе того же года были казнены составившие заговор с целью мятежа новый сиджун ичхан Чонмун и ичхан Ёмсан.

Недовольство сановников имело и объективные причины, ибо, «ван крайне юным вззошел на престол, а в зрелые годы погряз в разврате и предавался безудержной гульбе, расстроились дела государственного управления, многократно наступали стихийные бедствия, стало мятежным настроение народа, алтари государства оказались под угрозой». В 780 г. новый мятежник — ичхан Ким Чиджон, собрав сторонников и осадил дворец. Были убиты ван Хегон и его жена. Но бывший при Хегоне сандэдыном Ким Янсан (сам при жизни Хегона резко осуждавший его поведение и в 777 г. подавший соответствующую петицию) вместе с ичханом Ким Кёнсином, собрав преданные им войска, разгромили и уничтожили Чиджона и его сторонников. Поскольку линия прямых потомков Тхэджон-Мурёля на Хегоне пресеклась, Ким Янсан сам занял престол под именем 37-го вана Сондока (не путать с 33-м ваном).

Весь период правления Синмуна и его потомков, в целом наиболее благополучный в силлаской истории, характеризуется чрезвычайно тесными дипломатическими связями с танским Китаем.

В это время, особенно начиная с правления 33-го вана Сондока, отмечено наибольшее количество посольств в Китай. В 686—700 гг. туда было отправлено в общей сложности 64 посольства. В 700 г., когда бохайцы стали с моря совершать грабительские набеги на Дэнчжоу, силлаские войска по приказу императора Сюаньчжуна выступили против Бохая, но из-за глубокого снега им пришлось вернуться, потеряв от морозов больше половины войск.

Контакты с Японией были, как и раньше, незначительны. Японские посольства посещали страну в 698 и 703 гг., затем государственные связи надолго прекратились, что, видимо, было вызвано инцидентом 731 г. (когда японцы на 300 кораблях напали на восточные границы Силла, но были разгромлены). В 742 и 743 гг. прибывшим японским послам было отказано в приеме.

2. Правление боковых ветвей династии Ким

Следующий период (780—861) — самый бурный в политической истории Силла. В это время правили потомки боковых ветвей рода Ким — ваны Сондок (780—785), Вонсон (785—798) и две соперничавшие линии потомков последнего. Период этот характеризуется политической нестабильностью, ослаблением власти вана и постепенным упадком государства. В начале правления Сондока, в 781 г., пришлось умиротворять области и округа к югу от р. Нхэган, где произошли беспорядки.

Правление Вонсона было спокойным, но страну не раз постигали голод, голодными вследствие засух и нашествия саранчи были 788—789, 795—797 гг., причем в 788 г. в западных районах на почве вспыхнули выступления. Оно отмечено и очень важным нововведением: в 788 г. впервые в истории Кореи для отбора на службу были введены экзамены, на которых победителям присваивались три степени учености в зависимости от успехов в изучении конфуцианских канонов и исторических сочинений.

Никому из сыновей Вонсона (умерших при его жизни) не удалось царствовать, и 39-м ваном под именем Сосон (798—800) Чунон, сын старшего сына Вонсона Ингёма (с этого времени в семье Ингёма правили около 40 лет). Он имел богатый опыт царственного управления, но править ему пришлось недолго: в 800 г. он скончался, уступив престол сыну Чхонмёну (ван Чхонмён, 800—809), человеку молодому и ничем не примечательному. Однако в его правление был осуществлен ряд важных мероприятий: в 805 г. было обнародовано 20 новых законов, а в следующем году издан указ о запрещении создания новых буддийских монастырей (чтобы затормозить распыление государственных средств на содержание буддийского фонда); тогда же был осуществлен и ряд штатных реформ и других преобразований в центральном аппарате.

В 809 г. Эджан был свергнут и убит в результате военного переворота. 41-м ваном под именем Хондок (809—826) стал Онсын. Он правил твердой рукой, но страну часто постигали сти-

хийные бедствия, с 815 по 821 гг. прошла целая полоса голодных лет (доходило до продажи детей), причем в 815 и 819 гг. пришлось направлять войска для усмирения возникших беспорядков и истребления многочисленных разбойных шаяк (особенно пострадали западные области).

Конец правления Хондока был омрачен крупными мятежами, которые были жестоко подавлены армией.

После смерти вана Хондока в 826 г. престол под именем Хындока занял его брат Суджон. Его царствование (826—836) прошло спокойно (только в 832 г. отмечены выступления на почве голода), но это было затишье перед бурей. За это время выдвинулись новые энергичные деятели и оформились группировки, развязавшие затем между собой острую междоусобицу.

После смерти вана Хындока в 836 г. разыгралась ожесточенная схватка за трон.

После кровавых столкновений победил Уджин, который стал 45-м ваном под именем Синму, но вскоре он скончался, передав власть своему сыну Кёныну (ван Мунсон, 839—857). Правление Мунсона было далеко не безмятежным. В 840, 853—855 и в 859 гг. страну из-за нашествия саранчи постигал голод. Весной 841 г. был раскрыт заговор (вану удалось бежать на острова и скрыться), а весной 846 г. вану пришлось иметь дело с весьма опасным противником Чан Бого, который получил «в кормление» 2000 дворов и почетное звание камыгунса. В 845 г. Чан Бого хотел выдать за вана свою дочь, но, получив отказ, поднял мятеж. Подавить его силой у вана не было средств, и ван прибег к помощи наемного убийцы. Тот, выдав себя за беглеца из столицы, на одном из пиров отрубил Чан Бого голову. В 847 и 849 гг. против Мунсона снова были подняты мятежи, с которыми с трудом удалось справиться.

В 857 г. ван Мунсон (единственный сын которого умер еще в 852 г.) скончался, передав престол своему дяде Ыйджону, бывшему тогда сандэдыном, который стал известен как ван Хонан (857—861). Его правление прошло без потрясений. Не имея сыновей, он передал престол своему зятю — внуку своего двоюродного брата Ынёму (ван Кёнмун).

3. Упадок и крушение Объединенного Силла

С усилением внутренней нестабильности внешние связи Силла ослабли, реже стали посольства в Китай (в 782—851 гг. они отправлялись 22 раза) и китайские посольства в Силла (6 посольств в 785—827 гг.). В 819 г. для подавления мятежа Ли Шидао в Юньчжоу по требованию императора было выслано 30 тыс. силаских войск во главе с Ким Унвоном. В 801 г. Силла посетило с данью посольство из Тхамны (о. Чечжудо). К этому же времени относятся два случая отправки посольств в Бохай: в 790 и в 812 гг. В IX в. несколько участились контакты с Японией. В

403 г. между Силла и Японией состоялся обмен посольствами, и были установлены дружеские отношения. В дальнейшем японские посольства посещали Силла в 804, 806 и 808 гг.; им был оказан гостеприимный прием, однако силлаские посольства в Японию не отправлялись.

Период (861—912), когда правили Кёнмун и его потомки, был временем полного упадка государства, когда оно, сотрясаемое мятежами и заговорами, теряло одну территорию за другой.

Кёнмуну наследовали сыновья: ваны Хонган (875—886) и Чонсан (886—887), дочь Ман — ван Чинсон (887—897), затем побочный сын Хонгана — ван Хёгон (897—912); третий сын Кёнмуна — Юн не правил.

Правление женщины-вана Чинсон для страны было наиболее тяжелым, она отнюдь не обладала достоинствами своих предшественниц начала VII в. Фактически страной правил давний ее фаворит каккан Вихон (известный также тем, что вместе с Тэгу составил собрание песен-хянга «Самдэмок»), а после его смерти ван приблизил к себе молодых фаворитов, передав им в руки управление страной. Как отмечается в летописи, «вследствие этого не знали пределов бесчинства лстивых и угодливых любимцев, взятки имели всеобщее хождение, несправедливо давались награды и начинались наказания, приходили в упадок законы государства». Налоги практически перестали поступать, и казна опустела.

В 888 г. страну постигла засуха, и в 889 г. при попытке собрать налоги начались крестьянские выступления. Подняли мятеж и чиновники, и его не удалось окончательно подавить: распад государства стал свершившимся фактом. В 896 г. вспыхнуло восстание, участники которого как отличительный признак носили красные штаны; им удалось прорваться в столицу и разграбить ее западную часть.

В этих условиях дипломатические связи с Китаем стали совсем редки (силлаские посольства отправлялись в 862—897 гг. / раз, а китайские прибывали в 865, 874, 878 гг.), а с конца IX в. совсем прекратились. Японские посольства прибывали в 864, 878 и 882 гг., но силласких посольств в Японию больше не было.

Вступивший на престол Силла после смерти вана Чинсон ее племянник ван Хёгон (897—912) был не в силах что-либо предпринять. Он, впрочем, и не особенно старался. Увлечшись одной из своих наложниц (женщиной низкого происхождения), ван совершенно забросил государственные дела, и даже убийство этой наложницы пытавшимся заставить Хёгона исполнять свои обязанности сановником Ыйгёном не исправило положения. В конце IX в. страна являлась ареной борьбы между отколовшимися от центральной власти правителями.

В 912 г. Хёгон скончался, передав престол брату жены Кёнуну.

Последний период истории Силла — правление ванов из рода Пук (912—935) был временем окончательной гибели государства.

Кёуну (53-й ван Синдок, 912—917) наследовали сыновья — ваны Кёнмён (917—924) и Кёнэ (924—927). В 918 г. против Кёнмёна был поднят мятеж, который был подавлен. В этот период снова несколько оживляются отношения с Китаем, куда в 923, трижды в 924, в 927 и в 932 гг. направляют посольства

В середине 890-х гг. на политической сцене появился Кунье. По одним данным, он являлся побочным сыном 47-го вана Хона-на, по другим — 48-го вана Кёнмуна и сначала был монахом монастыря Седальса, но решил найти лучшее применение своим способностям в то смутное время. В 904 г. он назвал свое государство Маджин (с 911 г. оно именовалось Тхэбон) и создал собственную административную систему. Кунье объявил себя сошедшим на землю Буддой Грядущего — Майтрейей, сделав свою персону предметом культа. В то время под его властью находилось более 10 областей и уездов области Пхэсо.

В 918 г., Кунье был свергнут и убит. На престол был возведен Ван Гон, который стал основателем государства Корё. В 919 г. Ван Гон перенес свою столицу в Сонак. В 920 г. Ван Гон, обменявшись посольствами, заключил союз с Силла и поддерживал с ним неизменно дружественные отношения. Правители силласких округов и уездов постоянно переходили под покровительство Ван Гона (в 920 г. под власть Ван Гона перешла область Канджу, в 922 г. — Ёнджу, крепости Хаджи и Чинбо, в 923 г. — Мёнджи и Кёнсан). Ваны Силла в 920, 921, 924—927, 930 гг. посылали посольства в Корё, прося помощи против общего врага. Когда в 921 г. мохэ напали на северные границы Силла, они были полностью уничтожены войсками Ван Гона.

Территория Силла в результате войн сократилась до ничтожных размеров, и ван Кёнсун в 935 г. отрекся от престола и перешел под власть Ван Гона. Государство Силла прекратило свое существование.

Глава VIII

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И КУЛЬТУРА СИЛЛА

1. Сословная структура и земельная собственность

В процессе формирования государственности силлаское общество первых веков нашей эры разделилось на простых общинников и аристократию. Последняя могла формироваться двумя путями: либо это был весь состав главенствующей общины в качестве родственников правителя, либо, наряду с костяком, образовавшимся из родственников первых правителей, аристократия включала в более или менее равной пропорции верхушку и других общин, составлявших первоначальное политическое образование, и даже глав общин, присоединенных впоследствии.

Социальный строй Силла определялся так называемой системой «кольпхум» (двух «костей» — «коль» и шести «степеней» — «пхум»). Аристократия в Силла состояла из родственников правителей и охватывалась понятием «чинголь» — «истинная кость» (теоретически предполагаемая «сонголь» — «священная кость» как социальная группа никогда не существовала: так называли ванов древности). Ниже ее стояли три разряда тупхум (шести, пяти и четырехглавая степень), однако эти разряды включали практически всех, кто стоял выше рядового крестьянства. К ним, в частности, приравнивались вожди присоединенных общин. Принадлежность к сословным группам тупхум была наследственной, для членов их, равно как и для аристократии чинголь и простонародья были тщательно регламентированы одежда, жилища, повозки, оружие и т. п. Привилегированное положение «чинголь» было официально закреплено. Только ее представители могли иметь пять высших рангов. Таким образом, существовала принципиальная граница, во-первых, между аристократией и сословными группами тупхум, а во-вторых, между ими всеми и простонародьем. Аристократия и чиновничество, которое в основном состояло из представителей группы тупхум, но широко пополнялось из простонародья путем дарования чинов за различные заслуги, составляли в совокупности господствующий класс страны.

Пока число административных должностей было небольшим, все они замещались представителями аристократии, и понятия аристократия и чиновничество совпадали, поскольку могли быть отнесены к одним и тем же лицам. Однако по мере усложнения

административного аппарата чиновничество стало самостоятельным социальным слоем.

Слой непосредственных производителей был представлен в основном крестьянами-общинниками, то есть податным населением деревень, входивших в определенные округа и уезды. Они были лично свободными, и их социальный статус был, в общем, достаточно высок. Свободные крестьяне назывались яньин — «добрые люди», что подчеркивало их социальный статус в отличие от чхо-нинов — «подлых». Все яньины трудоспособного возраста были военнообязанными и составляли рядовой и младший командный состав армии. Будучи держателями наделов, крестьяне-яньины платили государству поземельный и подушный налог и несли отработочную повинность.

Другую часть непосредственных производителей составляли неполноправные члены общества, известные под общим названием чхо-нинов. Их высшим слоем можно считать население деревенских общин типа путок, хян или со, приниженных в сословном отношении. Как и остальные, они несли триаду повинностей, занимаясь земледелием (путок и хян) или ремеслом (со). Низший слой чхо-нинов составляли ноби — рабы, выполнявшие обычно роль домашних слуг, но использовавшиеся также в сельском хозяйстве и ремесле. Существовали как частные, так и государственные ноби.

Та база, на которой происходило в начале нашей эры формирование ранних корейских государств, определила и характер общественных отношений. На основе общинной собственности возникла собственность государственная, которая и заняла господствующее положение. Эта собственность определяла экономические отношения между господствующим слоем и непосредственными производителями. В результате утверждения государственной собственности на землю возникли две формы ренты — продуктовая, существовавшая в виде поземельного и подворного налога зерном, тканями и другими предметами, перераспределяемая государством (этими продуктами выдавалось жалованье чиновникам), и отработочная, выступавшая в виде всеобщей воинской повинности и связанной с ней возможностью мобилизации военнообязанных на государственные работы. Допускалось в порядке исключения и частное землевладение для отдельных представителей аристократии, однако крупные земельные пожалования практиковались крайне редко (встречается пожалование «сигып» за военные заслуги). Государственная власть в лице вана, заинтересованная в стабильном функционировании государственного организма, обеспечивавшимся как аристократией, так и служилым слоем из представителей более низких привилегированных групп, стремилась сохранить господство государственной земельной собственности.

В социально-экономическом строе Силла после объединения под его властью всего полуострова не произошло принципиаль-

ных изменений. По-прежнему общественные отношения базировались на государственной собственности на землю. Часть земель могла выделяться для содержания государственных учреждений, выплаты жалования чиновникам, существовали и специальные дворцовые земли. Однако по мере ослабления централизованного государства со стороны крупных чиновников проявлялась тенденция к превращению служебных условных наделов в частные и наследственные. Пока существовала наделная система и государством было способно осуществлять эффективный контроль за порядком землепользования, крестьянские земли были гарантированы от захвата их крупными сановниками. Но в условиях дезорганизации государственной власти не исключалась возможность захвата крестьянских земель крупными землевладельцами. Собственные земельные владения имели буддийские монастыри.

Система учреждений центрального отраслевого управления начала формироваться в Силла начиная с VI в. В основном система государственного аппарата была создана во 2-й половине VII в. при ванах Чиндок, Тхэджон-Мурёле, Мунму и Синмуне. Высшим государственным учреждением Силла был Чипсасон (ранее Чипсибу). Этот орган занимался общими вопросами управления, а его начальник — чунси (сиджун) был фактически главой государственной администрации. Отраслевое управление осуществляли министерства-пу: Пёнбу ведало военными делами, Чобу — финансами, Чханбу — государственными запасами и Йебу — церемониями, Кёнсон чуджакчон — строительством, Сынбу — сухопутным транспортом, Сонбу — флотом, Саджунбу — ревизией и контролем, Ёнгэкпу — внешними связями, Вихвабу — кадрами чиновников, Чварибанбу и Урибанбу — правосудием и наказаниями, Йеджакпу — общественными работами. Более мелкими вопросами занимались управления-со, которые могли подчиняться некоторым министерствам-пу. Имелся еще ряд учреждений. Особую группу учреждений представляли собой сонджоны (всего 7) — ведомства по делам крупнейших буддийских монастырей. Кроме того, существовала система дворцовых учреждений: Нэсон (министерство дворца) и более 100 мелких учреждений-чон, обслуживавших ванскую семью. Всего в центральном аппарате насчитывалось 160 различных учреждений. Штат Чипсасона насчитывал 27 чиновников, министерства-пу — в среднем около 20 каждое, остальные учреждения — в пределах 10, мелкие дворцовые учреждения — по 2—4. В середине VIII в. ваном Кёндокком была проведена всеобщая реформа госаппарата с целью приблизить его к китайскому, в результате чего были изменены названия почти всех учреждений и должностей, однако уже через 20 лет была восстановлена прежняя система.

Все чиновники разделялись на 19 рангов. Каждому рангу соответствовал чин: исключительный — тхэдэгаккан, особый — тэгаккан, 1-й — каккан, 2-й — ичхан, 3-й — чапчхан, 4-й — пхаджинчхан, 5-й — тэачхан, 6-й ачхан, 7-й — ильгильчхан, 8-й —

сачхан, 9-й — кыпчхан, 10-й — тэнама, 11-й — нама, 12-й — тэса, 13-й — саджи, 14-й — кильса, 15-й — тэо, 16-й — соо, 17-й — чови (приводятся наиболее употребительные наименования; кроме того, были и особые провинциальные чины). Для каждой должности (известно 127 должностей центрального аппарата) предусматривался определенный чин (а, следовательно, и ранг) занимающего ее чиновника, причем чаще — «интервал в чинах», например, должность управляющего в большинстве министерств мог занимать чиновник в чине от тэачхана (5-й ранг) до каккана (1-й ранг). По высоте среднего ранга, предусмотренного для их должностей, все чиновники могут быть разделены на 7 групп: от высшего руководящего состава до младшего обслуживающего. К высшей, 1-й группе относились прежде всего должности главы Чипсасона чунси (сиджуна) и рёнов, возглавлявших 17 важнейших ведомств, основная должность 2-й группы — кён, 3-й — кам и чва, 4-й — тэса, 5-й — саджи, 6-й — са, к 7-й относились низшие должности обслуживающего персонала. Хотя степень унификации силлаского госаппарата чрезвычайно низка (двух учреждений с совершенно одинаковыми штатами почти не встречается), в целом в должностной структуре Силла можно выделить ведущую пятичленную схему: рён — кён — тэса — саджи — са (для большинства министерств-пу), в менее значительных учреждениях она сокращается до трех (кён — тэса — са) и даже до двух (тэса — са) звеньев; в ряде случаев трехчленная схема имеет вид: кам — тэса (чусо) — са. Ряд учреждений имел совершенно специфические структуры и наименования должностей.

В административном отношении страна делилась на 9 областей (чу), 5 малых столиц (согён) — Кимхэ, Чхунвон, Пуквон, Совон и Намвон, 117 округов (кун) и 293 уезда (хён). Для каждой административной единицы предусматривался штат чиновников. Известно 16 провинциальных должностей, из которых основными были тодок — правитель области, сасин — глава малой столицы, тхэсу — глава округа и хённён — глава уезда. Из 9 областей 3 — Санджу (до 757 г. Саболь), Янджу (Самян) и Канджу (Чон) были исконно силласкими, 3 — Унджу (Унчхон), Чонджу (Вансан) и Муджу (Муджин) были образованы на бывших пэкческих землях, а 3 — Ханджу (Хансан), Сакчу (Суяк) и Мёнджу (Хасо) — на землях бывшего Когурё. Округа и уезды были единицами одного порядка (округа-кун — более крупными), на равных основаниях входившими в состав областей.

Формирование военного аппарата в целом совпадало по времени с формированием центрального гражданского и даже несколько опережало его, а окончательно завершилось раньше — к концу VII в. Постоянная армия сложилась на базе традиций общинно-родовой организации: все мужское население трудоспособного возраста считалось военнообязанным. Первоначально существовали только территориальные войска (в областях, округах и уездах). Столичные войска появились позже. Однако уже с начала

VI в. в армии стали вводиться единые военные должности, что организационно объединяло столичные и провинциальные войска. В армии Объединенного Силла насчитывалось 35 различных должностей. Высшее звено было представлено чангунами (тэджангуны, санджангуны и хаджангуны), для этих должностей предусматривались чины от 9-го до 1-го рангов, ниже их стояли тэгамы, тедэгамы и тэгван тэгамы (11—6-й ранги), затем танджу (11—7-й ранги), затем камы, чегамы, ханы (13—10-й ранги) и другие, более низкие должности.

Армия состояла из формирований 23-х типов (в числе которых были как соединения, так и отдельные части), которые сложились исторически. Основными соединениями были так называемые «Шесть чонов» (в том числе гвардейские части Тэдан и Квидан и 4 именовавшиеся по областям), «Девять соданов» (эти 9 частей именовавшиеся по цветам, имели почти одинаковую структуру), «Десять танов» (одинаковой структуры) и «Пять чусо» (разной структуры). Соединения состояли из частей, в большинстве своем носивших названия областей и населенных пунктов. Части обычно назывались «тан» (знамя) и служившие в них военные чиновники различались по цвету кыма (нашивке в форме полумесяца на воротнике форменной одежды), имелись также знаки различия в виде элементов шкур хищных животных, перьев птиц, колокольчиков и т.п.

В общей сложности в Объединенном Силла насчитывалось 1,3 тыс. чиновников, в том числе в центральном аппарате — 1330, в военных 3,8 тыс. Жалованье чиновникам выплачивалось в различных формах: либо это были участки земли и сумма полагавшихся с них налогов (налоги платили крестьяне, сидевшие на этих землях и являвшиеся держателями государственных наделов) поступала в распоряжение чиновника, либо зерно, либо другие материальные ценности, например, ткани. В 686 г. чиновникам были розданы земельные участки, но уже в 689 г. земельное жалованье (ногып) было отменено, и вводилось жалованье зерном; в 757 г. помесечное жалованье вновь было заменено на ногып.

2. Культура Объединенного Силла

В культуре Объединенного Силла наряду с мощным пластом традиционных верований заметную роль играли буддизм и конфуцианство. Буддизм проник в Силла в начале V в. До начала VI в. он распространялся довольно медленно, но затем началось непрерывное и быстрое его распространение, причиной чего послужило принятие буддизма в Силла в 528 г. ваном Попхыном в качестве официальной религии. В Силла не отмечено открытых конфликтов между конфуцианством, буддизмом и даосизмом, которые постепенно вошли в качестве составных частей в государственную идеологию этого государства.

В период Объединенного Силла буддизм достиг больших успехов. Известны названия более 200 буддийских монастырей. Основу их земельной собственности составляли пожертвования со стороны ванов (а впоследствии, с появлением частных земель у отдельных аристократов, и с их стороны). Монастыри освобождались от налогов. Земли, принадлежащие им, обрабатывались зависимыми от монастыря людьми: это могли быть как ноби, принадлежащие монастырю, так и члены зависимых неполноправных общин, сидящие на землях, переданных ваном монастырю.

В стране существовала как территориальная буддийская администрация (осуществлявшая управление сангхой по территориальному принципу: в масштабе всей страны, области, уезда), укомплектованная самими монахами во главе с куктхоном, так и центральная администрация (охватывавшая штат государственных учреждений, ведавших делами буддизма), укомплектованная государственными чиновниками.

Буддизм в Корее мог существовать лишь постольку, поскольку он признавал приоритет государственной власти, поэтому взаимоотношения буддистов с последней были по преимуществу доброжелательными. Буддисты привлекались для выполнения различных функций в сфере управления, в первую очередь для совершения культовых обрядов в пользу государства. Однако буддийская церковь как социально-политическая сила представляла собой потенциальную угрозу для политической стабильности государства, и ее землевладение — для тех принципов земельной системы, которые обеспечивали существование централизованного государства. Поэтому ваны не были заинтересованы в чрезмерном усилении экономической базы монастырей (в VI—VII вв. принимались законы, призванные ограничить монастырскую собственность), и сангха была поставлена под контроль государства. Когда в IX в. централизованное государство ослабло, буддизм вышел из-под контроля, в результате чего распад государства пошел еще быстрее.

В Корее распространился буддизм махаянистского толка. Нескольким сект, на которые разделялись его последователи, были в основном аналогами китайских. Уже к середине VII в. сформировалось пять основных махаянистских сект традиционного буддизма (Попсон, Нальбан, Юльчон, Хваом и Попсан). Кроме них, существовали также секты Чонджи, Синин и Сосюн (первые две махаянистские, третья хинаянистская), пользовавшиеся меньшей популярностью. В IX—X вв. в стране возникло 9 дзэн (кор. сон) — буддийских сект, так называемых «Девять гор» (Сильсансан, Тоннисан, Каджисан, Чакульсан, Сонджусан, Саджасан, Свэянсан, Поннимсан и Сумисан); соперничество их с традиционными велось по линии борьбы за популярность и не выражалось в каких-либо политических акциях. Выдающимся буддийским мыслителем был Вонхё (617—686 гг.), широкую известность которому в Китае и Японии принесли его комментарии к основным буд-

онским текстам, особенно к «Трактату о пробуждении веры в чинпу». Вонхё стремился максимально сгладить противоречия между различными направлениями буддизма, а также содействовать распространению веры среди мирян, пропагандируя мысль о всепроникновенной гармонии между Истиной и мирскими потребностями. Другим видным буддийским проповедником был Ыйсан (ум. 702 г.), ведущий теоретик секты Хаом, а позже — Чинпхё (ум. 718), прославившийся своим аскетизмом.

Идеология Силла представляла собой сочетание местных религиозных верований, конфуцианства, буддизма и даосизма. Сплав религиозно-этических учений нашел воплощение в идеологии хваранов, организации молодежи, готовящей своих членов к службе государству. Эта организация подразделялась на небольшие отряды, представлявшие собой свиту их предводителя. В составе молодые люди совершали тренировочные походы, охотились, проходили военную выучку, получали духовную и физическую закалку. Институт хваранов — явление чрезвычайно самобытное, не имевшее аналогов в соседних странах. Из рядов хваранов вышли многие полководцы и государственные деятели Силла VIII в.

Конфликтов на идеологической почве в Объединенном Силла практически не наблюдалось. Конфуцианство и буддизм в целом принимались как два учения, имеющие каждое свою сферу действия, и поэтому вопрос об их соперничестве и тем более о борьбе не стоял. Конфуцианство преобладало в сфере государственного управления и политики (с 682 г. имела высшая конфуцианская школа для подготовки чиновников — Кукхак или Тэ-хак), а буддизм — в сфере непосредственного духовного воздействия на массы. Хотя некоторые ваны, подчеркивая уважение к буддизму, приказывали хоронить себя по буддийскому обряду и многие аристократы принимали монашество, в целом господствующим классом (поскольку он консолидировался на бюрократической основе) предпочтение отдавалось конфуцианству.

Вместе с конфуцианством в стране получала распространение китайская культура. В Кукхаке основными предметами обучения были классические конфуцианские сочинения — «Лунь юй», «Сяо юнь» и другие. В 788 г. были введены экзамены на чин, заключавшиеся в проверке знания конфуцианской классической литературы. В стране употреблялась китайская письменность. Еще в 745 г. по инициативе видного государственного деятеля Исабу была составлена первая история государства («Кукса»). Видным ученым Соль Чхоном (сыном Вонхё) было создано письмо иду, в котором корейские слова записывались с помощью китайских иероглифов. Корейскими конфуцианскими учеными были созданы значительные произведения (на китайском языке) биографического и исторического характера, как, например, «Биографии высших священников», «История хваранов», «Разные Керимские биографии» Ким Дэ Муна, «Хронология ванов» Чхве Чхи Вона.

Развивались и естественные науки, особенно математика и астрономия. Одно из столичных учреждений — созданный в 718 г. Нугакчон, специально занималось вопросами астрономических наблюдений и составлением календаря. Огромное влияние, однако, имела геомантия, исходившая из представления о существовании благоприятных и неблагоприятных мест для строительства и погребений (особенно большое значение придавалось при этом расположению столицы государства). Развитию географических знаний значительно способствовали поездки буддийских монахов, совершавших частые поездки в Китай и Японию и даже совершавших паломничество в Индию. Выдающимся силласким путешественником был монах Хечхо; в первой трети VIII в. он проделал огромный путь через Китай в Индию, затем через Кашмир и Иран добрался до Сирии, а обратный путь держал через Среднюю и Центральную Азию и Памир. Умер он в 727 г. в Чанъани, оставив записки «Повесть о посещении пяти индийских царств», фрагменты которых были найдены в начале XX в. в Дунхуане.

Поэзия в Объединенном Силла была представлена главным образом жанром каё. Она находилась под сильным влиянием буддизма. Авторами многих песен (хянга) были хвараны и буддийские монахи. В 888 г. Вихоном и Тэгу была составлена антология корейской поэзии, включавшая более 1000 произведений. Выдающимся писателем и ученым был Чхве Чхи Вон (858—951), чье поэтическое наследие оказало большое влияние на поэзию последующего периода (в 874 г. он после сдачи экзаменов был назначен начальником уезда Юльсу в Чонджу, затем служил на различных должностях, ездил в Китай, вернувшись в 885 г., снова служил, а в 893 г., будучи тхэсу Пусонгуна, снова посетил Китай, получив по возвращении в 894 г. чин ачхана).

Значительное развитие получила в Силла музыка (силласким музыкантом Урыком был изобретен своеобразный музыкальный инструмент каягым). В период Объединенного Силла в стране продолжал свою деятельность знаменитый когурёский музыкант Ван Санак, но наибольшей известностью пользовался Ок Бого. В Силла существовало, помимо ударных, два основных типа инструментов: духовые (тэхам, чунхам, сохам) и струнные (каягым, комунго, пипха). Практиковалось выступление ансамблей, состоявших из певцов, музыкантов-аккомпаниаторов и танцоров.

На изобразительное искусство оказал огромное влияние буддизм. В это время строились грандиозные монастыри, храмы и пагоды, создавались великолепные каменные и бронзовые скульптуры персонажей буддийского пантеона. Помимо монастырских построек, весьма интересным образцом силлаской архитектуры является Чхомсондэ (обсерватория). Эта башня строгой каменной кладки имела высоту около 9 м и диаметр у основания 5 м (верхняя часть ее была уже). Наиболее известны монастыри Сачхонванса, Пульгукса, Мирыкса, Ёнмёса, Хваннёнса, Ёнхынса, Пондокса, а также пещерный храм Соккурам с более чем 40 камен-

Изваяниями и рельефами (и прежде всего трехметровой статуи сидящего Шакьямуни). Выдающимся произведением искусства была гигантская статуя Будды, отлитая в 574 г. для монастыря Хваннёнса. Она имела высоту 5,2 м, и на ее изготовление было затрачено 27 т меди и около 4 кг золота. Получило распространение изготовление бронзовых художественных колоколов для буддийских монастырей диаметром в несколько метров и весом в десятки тонн (самый большой из них — отлитый в 771 г. колокол монастыря Пондокса весом 72 т и диаметром 2,47 м; однако есть свидетельства создания для монастыря Хваннёнса в 754 г. колокола весом в 298 т), а также других предметов буддийского ритуала.

Разцы силлаской живописи до нас не дошли, но по письменным источникам известно о существовании в Силла высокохудожественных картин. Одним из них был Сольго (конец VII в.), изображение им сосны на стене монастыря Хваннёнса было настолько столь натуралистично, что птицы, якобы, разбивались об попытку сесть на ветви дерева. Своеобразными произведениями искусства были надгробные памятники. Наиболее известные из них — памятник на могиле вана Тхэджон-Мурёля в виде человека со стелой на спине, ставший образцом для многих других. Этими памятниками было тесно связано искусство каллиграфии на камне (одним из выдающихся каллиграфов был живший в VIII в. Ким Сэн); до нашего времени дошел целый ряд пожалованных грамот монастырям, памятные стелы в честь различных ванов различных мест, надгробные стелы и др.) с естественно выполненными надписями.

Высоким мастерством отличались художественные изделия из драгоценных металлов, камней и керамики, изготовлявшиеся для королевского двора. В погребальных курганах силласких ванов, раскопанных в районе столицы страны (совр. Кёнджу), обнаружено несколько тысяч предметов — от парадного и боевого вооружения до их украшений и утвари. Одной из самых известных находок является золотая ванская корона, выполненная в виде обруча с крылатыми пластинами, прорезанными узорными отверстиями. В том же кургане, получившем название «Курган золотой короной», найден пояс с множеством разнообразных золотых подвесок, золотые туфли, подбитые фигурными гвоздиками, и многие другие высокохудожественные предметы.

перешли на службу в Корё, и их потомков можно встретить среди корёского правящего слоя на протяжении всей истории Корё. Однако основную его часть составляли сподвижники Ван Гона, люди самого разного происхождения. Большинство из них, однако, были авантюристами, всплывшими на волне смуты последних десятилетий существования Силла.

Для консолидации страны Ван Гон широко использовал браки с представительницами «сильных домов» (у него было 6 главных жен с титулом ванху и 23 второстепенных с титулом пуин). В 940 г. была предпринята попытка ввести новое административно-территориальное деление страны, но она не удалась из-за сопротивления местных правителей, которые были еще достаточно сильны. Несколько десятилетий ушло на то, чтобы полностью покончить с их сепаратистскими тенденциями. Ван Гон покровительствовал буддизму, но считал вредным бесконтрольное строительство новых монастырей и стремился поддерживать жесткий государственный контроль над сангхой.

Особое значение Ван Гон придавал району нынешней провинции Пхёнан, где стояли преданные ему войска во главе с его племянником Синнёмом, готовые отразить вторжения маньчжурских племен. Созданная практически одновременно с Корё киданьская империя Ляо в 926 г. уничтожила Бохай, и большое число беженцев оттуда осело в Корё. С Ляо у Корё сложились весьма холодные отношения: два киданьских посольства не были приняты, причем состав второго (942 г.) был сослан на острова, а присланные в дар верблюды были уморены голодом. Но кидани, занятые войнами в Китае, не отреагировали тогда на эти вызывающие действия.

После смерти Ван Гона обнаружились острые противоречия в среде его сподвижников, которые поддерживали разных претендентов на престол. Вана Хеджона (943—945) поддерживал Пак Сурхый, который сразу после смерти вана был сослан и убит. В результате борьбы между группировкой Ван Гю (тестя Тхэджо и Хеджона), стоявшей за одного из сыновей Ван Гона Кванджувона (внука Ван Гю), и группировкой Ван Синнёма на трон был возведен поддержанный последним ван Чонджон (945—949), а группировка Ван Гю истреблена. При Чонджоне столица была перенесена в Пхеньян, а против киданей была набрана 300-тысячная армия. В 949 г. на престол вступил брат Чонджона — ван Кванджон (949—975).

Новый ван получил инвеституру от династии Поздняя Чжоу, а затем и Сун, которая к концу его правления завершила объединение Китая. Он повел решительную борьбу за централизацию страны и укрепление ванской власти, опираясь при этом на бюрократию центрального аппарата, формируемую на китайских принципах. Уже в 958 г. в Корё возрождается система государственных экзаменов на ученые степени, с которыми было связано получение должностей. В стране нашло себе применение и множество

китайских эмигрантов, охотно назначаемых в госаппарат. В 956 г. была проведена ревизия лиц рабского состояния с освобождением тех из них, кто попал в него в смутные времена первых десятилетий X в. Массовое освобождение ноби и превращение их в свободных крестьян — государственных подданных одновременно и пополняло казну, и ослабляло экономическое могущество «сильных домов».

Сознательно копируя сунские принципы организации государственного аппарата и чиновничества (в сунское время — наиболее централизованное в китайской истории, когда до половины чиновничества происходило из неслужилых семей), ван все более начинает опираться на чиновников незнатного происхождения и одновременно разворачивает широкую кампанию репрессий против представителей «сильных домов» и вообще оппозиции, сопровождавшуюся поощрением доносительства. Упорядочение системы налогов позволило в несколько раз увеличить государственный бюджет, но вызвало недовольство в стране, в том числе и со стороны сангхи (несмотря на то, что ван демонстративно покровительствовал буддизму); в 974 г. монахи одного из столичных монастырей даже подняли неудачный мятеж.

Сын Кванджона, Кёнджон (975—981) продолжил курс отца на централизацию, но прекратил репрессии, более того, почти все жертвы предыдущего правления были реабилитированы. Были окончательно упорядочены и земельные отношения. В 976 г. введена система раздачи всем чиновникам служебных наделов, а в 977 г. «заслуженным сановникам» (сподвижникам Ван Гона и их потомкам) были «пожалованы» наследственные земли (их бывшие владения).

Завершил централизацию страны следующий ван — Сонджон (981—997), с именем которого связана и первая серьезная реформа государственного аппарата в 995 г. Большую роль при этом сыграл убежденный конфуцианец Чхве Сын Но (927—989), подавший вану доклад из 28 пунктов, содержавший проект реформ. Помимо трех высших учреждений (Нэса Мунхасон, Сансодосон и Самса), а также Чунчхувона (Военного бюро) было создано 14 сансо бу — отраслевых министерств (в которые были преобразованы существовавшие ранее разномасштабные учреждения): Сансо когон, Сансо ибу, Сансо йебу, Сансо сабу, Сансо пёнбу и т.д. Таким образом, по крайней мере высшее и основное звено аппарата было унифицировано (хотя аппарат вовсе не был копией сунского). В 983 г. была впервые введена регулярная система территориального управления (страна разделена на 12 провинций — моков), несколько видоизмененная в 995 г. (основной единицей стали 10 провинций — то).

В это время с севера над Корё нависла серьезная угроза. В 946 г. Северный Китай был завоеван киданьской империей Ляо. Покорив обитавшие в бассейне р. Амноккан племена чжурчженей, кидани вышли к границе Корё. Правители Корё предприимчиво

1

2

Глава IX

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА КОРЁ В X—XI вв.

1. Основание государства Корё и отношения с киданями

Основатель государства Корё Ван Гон (ван Тхэджо, 918—943) был выходцем из влиятельной семьи, владевшей землями в районе Сонака, на севере страны. Этим объясняется и взятое им для своего государства название — Корё (Когурё без среднего иероглифа, как оно иногда писалось еще в древности). Ни малейшего отношения к прекратившему свое существование за 250 лет до того государству Когурё новое образование, разумеется, не имело, но Ван Гон действовал в рамках известной в китайской истории традиции, когда разного рода узурпаторы и вожди варварских племен для придания «легитимности» создававшимся ими государствам брали для них названия некогда существовавших приблизительно на той же территории китайских царств.

Ван Гон еще в 933 г. был признан китайской династией Поздняя Тан таким же «вассалом», как Силла. Добровольная же передача ему в 935 г. власти последним силласким ваном имела для Ван Гона исключительно важное значение, поскольку действительно делала его легитимным преемником непрерывной линии корейской государственности, воплощенной в Силла. В том же 935 г. Чин Хвон, против которого восстали собственные сыновья, бежал к Ван Гонгу, а в следующем году Ван Гон уничтожил Хубукче, и Корейский полуостров вновь был объединен в рамках единого государства, а в 938 г. Ван Гонгу покорилась и Тхамна (о. Чеджудо). Столицей нового государства Корё стал Сонак, переименованный в Кэён (совр. Кэсон). В 939 г. Ван Гон получил инвеституру и от китайской династии Поздняя Цзинь.

Однако внутренняя структура Корё довольно долго оставалась рыхлой. Успехи Ван Гона во многом объяснялись тем, что при присоединении новых территорий он оставлял покорившимся ему вассалам и начальникам отколовшихся от Силла территорий их земли на правах вассальных владений. Такие владетели имели собственные дружины, и на их самостоятельность центральная власть долго не осмеливалась покушаться. Новый господствующий слой по своему составу был очень пестрым. Последний ван Силла Кёнсун получил в жены старшую дочь Ван Гона, и в дальнейшем дочери этого рода обычно становились женами корёских вассалов. Остальные представители силлаской аристократии также

ли ряд мер для обороны страны, возведя несколько новых крепостей и усилив их гарнизоны. При этом они всячески избегали давать киданям повод к войне, сохраняя позицию нейтралитета между Ляо и сунским Китаем, которые стремились вовлечь Корё в борьбу каждый на своей стороне: в 985 г. Сонджон отклонил предложение Сун совместно выступить против Ляо, а в следующем году отказался от предложенного последнего договора о мире и союзе.

Однако в 993 г. кидани все же перешли Амноккан и вторглись в пределы Корё. Главные силы корёских войск были сосредоточены у крепости Анбук. Обойдя сильную крепость Куджу, кидани разгромили в уезде Понсан часть корейских войск, выдвинутых на северный берег р. Чхончхонган, и форсировали ее. Однако, продвинувшись дальше на юг, они не смогли взять крепость Анюнджин, а при встрече с главными силами во главе с Тэ Досу и Ю Баном потерпели серьезное поражение и вынуждены были начать мирные переговоры. Выдающуюся роль на них сыграл ведущий переговоры с корёской стороны Со Хи, обладавший ярким дипломатическим талантом. От захвата корёских земель (они претендовали на территории, когда-то входившие в состав Когурё, считая их законным достоянием побежденного ими Бохая) им пришлось отказаться, но Корё обязалось разорвать отношения с враждебным киданям сунским Китаем и войти в отношения вассалитета с империей Ляо. В том же году кидани покинули пределы Корё, и вскоре отношения Корё с Сунами, разорванные в 994 г., были восстановлены, а северная граница стала усиленно укрепляться. Под предлогом обеспечения безопасного пути сношений с Ляо Со Хи очистил район между Пхеньяном и Амнокканом от обитавших там чжурчжэней, взяв его под свой контроль и выстроив на этих территориях ряд крепостей: Хынхваджин, Квакчу, Мэнджу и Сонджу.

После смерти Сонджона престол достался 18-летнему Мокчону (997—1009). При нем фактически правила его мать, имевшая от своего фаворита Ким Чхи Яна еще одного сына, которого и собиравалась посадить на престол. Сам же Мокчон желал видеть своим наследником внука Ван Гона, побочного сына вдовы вана Кёнджона Ван Суна. В 1009 г. в дело вмешался полководец Кан Джо. Он расправился с группировкой Ким Чхи Яна (убил и его сына-претендента), но затем сверг и убил и самого вана Мокчона. Ван Сун был возведен на престол под именем вана Хёнджона (1009—1031), но реальная власть попала в руки Кан Джо.

Кидани немедленно воспользовались благоприятной ситуацией и под предлогом «наказания» Кан Джо в 1010 г. снова, на этот раз во главе с самим императором Шэн-цзуном вторглись в страну. После неудачной осады Хынхваджина 400 тыс. киданей направились в глубь страны и в решающем сражении у Тхонджу разгромили 300-тысячную корёскую армию Кан Джо (сам он попал в плен и был казнен). В следующем году кидани, оставив у себя

и тылу ряд очагов сопротивления, в частности, Хынхваджин и Пхеньян, захватили и разграбили столицу Корё, а корёский двор был вынужден бежать в Наджу. Но на захваченной территории продолжалось сопротивление (в частности, отряд Ян Гю освободил захваченную киданями крепость Квакчу), и кидани, не имея возможности подавить его, стали отступать. При отходе войска Ян Гю и Ким Сук Хына напали на них у Куджу, отбив в 10-дневных боях более 30 тыс. пленных корёсцев. Еще один удар кидани получили при переправе через Амноккан у Хынхваджина. Условием окончательного прекращения войны кидани выдвинули личную ямку Хёнджона с данью к лясскому двору и передачу им 6 округов южнее Амноккана. Условия эти приняты не были, и в 1013—1015 гг. кидани пытались захватить эти округа силой, но были отбиты. Им, правда, удалось выстроить на корейском берегу крепость Поджу. В ответ Корё возобновило официальные связи с Цун.

В 1014 г. власть в Корё на время захватила группа военачальников во главе с Чхве Джилем и Ким Хуном. Вскоре, в 1018 г. последовало третье киданьское нашествие. Корёские войска под руководством Кан Гам Чхана и Кан Мин Чхома имели численное преимущество перед киданями (208 против 100 тыс.), однако, нанося отдельные удары, уклонялись от генерального сражения. После боя у Хынхваджина кидани двинулись на Кэгён, но, потерпев поражение в ряде боев (в частности, при переправе через Тэдопган у Чаджу), вновь были вынуждены отойти. В следующем году при отступлении они были наголову разбиты у Куджу, потеряв большую часть войска. После этого кидани оставили попытки штурмовать Корё, и с 1022 г. отношения Корё с Ляо нормализовались на прежних основаниях (Хёнджон, получив инвестицию от Ляо, вынужден был вновь прервать отношения с Сунями).

2. Реформы государственного управления

При Мокчоне было продолжено совершенствование госаппарата, было упразднено пять сансо бу (при Хёнджоне — еще два, и их осталось только семь) и создана сеть более мелких учреждений. Это был шаг к более разумному перераспределению обязанностей между учреждениями, поскольку нелогично было возлагать разные по важности задачи на равные по статусу учреждения. Поэтому в числе сансо бу остались лишь важнейшие, а выполнение более частных задач было возложено на си, камы и соны. Одновременно возникла сеть еще более мелких учреждений — канцелярии (со или кук). Для всех учреждений были установлены более или менее единые штаты. При Хёнджоне в 1018 г. было в очередной раз изменено административно-территориальное устройство страны, которая стала делиться на укрупненные провинции — то и особые пограничные округа — ке (таковых было со-мно два — Северо-Западный и Северо-Восточный).

При следующих ванах — Токчоне (1031—1034) и Чонджоне (1034—1047) военных столкновений с киданями не было. Тем не менее корёские власти, решив навсегда обезопасить страну, в 1033—1044 гг. построили огромную оборонительную стену вдоль всей границы — от устья Амноккана до побережья Японского моря в районе современного Вонсана. Кроме того, ряд крепостей строился на севере, куда переселяли жителей из южных районов. С другой стороны, в это время на территорию Корё весьма активно переселялись кидани и чжурчжэни, против чего корейское правительство не возражало, более того, поощряло иммиграцию, предоставляя поселенцам земли и на первое время освобождая их от налогов.

Наибольшего расцвета Корё достигло в XI в., особенно при ванае Мунджоне (1047—1082). Именно он создал ту административную систему, которая просуществовала почти два с половиной столетия (в дальнейшем, до последней четверти XIII в. имели место лишь частные изменения). Это было время торжества принципов централизации и государственной собственности на землю, которая существовала еще в Силла и в Корё была восстановлена. В рамках центрального аппарата к 7 сансо бу добавился еще Сансо тогван, ведавший делами ноби, были созданы некоторые научные учреждения, окончательно сформирована система специализированных управлений — си и канцелярий — со, началось создание сети более мелких учреждений — чханов и ко, появилось не несколько десятков тогамов и чомов, создаваемых для решения актуальных задач. Были значительно увеличены государственные запасы зерна на случай стихийных бедствий, созданы особые склады зерна, принадлежащего семье вана (Учхан). Именно в правление Мунджона был создан огромный чиновничий аппарат, окончательно определены штаты для всех учреждений (причем они были максимально унифицированы) и четко расписаны по рангам и степеням все должности в государстве. При этом сами штаты уже имевшихся учреждений были увеличены в несколько раз (в отдельных учреждениях — в 10 и более раз) — главным образом за счет введения в штат громадного числа так называемых иско — субчиновников-канцеляристов, не имевших рангов, но, тем не менее, занимавших строго определенные должности.

Внутри страны царило спокойствие. На северной границе твердой рукой усмирялись чжурчжэни, иногда (например, в 1079 г.) позволявшие себе враждебные действия. Мунджон, покровительствуя буддизму, тем не менее, считал себя вправе активно вмешиваться в дела сангхи, следя, например, за внутренним распорядком и соответствием поведения монахов вине (дисциплинарным канонам буддизма). В 1056 г. последовал указ об изгнании из сангхи недостойных лиц. Благополучное государство открыло более широкий доступ в монастыри. В 1059 г. было разрешено поступать в монахи (с 15 лет) одному из трех сыновей в семье. Число монахов стало весьма внушительным. Двор устраи-

они для них пиры за государственный счет (на торжествах такого рода в 1047 г. присутствовало, например, более 10 тыс. монахов). Стабильность политической ситуации способствовала бурному развитию искусств, науки и литературы.

Пользуясь ослаблением империи Ляо, Корё с конца 1060-х гг. обновляет официальные отношения с сунским Китаем, стремясь на сохранение вассалитета по отношению к Ляо. Сунский император был глубоко почитаем в Корё как источник цивилизации, отношения с ним были бы, конечно, гораздо предпочтительнее, чем с киданями. Огромное значение для Корё имел приток разнородной китайской литературы, особенно словарей и энциклопедических сочинений, необходимых для организации управления и литературного творчества. Эта потребность охотно удовлетворялась сунским дворами, который рассматривал Корё как возможного в будущем союзника против киданей. В самом Китае наиболее последовательными сторонниками союза с Корё были знаменитый реформатор Аньши и его группировка.

При Мунджоне ведущее положение при дворе занимал Ли Ён из Инчхона, выдавший за вана трех дочерей и заложив прочную основу для последующего высокого положения своего клана. Кратковременные правления ванов Сунджона (1083), Сонджона (1083—1094), Хонджона (1094—1095) и Минджона (1095—1105) не внесли существенных изменений ни во внешнюю политику, ни во внутриполитическое положение государства.

Глава X

ГОСУДАРСТВО КОРЁ ДО МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ (XII — НАЧАЛО XIII в.)

1. Войны с чжурчжэнями

В начале XII в., в конце правления Сукчона и при ване Еджоне (1105—1122), Корё пришлось столкнуться с чжурчжэнями, которые усиливались по мере того, как слабела киданьская империя Ляо. В 1104 г. в бою с ними у крепости Чонпхён корейские войска во главе с Лим Ганом потерпели поражение, потеряв половину своего состава. Не смог исправить положение и присланный на смену Лим Гану Юн Гван, однако последний очень серьезно отнесся к сложившейся ситуации и принялся активно готовиться к будущей войне, настояв на формировании 170-тысячной армии. В 1107 г. чжурчжэни вновь напали на Корё, но на этот раз были отбиты с большими потерями. Корёские войска, перенеся военные действия на территорию противника, уничтожив и пленив до 10 тыс. чжурчжэней, захватили 135 чжурчжэньских поселений. На вновь присоединенных землях были построены девять крепостей (в том числе Хамджу, Кильджу и Ёнджу), однако через два года их пришлось оставить под натиском чжурчжэней. Собранная Юн Гваном армия была распущена из-за невозможности содержать ее в мирное время.

В этот период Корё окончательно переориентировало официальные дипломатические связи на сунский Китай и захватило у ослабевшей империи Ляо крепость Поджу, которая с этих пор, получив название Ёйджу, стала важнейшим оплотом против нашествий с севера. Когда же чжурчжэни, завоевав Северный Китай, создали в 1115 г. свою империю Цзинь, в 1125 г. уничтожили Ляо, а к 1127 г. захватили весь северный Китай, оттеснив Сунов на юг, Корё пришлось в 1126 г. признать свою вассальную зависимость от чжурчжэньской империи Цзинь. Это произошло мирным путем (несмотря на то, что мнения при дворе разделились, в значительной мере благодаря тому, что отношение к чжурчжэням в Корё, хотя они и считались варварами, было более терпимым, чем к киданям, так как они много столетий жили бок о бок с корейцами, имели с ними торговые и культурные контакты).

В это время реальная власть в стране принадлежала Ли Джа Гёму (внуку Ли Джа Ёна). Он, подобно своему деду, женил на

своей дочери вана Еджона, а вана Инджона (1122—1146) на двух своих дочерях и сосредоточил в своих руках управление военным министерством и министерством чинов, скопив путем взятки огромное богатство. Инджон пытался в 1126 г. устранить его, но попытка кончилась тем, что сам ван фактически оказался под длинным арестом. В следующем году Ли Джа Гёма все-таки удали от власти с помощью группировки сановников из Чина (Пхеньян) во главе с Чон Жи Саном. Однако вскоре новой проблемой для власти стала сама эта группировка, чьи интересы вылились в сепаратистское движение. Идеологом мятежа поднятого на северо-западе в 1135 г., выступил буддийский монах Мёчхон, доказывавший с помощью геомантических построений, что столицей государства должен быть Согён. Мятежники оказались в оппозиции столичному конфуцианскому чиновничеству и по вопросам внешней политики, вынашивая авантюристические планы войны с империей зинь. Под властью мятежников оказались значительные территории, на которых было провозглашено создание особого «Государства великих свершений» (Тэви-

Мятеж вызвал при дворе крайнюю обеспокоенность. Во главе направленных на подавление согёнских мятежников, был послан видный государственный деятель того времени Ким Бу. Покончив со сторонниками мятежников в столице, корейская группировка вначале всерьез претендовала на власть и только после крушения этих надежд развязала сепаратистское движение), правительственные войска выступили на Согён, направили 5-тысячный отряд на северо-восток, чтобы предотвратить расширение мятежа. Осадив Согён, Ким Бу Сик неоднократно предлагал мятежникам сдаться. Часть восставших во главе с Чо Ёнгом, рассчитывая на снисхождение, расправилась с Мёчхоном и его сторонниками, выдав их головы. Однако власти устраивала только безоговорочная капитуляция, и осада продолжалась. Лишь весной 1136 г. войска Ким Бу Сика взяли Согён и сурово расправились с мятежниками.

2. Начало ослабления Корё

Уже в начале XII в. стали обнаруживаться признаки ослабления Корё. Из-за непомерного роста числа чиновников встал вопрос о прекращении выдачи им служебных наделов, благосостояние основной массы чиновников стало падать. В то же время много земель было передано в награду «заслуженным сановникам» и захвачено родственниками ванов, не выполнявшими реальных функций в сфере управления. Усиление имущественной дифференциации между основной массой чиновничества, непосредственно занятой делами службы, и паразитического верхнего слоя, приводило к острым противоречиям между ними. Обострились также противоречия между военным (менее привилегирован-

ным) и гражданским чиновничеством. Положение усугублялось тем, что высшие сановники безнаказанно захватывали служебные наделы мелких чиновников и крестьянские наделы. Усилившийся налоговый гнет (в немалой степени за счет злоупотреблений собиравших налоги чиновников) способствовал тому, что крестьяне — держатели государственных наделов разорялись, а это приводило к сокращению доходов государства. Постепенно формировались могущественные семьи, не происходящие от правящего рода, которые не только сосредоточивали в своих руках большие земельные владения и другие богатства, но и обладали серьезным политическим весом, оказывая влияние на политику двора. При ване Ыйджоне (1146—1170) в стране начались крестьянские выступления. Наиболее крупные произошли летом 1162 г. в районах Инчхона (провинция Янгван), Кокчу (провинция Сохэ), Пхёнгана, Сонджу и Тонджу (провинция Кёджу), а в 1166 г. вспыхнуло восстание на о. Чеджудо. Они не вызвали такой тревоги двора, как согёнский мятеж, но явно свидетельствовали о неблагополучии в стране.

В 1170 г. ван Ыйджон, отличавшийся беспутством и непомерной склонностью к развлечениям и роскоши, был свергнут в результате военного переворота. Причиной недовольства военных чиновников стало их приниженное положение по сравнению с гражданскими, а непосредственным поводом послужило оскорбление, нанесенное видному военачальнику гражданским чиновником (такие факты и ранее неоднократно имели место). Военачальники во главе с Чон Джун Бу, Ли Ый Баном и Ли Го подняли мятеж, учинив под лозунгом «убивать всех, кто носит шляпу гражданского чиновника» резню в столице (в ходе нее погибли такие видные деятели, как Ким Джон Сун и Хан Рве), и возвели на престол брата свергнутого вана — Мёнджона (1170—1197), но реальную власть оставили в своих руках, причем роль высшего органа управления фактически выполнял коллегиальный военный орган Чунбан (куда входили командиры 7 соединений столичных войск и их заместители). С этого времени реальная власть находилась в руках различных группировок военных чиновников. Попытка свержения военных, предпринятая в 1173 г. Ким Бо Даном, успеха не имела. В 1174 г. новая попытка свержения военных силами монахов столичных монастырей во главе с Квибопса, чей отряд в 100 человек первым прибыл в Кэгён, а затем был поддержан еще 2 тыс. монахов, также не имела успеха. В том же году был подавлен еще один мятеж в Согёне, поднятый его правителем Чо Ви Чхоном.

Военные не покушались на изменения в их пользу государственного законодательства в сфере чиновно-должностной структуры. Гражданский аппарат формально продолжал функционировать, но параллельно ему были созданы органы, обладавшие реальной властью, равно как и в провинции реальная власть перешла к местным военачальникам. Поскольку власть теперь базиро-

шла на военной силе, то частым явлением стали распри в самой военной среде. Вначале власть принадлежала триумvirату, под руководством которого был свергнут Ыйджон, но затем Ли Ыи Бан, выдав свою дочь за наследника престола, убил Ли Го и стал претендовать на единоличную власть, однако сторонниками Чон Джу Нбу он был отстранен от власти и смещен со всех должностей. Но вскоре и Чон Джу Нбу, в свою очередь, был убит Кён Дэ Сыном, который, чувствуя оппозицию со стороны значительной части военных, учредил особый военный орган Тобан. После смерти от болезни Кён Дэ Сына власть узурпировал авантюрист низкого происхождения Ли Ый Мин, но был свергнут в 1196 г. Чхе Чхун Хоном и его братом Чхе Чхун Су.

Военный переворот, нарушивший традиционные представления об иерархии и порядок управления, создал благоприятную почву для роста крестьянских выступлений, которые участились уже с середины XII в. В начале правления военных крестьянские волнения происходили в основном в Северо-Западном районе, слившись с мятежом Чо Ви Чхона, а после его подавления несколько лет продолжались выступления крестьян в западных, а потом и в некоторых центральных и южных районах. Среди них наиболее крупным было восстание Манъи, поднявшееся в 1176 г. в Мёнхаксо в районе Конджу. Восставшие захватили Конджу и распространили свое влияние на большую часть провинции Северная Чхунчхон и на некоторую часть Кёнги, но в следующем году восстание было подавлено. Среди крестьянских восстаний в Кёнсандо самыми массовыми были выступления под руководством Ким Са Ми из Унмуна (совр. Чхондо) и Хё Сима из Чходжона (Ульсан или Мирян) в 1193 г. О численности их объединенных сил можно судить по тому, что в бою в Мильсоне (совр. Мирян) погибло 7000 человек.

Захвативший реальную власть в стране Чхе Чхун Хон создал как бы собственную параллельную династию правителей. Начался период правления клана Чхе, продолжавшийся более 60 лет, до самого монгольского завоевания, когда страной управляли он сам и три поколения его потомков, а ваны обладали лишь номинальной властью. Чхе Чхун Хон (сын санджангуна из уезда Убон провинции Кёнги) обладал выдающейся эрудицией и государственными способностями. После устранения группировки Ли Ый Мина он подал вану петицию из 10 пунктов о реформах, в дальнейшем много делал для укрепления внутривластной стабильности в стране и успешно предотвращал выступления возможных противников. Он решительно пресек своеволие буддийских монастырей, наносивших ущерб государственной казне, и стремился улучшить положение крестьян, ноби, а также жителей поселений типа хян, со и пугок. При нем на службу охотно принимались лица низкого происхождения, практиковалось освобождение ноби, статус жителей приниженных в сословном отношении поселений пугок и со был поднят до простолудинов-ями-

нов. В дальнейшем эти люди, преданные дому Чхве, стали главной движущей силой сопротивления монгольской агрессии.

Стремясь создать своему режиму более широкую опору, он оказывал знаки внимания конфуцианской бюрократической элите, привлекая к себе таких ее видных представителей, как Ли Гю Бо, Чин Хва и других. Главным органом власти при Чхве Чхун Хоне стал созданный им Кёджон тогам. Сам он занимал особую должность пёльгама, ведавшего назначениями на службу, финансами и контролем, и располагал несколькими тысячами воинов личной дружины. Экономической основой его власти были огромные земельные угодья в провинциях Чолла и Кёнсан, для управления которыми было учрежден особый орган Хыннянбу.

С осуществлением Чхве Чхун Хоном политики умиротворения число крестьянских выступлений значительно снизилось, но зато усилилась борьба ноби за отмену своего невольничьего статуса. Крупный заговор столичных ноби во главе с ноби дома Чхве Чхун Хона Манджоком возник в 1198 г., причем несколько сотен его участников ставили целью не только свое освобождение, но даже захват власти (свои претензии они обосновывали как раз тем фактом, что при военном правлении к власти пришло много людей низкого происхождения). Заговор был раскрыт, и свыше 100 ноби были утоплены в Есонгане, однако под его влиянием началась целая серия выступлений низших слоев. В 1200 г. поднялись казенные и частные ноби Чинджу, в том же году — ноби в Мильсоне под предводительством Эно, а затем жители пугок в Халпхоне; восставшие в 1202 г. в районе Унмун — Ульджин — Чходжон с центром в Кёнджу монахи и крестьяне около двух лет под лозунгом возрождения Силла вели бои с правительственной армией.

Таким образом, кризис второй половины XII в. привел к установлению в Корё военного правления и созданию системы управления, отчасти напоминавшей систему сёгуната в Японии. Кроме того, потрясения этого времени, широко открыв каналы вертикальной социальной мобильности, привели к существенным изменениям, нарушившим представления об общественной иерархии, следствием чего стал выход на арену новых людей и группировок.

Глава XI

ГОСУДАРСТВО КОРЁ В XIII—XIV вв.

1. Внутреннее положение и борьба против монгольского нашествия

За время своего правления Чхве Чхун Хон сместил двух ванов: Менджона (1170—1197) и Синджона (1197—1204) и возвел на престол грех: Хыйджона (1204—1211), Канджона (1211—1213 гг.) и Коджона (1213—1259). В начале XIII в. Корё опять пришлось столкнуться с киданями, которые были вытеснены монголами со своих земель. Летом 1216 г. несколько сот тысяч киданей, перейдя Амноккан у Ыйджу, подошли к крепости Кулжу, где в ряде боев были разбиты корёскими войсками Ким Чхи Рё, однако в следующем году они вновь вторглись в страну и дошли до столицы Когёна. Не сумев взять ее, они направились на юг, но остановились у крепости Вонджу, почти весь гарнизон которой погиб в боях. Подошедшие туда войска Ким Чхи Рё нанесли киданям поражение, и те отступили. Третье вторжение произошло в 1218 г., когда несколько десятков тысяч киданей вновь перешли границу. Корёские войска отошли к Согёну, где в нескольких боях разгромили киданей, остатки которых были осаждены в крепости Кандон. Однако в конце 1218 г. без разрешения со стороны корёских вассалов к крепости подошли 10 тыс. монголов и 20 тыс. их союзников из марионеточного государства Дунчжэнь. Когда в начале 1219 г. крепость пала, 50 тыс. пленных и все трофеи были захвачены монголами.

Так Корё впервые пришлось столкнуться с новым опасным противником. Монголы направили к ванскому двору своих послов с предложением заключить мирный договор (предполагающий почтительное положение Корё). Отношение корёского двора к новым «варварам» было крайне отрицательным, и ван Коджон сначала отказывался даже принять послов. Но монголы все-таки настаивали его принять послание Чингисхана и удовлетворить их требования. После этого монгольские войска покинули пределы Корё. Однако корёсцам пришлось платить монголам довольно значительную дань. В 1225 г. произошел инцидент с монгольским послом и его спутниками, которые повели себя в Корё крайне insolently, и по пути домой были убиты на берегу Амноккана, после чего монголы прекратили всякие отношения с Корё (корёсцы пытались возложить ответственность за инцидент на киданей), но

тогда монголам, занятым войнами в Средней Азии, было не до Корё.

После смерти Чхве Чхун Хона в 1219 г. его власть унаследовал сын Чхве У. Ему сразу же пришлось столкнуться с сепаратистскими выступлениями в северо-западных пограничных районах, возглавлявшимися начальниками местных войск Та Джи и Хан Суном. Сепаратисты стремились опереться на правителей зависимого от монголов государства Дунчжэнь. Спокойствие на северо-западной границе было восстановлено только в 1226 г. Чхве И, сохранив в прежнем виде систему управления, еще более благоволил к конфуцианским ученым, широко привлекая их, в частности, для управления собственными обширными владениями. Он создал также особый корпус Ябёльчхо, наделенный полицейскими функциями (позднее он был разделен на два: Чвабёльчхо и Убёльчхо), а затем во время войны с монголами из бежавших из монгольского плена людей создал «Войско священного духа» (Синьйгун). Так возникли формирования Самбёльчхо («Три особых корпуса») как новая военная опора клана Чхве.

Монголы вновь появились у границ Корё в то время, когда приступили к завоеванию Китая. Летом 1231 г. монгольские войска под предводительством Саритая вошли в Корё. Корёское правительство поспешно формировало против них три армии, к которым перед лицом внешней угрозы примкнули и повстанческие отряды. Одна часть монгольских сил взяла Ыйджу, но застряла у Куджу, обороняемой Пак Со и Ким Гён Соном (монголы так и не смогли взять эту крепость до конца кампании). Вторая часть наступала на юг, к Согёну, но была отбита и направилась в провинцию Сохэ. Там у Тонсона произошло сражение с монгольским авангардом, закончившееся поражением последнего. Но в генеральном сражении у крепости Анбук монголы полностью разгромили корейские войска, потерявшие более половины своего состава. В конце года монголы осадили столицу — Кэгён, попутно разоряя окрестные территории. В начале 1232 г. был заключен мир на условиях выплаты огромной дани, и монголы ушли, оставив несколько десятков наместников в крупных городах. Но через несколько месяцев корёское правительство разорвало договор; наместники были перебиты, а двор перебрался на о. Канхвадо. Чхве У решился на длительную войну сопротивления.

Летом 1232 г. монголы повторили вторжение, но не смогли взять столицу, а после гибели Саритая при осаде крепости Чхоинсон покинули страну. В 1236 г. последовало новое нашествие во главе с Тангу, продолжавшееся до 1239 г., в ходе которого монголы разоряли страну, встречая сопротивление лишь мелких отрядов и гарнизонов крепостей, в ряду которых следует отметить двухнедельную оборону Чукчу в провинции Кёнги. Снова был заключен мирный договор на основе вассалитета Корё, но условия его корёское правительство опять выполнять не собиралось, лишь выигрывая время для укрепления обороны. В 1247 г. монгольские

и в конце концов во главе с Амуганем еще раз вторглись в Корё и, расположившись в районе Кэгёна, стали опустошать страну. В 1251 г. они предложили мир (который был принят), но на этот раз из Корё ушли. В 1253 г. монгольские силы (10-тысячный отряд Егу с северо-востока, а Амугань с северо-запада) снова перешли к активным действиям, но опять не добились решительного успеха. Монгольское сопротивление им оказала крепость Чхунджу, которую монголы осаждали более двух месяцев. После очередного отказа от соглашений в 1254 г. монголы во главе с Чэлодаем перенесли военные действия в южные провинции. Они и там встретили упорное сопротивление, однако разорение этой житницы страны, еще не затронутой войной, тяжело сказалось на снабжении продовольствием о. Канхвадо, находившиеся на котором двор, армия и множество чиновников получали продовольствие именно с юга. В 1257 г. монголы начали стягивать крупные силы на побережье напротив о. Канхвадо, готовясь к высадке на него.

Фактический правитель страны Чхве У умер еще в 1249 г. После него власть по очереди наследовали его сыновья Чхве Хан и Чхве Ый, продолжавшие курс отца на сопротивление монголам. Однако ввиду очевидной угрозы о. Канхвадо в корёской верхушке усилились разногласия и распространились пораженческие настроения, усугубленные внутривластной борьбой и недовольством многих засильем дома Чхве. В 1258 г. в результате заговора Чхве Ый был убит, к власти пришла пораженческая партия во главе с Ким Ин Джун, и весной следующего года наследник престола отправился ко двору монгольского хана, которым только что стал Хубилай. В 1259 г. был заключен договор о вассалитете, причем монголы несколько смягчили свои требования, отказавшись, в частности, от требования ношения корейцами кос по монгольскому образцу.

2. Монгольское владычество в Корее

В стране установилось монгольское владычество (в южнокорейской историографии его предпочитают именовать «периодом вассалитета Юаней», хотя зависимость Корё от монголов была полной и весьма тяжелой). Новый ван Вонджон (1259—1274) безоговорочно признал господство монголов и опирался на них в борьбе с оппозицией. Однако военные, основные носители антимонгольских настроений, еще не были устранены с политической сцены. В 1268 г. Ким Ин Джун был отстранен от власти Лим Юном, который в следующем году пытался свергнуть и вана, однако под давлением монголов вынужден был отказаться от своего замысла. Он начал снова собирать силы, готовясь к войне с монголами, но был убит промонгольскими сановниками, а вскоре, в 1270 г., та же участь постигла и его сына Лим Юма, пытавшегося продолжить дело отца. Только тогда пришел конец власти военных,

и была полностью восстановлена ванская власть, реально — власть промонгольской гражданской группировки.

В 1270 г. монголы потребовали расформирования трех особых корпусов Самбёльчхо. При попытке сделать это, войска во главе с Пэ Джун Соном и Но Ён Хи восстали и ушли на о. Чиндо у побережья провинции Чолла, откуда совершали набеги на материк. Правительство послало против них войска во главе с Ким Бан Гёном и вспомогательные монгольские части, но сразу не смогло добиться успеха. После того, как база повстанцев на о. Чиндо была все-таки взята и разгромлена, они во главе с Ким Тхон Джоном укрепились на о. Чеджудо и до весны 1273 г. оказывали сопротивление, пока, наконец, высадившаяся на остров 10-тысячная правительственная армия не разбила их, почти полностью истребив (взято было лишь 1,3 тыс. пленных).

С образованием монголами в Китае империи Юань Корё не было непосредственно включено в ее состав (оставаясь на положении вассала), хотя часть корёских сановников и предлагала этот вариант. Отныне все ваны, начиная с Чхуннёля (1275—1308), должны были жениться только на монгольских принцессах. Имена корёских ванов должны были с этого времени включать иероглиф «чхун» — преданный, верный. Не довольствуясь подчиненным положением Корё, монголы отторгли от него северные территории, поддержав там сепаратистские мятежи. В 1258 г. в уездах Северо-Восточного пограничного района произошел мятеж во главе с Чо Хви, который, перебив корёских чиновников, попросил помощи у Дунчжэнь и заявил о переходе непосредственно под власть монголов. Последние создали на этих землях Сансон чхонгванбу (Управление двух крепостей) с центром в Хваджу, правителем которого назначили Чо Хви. В 1269 г. Чхве Тхан поднял мятеж в Северо-Западном пограничном районе, а потерпев поражение, обратился к монголам, которые в 1270 г. создали на этой территории Тоннёнбу («Управление по успокоению Востока») с центром в Согёне и во главе с Чхве Тханом, разместив там монгольские войска. Они также захватили о. Чеджудо, превратив его в пастбище.

Корё жестоко эксплуатировалось правителями династии Юань. Помимо регулярной тяжелой дани время от времени монголы требовали разовых крупных поставок драгоценных металлов, меди, леса, зерна, тканей, строительства судов, содержания монгольских строевых лошадей и т.д. Особенно унижительной была периодическая отправка девушек и женщин (партиями по нескольку десятков и даже сотен человек) для монгольских гаремов. Кроме того, Корея была превращена в базу походов против Японии. На корейцев были возложены работы по строительству судов и поставкам продовольствия для армии вторжения. В походе 1274 г. приняли участие 8 тыс. корёских воинов и 6,7 тыс. моряков, из которых многие погибли. В 1280 г. было собрано 86 тыс. сок провианта, мобилизовано 10 тыс. воинов и 15 тыс. моряков.

нии нового похода, который состоялся в 1281 г. и закончился столь же плачевно (в обоих случаях эскадры достигали берегов Японии, одерживали некоторые победы, но были разбиты штормами). В этом походе погибло 7 тыс. корейцев.

В столице находился монгольский наместник-даругачи, контролировавший действия корёского правительства, а с 1280 г. страна фактически управлялась так называемым «Управлением восточного похода», возглавляемым триумvirатом в составе вана и двух монголов. Следили монголы и за тем, чтобы Корё не располагало собственной армией (за исключением нескольких тысяч солдат ванской охраны). Антимонгольская оппозиция была сломана, и заметных выступлений после подавления восстания 1256-го больше не было. Правители Юань не были заинтересованы во внутренней прочности Корё и спокойно смотрели на трудности, которые испытывало корёское правительство, не способное полноценно собирать налоги и платить жалованье чиновникам. Хотя система земельного жалованья ноккваджон осуществлялась с 1271 г., она не давала заметных результатов из-за противодействия могущественных кланов. Ослабление ванской власти выразилось и в изменении значения и функций Государственного Совета — Тобёнмаса. Если в ранний период Корё в него входило по должности не более 10 человек высших сановников, и он был только периодически созываемым совещательным органом, то при монголах (он был преобразован в Топхёнысаса) число его членов увеличилось до 70—80, и он стал постоянным высшим административным органом.

В самом конце правления Чхуннёля, в 1308 г., была проведена радикальная реформа госаппарата путем слияния многих учреждений. При следующем вane Чхунсоне (1308—1313 гг.) в 1310 г. произошла новая перетряска: многие учреждения были ликвидированы, а численность аппарата несколько снизилась. Ван Чхунсон предпринял попытки реформ, желая устранить накопившиеся в стране проблемы. Основным двигателем реформ выступил Хон Чхон Бон, опиравшийся на конфуцианских ученых. После устранения приверженцев предыдущего курса вана Чхуннёля (проявлением этой борьбы была расправа Чхунсона с наследником и его соратниками в 1310 г.) Чхунсон сделал попытку укрепить власть в стране и затем устранить нарушения в земельной системе, вызванные захватами земель влиятельной знатью, увеличить доходы государства, уменьшить повинности крестьян, возвратить в состояние жизни людей, насильственно превращенных в рабов. Однако эти попытки закончились провалом из-за сопротивления влиятельных кланов и помех со стороны монголов. Ван Чхунсон, сдав трон своему сыну — вану Чхунсуку (1313—1330), уехал в Китай, где прославился научной деятельностью. Годы правления вана Чхунхе (1330—1344), Чхунмока (1344—1348) и Чхунджона (1348—1351) прошли в такой же обстановке. Чхунмок, подобно Чхунсону, пытался проводить политику возвращения земель и

ноби, захваченных могущественными кланами, прежним хозяевам и осуществления системы ноккваджон за счет конфискации земель, которыми эти кланы владели в столичной провинции. В этот период могущественные влиятельные семьи назывались квонмун седжок, причем в их составе было немало лиц, выдвинувшихся благодаря связям с монголами (переводчики монгольского языка, служители ориентированных на контакты с Юань учреждений, породнившиеся с Юаньской династией или же получившие от монголов почетные звания и титулы). Наиболее влиятельным кланом такого типа стал род Ки во главе с Ки Чхолом.

В целом в период монгольского господства шла всесторонняя деградация государственности и принципов земельной системы, некогда принятых в Корё. Велика была в этом процессе и роль буддийских монастырей, которые стали крупнейшими земельными собственниками, держали свои вооруженные отряды и активно участвовали в противозаконных захватах служебных чиновничьих и крестьянских земель. Такое поведение буддийской церкви усиливало и без того крайне негативное отношение к ней конфуцианцев, что в полной мере сказалось впоследствии.

3. Корея во второй половине XIV в.

В 1351 г. XIV в. в результате очередного заговора на престол вступает ван Конмин (1351—1374). В следующем, 1352 г. власть в столице захватил и целый месяц удерживал Чо Иль Син, который, игнорируя волю вана, назначал на высшие посты своих сторонников и казнил противников, но в конце концов был убит. Между тем, с изменением ситуации в Китае, назревали перемены и в Корё. С 50-х годов XIV в. с ростом антимонгольских выступлений в Китае антимонгольские силы в Корё также активизировались. Однако первое время было трудно предсказать исход событий, так как эти силы, пользуясь ослаблением Юаней, не решались открыто разорвать отношения с ними. В 1354 г. на помощь Юаням против повстанцев был послан 2-тысячный корёский отряд.

Вместе с тем во внутренней политике Корё наметился вполне определенный поворот. В 1356 г. была разгромлена промонгольская группировка при дворе во главе с Ки Чхолом. Ван Конмин (хотя и был, как его предшественники, женат на монголке) пытался ослабить зависимость от монголов. Был также отменен ряд законоположений, принятых под диктовку Юаней. Были разгромлены основные государственные учреждения, названия учреждений и должностей были изменены на домонгольские (правда, курс на реформы аппарата проводился непоследовательно, и в 1362 г. вновь была восстановлена прежняя система). В эти же годы корёские войска во главе с Ин Даном уничтожили юаньские крепости на Амноккане, на северо-востоке было разгромлено Сансон чхонгванбу, причем большую помощь правительственным

войскам оказали местные влиятельные семьи, имевшие свои дружины. Среди глав этих семей был и Ли Джа Чхун (отец Ли Сон Ге). Позже был восстановлен суверенитет над о. Чеджудо. Но формально Корё сохраняла верность Юаням, поэтому все эти действия были представлены как личная инициатива полководцев (Ли Дан был даже казнен).

Вскоре Корё пришлось пострадать от противников Юаней. На северной границе появились китайские повстанческие отряды «красноголовых» (повстанцы носили на головах красные повязки), которые осенью 1359 г. в количестве 3 тыс. человек впервые вторглись в Корё, разорив приграничные территории. Вскоре их число увеличилось до нескольких десятков тысяч, и они вновь переправились через Амноккан и взяли Ыйджу, перебив там более 1000 человек, а затем захватили Чонджу, Инджу и Согён. Подославшие войска во главе с Ан У и Ли Бан Силям после ряда битв заставили их отступить, но нападения «красноголовых» продолжались и в следующем году (они периодически высаживались на побережье Желтого моря и пытались продвинуться в глубь страны, а также тревожили и северную границу). Осенью 1361 г. 10 тыс. «красноголовых» вновь переправились через Амноккан и пошли на столицу. Двор бежал на юг, и захватчики полностью разграбили оставленный Кэгён. Только в начале 1362 г. корёские войска Ли Бан Силя, Чхве Ёна, Ли Сон Ге и Ан У освободили столицу и изгнали «красноголовых» из страны. В 1362 г. в Корё вторгся Нахачу, один из юаньских полководцев, объявивший себя владыкой территории у границ Кореи. Однако корёские войска во главе с Ли Сон Ге разгромили его при Хамхыне и Хонвоне и вернули территорию вплоть до Пукчхона.

Не смирившись с отстранением от власти их сторонников, Юань в 1363 г. «сместили» Конмина и поручили Чхве Ю сформировать армию из проживавших в Китае корёсцев, которая вместе с приданным ей 10-тысячным монгольским отрядом в следующем году вторглась в Корё и после неудачной осады Ыйджу подошла к Чонджу, но здесь была разбита войсками Ли Сон Ге и Чхве Ёна. В 1369—1370 гг. Ли Сон Ге дважды совершал походы на северо-восток, обезопасив границу. В это время Корё сильно страдало и от набегов японских пиратов, которые в 1350 г. не раз нападали на южное побережье, в 1351 г. на 130 кораблях напали на острова Чаёндо и Санмокто, а в 1360 г. истребили более 300 человек на о. Канхвадо. Но в 1380 г. у Чинпхо в провинции Чолла, а в 1383 г. у берегов провинции Кёнсан, а также в 1389 г. корёскому флоту удалось уничтожить крупные пиратские флотилии в несколько сот кораблей.

Ван Конмин намеревался провести внутренние реформы, направленные на ограничение всевластия крупных сановников, что встретило противодействие могущественных кланов из проюаньской группировки. В 1363 г. с целью устранения вана возник заговор Ким Ёна (в монастыре Хваннёнса). Однако в 1365 г. ван

сделал первым министром своего духовника, буддийского монаха из монастыря Окчхонса Синдона, выходца из низов общества, на которого мог вполне положиться, а Ли Гон Су, Кён Чхон Хын и другие представители оппозиции были сняты с занимаемых постов. В 1366 г. был образован специальный орган — Чонмин пёнджон тогам (Управление по упорядочению земель и населения), призванный возвратить незаконно присвоенные сильными домами земли и ноби. При Конмине конфуцианская академия Сонгюнгван, превратилась в кузницу высокообразованных неоконфуцианских ученых, преданных распространенной тогда в Китае идеологии чжусианства, выдвигающего на первый план интересы государственной власти. Отсюда вышла целая плеяда талантливых ученых, таких, как Ли Сэк, Чон Мон Джу, Чон До Джон, Пак Сан Чхун, Ли Су Нин и Ким Гу Ён. Одновременно экзаменационная система была перенацелена на отбор людей не столько по литературным дарованиям, сколько по политическим познаниям. Воспитанные и выдвинутые в этот период молодые чиновники в дальнейшем выступили в качестве главной ведущей политической и идеологической силы новой династии Ли.

Однако в 1371 г. Синдон в результате интриг был отстранен, и власть захватила группировка Лим Гён Ми, Ём Хынбана и Ли Ин Има, известная как «клика Лима—Ёма». Эти недавно возвысившиеся авантюристы не имели прочных корней в корёском истеблишменте и не пользовались популярностью в чиновной среде, однако они сумели сосредоточить в своих руках значительные материальные средства. Не довольствуясь отстранением Синдона, они в 1374 г. убили и самого Конмина, возведя на престол десятилетнего Сину (1374—1388), при котором разложение государства достигло крайней степени. В стране произошел целый ряд восстаний — в 1376 г. на о. Чеджудо, в 1382 г. частных ноби в провинции Кёнсан, летом 1383 г. в уезде Мёнджу на восточном побережье, последнее распространилось и на соседние уезды.

Сторонники укрепления государства образовали оппозиционную коалицию — так называемую «партию реформ». Эта группировка выступала под знаменем воинствующего неоконфуцианства, в ее составе были крупные сановники и конфуцианские ученые — Чо Джун, Чон Мон Джу, Чон До Джон и другие. Политическим лидером и знаменем группировки стал прославленный к тому времени полководец Ли Сон Ге. Противостояние между ними и группировкой Лима—Ёма по вопросам внутреннего развития дополнялось принципиальными разногласиями по вопросам внешней политики. К этому времени власть Юаней в Китае пала, и в 1368 г. там воцарилась династия Мин, с которой Корё установила дружественные отношения на обычных для отношений с китайскими империями принципах. «Клика Лима—Ёма», разорванная сразу после прихода к власти отношения с Минами (по приказу Ли Ин Има был убит китайский посол), ориентировалась на бежавших в Монголию правопреемников свергнутой династии

Юань — так называемых Северных Юаней. Хотя под давлением оппозиции в 1386 г. отношения с Минами все же восстановились (также отсылалась небольшая дань), но связи с Юанями при этом не были разорваны.

В 1388 г. ненавистную абсолютному большинству «клику Мина — Ёма», удалось свергнуть, причем было арестовано свыше 1 тыс. ее приверженцев, но «партии реформ» восторжествовать не удалось. Власть оказалась в руках у другого известного полковод-

Цхве Ёна, который, поддерживая ряд требований реформации в области внутренней политики и вполне разделяя их отношение к свергнутой клике, решительно расходился с группировкой Ли Сон Ге по внешнеполитическим вопросам. В том же году ухудшились отношения с минским Китаем. Считая себя правопреемниками Юаней, Мины требовали огромной дани и претендовали на отторгнутые у Корё северные территории. Китайский император в 1 тыс. человек перешел Амноккан и занял уезд Канге, где мины планировали создать центр управления пограничными территориями. Реформаторы, не склонные признавать справедливость минских притязаний, выступали, тем не менее, за переговоры, чтобы не обострять отношения с династией, на которую они в культурном и политическом отношении ориентировались.

Цхве Ён, вопреки их мнению, решил начать войну с Минами. Цинько посланную на север 50-тысячную армию возглавили Ли Сон Ге и Чо Мин Су, которые, сговорившись между собой, подняли мятеж, вернулись в столицу и свергнули Цхве Ёна, а заодно и сына Сину. Ли Сон Ге стал регентом при его сыне, малолетнем мине Синчхане, а Чо Мин Су, без согласия которого переворот не мог бы состояться, — первым министром. После этого начались переговоры с Минами. В 1389 г. была совершена успешная операция против Цусимы, где корёский флот во главе с Пак Ви уничтожил более 300 пиратских кораблей.

Заняв видное положение, Ли Сон Ге, однако, не обладал всей реальной властью. Это особенно обнаружилось в ходе борьбы во важнейшего тогда вопроса о судьбе закона о служебных наделах (кваджон), предусматривавшего реальное восстановление государственной собственности на землю, который задевал имущественные интересы очень многих влиятельных лиц. Против его принятия выступал и Чо Мин Су. Сторонники Ли Сон Ге не могли провести закон через Государственный совет, где их оказалось всего 18 из 53 членов. В 1389 г., раскрыв заговор своих противников, Ли Сон Ге сверг Синчхана, посадил на престол юнга Конъяна (1389—1392) и стал первым министром. Его сторонники заняли большинство важных постов, а находившиеся в клике Цхве Ён и бывшие ваны Сину и Синчхан были убиты. Вскоре была проведена земельная перепись и реорганизованы военные силы. В 1391 г. сосредоточивший в своих руках огромную власть Ли Сон Ге провел закон о служебных наделах, согласно которому вся земля объявлялась государственной собственнос-

тью, но право на нее могло передаваться отдельным лицам и учреждениям. Чиновникам, в том числе и отставным, предоставлялись земли в пределах столичной провинции Кёнги — от 130 до 10 кёль* каждому, с которых они получали фиксированную ренту-налог. Началась борьба с засильем буддизма.

Однако противники реформаторов не были сломлены и, действуя через вана, продолжали сопротивление. Под их влиянием ван запретил подачу петиций с нападками на кого-либо (а именно таким образом велась тогда политическая борьба и ликвидировались злоупотребления захвативших государственные земли сановников). Следующим шагом мог быть указ об отстранении Ли Сон Ге, развязывающий руки его противникам. К тому же обострились противоречия внутри самой реформаторской партии, где против Ли Сон Ге выступила группировка Чон Мон Джу. В 1392 г., когда упавший с лошади Ли Сон Ге сломал ногу и временно был лишен возможности активно участвовать в политической жизни, по докладу этой группировки видные сторонники Ли Сон Ге во главе с Чо Джуном и Чон До Джоном были сосланы. В этих обстоятельствах выдающуюся роль сыграл старший сын Ли Сон Ге — Ли Бан Вон, который срочно привез отца в столицу и организовал убийство Чон Мон Джу, посетившего дом Ли Сон Ге, чтобы лично узнать о состоянии его здоровья. Обезглавленная группировка была обвинена в заговоре. В 1392 г. решивший больше не искушать судьбу Ли Сон Ге, свергнув Конъяна, сам вступил на престол, положив начало новой династии — Ли.

* кёль — мера земельной площади (величина непостоянная), единица измерения урожая.

Глава XII

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КОРЁ

1. Социальная структура и система управления

Корёское государство и общество по принципам своей организации и социальной структуре существенно отличались от силлаского, на обломках которого они возникли. Если силлаское общество было сословно-аристократическим, делившимся на социальные группы, принадлежность к которым была наследственной, а аристократия была юридически обособлена и ее состав четко очерчен, то в Корё выделялись три основных сословия: привилегированное (янбаны), полноправное непривилегированное (янъины) и неполноправное (чхонины), принадлежность к которым не была строго наследственной и грань между которыми была вполне преодолимой. Корёское государство, созданное людьми, в массе своей не принадлежавшими к силласкому истеблишменту, строилось на совершенно иных основаниях, чем государство Силла, и тяготело к образцу сунского Китая.

По возможностям вертикальной социальной мобильности эпоха Корё является наиболее «демократической» в традиционной корейской истории: даже среди высших чиновников выходцы из неянбанских (неслужилых) семей составляли около половины, а в некоторые периоды — свыше 60%, что примерно соответствовало показателям сунского Китая. Ни в одну другую эпоху навстречу не поднималось столько людей весьма скромного или даже низкого происхождения: лично преданных правителям слуг, удачливых интригистов, разбогатевших выскочек, военных узурпаторов и т.д. Частые войны, длительная политическая нестабильность и минимальное господство способствовали этому в огромной степени. По той же причине в период Корё не сложилось устойчивой аристократии, родов, которые сохраняли бы свое высокое положение на протяжении всего периода или хотя бы более ста лет. Главной частью корёской знати были потомки сподвижников Вун Гона и силлаской аристократии, но несравненно больше было лиц и родов, впервые выдвинувшихся на том или ином этапе корёской истории. Не пользовалась корёская аристократия никакими-либо юридическими привилегиями помимо общих для всего высшего чиновничества.

Основную массу населения составляли полноправные свободные крестьяне-янъины (добрые люди). К этому же сословию от-

носились ремесленники и торговцы, чьи занятия считались, правда, традиционно менее почетными. Им был в принципе открыт путь на государственную службу, и они довольно часто пополняли ряды чиновничества как путем выслуги из солдат и субчиновников-канцеляристов, так и путем сдачи государственных экзаменов. Выше янбинов стояло чиновничество (в широком смысле — весь слой лиц, имеющих служебные ранги) — янбаны (этот термин означает «две половины», то есть гражданские и военные чиновники), а ниже — чхонины (подлые). В последнее сословие входили как лично свободные лица презируемых профессий, жители поселений с пониженным статусом, так и ноби — рабы, среди которых были частные и государственные (занятые в ремесленном производстве).

Административная система Корё сложилась, с одной стороны, на основе тхэбонской, которая была ее непосредственной предшественницей, а с другой — являлась наследницей силлаской государственной традиции. Принципиально новым в чиновной системе Корё было отсутствие в ней собственно чинов: было установлено, как в Китае, 9 рангов, каждый из которых подразделялся на две степени — полную и неполную (всего, таким образом, насчитывалось 18 степеней). Степень стала главным фактором, определяющим положение человека в системе общества и власти (в соответствии с ней производилась и выдача жалованья); для каждой должности предусматривалась определенная степень.

Системой степеней в Корё были охвачены все лица, получающие установленное содержание (в том числе и те, кто не являлся в полном смысле слова чиновником): 1) чиновники центральных (столичных) учреждений, 2) военные чиновники, 3) провинциальные чиновники, 4) придворные чиновники, 5) титулованные женщины (жены, наложницы, дочери ванов), 6) близкие родственники вана, 7) лица, имеющие особые звания за заслуги (хун), 8) лица, имеющие почетные титулы (чак), 9) гражданские чиновники без определенных функций (мунсанге), 10) военные чиновники без определенных функций (мусанге).

Центральный аппарат состоял из учреждений различных видов: 1) высшие правительственные учреждения, 2) отраслевые министерства, 3) основные научно-учебные и другие крупные учреждения, 4) управления (си), 5) канцелярии (со), 6) склады (чхан, ко) и другие мелкие учреждения, 7) дворцовые учреждения, 8) так называемые тогамы и другие учреждения, создаваемые на определенный срок для выполнения конкретных задач. Хотя на протяжении всей истории Корё в аппарате управления много раз проводились реформы и изменения, наиболее существенные были проведены в середине XI в. при вane Мунджоне, когда в основном и сложилась административная система. В дальнейшем сеть государственных учреждений многократно изменялась, число их возрастало, но все эти изменения происходили в рамках тех основных видов учреждений, о которых говорилось выше.

Органы центрального аппарата Корё были в целом аналогичны таковым в сунском и юаньском Китае. Высшим совещательным органом при ване был Тобёнмаса (Топхёнысаса), должности в котором замещались по совместительству высшими сановниками государства. Самса представляло собой высшую финансовую комиссию. Особняком стояло также непосредственно подчинявшееся вану Военное бюро (Чунчхувон, Чхумильвон, Мильчикса и др.). Из трех высших палат традиционного китайского аппарата (Шаншу, Мэнься и Чжуншу) в Корё ведущую роль играла палата Мэнься (государственная канцелярия), существовавшая под названиями Нэййсон, Нэса мунхасон и Мунхабу, там насчитывалось более 340 чиновников (в т.ч. 316 канцеляристов), а возглавлявший ее мунха сиджун был фактически первым министром. В 1061 г. был создан объединенный орган, выполнявший функции палат Чжуншу и Мэнься — Чунсо Мунхасон, в 1361 г. переименованный в Точхэмыйбу (в 1275 г. туда был включен Сансодосон, и новый орган получил название Чхомыйбу, с 1295 г. — Точхомыйбу). Аналогом палаты Шаншу в Корё был Сансодосон (Кванпхёнсон, Осадосон, Сансосон), непосредственно руководивший работой отраслевых министерств.

Отраслевых министерств (в разное время именовались сансо, бу и чо) в Корё было первоначально не 6, а 14. «Классическая» же шестерка министерств, в точности подобная китайским, сохранилась после многочисленных преобразований только к 1436 г. Из всех учреждений государственного аппарата они имели наиболее сложную и унифицированную структуру, их чиновники четко делились на шесть уровней во главе с управляющим — пхёнса (неполного 1-го ранга). Важным учреждением был цензорат — Осадэ (Сахондэ, Камчхальса, Сахонбу), второе по численности чиновников (более 100) учреждение после Мунхабу. В Корё по сунскому образцу был также создан ряд научных учреждений: Академия Ханъинь — Ханнимвон (вариант названий — Хаксанон, Саримвон и др.), Институт истории — Сагван (Чхунчхугван), Институт литературы — Сумунджон (вариант названия — Мундокчон и др.), дворцовая библиотека — Чинхёнджон (вариант названия — Чинхёнган и др.), архивное управление — Помунгак (варианты названия — Чхонёнгак, Помунсо). Они были тесно связаны между собой и часто сливались и переформировывались. В общей сложности в центральном аппарате Корё насчитывалось 150–170 учреждений, известно более 500 различных должностей, которые были заняты примерно 2,5 тыс. чиновников.

В административно-территориальном отношении Корё делилось на провинции (то) во главе с анчхальса, включавшие более мелкие административные единицы — населенные пункты разной величины с примыкающей территорией 9 различных типов (тэдо-бу, тэдоокпу, мок, чу, хун, хён и др.). Число провинций не было постоянным; в XI–XII вв. помимо них существовали два пограничных района — Восточный и Северный, включавшие по

две-три провинции каждый. У провинции был определенный управленческий штат (около десятка различных типов должностей). Свой штат имел и каждый тип более мелких административных единиц. Особый статус малых столиц имели три важнейших города: Пхеньян (бывшая столица Когурё), Кёнджу (бывшая столица Силла) и Янджу (бывшая столица Пэкче), называвшиеся Согён, Тонгён и Намгён (Северная, Восточная и Южная столицы). Для управления ими существовали специальные органы, а Согён, игравший особую роль в государстве, имел еще и административный аппарат, дублировавший столичный. Всего известно более 100 провинциальных должностей (заняты более 2 тыс. чиновников).

Армия Корё состояла из 2 кун (Ыньянгун и Ёнхогун) и 6 ви (Чвауви, Синхови, Хынвиви, Кымови, Чхонуви и Каммунви), а также других соединений, делившихся на отряды (ён). Отряды имели одинаковую организацию и состав и возглавлялись чангунами (полного 4-го ранга), но в каждое соединение входило разное количество отрядов. Столичные войска насчитывали около 50 тыс. человек. Для руководства имелся коллегияльный орган (Чунбан), состоявший из командиров 2 кун и 6 ви — санджангунов (полного 3-го ранга) и их заместителей — тэджангунов (неполного 3-го ранга). В период Корё в результате унификации в армии сохранилось лишь 13 должностей, военных чиновников насчитывалось около 4 тыс. Военные чиновники, как и в Китае, пользовались в целом меньшим престижем, чем гражданские, их рангово-должностная структура была как бы сдвинута в сторону низших степеней (выше 3-го ранга военные вообще не могли иметь, а 3—4-й ранги имели лишь 1,6% их общего числа, тогда как среди гражданских 1—4-й ранги имели 11,1%). Однако это было следствием дискриминации самой военной службы как таковой, а не конкретного слоя. Какой-то особой военной касты в Корё не сложилось. Военные и гражданские чиновники происходили из одних и тех же кланов.

В общей сложности в Корё было около 10 тыс. чиновников. За службу они обеспечивались условными земельными наделами в соответствии с рангом. При введении в 976 г. наделов чонсиква предусматривалось 79 градаций, но затем их стало только 18 (по числу степеней). В 1076 г. было введено жалованье зерном. Вместе с другими лицами, получавшими государственное содержание, чиновничество (янбаны) составляло господствующий класс Корё. Никакой юридической грани между родственниками вана и остальным чиновничеством (как в Силла) не существовало, но имущественная дифференциация в среде господствующего класса была очень велика, достигая пропорции 1:100. Комплектовалось чиновничество из всех слоев общества, преимущественно из янбанов, по заслугам, по рекомендациям, праву «тени» (которое имели чиновники 1—5 рангов) и через сдачу гражданских и военных экзаменов, введенных в 958 г. (в которых могли участвовать и свободные крестьяне).

2. Развитие экономики Корё

Главным объектом налогообложения было свободное крестьянство, сидевшее на государственных наделах. Все крестьяне способного возраста были военнообязанными. Ниже крестьян стояли чхонины (подлые): ноби и люди презираемых профессий. Ремесленники были довольно немногочисленны и в основном относились к государственному сектору. Купечество было также немногочисленным и действовало в основном в сфере частных интересов. Источником его комплектования были богатые крестьяне. Хотя занятие торговлей считалось презируемым и ниже торговцев был ниже, чем земледельцев, благосостояние и ценный уровень купцов значительно превосходили соответствующие показатели крестьянства.

С утверждением государства Корё государственная собственность на землю была восстановлена, причем на еще более высоком уровне. Служебные наделы чонсиква, выдаваемые за службу чиновникам, означали право сбора в свою пользу полагавшегося с государственного налога, причем при изменении служебного положения заменялся и надел. На тех же основаниях выделялись наделы для содержания государственных учреждений (конхэджон), иждивенческие наделы для вдов и детей чиновников (кубунджон), наделы военных поселенцев (тунджон). Отдельную категорию составили земли самого вана (нэджанджон) и дворцовые (кунванджон). Нам, имевшим титулы кон, ху, пэк, ча и нам полагался особый надел — надел от 3000 до 300 дворов, налоги с которых шли в их пользу.

Частные земли были представлены в первую очередь частными землями (саджон), переходившими в полную собственность получателей (в основном родственников и приближенных вана), а также наградными землями (конынджонси). Частными были также земли, подаренные буддийским монастырям. Правила Корё стремились ограничить рост частного землевладения и в тех пор, пока в государстве сохранялась внутренняя стабильность, им это удавалось. С ослаблением государства многократно увеличились злоупотребления со стороны могущественных сановников, стремившихся навечно закрепить за собой служебные наделы, и частный сектор обнаруживал тенденции к росту. Крестьянские земли назывались минджон. Они закреплялись за крестьянами, но оставались собственностью государства, которое осуществляло за собой право менять наделы, отбирать и т.д. Государство стремилось уравнивать размер наделов и не допускать захвата их чиновниками.

Основным налогом был поземельный. При Ван Гоне он был установлен в размере $\frac{1}{10}$ урожая, но уже в конце X в. повысился до четверти. Существовал и подворный налог, вносимый тканями или другими предметами в зависимости от местных условий. Помимо налогов в Корё существовал ряд повинностей, основной из

которых была трудовая, а кроме нее — воинская (каждого крестьянина, призванного на действительную службу, обеспечивали несколько других военнообязанных), извозная и другие. Мобилизации в случае войны подлежали и чхонины. Они служили гребцами на кораблях и использовались на тяжелых работах.

Арендная плата, которую платили крестьяне, арендующие землю у частных владельцев, нередко превышала ставки земельного налога и доходила до половины урожая. Довольно широко были распространены казенные ссуды, предоставлявшиеся на льготных условиях, для чего государством был создан специальный зерновой фонд из отчислений от налоговых поступлений. Эта ссуда была, как правило, 10%-й, тогда как частные ростовщики брали от 30 до 16%.

В Корё традиционно проводилась политика «поощрения земледелия». Занятие земледелием традиционно считалось наиболее почетным, ему безусловно отдавалось преимущество перед ремеслом и торговлей. Основными зерновыми культурами, возделывавшимися в период Корё, оставались рис, ячмень и просо. Из технических культур выращивались, главным образом, лен и конопля. Профессиональное ремесло было в основном казенным и сосредоточивалось прежде всего в столице и в нескольких крупных городах, где находились государственные учреждения, ведавшие изготовлением различных предметов, а также мастерские, обслуживающие нужды вана и двора. Предметы повседневного обихода для нужд народа (ткани, циновки, деревянные изделия, посуда) производились непосредственно в крестьянских семьях.

Внутренняя торговля строго регламентировалась государством, создавшим специальные ведомства по контролю над ней. Рынки имелись лишь в нескольких крупных городах и работали раз в 5 дней. В столице имелось несколько сот лавок. Государство имело право по собственному усмотрению изменять цены. Роль денег играли зерно и ткани. Начало денежного обращения относится к 996 г., однако попытки ввести металлические деньги не увенчались успехом (они находились в обращении лишь некоторое время в конце XI — начале XII в.; большое распространение получили серебряные бутылки, введенные в обращение в конце XI в.).

Внешняя торговля велась в основном купцами, сопровождавшими прибывающие в Корё посольства. Таким образом, иностранные купцы посещали страну не часто, но очень большими группами (по несколько сот человек). С киданями и чжурчжэнями торговля велась в приграничной полосе, а с Японией — через город Кымджу. Главным внешнеторговым партнером Корё был сунский Китай. Традиционный корёский экспорт состоял из драгоценных металлов, жэньшэня, шелка, фарфора и бумаги; из Китая ввозились, как правило, предметы роскоши, так как главным потребителем импорта был ванский двор.

Глава XIII

КУЛЬТУРА КОРЕ

В период Корё доминировали конфуцианство и буддизм. Вся система образования и подготовки кадров всецело находилась под влиянием конфуцианства. Помимо высшей конфуцианской академии, существовало некоторое число казенных и много частных школ, созданных конфуцианцами по собственной инициативе. Особенно заметных успехов конфуцианское просвещение достигло в первой половине XII в. при ване Инджоне, когда по всей стране была создана сеть провинциальных школ (хянгё). В этот период выдвинулись такие видные конфуцианские ученые, как Бу Иль, Ким Бу Сик, Ким Бу Ый, Юн Он И, Лим Ван, Ли Ёжю, Пак Сын Джун, Чон Гы Гён, Чон Хан, Чон Чи Сан и другие. Именно тогда был создан первый исторический труд в истории китайских династийных историй — «Самгук саги» («Исторические записки Трёх государств»), отразивший не только уровень исторической науки, но и достижения конфуцианской мысли того времени. Конфуцианство в период Корё воспринималось не просто на уровне «китайской учености», но стало философски осмысливаться.

Во время правления военных конфуцианство пришло в упадок, но стало вновь восстанавливать свое влияние в период монгольского господства, поскольку в это время роль гражданских чиновников снова возросла. Важнейшую роль в развитии конфуцианства сыграл Ан Хян, бывший первым проповедником в стране заимствованного из юаньского Китая чжусианства. В начале XIV в. в Китае побывали Пэк И Джон, Ли Дже Хён, Пак Чхун Ён, Янь Фу и Чжао Мэнфу. Позже корейские конфуцианцы Ан Сок, Ли Гок, Ли Ин Бок, Ли Сэк, сдав в Китае экзамены, служили там на государственных должностях. Особенно активизировалось изучение и преподавание конфуцианства с середины XIV в., когда был реорганизован главный оплот конфуцианства — п्योंгван, и там работали Ли Сэк, Чон Мон Джу, Чон До Ён, Ким Гу Ён, Пак Сан Чхун, Ли Су Нин и другие виднейшие конфуцианские мыслители. В ходе движения за реформы конфуцианских ученых сложились две группировки, расходившиеся во взглядах на глубину преобразований и методы реформ. Если умеренная группировка стремилась сгладить общественные противоречия и ограничить злоупотребления в системе земледельческого использования, не ставила вопроса о ликвидации собственности

монастырей, то возглавленная Чон До Джоном радикальная группировка, руководствуясь идеями древнекитайского трактата «Чжоу ли», описывающего «идеальное» общественное устройство периода Чжоу, выступала за полное обновление общественного порядка. Ее сторонники последовательно критиковали буддизм с позиций конфуцианства и стремились осуществить экспроприацию монастырской собственности.

Буддизм в период Корё достиг своего наивысшего расцвета. Сохранение прежнего влияния буддизма объяснялось не в последнюю очередь тем, что он, слившись с местными народными верованиями, стал восприниматься в качестве национальной идеологии. В столице строились громадные по размерам монастыри. Уже при Ван Гоне были построены 10 крупных монастырей, в т.ч. Попванса, Ваннюнса и Хынгукса. Строительство не прекращалось и позже, только в Кэгёне насчитывалось 70 монастырей. Особенно знаменитым был Хынванса, построенный при Мунджоне. Различные буддийские обряды исполнялись во время государственных торжеств. Самыми важными церемониями являлись Ёндынхве (праздник факелов), а также Пхальгванхве (связанная с «8 за претами», формулировавшими основные моральные устои общества). Государством была установлена система экзаменов для проповедников традиционного (кёджон) и дзэн-буддизма (сонджон) и степеней, высшей из которых для первых была степень сынтхона, а для вторых — тэсонса. Особое положение занимали ванса и кукса, которые выполняли роль советников вана и ванского двора.

Буддийские монастыри получали земельные наделы на тех же основаниях, что и государственные учреждения, а высшие чины сангхи приравнивались в этом отношении к чиновникам. Монастыри освобождались от обложения земельным налогом, а монахи — от выполнения государственных повинностей. Монастыри владели не только землями, но и большим количеством ноби, производили ремесленные изделия, участвовали в ростовщических операциях, иногда активно занимались торговлей, и доля монастырей в государственной экономике была значительна. В отличие от периода Силла, в Корё монахи играли активную роль в политической жизни, их вооруженные отряды участвовали в борьбе за власть.

В больших масштабах осуществлялась работа по изготовлению текстов и распространению буддийской литературы. В Корё была ввезена Трипитака, изданная в сунском Китае, и создана собственная корёская Трипитака. Эта Трипитака, на изготовление которой ушло 76 лет (1011—1076), состояла из 6 тыс. томов, ее деревянные матрицы хранились в монастыре Пуинса в Тэгу, но были утрачены во время монгольского нашествия. После этого виднейший представитель корёского буддизма Ый Чхон, собрав и систематизировав имеющиеся в Сун, Ляо и Японии книги, составил «Синпхён чеджон кёджан чхоннок» («Новая общая опись свя-

шенных книг всех сект»), включавший 4769 книг (квонов). Этот труд, часто называемый «Сокчангён» («Продолженная Трипитака»), был напечатан в типографии монастыря Хынванса.

В период правления военных вместо традиционного буддизма (соджон) поддержку властей получил преимущественно сонджон. И в это время были предприняты попытки написать историю буддизма в Корее. Монах Какхун, систематизировав жития знаменитых святых, начиная с эпохи Трех государств, по приказу вана Коджона в 1215 г. написал труд «Хэдон косынджон» («Жизнеописание великих священников Кореи»), дошедший до нашего времени не полностью. Кроме того, монах Суги собрал пропущенные при издании «Сокчангён» («Продолжение Трипитаки») Ый Чхона записки Кюнё и труды учеников Ый Сана и поместил их в дополнение к изданию «Тэджангён». Монументальным трудом этого времени стало создание «Чеджо тэджангён» («Повторное издание Трипитаки»), начатое в 1236 г. и законченное через 16 лет. Эти тексты на 81137 деревянных досках, сохранившиеся до нашего времени, считаются самыми вышними среди изготовленных на Востоке более 20 Трипитаки. В 1996 г. это собрание было объявлено ЮНЕСКО достоянием мировой культуры.

Помимо конфуцианства и буддизма видное место в идеологической сфере играла геомантика. Исходя из учения о двух началах (инь – ян) и пяти элементах, геоманты рассматривали землю как органическое живое существо, претендуя на то, чтобы судить о степени пригодности того или иного места для жилья. В период Коре огромное значение приобрел вопрос об определении оптимально благоприятного для развития государства места столицы. Именно геомантическим построениям Сеул был обязан своим статусом южной малой столицы (Намгён), а в 1135 г. они стали официальным знаменем мятежа Мёчхона в Согёне.

Пользовался покровительством государства и даосизм. В упоминавшейся выше церемонии Пхальгванхве, представлявшей обряд жертвоприношения Небу, знаменитым горам и большим рекам, соединялись народные верования, даосская церемония поклонения звездам (чходже) и буддийский ритуал. Кроме Пхальгванхве во дворце часто проводились молебны Небу для преодоления стихийных бедствий. Особенно активно даосизм стал распространяться в период правления Еджона, когда был сооружен даосский храм Поговонгун. Даосизм, слившийся с шаманизмом и другими народными верованиями, способствовал росту поклонения горам и рекам. При этом горам и большим рекам давались имена духов и даже должности. Крупными деятелями, связанными с даосизмом, были при Хёнджоне Кан Гам Чхан, при Инджоне – Хан Ю Хан, а также Ли Мён, Квак Ё, Чхве Дан и другие. В период Корё объектом поклонения на государственном уровне были также исторические личности, в первую очередь, предки основателя династии Ван Гона. Существовал храм Тонмёнсинса, где

поклонялись основателю Когурё Тонмёну, в Пхеньяне был храм в честь Киджа как «правителя-просветителя». О поминальных службах на государственном уровне в честь Тангуна свидетельств нет, хотя по некоторым данным, культ его существовал среди населения.

Развитие литературы в Корё было тесно связано с внедрением системы экзаменов на ученые степени, предусматривавшей написание сочинений на взъязыне. Более того, при Сонджоне от чиновников требовалось ежемесячное представление сочиненных ими стихов. Среди студентов часто проводились конкурсы по искусству стихосложения, которое рассматривалось как неотъемлемая часть образования чиновников. В этом жанре прославилось немало поэтов. Прежде всего следует отметить Пак Ил Ляна (вторая половина XI в.), сборники стихов которого издавались и получили широкое признание в сунском Китае, а также живших в начале XII в. Чон Сым Мёна, Чон Джи Сана, Ким Хван Вона, Ким Бу Сика. Корёская поэзия испытала значительное влияние танской поэзии, а проза — сунского Китая. Некоторое время сохранялась и традиция местной поэзии (хянга), унаследованная от периода Силла (в «Похён сибвонга» Кюн Ё сохранилось 11 произведений этого жанра), но постепенно поэзия хянга уступила место китайской поэзии.

В годы военного режима в обстановке политического краха конфуцианской бюрократии целый ряд ее представителей увлекся романтикой прошедшей эпохи, и оживилась литературная деятельность романтического направления. Типичными представителями этого течения были Ли Ин Но, Лим Чхун, О Се Джэ, Чо Тхон, Хван Бо Хан, Хам Сун и Ли Дан, называвшие себя «семью мудрецами к северу от моря» по аналогии с «семью мудрецами к северу от реки» в Китае. Наиболее крупным поэтом из них был Ли Ин Но.

Крупнейшим поэтом периода Корё был Ли Гю Бо (1169–1241), оставивший около 2 тыс. произведений (в том числе и прозаических). Он получил признание правителей из клана Чхве, еще при жизни почитался как выдающийся поэт и достиг высоких должностей. В своем наиболее характерном «Сочинении о ване Тонмёне» Ли Гю Бо переосмыслил миф об основании государства Тонмён-ваном, заимствованный из рассказов о духах из народных легенд. Известными поэтами были Чхве Джа, автор поэтического сборника «Поханджип», отличавшегося не столько формой стиха, сколько внутренней энергией и утонченностью, и член литературной академии Чин Хва.

В конце периода Корё появился новый вид поэзии — так называемые кёнгицхега, характерным примером которой является произведение конфуцианского ученого Ан Чхука «Квондон пёльгок». В народной среде возник новый песенный жанр — так называемые чанга. Его характерными образцами были такие произведения как «Чхонсан пёльгок», «Согён пёльгок», «Касири».

«Чоныпса», «Тонтон», а также «Ссанхваджом». Чанга неизвестных инторов отражали жизнь и чувства простого народа того времени, живущего в гармонии с природой.

В музыке раннего Корё нашли продолжение развивавшиеся с периода Силла традиционные жанры местной (хянак) и танской (танак) музыки, а в правление Еджона из сунского Китая были импортированы музыка типа аак и различные новые музыкальные инструменты. Это были жанры дворцовой музыки, причем музыка в хянак и танак исполнялась главным образом на банкетах, а во время поминальных церемоний. Преобладала все-таки танак, и наиболее известными произведениями в этом жанре были «Чоныпса», «Тондон», «Халлим пёльгок», «Огвансан», «Инджак». Известно, что в начале XII в. существовал оркестр из 4 музыкантов, и насчитывалось 40 разновидностей музыкальных инструментов.

Среди народных игр периода Корё следует отметить кёкку, которая представляла собой бросание в цель, с коня, шара с помощью деревянной ракетки — некоторое подобие западного поло. В период пользовались популярностью такие виды народного театра, как танец Муёна (по изгнанию злых духов) и представления в масках (сандэ нори). Этими видами искусства управляло специальное государственное ведомство Наре тогам. В столице время от времени проводились массовые празднества, где исполнялись различные песни и танцы. В области музыки и хореографии наибольшим вкладом был вклад Чо Ёна, жившего в XI в. и создавшего немало оригинальных танцев.

Из архитектурного наследия Корё до наших дней дошло немало. Самым древним из сохранившихся деревянных сооружений является павильон Мурынсуджон в монастыре Пусокса близ Риджу в провинции Северная Кёнсан, известный своими колоннами в технике пэхыллим. Характерными образцами архитектуры периода конца Корё являются также павильоны Кыннакчон в монастыре Понджонса в Андоне и Тэунджон в монастыре Судокса в Гансане. На архитектуру пагод раннего периода Корё сильное влияние оказала сунская. По форме они различались на круглые, шестигранные и восьмигранные, чего не было раньше; увеличилось и число ярусов в них. К характерным относятся 5-ярусная пагода монастыря Пурильса (951 г.), 7-ярусная каменная пагода монастыря Хёнхваса в Кэсоне (1020 г.), 13-ярусная пагода в монастыре Пусокса в горах Мёхянсан. Самой знаменитой из буддийских пагод конца Корё является 10-ярусная пагода из монастыря Чхонхонса в Кэпхуне. В отличие от других пагод, обычно строившихся из гранита, она сделана из мрамора, украшена роскошной скульптурой и носит явные следы влияния монгольского ламаизма. Кроме каменных пагод широкое распространение получили также — памятники буддийским монахам. Среди них можно назвать такие высокохудожественные произведения, как памятник в честь Чингона в монастыре Хынбопса в Вонджу (940 г.), памятник

ник Хеджину в монастыре Кодальса в Ёджу (975 г.), а также пудро на могиле Читвана в монастыре Попчхонса (1085 г., ныне находится на территории дворца Кёнбоккун в Сеуле).

Буддийская скульптура находилась в некотором упадке по сравнению с периодом Силла. Однако и тогда появлялись такие шедевры, как изготовленная в конце XII в. статуя будды Амитабхи в павильоне Мурынсуджон в Пусокса. Самая большая каменная статуя будды в Корее — статуя будды Майтрейи в монастыре Кванчхокса в Нонсане (провинция Северная Чхунчхон) высотой свыше 21 м — создавалась в течение 38 лет, начиная с 938 г. К эпохе Корё относится и самое крупное наскальное изображение будды в Корее — скульптура в дер. Нэган (уезд Кымган, провинция Канвон), которая представляет собой высеченного на гигантской скале сидящего Будду 15-метровой высоты.

Значительное развитие в Коре получила и живопись, которая тогда ведало специальное государственное управление — Тохвагон. Существовали как профессиональные казенные художники так и любители из образованных конфуцианцев и монахов. Работавшие в Тохваване живописцы писали портреты ванов и высших чиновников, различные государственные церемонии и сооружения, а также создавали декоративные картины с изображениями пейзажей, цветов и птиц.

Наиболее известными художниками начального периода Коре были члены Тохвагона Ли Нён и Ли Гван Пхиль с сыном. Первый из них работал в XII в. и оставил такие шедевры как «Река Есонган» и «Южные ворота храма Чхонсуса». Ли Нён преподавал живопись и в сунском Китае. Конфуцианские и буддийские художники-любители увлекались изображением «четырех благородных»: сосны, бамбука, сливы и орхидеи. Первой известной картиной подобного рода считается изображение сосны, обнаруженное в могиле Ван Гона в окрестностях Кэсона. Популярными темами творчества конфуцианских художников были также жизнь и отдых чиновничества. Одна из известных картин считается принадлежащей кисти вана Конмина. Из буддийских картин типичны картины жанра янню кванымдо (изображение бодхисатвы Авалокитешвары), бывшего особенно популярным в период монгольского господства. Самыми знаменитыми из них являются картина, написанная Ким У Муном и другими дворцовыми художниками в 1310 г., превышающая в длину 4 метра, а также картина, написанная около 1300 г. монахом Хехо и картина Со Гу Бана 1323 г. (все они хранятся в Японии).

По мере развития литературы на китайском языке совершенствовалась и каллиграфия, появились такие замечательные каллиграфы, как жившие в правление Мунджона Ю Син, Инджона Тха Нён, Коджона — Чхве У и другие. Вместе с силаским Ким Сон Ном эти художники считаются «четырьмя великими каллиграфами». В период Корё самым популярным стилем каллиграфии был куан сунчхе. В период монгольского господства каллиграфия и

юаньское влияние и в моду вошел стиль сонсолъхэ, пришедший на смену стилю куян сунчхэ. Представителем каллиграфического периода является Ли Ам, живший в правление вана Чонна.

Изобразительное искусство Корё было представлено также новыми видами прикладного искусства, причем, в отличие от периода Силла, в это время особенно широкое развитие получило глиняное искусство, связанное с домашним бытом рядового чина. В прикладном искусстве Корё излюбленным способом было прорезание на поверхности предметов желобков, чтобы для получения узоров и рисунков заполнялись красителем или другим веществом. Этот способ происходил от способа инкрустации деревянных изделий лаком и перламутром и постепенно распространился на искусство изготовления предметов из металла, где применялась инкрустация серебряной нитью, и на гонимое искусство, где инкрустация производилась разноцветной глиной.

Среди произведений прикладного искусства особое признание в соседних странах получила корёская керамика — за разнообразие форм и совершенство цвета. Керамика этого периода была представлена разнообразными бутылками для вина и воды, письменными приборами, сосудами для риса, чайниками, курильницами. В декоре этих сосудов широко использовались даосские мотивы, символизировавшие долголетие журавли, черепахи, обезьяны, рыбы, драконы и пр., а также изображения, ассоциировавшиеся с определенными жизненными ценностями цветов и растений: хризантем, винограда, пионов, лотоса, бамбука, камыша, сливы, тыквы. Корёская керамика была разного цвета: зеленого, серого, бежевого, черного и т.д., но наиболее характерным для нее был цвет зимородка — знаменитый корейский селадон. Со временем освободившись от влияния «южной школы» сунского Китая корейские мастера стали применять при ее изготовлении технику «северной школы» юаньского Китая, и окраска керамики стала изменяться от загадочного цвета зимородка в сторону скромного стиля пунчхон, который оставался популярным до начала правления династии Чосон. Высокого уровня достигла художественная обработка металла, что проявилось в производстве буддийских аксессуаров: храмовых колоколов, курильниц, бутылей, колокольчиков и особенно знаменитых бронзовых зеркал.

Заметного развития достигли в Корё гуманитарные науки. В системе государственного аппарата имелись специальные ведомственные по составлению исторических сочинений, изучению литературы, библиотеки и архивы. В начале периода Корё были созданы сочинения под названием «Самгукса» («История Трех государств»), в которой были главы о Тангуне, а также «Пхённён гонджэ» («Полное собрание погодных записей»), перерабатывавшиеся в 1116 г. Хон Гваном, а при Ёйджоне Ким Гван Ёем. С

начала существования Корё систематически велись погодные хроники — силлок (истинные записи), которые при династии Ли использовались в качестве материала для составления «Корёса» (сами они, однако, не сохранились до нашего времени).

Самым ранним из сохранившихся до настоящего времени исторических произведений является «Самгук саги» (в 50-ти книгах), написанное по приказу вана к 1145 г. Ким Бу Сиком и еще 11-ю сановниками в жанре китайских династийных историй. Этот выдающийся труд, созданный на основе не сохранившихся до нашего времени хроник Когурё, Пэкче и Силла и китайских источников, систематически излагает историю Кореи до начала X века.

Среди «частных» исторических трудов выделяются «Самгук юса» («Забытые дела Трех государств», 1281 г.), написанный в монастыре Ингакса монахом Ирёном, а также «Чеван унги» (1287 г.) Ли Сын Хю, воспевшего историю Китая и Кореи в стихах. Оба эти сочинения не содержат сколько-нибудь подробного и систематического изложения истории, но они написаны с позиций возвышения национальной культурной традиции и содержат упоминания о Тангуне и Древнем Чосоне, отсутствующие в «Самгук саги». Именно этим объясняется их влияние на последующие поколения, когда определенные силы, нуждаясь в обосновании национальной самобытности и самостоятельности Кореи, апеллировали к ее мифическому прошлому. Эти труды, впрочем, значительно отличались друг от друга, ибо «Самгук юса» выделял прежде всего буддийскую традицию, а «Чеван унги» опирался на конфуцианство, буддизм и даосизм. Кроме того, в «Чеван унги» более последовательно проводилась концепция о происхождении корейской нации от Тангуна (если «Самгук юса» приписывал происхождение от Тангуна Пуё, Когурё и Пэкче, а «Три Хан» и Силла считал основанными потомками выходцев из Китая, то «Чеван унги» зачислял сюда практически все существовавшие протокорейские образования). От периода Корё сохранилась также написанная в 1357 г. «Краткая история» («Саряк») Ли Дже Хёна.

Конфуцианские ученые конца периода Корё, рассматривавшие конфуцианство в качестве теоретической системы, способствующей устранению противоречий в обществе, естественно, особое место уделяли экономике. Выдающимися представителями экономической мысли были Чон Мон Джу, Чон До Джон, Квон Гын. Чон До Джону принадлежит труд «Хакка чинамдо», объяснявший общие положения конфуцианской натурфилософии, а также «Симмун чхондап» и «Сим Гии», излагавшие преимущества конфуцианства перед буддизмом и даосизмом. Квон Гын составил введение в конфуцианство — «Ипхак тосоль».

В развитии науки и техники Корё следует отметить изобретение впервые в мире металлического наборного шрифта. Достигшая высокого уровня уже в период Силла техника ксилографии совершенствовалась и в период Корё; о ее уровне говорит то, что

ним способом были напечатаны свыше 6 тыс. томов «Трипитаки» (Трипиджангён) и свыше 4700 томов «Сокчангён» (Продолжение Трипитаки). Однако ксилографическая печать требовала большого количества материала и огромных трудов; она была удобна при выпуске крупных тиражей, но имела недостатки при опубликовании многотиражных изданий. Поскольку в средний период Корё с развитием конфуцианского образования возникала необходимость печатать большее число книг в небольших тиражах, то это неимоვნость позволил устранить метод печати с применением металлического наборного шрифта. Сначала был изготовлен и использовался деревянный наборный шрифт, который впоследствии был усовершенствован и сделан из металла.

Предполагается, что впервые в Корё подвижным шрифтом книга была напечатана в XIII в., однако самой старой в мире книгой, напечатанной подвижным шрифтом, считается напечатанная в монастыре Хындокса (Чхонджу) в 1377 г. «Чикчи симчхен-гук» (находится во Франции). Этот метод приобрел особое распространение к концу периода Корё, и в 1392 г. была создана использовавшая его государственная печатня Соджоквон.

В XIII—XIV вв. в Корё наметился значительный прогресс в науке и технике. Важное значение для обороны страны имело совершенствование огнестрельного оружия, необходимого в борьбе против японских пиратов. В 1377 г. был учрежден Хвадон тогам, с применением заимствованной из юаньского Китая техники производства пороха стало делаться огнестрельное оружие. Особенно высокими боевыми качествами отличались созданные Чхве Чон, Соном пороховые пушки: установка таких пушек на боевых кораблях дала большой эффект в борьбе с пиратами.

Большие перемены в быту вызвали выращивание хлопчатника и производство хлопчатобумажных тканей (в 1364 г. отправленный посланником в Юань Мун Ик Чом вывез из Китая семена хлопчатника). Значительные усилия для адаптации хлопка к климату и природным условиям Кореи приложил Чон Чхон Ик, который создал также хлопкоочистительную машину и машину для прядения хлопковой нити, а также внес вклад в дело массового производства одежды.

Изменения произошли и в области агротехники. В начале периода Корё обычной была система, при которой участки в горах оставались под паром 1—2 года. Однако к концу периода Корё крестьянское хозяйство усовершенствовалось, малоземельные и безземельные крестьяне активно обрабатывали участки в горах и повысили производительность сельхозтруда, создав способ внесения удобрений сибибоп и систему орошения путем перекрытия больших рек и создания заводей-водохранилищ, а также открыли способ симгёнбоп, при котором использовались волю, что позволяло глубже возделывать почву. В результате площади земель под паром уменьшились, а площади пахотных земель увеличились. Определенную роль в совершенствовании агротехники

сыграл способ хвабук нонбоп, заимствованный из юаньского Китая. Большой интерес вызвал использовавшийся в Китае в к югу от Янцзы способ заливных полей (суджон). В развитие науки и сельского хозяйства конца Корё также внесли вклад заимствованные через Китай арабские астрономия, метеорология и география.

Медицина в период Корё развивалась главным образом на основе применения лекарственных растений, произрастающих внутри страны. Самая ранняя корейская книга по медицине «Хяньяк кугыппан» была издана в 1236 г. Кроме нее, в Корё появились и многие другие медицинские книги, послужившие в дальнейшем основой для составления в период Чосон фундаментального труда «Хяньяк чипсонбан».

Период Корё занимает в истории Кореи весьма важное место. Это было время воссоздания на Корейском полуострове единого централизованного государства на принципах государственной организации и экономической системы, заложенных еще в раннее средневековье. В это время Корее пришлось отстаивать свою независимость в борьбе с несколькими волнами иноземных нашествий — киданей, чжурчженей и монголов, а бурная внутривнутриполитическая история этого периода выдвинула на историческую арену новые социальные слои. В области культуры период Корё был ознаменован целым рядом выдающихся достижений, впервые сделавших Корею известной далеко за ее пределами.

Контрольные вопросы к разделу второму

1. Какие основные политические задачи стремились решать пер-
вые правители государства Корё?
2. Раскройте экономическую и социальную основу государствен-
ности периода Корё?
3. В чем состояло принципиальное отличие организации господ-
ствующего класса в период Корё по сравнению с Силла?
4. Как соперничали и взаимодействовали конфуцианство и буд-
дизм в государственной идеологии периода Корё?
5. Опишите характер отношений Корё с северными соседями в
XII вв.?
6. Каковы причины глубоких внутривластных деформаций в
Корее в XII—XIII вв.?
7. В каких формах проявлялось монгольское господство в стране в
XIII—XIV вв.?
8. На какой идейно-политической основе сложилась во второй по-
ловины XIV в. «партия реформ»?
9. Каковы особенности культурной эволюции в Корее в X—
XIV вв.?

Рекомендуемая литература

- Ваннин Ю.В. Феодалная Корея в XIII—XIV вв. М., 1963.
- Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории
Кореи. М., 1987.
- Глухарева О.Н. Искусство Кореи. М., 1982.
- Корейская классическая поэзия. М., 1956.
- Корейские предания и легенды из средневековых книг / Сост. и
коммент. Л.Р.Концевича. М., 1980.
- Корейское классическое искусство. М., 1972.
- Ли Ги Бек. История Кореи. Новая трактовка. М., 2000.
- Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и
мифом. М., 1982.
- Чон Чин Сок, Чон Сон Чхоль, Ким Чхан Вон. История корейской
философии. М., 1966.
- Чхое Чхун Джон. Повесть о верном Чхое / Факс. корейской рук.,
пер., предисл. и коммент. Д.Д.Елисеева. М., 1971.

Глава XIV

ПРИХОД К ВЛАСТИ ДИНАСТИИ ЛИ

В 1392 г. к власти в Корее пришла династия Ли, которой суждено было править страной более пяти веков, вплоть до 1910 г., когда Корея превратилась в японскую колонию. По закрепившись в историографии традиции правление этой династии обычно делят на две части: «ранний период династии Ли (лиджо ги)», и «поздний период династии Ли (лиджо хуги)». Границей между ними служит Имджинская война 1592—1598 гг., хотя многие из процессов, которые традиционно связываются с поздним периодом, начались не сразу после Имджинской войны, а незадолго до нее, в середине XVI в.

1. Становление новой династии

Объявив об основании новой династии, Ли Сон Ге назвал ее Чосон — в честь государства, существовавшего на Корейском полуострове в I тыс. до н.э. Однако с начала XX в. с легкой руки японских историков за этим периодом закрепилось название «эпоха династии Ли». Наименование это, которое сейчас почти не используется в самой Корее, закрепилось в мировой историографии, хотя оно и не совсем удачно, ведь все дальневосточные династии имели собственные имена, в роли которых никогда не выступали фамилии правящего рода (не называем же мы династию Корё «династией Ван»).

Одной из первых акций новой власти стал произошедший в 1394 г. перенос столицы из Кэсона в Ханъян, который вскоре в народе стали называть Сеулом, то есть «столицей» (официально это название было закреплено за этим городом только в 1946 г.). В то время будущий мегаполис представлял из себя небольшой городок с населением в несколько тысяч человек. Здесь, на берегу Хангана, корейской столице было суждено оставаться многие столетия — вплоть до наших дней.

Ли Сон Ге пришел к власти, когда ему исполнилось 57 лет. Так что неудивительно, что еще при жизни основателя династии между его сыновьями разгорелась борьба за престол. На то, чтобы стать наследником отца, в первую очередь претендовал его сын от первой жены — жестокий и одаренный Ли Бан Вон, который сыграл решающую роль в установлении династии. Однако мать Ли Бан Вона к тому времени умерла, и стареющий Ли Сон Ге, находясь под влиянием своей новой супруги, назначил наследни-

ком Ли Бан Сока, своего сына от второй жены, а Ли Бан Вон выслал из столицы. Не смирившийся с этим Ли Бан Вон и его единокровные братья в 1398 г. организовали государственный переворот. Ли Бан Вон вместе со своими войсками вернулся в столицу и расправился с наиболее заметными сторонниками нового наследника. Сам наследник и его брат (другой сын Ли Сон Ге от второй жены) были арестованы и высланы в провинцию, где их вскоре и убили по приказу Ли Бан Вона. Из тактических соображений Ли Бан Вон не стал претендовать на престол сам, а добился назначения наследником своего единокровного брата Ли Бан Гва — будущего вана Чонджона. Он вступил на трон в конце того же 1398 г., когда основатель династии Ли Сон Ге, расстроенный братоубийственной борьбой своих сыновей, отрекся от престола. Правление Чонджона было недолгим — в 1400 г. отрекся от престола и он. Новым ваном, как и ожидалось, стал Ли Бан Вон, известный под своим храмовым именем Тхэджон. Его правление ознаменовалось интенсивным строительством в Сеуле, за которым окончательно закрепился статус столицы страны. Именно в правление Тхэджона в общих чертах сформировался государственный аппарат эпохи Чосон.

В 1418 г. Ли Бан Вон, в свою очередь, отрекся от престола, и ваном стал его сын Седжон, которого большинство корейских историков считает самым выдающимся из всех монархов династии Ли.

Ваны династии Ли имели несколько имен. Во-первых, подобно всем остальным знатым корейцам, они имели фамилию и личное имя, созданные на основе китайских иероглифов (фамилии у престолародья появились позже). Во-вторых, они имели один или чаще, несколько титулов, которые носили до вступления на престол. В-третьих, у них имелось «храмовое» имя, которое присваивалось им уже после их смерти, и под которым они обычно упоминаются в исторических сочинениях. Имя это состояло из двух иероглифов, причем вторым был «-джо» или «-джон». Так, Седжону при рождении в 1397 г. было дано личное имя Ли То. В 1408 г. он получил титул «Чхуннён-гун» («Принц верности и спокойствия»), а в 1413 г. — титул «Чхуннён-тэгун» («Великий принц верности и спокойствия»). Только после смерти вана в 1450 г. его сановники дали ему «храмовое» имя Седжон. Следуя традициям корейских историков, мы будем именовать корейских ванов по их храмовым, по смерти именам.

Во многом высокая оценка Седжона в корейской историографии вызвана той ролью, которую Седжон сыграл в создании корейского алфавита, однако нет сомнений в том, что Седжон был действительно, личностью незаурядной. О культурных достижениях Седжона речь пойдет дальше, но успехов он добился не только в области культуры и науки. Умный и энергичный правитель, сочетавший любознательность с трезвым расчетом, мастер компро

са, талантливый стратег и дипломат оказал немалое влияние на самые разные стороны корейской жизни.

В области внешней политики с именем Седжона связано самое значительное изменение границ Кореи. В 1432—1449 гг. китайские войска, опираясь на построенную по инициативе вана систему приграничных крепостей («шесть крепостей» — «юк син»), оттеснили племена чжурчженей на север и присоединили к корейскому правый берег реки Туманган. Эти земли на крайнем северо-востоке полуострова стали заселяться переселенцами из центральных областей страны, которым за согласие перебраться к новой границе полагались существенные льготы. Другим дипломатическим успехом Седжона стала разработка модели отношений с Китаем, которая просуществовала до конца XIX в. Она предусматривала сочетание фактической независимости Кореи с формальным признанием главенства китайского императора. Наконец, именно в правление Седжона была организована карательная экспедиция против поселений японских пиратов на о. Цусима. Эта экспедиция привела к почти полному прекращению японских набегов на корейское побережье.

В области экономики Седжон, действуя вполне в русле конфуцианской традиции, уделял немало сил поощрению сельского хозяйства. Под его руководством составлялись трактаты, в которых был собран опыт корейских крестьян (авторы этих трактатов специально консультировались с пожилыми крестьянами), распространялись новые сорта зерна и новые сельскохозяйственные машины. Этими проектами, а также разработкой корейского фонетического алфавита, специально занимался созданный вана исследовательский центр — «Чипхёнджон» (букв. «Павильон мудрости»), с которым сотрудничали лучшие умы страны.

После смерти Седжона на престоле недолго находился его сын Мунджон (1450—1452). Ранняя смерть Мунджона привела к тому, что трон перешел к его малолетнему сыну Танджону (1452—1455). В июне 1453 г. дядя малолетнего вана, второй сын Седжона, совершил государственный переворот и захватил фактическую власть в стране. В 1455 г. Танджон отрекся от престола, и его брат стал новым ваном, который известен нам под тронным именем Сёджо. Низложенный ван был сослан в провинцию. В ответ на это группа высокопоставленных чиновников организовала заговор и попыталась восстановить на престоле низложенного ванджона. Заговор был раскрыт, шесть его руководителей были казнены. Заговорщики вошли в корейскую историю как «шесть низложенных сановников» («са юк син»). Посмертно реабилитированные, они на протяжении веков служили примером гражданского мужества, на котором воспитывались многие поколения корейских конфуцианцев. Однако их гибель только ухудшила положение низвергнутого монарха. В конце 1457 г. ван отправил Танджона, который находился в ссылке в провинции Канвон, приказ

о самоубийстве (или, как было принято выражаться официально, «пожаловал его смертью»).

Седжо правил страной до 1468 г. Не без основания не доверяя чиновникам-конфуцианцам, многие из которых считали его узурпатором, Седжо попытался вернуть привилегированное положение буддизму (чем, отчасти, еще больше подорвал его репутацию). По его инициативе прекратил свое существование созданный его отцом Чипхёнджон «Павильон мудрых», влиятельное конфуцианское учреждение, которое не только занималось разнообразными научными проектами, но и все более активно вмешивалось в политику. При Седжо опять увеличилось количество буддистских храмов, широко издавалась буддистская литература, шла торговля разрешениями на принятие монашества.

Однако эти заигрывания с буддизмом были не слишком последовательными, а при приемнике и внуке Седжо — Сонджоне (1469—1494) они и вовсе прекратились. Новый ван был решительным сторонником учения Чжу Си и активно выдвигал на руководящие посты неоконфуцианских идеологов. Не случайно, что именно под руководством Сонджона была окончательно оформлена юридическая база деятельности государственного аппарата создан кодекс «Кёнгук тэджон». Правление Сонджона знаменовало собой начало конфликта двух идейно-политических группировок — неконфуцианских ученых-чиновников (сарим) и представителей столичной верхушки — «заслуженных сановников» («хунгупха»), которые выдвинулись в первые десятилетия существования династии. Этот конфликт определял политическую жизнь страны на протяжении последующих шести десятилетий. Обе группировки, в общем, были сторонниками конфуцианской модели государственного устройства. Различия между ними, скорее, заключались в степени их радикализма. Неоконфуцианцы-саримы были более идеологизированны, они хотели изменить корейское государство и общество, максимально приблизив его реалии предписанному Чжу Си идеалу. «Заслуженные сановники», возражая против конфуцианства как такового, стремились к сохранению статус-кво, при котором они неплохо себя чувствовали и не поддерживали проектов радикальных преобразований. Особое беспокойство у «заслуженных сановников» вызывала судимость их обширных земельных владений.

Кровавыми столкновениями саримов и «заслуженных сановников» были отмечены конец XV и первая половина XVI в. В 1498 г. произошла «резня ученых года му-о». Это было при ване Ёнсан Гуне (1494—1506). Посмертного имени он не имел, так как был свергнут с престола и объявлен недостойным монаршего звания. Кризис 1498 г. вызвала официальная хроника правления Седжо, в которой составлявшие ее саримы осудили совершенный Седжо в 1455 г. государственный переворот. Это привело к разрыву как над самими историками, так и над большой группой их друзей и единомышленников. Гонения на саримов спровоцировали

«заслуженные сановники», но Ёнсан Гун вовсе не собирался считаться и с их интересами. Наоборот, он провел ряд конфискаций в ходе которых многие из «заслуженных сановников» лишились земельных владений. Вдобавок, сам ван показал себя человеком жестоким и непоследовательным. К рассказам официальных историков о дворцовых оргиях следует относиться с некоторым скептицизмом — хроники Ёнсан Гуна были написаны его сыном и после его отстранения от власти. Однако ясно, что Ёнсан Гун был далеко не идеальным монархом. В итоге он был низложен, сослан в провинцию и там убит, а к власти пришел его сын по отцу Чунджон (1506—1544).

В правление Чунджона саримы предприняли серьезную попытку осуществить давно задуманные ими реформы. Она была связана с именем молодого и талантливого неоконфуцианского мыслителя Чо Кван Джо (1482—1519), который стал доверенным лицом вана. Программа Чо Кван Джо предусматривала искоренение «суеверий», иначе говоря, решительное наступление на буддизм, активную пропаганду конфуцианских текстов и конфуцианской морали, повышение роли экзаменационной системы. Последнее вызвало беспокойство у «заслуженных сановников», так как отбор чиновников преимущественно посредством экзаменов означал канонически объективно означал, что на государственных должностях будет все больше неоконфуцианских интеллектуалов и все меньше «заслуженных сановников» и связанных с ними лиц. В итоге «заслуженные сановники» начали борьбу против реформ, и в конце концов одержали еще одну победу — в ходе ученого года ки-мё (1519) погиб и сам Чо Кван Джо, и другие реформаторы. Ни при Чунджоне, ни при его преемнике Мёнджоне (1545—1567), саримам так и не удалось взять в свои руки контроль центральный аппарат.

Однако репрессии, которым подвергались саримы в столице, могли остановить деятельности их единомышленников на местах. Неоконфуцианство распространялось не только сверху, из столицы, но и снизу, в результате целенаправленной просветительской и пропагандистской деятельности провинциальных интеллектуалов. Учение Чжу Си в глазах своих тогдашних последователей не только обладало прелестью новизны, но и давало четкие рациональные рецепты общественного устройства. Немалую роль играла и готовность радикальных сторонников неоконфуцианства страдать и погибать за свои убеждения — эту готовность неоднократно демонстрировали во время репрессий. В результате постоянных усилий тысяч рядовых представителей новой интеллектуальной элиты в корейском обществе постепенно распространялись ценности неоконфуцианства, меняя отношение к монархии, к семье, к государству и миру.

Именно эти изменения в конечном итоге и подготовили победу саримов, которая была связана с восшествием на престол в 1608 г. вана Сонджо, правившего до 1608 г. Собственно говоря,

именно его правление и является традиционной границей между «ранней» и «поздней» династией Ли. Взойдя на престол, Сонджо стал последовательно окружать себя неоконфуцианскими учеными-чиновниками, которые с этого времени установили окончательный контроль над государственным аппаратом. Однако уже в 1580-е гг. саримы раскололись на соперничающие группировки т.н. дворцовые «партии».

Повод к расколу, который имел огромные последствия для всей политической истории страны был совершенно ничтожным: начавшийся в 1575 г. конфликт между двумя второстепенными чиновниками, претендовавшими на одну и ту же должность. В скором времени оба чиновника собрали вокруг себя группы своих сторонников, ставшие зародышами будущих «партий». Этот термин лучше употреблять в кавычках, чтобы отличать их от партий в современном смысле слова. В 1570-е гг. возникло две «партии» — Восточная и Западная. Их названия связаны с тем, что руководители одной из них жили в Восточном Сеуле, а другой — в Западном. Вскоре конфликт, который послужил толчком к расколу, был забыт и отнесен на второй план новыми столкновениями между ними. Восточная «партия» просуществовала недолго и вскоре раскололась на Северную и Южную «партии». С этой триадой постоянно соперничающих друг с другом «партий» Корея встретила японское вторжение 1592 года.

2. Государственный аппарат и чиновничество

Первое столетие правления династии Ли стало для Кореи временем активного государственного строительства. Переворот Сон Ге был возможен только в условиях социального хаоса и паралича государственного аппарата, которыми был отмечен конец эпохи Корё. Новая династия осознала ошибки, допущенные эпохой Корё, и постаралась извлечь уроки из неудач своих предшественников. Бюрократия Корё была многочисленна, дорога и малоэффективна. На смену ей в XV в. пришел новый государственный аппарат — дешевый и рациональный, который без особых изменений просуществовал до самого конца XIX в. Общая схема его устройства была скопирована с китайских образцов (в основном, с государственного аппарата династии Мин) и удачно приспособлена к корейским реалиям. Из Китая была позаимствована не только общая структура государственных учреждений, но и принципы делопроизводства, назначений и перемещений. Официальная документация велась исключительно на древнекитайском языке (вэньяне, который в самой Корее именовали ханмун). Вплоть до конца XIX в. на всем Дальнем Востоке вэньянь был главным языком науки, культуры и бюрократии.

Высшей фигурой в государственном аппарате был сам монарх, носивший титул вана. Этот титул — китайского происхождения, когда-то, в I—II тыс. до н.э., его носили сами правители Китая.

В более поздние времена ванами стали называть правителей с более высоким по сравнению с китайским императором статусом, в частности, владетелей удельных княжеств в самом Китае и монархов прибрежных стран. Члены семьи вана и его родственники, входившие в клан Ли, образовывали прослойку высшей наследственной элиты. Однако в политической жизни страны многочисленные родственники вана особой роли не играли и до начала XIX в. не обладали самостоятельной силой обычно не выступали. За время существования династии Ли на корейском престоле побывало всего 11 вана. Дольше всего, 52 года, правил страной Ёнджо (1724—1776). Самый короткий срок было правление Инджона, который находился на троне в течение всего лишь 8 месяцев (1544). Средняя продолжительность жизни властителей династии Ли составляла лишь 46 лет. Впрочем, по тогдашним меркам это было не так мало: средняя продолжительность жизни в Корее в то время едва достигала 25 лет, в более ранние эпохи она, скорее всего, была еще ниже. Кроме 27 реально правивших страной монархов, в династии Ли было пять «почетных» вана, которые получили это звание посмертно, за особые заслуги перед династией, хотя они тоже были членами правящего рода). В странах Дальнего Востока вообще существовала традиция посмертного назначения различных почетных должностей. На наш взгляд, она кажется несколько странной, хотя, по сути, мало чем отличается от принятой у нас практики посмертного награждения.

Строгого порядка престолонаследия в Корее не существовало. Каждый вана, как правило, назначал себе наследника еще при жизни, и только после своего вступления на престол. Наследником при этом мог стать любой член правящего рода (разумеется, мужчина), и не только старший сын вана, причем правитель в любой момент мог изменить свое решение и остановить выбор на ком-то из других претендентов, заменив первоначально избранного наследника. Вообще выбор у правителя был большой. Помимо жены, которая и была вана могла быть только одна, корейские монархи имели еще и других наложниц. Поэтому число королевских сыновей, племянников и внуков, из которых обычно назначались наследники престола, было весьма значительным (у «среднеазиатского» вана династии Ли было 10 детей).

Из первых вана династии Ли были еще видны отголоски ее основателей — боевого генерала Ли Сон Ге и жестокого тирана Ли Бан Вона. Монархи XV в. путешествовали по стране, любили поохотиться, ценили коней и оружие, гордились военной силой и воинским мастерством. Однако со временем старые традиции постепенно забывались, а влияние конфуцизма на жизнь двора возрастало, и в результате где-то к XVI в. корейские ваны отказались от подобных «неподобающих» занятий. Большинство правителей позднейшего времени практически не путешествовало по стране и никогда не выезжало за пределы столицы. Все их путешествия ограничивались лишь редкими поезд-

ками по окрестностям Сеула (в основном, для совершения жертвоприношений на могилах предков). Из воителя корейский монарх превратился, как того и требовала конфуцианская политическая культура, в первого чиновника страны. Его день был тщательно распланирован и до отказа заполнен бюрократической работой. Ежедневно монарх должен был проводить 2—3 часа на специальных занятиях по изучению конфуцианского канона и китайских классических текстов. 7—8 часов в день у него уходило на работу с бесчисленными документами, поступавшими как от государственных учреждений, так и от частных лиц. Наконец, ван ежедневно проводил совещания с высшими сановниками государства, а также регулярно давал большие дворцовые аудиенции, на которых присутствовало большинство столичных чиновников. Все деловые встречи и беседы вана тщательно протоколировались секретарями-историографами, которые неотлучно следовали за монархом. На основе их заметок после смерти вана составлялись силлок — исключительно подробная подневная хроника правления монарха. Сведенные вместе «Правдивые записи» всех ванов династии составили «Лиджо силлок» — один из самых впечатляющих памятников мировой историографии.

Ван был верховным правителем страны, но в то же время власть его, в полном соответствии с конфуцианским учением, ограничивалась разветвленным государственным аппаратом, который обладал очень большой степенью автономии и мог, зачастую, успешно противостоять воле монарха.

Высшим органом государственного управления в Корее было Ыйджонбу (ведомство для обсуждения дел правления) — своего рода государственный совет. Во главе него стоял рёныйджон, чиновник I-го полного ранга, своего рода премьер-министр страны. У рёныйджона имелось два заместителя — «левый» (старший) и «правый» (младший). В более поздние времена роль Ыйджонбу заметно снизилась, однако рёныйджон и его заместители по-прежнему оставались высшими сановниками страны.

Органами отраслевого управления являлись министерства (в русскоязычной литературе их иногда называют ведомствами или палатами). По традиции, восходящей еще к империи Тан (VII—X вв.), на Дальнем Востоке выделялись шесть основных отраслей государственного управления, соответственно и министерств в Корее было шесть. К ним относились:

— Министерство по делам чиновников (Иджо). Его не случайно всегда называли первым среди министерств, оно играло решающую роль во всех передвижениях корейского чиновничества по служебной лестнице.

— Министерство налогов (Ходжо). Это министерство ведало финансами, сбором налогов и податей, проведением переписей населения и составлением земельного кадастра, а также деятельностью казенных ремесленников.

— Министерство церемоний (Йеджо). Общеизвестно, какую огромную роль уделяло конфуцианство ритуальным вопросам, поэтому сфера деятельности данного министерства отнюдь не ограничивалась проблемами придворного этикета. Оно занималось также вопросами культа, образования и внешней политики, ведь с конфуцианской точки зрения отношения между государствами были лишь частным случаем ритуальных отношений старшего и младшего (сюзерена и вассала, если пользоваться европейской терминологией).

— Военное министерство (Пёнджо). Времена правления династии Ли, за исключением короткого периода 1592—1637 гг., были весьма мирными и спокойными, так что реальная роль этого учреждения была не очень значима. При этом в руководстве армией большую роль играли всяческие специальные комиссии и советы, которые создавались по мере необходимости и часто не входили в систему военного министерства, а непосредственно подчинялись вану.

— Министерство наказаний (Хёнджо). Оно ведало судопроизводством, контролировало соблюдение законности, поддерживало общественный порядок.

— Министерство общественных работ (Конджо). В его ведении находилась организация и проведение любых крупных работ, на которые в порядке трудовой повинности сгонялись крестьяне. Иногда речь шла о сооружении дворцов для вана и его окружения, резиденций губернаторов, но гораздо чаще — о строительстве дамб, каналов, водохранилищ и других ирригационных сооружений, без которых земледелие в Корее сплошь и рядом невозможно.

Кроме Ыйджонбу и шести министерств, в центральный аппарат входил и ряд других учреждений, самыми важными из которых по традиции считали Три ведомства (Сам са). Два из них — Саганвон и Сахонбу — являлись контрольными организациями, которые по традиции именуются в западной литературе цензорами. В задачи Саганвона входила критика ошибочных действий вана. По конфуцианской традиции, такое контрольное учреждение было обязательным в любой конфуцианской монархии. Критические замечания чиновников Саганвона обязательной силы не имели, и ван, в принципе, мог их игнорировать, но традиция требовала, чтобы ван внимательно прислушивался к подобным заявлениям. Кроме того, законы и традиции запрещали наказывать цензоров за их критические высказывания, какими бы острыми они ни были. Контрольные функции выполняло и другое учреждение — Сахонбу. Если Саганвон контролировал и критиковал вана, то Сахонбу — чиновничество. Сотрудники Сахонбу были обязаны регулярно направлять вану доклады обо всех совершенных чиновниками злоупотреблениях или нарушениях принципов конфуцианской морали. Кроме двух цензуратов, в состав

Трех ведомств входил также Хонмунгван, отвечавший за хранение официальных документов, а также сбор материалов для официальных историографов.

Наконец, нельзя не упомянуть два немаловажных учреждения, которые подчинялись непосредственно вану. Всей деятельностью государственного аппарата король руководил через свою личную канцелярию — Сынджонвон. В прямом подчинении монарха находилось и Ыйгымбу — специальное полицейское ведомство, которое занималось расследованием политических и иных особо важных преступлений (обычными уголовными делами занимались чиновники Министерства наказаний и власти на местах).

Столичное чиновничество было очень немногочисленным (этому способствовала, в частности, широко распространенная практика совмещения должностей). В Сеуле служило всего лишь около 500—600 кадровых чиновников — при том, что численность населения страны за 500 лет правления династии Ли выросла примерно с трех до одиннадцати миллионов человек! Таким образом, чиновники составляли ничтожную долю всего населения страны. Главная задача, которую ставили перед собой создатели корейского государственного аппарата, была решена: бюрократия была немногочисленной, но эффективной, и вполне справлявшейся со своими обязанностями.

Эффективностью и рациональностью отличалась и структура власти на местах. В 1413 г. страна была разделена на 8 провинций, причем это деление без особых изменений просуществовало до конца XIX в., а во многом — и до наших дней. Во главе каждой стоял губернатор (кванчхальса), которому подчинялся немногочисленный аппарат. Центральная власть не без оснований опасалась, что между местной элитой и губернатором могут установиться излишне прочные связи, которые могли бы, во-первых, стать основой для мошенничеств с налогами и государственным имуществом, а во-вторых, — создать условия для возникновения местного сепаратизма. Чтобы избежать этого, проводились систематические перетасовки государственного аппарата на местах. Для большинства провинциальных чиновников устанавливались предельные сроки пребывания на одном посту. Для губернаторов, например, этот срок в разные периоды составлял 1 или 2 года. По истечении установленного срока чиновники переводились в другую провинцию. Провинции делились на более мелкие административные единицы — уезды, число которых достигало 350. Уездные начальники также назначались из центра, срок их пребывания в должности ограничивался 3—6 годами (в зависимости от ранга уезда). Губернатор два раза в год, весной и осенью, был обязан совершать инспекционные поездки по вверенной ему провинции. Кроме того, деятельность местной администрации контролировали ревизоры — как явные, так и путешествующие инкогнито (знаменитые «амхэн оса» — «тайные представители»). Судя по всему, ревизоры эти были людьми незаурядными: 110

крайней мере, в памяти народной они остались как воплощение неподкупной справедливости.

Уездные начальники стояли на низшей ступени лестницы номенклатурного чиновничества, включенного в официальные списки, назначавшегося и сменявшегося центральными властями. На территории уезда имелось несколько волостей (мён), то есть сельских общин, но чиновники туда не назначались. Административные функции в волостях выполняли старосты, назначавшиеся вышестоящими властями по согласованию с местной верхушкой. В более поздний период, с XVI в., в местном управлении большую роль стали играть и различные местные ассоциации, во главе которых обычно стояли неслужащие конфуцианцы. Общинные организации органично дополняли власть центральной бюрократии.

Вообще говоря, конец XVI в. стал временем, когда на местах стали активно возникать разнообразные конфуцианские учреждения. Создавались они при некоторой поддержке властей, но решающую роль все-таки играла местная инициатива. По-видимому, возникновение этих институтов стало следствием постепенного распространения неоконфуцианских идеалов в народе. Усилия интеллектуальной элиты, которая с начала XV в. неустанно воспитывала народ в духе конфуцианской морали, принесли свои плоды. В частности, именно в XVI—XVII вв. распространились союзы хяньяк (деревенский устав) — своеобразная форма деревенского самоуправления. Задачи этих союзов, которые определялись их уставом, были разнообразны и во многом зависели от местных условий. Обычно союзы хяньяк отвечали за поддержание общественного порядка, наказывали мелких правонарушителей, воспитывали своих членов в духе конфуцианской морали, организовывали и финансировали местные школы. Выполняли они и экономические функции, действуя как общества взаимного кредита и как организаторы общественных работ. Наконец, именно на хяньяк лежала забота по совершению общинных конфуцианских ритуалов. В деятельности союзов принимали участие все жители деревни, вне зависимости от своего сословного статуса, хотя господствующее положение в них, разумеется, занимала местная верхушка.

Другим самостоятельным общественным институтом, который возник в XVI в. и достиг небывалого развития к XVIII в., стали совоны — конфуцианские храмы славы. Подобно союзам хяньяк и вообще многим другим учреждениям эпохи Чосон, совоны имели китайский прототип, но именно в Корее они получили невиданное распространение (к XVIII в. в Корее действовало больше совонов, чем во всем Китае!). Совон представлял из себя гибриды храма, школы и политического клуба. Центром совона была часовня, посвященная памяти какого-либо выдающегося конфуцианского деятеля (иногда — китайского, чаще — корейского). При часовне действовал небольшой комплекс, который обычно

включал в себя частную школу и библиотеку. В совонах местные конфуцианцы встречались, вели политические споры, устраивали соревнования по стихосложению и философские диспуты. Первый в Корее совон был основан в 1543 г. и был посвящен памяти Ан Хяна (1243—1306), одного из первых корейских пропагандистов чжусианства. Поначалу деятельность совонов активно поддерживалась властями, для которых эти учреждения были оплотом конфуцианских добродетелей и конфуцианского просвещения. Многие совоны даже получали от вана пожалования земель и крепостными. Правда, пожалования эти были довольно скромными, и совоны в основном существовали на средства местной элиты. Однако с течением времени от бывшего энтузиазма властей не осталось и следа. Совоны превратились в центры региональной политики, которые активно противостояли и местной, и временами, центральной бюрократии. Численность их быстро росла, и к началу XVIII в. в стране действовало более 300 совонов. Центральная власть неоднократно предпринимала попытки ограничить численность и влияние совонов, но до середины XIX в. эти усилия оставались безуспешными.

В 1471 г. вступил в действие кодекс «Кёнгук тэджон» («Великий свод законов по управлению государством», окончательная редакция — 1485 г.), который действовал до середины XVIII в. Основное внимание в нем уделялось вопросам, которые по нашим нынешним представлениям относятся к области административного права. Кодекс детально описывал государственное устройство Кореи и нормы функционирования ее бюрократического аппарата. При этом в «Кёнгук тэджон» сравнительно мало места было отведено уголовному праву. В тщательно разработанном уголовном праве просто не было необходимости, так как в период Чосон в уголовном судопроизводстве использовалось китайское законодательство. Приговоры выносились в соответствии с «Мин люй» — огромным и подробнейшим кодексом династии Мин. Им продолжали пользоваться и после падения династии Мин в 1644 г. — во многом для того, чтобы выразить неодобрение режиму, установившемуся в Китае после прихода к власти маньчжурской династии Цин.

Огромную роль в жизни Кореи играл институт государственных экзаменов, значение которого существенно возросло по сравнению с периодом династии Корё. Как и во времена Корё, система экзаменов в целом ориентировалась на китайские образцы. Впрочем, в условиях сословного корейского общества сущность государственных экзаменов не могла не претерпеть серьезных изменений. В Китае, где не существовало жестко закреплённого и передающегося по наследству сословного статуса, экзамены носили характер испытаний на право войти в ряды чиновничьей элиты, путь в которую был теоретически открыт почти для любого желающего. В Корее же к экзаменам допускались (за некото-

рыми исключениями) лишь представители господствующего сословия янбан.

Помимо экзаменов на знание конфуцианского канона, которые сдавали претендующие на чиновничьи посты молодые янбаны, существовали экзамены по специальным дисциплинам (языкам, математике, гаданию, юриспруденции) для представителей сословия чуньинов, а также экзамены на элементарную грамотность для низших канцелярских работников, к которым допускались и простолюдины. Однако эти экзамены были малопрестижны и носили чисто квалификационный характер: их сдача подтверждала право на ту или иную должность, требующую специальных знаний. Совсем другую роль играли экзамены на знание конфуцианского канона. В ходе экзамена нужно было показать виртуозное владение древнекитайским языком, умение сочинять стихи в соответствии с непростыми правилами классического китайского стихосложения и, конечно, знание конфуцианского канона и комментариев к нему. Существовали также военные экзамены, сдача которых давала право на занятие военной должности. К ним также часто допускались и простолюдины. По своей организации и программе военные экзамены были близки к гражданским. Разница заключалась в том, что на военном экзамене требования к общеconfуцианской подготовке кандидатов были ниже, зато проверялись их специальные военные знания и навыки. Экзаменующиеся должны были продемонстрировать знание классических китайских работ по военной теории, умение стрелять из лука (позднее — и из мушкета) и ездить на коне.

Вообще говоря, в Корее существовало три способа поступления на государственную службу. Во-первых, претендент мог пройти через систему государственных конкурсных экзаменов. Успешная сдача экзаменов, правда, сама по себе не гарантировала должности, но резко повышала шансы на ее получение, а также облегчала дальнейшую карьеру. Во-вторых, часть высших сановников могла рекомендовать своих протеже на службу. В-третьих, преимущественное право поступления на службу — по той же рекомендации — имели дети крупных сановников (так называемый «принцип тени»). Большинство второстепенных чиновников оканчивалось на службе по рекомендации или по праву наследства, но ортодоксальные неоконфуцианцы относились к этой ситуации весьма критически, считая, что единственно правильный и справедливый способ приема на государственную службу — это сдача экзаменов. Неслучайно, что практически все значимые посты занимались теми, кто прошел через систему экзаменов и таким образом подтвердил свою квалификацию.

Как уже говорилось, всем корейским чиновникам были присвоены ранги, которых было, как и при династии Корё, 18 (точнее, 9 рангов, каждый из которых делился на две степени). В учреждениях имелись подробные штатные расписания с указанием, какой ранг должен иметь чиновник для занятия той или иной

должности, и в целом эти штатные расписания соблюдались. Прохождение службы определялось жесткими правилами. Для чиновников младших рангов срок, по истечении которого при условии добросовестной службы они должны были быть повышены на один ранг, составлял 450 дней, для старших чиновников — 900 дней. Впрочем, на практике эти сроки часто нарушались.

Важно подчеркнуть, что идеальный конфуцианский чиновник не был ни льстецом, ни простым винтиком государственной машины. Традиция требовала от него не только добросовестного исполнения своих обязанностей, но и инициативы, а также того, что мы бы сейчас назвали «активной гражданской позицией». Если чиновник считал, что какие-то действия властей являются ошибочными, что некое должностное лицо ведет себя недостойно, то он должен был решительно выступить против таких действий или такого поведения. При этом традиция подчеркивала, что во всей стране нет никого, кто был бы выше критики — следовало увещевать и самого монарха, если тот вел себя неподобающим образом или поддерживал ошибочные решения. Наиболее распространенной формой протеста было составление меморандумов, которые направлялись сановникам, а часто и самому монарху. Корейский ван, подобно правителям других конфуцианских государств, получал огромное количество таких меморандумов, в которых представители элиты выражали свое мнение о ситуации в стране, предлагали те или иные реформы, критиковали друг друга, высших сановников, а порою и самого вана. Традиция требовала от монарха внимательно прислушиваться к критике и понимать, что чиновником движут благородные побуждения, искреннее беспокойство за судьбу страны. Монарх должен был заботиться о том, чтобы «путь суждений был широк», то есть, иначе говоря, чтобы все члены элиты могли без страха высказывать свое мнение о текущей политике.

До какой степени вся эта идеализированная картина соответствовала действительности? Разумеется, реальность всегда достаточно далека от идеологических предписаний, и Корея времен династии Ли не была в этом отношении исключением. Что бы ни писалось в конфуцианских книгах, чиновник, критикующий высокопоставленного сановника или, тем более, самого вана, шел на серьезный риск. В лучшем случае он наживал себе опасных врагов и ставил под угрозу карьеру, а в худшем — попадал в тюрьму или под топор палача. Это хорошо понимали все, и большинство чиновников вело себя, мягко говоря, не совсем так, как предписывали конфуцианские сочинения. Однако идеал «неподкупного чиновника» существовал всегда, хотя соответствовали ему немногие. Всегда находились чиновники, которые были готовы выступить против того, что казалось им аморальным или ошибочным — даже если они знали, что им придется заплатить за такое выступление своей жизнью. В конфуцианстве существовал настоящий культ героев-чиновников, которые погибли, обличая непра-

ную власть или зарвавшихся вельмож. Их биографии изучались многими поколениями конфуцианцев, им посвящались храмы, их имена знали даже простолюдины. В конфуцианстве, в котором отсутствовала идея загробного воздаяния, его отчасти заменяла благодарная (или, наоборот, неблагодарная) память потомков. В Корее, например, символом такой конфуцианской верности и принципиальности стали Чон Мон Джу и «шесть погибших сановников», которые в свое время попытались воспрепятствовать узурпации власти ваном Седжо. Неудивительно поэтому, что среди конфуцианских чиновников постоянно появлялись личности, готовые фанатично стоять до конца за свои убеждения.

Глава XV

ОБЩЕСТВО И СОСЛОВИЯ В ГОСУДАРСТВЕ ЧОСОН

1. Эволюция янбанского сословия

Конфуцианство в его классическом варианте враждебно относилось к самой идее наследственных привилегий. Его идеалом является меритократия (власть достойных), то есть система, при которой положение человека в обществе всецело зависит от его интеллектуальных способностей и личных качеств. О наследственной аристократии и о наследственных сословиях в идеальном конфуцианском государстве не могло быть и речи. Однако в Корее, несмотря на постоянно декларируемую приверженность неоконфуцианству, в эпоху Чосон сложилось именно сословное общество, то есть общество, в котором каждый человек по рождению принадлежал к одной из групп с четко определенными правами и обязанностями, а переход из одной такой группы в другую был труден или вовсе невозможен. При этом права и обязанности сословий в Корее чаще всего не были зафиксированы в писаном законодательстве, а определялись обычным правом. Система эта сложилась не сразу и так и не получила полного юридического оформления. Официальное законодательство в целом замалчивало существование сословий — института, крайне сомнительного с точки зрения официальной идеологии. Тем не менее, квазисословия в Корее существовали, и в этом отношении она несколько походила на феодальные государства средневековой Европы (хотя и не до такой степени, как Япония).

Даже среди самих корейцев времен династии Ли не существовало полного единства в отношении того, сколько сословий существует в Корее. Нет единого мнения на сей счет и среди современных ученых. Кроме того, надо учесть, что сословная система возникла далеко не сразу — в XV в. сословия только формировались, а в XVIII—XIX вв. система сословий стала приходить в упадок. При максимально детализированном подходе, в Корее XVI—XVIII вв. можно выделить от семи до десяти сословных групп: 1) высшее привилегированное сословие — янбаны, примерный аналог европейского дворянства; 2) среднее сословие — чуньины; 3) потомственное мелкое чиновничество — сори, хянри, тхогван; 4) торговцы — санмин; 5) ремесленники — конмин; 6) свободные крестьяне — нонмин; 7) государственные и частные крепостные — ноби, а также представители презираемых профессий (кур-

пианки, мясники) — чхонмин. Если же объединять эти группы в более крупные, то таких групп-сословий было несколько. Янбаны являлись привилегированным сословием, чунъины и мелкое чиновничество — полупривилегированным, а ремесленники, торговцы и крестьяне составляли податные сословия которые часто тоже объединяют под единым названием янмин (добрый люд). Низшее сословие составляли крепостные и другие представители группы чхонмин (в буквальном переводе — дешевые людишки).

О примерном соотношении сословий в Корее конца XVII в. можно судить по данным, относящимся к 1690 г. Тогда в уезде Тэгу (одном из районов, о которых есть относительно надежные сведения) янбаны составляли 7,5%, простолудины, в число которых включены свободные крестьяне, торговцы и ремесленники — 49,5%, частнозависимые крепостные — 41,4%, государственные крепостные — 1,6%. Чунъины в этом списке отсутствуют, так как в большинстве своем они жили в Сеуле и в некоторых других крупных городских центрах. Там же были сосредоточены и государственные крепостные, значительную часть которых составляла прислуга в различных официальных учреждениях.

Янбаны представляли собой высший привилегированный слой феодальной Кореи, который может быть соотнесен с европейским дворянством. Само слово «янбан» в переводе с китайского означает «две части», так как янбаны четко делились на две группы: военную и гражданскую. Эти две группы несколько различались по своему положению. Военные янбаны по традиции не могли занимать высших государственных постов. Продвижение их по военной службе ограничивалось 6-м рангом, более высокие ранги военным не присваивались. В этом ограничении заметно усиление дискриминации военных по сравнению с периодом Корё, где они могли подниматься до 3-го ранга, и с Силла, где никакой дискриминации не существовало вообще. Впрочем, в некоторых случаях военные янбаны могли впоследствии переходить на гражданскую службу и в таковом качестве достигать высших государственных постов, но происходило это очень редко и с течением времени, вдобавок, таких случаев было все меньше и меньше (ни одного — с конца XVII в.).

Создатели корейского государственного аппарата предполагали, что все янбаны должны находиться на государственной службе и что привилегии им будут даваться именно как чиновникам и военным. Однако в более поздние времена правило это не соблюдалось, и их привилегии приобрели наследственный характер. Лишь в том случае, если более трех поколений одной семьи не служили в государственном аппарате, семья официально считалась потерявшей янбанское достоинство. Только янбанам была открыта дорога к занятию любых важных административных постов, хотя и среди янбанов большие преимущества имели выходцы из более знатных семей. Янбаны пользовались также рядом привилегий, которые не были связаны непосредственно с чинов-

ничьей службой. В частности, они были неподсудны обычному суду, их дела рассматривались в специальном судебном присутствии Ыйгымбу. Примерно с XVII в. янбаны стали носить особую одежду и головные уборы, которые подчеркивали их особое положение. При встрече с янбаном требовалось оказывать ему знаки внимания: едущий верхом простолюдин обязан был спешиться, идущий пешком — низко поклониться. Сидеть и курить в присутствии янбана простолюдинам запрещалось. В суде янбаны могли давать показания стоя, а не на коленях, как прочие свидетели. По традиции считалось, что существуют лишь два вида деятельности, достойные янбана: государственная служба и земледелие.

В первое время после прихода к власти новой династии, когда корейская сословная система только складывалась, выходцы из семей простолюдинов также могли сдавать экзамены и занимать после этого чиновничьи должности. Но по мере того, как в XV—XVI вв. перегородки между сословиями становились все более непроницаемыми, делать это становилось все труднее и труднее. К концу XVI в. установилась неписаная традиция, сделавшая право на сдачу гражданских экзаменов наследственной сословной привилегией янбанов (к военным экзаменам простолюдины допускались и в дальнейшем). Таким образом, янбаны окончательно стали сословной, наследственной группой, по своему характеру напоминавшей европейское дворянство.

В первые столетия правления династии Ли количество янбанов было сравнительно невелико, они составляли лишь несколько процентов населения страны. Однако уровень жизни у янбанских семей был, естественно, значительно выше, чем у крестьянских, детская смертность, следовательно, ниже, религиозные же представления способствовали высокой рождаемости. В результате и абсолютная численность этого привилегированного слоя, и его удельный вес постепенно увеличивались. Постепенный рост относительной и абсолютной численности янбанского сословия порождал разнообразные проблемы. Совершеннолетних янбанов, стремившихся поступить на службу, было много больше, чем должностей. Этот разрыв стал возникать еще в XV в., и тогда же власти приняли первые меры, чтобы смягчить создающееся положение. Во-первых, правительство стремилось замедлить рост численности янбанов, во-вторых, — увеличить количество должностей. В Корее существовала полигиния: кроме главной, «законной» жены, у состоятельного мужчины обычно было еще несколько наложниц. Главная жена, как правило, была янбанского происхождения, а наложницы — из простолюдинок или даже крепостных-ноби. Естественно, что при такой системе количество детей у каждого янбана было весьма значительным, что не могло не способствовать росту янбанского сословия. Поэтому в XV в. был принят ряд законодательных актов, в соответствии с которыми дети янбанов от наложниц не наследовали сословного статуса.

своего отца. С течением времени за детьми от наложниц (в российской корееведческой литературе их зачастую неточно называют «незаконнорожденными» или «побочными») закрепился особый статус, и они стали пополнять сословие чунъинов.

Во-вторых, увеличение количества должностей было достигнуто довольно своеобразным способом. С начала XV в. была введена, параллельно с обычной, система фиктивных должностей (подобная система существовала и в Корё, а также в Китае). Янбаны, получившие такую должность, не занимались никакой реальной административной деятельностью, не получали чиновничьих земельных наделов, но тем не менее считались полноправными янбанами, состоящими на государственной службе. Более того, как и настоящие чиновники, носители фиктивных должностей время от времени получали повышения по службе, хотя продолжительность сроков выслуги для них была большей, чем для обычных чиновников. Занятие фиктивной должности ничего непосредственно не давало янбану в материальном плане, но зато гарантировало общественный престиж и сохранение его семьей привилегированного статуса. Однако янбаны, получив фиктивную должность, все равно продолжали мечтать о настоящей.

Основой доходов янбанов было землевладение. Еще в 1391 г. был принят закон о «кваджон» («чиновничьих полях»), который предусматривал, что всем государственным чиновникам за их службу будут даваться земельные наделы в столичной провинции Кёнги. Наделы эти разрешалось передавать по наследству. Однако уже через несколько десятилетий стало ясно, что закон этот неисполним. Большинство пахотных земель в Кёнги к тому времени оказалось в частной собственности чиновников и их потомков, так что становилось все труднее находить земли для новых пожалований. Поэтому в 1466 г. в действие вступил закон о «служебных полях» («чикджон»), который предусматривал, что наделы будут даваться только находящимся на действительной службе чиновникам и не будут передаваться по наследству. Однако с течением времени рост частного землевладения привел к тому, что в провинции Кёнги не осталось земель, которыми правительство могло свободно распоряжаться, и раздачи земель прекратились. С этого времени чиновники существовали на жалованье, а также на доходы со своих частных владений. Землей и крепостными владениями большинство янбанов, но при этом в Корее почти не было крупных поместий, столь обычных для феодальной Европы или России (исключения из этого правила известны, но немногочисленны — владения «заслуженных сановников» XV в., например). Рядовой корейский янбан владел всего лишь несколькими крепостными, и даже у богатых помещиков были, максимум, сотни душ». Не редкостью была и малоземельная янбанская семья, которая вообще не имела крепостных. Многие бедные янбаны также подрабатывали преподаванием в сельских школах и составлением официальных бумаг для неграмотных односельчан.

Другим сословием, также входившим в состав правящего класса, но занимавшим в нем подчиненное по сравнению с янбанами положение, были чуньины, которые назначались на должности чиновников-специалистов. Само это слово в переводе с китайского означает «средние люди». Слой чуньинов был действительно промежуточным, его представители не относились ни к янбанам, ни к простолюдию. В то же время надо подчеркнуть: этот слой не имел ничего общего со «средним сословием» в западно-европейском смысле слова, то есть с буржуазией. По сути чуньины и близкие к ним по статусу потомственные мелкие канцеляристы представляли собой неполноправных янбанов и были полупривилегированным сословием.

Значительную часть чуньинов составляли дети янбанов от наложниц. Хотя дети наложниц в Корее и подвергались дискриминации, это не означало, что они были полностью отстранены от любой чиновничьей деятельности (как это иногда утверждается). Неполноправными они были лишь в сравнении с другими янбанами, но никак не в сравнении с простолюдинами. Дети наложниц вполне могли занимать чиновничьи посты, хотя для них были установлены законом верхние пределы продвижения, своего рода «служебные потолки». Этот потолок зависел от чиновничьего ранга отца и сословного происхождения матери. Однако получать чисто административные посты детям наложниц удавалось редко, в основном они занимали исполнительные должности, требующие не общеконфуцианской, а специальной подготовки. По официальной классификации в Корее выделялись 10 специальных дисциплин, которыми преимущественно и занимались чуньины. Это — иностранные языки (китайский, монгольский, маньчжурский, японский), медицина, гадательное искусство, живопись, математика, юриспруденция, учение о дао. Эти дисциплины, как и вообще все связанное с естественными науками и ремеслом, конфуцианская традиция относила к разряду второстепенных, полагая, что единственным достойным истинного ученого занятием является изучение трудов древних философов и комментариев к ним. Тем не менее, государственному аппарату требовались квалифицированные специалисты — знатоки законов, математики, иностранных языков и т.д., поэтому количество соответствующих должностей было довольно значительным. Занятым на государственной службе экспертам-чуньином присваивались чиновничьи ранги, но не слишком высокие.

Сословие чуньинов носило не такой замкнутый характер, как янбанское. С одной стороны, мелкие чиновники и даже простолюдины могли, получив специальное образование и сдав соответствующий экзамен, войти в состав чуньинов (причем эта возможность была, как свидетельствуют корейские историки, не только теоретической); с другой — дети самих чуньинов часто оказывались не в состоянии сохранить свой сословный статус и превращались в простолюдинов. В то же время чуньины были в соци-

иальном плане весьма беспокойным элементом (как, впрочем, и все маргиналы). Обладая образованием, а порою — и денежными средствами, ничуть не уступающими янбанским, чунъины не мирились со своим неравноправным положением и добивались признания за ними всей полноты тех привилегий, которыми обладали янбаны. Этим объясняется активное участие чунъинов в разнообразных оппозиционных движениях политического и идеологического характера.

Вопрос об общественном положении детей янбанов от налогоплательщиков в течение нескольких столетий был предметом ожесточенных споров. Требования представителей этого слоя о получении янбанских привилегий встречали сочувствие у части янбанов. В поддержку этих требований выступали такие крупнейшие общественные и политические деятели, как Чо Кван Джо (1482—1519), Илю Хен Вон (1622—1673), Чон Я Гён (Чон Да Сан, 1762—1836), Пак Чи Вон (1737—1805). Немалую роль играло и то обстоятельство, что на детей ванов подобные ограничения не распространялись, так что немало правителей Кореи сами были сыновьями налогоплательщиков. Однако многие представители привилегированного сословия опасались (и не без оснований), что отмена ограничений может ускорить и без того далеко зашедшее янбанское оскудение, вызвав непомерное увеличение численности янбанов и распыление их средств. Постоянные требования «равноправия» для детей янбанов от налогоплательщиков (речь шла о присвоении им в полном объеме привилегий высшего сословия) не оставались безрезультатными: под нажимом сторонников реформ с конца XVII в. правительство стало постепенно ослаблять былые ограничения. Эти послабления внесли свой вклад в кризис сословной системы, который наметился в XVIII веке.

Еще одним полупривилегированным сословием в старой Корее были потомственные канцеляристы, которые работали писарями и помощниками кадровых чиновников. Существовало несколько групп этих мелких чиновников, которые отличались друг от друга по роду деятельности и социальному статусу — сори (крупные канцеляристы), хянри (местные канцеляристы), тхонин (еще одна группа местного мелкого чиновничества) и т.д. В XIV в. хотя формально ее представители должны были заниматься только простейшей канцелярской работой, в действительности они пользовались немалым влиянием: ведь в отличие от регулярно сменяемых «номенклатурных» чиновников — янбанов, писари и прочие канцеляристы из поколения в поколение служили в одних и тех же управлениях, часто — на одних и тех же должностях. Основная масса населения поддерживала контакты с властями через сори и хянри, которые, соответственно, имели немало возможностей повлиять на исход каждого конкретного дела. В то же время постоянно живущие в родных местах сори устанавливали тесные связи с земляками — крупными землевладельцами. Нет

ничего удивительного в том, что именно сори были организаторами самых разнообразных махинаций, в первую очередь, связанных с налогообложением. Борьбе с их злоупотреблениями уделялось немало внимания, один за другим выходили соответствующие законы и указы, но все было безрезультатно. Еще в XVI в. Чо Сик воскликнул: «Наша страна погибнет из-за хянри!», но и в XVIII в. положение едва ли изменилось к лучшему. На протяжении всей эпохи Чосон мелкие канцеляристы в глазах современников прочно ассоциировались с коррупцией. Канцеляристы пользовались определенными привилегиями, в частности, они, подобно янбанам и чунъинам, были фактически освобождены от воинской и трудовой повинности. Дети сори, собиравшиеся пойти по стопам своего отца, должны были поступить в одну из местных школ, после окончания которой сдавались квалификационные экзамены. Это были довольно простые испытания: проверялось знание письма (в том числе в позднейшие времена и корейского), арифметики и действующего законодательства.

2. Податные сословия: торговцы, ремесленники, крестьяне

Кроме перечисленных выше привилегированных и полупривилегированных сословий, в корейском обществе существовали 3 податных сословия: торговцы, ремесленники, крестьяне. Всех их часто объединяли под общим названием янмин — добрые люди. Действительно, между этими тремя сословиями не существовало внутренних перегородок — крестьянин мог стать ремесленником, ремесленник — крестьянином или торговцем.

Наиболее многочисленным из податных сословий были свободные крестьяне. Конфуцианская традиция в принципе с уважением относилась к земледельческому труду, который ценился выше и ремесла и, тем более, торговли. В странах Восточной Азии не было того высокомерного отношения к крестьянству, которым отличалась средневековая Европа. Для вельможи не было ничего зазорного в том, чтобы самому работать в поле — подобное времяпрепровождение, наоборот, считалось вполне достойным (в отличие, например, от занятий торговлей). Ван ежегодно по весне участвовал в торжественном ритуале начала сельскохозяйственных работ: владыка должен был лично пройти за плугом и вспахать несколько борозд. Власти не уставали напоминать о том, что земледелие — основа жизни страны и что все государство держится на плечах земледельца. Однако все эти идеологические жесты (часто вполне искренние) никак не влияли на то, что крестьяне в целом оставались беднейшим слоем населения страны. В доиндустриальном обществе это было неизбежно. Впрочем, были среди крестьян и зажиточные — некоторые из них даже сами владели крепостными-ноби.

Часть крестьян работала на своей земле, но большинство являлось арендаторами. В качестве землевладельца при этом мог выступать и богатый крестьянин, и янбан, и государственное учреждение. В условиях характерного для Кореи хронического дефицита пахотных земель и избытка рабочих рук арендная плата была очень высока, составляя 40—50% урожая. Кроме арендной платы владельцу участка, свободные крестьяне несли и обязанности перед государством: они платили налоги, а также отбывали трудовую и воинскую повинность. В целом власти стремились свести налоги к минимуму, сделать налоговую систему гибкой и относительно необременительной для крестьян. Налог устанавливался в зависимости от площади земельного участка и качества земли, которое определялось правительственными инспекторами. Вдобавок, учитывалось и то, урожайным ли был данный год. С целью учета площади и плодородия земель в XV в. был составлен земельный кадастр, который потом неоднократно пересматривался. Регулярно проводились переписи населения, которые преследовали, прежде всего, фискальные цели.

В то же время и ремесло, и торговля в первые века правления династии Ли не были особо развиты. Страна оставалась преимущественно земледельческой. Единственным крупным городом был Сеул, население которого в XV—XVII вв. составляло примерно 100—150 тыс. человек. Все остальные города были много меньше, их население исчислялось лишь несколькими тысячами. До конца XVII в. деньги в Корее практически не применялись, и вся торговля в стране носила характер натурального обмена. Роль квазиденежных единиц выполняли свитки ткани и рис. Само правительство было довольно подобной ситуацией, так как она вполне соответствовала конфуцианскому идеалу. Конфуцианство с подозрением относилось к торговле и даже к ремеслу. С его точки зрения, эти занятия были побочными, отвлекали народ от главного — земледелия, способствовали увлечению ненужной роскошью и тем, что бы мы сейчас назвали «престижным потреблением». Следуя этим идеалам, власти сознательно ограничивали развитие торговли, в особенности, торговли частной: запрещали создание постоянных рынков, вводили лицензирование торговой деятельности, пытались регулировать цены и т.п. Значительную часть оптовой торговли в стране вели т.н. «Шесть компаний». Эти крупные компании имели монопольные лицензии на право торговли определенными товарами.

Кроме выплаты налогов, мужчины-простолюдины должны были отбывать воинскую и трудовую повинность. Корея формально следовала традиционной китайской модели военного строительства. Модель эта предусматривала сочетание небольшой наемной армии с многочисленным ополчением, в которое теоретически призывались все здоровые мужчины. Все это внешне напоминало современную мобилизационную армию, но в условиях Кореи XV—XIX вв. такая система показала свою неэффектив-

ность. Во время боевых столкновений необученные отряды крестьян-ополченцев легко рассеивались и японскими самураями, и отрядами кочевников. Вдобавок, на протяжении большей части эпохи Ли Корея не сталкивалась с серьезными внешними угрозами. За исключением относительно короткого периода на рубеже XVI и XVII вв., на границах страны царил мир, лишь изредка нарушаемый набегами небольших групп кочевников, рейдами японских пиратов и локальными крестьянскими бунтами. Армия постепенно утрачивала боеспособность, сокращалась и превращалась в небольшие полицейские силы. В результате массовый призыв в армию необученных крестьян-рекрутов стал восприниматься как мероприятие и дорогостоящее, и ненужное. Постепенно от всеобщего призыва отказались, а крестьянам официально разрешили откупаться от военной службы, что они с удовольствием и делали. Со временем эти откупные платежи превратились в дополнительный налог, который платили военнообязанные (теоретически на эти суммы полагалось набирать солдаты-наемников, а практически они просто поступали в доход казны). Еще одной — и весьма обременительной — крестьянской повинностью была трудовая. Периодически крестьян в принудительном порядке направляли на строительство укреплений, ирригационных систем, дворцов.

В самом низу сословной пирамиды находились представители неполноправных сословий — чхонмин. Состав этой группы был весьма пестрым. Наиболее многочисленными были частные и государственные крепостные — ноби. Само слово «ноби» — китайского происхождения, исторически оно обозначало рабов и рабынь, но в условиях Кореи частные ноби по своему статусу напоминали, скорее, российских крепостных, а не рабов в античном смысле этого слова. Часть ноби, наподобие русских дворовых, работала в господских усадьбах, обслуживая нужды своих владельцев (обычно — янбанов, но часто — и богатых простолюдинов), другая же часть была занята в сельском хозяйстве и платила своим владельцам оброк. Отсутствие надежной статистики не позволяет говорить о том, какую долю населения по стране в целом составляли частные и государственные крепостные, но ясно, что в первые века правления династии Ли эта доля была весьма заметной, по-видимому, 20—30%. При этом право собственности на крепостных было во многом ограничено. В частности, покупка и продажа ноби могла производиться только с разрешения официальных учреждений, а за убийство крепостного хозяин подлежал наказанию.

Близки по положению к частным крепостным были и крепостные государственные. Значительная их часть состояла из услуги различных учреждений, а также из лиц, занятых в презируемых родах деятельности. В первые столетия существования династии Ли, до XVI в., многие из государственных ноби являлись и подневольными ремесленниками, работавшими по официальным заказам. Наконец, статус государственных крепостных — не-

смотря на свое образование — формально имели и многие куртизанки-кисэн, приписанные к тем или иным учреждениям. Эти «казенные кисэн» должны были всячески развлекать чиновников, а порою и служить им «временными женами» во время длительных командировок (институт «временных жен» из числа кисэн был особенно распространен среди офицеров в дальних гарнизонах).

Кроме крепостных, в состав «дешевых людишек» входили и те, кто по наследству занимался тем или иным позорным ремеслом — мясники, кожевенники, частные куртизанки. Принадлежность к «подлому сословию» была наследственной. При этом считалось, что в состав этого сословия «можно войти, но нельзя выйти». Исключения из этого правила существовали, но были очень редки — например, крепостной мог получить права свободного простолюдина за совершенный в бою подвиг. Даже в том случае, если женщина из этого сословия выходила замуж за простолюдина, ее дети все равно наследовали сословный статус матери, а не отца (этот закон был отменен только в XVIII в.). Браки мужчин-ноби со свободными женщинами обычно запрещались, хотя на практике этот запрет не всегда соблюдался. Рожденный в таком браке ребенок также становился nobi. Низшее сословие пополнялось за счет преступников и членов их семей, а также за счет самопродажи простолюдинов (такие сделки были вполне законными, хотя и требовали формального утверждения властями).

Глава XVI

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОРЕИ В XV—XVII вв.

1. Основные направления внешней политики

Внешняя политика Кореи в период династии Ли была в основном оборонительной. В международной ситуации, в которой находилась Корея, территориальная экспансия была практически невозможна. Единственным исключением стали небольшие территориальные приобретения на северо-востоке, которых удалось добиться в правление Седжона, в 1440-е гг. Торгово-экономические соображения в целом также играли второстепенную роль в формировании корейской внешнеполитической стратегии. Главной задачей дипломатии династии Ли было обеспечение военной безопасности страны, предотвращение нападений извне.

В силу свою географического положения Корее приходилось в первую очередь строить отношения с соседними государствами — Китаем и Японией, а также с племенами степей Маньчжурии. Из этих трех направлений наиболее важным было китайское. Гигантская страна-сосед представляла собой серьезную потенциальную угрозу, и отношения с ней требовали исключительной гибкости, осторожности и внимания. С самого начала династия Ли положила в основу своих отношений с Китаем принцип «садэ» — «служение великому [соседу]». В соответствии с этим принципом, Корея признавала претензии китайского императора на роль верховного владыки всей ойкумены и соглашалась на роль его верного вассала. В современной Корее слово «садэ» стало почти что ругательством. Однако союз с Китаем был для Кореи в тех условиях разумным и, пожалуй, единственно возможным решением. Конечно, союз этот не мог быть равноправным, но он все равно немало давал Корее. Хорошие отношения с Китаем означали, что Корее не приходилось опасаться нападения с его стороны. Вдобавок, Китай неоднократно подчеркивал, что в случае нападения на Корею он придет ей на помощь, и, как мы увидим, такая помощь, действительно, оказывалась.

При этом зависимость от Китая носила достаточно символический характер. Считалось, например, что китайский император утверждает нового корейского вана. Однако на деле император автоматически соглашался с любой кандидатурой, которую ему представляли корейцы (происходило это даже после переворотов и явно насильственной смены власти). Кроме того, полагалось регулярно отправлять в китайскую столицу специальные посольства,

задачей которых было вручение подарков по знаменательным датам. В официальных материалах эти подарки именовались «данью», а ответные китайские подарки — «пожалованиями», но по цене «дань» ненамного превосходила «пожалования», так что в реальности речь шла просто о межгосударственной торговле. Редкие визиты китайских посольств в Корею обставлялись с большой помпой, однако помпа эта сопровождалась и иными мероприятиями, которые особо не афишировались: перед прибытием послов по стране рассылались инструкции, которые напоминали чиновникам, что не следует ни распускать язык в присутствии китайских гостей, ни показывать им правительственные документы.

Япония в XIV—XVI вв. переживала период раздробленности и фактически не имела центрального правительства. Официальные контакты корейский двор в основном поддерживал с правителями острова Цусима, расположенного в 80 км от корейского побережья. С корейской точки зрения главную проблему в отношениях с Японией представляли пираты, которые в XIV в. часто нападали на прибрежные корейские поселения. Набеги морских разбойников на корейское побережье удалось прекратить в начале XV в., однако и после этого к японцам относились с подозрением. В соответствии с договором между корейскими властями и правителями Цусимы, японским торговцам разрешалось постоянно жить и вести торговлю только в трех специально отведенных для этого корейских портах. В 1512 г. количество этих портов сократилось до одного — нынешнего Пусана. Соглашения также ограничивали объем торговли, на расширении которого японцы постоянно настаивали.

Отношения с кочевыми и полукочевыми народами Маньчжурии были важны для Кореи, в первую очередь, по военно-стратегическим соображениям. Бедные, остальные и относительно немногочисленные кочевники обладали, тем не менее, огромным военным потенциалом. Вплоть до массового распространения легкого огнестрельного оружия, которое на Дальнем Востоке относится к рубежу XVII и XVIII вв., оседлые земледельческие народы в военном отношении существенно уступали степнякам. В тех редких случаях, когда племена степей прекращали распри и выступали единым фронтом, им удавалось создавать грандиозные империи. Поэтому кочевые племена Маньчжурии и Монголии были серьезной потенциальной угрозой для Кореи, и в Сеуле это хорошо понимали. В большинстве случаев корейская сторона стремилась нейтрализовать эту угрозу мирными методами — подкупая вождей племен, сталкивая друг с другом различные группировки, манипулируя разрешениями на торговлю степняков с корейским купцами (кочевники в такой торговле очень нуждались).

На протяжении первых двух столетий правления династии Ли ее внешняя политика была весьма успешной. Экспедиции возмездия против тех японских княжеств, которые активно поддерживали пиратство (в первую очередь — экспедиция на Цусиму в

1419 г.) привели к почти полному прекращению японских набегов на корейское побережье. В XVI в. рейды японских пиратов стали редкостью и отражались незначительными силами. В 1430—1450 гг. вану Седжону удалось установить контроль над территориями на северо-востоке Корейского полуострова, которые ранее были населены чжурчженями. Это было последним заметным изменением границ Кореи, которые с тех времен и до наших дней сохраняются практически неизменными. На протяжении XV—XVI вв. политика «кнута и пряника» в отношениях с кочевниками работала безотказно, и ситуация на северных границах оставалась относительно стабильной. Отношения с Китаем в целом были дружественными: династия Мин была вполне удовлетворена ритуальными жестами Сеула и стремилась не вмешиваться в его реальную политику.

Однако в конце XVI в. ситуация изменилась. Один за другим на Корею обрушились два острейших кризиса, которые не были непосредственно связаны друг с другом, но поставили под вопрос само существование Кореи как независимого государства. Первым из них стало японское вторжение 1592 г., вторым — войны с маньчжурами.

2. Имджинская война 1592—1598 гг.

К концу 1580-х гг. многовековая раздробленность Японии завершилась. Тоётоми Хидэёси, талантливый полководец и государственный деятель, железной рукой объединил страну. Под началом Хидэёси находилась многочисленная армия, солдаты и командиры которой обладали огромным боевым опытом. Завершив объединение Японии, Тоётоми Хидэёси вовсе не собирался почитать на лаврах. Напротив, у него зародился дерзкий план похода на континент. Хидэёси рассчитывал, что ему и его испытанной в боях армии удастся то, что некогда удалось Чингисхану: завоевание Китая, а потом, возможно, и всей Азии. Первым шагом на пути к осуществлению этого плана должен был стать захват Кореи.

Корея не была готова к войне. Два столетия мира привели к тому, что некогда многочисленная и сильная корейская армия утратила боеспособность и превратилась, по сути, в полицейские формирования, которые были эффективны только в борьбе с внутренними беспорядками и мелкими рейдами кочевников. Система призыва существовала только на бумаге, склады с оружием, которое следовало раздавать ополченцам в случае мобилизации, были разворованы, а укрепления обветшали и пришли в негодность. Беззащитность Кореи перед возможным нападением извне была очевидна для многих государственных деятелей эпохи, но их предупреждения игнорировались. В начале 1580-х гг. выдающийся философ и государственный деятель Ли И (1533—1584), занимавший тогда пост военного министра, пытался исправить ситуацию,

Идея о резком ухудшении международного положения страны, он требовал в несколько раз увеличить численность армии и флота, настаивал на восстановлении пограничных укреплений. Его требования были отвергнуты — предложенная Ли И программа показалась слишком дорогой.

Однако сведения об объединении Японии вызвали в Сеуле некоторое беспокойство. Чтобы выяснить сложившуюся там ситуацию, в 1590 г. корейское правительство направило в Японию посольство во главе с Ким Сон Илем (1538—1593) и Хван Юн Гилем (1536—?), представителями двух соперничающих дворцовых группировок. По возвращении они представили два противоположных отчета: Ким Сон Иль утверждал, что японцы не в состоянии организовать крупномасштабное вторжение, а Хван

Гиль, наоборот, предупреждал о надвигающейся опасности. Гиль Цусимы, который хотя и был вассалом Хидэёси, сам не одобрял его планы, не хотел войны и предупреждал корейцев о грядущем нападении. Однако корейские власти сомневались в правдивости всех этих сообщений. Впрочем, в любом случае времени на серьезную подготовку уже не было. Японские власти потребовали от Кореи изъявления покорности Тоётоми Хидэёси и участия в задуманном им походе на империю Мин. Требования эти, заведомо неприемлемые для Сеула, разумеется, были отклонены. С точки зрения Хидэёси это означало войну.

24 мая 1592 г. японский флот, на кораблях которого находилось около 180 тыс. солдат, появился в гавани Пусана — крупнейшего порта на южном побережье полуострова. На следующий день начался штурм городских укреплений. Несмотря на героическое сопротивление (в бою погибли почти все командиры и большинство солдат гарнизона), укрепления были заняты за несколько часов. Так началась Имджинская война 1592—1598 гг., первой было суждено стать крупнейшим военным конфликтом всей истории династии Ли.

В первые же дни военные события приняли катастрофический оборот. Численность японской армии, действующей в Кореи, вскоре достигла 200 тыс. человек. В своем большинстве это были опытные солдаты и командиры, участники многочисленных междоусобных войн в самой Японии. Вдобавок, японские войска обладали превосходством в вооружении: у них имелись пушечки, умение производить которые японцы несколькими десятилетиями ранее заимствовали у португальцев. Корейские же солдаты были в начале войны вооружены только луками и холодным оружием. Взяв Пусан, японские войска тремя колоннами — под командованием Кониси Юкинага, Като Киёмаса и Курода Нагамаса — двинулись на Сеул, сметая на своем пути плохо организованные корейские части. В некоторых случаях местные чиновники и офицеры в панике разбегались, в других, наоборот, выступали против врага во главе спешно собранных отрядов и героически погибали вместе со своими солдатами. Последняя отчаян-

ная попытка остановить наступающие на столицу японские войска была предпринята корейским командованием под Чхунджу (примерно 120 км на юго-восток от Сеула), где удалось собрать все остатки корейских сил — около 8 тыс. солдат под командованием Син Ипа (1546—1592), ветерана кампаний против чжурчженей и одного из самых популярных военачальников того времени. Сражение под Чхунджу окончилось полным разгромом корейских войск, Син Ип покончил с собой. После этого путь на Сеул был окончательно открыт. При дворе было решено, что оборонять плохо укрепленную столицу невозможно, и что единственным выходом остается бегство на север, к Пхеньяну, а если понадобится, то и дальше — к китайской границе. К этому времени Сеул уже официально обратился к правительству империи Мин с просьбой о военной помощи. Ван Сонджо рассчитывал, что на севере ему удастся дожидаться прибытия сил союзников, а в случае неудачи — перейти границу и укрыться в Китае. 9 июня 1592 г. в предутренней тьме, под дождем, кортеж вана покинул обреченную столицу. В Сеуле известие о бегстве монарха и всех высших сановников вызвало всеобщее восстание. Брошенные на произвол судьбы горожане наглядно выразили свое отношение к власти: они сожгли и разграбили королевские дворцы, а заодно уничтожили и хранившиеся в столичном архиве списки крепостных. Бунтом встретили кортеж Сонджо и в Кэсоне — второй столице страны, жители которой забросали камнями сановников и самого вана.

Тем временем, 12 июня, японские войска без боя вступили в столицу. Случилось это всего лишь через 20 дней после начала боевых действий. Победа казалась полной, и Тоётоми Хидэёси, который руководил всей кампанией из Японии, имел все основания ликовать. После отдыха в Сеуле (сопровождавшегося грабежом города) японские части продолжили свой марш к китайской границе. Вскоре пал Кэсон, а 22 июля — Пхеньян. 31 июля Сонджо и его сановники прибыли в приграничный городок Ыйджо, где монарх разместился в скромной резиденции местного уездного начальника. В тот момент реальная власть Сонджо едва ли распространялась за пределы уезда. Война казалась безнадежно проигранной — и именно в это время в борьбу вступили новые силы, которые в конце концов и определили ее исход.

Уже в первые недели войны японские отряды рассыпались по Корее и начали заниматься обычным для всех захватчиков делом — грабить, убивать, насиловать. В ответ на это на местах стали стихийно возникать партизанские отряды, известные под названием «Ыйбён» («Армия справедливости»). Во главе большинства таких отрядов становились представители местной элиты: провинциальные чиновники, школьные учителя, неслужащие янбаны, командиры разгромленных в первых боях корейских частей, буддийские священники. Под их знамена собирались простолюдины, которых возмущало поведение оккупантов. Уже к концу лета

1592 г. разрозненные партизанские ополчения превратились в заметную силу. Партизанам не хватало военной подготовки и вооружения, но это во многом компенсировалось хорошим знанием местности и ненавистью к захватчикам. Японским солдатам стало опаснее отлучаться от своих частей, а отряды, появившиеся на поиски провианта, были вынуждены добывать его с боями, несли серьезные потери или возвращались ни с чем. Японцы оставались в безопасности только в занятых ими крепостях и в военных лагерях, за пределами которых опасность таилась повсюду. Армия столкнулась с недостатком продовольствия и с необходимостью отвлекать большие силы на охрану коммуникаций в собственном тылу.

Одновременно начал действовать корейский флот, во главе которого встал Ли Сун Син (1643—1598) — наиболее прославленный полководец во всей корейской истории. Начало войны Ли Сун Син встретил в должности командующего морскими силами южной полупровинции Чолла. В соответствии с тогдашней стратегической доктриной, флот должен был выполнять лишь вспомогательные задачи, но Ли Сун Син с самого начала сумел превратить флот в самостоятельную силу, предназначенную для решительной борьбы с кораблями противника. В техническом отношении корейский флот превосходил японский. В его составе находились быстрые боевые корабли, имевшие мощное артиллерийское вооружение. Самыми известными из них были «корабли-черепахи» (гуксон). Их борта и верхняя палуба были обшиты листами железной брони, которая делала корабль практически неуязвимым для японского огня. Корабли такого типа были известны еще с XV в., но под руководством Ли Сун Сина они были существенно модернизированы. Японский флот, напротив, состоял из специализированных судов, предназначенных для выполнения преимущественно транспортных функций. Главной формой морского сражения, к которой готовились японцы, был абсорбационный бой. Ли Сун Син, однако, не собирался доводить дело до боя, в котором у японцев были бы преимущества: его тактика предусматривала уничтожение кораблей в дистанционном бою, главным образом — с помощью артиллерии.

Японские войска ушли далеко на север, но в тылу у них остались базы корейского флота, разбросанные вдоль южного побережья полуострова. Овладеть ими японцы не смогли в том числе и потому, что поначалу недооценили своих противников. Вскоре им пришлось понять это. Снабжение экспедиционных сил все больше зависело от поставок из самой Японии, а поставки эти осуществлялись по морю.

Тактика Ли Сун Сина в летнюю кампанию 1592 г. была простой и эффективной. Примерно раз в месяц его эскадра выходила в море вдоль южного побережья полуострова. Такой поход обычно продолжался 8—10 дней, при этом корейский флот появлялся во всех занятых японцами портах и уничтожал обнаруженные там

корабли противника. Первый боевой выход эскадры Ли Сун Сина состоялся в середине июня, уже после падения Сеула. За несколько дней похода корейским флотом было уничтожено около 40 японских кораблей, при этом потери Ли Сун Сина состояли лишь из одного легкораненого. Меньше чем через месяц корейский флот вышел во второй поход, который продолжался около 10 дней и оказался столь же успешным: потери японцев — 72 корабля, потери корейцев — 11 человек убитыми, 26 — ранеными. Еще через месяц, в середине августа, последовал третий поход, завершившийся крупными победами у о-ва Хансандо и у бухты Ангольпо. Потери японцев составили более 100 кораблей. Корейцы потеряли 19 человек убитыми, но ни одного корабля. Четвертый поход, в конце сентября и начале октября, завершился в бухте Пусана. Японские команды сошли на берег, и Ли Сун Син, войдя в бухту, уничтожил еще около 100 японских кораблей, брошенных экипажами. К концу 1592 г. японскому командованию стало ясно, что господство на море полностью принадлежит корейскому флоту. Любая перевозка по морю превращалась в исключительно рискованную операцию, ибо появление корейского флота означало гибель любого японского корабля или целого конвоя.

Нападение Японии на Корею не могло не вызвать беспокойства в Пекине, где знали об обширных завоевательных планах Тоётоми Хидэёси. Первые китайские части прибыли в Корею еще в конце лета 1592 г. Тогда небольшой китайский отряд, составленный из солдат расквартированных в Маньчжурии частей, предпринял неудачную попытку отбить только что захваченный японцами Пхеньян. Попытка не удалась, и отряд с потерями отступил. После этого в Китае началось формирование нового экспедиционного корпуса, в состав которого вошло 43 тыс. солдат и офицеров под командованием Ли Жусуна. В начале 1593 г. китайские части пересекли границу и двинулись на юг, на Пхеньян, где с ними соединились остатки корейской регулярной армии. 28 февраля Пхеньян был взят штурмом, а оборонявшие его японские части под командованием Кониси Юкинага отступили по льду Тэдонгана.

К началу весны 1593 г. под давлением китайских частей партизанских отрядов войска захватчиков были вынуждены очистить северную часть Корейского полуострова. Основная масса японских войск отступила к Сеулу, где и попыталась закрепиться. Однако к середине мая стало ясно, что попытки эти неудачны. Стенам Сеула подступили многочисленные китайские и корейские регулярные войска, а партизаны и операции корейского флота делали невозможным снабжение армии. 18 мая японские войска оставили Сеул и отступили на юг. Китайское командование, несмотря на протесты корейских генералов, отказалось от преследования отступающего противника и приступило к мирным перего-

шам (строго говоря, переговоры эти шли с перерывами почти с самого начала боевых действий).

К середине 1593 г. в боевых действиях наступило затишье, затнувшееся на четыре года. Большая часть японских частей покинула Корею, но оставшиеся в стране войска продолжали удерживать ряд важных городов в юго-восточной части полуострова. В совокупности эти порты и крепости образовывали небольшой, но стратегически важный плацдарм, с которого при необходимости японцы могли вновь развернуть свои операции в Корее. Несмотря на мирные переговоры, на юге продолжались спорадические боевые действия, в ходе которых японцы пытались установить свой контроль над некоторыми стратегически важными пунктами. Особо ожесточенные бои шли за крепость Чинджу, которой японцы овладели летом 1593 г. после тяжелых боев. Продолжались и столкновения между местными партизанскими отрядами и японскими войсками.

Однако главными событиями этого периода были мирные переговоры, которые велись в основном китайскими представителями. Хидэеси всячески подчеркивал, что готов разговаривать с посланцами Минской империи, но не с их корейскими коллегами, которых он охарактеризовал как «мелких чиновников». Отчасти это было вызвано амбициями правителя. Разумеется, вести дела с представителями великой восточноазиатской империи (и, при необходимости, признать свое поражение в противостоянии с этой империей) было куда почетнее, чем с дипломатами из соседнего вассального государства. Отчасти же подобная стратегия преследовала цель вбить клин между союзниками и добиться, чтобы они, заботясь о своих интересах и своей безопасности, пошел на уступки за счет Кореи. Расчет был на то, что китайцы могут оказать на Сеул давление и заставить корейцев принять такие условия мира, на которые бы те никогда бы не согласились сами. Японское правительство требовало от Кореи, в частности, уступки трех южных провинций, составлявших почти половину территории страны, где проживало большинство ее населения. Кроме того, японцы настаивали на том, чтобы корейский наследный принц стал заложником в Японии и чтобы минская принцесса, дочь китайского императора, стала одной из жен Тоётоми Идзуми. Условия эти были неприемлемы и для корейской, и для китайской стороны. Однако китайские дипломаты, стремясь избежать возобновления военных действий, под разными предлогами откладывали переговоры.

Пока шли переговоры, обе стороны готовились к возможному возобновлению военных действий. Сокрушительный разгром корейской армии летом 1592 г. был в основном вызван тремя факторами: техническим превосходством японских войск, лучшей выучкой японских воинов и внезапностью самого нападения. Корейское правительство извлекло уроки из своих неудач. Было создано специальное военное управление Хунлён тогам, которое от-

вечало за перевооружение и обучение армии. В армии стало широко применяться ручное огнестрельное оружие, которое совершенно отсутствовало в первые месяцы войны. За время боев 1592—1593 гг. корейские войска приобрели немалый боевой опыт, во главе их встали новые талантливые командиры, выдвинувшиеся во время боев. База корейского флота была перенесена с материка на остров Хансандо, где она оказалась вне досягаемости японских сухопутных войск. В результате новое наступление японцев не застало врасплох ни корейцев, ни их китайских союзников.

Это наступление началось весной 1597 г., когда в Корею высадился вновь сформированный 140-тысячный японский корпус. Японское командование тоже училось на ошибках, и на этот раз сделало все, чтобы ликвидировать корейское господство на море. К 1597 г. в состав японского флота были включены крупные корабли, специально построенные для борьбы с корейскими «черепахами», а командование флота уже более не считало abordаж единственным способом ведения морского боя. Понимали японцы и значение личности Ли Сун Сина, который еще в 1593 г. был назначен командующим всем корейским флотом. Перед самой высадкой была осуществлена операция, направленная на устранение или, как минимум, дискредитацию адмирала. Двойной агент передал корейскому командованию фальшивую информацию о маршруте крупного японского конвоя. Японцы рассчитывали навязать Ли Сун Сину бой в невыгодном для него месте. Как и ожидалось, корейское командование поверило информации, и Ли Сун Син получил приказ выйти на перехват конвоя, но, заподозрив неладное, отказался от дальнейших действий. За это Ли Сун Син был отозван в Сеул, снят со своего поста и арестован. Только многочисленные петиции спасли прославленного флотоводца от смертного приговора, но он все равно был разжалован в рядовые солдаты. Тем временем новым командующим флотом стал Вон Гюн (1540—1597), старый соперник Ли Сун Сина.

К сожалению, Вон Гюн, при всех своих амбициях и немалой личной храбрости, не обладал и долей воинского таланта Ли Сун Сина. Японскому командованию удалось, заманить его в ловушку, используя тот же прием — подбросив ему фальшивую информацию о маршруте конвоя. Серия морских сражений у о. Коджедо в конце августа окончилась полным разгромом корейского флота и гибелью самого Вон Гюна. Это было первое поражение корейцев на море за все время войны. Корея осталась фактически без флота, созданного многолетними трудами Ли Сун Сина. Полководец был немедленно возвращен на прежнюю должность и энергично принялся восстанавливать флот, от которого осталось только 12 кораблей. Были начаты набор новых экипажей, строительство новых кораблей. 15 октября произошло сражение у о. Чиндо, которое корейские моряки выиграли, несмотря на численное превосходство японцев (Ли Сун Син мастерски использовал конфи

турацию узкого пролива и особенности приливных течений). После сражения у о. Чиндо господство на море вновь вернулось к корейцам и оставалось у них до самого конца войны.

На суше тем временем снова начались активные боевые действия. В конце весны 1597 г. японцы предприняли новую попытку наступления на центральные провинции Кореи. Однако на этот раз их ждали не столкновения с малочисленными и плохо вооруженными отрядами, как в 1592 г., а бои с многочисленной корейско-китайской армией. Узнав о начале новой кампании в Корее, минский двор немедленно отправил на помощь союзникам 140-тысячный корпус, а также большой флот. В своем продвижении на север японцам удалось достигнуть Чиксана, примерно в 100 км к югу от Сеула. Вблизи от этого городка в начале октября 1597 г. они встретились с выступившими им навстречу союзными войсками. Под натиском китайских и корейских частей японцы отступили на юг, к побережью. Это была последняя попытка захватчиков прорваться к Сеулу.

На море корейский флот во главе с Ли Сун Сином также вернул себе инициативу. К осени 1598 г. японские генералы пришли к выводу, что победа в Корее недостижима, хотя стареющий Хидэеси не мог смириться с мыслью о том, что самый амбициозный из его завоевательных планов провалился. Однако со смертью Хидээси в сентябре 1598 г. и это последнее препятствие было устранено. Японские войска начали покидать Корею, а приемники Хидээси заявили о своей готовности к переговорам. Последнее крупное сражение Имджинской войны произошло 15 декабря 1598 г. в бухте Норян, где корейско-китайский флот перехватил японский конвой, на котором эвакуировались из Кореи части Кониси Юкинага, окруженные в районе Сунчхона. Сражение окончилось новой победой корейского флота, но для его сошителя этот триумф стал последним: в бою Ли Сун Син получил смертельное ранение и умер буквально за несколько часов до полной победы.

Поражение японцев было очевидным, и обе стороны поторопились заключить перемирие. И Япония, и Китай стремились как можно быстрее вывести свои войска из Кореи. Особенно актуальным было для японских генералов, многие из которых собирались принять участие в разгоравшейся борьбе за наследство Томи Хидээси. Состояние перемирия сохранялось до 1609 г., когда между Кореей и Японией был заключен мирный договор.

Имджинская война оказала немалое влияние на внутреннюю жизнь страны. Одним из ее результатов стало небывалое усиление патристических настроений в Корее. Не без оснований корейская элита воспринимала империю Мин как спасительницу и защитницу и испытывала к ней вполне понятное чувство благодарности.

В результате возросло число сторонников принципа «садэ», по которому этот принцип все больше вступал в противоречие с требованиями реальной политики.

3. Сопротивление маньчжурским вторжениям

На рубеже XVI и XVII вв угроза надвигалась на Корею не только с юга, но и с севера, из маньчжурских степей Там началось то, чего всегда боялись и в Корее, и в Китае племена кочевников стали объединяться В конце XVI в разрозненные и враждовавшие между собой племена чжурчженей (с того времени именуемые маньчжурами) объединились под властью хана Нурхаци, который в 1616 г провозгласил создание маньчжурского государства Поздняя Цзинь В самом этом названии содержался вызов Пекину — государство было так названо в честь империи Цзинь, которая была создана чжурчженями в XII в и распространила свою власть на весь Северный Китай Объединение степняков под началом сильного лидера всегда таило в себе опасность для земледельческих государств региона Кочевники, несмотря на свою малочисленность и отсталость, представляли внушительную военную силу В 1618 г начались пограничные столкновения между минскими войсками и маньчжурами, некоторые переросли в крупномасштабный военный конфликт Этот конфликт продолжался почти полвека и окончился полной победой маньчжуров, установивших свою власть в Китае

Поначалу Корею удавалось оставаться в стороне от схватки двух соседей, каждый из которых обладал неизмеримо большим военным потенциалом В 1608 г престарелый ван Сонджо скончался, и на престол вступил его сын Кванхэ-гун В отличие от большинства ванов династии, этот правитель не был удостоен посмертного («храмового») имени Причина подобной немилости историографов проста Кванхэ-гун был впоследствии свергнут с престола, и официальные конфуцианские историографы сделали все, чтобы очернить его имя Однако на деле Кванхэ-гун был едва ли не самым талантливым из всех руководителей, стоявших во главе корейского государства в XVI—XVII вв Проявилось это, в частности, в его экономической политике, направленной на быстрое восстановление страны после разрушительной Имджинской войны Исключительно успешной была и внешняя политика Кванхэ-гуна

Условия, в которых приходилось тогда действовать корейской дипломатии, были непростыми С одной стороны, Корея оставалась союзником империи Мин В Пекине ожидали, что Корея окажет китайским войскам поддержку в борьбе с усиливающейся маньчжурской опасностью и постоянно требовали от Сеула прямой военной помощи С другой стороны, непосредственно граничащая с Маньчжурией Корея была крайне уязвима для рейдов кочевой конницы Вдобавок, Кванхэ-гун, трезвый и реалистичный политик, хорошо понимал, что империя Мин находится в глубоком кризисе, и что в Восточной Азии складывается новое соотношение сил В этой обстановке Кванхэ-гун с немалым мастерством проводил политику лавирования между двумя соседями

В начале 1619 г Корея была вынуждена уступить давлению Пекина. Корейский двор направил в Маньчжурию 13-тысячный экспедиционный корпус, который должен был действовать в союзе с китайской армией против маньчжурских войск. Одновременно Кванхэ-гун тайно сообщил Нурхаци о том, что это решение является вынужденным, а командир корейского корпуса Кан Хон Ин (1560—1627) получил секретный приказ, который предписывал не оказывать маньчжурам активного сопротивления, а при неблагоприятном для минской армии повороте боя — сдаться вместе со своими солдатами. После того, как китайские войска были отбиты, корейские части действительно сдались в плен. В своем предписании с маньчжурской ставкой корейское правительство постоянно подчеркивало, что стремится сохранить существующие дружественные отношения с династией Мин и избегать непосредственного участия в конфликте на той или иной стороне.

Однако в 1623 г ситуация изменилась. В Сеуле произошел дворцовый переворот. Кванхэ-гун был свергнут с престола группой недовольных сановников и офицеров, среди которых преобладали сторонники Западной «партии». Кванхэ-гуна с семьей отправили в ссылку, где он и умер много лет спустя (члены клана Ли были менее склонны к физической расправе друг с другом, чем большинство королевских династий той эпохи). Заговорщики посадили на престол другого члена дома Ли — вана Инджо (1623—1649). Новые власти занимали антиманьжурскую позицию и руководствуясь принципом «садэ», намеревались оказывать политическую поддержку Минам. Именно «нерешительность» и «трусость», проявленные Кванхэ-гуном в борьбе с «варварами», не соответствовали, с точки зрения ортодоксов, нормам конфуцианской морали.

Свержение Кванхэ-гуна вызвало в Лояне, столице государства Цзинь, вполне понятное беспокойство. Стратегическое положение Кореи позволяло ей угрожать флангам и тылу маньчжурской армии. Пока Корея оставалась врагом Поздней Цзинь, последняя не могла начинать кампании против Китая, так как во время похода маньчжуров в Китай их незащищенный тыл мог подвергнуться нападению корейских войск. Поэтому подчинение Кореи стало для Поздней Цзинь важнейшим условием осуществления тех гигантских завоевательных планов, которые уже появились у маньчжурских правителей. Как это не раз бывало в корейской истории, отнюдь не богатство страны, а ее стратегическое положение превратило Корею в объект чужеземной агрессии. В этой обстановке новый маньчжурский правитель Абахай (Таицзун), который сменил умершего в 1625 г Нурхаци, принял решение о вторжении в Корею.

Военные действия начались зимой 1627 г. Тридцатитысячный отряд маньчжурской конницы переправился через Амноккан и, взяв пограничный город Ыйджу, ускоренным маршем двинулся на юг, на Сеул. Во главе отряда находился сын Абахая (Таицзу-

на). Против маньчжуров выступили главные силы корейской армии. Ван с семьей срочно выехал на остров Канхвадо, который обычно служил корейскому правительству убежищем при чрезвычайных обстоятельствах. Однако маньчжуры рассматривали свой поход как своего рода вооруженную демонстрацию, как средство оказать военное давление на Сеул. В первые же дни вторжения маньчжурское командование предложило начать переговоры. Когда стало ясно, что силы неравны и что реального сопротивления оказать не удастся, корейский ван дал согласие на переговоры, и маньчжуры прекратили свое продвижение к столице. Заключенное весной 1627 г. соглашение между Кореей и Поздней Цзинь предусматривало выплату Кореей значительной контрибуции, но важнее было то, что в соответствии с соглашением Корея признавала себя «младшим братом» государства Поздняя Цзинь и обязывалась не принимать участие в боевых действиях против него.

Для многих представителей корейской правящей элиты, воспитанных в неоконфуцианском духе, события эти стали серьезным ударом. Поколебленными оказались самые основы их мировоззрения. Корея — конфуцианская страна — признала свою зависимость от диких «восточных варваров» и отвернулась от законного Сына Неба. Едва ли для маньчжурского двора оставалось секретом, что в Корее существует массовое недовольство ситуацией, сложившейся после 1627 г. Поэтому маньчжурские правители решили нанести Корее новый удар и окончательно лишить ее возможности сопротивляться.

Второе маньчжурское вторжение произошло зимой 1637 г. Как и в 1627 г., события разворачивались стремительно. Стотысячная армия государства Цин (так с весны 1636 г. стала называться Поздняя Цзинь) форсировала Амноккан и, не тратя времени на осаду встречавшихся по пути крепостей, стремительно двинулась на юг, к Сеулу. Всего лишь через шесть дней после начала вторжения передовые отряды маньчжурской конницы были уже в окрестностях корейской столицы. Так же, как и десятилетием ранее, двор спешно выехал на о. Канхвадо. Ван тоже было направился туда, но добраться до Канхвадо не успел: путь к острову был уже перерезан противником. Поэтому ван вместе со своим наследником и частью сановников был вынужден укрыться в горной крепости Намхансан, которая и была осаждена маньчжурами. В распоряжении вана был тринадцатитысячный гарнизон и двухмесячные запасы продовольствия.

Как только маньчжуры осадили Намхансан, в корейском руководстве начались ожесточенные споры о том, что же следует делать. Сначала в развернувшихся дискуссиях одержали верх сторонники продолжения войны, хотя контакты между корейским и маньчжурским руководством через парламентариев осуществлялись с первых же дней осады. Со стороны маньчжуров переговоры вел сам Тайцзун, который лично возглавил экспедиционный корпус

Несколько попыток взять крепость штурмом были успешно отбиты, но маньчжуры полностью блокировали Намхансан, отрезав его от внешнего мира. Надежды на подход подкреплений не было. С течением времени положение осажденных осложнялось. Вскоре в крепости узнали, что о. Канхвадо захвачен маньчжурским десантом. Многие находившиеся там чиновники и члены правящего дома погибли или попали в плен, причем среди пленных была жена и двое сыновей вана. Существовавшие до этого надежды на помощь со стороны минского Китая оказались иллюзорными. Китайская армия была занята отчаянной и безуспешной борьбой с повстанцами в своей собственной стране и не могла прийти на помощь Корее. Китайская эскадра, правда, двинулась к берегам Кореи, но вскоре из-за штормовой погоды была вынуждена вернуться на базу. После этого падение осажденного Намхансана было лишь вопросом времени. В этих условиях в крепости взяли верх сторонники капитуляции. После полутора месяцев осады Инджо покинул крепость и отправился в Сеул, где ему предстояло в самом буквальном смысле слова склониться перед маньчжурским владыкой (тщательно продуманный ритуал капитуляции включал в себя и земные поклоны новому сюзерену).

Глава XVII

КОРЕЯ В XVII—XVIII вв.

1. «Партии» и дворцовые конфликты

Вообще говоря, те полтора столетия, которые прошли от маньчжурского вторжения 1637 г. и до смерти вана Чонджо в 1800 г., не были отмечены крупными потрясениями. На внешних границах Кореи царил мир, да и внутри страны не происходило серьезных социальных катаклизмов. Конечно, в королевских дворцах, как и во все времена, шли интриги, сталкивались соперничающие группировки, возносились к вершинам власти или попадали в опалу сановники. Однако все эти конфликты были вызваны в основном личными амбициями вельмож и редко затрагивали принципиальные вопросы жизни страны.

Имджинская война закончилась для Кореи удачно: нападение врага было отбито, страна сохранила свою независимость. Однако цена этой победы была очень высока. Война привела к огромным жертвам и разрушениям — ведь ареной боевых действий оказалась вся территория Кореи. Численность податных дворов сократилась примерно в два, а обрабатываемых земель — в три раза. Корея несомненно оправилась от понесенных потерь. Достаточно сказать, что многие из крупных сооружений в Сеуле, в том числе и знаменитый дворцовый комплекс Кёнбоккун, разрушенные во время японского вторжения, были отстроены только спустя два с лишним столетия. В целом же, в правление Кванхэ-гуна Корея успешно восстанавливала разрушенное. Это был один из самых талантливых правителей династии Ли, но, тем не менее, он, как уже говорилось, стал жертвой государственного переворота — события, для Кореи весьма редкого (за пятивековую историю династии с престола было силой изгнано только два монарха). Главная причина этого — интриги придворных «партий» (см. 1. гл. XIV), которые во все большей степени определяли политическую жизнь страны, превратившись в решающий фактор дворцовой политики после Имджинской войны.

Заговор против Кванхэ-гуна созрел в рядах опальной Западной «партии». Монарха обвиняли не только в черной неблагодарности по отношению к китайским союзникам и в потворстве маньчжурским «варварам», но и в иных преступлениях, в том числе и в тайном убийстве собственного брата по отцу. Однако решающую роль сыграли не эти, порой обоснованные, обвинения, а умелая

тельность заговорщиков, которым удалось привлечь на свою сторону ряд крупных чиновников и военных.

Падение Кванхэ-гуна означало и падение Северной «партии», составлявшей его основную опору. В 1623 г. все заметные деятели этой группировки попали в опалу, были отстранены от власти или даже казнены. На смену «северянам» пришла Западная «партия», хотя в некоторых случаях на посты попадали и «южане». Правда, сразу после переворота один из его главных организаторов Ли Кваль (1587—1624), посчитав себя обиженным своими недавними товарищами, поднял мятеж. Свержение Кванхэ-гуна создавало прецедент, который Ли Кваль и постарался повторить. На короткое время мятежникам удалось овладеть столицей, где Ли Кваль провозгласил ванаом еще одного принца клана Ли (принцев было много, и среди них всегда можно было найти желающего riskнуть жизнью ради престола). Однако вскоре верные Инджо войска разбили мятежников, и ван вернулся в столицу.

Доминирование Западной «партии» продолжалось до 1674 г. В течение этого времени на важнейшие государственные посты назначались преимущественно представители этой группировки, самым заметным из которых был видный неоконфуцианский философ и государственный деятель Сон Си Рёль (1607—1689) — человек конфликтный, всегда уверенный в своей правоте и в правильности своих принципов. Именно Сон Си Рёль во многом определял политику при ванах Хёджоне (1649—1659) и Хёнджоне (1659—1674).

В 1674 г. на престол вступил ван Сукчон. Его долгое (46 лет) правление стало временем максимального обострения конфликтов между «партиями». В немалой степени этому способствовали и личные качества монарха — человека вспыльчивого, непоследовательного и, в то же время, властного. В первые же месяцы правления Сукчона Западная «партия» была отстранена от власти «южанами», которые очистили государственный аппарат от своих противников и назначили на освободившиеся посты своих людей. В 1680 г. последовал новый бюрократический переворот — представителям Западной «партии» удалось очернить своих соперников в глазах монарха и вернуть себе власть. В 1689 г. «южане» сумели воспользоваться тем, что ван чрезмерно увлекся одной из своих наложниц, которая происходила из семьи сторонников Южной «партии». В результате гаремных и дворцовых интриг Западная «партия» была опять отстранена от власти, а связанная с ней королева Мин низложена и выслана. Новой королевой стала наложница «южан» госпожа Чан, но всего лишь через пять лет, в 1694 г., интриги «западных» закончились возвращением королевы и низложением госпожи Чан (ее отправили в ссылку, а позднее приговорили к смерти по обвинению в заговоре против королевы). Таким образом, у власти вновь оказалась Западная «партия», которая, впрочем, к тому моменту раскололась на две не-

примиримые фракции — Молодую и Старую, вскоре превратившиеся в самостоятельные «партии».

«Партии» не отличались друг друга ни по социальному составу, ни по идеологии. Не было у них и четко выраженной региональной базы. Даже их «географические» названия носили случайный характер — обычно партию называли в честь того, в каком районе Сеула располагалась усадьба ее лидера. Конфликты между «партиями» часто вспыхивали по вопросам, которые являлись второстепенными и случайными. В то же время разногласия «партий» практически никогда не затрагивали серьезных проблем внешней или внутренней политики (одно из немногих исключений — жесткая антицинская и проминская позиция Западной «партии» в 1623—1637 гг.). В большинстве случаев причинами конфликтов между «партиями» были обыкновенные бюрократические интриги, борьба вокруг назначений и перемещений. Собственно говоря, вся борьба «партий» когда-то и началась с рядового учрежденческого конфликта. В то же время, «партии» отличались немалой стабильностью. Перебежчиков, которые ради сиюминутной выгоды переходили бы из одной «партии» в другую, было очень мало. Раз оказавшись в составе той или иной группировки, человек принадлежал к ней всю жизнь. К середине XVII в ни один представитель корейской интеллектуально-бюрократической элиты не мог оставаться вне «партийных» конфликтов: любой янбан по определению должен был принадлежать к той или иной «партии». То, в какой именно «партии» оказывался тот или иной человек, зависело от ряда факторов, причем с течением времени эта принадлежность все чаще становилась наследственной.

В «партии» существовало ядро, в состав которого входили наиболее известные и авторитетные деятели. Выдвижение в первые ряды руководства «партии» обычно зависело от личных качеств того или иного деятеля, авторитета и влияния, которым он пользовался среди своих единомышленников. Обращает на себя внимание, что за всю историю «партий» практически ни разу не было периода, когда у какой-либо «партии» был один бесспорный лидер, обычно их было несколько. Остальные сторонники «партии» оказывались в ее рядах в силу личных или семейных связей с этими лидерами. Главной целью «партии» было установление контроля над государственным аппаратом. Оказавшись у власти, руководители «партии» назначали своих сторонников на чиновничьи посты. Раскол корейской элиты на «партии» был неизбежен, в том числе и потому, что постов было куда меньше, чем кандидатов на них.

Борьба «партий», которая велась со все большим ожесточением, представляла немалую угрозу для политической стабильности. Это к концу своего долгого правления стал понимать даже Сукчон — монарх, политика которого немало способствовала небывалому обострению придворных конфликтов. В последние годы своего правления Сукчон неоднократно обращался с призывами

прекратить борьбу «партий». Понятно, что эти призывы остались без ответа — тем более, что ван не стремился подкрепить их своими действиями, а просто взывал к конфуцианским моральным стандартам и совести своих чиновников.

Конфликтами «партий» было отмечено и недолгое правление приемника Сукчона — вана Кёнджона (1720—1724). В конце 1721 г. «старики», контролировавшие правительственный аппарат на протяжении почти двух десятилетий, были отстранены от власти представителями Молодой «партии», которые начали назначать своих сторонников на все основные чиновничьи посты. Однако правление их оказалось недолгим. В 1724 г. Кёнджон, с детства не отличавшийся крепким здоровьем, скончался, не оставив детей. Еще при жизни он назначил наследником престола своего брата по отцу, который известен под своим посмертным именем Ёнджо (против этого назначения активно выступала Молодая «партия»). Ёнджо предстояло пробыть на корейском престоле 52 года — больше, чем кому-либо из монархов династии Ли. Его правление ознаменовалось серьезными реформами, которые коснулись всех сторон жизни корейского общества.

Ёнджо отличался от своих предшественников, стоявших над собой «партий». Сын наложницы, стал ваном только потому, что в 1722 г. он остался единственным здравствовавшим сыном вана. Его права на престол были несколько сомнительны, и он первоначально был вынужден опираться на вполне конкретную политическую группировку — на Старую «партию». Главными противниками Ёнджо были «молодые», некоторые из которых даже распускали слухи о том, что ван виновен в смерти вана Кёнджона, который, якобы, был отравлен людьми Ёнджо.

Угрозу, которая была связана с борьбой «партий», продемонстрировал произошедший в 1728 г. мятеж Ли Рин Чхве, сторонник Молодой «партии». Мятеж начался на юге страны, и его организаторами были жившие там опальные «молодые» и «южане». Они двинулись на Сеул, захватывая по пути небольшие уезды и административные центры. Силы их быстро росли за счет охотно присоединявшихся к повстанцам крестьян. Когда Ли Рин Чхве и его войско находилось всего лишь в сотне километров от столицы, их встретили правительственные войска. Бой был неравным: неудачная атака повстанцев на позиции правительственных войск была отбита, и они в панике бежали. Ли Рин Чхве и другие руководители мятежа были схвачены и казнены, и правительственные войска легко восстановили контроль над теми районами, которые были ненадолго захвачены восставшими. Восстание Ли Рин Чхве продолжалось не более двух недель, число жертв было невелико, но для корейского XVIII в., столетия мирного и спокойного, подобное выступление, конечно, являлось событием чрезвычайным. Оно создало новую атмосферу, в которой ван был принят решительные меры, направленные на прекращение «партийной» борьбы.

В 1728 г. Ёнджо провозгласил политику «умиротворения». Основные принципы ее были просты: ван объявил, что отныне при назначении на новые чиновничьи посты не будет приниматься во внимание «партийная» принадлежность и что попытки протаскивать на важные должности представителей своей «партии» будут пресекаться. Политика эта проводилась со свойственной Ёнджо последовательностью на протяжении почти полувека, и, в конечном итоге, дала свои плоды. Членство в той или иной «партии» перестало оказывать определяющее влияние на карьеру чиновника, и в итоге политическое значение «партий» заметно снизилось, хотя сами «партии» не исчезли (они продолжали существовать и в определенной степени влиять на жизнь страны вплоть до середины XIX в.).

Правление Ёнджо вообще было эпохой реформ, инициатива которых зачастую принадлежала самому вану. Ёнджо удалось восстановить престиж власти ванов, который заметно пошатнулся в предшествующие десятилетия. Он был талантливым руководителем, который изо всех сил пытался соответствовать конфуцианским представлениям об идеальном монархе. Возможно, свою роль тут играла некоторая сомнительность его прав на престол — ван хотел доказать, что он, сын второстепенной наложницы, волею судеб оказавшийся на престоле, действительно достоин власти. Под руководством Ёнджо был составлен новый корейский свод законов «Соктэджон», который пришел на смену созданному еще в XV столетии кодексу «Кенгук тэджон». По его настояниям была проведена реформа судопроизводства, в результате которой были улучшены условия содержания подозреваемых и запрещено применение некоторых, наиболее жестоких, видов пыток (разумеется, о запрете «мягких» истязаний речи в те времена идти не могло). Ёнджо несколько ослабил дискриминацию детей наложниц, и некоторые из них в его правление сделали заметную карьеру. Наконец, в его правление были проведены серьезные реформы налогообложения, речь о которых пойдет дальше.

Последние годы жизни Ёнджо были отмечены личной трагедией. Его сын и наследник, принц Садо, на которого ван поначалу возлагал немалые надежды, постепенно сошел с ума. Скрыть его болезнь не удалось. Оргии, сопровождавшиеся убийствами слуг, изнасилованиями, грабежом лавок и бешеными скачками по окрестностям столицы, чередовались с периодами раскаяния и попытками самоубийства. В конце концов принц Садо был убит по приказу Ёнджо, а новым наследником был назначен сын Садо и внук Ёнджо, будущий ван Чонджо. Этот ван, правивший в 1776—1800 гг., в целом продолжил политику деда, хотя с меньшей энергией и последовательностью.

2. Перемены в экономике и в обществе

При всем драматизме дворцовых интриг, которые и поныне вдохновляют исторических романистов и авторов телевизионных постановок, к жизни большинства корейцев они прямого отношения не имели. Куда важнее для судеб миллионов были постепенные изменения в корейском обществе, которые исподволь меняли социальную структуру, сложившуюся еще в первые столетия правления династии Ли. Старая система общественных отношений, без особых перемен просуществовавшая почти три столетия, в конце XVII в. стала меняться с неожиданной быстротой.

В первую очередь, перемены затронули сословную систему, которая сформировалась еще в конце XV в. В основе этой системы лежали наследственные привилегии корейского дворянства — *янбанов*. Изначально эти привилегии полагались янбанам именно в силу их положения чиновников и военных. С течением времени статус янбанов стал наследственным и доступ простолюдинов в их ряды почти прекратился. Реальное значение все привилегии янбанов имели постольку, поскольку численность этого слоя оставалась небольшой, однако с конца XVII в. она стала стремительно расти. В первые века правления династии Ли доля янбанов в населении измерялась лишь несколькими процентами, а к началу XVIII в. в иных местностях о своей принадлежности к привилегированному сословию заявляли до половины всех семей. Власть вела борьбу за ограничение численности янбанов, но в XVIII—XIX вв. отказалась от продолжения этой политики и сквозь пальцы смотрела на фиктивные «усыновления» богатых простолюдинов янбанскими семьями. Более того, правительство само продавало простолюдинам должности, которые давали покупателям права на янбанское звание и связанные с ним привилегии. В 1690 г., например, двор, столкнувшись с острыми финансовыми проблемами, продал 20 тыс. таких «патентов» на янбанское звание.

В новых условиях янбанские привилегии утрачивали реальный смысл. И в более ранние времена в Корее почти не встречалось настоящих земельных магнатов того типа, который был столь обычен для феодальной Европы или России (а также и Японии). Корейское дворянство, если описывать его в привычных российскому читателю категориях, в своем подавляющем большинстве было мелкопоместным. Разрыв в уровне доходов между янбанами и крестьянами был, по меркам иных феодальных обществ, не очень велик. К XVIII в. этот разрыв стал еще меньше, так как все больше часть «новых» янбанов жила земледельческим трудом и ни по доходам, ни по роду занятий ничем не отличалась от богатых крестьян. Появились и по-настоящему бедные безземельные янбаны, которые существовали за счет преподавания в деревенских школах, траволечения, помощи в составлении писем и прошений. Единственным их отличием от крестьян было то, что янбаны, как

правило, по-прежнему имели классическое образование, которое давало им некоторые (все более теоретические, все более призрачные) шансы на занятие чиновничьих должностей.

Менее заметным, но также немаловажным процессом было быстрое сокращение количества крепостных, которые в ранние эпохи составляли примерно четверть населения страны. В Тэгу доля крепостных в населении за 1690—1858 гг. уменьшилась с 37,1% до 1,5%. При этом освобождение государственных крепостных в 1801 г. сыграло в этом снижении незначительную роль — уже в 1789 г. в уезде Тэгу крепостных было только 13,0%, то есть в три раза меньше, чем столетием ранее. Подобные процессы происходили и в других районах страны. Таким образом, XVIII в. был временем беспрецедентной социальной мобильности: все больше простолюдинов добывали себе янбанское звание, все больше крепостных становилось простолюдинами.

Разительные перемены происходили в экономике страны. Их первопричиной был быстрый рост ремесла и торговли, который наблюдался в Корее с конца XVII в. На протяжении столетий почти вся торговля в стране носила характер натурального обмена, натурой также собирались налоги и подати. Отчасти роль денег выполняли рис, свитки ткани и, изредка, бумага, но уже само их использование в таком качестве подтверждает, что в целом торговля в стране была развита слабо. Действительно, ярмарки были редкостью, а большинство крестьян жили тем, что могли произвести в собственном хозяйстве или выменять у соседей. Попытки ввести в обращение монеты по китайскому образцу предпринимались неоднократно (первая такая попытка имела место еще в X в.), но каждый раз они оканчивались безрезультатно: монеты не приживались, так как люди не видели в них особого смысла и не хотели ими пользоваться. В XVII в. ситуация изменилась. Первый с XV в. выпуск корейских медных монет был проведен в 1625—1633 гг., а после 1678 г. такие выпуски стали осуществляться на постоянной основе. При этом не существовало монополии какого-то одного учреждения на выпуск монет. Право на отливку монеты получали и различные центральные ведомства, и местные власти. Некоторый порядок в правилах выпуска монет был наведен лишь к середине XVIII в. Тем не менее, в XVII—XVIII вв. удалось то, чего раньше не удавалось добиться: деньги действительно вошли в массовый оборот и в Сеуле, и в провинциях. Уже к концу XVIII в. значительная часть податей, к немалому неудовольствию консервативных чиновников, взималась деньгами, а не зерном или тканями, как ранее.

Изменился и характер ремесла. Ушли в прошлое те времена, когда большинство мастеров составляли казенные ремесленники, работавшие по правительственным заданиям. Все большее количество изделий изготовлялось на продажу или по частным заказам. Количество ремесленников (как казенных, так и частных) по сравнению с XV в. выросло многократно. С XVIII в. в Корее

стали возникать крупные мастерские мануфактурного типа, главным образом, в производстве посуды. Характерным явлением стало развитие горного дела, которое до этого в Корее почти отсутствовало. В XVII и, особенно, в XVIII вв. в Корее появились крупные частные и казенные рудники, где добывали золото, серебро, медь и железо. Власти смотрели на рост горного дела с неодобрением и опаской — ведь серебро, золото и медь использовались для производства «вредных» предметов роскоши, которые отрицательно сказывались на простоте нравов, столь ценимой неоконфуцианскими идеологами. Кроме того, на рудниках скапливались сотни и тысячи горнорабочих, которые для властей были, во-первых, потенциальными бунтовщиками, а во-вторых, бывшими крестьянами, которые самовольно покинули свои родные места и перестали платить государству налоги (правда, владельцы рудников сами платили налог со своего промысла). Многочисленные меморандумы недовольных чиновников привели к тому, что в 1790-е гг. добыча золота и серебра вновь оказалась под официальным запретом. Правда, это не остановило добычи драгоценных металлов, которая после этого продолжалась нелегально, хотя и в меньших масштабах.

Косвенным свидетельством того, что в XVII в. корейцы стали гораздо больше передвигаться по стране, является решение Сукджона ввести «именные таблички» («хопхэ») — своего рода удостоверения личности, которые должны были носить все мужчины в возрасте от 15 лет. Главной целью этой системы было выявление бродяг и прочих злостных неплательщиков налогов, а также предупреждение побегов крепостных. Кроме того, материал таблички символизировал сословный статус своего хозяина: янбанам полагались таблички из слоновой кости, а простолюдинам — деревянные. На табличках нося указывалось его имя, возраст, особые приметы, а также имя владельца. Ввести систему удостоверений личности в Корее не раз пытались и ранее (первые эксперименты проводились еще в 1416—1419 гг.), но окончательно она была узаконена именно при Сукджоне в конце XVII века.

В 1791 г. была отменена система правительственных монополий, в соответствии с которой в Сеуле право на оптовую торговлю рядом товаров имели только обладавшие лицензиями торговцы. Другим признаком роста товарных отношений в корейском обществе стало распространение коммерческих сельскохозяйственных культур, которые выращивались на продажу. Наиболее популярными коммерческими культурами в XVIII в. были табак, женьшень и хлопчатник. В южной части страны на продажу стали выращивать и овощи — капусту, перец, чеснок. Торговля велась на рынках, которые существовали в большинстве уездных центров.

Пожалуй, наиболее значимым из многих мероприятий, проведенных в правление Ёнджо, была налоговая реформа, которую неоднократно пытались осуществить еще его предшественники. Наи-

большие проблемы к тому времени вызывал военный налог, который должны были платить простолюдины в возрасте от 16 до 60 лет. Огромное количество предусмотренных законодательством исключений привело к тому, что на практике налог платили только немногие бедные хозяйства, для которых он являлся совершенно разорительным. Богатые крестьяне и все более многочисленные янбаны, между тем, всегда находили те или иные способы официально уклониться от уплаты военного налога. Не платили его и ноби.

Ёнджо подошел к пересмотру налоговой системы со всей серьезностью. В 1734 г. был создан специальный комитет, ответственный за подготовку реформы, а в 1745 г. в провинции были отправлены инспекторы, изучившие реальное положение дел на местах и подготовившие десяти томный доклад. После всех этих мероприятий в 1750 г. вступил в силу «Закон об уравнивании повинностей», который предусматривал сокращение военного налога. Ставка налога была сокращена до одного свитка ткани в год, то есть уменьшилась примерно в полтора раза. Одновременно Ёнджо попытался добиться того, чтобы военный налог платили все — в том числе и янбаны. Однако достичь этого не удалось, так как Ёнджо столкнулся с решительной оппозицией чиновничества, материальные интересы которого оказывались задетыми планируемой реформой. В итоге был достигнут компромисс: янбаны сохранили за собой право не платить военный налог, но им пришлось согласиться с некоторым увеличением поземельного налога. Чтобы частично компенсировать потери казны от сокращения ставки военного налога, ван также распорядился сократить государственные расходы. Особенно пострадала от этого сокращения армия, которая к тому времени и так уже представляла из себя малочисленные полицейские формирования. Вдобавок, Ёнджо пошел и на символический жест — распорядился передать в казну доходы от налогов на солеварни и частные рыбные промыслы, которые до этого поступали в личное распоряжение правящего рода. Таким образом, королевская семья подчеркивала, что «уравнивание повинностей» касается и ее, что и она, наравне с янбанами, начинает платить дополнительные налоги.

В процессе реформ Ёнджо в 1801 г. было проведено освобождение государственных ноби, подготовленное еще при жизни Чонджо. В результате простолюдинами стали 66 тыс. государственных крепостных — в статистическом отношении не очень большая часть населения страны. Куда более многочисленных частных крепостных эта реформа не коснулась, и свободу они получили значительно позже — в 1894 г. Однако статистика свидетельствует, что доля ноби в населении Кореи быстро сокращалась.

Некоторые историки и в Корею, и за ее пределами обычно считают, что все эти процессы означали, что в XVIII в. в стране началось развитие капитализма или, по меньшей мере, его «ростков». Эта точка зрения не бесспорна: в конце концов, развитые

торгово-денежные отношения существовали во многих странах в глубокой древности, задолго до капитализма. Однако совершенно очевидно, что именно в XVIII в. в корейском обществе начались резкие и глубокие перемены.

3. Внешняя политика Кореи в XVII—XVIII вв.

В соответствии с Договором 1637 г. Корея разрывала вассальные отношения с минской империей и признавала себя вассалом маньчжурского государства Цин. Корея соглашалась выплачивать маньчжурам ежегодную дань, отказывалась от строительства пограничных укреплений. В маньчжурскую ставку в качестве заложников были отправлены корейский наследный принц и его брат, и несколько сановников — наиболее непримиримых сторонников проминской политики — были казнены. Утверждать корейских цархов на престоле отныне должны были не минские императоры, а маньчжурские владыки. Подчинение Кореи обеспечивало маньчжурам безопасный тыл. Теперь они могли приступить к покорению Китая, который к тому времени был охвачен грандиозным крестьянским восстанием.

В 1644 г. отряды восставших овладели Пекином, и последний цинский император покончил с собой. Вскоре китайская столица была занята маньчжурскими войсками. На протяжении последующих лет цинские армии постепенно двигались на юг, подавляя сопротивление и китайских повстанцев, и сторонников династии Мин. Сопротивление завоевателям продолжалось еще почти четверть века. В рядах корейской правящей элиты в те годы были члены проминские и антицинские настроения, и это не оставалось тайной для маньчжурского двора. Признание маньчжурского императора владыкой Поднебесной было навязано вооруженной силой, для большинства корейских конфуцианцев он все равно оставался дикарем, правителем презираемых «северных варваров». Пока в Китае продолжалось сопротивление маньчжурам, многие высших корейских сановников (в том числе и Сон Си Рёль) тайно обдумывали план «карательного похода на север». План этот предусматривал, что при благоприятном для сторонников Мин повороте событий в Китае корейские войска нанесут удар по маньчжурам и таким образом помогут изгнать «варваров» и восстановить в Китае законную власть минских императоров. Идею «карательного похода на север» активно поддерживал и ван Инджон (1649—1659), сын и преемник Инджо. С этой целью на севере страны тайно строились укрепления, сосредотачивались запасы продовольствия и воинского снаряжения, проводились масштабные маневры.

После окончательного разгрома сил сопротивления в Китае корейской элите пришлось осознать, что правление Цин — это широкое и надолго. В результате отношения с Китаем постепенно перешли к той же модели формального вассалитета, которая су-

ществовала и при династии Мин. Новые правители Китая, подобно своим предшественникам; не вмешивались во внутренние дела Кореи, а корейское правительство, в свою очередь, ограничивалось формальным выражением своей зависимости. Однако корейская интеллектуальная элита так полностью и не признала морального авторитета маньчжурской династии. Для корейских конфуцианцев цинские императоры еще долго оставались не вполне цивилизовавшимися варварами. После падения династии Мин многие корейские интеллектуалы стали утверждать, что в новой ситуации именно Корея стала главным оплотом истинных конфуцианских ценностей, которые подверглись порче в управляемом «дикарями» Китае. Служили этому и ритуальные жертвоприношения душам покойных минских императоров, регулярно проводившиеся в Корее. Они должны были продемонстрировать, что Корея является законной преемницей династии Мин, идеалы которой в самом Китае оказались искажены и забыты.

На практическую политику Кореи китайский двор влиял мало, хотя время от времени в Сеуле приходилось совершать символические акты, подчеркивающие связь Кореи с Китаем. Одним из таких актов было участие корейских войск в российско-китайском пограничном конфликте — т.н. «албазинских войнах», завершившихся подписанием Нерчинского договора 1689 г. Корейские солдаты были отправлены туда по требованию цинского правительства. Корейские контингенты, принимавшие участие в кампаниях 1654 и 1658 гг. были не очень велики — 150 человек в 1654 г. и 260 человек — четырем годами позже. Вклад этих отрядов в общий исход конфликта, завершившегося победой Китая и установлением российско-китайской границы по р. Амур, был не очень велик, однако согласие корейцев на отправку войск являлось важным дипломатическим жестом. Как ни парадоксально, именно эти пограничные стычки стали первой встречей между русскими и корейцами. Возникшая после 1689 г. конфигурация границ, однако, привела к тому, что контакты между двумя странами не получили тогда развития — ведь между Россией и Кореей еще почти два века лежали китайские владения.

Отношения с Японией в XVII—XIX вв. носили достаточно ограниченный характер. Мирный договор 1609 г. предусматривал репатриацию пленных и восстановление торговли между двумя странами. К тому времени ситуация в Японии существенно изменилась. Междоусобная борьба между бывшими сподвижниками Тоётоми Хидэёси окончилась приходом к власти Токугава Иэясу, который стал основателем новой династии военных правителей Японии (сёгунов), удерживавших власть до 1868 г. Японские торговцы имели право приезжать в Корею для торговли, но при этом все свои дела они могли вести только в Пусане, а жить им разрешалось лишь на территории специально отведенной фактории. Выезд из Пусана запрещался. Торговать в Корее японцы также могли только в пределах определенных квот и при наличии ли-

пензий, выданных правителями Цусимы. Межправительственные контакты сводились лишь к редким но помпезным поездкам корейских посольств в Японию. Эти посольства, в состав которых входило 400—500 человек, посещали столицу сёгунов Эдо (совр. Токио) для того, чтобы принести поздравления по поводу восшествия на престол очередного сёгуна. Впрочем, практика отправки корейских посольств в столицу прекратилась в 1764 г. в основном потому, что японская сторона была недовольна большими расходами по их приему. Традицию попытались возобновить в 1811 г., но тогда корейское посольство ограничилось лишь посещением Цусимы, через правителя которой и были переданы поздравления поному сёгуну, последующих же сёгунов с вступлением в должность уже не поздравляли.

Впрочем, при всей ограниченности контактов с Японией они, порою, имели неожиданные последствия. Именно через Японию в Корею в XVII в. попал красный перец, без которого невозможно представить себе современную корейскую кухню. Красный перец стал известен японцам от испанцев и португальцев, которые, в свою очередь, познакомились с этим растением после открытия Нового Света. Таким же путем попали в Корею табак и тыква. С другой стороны, и японцы ознакомились со многими достижениями корейской культуры. Захваченные в плен и оставшиеся в Японии корейские мастера сыграли огромную роль в развитии японских ремесел — в первую очередь, это касается керамики и печатного дела. В Японию были вывезены и корейские шрифты, которые потом долго использовались и копировались японскими типографами.

С японским и маньчжурским вторжениями было связано и изменение политики изоляции, которое произошло в середине

II в. Несанкционированные поездки за границу были запрещены, получить же официальное разрешение на такую поездку было очень трудно. В XVII—XIX вв. за рубежом могли бывать только чиновники и переводчики, посещавшие с посольствами Китай и, очень редко, Японию (посольства в Китай направлялись ежегодно, а в Японию — раз в несколько десятилетий, по случаю вступления на престол очередного сёгуна. Не допускались в страну и иностранцы. Исключением были лишь члены официальных китайских миссий, а также японские купцы, которым разрешалось жить на территории японской торговой фактории в Пусане. Время от времени в страну попадали моряки с западных кораблей, терпевших крушение у берегов полуострова, но им приходилось оставаться в Корее навсегда — на родину их больше не отпускали. Некоторые из них использовались на корейской службе, в основном, как эксперты по производству пороха и огнестрельного оружия. Наиболее известным из этих невольных посетителей Кореи стал голландец Хенрик Хамель, корабль которого потерпел крушение у побережья острова Чеджудо в 1653 г. Спустя 13 лет

Хаммелю удалось бежать из Кореи. Вернувшись на родину, он написал интересные записки о своих корейских приключениях.

4. Новые идеологические течения.

Движение «сирхак» и распространение христианства

Изменения в обществе и экономике сопровождались не менее серьезными изменениями в идеологии и духовной жизни общества. На протяжении трех с лишним столетий в Корее почти безраздельно господствовало ортодоксальное неоконфуцианство, но в XVIII в. этому учению пришлось столкнуться с серьезными оппонентами. Вызов неоконфуцианской ортодоксии был брошен со стороны мыслителей школы сирхак (реального знания) и со стороны последователей католицизма. При всех различиях, эти две группы были объединены неприятием неоконфуцианской философии, которая воспринималась ими как набор бессмысленных схоластических упражнений.

Ранними представителями школы сирхак были Ли Су Гван (1563—1628) и Ли Ик (1681—1763), но наиболее полное выражение идеи сирхак получили в трудах философов рубежа XVIII и XIX вв. — Чон Я Гёна (известен также как Чон Да Сан, 1762—1836) и Пак Чи Вона (1737—1805). Представители школы сирхак не были противниками учения Конфуция, напротив, они следовали конфуцианской традиции. Однако он предлагал новую интерпретацию этой традиции, в которой основное внимание уделялось бы не обычным для чжусианцев старой школы схоластическим спорам о соотношении начала «ци» («ки») и начала «ли» («и»), а решению практических проблем, с которыми сталкивалось корейское общество. Их интересовали не философские абстракции, а вещи реальные и прикладные — отсюда и название школы.

Огромный интерес у сирхакистов вызывали проникающие в Корею через Китай сведения о достижениях западного естествознания. Именно они познакомили образованных корейцев со строением Земли и геоцентрической картиной мира. Ученые школы сирхак много писали о новых технических идеях, а попадавшие в Корею через Китай западные механизмы и технические диковинки (механические часы, подзорные трубы и т.п.) становились для них предметом тщательного изучения и восторженного любопытства. Впервые в истории корейской общественной мысли сирхакисты напрямую связали технический прогресс с процветанием страны. Техническая отсталость Кореи вызывала у них немало беспокойства. Пак Чи Вон писал: «Прежде всего, нам надо избавиться от всего плохого в обычаях нашей страны; нам нужно учиться пахать землю, разводить гусениц шелкопряда, обжигать горшки, ковать железо и научиться всему, что способствует развитию ремесла и торговли». Сирхакисты не ограничивались рассуждениями и сами пытались внедрять в Корею новые технологии и

новые изобретения. Например, по инициативе Чон Я Гёна, который в конце XVIII в. принимал участие в реконструкции крепости Сувон, на строительных работах широко использовались разработанные ученым подъемные приспособления.

Явное стремление к переменам, необычный для конфуцианской традиции восхищенный интерес к технике и естественным наукам сочетался у сирхакистов со своего рода «конфуцианским утопизмом». Когда речь заходила о социальных проблемах Кореи, почти все сирхакисты — в полном соответствии с конфуцианской ортодоксией — видели корень зла в имущественном неравенстве и распространении частной собственности на землю. Многие из них разрабатывали планы аграрной реформы, которые обычно сводились к той или иной форме уравнительного перераспределения земли — часто вместе с сокращением численности государственного аппарата. Идеалом для большинства сирхакистов была государственная собственность на землю в сочетании с общим землепользованием и периодическим перераспределением земли. Чон Да Сан, например, предлагал создать в Корее систему общин, примерно по 30 дворов в каждой. Члены такой общины, как ожидалось, должны были совместно обрабатывать землю и совместно платить налоги казне. Урожай, оставшийся после выплаты налогов, должен был делиться между членами общины в соответствии с записями о трудовом участии (то есть, фактически, по системе трудодней).

Утопические мечты об уравнительном перераспределении земли у сирхакистов сочетались с заботой о развитии торговли и ремесла. В этом отношении они отошли от конфуцианской традиции, для которой всегда было характерно пренебрежительно-полюбопытное отношение к ремеслу и торговле. Показательны сатирические повести Пак Чи Вона (например, «Сказание о янбанах»), в которых зло высмеиваются взгляды и привычки корейской элиты. Янбаны Пак Чи Вона — это люди, совершенно оторванные от реальной жизни, но полные спеси и высокомерия, а вот простонародье, наоборот, в этих повестях является носителем нравственного смысла. В «Сказании о янбане» богатый торговец хочет приобрести дворянское звание, но, узнав о тех бессмысленных условностях и странных запретах, которыми окружена жизнь янбана, отказывается от своего намерения: «Стать янбаном — все равно что стать разбойником».

Однако развитие школы сирхак было не единственным признаком духовного брожения, которое происходило в корейском обществе XVIII в. Другим знаком перемен стало распространение в Корее католичества. В конце XVIII в. корейские интеллектуалы, разочарованные в неоконфуцианской схоластике, стали обращать внимание на христианские сочинения, переводы которых на древнекитайский язык время от времени попадали в Корею из Пекина. В конце 1770-х гг. в Сеуле возник кружок молодых конфуцианцев, занимавшихся изучением христианства по этим книгам.

В 1783 г. один из членов этого кружка, Ли Сын Хун (1756—1801), был направлен в Китай в составе корейской дипломатической миссии. Там он встретился с иностранными миссионерами, и, приняв крещение, вернулся на родину. Вокруг Ли Сын Хуна и его единомышленников возникла первая в Корее христианская община. Католицизм пользовался большой популярностью в первую очередь среди интеллектуальной элиты, и к началу XIX в. количество его сторонников уже исчислялось тысячами. Успеху новой религии немало способствовал и растущий интерес корейских интеллектуалов к научным и культурным достижениям Запада, с которым ассоциировалось католичество — не случайно католицизмом увлекались и многие сирхакисты. Несмотря на строжайший запрет на несанкционированный въезд иностранцев в страну, в Корею стали нелегально проникать миссионеры, главным образом, французские и китайские священники, первый из которых тайно пересек корейскую границу в 1794 г. Лишь немногие из этих миссионеров смогли вернуться назад, большинство погибло в тюрьмах и на плахе. Однако решающую роль в распространении христианства играл не непосредственный контакт с миссионерами (их всегда было очень мало), а активное чтение католической литературы. Христианство распространялось в Корее необычным путем — через книги.

Корейские власти — обычно весьма веротерпимые — с беспокойством следили за распространением нового и странного учения. В 1785 г. правительство запретило пропаганду христианства в стране и ввоз христианской литературы. Впоследствии эти запреты неоднократно подтверждались, а наказания за их нарушения ужесточались. Негативное отношение властей к христианству было связано с тем, что христиан считали агентами «западных варваров» — европейских колониальных держав (надо признать, что иногда они действительно выступали в качестве таковых). Другим обстоятельством, вызывавшим возмущение у остальных корейцев, был решительный отказ сторонников новой веры участвовать в языческих обрядах жертвоприношений душам предков. С точки зрения конфуцианской этики, подобный поступок был вопиющим нарушением принципа «сыновней почтительности» и крайним проявлением аморальности. Гонения на христиан с перерывами продолжались почти столетие, до самого открытия страны. Множество корейских христиан было казнено и погибло в тюрьмах, но преследования не остановили сторонников новой веры — корейская католическая община продолжала расширяться. К моменту фактической легализации христианства в 1880-е гг. ее численность превышала 10 тыс. человек. К тому времени появились и первые священники-корейцы, которые были тайно отправлены общиной учиться в католическую семинарию в Макао и, пройдя там подготовку, нелегально вернулись на родину.

Глава XVIII

КУЛЬТУРА ЭПОХИ ЧОСОН

Эпоха Чосон была, в первую очередь, эпохой конфуцианской или, точнее, неоконфуцианской. Конфуцианство создавало тот идейный фон, на котором разворачивалась вся культурная и интеллектуальная жизнь страны. Практически все идеи, высказываемые в то время, по необходимости облекались в конфуцианскую оболочку. В этом отношении конфуцианство играло на Дальнем Востоке во многом такую же роль, что и христианство в средневековой Европе или ислам на средневековом Ближнем Востоке. Конфуцианский канон в его чжусианском истолковании был основой всего образования, и любой культурный кореец мыслил категориями и образами этого канона. Даже самые новаторские мысли выражались в формах, продиктованных конфуцианской традицией, и на ханмуне, то есть на главном языке этой традиции. Хорошим примером тому является философия сирхак. Сторонники сирхак не только писали исключительно на ханмуне, но и обосновывали свои реформаторские планы ссылками на то, что предельные институты и законы якобы существовали в классической китайской древности. Реформа воспринималась ими не как создание чего-то нового, а как восстановление старого, как возвращение к забытым истокам (отношение, вообще обычное для стран Восточной Азии).

Важно, что интеллектуальная и культурная жизнь Кореи не протекала в изоляции. То обстоятельство, что все ученые Дальнего Востока писали и читали на одном и том же языке и принадлежали к одной и той же культурной традиции, чрезвычайно упростило обмен информацией и идеями. Описывая науку той эпохи, трудно говорить о науке «корейской», «китайской» или «вьетнамской» — фактически на всем огромном пространстве Восточной Азии существовала единая интеллектуальная традиция. Раскол ее на национальные компоненты произошел много позже — только в XIX в., когда начался переход на национальные языки и освоение западных достижений. Относится это, впрочем, не только к науке, но и к литературе и к изобразительному искусству. Существование «низкого» разговорного и «высокого» письменного языков было вообще характерно для доиндустриальных обществ — достаточно вспомнить о роли латыни в средневековой Европе. В культурном отношении страны конфуцианской Восточной Азии образовывали единую цивилизационную общность, внутри которой свободно циркулировали и идеи, и науч-

ные сочинения, и литературные тексты. Высокая культура, основанная на ханмунной традиции, была наднациональной (как, кстати, и в средневековой Европе).

Неудивительно, что корейская философия эпохи Чосон являлась по преимуществу конфуцианской, хотя в это время продолжали работать и буддистские мыслители. Подавляющее большинство корейских ученых было сторонниками неоконфуцианства, то есть той интерпретации, которую придали конфуцианству Чжу Си и другие мыслители китайской династии Сун (X—XIII вв.). Фактически неоконфуцианство стало государственной идеологией династии Ли, и открыто выступать против него было порою рискованно. Главной альтернативой чжусианству служили, однако, не какие-то радикально иные учения, а другие варианты конфуцианства, в первую очередь — философия Ван Янмина. Главным объектом споров философов был вопрос о соотношении двух начал — «ки» (китайское «ци») и «и» (китайское «ли»). Начало «ки» было выражением всего материального, а начало «и» означало законы и закономерности, которым подчинялись природа и человек. Два наиболее крупных философа той эпохи — Ли Хван (Ли Тхве Ге, 1501—1570) и Ли И (Ли Юль Гок, 1536—1584) были активными участниками этой многолетней дискуссии, которая постепенно превращалась в споры о терминологии. Схоластический характер споров об «и» и «ки» со временем стал причиной отхода от неоконфуцианства у многих представителей образованной верхушки. Одним из проявлений этого отторжения и стала философия сирхак с ее подчеркнутым интересом к естественным наукам и актуальным общественным проблемам.

Конфуцианство, не будучи религией в европейском или ближневосточном смысле слова, традиционно отличалось немалой терпимостью к другим идейным системам. Однако для корейского буддизма эпоха Чосон была непростым временем. Реформаторы конца XIV в., составлявшие окружение Ли Сон Ге, были убежденными противниками этой религии, которую они считали собранием вредных суеверий. Немалую неприязнь у них вызывали также накопленные буддистскими храмами богатства и земельные владения (в основном конфискованные в ходе земельной реформы). В новом государстве, которое создавали реформаторы, не было места буддистской мистике. Впрочем, первые правители династии Ли не всегда разделяли неоконфуцианский пыл своего окружения. Относится это и к самому основателю династии Ли Сон Ге, который ревностно исполнял буддистские ритуалы и активно жертвовал на монастыри, и к его внуку Седжону — этот рационалист и покровитель наук, оказывавший щедрую поддержку конфуцианским ученым, сам, тем не менее, оставался верующим буддистом. Впрочем, именно при Седжоне была завершена конфискация монастырских земель и введены (в 1424 г.) жесткие ограничения на деятельность буддистских сект. Преемник Седжона — Седжо (1455—1468) также был активным сторонником буддизма. Однако

чением времени ситуация менялась, и буддистам приходилось изживать со все более жесткими ограничениями своей деятельности. На рубеже XV и XVI вв. династия Ли окончательно пришла к политике «поддержки конфуцианства, ограничения буддизма».

В течение XV—XVI вв. было закрыто большинство монастырей, прекратилось проведение «монашеских экзаменов» на знание буддийского канона, были введены жесткие квоты на количество монахов. Сами монахи сталкивались со все более жесткими и, порою, намеренно унижительными ограничениями. Настойчивая конфуцианская пропаганда привела к тому, что в народном фольклоре постепенно сформировался негативный образ монахов — обжоры, лентяя и развратника. Вдобавок, именно на монахов падала основная тяжесть трудовой повинности: власти охотно использовали их как дармовую и подневольную рабочую силу на многих строительных объектах. В то же время строительство монастырей практически прекратилось. С особой энергией политику ограничения буддизма проводили ваны Тхэджо (1400—1418) и Чунджон (1506—1544).

О прямом запрете буддизма речь, однако, никогда не шла. Более того, среди представителей корейской элиты всегда было немало тех, кто сочетал буддистские верования с конфуцианскими убеждениями, поскольку восточно-азиатские традиции религиозного синкретизма позволяли человеку исповедовать не только религий одновременно. Однако в целом в эпоху Ли династия постепенно терял некогда свойственный ему интеллектуальный заряд, хотя, как и традиционная корейская религия («шаманизм»), сохранял немалую популярность среди низов общества — крестьян, ремесленников, торговцев, то есть среди тех слоев «мелких людишек», к которым с презрением относилась корейская элита.

Другую заметную группу активных последователей буддизма составляли женщины, в том числе и из янбанских семей. Простонародье особенно привлекала магическая составляющая буддизма и шаманизма, те самые «суеверия», которые с таким пылом разоблачались и отвергались конфуцианскими рационалистами. Люди шли к монахам и шаманкам в надежде на то, что те силами магии помогут решить житейские проблемы: вылечить больного ребенка, направить на путь истинный загулявшего мужа или изгнать поселившегося в доме злого духа. В XVIII в. в провинциях несколько раз вспыхивали волнения, спровоцированные как проповедями странствующих монахов из разнообразных еретических буддистских сект, так и деятельностью шаманок (обе религии на низовом уровне все сильнее влияли друг на друга).

Главной задачей корейского образования в эпоху Чосон было изучение древнекитайского языка и всей связанной с ним восточноазиатской письменной культуры. Начальное образование давали в сельских школах, которые именовались «содан». Учителем

такой школы был обычно неслужащий янбан, который за скромную плату обучал детей основам древнекитайского языка и конфуцианской философии. Учились в сельских школах как выходцы из семей янбанов, так и дети зажиточных простолюдинов. Разумеется, к обучению допускались только мальчики. Если женщины и получали образование, то только дома. Впрочем, даже в янбанских семьях лишь немногие женщины имели полноценное классическое образование, в основе которого лежало владение ханмуном. Правда, в XVII—XVIII вв. стало быстро расти количество корейцев, которые, не зная древнекитайского, умели читать и писать на родном языке. Именно они образовали благодарную аудиторию для авторов популярных корейских романов, получивших распространение именно в этот период.

Следующей ступенью образования служили казенные уездные училища «хянгё», которые с большой долей условности можно сравнить с современной средней школой. Еще в начале правления династии Ли было постановлено, что каждый уезд должен иметь такое училище. Обычно в уездном училище насчитывалось несколько десятков учеников, к услугам которых имелось даже казенное общежитие. Учащиеся занимались изучением классического конфуцианского канона и комментариев к нему, а также знакомились с классической китайской литературой и поэзией. «Хянгё» не только являлось образовательным центром, но и отвечало за проведение местных конфуцианских ритуалов. В Сеуле были учреждены «четыре школы» («сахак»), которые играли ту же роль, что и уездные училища на местах, являясь центром подготовки будущих чиновников.

С начала XVII столетия «хянгё» стали постепенно приходить в упадок. Их образовательные функции во многом перешли к совам (храмам славы), при которых действовали школы, где подростки из янбанских семей могли готовиться к экзаменам. Впрочем, для подготовки к экзаменам — а именно это было главной целью всего корейского образования — школу можно было и не посещать. Многие готовились к экзаменам дома, под руководством частных учителей или родителей.

Наиболее престижным учебным заведением Кореи был Сонгюнган — своего рода Академия государственной службы, через которую проходило большинство высших чиновников страны. Даже наследник престола символически зачислялся в число слушателей Сонгюнгвана, хотя реально он занятий там не посещал. Слушатели Сонгюнгвана изучали конфуцианский канон, а также работы китайских историков, философов и поэтов. Чиновники старой Кореи, как и других стран Восточной Азии, были универсалами, и знание конфуцианского канона, как считалось, помогло решать любые проблемы, с которыми в реальной деятельности сталкивался управленец.

Кроме «общеконфуцианского» образования, целью которого было подготовить чиновника-универсала, существовало в Корее и специальное образование. В ряде училищ готовили переводчиков, счетоводов, врачей. Однако эти учебные заведения существенно уступали по престижу конфуцианским школам, а их выпускники на служебной лестнице находились существенно ниже «настоящих» чиновников.

Хотя до самого конца XIX в. китайский язык безраздельно господствовал в области «высокой» культуры и книжной учености, эпоха династии Ли стала и временем возникновения корейской письменной традиции. Поворотным моментом в истории корейской культуры стал 1446 г., когда был опубликован трактат «Хунмин чонъым» («Наставления народу о правильном произношении»). В нем содержалось описание нового корейского алфавита, работа над которым завершилась в 1443 г. Строго говоря, тексты на корейском языке были известны с более ранних времен. Однако существовавшая до XV в. система записи корейских текстов, так называемое «письмо чиновников» («лиду»), основывалась на применении китайских иероглифов, которые использовались по сходству значения или звучания, то есть по «принципу *реbus*». Система эта требовала хорошего владения иероглификой, а получившаяся в результате запись скорее разгадывалась, чем читалась.

Седжон потребовал от ученых разработать новую систему письменности, которая адекватно отражала бы корейскую фонетику, была проста, легко запоминалась и могла бы использоваться как для записи оригинальных текстов на корейском языке, так и для транскрипции корейского произношения китайских иероглифов. Вдобавок, визуально система должна была напоминать китайскую иероглифику — немаловажное условие для тех, кто с детства привык ценить традиции каллиграфического искусства. Работа над алфавитом заняла много лет. Решающую роль в его создании сыграла коллегия Чипхенджон (Собрание мудрых) — своего рода научно-исследовательский институт, к работе в котором Седжон привлек лучшие интеллектуальные силы страны. При разработке новой письменности учитывались все достижения дальневосточной филологии, а также опыт тех соседних народов, которые к тому времени уже имели фонетическое письмо — японцев, монголов и, особенно, тибетцев. Результат усилий Седжона, действительно, оказался очень удачным. Созданный под его руководством алфавит используется до сих пор с небольшими изменениями, отражающими те перемены, которые произошли в корейской фонетике за пять с лишним веков.

На протяжении долгого времени корейский алфавит называли «хунмин чонъым» — в честь сочинения, в котором он был впервые обнародован. В последние десятилетия в Южной Корее за ним закрепилось название «хангыль» (буквально — «письмена страны

Хан», в честь официального названия *Южной Кореи* — Хангук, «страна Хан»). В Северной Корее по-прежнему используется название «хунмин чонгым».

Вообще Седжон отличался редким для монарха сочетанием качеств: с одной стороны, он был энергичным, волевым и, порою, жестким государственным деятелем, а с другой, — интеллектуалом, ученым и организатором науки. Его правление было ознаменовано целым рядом мероприятий в области науки и культуры, инициатива которых принадлежала самому вану. В частности, тогда был разработан прибор для измерения объема осадков, созданы новые, особо точные солнечные часы. По распоряжению Седжона были начаты регулярные метеорологические наблюдения. Под его руководством готовились сборники материалов по сельскому хозяйству и обширные астрономические трактаты, в которых учитывались достижения китайских и мусульманских ученых. В правление Седжона развивалось книгопечатание, которому, опять-таки, покровительствовал лично монарх. Тогда же были напечатаны первые книги, написанные на корейском языке новым алфавитом. В частности, по его личному распоряжению была составлена (параллельно на корейском и древнекитайском языках) «Ода о двух драконах, взлетающих в небо» — поэтическое сочинение, воспевающее достижения новой династии и обосновывающее ее права на престол. Активно стали пользоваться новым шрифтом и буддисты, которым сочинения на корейском языке были нужны для миссионерской деятельности среди простонародья. Наконец, многие оценили и возможности, которые новый алфавит предоставлял для изучения иероглифики — фонетические символы позволяли передавать корейское произношение иероглифов с невиданной доселе точностью.

Однако со смертью Седжона и постепенным усилением идеологических позиций неоконфуцианства интерес к новому алфавиту заметно снизился. Вплоть до начала XVII в. количество текстов, написанных корейским алфавитом, было невелико, и владели этим письмом лишь немногие. Массовое распространение корейского алфавитного письма началось уже после Имджинской войны, и во многом отражало те изменения, которые произошли в Корее в XVII—XVIII вв., когда в стране появился массовый читатель. Главными потребителями художественных произведений, написанных на корейском языке, стали женщины из янбанских семей и зажиточные простолюдины, которые плохо владели древнекитайским и в силу этого не могли читать «высокую» литературу. Среди янбанской элиты до самого конца XIX в. сохранялось пренебрежительное отношение к этим текстам: неслучайно корейский алфавит верхушка иронически именовала «бабьим письмом».

Тем не менее, это презрение не мешало бурному развитию книгоиздания на корейском языке. Еще в начале XVI в. появился

первый перевод китайского романа на корейский, а к концу XVII столетия литература на корейском языке получила всеобщее распространение. Немалую роль в этом сыграли Хо Гюн (1569—1618) и Ким Ман Джун (1637—1692) — блестяще образованные конфуцианские интеллектуалы, которые пошли наперекор тогдашним настроениям «образованной публики» и стали писать прозу на простонародном языке. История литературы на корейском языке началась именно с романа Хо Гюна «Сказание о Хон Гиль Доне», в котором была затронута одна из самых острых тем того времени — дискриминация, которой подвергались дети янбанов от наложниц. Немало намеков на текущую политику и приличные интриги современники находили и в произведениях Ким Ман Джун — в его романе «Облачный сон девяти» и, особенно, в повести «Странствия госпожи Са по югу». Читая о страданиях этой жены, которую изгнала из дома коварная наложница, современники не могли не вспомнить о том, что находящийся на тотале ван Сукджон тоже недавно изгнал свою жену и сделал новой супругой недавнюю наложницу. В этом нет ничего странного — и Хо Гюн, и Ким Ман Джун были крупными государственными деятелями, которые сами активно участвовали в политической борьбе. Однако их произведения являлись, отчасти, исключениями: большинство романов на корейском языке не были написаны, и имена их авторов остались неизвестными потомкам (так были неизвестны они и большинству современников). Строго говоря, во многих случаях даже не приходится говорить об индивидуальном авторстве: переписчики и издатели переделывали и крапали романы на свой вкус, так что наиболее популярные произведения известны во множестве отличающихся друг от друга версий.

Разумеется, вкусы простонародной аудитории оказывали влияние на характер литературы. Среди книг на корейском языке преобладали произведения развлекательных жанров, главным образом романы, сочетавшие напряженный приключенческий сюжет с элементами нравоучительной дидактики. Лучший образец подобного произведения — анонимная «Повесть о верной Чхун Хян», датированная в начале XVIII в., вероятно, на основе баллады — чансори. Повесть эта неоднократно переделывалась и перерабатывалась, а в более поздние времена послужила основой для множества киносценариев, оперных и балетных либретто. И поныне содержание «Повести о верной Чхун Хян» знает каждый кореец (хотя, как правило, он знаком с ней в современном пересказе-переработке). Речь в повести идет о любви Чхун Хян, дочери отставной куртизанки-кисэн, и молодого янбана Ли То Рёна. Ли То Рён отправляется в столицу сдавать экзамены, а Чхун Хян тем временем упорно отвергает притязания нового начальника уезда, от которого она — всего лишь строптивая куртизанка. Чхун Хян оказывается в тюрьме, выносит пытки, но не сдается. В конце

концов Ли То Рён, успешно сдавший экзамены, появляется и уезде в качестве специального правительственного уполномоченного, и спасает возлюбленную. Повесть оканчивается счастливым соединением любящих сердец.

При всех своих успехах проза на корейском языке воспринималась большинством образованных корейцев как развлекательное чтение для простонародья. Отношение к поэзии на родном языке было иным. Традиция составления стихов на корейском языке существовала в Корее еще со времен Трех Государств, когда появились и были записаны (методом «лиду») стихотворения в жанре хянга. Традиция эта продолжалась и во времена династии Ли, когда стихотворения на корейском языке создавались многими представителями янбанской элиты. Поэты той эпохи часто писали на двух языках — на корейском и древнекитайском. Наиболее типичными для корейской поэзии эпохи Чосон жанрами были каса и сиджо. Каса возникли как развитие народной песни и представляли из себя довольно большие произведения. Однако наибольшее распространение получили сиджо — жанр, который стал развиваться в конце эпохи Корё, но по-настоящему популярным стал в эпоху Ли. Классические сиджо — это краткие трехстрочные стихотворения, в которых обычно 44—46 слогов. Первая строка вводит тему, вторая ее развивает, в третьей содержится какое-то неожиданное ее заключение. Среди наиболее известных авторов сиджо следует упомянуть Юн Сон До (1589—1617) и Син Хым (1566—1628).

Конец XVII в. стал временем появления нового поэтического музыкального жанра — пхансори. Пхансори представлял собой длинную песню-балладу, которая исполнялась певцом или певицей под аккомпанемент барабанщика. Именно из пхансори попали в корейскую литературу многие сюжеты, в том числе и история о верной Чхун Хян.

Параллельно с литературой на корейском языке продолжала развиваться и литература на древнекитайском, рассчитанная на более взыскательную аудиторию. Среди элиты популярностью пользовалась не столько художественная литература в нашем нынешнем понимании, сколько разнообразные эссе (пристрастие к этому жанру корейцы сохранили до сих пор). Впрочем, между «высокой» и «низкой» литературой не существовало непреодолимых преград: китайские романы часто переводились на разговорный корейский и издавались алфавитной письменностью, а авторы многих произведений на ханмуне черпали образы и сюжеты народного творчества. Характерной чертой прозы на древнекитайском стало появление многочисленных сатирических повестей авторами которых часто выступали сирхакисты. Разумеется, продолжали писать стихи на ханмуне (хан си) — ведь каждый образованный кореец должен был владеть сложными правилами классического китайского стихосложения.

Президент КНДР
Ким Ир Сен (1912—1994)

Встреча в Пхеньяне руководителя КНДР Ким Чен Ира
и президента РК Ким Дэ Чжун (в июне 2000 г.)

Фреска «Охота» (период Когуре)

Деревянные блоки для печатания книг (период Коре)

насмешек у художников традиционного направления, занятых изображением поэтических гор, изящных хризантем и причудливых сосен. Они не понимали, почему многие молодые живописцы не интересуются этими высокими образами, а вместо этого предпочитают изображать сцены вульгарные и низкие — придорожные кабачки, подвыпивших крестьян или отправившихся на прогулку куртизанок. Основателями корейской жанровой живописи были Син Юн Бок (1758—?) и Ким Хон До (1745—1806). Другим важным новшеством рубежа XVIII и XIX вв. стало освоение корейскими художниками некоторых технических приемов западной живописи (светотень, перспектива и др.), сведения о которых проникали в страну через Китай.

Продолжалось развитие архитектуры, которая находилась под влиянием как традиций эпохи Корё, так и достижений архитектуры других стран Восточной Азии. В эпоху Чосон в Корее строилось мало монастырей, но зато в XV в. в Сеуле было возведено несколько крупных дворцовых комплексов. Все они в той или иной степени пострадали во время Имджинской войны и маньчжурских вторжений, но в XVII в. были частично восстановлены. Правление тэвонгуна ознаменовалось активным строительством, в первую очередь, реставрацией дворца Кёнбоккун, который был фактически построен заново. Сеульские дворцы представляли собой садово-парковые комплексы, их сравнительно небольшие павильоны располагались среди огромного ландшафтного парка, который отделялся от города высокой каменной стеной.

Дома в Корее возводились на каменном основании, но главным материалом для них все-таки служило дерево, поэтому сохранились лишь немногие строения первых веков династии Ли. В особенности это относится к жилищам рядовых корейцев — небольшим мазанкам под соломенной крышей. В наши дни можно увидеть несколько помещичьих усадеб и официальных построек, в основном относящихся к XVIII—XIX вв. В начале XV в. был принят закон, который устанавливал максимальные размеры жилищ для представителей разных социальных групп, однако после Имджинской войны этот закон перестали соблюдать. Дома зажиточных корейцев в плане представляли прямоугольник, отгороженный от внешнего мира каменной стеной. В центре прямоугольника находился большой двор, по периметру которого располагались собственно жилые помещения (часто в виде отдельных построек-павильонов). Богатая усадьба делилась на две части — мужскую и женскую, как правило, отделявшиеся друг от друга внутренней стеной. Все здания были одноэтажными, с массивными черепичными крышами, которые опирались на несущие колонны и сложную систему балок. Характерной чертой жилых помещений и в богатых, и в бедных домах был ондолъ — своеобразная и очень эффективная система отопления: теплый воздух и дым от очага проходили по системе проложенных под каменным полом дымоходов, нагревая таким образом пол.

В декоративно-прикладном искусстве эпохи Чосон важнейшее место по-прежнему принадлежало керамике. Правда, производство знаменитого корёского селадона прекратилось, и ему на смену пришел его упрощенный вариант — керамика пунчхон. Однако, при всем сходстве, пунчхон уступала селадону и в техническом, и в эстетическом отношении. Производство пунчхон также прекратилось к концу XVI в., ко времени Имджинской войны. С этого времени основным видом качественной керамики в Корее стал белый фарфор, изделия из которого часто расписывали (обычно синим кобальтом). Из других видов прикладного искусства, которые успешно развивались в эпоху Чосон, следует отметить инкрустацию перламутром и резьбу по дереву.

Эпоха Чосон стала периодом крупнейших перемен в культуре корейского народа. Многие достижения мастеров художественного слова, художников, скульпторов, архитекторов пользовались славой не только в самой Корее, но и в соседних странах, особенно в Китае и Японии.

Упадок буддизма привел к кризису корейской скульптуры, так как основными ее заказчиками были буддийские храмы. Несколько пострадала и архитектура, храмовое строительство почти прекратилось. Однако на развитие других изобразительных искусств упадок буддизма не повлиял. По китайскому образцу в 1392 г. в Корее была создана Академия художеств (Тохвасо), просуществовавшая вплоть до конца XIX в. Для того, чтобы стать ее членом, следовало сдать специальный экзамен. Принятые в Академию художники получали жалованье и официально считались чиновниками-специалистами. Юридически они находились в том же положении, что и чуньины — ниже «настоящих» янбанов, но выше простолюдинов. Художники Академии писали портреты должностных лиц, расписывали правительственные здания, изображали официальные церемонии — эти изображения тогда играли роль своего рода фотохроники. Доводилось членам Тохвасо выполнять и иные поручения, для которых требовалось мастерство рисовальщика — например, иногда их включали в состав посольств, дабы они, находясь за границей, делали зарисовки крепостей и перевалов. Занимались они и «искусством для искусства». Художники Тохвасо считали себя продолжателями традиции живописи китайской династии Северная Сун (X—XII вв.), для которой было характерно внимание к графике и яркому колориту.

Другим направлением в корейском изобразительном искусстве была «живопись дилетантов». Многие представители интеллектуальной элиты занимались живописью для собственного удовольствия. В конце концов, живопись была очень близка к такому достойному занятию, как каллиграфия. Занимающиеся живописью на досуге конфуцианские бюрократы-интеллигенты создали немало интересного. Менее связанные канонами, чем профессионалы, побитые активно изучали новые стили, появлявшиеся в китайском искусстве, и способствовали их проникновению в Корею.

И профессионалы, и любители занимались, в первую очередь, «высоким искусством». Большинство картин представляли собой пейзажи (обычно — вымышленные, условные), натюрморты с изображением цветов и птиц, интерьеры ученых кабинетов, стилизованные изображения даосских святых и монахов. Заметное развитие получил в эпоху Ли портрет — и официальный, и интимный. Серьезные перемены в корейской живописи произошли в XVIII в., когда многое менялось во всем корейском обществе.

Начало столетия ознаменовалось появлением реалистического пейзажа. Основателем этого жанра в Корее был Чон Сон (1676—1759), творчество которого было посвящено горам Кымгансан. У Чон Сона нашлось немало продолжателей как среди членов Тохвасо, так и среди художников-любителей. Конец XVIII в. был отмечен появлением и невиданным расцветом еще одного нового жанра — бытовых зарисовок. Этот жанр поначалу вызывал немало

Глава XIX

КОРЕЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. РЕФОРМЫ ТЭВОНГУНА

1. Правление янбанских кланов

Смерть вана Чонджо в 1800 г. ознаменовала начало последнего (и весьма драматичного) этапа в истории династии Ли. Впрочем, в 1800 г. мало кто мог предполагать, что после более чем трехвекового правления династия вступит в полосу постепенного упадка и заката. Ситуация и в самой стране, и во всей Восточной Азии выглядела стабильной и предсказуемой. Полтора века Корея жила в условиях мира, не нарушаемого ни внешними войнами, ни крупными восстаниями внутри страны. В своей внешней политике страна ориентировалась на Китай, который, казалось, находился на вершине своего могущества. Внутри страны все было относительно спокойно. Конечно, продолжались дворцовые интриги, но без них не обходились даже самые удачные эпохи. Усилиями Ёнджо и Чонджо власть ванов заметно укрепилась, бюрократия работала более эффективно, чем прежде, торговля и ремесло успешно развивались. Однако это внешнее спокойствие и стабильность были обманчивыми.

В 1800 г. на трон вступил сын вана Чонджо, ван Сунджо (1801—1834), которому тогда было всего лишь 10 лет. В 1802 г. шестилетнего вана женили на дочери его наставника, Ким Джо С'уна, представителя влиятельного клана андонских Кимов. Вскоре правитель оказался плотно окружен родственниками жены, которые заняли многие ключевые посты в государственном аппарате. Наследник Сунджо был женат на представительнице другого влиятельного янбанского клана — пхунъянских Чо, которые сумели воспользоваться этим в интересах собственного продвижения. На протяжении последующих десятилетий в высшем эшелоне корейской бюрократии шла борьба между этими двумя кланами (впрочем, до кровопролития дело не доходило, конфликты обычно разрешались методами подковерной бюрократической интриги). В большинстве случаев андонские Кимы одерживали верх.

Наследник Сунджо умер, не побывав на престоле, и был провозглашен ваном посмертно. Ему на смену пришел его сын, будущий ван Хонджон (1834—1849). Хонджон вззошел на престол в возрасте 8 лет. В 1840 г. его, подобно деду, также женили на девишке из андонских Кимов, что, разумеется, еще более укрепило

власть этого клана. Хонджон умер бездетным, и новым ваном стал 17-летний Чхольджон (1849—1863), правнук Ёнджо и троюродный дядя покойного Хонджона. Для самого Чхольджона такой поворот событий был полнейшей неожиданностью: будущий монарх вел жизнь небогатого провинциального янбана на Канхвадо и был совершенно не готов к престолу (по преданию, Чхольджон пахал свое поле, когда к нему прибыли гонцы из Сеула). То очевидное обстоятельство, что новый ван не был достаточно подготовлен к новым обязанностям, дало андонским Кимам предлог для того, чтобы на несколько лет установить в стране регентство. За это время юношу, конечно же, женили на девушке из андонских Кимов, и, таким образом, Чхольджон стал третьим корейским ваном, супруга которого происходила из этого рода.

Главной особенностью правящих кланов была нестабильность их положения. Те чиновники, которые заняли важные посты благодаря личным связям с андонскими Кимами или пхунгянскими Чо, отлично понимали, что рано или поздно они окажутся оттесненными от власти, и вели себя соответствующим образом: коррупция в первой половине XIX в. достигла небывалых масштабов. Вдобавок, нестабильность во дворце означала, что правительство было неспособно проводить последовательную долгосрочную политику в какой бы то ни было сфере.

Проявлением кризиса стало крупное восстание, которое вспыхнуло на севере Кореи, в провинции Пхёнан, в 1811 г. Во главе его стоял Хон Гён Нэ, мелкий янбан, потерпевший неудачу на экзаменах на государственную чиновничью должность. В Корее, как и в других конфуцианских государствах, именно из этой социальной группы часто выходили лидеры антиправительственных выступлений. Хон Гён Нэ задумал провозгласить собственную династию, которая, как он обещал (а, возможно, и сам верил в это) установит в Корее «справедливые» порядки. Как и в 1728 г., во время выступления Ли Рин Чхве, в восстании приняли участие представители многих общественных групп, которые ставили перед собой разные — зачастую принципиально несовместимые — цели. В первую очередь Хон Гён Нэ поддержала местная элита, недовольная тем неравноправным положением, в котором находились выходцы из северных провинций. Уроженцы провинций Пхёнан и Хамгён, действительно, подвергались серьезной дискриминации, в особенности во время экзаменов на чиновничью должность. К восстанию примкнули и многочисленные крестьяне, которые таким образом рассчитывали улучшить свое положение, а также рабочие рудников и приисков. С конца 1811 г. эмиссары Хон Гён Нэ разъезжали по провинции, распространяли прокламации и призывали всех вступать в армию повстанцев. Вступившие проходили подготовку в созданных повстанцами лагерях. Непосредственное выступление произошло в самом начале

1812 г., а к середине февраля 1812 г. отряды Хон Гён Нэ контролировали почти всю провинцию Пхёнан.

Правительство немедленно пошло на уступки. От имени вана был составлен манифест, в котором власти обещали покончить с дискриминацией выходцев из северных провинций. На север был отправлен рис из государственных запасов, который предназначался для раздачи недовольным. Одновременно корейский двор, прекрасно зная, что сама корейская армия неспособна к масштабным операциям, обратился к Китаю за военной помощью. Китайские войска были действительно посланы в Корею, но правительство смогло справиться с восстанием самостоятельно. В феврале—марте 1812 г. отправленные из Сеула войска нанесли повстанцам ряд поражений и осадили крепость Чонджу, в которой укрылись Хон Гён Нэ и его ближайшее окружение. После продолжительной осады крепость была взята штурмом 29 мая 1812 г. Хон Гён Нэ погиб в бою, и в течение последующих нескольких недель восстание было окончательно подавлено.

Восстание Хон Гён Нэ не было изолированным инцидентом. В 1813 г. произошло восстание на о. Чеджудо, а в 1816 г. волнения были спровоцированы еретической буддистской сектой. Все это показывало, что ситуация в стране постепенно выходит из-под контроля. Воспитанные в духе традиционного конфуцианского взгляда на историю, многие современники начинали подозревать, что династия Ли исчерпала отведенный ей Небом срок правления — ведь, как учил еще Мэнцзы, ни одна династия не существует вечно: рано или поздно любой правящий дом ждет упадок и гибель. Ощущение кризиса постепенно распространялось по стране.

Показателем идеологического кризиса стал все более заметный интерес к христианству. Периодические кампании по «искоренению западной ереси» не могли остановить роста католической общины, среди членов которой было немало выходцев из интеллигентной и политической элиты. Другой реакцией на кризис (а также на распространение католицизма) стало возникновение учения «тонхак» («восточное учение»), вобравшего в себя компоненты буддизма, конфуцианства, христианства и корейского шаманизма. Основателем «тонхак» стал Чхве Дже У (1824—1864), выходец из обедневшей янбанской семьи, получивший неплохое традиционное образование и проведший свою юность в странствиях по стране. В 1860 г., после явившегося ему «видения», Чхве объявил себя пророком и начал проповедь новой религии. Ареной деятельности Чхве Дже У были его родные места — юг Корейского полуострова. С самого начала проповедь энергичного и харизматического лидера пользовалась большим успехом, и к концу 1860-х гг. у Чхве уже были тысячи учеников. Однако деятельность Чхве Дже У продолжалась недолго: в начале 1864 г. он был арестован и казнен за подстрекательство к мятежу и пропаганду христианства (чиновники, напуганные растущей популярностью «за-

падной ереси», не собирались вдаваться в детали и считали христианством любой монотеизм). Однако его учение продолжало набирать популярность, в чем немалую роль сыграл ученик Чхве Дже У, Чхве Си Хён (1827—1898), который в последующие годы сумел создать разветвленную полулегальную организацию сторонников «тонхак».

Из христианства, помимо идеи монотеизма, «тонхак» заимствовало наименование своего божества — «Чхонджу» («Небесный Владыка»). Именно так называли своего бога авторы доступных Чхве Дже У католических сочинений на древнекитайском языке. Некоторое влияние оказал на «тонхак» и христианский эгалитаризм, представление об изначальном равенстве людей перед богом. Однако в целом учение Чхве Дже У было полемически настроено против христианства, которое для Чхве было, как он сам подчеркивал, религией западной агрессии. О полемике с христианством свидетельствует само название «тонхак», то есть «восточное учение» (христианство в Корее тогда часто именовали «западным учением»). В основе религиозных взглядов Чхве Дже У лежал постулат о том, что любой человек содержит в себе божественный элемент и, в определенном смысле, равен богу. На этом основании сторонники «тонхак» недвусмысленно выступали против социальной дискриминации и сословной системы. Чхве Си Хён говорил: «Любой человек равен Небу, и все люди равны. Между людьми нет различий, различия между верхами и низами нарушают законы Неба». Этот эгалитаризм привлекал к «тонхак» представителей низов. (Подробнее см. I гл. XX.)

Еще одним подтверждением нарастающей нестабильности положения в стране стала беспрецедентная серия восстаний, произошедших по полуострову в начале 1860-х гг и охвативших практически всю южную и центральную Корею.

2. Начало колониальной экспансии

В этих непростых условиях у власти оказался Ли Ха Ын (1820—1898), один из самых ярких государственных деятелей эпохи Чосон. В 1864 г., когда умер бездетный ван Чхольджон, регентом, по обычаю, стала старшая из вдовствующих королев, жена так и не взошедшего на престол наследника Сунджо — Инджона (он получил «храмовое имя», так как был провозглашен ваном посмертно). Она происходила из рода пхуньянских Чхве, именно этот клан рассчитывал воспользоваться ситуацией. Среди нескольких возможных кандидатов на престол из числа отпрысков правящей династии регентша сознательно выбрала 11-летнего мальчика, который известен под своим тронным именем Коджон. Немалую роль в этом выборе сыграла и молодость кандидата на престол, и то обстоятельство, что его отец, Ли Ха Ын, имел репутацию гуляки и человека, весьма далекого от политики. Сторонники рассчитывали, что они без труда смогут манипулировать

полетным ваном и его легкомысленным отцом. Однако они достигли явный просчет. В первые же месяцы своего правления Ха Ын жестко отстранил от власти всех реальных и потенциальных противников и стал единственным регентом при своем полетнем сыне, то есть, фактически, полновластным правителем страны. Ли Ха Ын более известен под титулом тэвонгун. Этот титул присваивался отцу вана, который, однако, сам не был ваном (при том законодательстве о престолонаследии, которое существовало в эпоху династии Ли, подобная ситуация возникала редко).

Тэвонгун понимал, что положение страны — критическое. Необходимо было многое менять и в экономике, и во внутренней политике, и, главное, в политике внешней. Новый правитель был склонен к решительным переменам. Реформы тэвонгуна в первую очередь были попыткой (как стало ясно, запоздалой) восстановить авторитет и влияние центральной власти, нарушенные за годы правления кланов. Он также стремился упорядочить налоговую политику. Вскоре обстоятельства заставили тэвонгуна всерьез заняться и внешнеполитическими вопросами.

В первые годы правления тэвонгун сосредоточил свои усилия на проблемах финансовой и налоговой политики. В частности, он сделал то, что столетием ранее не смог сделать — заставил янбанов платить военный налог. К тому времени это было уже легче — число янбанов увеличилось настолько, что воспринимать их как привилегированное и правящее сословие становилось все труднее. В ходе реформы пришлось пойти на ограничение многих привилегий членов правящего сословия. Тэвонгун решил всерьез заняться и проблемой совонов — финансовых «храмов славы», количество которых к тому времени достигло 500. В распоряжении совонов находились заметные земельные владения (около 5% всех облагаемых налогом площадей). Совоны давно превратились в центры местных бюрократических группировок, которые, с точки зрения центральной власти, были источником различных проблем. Вопрос об ограничении влияния «храмов славы» неоднократно поднимался еще с XVII в., но все попытки что-то сделать в этой области саботировались бюрократией и местной элитой. И только тэвонгун, действуя в своем собственном жестком стиле, сумел ограничить влияние «храмов».

Внутренние реформы были очень важны, но ситуация сложилась таким образом, что наибольшее значение имели решения тэвонгуна в области внешней политики. К середине XIX в. обстановка в Восточной Азии коренным образом изменилась. В мире началась эпоха колониальных захватов. Динамичные и агрессивные страны капиталистической Европы, стремясь к контролю над внешними рынками и сырьевыми ресурсами неевропейского мира, начали создавать свои империи. Индустриальная революция обеспечивала странам Запада гигантское военно-техническое превосходство над традиционными, докапиталистическими общества-

ми. Победы над менее развитыми государствами и племенами Азии и Африки давались относительно легко, и главным препятствием при завоеваниях были, скорее, расстояние и климат, а не плохо вооруженные местные армии.

История колониальной экспансии в Восточной Азии началась с «опиумной» войны 1839—1842 гг. В ходе войны китайская империя потерпела сокрушительное поражение от немногочисленного английского экспедиционного корпуса. Известие об этом вызвало шок в Корее. Еще большим шоком стало известие о второй «опиумной» войне 1856—1860 гг., в ходе которой англо-французские войска овладели Пекином и вынудили императорский двор бежать из столицы (одно время в Сеуле даже ожидали того, что китайский император попросит убежища у Кореи). Узнали в Корее и об «открытии» Японии, которой пришлось выйти из самоизоляции и открыть свои порты для торговли с Западом. «Западные варвары», о которых корейцы, в общем-то, кое-что слышали и раньше, но которых не принимали всерьез, оказались куда опаснее, чем традиционный враг — кочевники степей. По-прежнему, что известия о все более частом появлении у корейских берегов странных кораблей «западных варваров» вызывали беспокойство в стране, которая почти два века была полностью изолирована от внешнего мира.

Действительно, с 1840-х гг. у берегов Корейского полуострова все чаще стали появляться корабли западных государств — английские, французские, российские. Обычно их экипажи занимались разведочно-гидрографическими исследованиями, составляли карты побережья, но иногда пытались вступить в контакт с местными властями. В некоторых случаях капитаны кораблей действовали по своей инициативе, а иногда выполняли инструкции, полученные из далеких европейских столиц. Иностранцы выдвигали стандартные для того времени требования: они пытались добиться от корейских властей разрешения на торговлю. Как правило, корейцы со всей возможной вежливостью выпроваживали незваных гостей. Однако корабли появлялись все чаще, а требования становились все настойчивее, поскольку, с точки зрения западных держав, продолжающаяся изоляция Кореи после «опиумных» войн и открытия Японии выглядела абсолютным анахронизмом.

В 1832 г. при правлении вана Сунджо у побережья провинции Чхунчхон на южной оконечности полуострова бросило якорь британское военное судно, капитан которого пытался установить с корейской стороной торговые отношения. Спустя 13 лет, уже при правлении вана Коджона, в территориальные воды Кореи вновь вошел британский военный корабль под предлогом проведения топографических и гидрографических измерений. И вновь капитан вооруженного судна добивался от корейских властей заключения соглашения о торговле.

От английских разведывательных мореплаваний в Восточную Азию стремились не отставать французы и американцы. В 1846 г.

французская боевая эскадра в составе трех кораблей совершила первое поисковое плавание близ побережья провинции Чухнчхон, позволившее собрать обширные данные стратегического характера

С самого начала правления тэвонгун стремился усилить политику самоизоляции, проводившуюся его предшественниками. С его точки зрения, Корея не должна была иметь никаких сношений с «западными варварами», а любые попытки давления с их стороны следовало решительно отвергать. В этой политике тэвонгуна поначалу поддерживало большинство янбанской элиты. В 1860-е гг. среди неоконфуцианской интеллигенции распространилось движение «защитим истину, изгоним ересь» («виджон чхок-си»), сторонники которого выступали против представителей любых неортодоксальных течений и требовали от властей защищать «чистоту Кореи» как главного оплота истинного конфуцианства. (Именно эта приверженность политике самоизоляции и поныне делает тэвонгуна одним из любимых персонажей тех корейских авторов, которые склонны видеть во всем внешнем мире источник опасности и моральной деградации). Однако у этой политики был один существенный порок — она была во многом негибкая и исторически обречена, хотя и сам тэвонгун, и окружающие его неоконфуцианские идеологи вряд ли осознавали это.

Глава XX

КРИЗИС И УПАДОК ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОРЕЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

1. Кризис системы янбанского деспотизма

В апреле 1854 г. моряки российского военного корабля «Фрегат Паллада» впервые узрели корейский берег о. Комундо. Новая, неизведанная земля и ее обитатели были загадочны и непонятны для мореплавателей, следовавших на соседние Японские острова. Местные старейшины, с которыми пришлось общаться путем начертания на сыром песке китайских иероглифов, были подчеркнуто вежливы, но наотрез отказались принять подарок кусок добротного синего сукна. На борту фрегата находился русский писатель И.А.Гончаров, на которого Корея произвела впечатление крайне бедной и малопродуктивной страны. Правда, русский писатель высоко оценил внешний облик и манеры корейцев, из которых, наверняка, вышли бы «славные солдаты», а полагая, «они заражены китайской ученостью и пишут стихи», не без легкой иронии рассуждал россиянин. Разумеется, не менее странным, а главное таинственным было первое живое восприятие российских мореплавателей со стороны коренных обитателей Комундо. Для них это был не только далекий, но и чуждый мир, в котором нет места их традиционным ценностям и поступкам. Не случайно в российских моряков полетели камни и свинчатки, и что пришлось ответить ружейной дробью. Таким драматическим оказался один из многих эпизодов «открытия» Корейского полуострова внешним миром в середине XIX века.

Между тем таинственная Корея за века своей этнокультурной истории сохранила свою идентичность в междоусобных войнах и самоуничтожении, избежала поглощения и ассимиляции со стороны «китайского дракона» и продолжала нести в себе вечное генетическое ядро саморазвития. Но к середине XIX в. продвижение корейского этноса в будущее, его потенциал обновления и сопротивления начинают медленно гаснуть и тускнеть. Военачальники, дипломаты, министры да и сам корейский монарх, отпрыск династии Ли, взошедшей на трон пять столетий назад, оказались в состоянии противостоять внешней экспансии прежде всего силу глубокой внутренней деградации, «естественного» заката которому, вероятно, приходит всякая деспотия во все время всемирной истории.

Ко времени первых попыток силой «открыть» Корею (начиная с 30-х годов XIX в.) режим феодальной деспотии в Корее подошел к рубежу глубокого политического, экономического и социального кризиса. В аграрной сфере, представлявшей основную отрасль хозяйствования, неуклонно росло частнопомещичье землевладение за счет свертывания государственного и экспроприации собственности мелких земледельцев. Тяжелый ущерб казне наносила система освобождения крупных феодалов, приближенных к правящему клану, от налогообложения. (К середине XIX в. эта привилегия распространилась почти на 50% помещичьих земель). Концентрация земель в руках крупных помещиков не сопровождалась, однако, соответствующим ростом капиталистических отношений, основной фигурой в деревне становились безземельные арендаторы и батраки. Так, только в провинции Чолла на юго-западе Кореи из каждых 100 крестьянских дворов лишь 25—30 вели хозяйство на своих участках. В их число входила узкая прослойка помещичьих богатеев — тхоко (около 5% дворов), сосредоточившая в своих руках основные доходы от земледелия и торговли. Однако основная тяжесть государственного налогообложения приходилась на бедноту или часть населения, которая непосредственно обрабатывала землю. К этому времени в стране было введено более 40 видов налогообложения в казну.

Среди удушающих поборов в пользу казны особенно обременительными были военный налог холстом, натуральные поставки продуктов земледелия и рыболовства двору («чинсан»), налог «анпок» (погашение зерновой ссуды), обязательная трудовая повинность и др. Численность обязательных плательщиков налога холстом в начале XIX в. превышала 2 млн человек при общем населении 7—7,5 млн человек. Невиданных масштабов достигли взяточничество и коррупция среди чиновничества. На казенные склады поступало нередко лишь менее половины реально собранного натурального налога. С 1813 г. был принят чрезвычайный правительственный указ, предусматривающий смертную казнь чиновников-казнокрадов. Над особо провинившимися чиновниками проводились показательные экзекуции. Но и эта крайняя мера не остановила невиданного казнокрадства в стране.

Кризис феодального хозяйства, которое крайне медленно и с невероятным трудом переходило от натуральных отношений к товарно-денежным и рыночным связям, проявлялся во всех сферах жизни общества. Нехватка продовольствия, голод, эпидемии, массовое бегство крестьян от невыносимого гнета — наиболее характерные черты внутреннего положения в Корее на протяжении почти всего XIX в. Согласно далеко не полным сведениям, общая площадь заброшенных или пострадавших от стихийных бедствий земель в Корее только за период с 1804 по 1854 г. выросла с 16 тыс. кёль до 472,6 тыс. кёль, что составляло примерно одну пятую общего земельного фонда страны. Соответственно, резко замедлился естественный рост народонаселения. Общая числен-

ность населения страны за период с 1807 по 1835 г. сократилась с 7,5 млн человек до 6,4 млн человек и оставалась на этом уровне еще длительное время.

Социально-экономическая политика феодальной деспотии вступала в острое противоречие с интересами нарождающегося торгово-ростовщического капитала, новых зажиточных слоев деревни, владельцев мануфактур (мульгу), представителей служилых средних слоев, разорившихся янбанов. Мульгу, выделявшиеся в основном из рядов обуржуазивающихся янбанов, тхоко, аграрной верхушки, создавали предприятия по добыче руды, производству металлоизделий, тканей, изделий из кожи, строительных материалов, повозок, сельхозинвентаря, керамики, различных изделий домашнего обихода, по переработке морепродуктов и женьшеня. Все это стимулировало развитие товарно-денежных отношений, постепенное формирование новой торгово-предпринимательской верхушки, выступившей за реформирование всей системы феодального монополизма. Уже к середине XIX в. в стране сформировалась узкая, но влиятельная прослойка крупных торговых домов — «сиджон», в число которых входили торгово-предпринимательские кланы Сон Джон, Ли До Гю, Мин Ён Чхун, Ким Гэ Хён, Ким Со Ун и др. Крупный торговый капитал был объективно заинтересован в преодолении политики изоляции страны от внешнего мира, которую настойчиво и упорно проводила феодально-монархическая власть. В этом плане смело можно говорить о том, что «открытие» Кореи европейцами в XIX в. объективно перекликалось с интересами нарождающихся крупных торгово-предпринимательских группировок страны.

Таким образом, ко второй половине XIX в. ключевой проблемой всего корейского этноса, более или менее успешно отражавшего на протяжении многих столетий экспансию со стороны Японии и Китая, становится радикальная модернизация общества, собиравшие все национальные силы вокруг идеи спасения отечества. (Судя по всему, именно подобного рода патриотический дух привел, к примеру, в соседней Японии к радикальным буржуазно-революционным по своему содержанию реформам Мейдзи, определившим грядущую судьбу японской нации на столетие вперед). Однако внутренняя эволюция в Корее в условиях исключительной живучести янбанской деспотии и раздробленности носила совершенно иной, по существу деструктивный характер. Политический и социальный строй позднефеодальной Кореи к началу колониальной экспансии оставался стабильно законсервированным вследствие вековых, преимущественно конфуцианских, традиций, и клановых барьеров и янбанско-сепаратистского производства. Наследственная монархическая власть вана слабо цементировала корейское общество, которое раздиралось междоусобным соперничеством придворных группировок и местных правителей-сепаратистов. Нарастали социально-политические раздоры между консервативной частью янбанов и новыми капитализирующими

сложения — тхоко, мульгу и др. Одна провинция за другой втягивалась в полосу стихийных народных восстаний.

В такой кризисной ситуации в рядах господствующего класса янбанов выделяется течение, предпринявшее отчаянную попытку частичной модернизации «сверху» управления политическими и социальными процессами в стране. В 1864 г. престол в Корее де-юре перешел к малолетнему вану Коджону и де-факто к его отцу Ли Ха Ыну, выдвинутому высшим дворянским сословием на временный пост королевского регента-тэвонгуна. Новая правящая группировка пыталась осуществить ряд остро назревших социально-политических и экономических преобразований: устранить наиболее одиозные наследственные привилегии верхней прослойки янбанов, расширить частично права земледельцев, ремесленников и низшего чиновничества; реформировать и частично перевооружить армию и военно-морской флот, приблизив их к реальным задачам обороны страны; ограничить казнокрадство государственного чиновничества, укрепить финансовую базу казначейства, закрыть школы совонов, представлявшие политико-идеологические центры янбанско-конфуцианского консерватизма.

Реформа конфуцианско-храмовой системы была немалым достижением тэвонгуна на пути укрепления централизованной государственной светской власти. В итоге основательных преобразований многие земли совонов отошли к казне, а с оставшихся они были обязаны (с 1865 г.) наравне со всеми землевладельцами платить налоги казне.

Первые реформы тэвонгуна, начавшиеся «сверху», породили немалые надежды в патриотических слоях корейского народа. Они таили в себе реальные возможности усиления централизации власти, повышения экономического потенциала государства, укрепления его обороноспособности в условиях нарастающей внешней угрозы. Однако господствующий класс янбанов, как это уже не раз было в прошлом, не сумел осмыслить необходимость модернизации общества и государства. Тэвонгуну и его сторонникам прогивостояла довольно влиятельная феодально-сепаратистская оппозиция, выступившая под демагогическими лозунгами сохранения традиций, национальных обычаев и других самобытных ценностей.

Проявляя непоследовательность в проведении назревших преобразований и вынужденный лавировать под давлением консервативной оппозиции, тэвонгун стал совершать противоречивые акции, которые резко обострили политический и социальный кризис в стране. В 1865 г. и без того обременительный военный налог был дополнен обязательной уплатой т.н. «кёльтуджона» в зависимости от размера земельного надела. Два года спустя власти ввели обязательные сборы за провоз в столицу королевства различных товаров (этому примеру немедленно последовали многие местные правители). Затем была предпринята попытка замены широкого натурального военного налога холстом новым денежным

подворным сбором — «хомходжон», который обязаны были платить представители всех сословий, включая янбанов. Тяжелым ударом по бедноте и средним слоям стала денежная реформа 1866 г., предусматривавшая замену старых монет (чон) на новые (танбекчон). Власти установили принудительный курс обмена 1:100, хотя реальное соотношение составляло лишь 1:5. В поисках путей экономии материальных и денежных средств были изданы декреты о запрете пользоваться в быту серебряной посудой, носить шелковую одежду и т.п. Нарушители подобных указов подвергались самым строгим наказаниям.

Острое социальное и политическое недовольство в народе вызвало ужесточение тэвонгуном несения принудительной трудовой повинности в масштабах всего государства. Эта крайне непопулярная акция была связана прежде всего с грандиозной стройкой по восстановлению знаменитого дворцового комплекса Кёнбонкун — основной резиденции королевской династии, разрушенной в период Имджинской войны. (Уникальный дворец был восстановлен к 1870 г. Из руин и пепла выросли главная королевская палата, церемониальная башня, ворота Канхва, другие великолепные шедевры корейской национальной архитектуры). Несмотря на разруху и кризис, возрожденный из руин Кёнбонкун призван был стать новым символом величия, силы и процветания правящей династии. Однако десятки тысяч крестьян и ремесленников, согнанные принудительно на «стройку столетия» из всех провинций страны, на себе испытывали пропасть и несправедливость в отношениях между дворцами и хижинами. В стремлении погасить рост народного недовольства тэвонгун пошел на крайний, возможно, самый недальновидный шаг: в 1864 г. власти г. Тэгу (Кенсан) бросили в тюремные застенки популярного вождя движения «тонхак» — Чхве Дже У. Предъявив народному герою обвинение в «государственной измене» за соучастие в распространении христианства, власти подвергли его высшей мере наказания — смертной казни. Но смерть народного лидера не остановила нарастания волны социального протеста в стране. Мученическая гибель Чхве Дже У в последующие десятилетия призывала к народной борьбе против деспотизма и бесправия масс.

Среди значительных народных волнений в начале второй половины XIX в. можно отметить стихийные крестьянские выступления в уездах Чинджу и Кэрён (провинция Кенсан), уездах Иксан, Хамхён и др. (провинция Чолла), а также в ряде уездов провинций Кенги, Чхунчхон и др. Непосредственным поводом для взрыва массового народного негодования были невыносимый налоговый гнет и дикий произвол при сборе налогов. В уезде Чинджу местный правитель направлял в населенные пункты специальные налоговые отряды, которые силой забирали в счет недоимок имущество земледельцев и ремесленников, выбивая с трудовых семей задолженность даже за их умерших родственников. Нередко возглавляемые разорившимися и оппозиционными к влас-

ям янбанами отряды восставших подвергали казни наиболее жестоких местных помещиков и сборщиков налогов, громили здания местных властей, уничтожали на кострах налоговые и земельные документы. В повстанческих отрядах насчитывалось от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Вооруженные в основном примитивными бамбуковыми копьями и дубинками восставшие с белой повязкой на голове вступали в неравные сражения с правителями. С помощью поспешно направленных из столицы частей регулярной армии стихийные народные выступления были подавлены, а их вожаки подвергнуты мучительным средневековым пыткам. Но власти и после этих трагических событий не сумели понять, почему так глупее, не хотели понять истинных причин народных волнений. Правительственная комиссия докладывала в Сеул, что причиной народного взрыва было неразумное поведение отдельных сборщиков подати. «Если бы среди чиновников были добродетельные люди, то восстание не вспыхнуло бы. Чиновникам следует признать свою вину и завоевать сочувствие народа», — говорили в указанном докладе.

Как и всякий другой стихийный социальный протест, антифеодалистическое в своей основе народное движение с середины XIX в. получает дальнейшее развитие в своеобразной полурелигиозной оболочке «тонхак», основоположником которого был казненный Чхве Дже У, выходец из оппозиционной к властям янской семьи из провинции Кёнсан, автор сочинения «Тонгён-дон» («Большой свод восточного учения») и других оригинальных трудов. Обладая разносторонними познаниями не только в области восточноазиатской, но и западнохристианской цивилизации, Чхве Дже У как бы заново обращался к гуманистическим истокам не только раннего конфуцианства, буддизма и даосизма, но и христианской социальной и мировоззренческой доктрины. В итоге соединения и взаимодополнения истинных принципов учений на свет появляется своеобразная межрелигиозная социально-политическая доктрина, оставившая заметное место в истории Кореи второй половины XIX века.

Некоторые российские и зарубежные востоковеды полагают, что якобы учение «тонхак» с начала своего появления противостояло не только бурно вторгавшемуся в страну католицизму, но и господствовавшей доктрине конфуцианства. С подобными суждениями трудно согласиться без существенных оговорок. Более справедливо говорить о «тонхак», как об уникальном межрелигиозном синтезе, соединившем в себе гуманистические компоненты дошедших к тому времени в Корею ценностей мирового религиозно-политического наследия.

Обращение к идейным истокам «тонхак» позволяет оценить всю многогранность и сложность задачи, которую решал основоположник нового учения, поскольку узловые положения отдельных религиозных школ заметно отличались друг от друга. Из конфуцианской традиции «тонхак» почти целиком берет учение о т.н. «пяти

житейских отношениях»: «жэнь» (человеколюбие); «и» (высший долг); «ли» (нормы поведения); «чжи» (знание) и «синь» (верность), которыми неизменно наделен в повседневной, реальной жизни «благородный человек» в отличие от неблагородного, низшего существа. Пытаясь разрешить данное противоречие в социальной доктрине конфуцианства, «тонхак» добавляет к нему буддистское учение «об очищении сердца» и принципы даосизма «об очищении тела от нравственной и физической нечистоты». В этом контексте сторонники «тонхак», как бы переводя человеческую жизнь из сферы сугубо мирской в сферу истинного духовного просветления и прозрения, вслед за буддистскими канонами утверждали, что истинная жизнь — это не земные телесные вожделения, а то, что рождается из нашей духовности, не уходит вместе с физической смертью, а связано с мудростью познания — единственной дорогой к бессмертию. Социально-мировоззренческую основу «тонхак» синтезированную из традиционных восточноазиатских религий причудливо венчает христианская концепция монотеизма — о едином космическом божестве — «Владыке Неба», являвшемся носителем идеи эгалитарного равенства всех людей перед богом. Именно на этой основе «тонхак» подвергло скрытой «ревизии» конфуцианскую социальную доктрину об извечном делении общества на «благородных» и «низших» и выдвинуло в качестве платформы для политического действия программы справедливого уравнилельного перераспределения земли, государственных должностей, различных материальных благ. Здесь нельзя не заметить, что движение «тонхак» на Корейском полуострове во многом переключалось по своему идейному содержанию с идейными установками и политической программой тайпинов в соседнем Китае во второй половине XIX в.

Таким образом, кризис позднефеодального социально-экономического и политического строя в Корее во второй половине XIX в. носил всеохватывающий, системный характер, распространялся на все сферы общества. Неспособность деградирующего и расколотого на соперничающие кланы янбанства и традиционной бюрократии эффективно управлять страной содействовали «открытию» Кореи на условиях, продиктованных внешними экспансионистами.

2. Усиление внешней экспансии и завершение периода самоизоляции

Сравнительно небольшая по территории полуостровная Корея вызывала все нарастающий интерес крупных морских держав того времени. При этом на первый план выходило своеобразное географическое и стратегическое положение Корейского полуострова, оказавшегося на перекрестке мировых транспортных артерий.

Первое крупное столкновение корейцев, противостоящих попыткам европейской экспансии, произошло в 1866 г. Непосредственным поводом для французского вторжения в центральную часть полуострова в районе бассейна реки Хан явилась попытка

азиатских властей задержать проникновение в страну католицизма. В 1866 г. (в третий год правления Коджона) в Корее были совершены массовые аресты сторонников католической веры, число которых к тому времени превысило 20 тыс. человек. Среди католических миссионеров из 9 проповедников во главе с миссионером Джон Самом была схвачена корейскими властями и казнена, что вызвало крайне болезненную реакцию Ватикана. Находясь близ китайского побережья французские военные корабли подошли к Корее, производя при этом глубокую разведку боем. Когда французская эскадра в составе 7 военных кораблей подошла к Сеулу, блокировав устье реки Хан и высадив морской десант. Однако корейским сухопутным подразделениям, свободно маневрировавшим на местности, удалось остановить продвижение французских войск у горных крепостей Мунсусансон и Чжондоксон, что вынудило непрошенных пришельцев оставить планы военного вторжения на полуостров.

В 1866 г. в Сеул прибыла немецкая торгово-купеческая миссия, пытавшаяся убедить власти Кореи в «выгодности» именно их участия в торговом обмене. На обратном пути немцы совершили жестокое мародерство, раскопав усыпальницу отца тэвонгуна в этой местности Токсан провинции Чхунчхон.

Наконец, все в том же 1866 г., большое иностранное судно также глубоко проникло во внутренние воды Кореи. Таким образом оказался американский торговый вооруженный транспорт «Генерал Шерман», который по узкому фарватеру реки Тэдон дошел до Пхеньяна под предлогом налаживания мирной торговли. Японские власти отказались вступать в какие-либо переговоры и требовали от американцев немедленно удалиться. После отказа американцев береговая охрана корейцев открыла шквальный артиллерийский огонь. Охваченный сильным пожаром «Генерал Шерман» пошел ко дну, что вызвало в США требования о «возмещении». Многочисленные столкновения с иностранными судами миссионерами, в особенности с христианами, отражали упорную линию господствующих феодально-традиционалистских кругов в Кореи на полную изоляцию от внешнего мира. Эти круги предполагали, что именно изоляция позволит Корейскому полуострову избежать внутренних социальных бурь, сохранить незыблемым многовековой, овеянный конфуцианской духовностью общественный и социальный порядок.

После потопления «Генерала Шермана» США решили направить к берегам Кореи усиленную эскадру в составе 5 боевых кораблей во главе с адмиралом Роджерсом. Но наученные опытом французского вторжения корейцы заранее начали усиленно готовиться к отражению возможных интервенций: спешно укреплялись крепостные стены городов, отливались новые пушки, проводились боевые учения. Уже при прохождении пролива Канхва корабли США натолкнулись на необычно упорное сопротивление. В итоге американцам пришлось покинуть побережье Корейского

полуострова. Конечно, США и другие державы были намного сильнее Кореи. Но каждая из них в тот период была обременена другими колониальными проблемами: Франция вела войну в Индокитае, Великобритания усмиряла Индию, а США приходилось заниматься внутренним урегулированием после окончания гражданской войны.

В то время как крупные европейские державы вели своего рода «разведку боем» на Корейском полуострове, соседняя Япония, вставшая после провозглашения реформ Мейдзи (1867 г.) на путь форсированной буржуазной модернизации, начинает вынашивать планы прямого колониального захвата Кореи. В сентябре 1875 г. в бухту Канхва без какого-либо предварительного уведомления, по праву сильного вошел японский военный корабль с усиленным вооруженным десантом на борту. Гарнизон форта Чходжиджин, действуя согласно пограничной инструкции, сделал предупредительный выстрел из орудий. На это как раз и рассчитывали незваные визитеры. Под прикрытием мощного корабельного огня японцы высадили крупный десант, которому удалось захватить форт. Вскоре японцы на время покинули остров, чтобы привести сюда целую военно-морскую эскадру в составе трех боевых кораблей, четырех вспомогательных судов и 800 моряков и солдат. Японская эскадра с расчехленными орудиями вошла в бухту и потребовала от Сеула подписания торгового и дипломатического соглашения. Корейское правительство вынуждено было подписать это соглашение, которое известно как Канхваский договор от 14(26) февраля 1876 г. Позднее к нему были сделаны два дополнения 12(24) августа 1876 года.

Надо отдать должное японской дипломатии того времени: договор был составлен в такой завуалированной форме, что фактически прикрывал истинные стратегические намерения и замыслы Токио, которые сводились к следующим основным позициям: а) ослабить китайский сюзеренитет над Кореей; б) проложить дорогу для широкой торгово-экономической экспансии; в) утвердить исключительные права и привилегии своих граждан на корейской территории; г) поставить под свой контроль государственное управление и политическую жизнь Кореи.

Именно под углом этих далеко идущих экспансионистских целей Канхваский договор признавал формально Корею как «независимое государство», оспаривая де-юре вассальное покровительство цинского Китая. Стороны договорились о взаимном обмене дипломатическими посланниками и развитии дальнейших отношений «на основании равенства и вежливости». Однако политическая часть договора завершалась своего рода дискриминационным казусом: корейский язык отклонялся как рабочий язык и двусторонние контакты предусматривалось вести только на японском языке с переводом и дублированием официальной документации на китайском языке.

В соответствии с договором корейская сторона обязывалась открыть для японской торговли, кроме Пусана, еще два других порта (такими портами позднее стали Вонсан на западном побережье Кореи и Ничхон на восточном). Одновременно Японии было предоставлено исключительное право назначать своих консульских представителей в открытых портах полуострова с тем, чтобы операции японских деловых людей не подвергались каким-либо затруднениям. В дополнение японская сторона получила право экстерриториальности на корейской территории, хотя ничего подобного не предусматривалось для выходцев из Кореи в Японии. Специальными статьями (6 и 7) предусматривалось право японских судов в случае шторма или технической неисправности заходить во все другие порты полуострова, а также производить под прикрытием составления карт любые гидрографические и иные работы, хотя такое право не предоставлялось японцами корейской стороне.

Весьма обстоятельно в Канхваском договоре и дополнениях к нему был разработан правовой статус японских деловых людей на полуострове. Им предоставлялось право арендовать в открытых портах земельные участки, причем с уплатой такого же налога, который вносили сами корейцы, возводить здания, самостоятельно нанимать рабочую силу из числа корейцев, совершать необходимые поездки на значительные расстояния от открытых для них портов. В ответ подданным Кореи предоставлялось лишь право «посещать японскую империю». При этом правовые возможности корейцев заниматься там коммерцией договор полностью обходил стороной.

Крайне несправедливые условия закладывались в валютной сфере. Японцам разрешалось пользоваться в Кореи при ведении торговых сделок своими денежными знаками. Более того, они имели право вывозить в Японию медные корейские монеты. Корейцы могли пользоваться японскими деньгами, приобретенными в торговых сделках, но об использовании корейских денег, хотя и в ограниченных масштабах, в Японии не могло быть и речи.

Таможенные взносы, установленные на постоянной основе на японских кораблях, носили сугубо символический характер: с грубого торгового судна более чем в одну мачту — 5 иен; с торгового парохода — 5 иен; правительственные корабли Японии полностью освобождались от потонного (ластового) сбора. Японские суда, замеченные или подозреваемые в контрабанде, могли держиваться корейской пограничной службой для их последующей передачи японскому консульскому чиновнику в ближайшем порту.

По настоянию Токио в текст Канхваского договора было внесено положение об условиях погребальных церемоний японских подданных на корейской территории. Речь шла о выделении в районах открытых портов земельных участков для устройства

кладбищ и церемониальных сооружений, которые становились сферой исключительной юрисдикции японской стороны.

Итак, во второй половине XIX в. Корейский полуостров окончательно становится сферой острого международного соперничества ведущих держав того времени (Великобритании, США, Франции, Германии, Японии). Японо-корейский договор в Канхва, поставивший под удар традиционный китайский сюзеренитет над Кореей, положил начало формированию качественно нового баланса сил в Северо-Восточной Азии. Что же касается Российской империи, только что вышедшей к тихоокеанскому побережью, то она явно запаздывала к разделу «корейского пирога», что в свою очередь предвещало новые коллизии и резкое обострение межимперских схваток в этом регионе.

3. Корея в системе международных договоров второй половины XIX в.

Вынужденное подписание Кореей кабального Канхваского договора имело далеко идущие негативные последствия для всей последующей судьбы страны. С этого времени начинается новая полоса ее национальной истории, не только положившая конец изоляции страны от внешнего мира, но и стимулировавшая основательную перегруппировку политических и социальных сил внутри корейского общества. В итоге этих сдвигов правящие янбанские круги оказались расколотыми и еще более разобщенными из-за наличия соперничающих течений, среди которых заметно выделялись прояпонское и прокитайское. Несколько позднее на политическую арену вышли также сторонники пророссийской ориентации.

К началу 80-х годов цинский Китай, продолжавший, несмотря на Канхваский договор, сохранять большое влияние на Корею, признал подписанный в Тяньцзине 22 мая 1882 г. корейско-американский договор. С этого времени граждане США могли без каких-либо помех арендовать в Корее на длительные сроки земельные участки, создавать промышленные предприятия и торговые заведения, разрабатывать и вывозить природные ресурсы, занимать на своих условиях корейскую рабочую силу. В дополнение к этому власти Кореи предоставили американцам (как и ранее японцам) право экстерриториальности и свободу религиозной пропаганды. В 1883 г. аналогичные неравноправные договоры Корее были навязаны Великобританией и Германией. Согласно условиям этих договоров британская сторона получила право беспошлинного вывоза золота и серебра, а вывоз знаменитого красного женьшеня облагался сбором лишь в 15% его стоимости. Серия неравноправных договоров поставила слабую и незащищенную Корею в состояние нарастающей зависимости от новых имперских держав. При этом наиболее агрессивным экспансионизмом отличалась японская политика на Корейском полуострове.

Нашествие деловых людей, военных, дипломатов и других представителей Японии в Корею, с одной стороны, а с другой, — посылки молодых корейцев в Японию, в том числе и на длительную учебу, содействовали созданию довольно влиятельного про- японского лобби в корейском обществе. В нем оказались и некоторые корейские патриоты-националисты, которые наивно рассчитывали сыграть свою игру на межимперских противоречиях между Японией, Китаем и Россией в Корее. Наиболее рельефно глубоко противоречивая внешнеполитическая линия проявилась в деятельности видного корейского реформатора-националиста Ким Ок Кюна.

Именно Ким Ок Кюн оказался одним из тех высших корейских сановников, на которых стремилась опереться японская дипломатия в планах экспансии на Корейском полуострове. После изгнания в июле 1882 г. в Сеуле стихийного военного мятежа, который носил ярко выраженный антияпонский характер (см. подробнее гл. XXI), Япония сумела навязать Корее новый Инчхонский договор, который представлял логическое развитие Канхвасонского договора 1876 г. и ускорял процесс перехода де-факто сюзеренитета над Кореей от Китая к Японии.

Согласно основным положениям Инчхонского договора Корея была поставлена в положение государства, которое проиграло государственную войну. На правительство Кореи было возложено обязательство провести в течение 20 суток экстренное расследование, выявить и строго наказать основных виновников нападения на японскую дипломатическую миссию в Сеуле. В качестве заседателей в корейском суде должны были участвовать японские чиновники. Правительство Кореи обязано было внести 100 тыс. иен в пользу японцев, «пострадавших» в ходе восстания. В дополнение к этому Корея уплачивала Японии 500 тыс. иен в качестве компенсации за расходы, связанные с посылкой японских войск на полуостров. Для обеспечения безопасности японской миссии в Сеуле за счет корейской стороны дислоцировалось специальное подразделение японских императорских войск. Власть Кореи обязана была также послать в Токио специальную миссию с выражением извинений за инцидент. В завершение всего японские подданные приобрели право неограниченной свободы передвижения по всей Корее, правда, на основе паспортов, выданных корейскими властями. Разумеется, ничего подобного даже не предлагалось корейской стороне на японской территории.

Обострением политического кризиса в Корее, порожденного необходимостью восстания в июле 1882 г., попытался немедленно воспользоваться цинский Китай для восстановления своих позиций сюзеренитета. В «Правилах для морской и сухопутной торговли», которые были согласованы между Сеулом и Пекином, не только фиксировалась экстерриториальность китайских подданных в Корее, но и устанавливалось тождество между суверенными функциями вана Коджона и китайского сановника Ли

Хунчжана, именовавшегося в Пекине «канцлером по делам Кореи». Как докладывал в те дни в Санкт-Петербург российский дипломат Е.К.Бюцов, «правительство богдыхана самым торжественным образом провозгласило свое намерение обращаться с этой страной (Кореей. — *Авт.*) не только как с вассалом, но и почти что с владением, составляющим часть империи».

Именно в такой остро критической внешнеполитической ситуации Корея начинает обращать свои взоры и надежды на Россию. В Сеуле еще осенью 1882 г. с удовлетворением была воспринята весть о том, что поверенный в делах России в Тяньцзинь статский советник К.И.Вебер был уполномочен вести дипломатические переговоры с властями Кореи о заключении полномасштабного торгового договора. Соответственно, российский дипломат вступил в контакты с представителями корейского правительства. При этом Сеул проявил повышенную заинтересованность в проведении переговоров. 7 июля 1884 г. состоялось официальное подписание первого российско-корейского договора, положившего начало официальным взаимоотношениям между двумя государствами.

В российском и зарубежном корееведении не прекращаются дискуссии об оценке этого договора, заложившего международно-правовой фундамент двусторонних отношений между двумя дальневосточными соседями. В ходе дискуссий нередко высказываются самые противоположные суждения: если одни авторы делают акцент на стремлении России «проникнуть» в Корею и «захватить» ее, то другие, напротив, усматривают в договоре лишь средство «противодействия» японо-европейской экспансии. Южнокорейский историк Ли Ги Бэк склоняется к мысли о том, что сближения с С.-Петербургом стало не следствием объективной необходимости, а лишь результатом дипломатического искусства опытного К.И.Вебера. «Будучи опытным дипломатом, он быстро сблизился с корейским двором, прилагая максимум усилий к зарождению и укреплению прорусских сил. Недовольное чрезмерным вмешательством Цинов, корейское правительство поспешно склонилось в сторону поощрения прорусских тенденций».

Согласиться безоговорочно с подобным суждением и другими намеками на колониальный характер рассматриваемого договора очень трудно. Сколь бы «неравноправно» ни звучали отдельные статьи, Россия никогда не ставила, да и не могла ставить официально перед собой задачи ликвидации корейской национальной государственности. К этому следует добавить, что вполне обеспеченная огромным дальневосточным ресурсным потенциалом, Россия не была в то время, в отличие от других крупных держав, заинтересована в приобретении и освоении природных богатств Корейского полуострова. Поэтому узловой аспект российской внешнеполитической стратегии в субрегионе концентрировался на следующем геополитическом тезисе: ни одна из крупных держав не должна занимать здесь господствующего положения, ибо это непосредственно ущемляло бы российские национальные интересы. Именно по

тому в докладе министра иностранных дел России Н.К.Гирса от 11 октября 1883 г. была сформулирована дипломатическая инструкция на имя К.И.Вебера: заключить с Кореей трактат, подобный тому, который был подписан между Сеулом и Вашингтоном.

В декабре 1883 г. корейский посланник в Токио Ким Ок Кюн информировал российского посланника в Японии о готовности правительства Кореи заключить как можно быстрее дружественный трактат с Россией. При этом он сообщил немаловажную дипломатическую деталь: недавнее оформление договорных отношений с Великобританией и Германией состоялось без какого-либо вмешательства цинского Китая.

Стремление Сеула ослабить одностороннюю зависимость от Китая и других держав прослеживается и в дипломатической переписке между фон Мёллендорфом, тогдашним советником по иностранным делам правительства Кореи, и российским дипломатом К.Вебером. В начале 1884 г. в одном из писем фон Мёллендорфа особо оговаривалось, что Сеул заинтересован в скором оформлении договорных отношений с С.-Петербургом, ибо Корея скорее полагается на дружбу с Россией, нежели с Китаем. При этом корейская сторона полагала, что своего рода прототипом нового трактата могут стать договоры, заключенные ранее с Великобританией и Германией. Вместе с тем корейская сторона выражала готовность на открытие пункта на реке Туманган для взаимной торговли, снижение таможенных пошлин, льготный транзит товаров и т.п.

Несмотря на многократные и настойчивые усилия Сеула, российская сторона первоначально занимала предельно осторожную, выжидательную позицию, с тем чтобы не осложнять свои пока еще вполне прочные позиции в субрегионе. В стремлении преодолеть неопределенность со стороны России ван Коджон в начале 1884 г. направил к погранкомиссару Южно-Уссурийского края Н.Г.Матюнину секретную миссию во главе с Ким Гван Чонгом, передавшим российской стороне обстоятельное письмо с конкретными предложениями по скорейшему заключению договора между двумя государствами.

В письме, написанном по поручению вана, содержалось предложение провести двусторонние корейско-российские переговоры на специальном корабле в открытом для иностранного плавания Инчхон, куда одновременно по взаимной договоренности выедет и полномочная корейская делегация. Далее в письме говорилось, что Корея и Россия «самые близкие соседи», что такой не симпатизирует нашему Государю», а неудача со скорым заключением дружественного трактата между Сеулом и Петербургом неизбежно приведет к тому, что «наше Государство понесет бесчестье и покроет себя грязью».

Послание вана Коджона в изложении Ким Гван Суна было медленно передано по инстанции. Но понадобилось еще около двух месяцев для выработки С.-Петербургом дипломатической по-

зиции по данному вопросу. Завершение переговоров с корейской стороной и подписание договора было поручено российскому посланнику К.И.Веберу, который прибыл морем в порт Инчхон 20 июня 1884 г. Здесь его встретили представители местной администрации, 24 июня состоялась первая официальная встреча российской делегации с вице-министром МИД Кореи Ким Ок Кюном, а 7 июля 1884 г. был подписан корейско-российский договор. С российской стороны договор подписал статский советник К.И.Вебер, с корейской — глава МИД Кореи Ким Бен Си.

Фундаментальной и незыблемой базой взаимоотношений между двумя соседними государствами и правителями договор провозглашал «постоянный мир и дружбу». Как следовало из документа, законные верховные правители Кореи и России «во владениях того и другого государства будут пользоваться покровительством и полной безопасностью как относительно их личности, так и собственности». (Именно на основе данной статьи корейский монарх нашел позднее защиту под крышей российской миссии в Сеуле). В случае возникновения какого-либо несогласия между договаривающимися сторонами, спорная ситуация должна разрешаться исключительно мирными средствами.

Равноправный, недискриминационный характер носила статья II договора об обмене генеральными консулами, консулами и вице-консулами в столицах и открытии для внешней торговли портов с предоставлением всех необходимых удобств и гарантии для беспрепятственного сношения с местными властями и исполнения служебных обязанностей. Дипломатическим и консульским агентам двух государств предоставлялось право свободного путешествия по всем частям владений другой страны, причем корейские власти принимали на себя обязательство обеспечивать российских чинов своими паспортами, а в случае необходимости конвоем для охраны. (Дипломатические чины не обладали правом занятия торговыми и коммерческими делами).

Согласно статье III договора юрисдикция над подданными России в Корее сохранялась полностью за российской стороной без всякого вмешательства со стороны корейских властей. Вместе с тем все обвинения и жалобы российской стороны против корейских подданных подлежали рассмотрению корейскими властями на основе корейских законов. Кроме того, в случае штрафа наложенного на подданного России, или конфискации его имущества решением российского суда вся изъятая сумма и соответствующее имущество поступали в пользу корейского казначейства, что было немаловажной уступкой корейским властям со стороны России.

Во всех судебных делах, разбираемых в корейских судах и русских судах в Корее, власти истца получали право назначения своего должностного лица в качестве участника такого разбирательства. Назначенный для подобной цели чиновник пользовался подобающим его положению влиянием и наделялся правом на

...опыт свидетелей, допрашивать их, подвергать очной ставке или протестовать против несправедливого, с его точки зрения, судебного приговора. В случае, если корейский подданный, обвиняемый в нарушении законов своей страны, попытается найти убежище на русской крыше (здание, судно, склад и пр.), консульская служба России обязана принять совместно с местными властями меры к его задержанию и выдаче для следствия и суда корейской юрисдикции. (Однако без дозволения консула никакой корейский чин не имел права «входить в дом русского подданного без его согласия или вступать на русское судно без согласия шкипера».) В свою очередь, по требованию властей России корейская сторона не могла подвергать аресту с последующей выдачей всякого русского подданного, обвиняемого в уголовном преступлении, проступке и т.п.

Статья IV договора объявляла открытыми для корейско-русской торговли порты Чемульпо, Вонсан, Пусан, а если последний окажется не вполне удобным, то порты Ханьян и Янхвачжин. В этих портовых центрах россияне получали право арендовать или покупать земельные участки, сооружать жилые дома, фабрики, школы, церкви для свободного богослужения. (Однако территориальное размещение российских поселений в указанных городах и близ них подлежало согласованию с другими иностранными державами в Корее, что еще раз отразило стремление С.-Петербург не обострять на этой почве отношения с другими государствами.)

Русским подданным в Корее предоставлялось право арендовать или покупать земли и за пределами 10 корейских ли от территорий иностранных поселений с уплатой поземельной подать по усмотрению корейских властей (в договоре не было никаких упоминаний об аналогичном праве для корейских подданных в России). Часть доходов от продажи земли в Корее подлежала отчислению в пользу местного муниципального фонда, финансирующего расходы по благоустройству.

Подчиняясь всем государственным, муниципальным и другим законам Кореи, российские подданные могли свободно путешествовать без паспортов в радиусе до 100 корейских ли от открытых портов, покупать или продавать любые товары «за исключением опиума и печатных произведений, не одобренных корейским правительством», т.е. содержащих идеи, в том числе религиозные, угрожающие политической стабильности в стране. Для поездок за пределы 100 ли российские подданные обязаны были иметь при себе паспорт, выданные их консулами и подтвержденные печатью и подписью представителя корейской власти. Но в данном случае экстерриториальность российских подданных носила ограниченный характер. Если россиянин не будет иметь соответствующего паспорта или нарушит какие-либо другие правила, то он должен был подвергнуться денежному штрафу до 100 мексиканских песов с заключением в тюрьму сроком до одного месяца.

Статья V рассматриваемого договора довольно обстоятельно определяла условия торгово-предпринимательской деятельности российских подданных в Корее. Российские купцы получали полный простор для торговли товарами по номенклатуре, не запрещенной договором, а также право «свободно вести дела с корейскими или другими подданными без всякого вмешательства со стороны корейских властей». Все товары, ввезенные в Корею российскими подданными и оплаченные пограничной пошлиной, могли перевозиться в другие корейские порты и селения внутри страны без каких-либо дополнительных налогов. То же самое относилось и к корейским товарам, подлежащим вывозу, хотя таможенные правила и привилегии корейских коммерсантов в России никак не оговаривались. Важное положение договора касалось экспорта корейского продовольствия. В случае неурожая, стихийных бедствий и т.п. королевская власть Кореи имела право запретить вывоз хлеба за границу, причем «соблюдение этого запрещения будет обязательно и для русских подданных в Корее по истечении одного месяца со дня официального извещения о том русского консула».

На основе взаимности и международных традиций была сформулирована статья VI договора: у российского подданного, причастного к контрабанде, конфисковывалось контрабандное имущество и он подвергался штрафу в размере двойной стоимости незаконно ввезенных товаров. Корейские власти имели право подвергнуть аресту контрабандистов для последующего препровождения их к российскому консулу, а задержанные товары удерживать у себя вплоть до вынесения судебного постановления.

В случае крушения или аварии российского судна у побережья Кореи местные власти, согласно статье VII договора, обязаны были принять все необходимые меры для оказания помощи судну, спасения экипажа, сохранения груза от ограбления и т.д. Все расходы по подобным операциям подлежали в дальнейшем возмещению со стороны российских властей или потерпевшими судовладельцами.

Достаточно сбалансированный характер носила статья VIII договора. Военные корабли договаривающихся сторон, т.е. России и Кореи, получали взаимное право посещать все порты друг друга. Боевые суда получали льготные права на закупку разного рода припасов, и на них не распространялись правила уплаты пограничных пошлин и другие портовые ограничения. Команды российских военных судов имели право и в не открытых для иностранной торговли корейских портах сходить на берег, но не уходить в глубь страны без соответствующих паспортов. Без уплаты каких-либо пошлин российский ВМФ получал право создания складов топлива, продовольствия и иной провизии. Власти Кореи обязывались оказывать содействие российским кораблям в проведении топографических и гидрографических работ близ корейского побережья.

Статья IX договора содержала важные условия найма российскими властями в Корею подданных этой страны в качестве учителей, переводчиков, слуг, других работников. «Подобным же образом не будет никаких ограничений относительно найма русских подданных корейскими властями и подданными для всяких занятий». Особое значение для последующего развития культурных связей имело положение договора о том, что подданным России и Кореи, «отправляющимся в ту или иную страну для изучения языка, литературы, законов, искусств или промышленности или же для ученых изысканий, будет оказываться всякое возможное содействие». (Именно эта договоренность легла в основу зарождения российского корееведения в Петербурге и Владивостоке.)

Договор 1884 г. был заключен на 10 лет с возможностью его последующего дополнения и изменения. Текст был составлен на русском и китайском языках. Было договорено, что вся официальная переписка из С.-Петербурга в Сеул будет направляться на русском языке и одновременно сопровождаться китайским переводом.

Ключевую дипломатическую роль в разработке договора сыграли Ким Ок Кюн, с корейской стороны, и К.И.Вебер, с российской стороны. К.И.Вебер достаточно хорошо известен в истории мировой дипломатии конца XIX в. К сожалению, советская историография упорно замалчивала имя этого видного дипломата, одного из последователей горчаковской внешнеполитической школы.

Карл Иванович Вебер, выходец из рядов среднего сословия, по происхождению лютеранин, родился 5 июля 1841 г. Еще в гимнастические годы проявлял особый интерес к изучению истории цивилизаций народов Азии, что и привело его на китайское отделение факультета восточных языков С.-Петербургского университета, который он блистательно окончил в 1865 г. Одаренный синолог приступает на дипломатическую службу и первые пять лет (с 1866 по 1870 гг.) трудится в Пекине, неустанно совершенствуя знание китайской иероглифики. Вскоре Вебер получает назначение на пост консула Российской империи в Тяньцзине (1882 г.). Но с этого времени ему приходится по директивам из С.-Петербурга все более брать на себя миссию ведущего российского эксперта по Корее. К.И.Вебер неоднократно вступал в переговоры с сановниками императора Коджона по вопросам выработки межгосударственного трактата о дружбе и торговле, неизменно оставляя у корейской стороны самые хорошие впечатления. Однако его дипломатическая миссия в Сеул в июле 1882 г. не состоялась из-за вспыхнувших там стихийных волнений.

В начале 1884 г. К.И.Вебер, занимая пост временного поверенного в делах Российской империи в Китае, получает новую инструкцию: форсировать переговоры и подписание дружественного торгового договора с Кореей. Как уже упоминалось выше, 23 июня в качестве чрезвычайного посланника России он прибыл в Инчхон, а затем в Сеул и с этого времени на протяжении почти 13 лет пол-

ностью погрузился в дела Корейского полуострова, пользуясь уникальным для иностранного представителя авторитетом и влиянием в высших сферах и дипломатических кругах Кореи.

Это были труднейшие годы во внешнеполитическом положении корейского государства. Но К.И.Вебер, нередко даже с большим риском для своей карьеры и жизни, выступал за корейско-российское взаимодействие. Именно он стоял у истоков не только российско-корейского договора 1884 г., но и Правил о пограничных сношениях и торговле на р. Туманган от 8 августа 1888 г. В апреле 1885 г. в связи с официальным открытием российской дипломатической миссии в Сеуле К.И.Вебер назначается первым поверенным в делах Российской империи в Корее. И в этом качестве ему пришлось действовать с предельной отдачей, чтобы укрепить только еще зарождающиеся официальные отношения между двумя соседними государствами. Российский дипломат сумел войти в культуру, традиции корейского народа, и не случайно позднее, когда возник вопрос о его переводе в другую страну, он с горечью писал, что ему «весьма тяжело оставлять Корею, которой он посвятил более десяти лет своей жизни».

Впервые вопрос о переводе Вебера из Сеула в Мехико возник в середине 1895 г. В правительственных кругах Кореи эта весть была встречена с нескрываемой тревогой и беспокойством. 2 июля 1895 г. король Кореи направил Николаю II послание следующего содержания: «Уже много лет существуют добрые отношения между нашими государствами, и я глубоко сожалею, что до сих пор не имел случая высказать своей благодарности за те доказательства расположения, которыми Ваше Величество неоднократно почтили меня. В последнее время, когда я лишь с трудом управляю государством и всевозможные обиды падали на моих подданных, талантливый и высокочестный посланник Вашего Величества господин Вебер советами, которые он давал мне во все время наших продолжительных сношений, всегда заботился о пользе обоих государств». И далее: «Однако я уже с некоторого времени слышу, что господин Вебер будет переведен в Китай; хотя это не более как слух, но ввиду трудного положения моей страны, а также того, что все интриги, которыми враги старались нас разъединить, совершенно не зависели от подина Вебера, я прошу Ваше Величество повелеть ему еще оставаться в моем государстве, чтобы благодаря его разумным советам и помощи добрые отношения наши еще более закрепились».

Это многозначительное письмо корейского монарха Николаю II вызвало некоторое замешательство в дипломатических кругах С.-Петербурга, хотя МИД России уже командировал в Корею в качестве нового посланника А.Н.Шпейера. Однако последнему пришлось срочно выехать в Токио, чтобы занять пост российского посланника вместо внезапно скончавшегося графа Хитрово, и Вебер еще в течение последующих двух труднейших лет оставался в Корее в качестве главы российской миссии.

После возвращения из Кореи в С.-Петербург в 1897 г. К.И.Вебер занимал различные посты на дипломатической службе России, но, судя по всему, продолжал «боletь» корейскими пр

блемами. Его уникальная работа «Записки о Корее до 1898 года и после», увидевшая свет в 1903 г., наряду с трудами других российских востоковедов-дипломатов (П.А.Дмитриевского, И.А.Поджио и др.), составила фундамент зарождавшегося российского корееведения. Позднее в С.-Петербурге появляются другие уникальные филологические работы К.И.Вебера: «О корейском языке и корейском чтении китайских иероглифов» (1908 г.), рукописный труд «Проблемы транскрипция всех городов Кореи» (1908 г.) и др. Но еще ранее, в канун русско-японской войны в апреле 1903 г., Вебер снова побывал в Сеуле в качестве чрезвычайного императорского посланника для вручения императору Коджону «Почетного ордена святого Андрея Первозванного» с бриллиантовыми украшениями за несомненные заслуги в упрочении российско-корейских дружественных отношений.

Возвращаясь к Договору от 7 июля 1884 г. между Кореей и Россией, необходимо отметить, что он существенно отличался от аналогичных трактатов, подписанных корейской стороной с другими державами, особенно с Японией. Весьма важно то, что ни одной из позиций Россия не ставила под угрозу или сомнение дальнейшее сохранение национальной государственности Кореи. В условиях вопросов двусторонних отношений в максимально возможной степени был принят во внимание принцип взаимности, а односторонность сохранялась лишь в тех вопросах, где корейская сторона не была готова к ответным акциям (например, картографические работы корейских судов у побережья российского Приморья и др.).

Договор сыграл важную роль в последующем развитии взаимных отношений между двумя государствами и отнюдь не тайно был немедленно денонсирован Японией после введения здесь полуколониального режима протектората.

Так, во вторую половину XIX в. Корея вступила с тяжелым грузом консервативного прошлого. Господствующему янбанству удалось добиться политической консолидации общества в целях его реформирования. Нараставшие движения социального недовольства еще более ослабляли общество. Поиски опоры на внешние силы оказались малоэффективными. Социально-политический кризис в Корее приобрел еще более разрушительные черты в последней четверти XIX века.

Глава XXI

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕИ в 90-е годы XIX в.

1. Движение «кэхва ундон» и обострение внутривосточной борьбы

В 70—90-е годы XIX в. в условиях кризиса и деградации позднефеодального общества и внешнего воздействия в Корее зарождается своеобразное социально-реформаторское идейное течение «кэхва ундон» («движение за реформы»). Несмотря на свою внутреннюю противоречивость и непоследовательность, «кэхва ундон» отразило передовые для своего времени взгляды патристических слоев янбанской интеллигенции и нарождающихся новых средних слоев, мучительно и настойчиво искавших пути радикальной модернизации своего общества, которая становилась вопросом жизни или гибели нации в условиях нарастающей экспансии крупных держав.

Видными представителями «кэхва ундон» были образованные выходцы из рядов янбанской интеллигенции О Гён Сок (род. 1831 г.), Лю Дэ Чхи (род. в 1830 г.), Пак Кю Су (род. в 1807 г.) и др. Эти и другие основатели нового течения, выросшие на прогрессивных идеях сирхакистов, болезненно ощущали все несовместимость деградирующего социального строя и бедственное положение народа. Но сторонники «кэхва ундон» пошли дальше своих учителей, разработав в сущности первую развернутую программу буржуазно-демократического переустройства корейского общества «сверху», т.е. реформаторскими усилиями более развитой части правящего класса.

«Кэхва ундон» было сугубо национальным явлением на рубеже перехода Кореи от феодализма к капитализму. Вместе с тем движение за реформы отразило уникальный синтез зарождавшегося корейского национализма с передовыми идеями и опытом западноевропейской цивилизации. Правда, поражавшие нередко сторонников движения сведения о Европе и Америке черпались из поездок в Китай и особенно в Японию, откуда была привезена переводная литература Запада и где состоялись многие непосредственные контакты с представителями христианского мира. Именно после таких поездок идеологи «кэхва ундон» с горечью писали об унижении и отставании своей родины, над которой, по их мнению, нависла реальная угроза внешнего порабощения.

Весьма примечательно, что некоторые лидеры «кэхва ундон» занимали достаточно высокое положение в рядах служилых янбанов. Так, Пак Кю Су, воспитанный в состоятельной янбанской семье, глубоко почитавшей и конфуцианские традиции, и сирхэтов, сумел в короткий срок дослужиться до поста губернатора провинции Пхёнан. На его счету — участие в отражении американской морской экспансии и потоплении вторгшегося в корейские прибрежные воды корабля «Генерал Шерман». Именно Пак Кю Су доставлял из Китая разнообразную просветительскую литературу, в том числе китайского просветителя Вэй Юаня, одного из поклонников опыта мирового индустриального взлета Великобритании.

Идеологи «кэхва ундон» не без иллюзий, свойственных ранним поколениям буржуазных реформаторов на Востоке, полагали, что Корея в состоянии обеспечить себе достойное положение в индустриализующемся и меняющемся мире путем обновления ее сельского хозяйства. По мысли реформаторов, на Корейском полуострове, где к тому времени были обнаружены богатые залежи железной руды и каменного угля, можно и нужно развивать индустрию, необходимую для налаживания производства механического оборудования. В свою очередь, это позволило бы оснастить машинами отсталое сельское хозяйство, значительно повысить урожайность риса и технических культур. Сторонники реформ выступали за модернизацию армии и флота в соответствии с новыми требованиями обеспечения обороноспособности. Во внешнеполитической сфере предлагалось преодолеть «раболепие» перед цинским Китаем, обратить внимание на опыт модернизации Англии и Японии и установить равноправные договорные и торгово-отношения. В архивах Кореи сохранился оригинал донесения Пак Кю Су тэвонгуну, которое содержало настойчивый призыв заняться укреплением оборонительной системы государства, явно не готовой к отражению внешних вторжений, хотя географический фактор, прежде всего полуостровное положение, обеспечивал корейцам немалые стратегические преимущества и выгоды. Именно родовой дом Пак Кю Су в г. Сеуле был на протяжении ряда лет своего рода крышей для реформаторов. Здесь они чаще всего собирались вместе, вели жаркие споры о путях спасения родины.

В 1870-х гг. все более заметную роль среди реформаторов начинают играть упоминавшийся выше Ким Ок Кюн (род. в 1851 г.) из янбанского рода андонских Кимов. Занимая довольно солидные чиновничьи посты на официальной государственной службе, Ким Ок Кюн имел возможность своими глазами наблюдать позитивные плоды «реставрации Мейдзи» в соседней Японии. В 1876 г. Ким Ок Кюн вместе с другими молодыми янбанами выезжал на учебу в одно из аристократических учебных заведений Японии, и это в немалой степени определило в дальнейшем политико-социальную ориентацию видного корейского реформатора.

Не без влияния японского опыта Ким Ок Кюн становится одним из активных сторонников приобщения к реформам представителей ремесленников, нарождающегося торгово-предпринимательского капитала, среднего и низшего чиновничества, учащейся молодежи и других представителей национальной интеллигенции, в том числе и из низших слоев (служащие, учителя, конторские работники и др.). Немаловажным политическим стимулом для сторонников «кэхва ундон» стало отстранение от власти в 1873 г. тэвонгуна, упорного противника «открытия» Кореи внешнему миру, яростного приверженца дальнейшей самоизоляции страны.

Однако это событие отнюдь не означало какого-либо коренного сдвига в пользу сторонников «кэхва ундон» во внутривнутриполитической жизни Кореи. Сильное противодействие программе прогрессивных преобразований возникло со стороны феодально-консервативной реакции, действовавшей под конфуцианским девизом «виджон чхокса» («отстоим истину, избавимся от ереси!»). Используя тревожные настроения в обществе в связи с нарастанием внешней экспансии, приверженцы контрреформизма выступали за неукоснительное сохранение основ традиционного общества, первую очередь, неограниченной монархии, феодальной собственности и полную внешнеполитическую изоляцию. Ведущие идеологи «виджон чхокса» Ки Джон Джин (род. в 1798 г.), Ли Джун Сан (род. в 1818 г.) и др. в корне отвергали какое-либо сосуществование господствовавших в стране конфуцианских догматов с другими религиозными учениями, особенно христианскими. При этом все традиционные догматы конфуцианства и основанная на них монархическая система государственной власти трактовались как непререкаемое божественное предначертание на все времена. Любое внешнее влияние, особенно западноевропейское, объявлялось смертельной угрозой корейской государственности.

Наиболее рельефно эту тенденцию отразил Ли Хан Но, выступавший в ряде своих публикаций (1867 г.) утверждал, что безрелигиозные, материалистические ценности, исходящие от Запада, угрожают Востоку превращения общества в бесчинствующее «стадо животных». На этой тревожной волне и была сформулирована программа контрреформ: радикальное освобождение госаппарата от реформаторов, выдвижение «высоконравственных чиновников», полный запрет импорта западных товаров, поголовное изгнание иностранных миссионеров, приближение монарха к своим подданным, укрепление обороноспособности путем формирования народного ополчения. К началу 1880-х гг. после некоторых колебаний к лагерю «виджон чхокса» тайно примыкает отстраненный ранее от власти тэвонгун. Заметно окрепшая антиреформаторская оппозиция развернула подготовку к дворцовому перевороту, цель которого состояла в том, чтобы низложить вана Кодэна, негласно сочувствовавшего сирхакистам, и возвести на престол его старшего сына от наложницы — Ли Дэ Сона.

Однако власти сумели упредить действия заговорщиков, лишив их к тому же широкой политической опоры. Вся группа реформаторов в составе 30 высших сановников во главе с До Соном была схвачена и без промедления казнена. Только отец вана — тэвонгун избежал этой участи. С этого времени в рядах правящего янбанства заметно возрастает политическое влияние группировки королевы Мин и сторонников «кэхва»¹. Соответственно, ванская резиденция и правительственные учреждения становятся ареной дальнейшего обострения междоусобицы соперничества и углубления кризиса всей монархической системы.

Отражением крайне неустойчивой ситуации в стране стали нарастающие волнения в армии, вызванные прежде всего бедственным положением солдатской массы и произволом офицеров. Наиболее крупным из них стал стихийный военный мятеж в столичном гарнизоне в июле 1882 г. Вzbунтовавшиеся солдаты, не получившие жалованья на протяжении 13 месяцев, вышли из повиновения офицерам, разоружили и избili наиболее жестоких из них, а затем разграбили продовольственные склады. Попытка ликвидировать и подавить стихийное выступление солдатской массы не удалась.

Оставшимся армейским частям стали присоединяться горожане, крестьяне из соседних деревень и поселков. Разделившись на отряды по несколько сот человек, повстанцы ринулись на основные административные объекты города. Было захвачено полицейское управление, освобождены заключенные. Началась раздача бедноте зерна с правительственных складов. Весьма примечательно, что восстание носило довольно отчетливый антияпонский характер, поскольку японские офицеры к этому времени держали под своим контролем наиболее элитные части императорской армии. В офицерской школе столицы был расстрелян известный курсантам японский военный инструктор Хоримото. Затем мятежники направились к зданию японской дипломатической миссии в Сеуле. Но перепуганный насмерть глава миссии сумел спастись бегством. Повстанцы также попытались захватить королевскую резиденцию* и расправиться с королевой Мин Сон, известной уже в то время своей прокитайской ориентацией. Но супруге монарха также удалось своевременно убежать.

В такой критической ситуации вану Коджону пришлось вновь бежать во дворец отстраненного ранее от власти тэвонгуна, который имел тайные связи с мятежниками. С этого времени власть всей верховной власти в стране вновь оказалась в руках ванов.

¹ В документах и литературе того времени, да и в современных публикациях ванские монархи стали называться и ваном, и королем, так что далее в работе будут употребляться оба эти термина.

тэвонгуна. Однако стихийные народные восстания в стране продолжались, и перед угрозой катастрофы власти Кореи тайно обратились к правительству соседнего Китая с просьбой о чрезвычайной военной помощи. Ответ Пекина не заставил себя ждать. Цинское правительство срочно направило в Корею армейские части численностью около 3 тыс. солдат и офицеров. Вместе с сохранившими лояльность правящей династии частями корейской армии китайская интервенционистская армия жестоко расправилась с повстанцами. В ходе «наведения порядка» в Корею на тайскую территорию под негласное око тамошней полиции был выслан тэвонгун.

Однако подавление военного мятежа отнюдь не привело к умиротворению страны. Внутреннее положение, особенно в роднохозяйственной сфере, оставалось критическим. Усиливалось стремление крупных держав «открыть» окончательно Корею, одновременно неизбежно расширялись и внешние связи страны. В середине 1883 г. при одобрении вана в большое заморское турне направилась миссия, в которую вошел и ряд сторонников «кэхва ундон». В Англии, Франции и США они получили возможность впервые ознакомиться с совершенно иной, по сравнению с Кореей, системой промышленного и сельскохозяйственного развития, народного образования и административного управления.

К этому времени в рядах «кэхва ундон» заметно выделялись медик Ю Хон Ги, буддистский священнослужитель Ли Дон, армейский офицер Лю Сан О, предприниматель-торговец Джан Гю и другие. Однако продвижение реформаторов на административные посты упорно блокировалось консерваторами. Главным жалуй, исключение составлял Ким Ок Кюн, который был особенно знаком с заграничным опытом, хорошо владел не только китайским, но и японским и английским языками. Именно вокруг Ким Ок Кюна как просвещенного и дальновидного реформатора стали группироваться сторонники радикальных действий. В их число входили Со Джэ Пхиль, армейский чин, выпускник элитной военной академии в Японии, Пак Ён Ге, глава правительственной администрации, и другие. Обострение внутриполитического кризиса в связи с продолжением крестьянских выступлений и нарастание давления со стороны крупных держав побуждали ядро реформаторов перейти к прямому захвату власти путем верхушечного государственного переворота, предпринятого в начале декабря 1884 года.

В этот день по случаю открытия почтамта ван Коджон и правительство организовали пышный прием с участием высших гражданских и военных чинов и иностранных дипломатов, самый разгар праздничной церемонии к вану по заданию знатоков подошел Ким Ок Кюн и сообщил ему тревожную весть, якобы цинские войска бесчинствуют в городе и их сторонники намерены устроить поджог королевского дворца. По настоянию

Ок Кюна ван и его супруга спешно укрылись под охрану личной части столичного гарнизона, обученной японскими инструкторами, в другом крыле дворцового ансамбля Кёнунгун, уже перешедшего под контроль заговорщиков. Туда же под предлогом срочного доклада был вызван ряд консервативно настроенных сановников, которые были немедленно казнены как «измены», выступавшие против законной королевской власти. На следующее утро в Сеуле было объявлено о создании нового правительства. Все ключевые посты в нем заняли реформаторы: Ким Ир стал министром финансов, Со Джэ Пхиль — военным министром. Важные политические функции взяли в свои руки деятели «кэхва ундон» — Хон Ён Сик, Ли Джэ Вон и дру-

Несинеполитическая и социально-экономическая программа инициаторов государственного переворота 4 декабря 1884 г. носила высокой степени освободительный (в данной ситуации — антифеодальный), антифеодальный, буржуазно-реформаторский характер. «Корейские декабристы» полагают, что основная причина хозяйственного упадка и деградации — не отжившая система, а произвол и казнокрадство отдельных чиновников. В одном из своих посланий на имя вана Коджона Ким Ок Кюн писал: «Сейчас все шло в упадок. В чем причина этого? В произволе янбанов и казнокрадстве. Если народ производит изделия, то чиновники его беспричинно грабят, а если народ в поте лица зарабатывает немного, то чиновники тотчас его отнимут. Необходимо проводить такую политику, при которой были бы ликвидированы корни бедности, а в противном случае государство придет в упадок».

Более романтическими были представления реформаторов о урегулировании внешнеполитических проблем Кореи. В посланиях вану Коджону, написанных уже в эмиграции романтических событий 1884 г., Ким Ок Кюн утверждал: только установить искренние, дружественные отношения с Европой и США и перестроить внутреннюю политику, просветить невежественный народ и направить его по цивилизации, поднять торговлю, упорядочить финансы и армию, что не представляет особых трудностей., как возвратит нам остров Комундо, а другие иностранные государства также будут вынуждены отказаться от захватнических

Популярные мысли, весьма радикальные для своего времени, актуализировались в газете реформаторов «Хансон сунбо» (русский еженедельник), основанной в 1883 г. Весьма остроумно и деликатно освещая внутривосточные вопросы, газета настойчиво выступала за отказ от устаревших законов и традиций, реорганизацию вооруженных сил, пресечение коррупции, усвоение передового иностранного опыта, улучшение положения китайского народа. В качестве образца позитивного преобразования общества приводились реформы Мейдзи в Японии. Весьма нега-

тивная оценка давалась политике цинского Китая на Корейском полуострове и стремлению консерваторов в королевском дворе в правительстве превратить Корею в «маленький Китай».

Овладев после переворота 4 декабря 1884 г. ключевыми постами в правительстве, лидеры «кэхва ундон» попытались добиться проведения следующих преобразований:

- 1) восстановить власть опального тэвонгуна; 2) упразднить систему сословий, в том числе и янбанство, установить на основе равноправия всех подданных государства такой социальной строй, при котором человек имеет право выбора должности, а наоборот; 3) перестроить всю государственную налоговую систему, искоренить коррупцию бюрократических чинов, добиться улучшения положения простого народа, обеспечить необходимые государственные потребности; 4) ликвидировать главную королевскую канцелярию (администрацию), используя наиболее способную часть уволенных чиновников в других сферах государственной службы; 5) ввести систему строжайшего наказания коррумпированных чиновников, ответственных за социально-экономический развал страны; 6) отменить обременительную систему зерновой ссуды с ростовщическими процентами, используемую для массового ограбления бедноты; 7) упразднить ведение королевского архива, где занято большое число чиновников, а события описываются в духе, выгодном властям; 8) преградить дорогу преступности, навести общественный порядок и законность; 9) упразднить монополию торгово-промышленного ведомства, пользовавшегося особыми королевскими льготами и привилегиями; 10) пересмотреть все дела заключенных и ссыльных и немедленно освободить подданных, не виновных в совершении преступлений; 11) провести объединение всех войсковых корпусов под единым командованием, создать из числа лучших солдат и офицеров подразделение гвардии; 12) упразднить многочисленные службы, занимающиеся финансовыми делами; все финансовые функции сосредоточить в рамках податного (налогового) ведомства; 13) создать регулярно Государственный совет с участием всех министров правительства для обсуждения и решения наиболее важных проблем страны; 14) сократить общее число государственных приказов (ведомств) до шести в целях более рационального решения вопросов управления государственными делами.

Хотя реформаторы тщательно обходили вопросы монархического устройства государства, феодальной собственности на землю, проблемы внешнеполитической ориентации, монархические круги в Кореи усмотрели в программе «кэхва ундон» прямую угрозу своему господствующим позициям. В данной ситуации позиция ванского ближайшего окружения была близка к позиции цинского Китая, который еще со времени военного мятежа в Сеуле (июль 1882 г.) держал на корейской территории армейскую группировку численностью около 1500 солдат и офицеров.

7 декабря 1884 г. китайские войска под командованием И Шикай и некоторые отряды столичного гарнизона, сохранив верность властям, выступили против реформаторов. Их вооруженные силы были рассеяны в считанные часы. В ходе карательной операции Пак Ён Ге (начальник канцелярии правительства) и видные деятели оппозиции были убиты. Другой группой реформаторов, в том числе Ким Ок Кюну, Со Джэ Пхилью и др., прикрытие японских частей удалось бежать в Инчхон и в Японию. Как выяснилось позднее, японское командование, обещавшее реформаторам поддержку своими вооруженными силами, коварно обмануло их (численность японского вооруженного подразделения в Сеуле в это время не превышала 200 человек). Так безуспешно закончилось трехдневное пребывание в Сеуле первого в истории Кореи буржуазно-реформаторского правительства.

Драматические события 4—7 декабря 1884 г. высветили с новой силой прискорбную для последующей истории Кореи политическую картину. Утрачивая последние остатки своего влияния в стране и обществе, господствовавшая прослойка янбанов во главе с королем и королевой все более полагалась на иностранные и особенно китайские, японские, российские и другие. И это было одним из немаловажных предпосылок последующего краха корейской государственности, полной аннексии страны японским империализмом. После насильственного подавления реформаторского движения вновь активизируется роль Китая. Юань Шикай, командующий китайскими войсками, получает звание постоянного резидента и управляющего дипломатическими и военными делами Кореи.

2. Крестьянское восстание 1893—1894 гг. в Корее и японо-китайская война

Вынужденный отказ Кореи от политики самоизоляции и улучшение дипломатических отношений с рядом крупных держав привели к началу заметному ослаблению традиционного консервативного режима, несмотря на подавление в Корее реформаторского движения в декабре 1884 г. Не вступая в открытую конфронтацию с Пекином, японские и английские дельцы с огромной выгодой сбывали на корейском рынке хлопчатобумажные изделия фабричного производства, пряжу, хлопок-сырец, медные изделия, железо, проволоку и другие виды промышленных товаров. Не располагая развитой промышленностью, Корея была вынуждена ввозить во все возрастающем объеме дефицитные для своих потребностей сельскохозяйственную продукцию и все зерно. Согласно далеко не полным данным, товарооборот с 1886 по 1891 г. экспорт риса из Кореи морским путем возрос с 8,4 тыс. до 928 тыс. пикюлей, т.е. более чем в 100 раз при незначительном приросте посевных площадей.

урожайности. Даже в годы крупных стихийных бедствий (наводнения, засухи) торговые партнеры Кореи, в первую очередь Япония, продолжали вывоз по заниженным ценам зерновых из Кореи, и лишь в 1886 и 1889 гг. власти вынуждены были ввести некоторые ограничения по этой статье внешней торговли.

«Открытие» Кореи Японией и крупными западными державами привело не к вытеснению феодальных отношений в стране, а к своеобразному, противоестественному переплетению двух несовместимых форм эксплуатации — традиционной и современной капиталистической. Следствием этого необычного симбиоза стали массовое деклассирование и люмпенизация подавляющей массы трудового крестьянства, ремесленников, городской бедноты, рядового чиновничества. Не только нарождающееся капиталистическое производство фабричного типа, но и мелкое ремесленное производство и торговля неуклонно переходили под контроль иностранных, прежде всего японских, дельцов. (В начале 90-х годов только в Сеуле действовало около 600 японских купцов, которые монопольно держали в своих руках торговлю многими, и прежде всего новыми для местного рынка, товарами — чайными, лампами, керосинками, металлоизделиями и др.)

Усиление социального и одновременно иностранного угнетения вызывало нарастающий, хотя во многом стихийный, протест крестьянской бедноты, нарождающихся средних слоев, учащейся молодежи, рядового чиновничества. Наредок народные выступления приобретали вооруженный характер.

Стихийная волна протеста, направленного против невыносимого феодального и купеческо-ростовщического угнетения, прокатилась в это время по провинциям Чолла, Кёнсан, Кённён. Среди участников вооруженного повстанческого отряда в провинции Кёнсан, намеревавшегося двинуться на штурм правительственной резиденции в Сеуле, распространилась весть о скорой «победе» династии Ли, которой якобы волей небесных сил было отведено для царствования только 500 лет. С приходом нового правителя связывались смутные надежды на появление во власти других, более «справедливых» и «честных» чиновников. Вместе с тем все более весомую роль в крестьянском народном движении играет учение «тонхак», о котором говорилось в предыдущей главе.

Публичная казнь королевскими властями основоположника религиозно-политического учения Чхве Дже У не только не привела к свертыванию движения, а напротив, придала «тонхакцам» новый духовный импульс как мученикам за благородную веру. Безусловно, сильной стороной приверженцев «тонхак» была тесная привязка религиозных догм к острейшим социальным проблемам корейского общества. «Тонхаковцы» призывали к равенству и справедливости между всеми людьми, независимо от их социального статуса, подвергали острой критике высокомерие чиновников по отношению к простолюдинам, их паразитический

ни. Принявший от Чхве Дже У эстафету лидера, Чхве Сих Ён верг сомнению святую святых корейского монархизма, а именно ключевую конфуцианскую догму, согласно которой правитель наделен высшей государственной властью над подданными на земле по воле Неба. Весьма примечательно, что сторонники «тонхак», выдвигая антифеодальные лозунги, призывали также к борьбе против японских колонизаторов и западных «варваров». С лозунгами требованиями положить конец произволу японских колонизаторов выступили рыбаки острова Чечжудо, горнорабочие провинции Кёнсан, трудовые слои населения в портах Пусан, Инчхон, Вонсан. В июле 1890 г. сеульские торговцы провели месячную забастовку (закрытие лавок) в знак протеста против спекулянтов на рынках иностранных купцов. Но все эти выступления были лишь своего рода прелюдией к общенациональной крестьянской войне, разразившейся в 1893—1894 годах.

Условно начало восстания датируется 19 декабря 1892 г. В ответ на попытки властей объявить «тонхак» вне закона несколько тысяч его сторонников собрались в Чонджу — административном центре провинции Чолла. «Тонхаковцы» повторили и основные социальные и политические требования. Специальный посланник вана Коджона, выслушав участников протеста, обещал расследовать деятельность провинциальных чиновников и строго наказать их. Однако власти наотрез отказались предоставить «тонхак» свободу религиозной проповеди.

Между тем лидеры движения продолжали питать иллюзии относительно «доброты» и «справедливости» правителя. В одной из петиций на имя вана Коджона «тонхаковцы», отражая заблуждения своего времени, писали: «Когда люди в нужде, они ищут родителей; когда они страдают, они ищут Бога. Ваше Величество, Бог и Отец для нас». Петиция была составлена в уезде Поын провинции Чхунчхон, и делегация из 40 приверженцев «тонхак» явилась в столицу, чтобы вручить документ монарху.

Вначале власти не реагировали на необычный наплыв «тонхаковцев» в столицу. Но после авантюристической попытки части радикальных сторонников «тонхак» совершить верхоураженский переворот ван Коджон перешел к решительным контрдействиям. 1 апреля 1893 г. он издал чрезвычайный декрет, предписывавший всем «тонхаковцам» немедленно покинуть столицу и вернуться на истинный путь «конфуцианской мудрости». Неповиновение декрету наказывалось смертной казнью.

Однако угрозы властей произвели диаметрально противоположный эффект. В столицу стихийно потянулись новые группы «тонхаковцев». В обращениях к народу содержался призыв отразить японскую экспансию, дать отпор «варварской» т.е. христианской религии, создавать боевые отряды сопротивления. Одно из таких повстанческих формирований в Поыне приняло наименование «Отряд борьбы против японцев и западных варваров». Целые слои населения охватывало движение протеста, хотя в целом выступле-

ния крестьянской бедноты и городских низов носили во многом разрозненный и стихийный характер.

Отряды повстанцев на острове Чеджудо, провинции Пхёнан, в уезде Поын провинции Чхунчхон и других частях страны выходили из повиновения местной администрации, требуя привлечь к ответственности злостных чиновников, в особенности проворовавшихся сборщиков налогов, и изгнания иностранцев. Королевская власть, чувствуя свое бессилие, сделала вид, что идет на уступки: в провинции Чолла были смещены губернатор и начальник военного округа.

Но ни маневры режима, ни усиливающееся иностранное вмешательство были не в состоянии остановить нарастания крестьянского восстания. В январе 1894 г. произошло крупное вооруженное выступление крестьян в уезде Кобу (провинция Чолла) под руководством лидера южной группировки «тонхак» Чон Бон Джуна. В середине февраля 1894 г. повстанцы развернули наступательные действия. Овладевая одним за другим административными центрами, они штурмовали казенные арсеналы, захватывали и раздавали оружие, а также зерно и другое продовольствие бедноте. Основным центром повстанцев стала гора Пэксан в уезде Тхеин. Численность повстанческих отрядов, к которым целыми группами примыкали беглые ноби (крепостные), в короткий срок достигла нескольких тысяч человек. В сражениях с правительственными войсками восставшие, воодушевленные идеями освобождения, как правило, брали верх. 31 мая повстанцы взяли Чонджу — центр провинции Чолла и стали готовиться к движению на Сеул. Королевскую власть и иностранные миссии в столице охватила паника.

На знаменах многих повстанческих отрядов было начертано «Против угнетения, за спасение народа!», «За изгнание из Кореи западных варваров и японцев!». В петициях, распространявшихся повсеместно участниками восстания, говорилось: «Сегодня в правительстве нет людей, способных спасти страну. Выражая волю и решимость всего народа, мы подняли знамя справедливости и клянемся жизнью спасти государство». Вместе с тем во всех повстанческих петициях выражалась верноподданническая преданность вану и надежда, что он «услышит» их голос и обеспечит справедливое правление.

Посланные на подавление восстания правительственные войска во главе с генералом Ли Вон Хё подошли к Чонджу, но не смогли с ходу одолеть повстанцев, хотя последние испытывали острую нехватку боеприпасов и продовольствия. Начались трудные переговоры о перемирии. В числе основных требований повстанцев были: свобода проповеди «тонхак», равноправие в землевладении, уничтожение списков ноби (крепостных), запрет уничижительного обращения с низшим сословием, разрешение вдовам вновь вступать в брак, наказание прояпонских элементов и др.

Стремясь выиграть время, власти с некоторыми поправками приняли требования восставших, хотя осуществление важнейших из них (например, упразднение системы ноби) было невозможно без уничтожения самой старой системы. После кратковременного перемирия повстанческая армия Чон Бон Джуна отошла на юг, к району Намвона.

Между тем крестьянская война продолжала стихийно бушевать в провинциях Чхунчхон, Кёнги, Хванхэ и других самых населенных частях Корейского полуострова, выходящих к побережью Желтого моря. На очередь встал вопрос о создании объединенного центра координации вооруженной и религиозно-политической борьбы народа. К этому времени все очевиднее, по крайней мере для лидеров крестьянской войны, становилась антинациональная роль консервативной монархической власти династии Ли.

Одновременно с внутренними маневрами правящие круги Кореи тайно обращаются к цинскому Китаю с просьбой ввести свои войска для умирения вышедших из повиновения крестьянских масс. Китайские власти, упорно добивавшиеся подобного обращения, дали немедленное согласие, сделав, правда, важную оговорку о гарантиях безопасности всем иностранным миссиям и представительствам в случае их вооруженного вмешательства. Таким образом, из двух вариантов — переход к назревшим внутренним реформам или же новая китайская военная интервенция — правящая династия Ли выбрала второй, т.е. вариант, положивший начало резкому обострению межимперской борьбы за господство на Корейском полуострове.

8 июня 1894 г. полуторатысячная армейская группировка Китая высадилась в районе Асана, чтобы принять прямое участие в подавлении крестьянского восстания в Корее. Однако военная акция Пекина на Корейском полуострове вызвала резко негативную реакцию со стороны Токио. Обвинив Китай в нарушении Тяньцзиньского соглашения, по которому обе стороны должны были взаимно «согласовывать» ввод своих вооруженных контингентов на полуостров, Япония под предлогом защиты интересов своих подданных начала экстренную переброску в Корею войско-вой групп с численностью в 7 тыс. солдат и офицеров. Опираясь на явное военное превосходство, японцы стали действовать в Сеуле как в оккупированной или враждебной стране. Захватив силой резиденцию короля, они выслали на отдаленный остров неудобных им членов кабинета и их главную покровительницу — королеву Мин Мён Сон. Новый кабинет вновь возглавил ярый сторонник прояпонской ориентации — тэвонгун. 25 июля 1894 г. японские корабли близ Асанской бухты массированно атаковали китайские военно-десантные суда, что ознаменовало открытую фазу японо-китайской войны за стратегический контроль над полуостровом. Многие города Кореи (Вонсан, Ыйджу, Анджу, Кванджу, Чечхон, Пхеньян и др.), где проходили японские войска, подверглись разрушениям и опустошениям. Так, в г. Ыйджу

урожайности. Даже в годы крупных стихийных бедствий (наводнения, засухи) торговые партнеры Кореи, в первую очередь Япония, продолжали вывоз по заниженным ценам зерновых из Кореи, и лишь в 1886 и 1889 гг. власти вынуждены были ввести некоторые ограничения по этой статье внешней торговли.

«Открытие» Кореи Японией и крупными западными державами привело не к вытеснению феодальных отношений в стране, а к своеобразному, противоестественному переплетению двух нетождественных форм эксплуатации — традиционной и современной капиталистической. Следствием этого необычного симбиоза стали массовое деклассирование и люмпенизация подавляющей массы трудового крестьянства, ремесленников, городской бедноты, рядового чиновничества. Не только нарождающееся капиталистическое производство фабричного типа, но и мелкое ремесленное производство и торговля неуклонно переходили под контроль иностранных, прежде всего японских, дельцов. (В начале 90-х годов только в Сеуле действовало около 600 японских купцов, которые монопольно держали в своих руках торговлю многими, и прежде всего новыми для местного рынка, товарами — часами, лампами, керосинками, металлоизделиями и др.)

Усиление социального и одновременно иностранного угнетения вызывало нарастающий, хотя во многом стихийный, протест крестьянской бедноты, нарождающихся средних слоев, учащейся молодежи, рядового чиновничества. Нередко народные выступления приобретали вооруженный характер.

Стихийная волна протеста, направленного против невыносимого феодального и купеческо-ростовщического угнетения, прокатилась в это время по провинциям Чолла, Кёнсан, Кёнги. Среди участников вооруженного повстанческого отряда в провинции Кёнсан, намеревавшегося двинуться на штурм правительственной резиденции в Сеуле, распространилась весть о скорой «гибели» династии Ли, которой якобы волей небесных сил было отведено для царствования только 500 лет. С приходом нового правителя связывались смутные надежды на появление во власти других, более «справедливых» и «честных» чиновников. Вместе с тем все более весомую роль в крестьянском народном движении играет учение «тонхак», о котором говорилось в предыдущей главе.

Публичная казнь королевскими властями основоположника религиозно-политического учения Чхве Дже У не только не привела к свертыванию движения, а напротив, придала «тонхакам» новый духовный импульс как мученикам за благородную веру. Безусловно, сильной стороной приверженцев «тонхак» была тесная привязка религиозных догм к острейшим социальным проблемам корейского общества. «Тонхаковцы» призывали к равенству и справедливости между всеми людьми, независимо от их социального статуса, подвергали острой критике высокомерие янбвнов по отношению к простолюдинам, их паразитический образ

жизни. Принявший от Чхве Дже У эстафету лидера, Чхве Сих Ён подверг сомнению святую святых корейского монархизма, а именно ключевую конфуцианскую догму, согласно которой правитель наделен высшей государственной властью над подданными на земле по воле Неба. Весьма примечательно, что сторонники «тонхак», выдвигая антифеодальные лозунги, призывали также к борьбе против японских колонизаторов и западных «варваров». С настойчивыми требованиями положить конец произволу японских колонизаторов выступили рыбаки острова Чечжудо, горнорабочие провинции Кёнсан, трудовые слои населения в портах Пусан, Инчхон, Вонсан. В июле 1890 г. сеульские торговцы провели двухмесячную забастовку (закрытие лавок) в знак протеста против нашествия на рынках иностранных купцов. Но все эти выступления были лишь своего рода прелюдией к общенациональной христианской войне, разразившейся в 1893—1894 годах.

Условно начало восстания датируется 19 декабря 1892 г. В ответ на попытки властей объявить «тонхак» вне закона несколько тысяч его сторонников собрались в Чонджу — административном центре провинции Чолла. «Тонхаковцы» повторили и основные социальные и политические требования. Специальный посланник вана Коджона, выслушав участников протеста, пообещал расследовать деятельность провинциальных чиновников и строго наказать их. Однако власти наотрез отказались предоставить «тонхак» свободу религиозной проповеди.

Между тем лидеры движения продолжали питать иллюзии относительно «доброты» и «справедливости» правителя. В одной из петиций на имя вана Коджона «тонхаковцы», отражая заблуждения своего времени, писали: «Когда люди в нужде, они ищут родителей; когда они страдают, они ищут Бога. Ваше Величество, Вы Бог и Отец для нас». Петиция была составлена в уезде Поын провинции Чхунчхон, и делегация из 40 приверженцев «тонхак» направилась в столицу, чтобы вручить документ монарху.

Вначале власти не реагировали на необычный наплыв «тонхаковцев» в столицу. Но после авантюристической попытки части радикальных сторонников «тонхак» совершить верхушечный переворот ван Коджон перешел к решительным контрдействиям. 1 апреля 1893 г. он издал чрезвычайный декрет, предписывавший всем «тонхаковцам» немедленно покинуть столицу и вернуться на излюбленный путь «конфуцианской мудрости». Неповиновение декрету наказывалось смертной казнью.

Однако угрозы властей произвели диаметрально противоположный эффект. В столицу стихийно потянулись новые группы «тонхаковцев». В обращениях к народу содержался призыв отразить японскую экспансию, дать отпор «варварской» т.е. христианской религии, создавать боевые отряды сопротивления. Одно из таких повстанческих формирований в Поыне приняло наименование «Отряд борьбы против японцев и западных варваров». Целые регионы охватывало движение протеста, хотя в целом выступле-

из 3 тыс. домов оставалось неповрежденными не более 200. Общая численность японских интервенционистских войск достигла вскоре 20 тыс. человек. 26 августа 1894 г. Япония навязала Корее кабальный договор о военном союзе. 16 сентября того же года японская армия нанесла решающее поражение китайским войскам, вынудив их к полной эвакуации с полуострова. В соответствии с Симоносекским мирным договором, подписанным в японском городе Симоносеки, Китай отказался от своего «покровительства» над Кореей и признал ее полный государственный суверенитет. Кроме того, Китай уступил Японии Ляодунский полуостров и остров Тайвань. Тем самым Токио открывал для себя широкий стратегический простор для экспансии в континентальной части Евразии.

Но еще до этого переломного события японские власти, действуя за кулисами, объявили о создании в Сеуле «Высшего военного совета» («Кунгук кимучхо»), призванного покончить с протекционистской зависимостью Кореи от Китая и провести ряд преобразований буржуазно-либерального толка (реформы года кабо).

Упомянутый выше «Кунгук кимучхо», состоявший из 17 высших государственных сановников, включал не только сторонников роялистского консерватизма, но и ряд либеральных деятелей, лидером которых был Ю Гиль Джун. Он формально представлял надправительственный орган, однако на практике он ограничивал не только авторитарную власть тэвонгуна, но и некоторые ключевые полномочия вана. Проекты новых законов, разработанные и обнародованные «Кунгук кимучхо», были направлены на разделение законодательной и исполнительной власти, значительное сокращение и повышение эффективности административного аппарата, в составе которого впервые появились два новых ведомства — по иностранным и торгово-промышленным делам. Таким образом, кабинет министров, выполнявший функции центрального правительства, включал отныне 8 министерств с четким разделением функций. Помимо двух упомянутых выше, в него входили министерства внутренних дел, финансов, обороны, юстиции, просвещения, сельского хозяйства. Соответственно реформировалась структура провинциальных, уездных и других местных органов власти. Кроме того, судебная власть (включая местные суды, портовые городские суды, выездные суды, Верховный суд) отделялась от исполнительной власти, обретая независимый статус. Из-под юрисдикции местных органов власти выводились все провинциальные полицейские управления и формирования, включенные в состав Главного полицейского управления МВД, находившегося в Сеуле.

Важные нововведения, разработанные во многом по японским стандартам, появились в финансово-экономической сфере. Устанавливалась единая по всей стране денежная и налоговая система под контролем министерства финансов. Строго запрещалось уста-

навливать новые обложения помимо уже действующих общегосударственных, в целях упорядочения денежного обращения вводился серебряный стандарт, все прежние натуральные операции заменялись денежными.

Еще более значимый характер носили реформы в области социальных отношений. Отменялась окончательно система крепостной зависимости казенных и частновладельческих ноби. Представители не только средних, но и низших слоев приравнивались в своих правах к янбанам. При этом, последние могли без ограничений заниматься предпринимательством, что открывало некоторые перспективы для буржуазизации части феодального класса. Наконец, реформы года кабо, направленные на модернизацию конституционной монархии в Корее, отменили целый ряд наиболее консервативных обычаев (ранние браки, запрет вдовам вторично выходить замуж и др.).

Назревшие и конструктивные в своей основе реформы года кабо не получили широкого и позитивного отклика в корейском обществе конца XIX в. в силу его незрелости и неготовности к проведению подобных буржуазных преобразований, а также в силу того немаловажного политического фактора, что за ними непременно маячила зловещая фигура японского колониалиста.

Под прикрытием частичных уступок народу многотысячные оккупационные силы Японии, действуя в координации с войсками корейского вана, нанесли ряд разгромных ударов по крестьянскому народному восстанию. В конце ноября — начале декабря 1894 г. крестьянские повстанческие лидеры Чон Бон Джун, Ким Кэ Нам, Сон Хван Джун и другие были схвачены и казнены.

«Умиротворение» Кореи на низовом, народном уровне было важнейшей предпосылкой дальнейшей колонизации полуострова стремительно набравшей силу Японией. Однако на пути продвижения Токио на Корейский полуостров была еще одна преграда внутри правящего королевского клана — влиятельная группировка королевы Мин Мён Сон. Ее полное устранение становится ключевым направлением в деятельности японской дипломатии и военщины в Корее.

3. За кулисами заговора против королевы Мин Мён Сон

Заговор против королевы Мин Мён Сон и ее окружения разрабатывался в Токио по всем канонам коварных самурайских традиций. Главный организатор преступления, поверенный в делах Японии в Корее генерал Миуро Горо, находился в глубокой тени. В захвате покоев королевы участвовали не только японские офицеры, но также солдаты и офицеры корейского подразделения, обученного японскими инструкторами. Тело королевы, умерщвленной в роковую ночь с 7 на 8 октября 1895 г., было сожжено кирагелями. Поэтому в Корее существует лишь символическая могила мученицы.

Со времени гибели королевы Мин прошло целое столетие. Но среди международных не утихают споры о том, кто же был непосредственным организатором и исполнителем злодеяния, в какой утренний час была убита королева, где место ее сожжения? И лишь в одном, пожалуй, сходятся ученые разных стран: мировая история вряд ли знает какой-либо иной пример столь циничного произвола иностранной дипломатии на территории другого, формально «дружественного», государства.

Один из наиболее типичных мифов, которыми заполнены некоторые исторические публикации, особенно в Японии, это миф о «полной непричастности» японской стороны к данному преступлению. Японский исследователь Цунода Фусако в опубликованной книге «Тайное убийство королевы Мин» (Токио, 1988) выдвигает в этой связи поразительную версию, согласно которой генерал Миуро Горо действовал по своей «личной инициативе», т.е. без ведома тогдашнего главы МИД Японии Муцу Мунэмицу и премьера кабинета Ито Хиробуми. Несостоятельность подобных мифов убедительно раскрыта в российском востоковедении и, в частности, в документальной публикации академика Ким Ре Хо.

Как известно, покушение на королеву Мин вызвало крупный международный скандал, гнев и негодование общественности России, Китая, США, Великобритании и других государств. Это вынудило японские власти даже сместить некоторых своих чиновников в Корею и организовать нечто вроде судебного процесса, а по существу фарса, в Хиросиме с единственной целью — доказать непричастность официального Токио к гибели королевы. Не случайно тогда, в самый разгар хиросимского процесса, пришла весть из Сеула — схвачены три непосредственных корейских участника убийства королевы, которые тут же были приговорены к смертной казни. На этом фоне, как и следовало ожидать, хиросимский суд выносит сенсационное постановление о том, что якобы нет доказательств того, что генерал Миуро Горо и его сообщники виновны в организации заговора и убийстве королевы Мин.

В Корею в годы японского колониального владычества предпринимались специальные меры по уничтожению ключевых документов, относящихся к гибели королевы. Но остались в сохранности и все еще малоизученными различные материалы Архива внешней политики Российской империи, в числе которых наибольшую ценность представляют донесения российского дипломата К.И.Вебера и А.И.Середина-Сабатини.

Карл Иванович Вебер, прибывший в резиденцию вана Коджона примерно 30 минут спустя после расправы над королевой, сумел провести тщательный сбор материалов и живых свидетельств. Затем он посетил вана Коджона, а также тэвонгуна, злейшего противника королевы, яростного сторонника прояпонской ориентации. Тэвонгун, как это ни странно, довольно спокойно, с «очень естественным видом» встретил иностранных дипломатов, и у него не было каких-либо сомнений в происходящем как междоусобице внутри монархического клана. Какая-то доля правды в этом, видимо, есть. В одном из донесений Вебера подтверждается скрытое участие в за-

говоре «пятой колонны» из числа «новых» офицеров и солдат, входивших в состав дворцовой охраны. К донесению Вебера об этом трагическом событии было приложено свидетельство самого Коджона, который назвал непосредственных исполнителей злодеяния. В ту памятную ночь, свидетельствовал ван Коджон, на моих глазах японцы Окамото, советник при военном министерстве Кореи, а также Судзуки и Ватанабе ворвались во внутренние покои дворца с обнаженными шашками. Именно они схватили убегавшую королеву. В этот момент Коджон, потрясенный увиденным, потерял сознание, но находившийся рядом наследный принц наблюдал, как японские офицеры ринулись вслед убегающей королеве.

Еще более полное свидетельство по данному сюжету было представлено А.И.Серединым-Сабатини, российским подданным, находившимся в то время на службе в придворной охране у вана. Середин-Сабатини, обедневший дворянин, в дни трагических событий в ночь с 7 на 8 октября 1895 г. в качестве личного телохранителя монарха, единственный из европейцев, находился при исполнении своих охранных обязанностей во внутренней части королевского дворца, примыкавшей к покоям королевы. Согласно его показаниям, на рассвете около 5 час. 30 мин. утра на дворцовой площади началась беспорядочная стрельба, сразу же вызвавшая панику. Но еще до этого около 4 часов инспектору дворцового войска генералу Даю и Середину-Сабатини стало известно, что ко дворцу тайком подтягиваются японские войска. Не теряя времени, они решили тут же провести обход крепостных стен. У северо-западных ворот они увидели в сумерках вооруженный отряд японцев (около 40—50 солдат). Судя по всему, японцы были подтянуты и к другим воротам дворца. Около 5 часов начался штурм. С помощью лестниц нападавшие легко преодолевали невысокие крепостные стены. Но весьма загадочными при этом были действия корейской охраны: из примерно 1500 солдат и 40 офицеров на своих постах к 5 часам оставались лишь 250—300 рядовых и 8 офицеров, остальные, или выполняя чье-то распоряжение, или чувствуя приближение японского штурма, покинули дворцовую территорию. Зато в четверть шестого к штурмующим через западные ворота примкнула их «пятая колонна» — новое корейское подразделение, обученное японцами.

В разгар штурма, когда Середин-Сабатини прорвался ко двору, примыкающему к покоям королевы Мин, он увидел уже совершенно новую охрану — японских солдат и японского офицера в униформе. Здесь же находился взвод «новых» корейцев и около 20—25 истреженных японцев, одетых в гражданское. Всеми действиями нападавших руководил японец, имя которого свидетель не назвал, хотя достаточно прозрачно намекнул, что речь идет о высокопоставленном японском дипломате.

Последние минуты жизни королевы Мин покрыты тайной. На этот счет существует не одна загадочная версия. И все же наиболее вероятным вновь представляется документальное свидетельство Середина-Сабатини, оказавшегося в те роковые минуты буквально в 5—6 метрах от места экзекуции. Ворвавшись с обнаженными саблями в покои королевы, разъяренные японцы с истошными криками:

«Где королева?», — набросились на придворных дам и, хватая их за длинные косы, стали выкидывать из окон во двор с высоты 6 футов. При этом ни одна из жертв расправы даже в предсмертных судорогах не издала никакого истерического звука, вроде стога или панического крика. И это не было результатом мгновенного психологического шока, свидетельствовал Середин-Сабатини. И далее: «Мне хорошо было известно, что молчание корейских женщин было объяснимо весьма высокой степенью их мужественности», порожденной, в свою очередь, национальными традициями и характером.

Среди разноречивых версий о последних минутах жизни и гибели королевы Мин заслуживает внимания следующее свидетельство второго сына вана Коджона: когда разъяренные японцы ворвались в помещение, где находилась королева, навстречу им бросился министр двора. Подняв руки, он умолял о пощаде, но палачи ударили его саблями и ринулись дальше на поиски королевы, которая в это время бежала в сопровождении фрейлины по длинному коридору. Японцы кинулись за ней, настигнув, повалили ее на пол, нанеся тут же несколько сабельных ударов. Смерть была мгновенной. Одна из фрейлин покрыла лицо покойницы платком. После некоторого замешательства палачи, заметая следы, спешно отнесли тело убитой в соседнюю рощу и сожгли его на костре. Так завершился жизненный путь королевы Мин Мён Сон, главным девизом которой в последние годы было: «Ина коиль», что означало «Ближе к России, подальше от Японии!» Жизни и гибели королевы Мин посвящено большое количество книг, повестей, музыкальных произведений, кино- и телесериалов, сложены легенды и народные песни. Но главное, последняя точка над «и» в поистине мужественной биографии еще не поставлена.

Итак, первая половина 1890-х гг. стала периодом поражения янбанского, пробуржуазного реформаторства на Корейском полуострове. Крестьянское восстание 1893—1894 гг. критически ослабило правящий режим, который своими недальновидными маневрами содействовал иностранной интервенции и японо-китайской войне за влияние на Корею. Чтобы окончательно расчистить путь для реализации своих имперских целей в Корее, японская дипломатия осуществляет крайнюю террористическую акцию — убийство королевы Кореи Мин Мён Сон.

Глава XXII

РОССИЙСКО-КОРЕЙСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ В СЕРЕДИНЕ 90-х годов XIX в. ПРОБЛЕМА НЕЙТРАЛИЗАЦИИ КОРЕИ

1. Бегство вана Коджона под покровительство российской миссии

После злодейского убийства королевы Мин Мён Сон в корейской столице воцарилась атмосфера оцепенения и страха. Реальную верховную власть в стране вновь перехватили сторонники прояпонской ориентации, среди которых ключевую роль играли премьер Ким Хон Джип, министр иностранных дел Ким Юн Сик, министр финансов Ю Юн Джун и некоторые другие представители янбанской верхушки, связанные тесными деловыми и политическими нитями с Токио. Японские дипломаты цинично диктовали дальнейшие «правила игры» в Сеуле. Они добились устранения из дворца вана преданной ему личной охраны, которая была заменена марионеточными отрядами «хулэнде», созданными японскими инструкторами. Резиденция корейского вана превратилась в осажденную крепость. Стали поступать отрывочные, но вполне достоверные сведения о том, что японская агентура готовит новую провокацию против вана и его старшего сына — наследника престола.

В такой критической обстановке ван Коджон и его верное окружение начинают лихорадочные поиски способов противодействия заговору. Поскольку открытые силовые действия против заговорщиков были невозможны, был избран другой, во многом необычный путь использования «дипломатической крыши» Российской империи в Сеуле.

В начале февраля 1896 г. плененный де-факто японцами корейский король переслал через верного ему племянника Ли Пом Чина российским дипломатам К.И.Веберу и А.Н.Шпейеру тайное послание, в котором содержалась отчаянная просьба укрыть его лично и его самое близкое окружение в стенах российской миссии. В письме, в частности, говорилось: «Меня неотступно окружает шайка изменников. В последнее время перемена прически по иностранному образцу стала повсеместно вызывать восстания. Именники могут воспользоваться этим случаем, чтобы погубить меня и моего сына. Вместе с наследником я намерен бежать от ожидаемой меня опасности и искать защиты в русской миссии.

Другого средства спастись у меня нет. Глубоко надеюсь, что оба посланника готовы оказать мне покровительство и защиту».

Тревожное послание вана поставило российских дипломатов в исключительно сложное положение. Времени на согласование вопроса с С.-Петербургом не было, и тогда они решились на довольно рискованный шаг: предоставить вану покровительство под крышей дипломатической миссии России до получения официальной санкции С.-Петербурга. Несколько дней российская миссия в Сеуле жила в напряжении, и облегчение наступило лишь после получения телеграммы из Зимнего дворца с одобрением действий К.Вебера и А.Шпейера.

Более того, в поддержку необычной операции в порт Чемульпо (Инчхон) был срочно передислоцирован крейсер «Адмирал Нахимов». С его борта 10 февраля к российской миссии был переброшен специальный отряд в составе 100 моряков, усиленных артиллерией. Одна из боевых задач отряда состояла в том, чтобы обеспечить безопасность переезда вана под крышу российской миссии.

Японская агентура в Сеуле располагала лишь отрывочными сведениями о каких-то приготовлениях во дворце вана, но разгадать план необычной операции при всем своем опыте не сумела. На рассвете 11 февраля 1896 г. к зданию русской миссии в центре корейской столицы поднесли двое ничем особо не примечательных женских носилок, из которых без каких-либо лишних церемоний и помех вышли две фигуры в традиционном женском одеянии. Это были ван Коджон и его старший сын — наследник трона. Прибывшим были отведены два заранее подготовленных помещения в здании миссии. Переведа дух от только что пережитого, ван при содействии русских посланников в тот же день организовал официальную аудиенцию, которая произвела эффект грома среди ясного дня. Было объявлено, что часть здания российской дипломатической миссии, надежно прикрытая вооруженной охраной, становится отныне официальной временной резиденцией короля. Объясняя иностранным дипломатам и своему народу причины столь необычного шага, король открыто заявил, что дальнейшее пребывание во дворце стало смертельно опасным для его жизни. Весьма примечательно, что дипломаты США, Великобритании и других западных государств весьма сочувственно отнеслись к сенсационному известию, в то время как японский министр-резидент, допустивший явный «дипломатический зевок», сидел с непроницаемым каменным лицом, едва скрывая свою ярость.

Начиная с этого дня, на протяжении целого года (точнее 375 дней) ван Коджон предпринимал невероятные усилия, чтобы оградить страну от все более усиливающейся японской экспансии, стремясь одновременно провести ряд остро назревших экономических, политических и социальных преобразований.

Условия почти годичного пребывания корейского монарха в здании российской миссии по своему комфорту, разумеется, не отличались изысканностью. И все же здесь было намного спокойнее, чем в королевском дворце, где каждую ночь можно было ожидать новых японских провокаций. Под охраной российских моряков король хотя бы на какое-то время отбросил тревогу за свою жизнь и жизнь своих близких. Это давало возможность заниматься неотложными делами по управлению государством. В комнату вана была проведена редкая по тому времени местная телефонная связь. Во дворе миссии были возведены временные пристройки, в которых размещались трапезная, канцелярские службы правительственных ведомств, а также слуги и наложницы короля. Большую часть своего времени ван проводил в своих покоях, лишь изредка выезжая в город на наиболее важные церемонии.

В первых своих обращениях и декретах корейский монарх призывал подданных положить конец губительным внутренним раздорам, принять жесткие меры для наказания «изменников», совершивших злодейскую расправу над королевой, отменить некоторые противоречащие традициям Кореи церемониальные европейские нововведения, не приемлемые для общества. Был сформирован новый правительственный кабинет в основном из числа тех высших сановников, которые считали, что лишь последовательная ориентация на Российскую империю может спасти Корею от полного японского порабощения. Министром двора был назначен Ли Че Сун, первым министром — Ким Бён Си, министром внутренних дел — Пак Чун Ян, министром юстиции — Чо Бен Джик, министром иностранных дел — Ли Ван Ён, министром финансов — Юн Ён Гу, военным министром — Ли Юн Ёк, начальником сеульской полиции — Ан Ген Су и т.п. Племянник вана Ли Пом Чин официально не вошел в состав кабинета, но играл де-факто ключевую роль в качестве одного из ближайших королевских советников. Именно через него поддерживалась постоянная связь с российскими дипломатами К.Вебером и А.Шпейером.

В середине февраля 1896 г. корейский монарх передал российской стороне экстренное обращение, в котором говорилось, что «дальнейшее преуспевание Кореи как самостоятельного государства зависит от степени участия в нем России, интересам которой, по мнению вана, вполне отвечало бы существование на ее тихоокеанской окраине вполне самостоятельного корейского государства. Далее корейский монарх просил правительство России «благодарно отнестись к просьбе о помощи и поддержке против окончательного порабощения страны Японией».

Первоочередными вопросами корейско-российского межгосударственного сближения и взаимодействия ван Коджон считал направление в Сеул главного, т.е. политического советника кабинета, а также специалистов в области финансового и военного дела. В середине 1896 г. из Сеула в С.-Петербург на церемонию коро-

нации Николая II направилась первая корейская дипломатическая миссия во главе с Мин Ён Хваном, который передал российской стороне 14 июня 1896 г. более развернутую программу двустороннего сотрудничества, включая сооружение в Корее телеграфной линии и стыковку ее с российской линией, российское содействие в организации личной гвардии вана, а также в подготовке кавалерийских, саперных и других частей, помощь в горнорудных, железнодорожных делах, предоставление российского займа Корее в сумме 3 млн иен с целью скорейшего погашения японского займа, предоставленного в 1895 г. под 6% годовых.

Из памятной записки Мин Ён Хвана на имя министра иностранных дел России А.Б.Лобанова-Ростовского стало также известно, что корейский монарх в целях сохранения своего престижа в стране намерен в скором времени вернуться во дворец, но лишь при том условии, что вслед за ним туда последует русский морской охранный десант, который должен быть расквартирован внутри дворцового ограждения.

В ответ на памятную записку Мин Ён Хвана в С.-Петербурге решили, что пришло время для оказания весьма масштабной финансово-экономической и военно-организационной помощи Корее, исключая лишь акцию по переброске отряда российских военных моряков во дворец вана. Такого рода шаг, говорилось в послании министра иностранных дел А.Б.Лобанова-Ростовского на имя К.И.Вебера от 14 июля 1896 г., был бы весьма ущербным для суверенитета Кореи с возможным осложнением отношений России с Японией и другими мировыми державами. Одно дело — временное убежище корейского вана в российской дипломатической миссии, и совершенно другая ситуация возникла бы в случае размещения российских караулов в самом дворце, говорилось в указанном письме. Корейская сторона согласилась с доводами российской дипломатии, что позволило С.-Петербургу сосредоточиться на оказании финансовой и военной помощи Корее.

При содействии представителя русско-китайского банка в Шанхае Д.Д.Покотилова, а затем финансового советника Алексева был положительно решен вопрос о предоставлении Кореи солидного российского займа. На этой основе началась реорганизация финансовой и налоговой системы Кореи. Одновременно в Сеул прибыли полковник Генштаба вооруженных сил России Д.В.Путята и группа российских военных инструкторов. К декабрю 1896 г. была выработана корейско-российская программа переформирования и подготовки в течение трех лет 6-тысячной регулярной армии Кореи с последующим увеличением до 40 тыс. солдат и офицеров, включая кавалерийские и артиллерийские части.

Однако реализация в полной мере программы корейско-российского экономического и военного взаимодействия, разработанной в середине 1890-х гг., оказалась невозможной. Этому препятствовали, во-первых, обострение фракционного противостояния в

рядах правящей элиты Кореи и, во-вторых, сосредоточение российской экспансии на Дальнем Востоке на маньчжурском направлении. Отсюда сильные колебания в позициях российской дипломатии и стремление Николая II использовать корейский вопрос в своей более крупной геополитической игре на Дальнем Востоке.

Феномен упомянутого выше Симоносекского договора, когда две крупные державы без непосредственного участия самой Кореи решали ее судьбу, был продолжен на последующих этапах дальневосточной дипломатии крупных держав. 14 мая 1896 г. без участия Кореи, хотя бы символического, был подписан российско-японский меморандум, по которому Япония частично ограничивала свои притязания на Корейский полуостров. Численность японского воинского контингента ограничивалась двумя ротами в г. Сеуле и по одной роте в г. Пусане и г. Вонсане. Примерно такое же количество солдат охраны имела право размещать в указанных городах российская сторона. Япония и Россия пришли к соглашению о том, что будут совместно вырабатывать «советы» корейскому монарху.

Несмотря на временные компромиссы с С.-Петербургом, Япония наращивала свою скрытую активность в Сеуле, чтобы «выкурить» корейского монарха из здания российской миссии. У ворот миссии стали устраиваться своего рода сидячие демонстрации «представителей корейского народа» с настойчивыми обращениями к вану вернуться как можно быстрее в свой дворец, чтобы не ронять национальной чести и достоинства. Ван Коджон несколько раз под разными предлогами, включая ссылку на незавершенность сооружения нового дворцового комплекса, оттягивал переезд. Наконец, 20 февраля 1897 г., он покинул российскую миссию и вместе со всей своей свитой оказался в стенах нового дворца.

Однако корейско-российский дипломатический флирт не прошел бесследно. 9 июня 1896 г. Япония вынуждена была подписать новый протокол с Россией, который предоставил российской стороне право содержать одинаковое с Японией количество своих войск в Корее, а также закреплял за Россией право охранять вана по его просьбе, а в случае необходимости усилить свой вооруженный десант в корейской столице.

Тем не менее пик политико-экономического бума в корейско-российских отношениях был пройден. После кратковременного ослабления позиций Токио на Корейском полуострове, обусловленного, в частности, выводом оттуда основного состава японских вооруженных сил, Японии удастся вновь развернуть здесь свое активное антироссийское дипломатическое контрнаступление.

Глубоко проникшая в верхние слои корейского общества японская агентура будировала слухи о «беспомощности» российских чиновников в деле улучшения управления страной. В воззваниях и петициях, составленных националистами прояпонской ориентации, содержался призыв вернуть Корею финансовую и

военную власть, якобы оказавшуюся в руках русских. 28 февраля (12 марта) 1898 г. Коджон, провозглашенный год назад императором Кореи, официально известил российского посланника в Сеуле А.Н.Шпейера о том, что Корея впредь «может обойтись без поддержки России». Спустя несколько дней (5(17) марта 1898 г.) русские военные инструкторы покинули Корею. Одновременно финансовый советник Алексеев также завершил свою миссию, накопив корейскому казначейству 1 278 127 долл. наличными. Была распущена личная гвардия вана Коджона, состоявшая из 30 иностранных военных, в том числе русских.

Отступление Российской империи на Корейском полуострове не было изолированным международным явлением. 5(17) марта 1898 г. Россия получила в аренду в Маньчжурии Порт-Артур, г. Дальний и Квантунскую область, что негласно предполагало ее уступки в пользу Японии на корейском направлении. Итогом японо-русских переговоров, которые велись без непосредственного участия самой Кореи, стало подписание в Токио 13(25) апреля 1898 г. Протокола Ниси—Розена, содержавшего три основных пункта:

1. Россия и Япония окончательно признают права и полную независимость Кореи и взаимно обязуются «воздерживаться от всякого непосредственного вмешательства в дела этой страны».

2. Если Корея в дальнейшем обратится за советами или помощью к Японии или России, то договаривающиеся стороны обязуются «не принимать никаких мер к назначению военных инструкторов и финансовых советников без предварительного между собой соглашения по сему предмету».

3. Принимая во внимание значительное число японских подданных, проживающих в Корее, российские власти не будут «препятствовать развитию торговых и промышленных отношений между Японией и Кореей».

Протокол Ниси—Розена по сей день не получил однозначной исторической оценки ни в российском, ни в зарубежном корееведении. Этот документ превратил Корейский полуостров в «яблоко» межимперского раздора между Токио и С.-Петербургом, открыв «зеленый коридор» японской колониальной экспансии. Корейская сторона официально не признала Токийский протокол, равно как и два предыдущих японо-русских соглашения 1896 г., но де-факто не могла не принимать их во внимание, особенно в условиях назревания русско-японской войны.

2. Обострение борьбы между Россией и Японией за Корею

Подписание Протокола Ниси—Розена и отзыв российского финансового советника и военных инструкторов из Сеула означали наступление нового этапа во внутренней и внешней политике

Кореи. Правители Японии умело воспользовались неспособностью правящей верхушки Кореи эффективно управлять своими финансово-экономическими и военными делами. После отъезда россиян военные вопросы оказались в руках японцев, а финансы вновь захватил тесно связанный с лондонским Сити и японскими предпринимательскими кругами англичанин М.-Л.Браун.

Под их прямым давлением в 1897—1899 гг. объявляются открытыми для иностранного, прежде всего японского, капитала порты Мокпхо и Цзиннампхо, Масан, Кунсан и др. Японцам удалось получить стратегически ключевой контракт на сооружение железной дороги Сеул—Пусан, упредив конкуренцию Германии, Великобритании и России в строительстве транспортных магистралей на полуострове.

Трактуя в своих интересах условия Протокола Ниси—Розена, Япония взяла курс на превращение Корейского полуострова в основную базу для дальнейшего проникновения в Северо-Восточную Азию. К началу 1902 г. японские военные гарнизоны были размещены в Сеуле, Пусане, Вонсане, а также вдоль железной дороги Сеул—Инчхон и телеграфных линий: Сеул—Пусан, Сеул—Мокпхо и др. Японцами были созданы крупные топливные склады в Пусане, Вонсане и Инчхоне, им удалось поставить под контроль 39 прибрежных маяков, а также создать 9 японских школ в различных городах полуострова. В 1902 г. японский капитал контролировал около 72% всего внешнеторгового оборота Кореи. Из 1666 иностранных судов, вошедших в 1900 г. в корейские порты, 1159, т.е. примерно $\frac{2}{3}$, имели японские флаги.

В целях погашения финансовой задолженности Японии по займам 1899 и 1901 гг. Корея вынуждена была уступить кредитору золотоносные прииски в Чикшане, Чангсане и Сонгва, а также концессии на вырубку уникальных лесных массивов в провинции Канвондо. К середине 1903 г. в Корее проживало 26,6 тыс. японцев, причем власти Японии законодательно поощряли эмиграцию своих граждан на Корейский полуостров. Под контролем японцев оказалась и финансово-кредитная система, монополизированная японским банком «Дайнити гинко». Неуклонно продвигалась японизация Кореи в духовной сфере. Все большее число молодых людей не только из привилегированных, но и нарождающихся средних слоев направлялись на льготных условиях в Японию для получения образования, освоения паназиатских ценностей этой страны.

Итогом этой широкомасштабной, пока еще «мирной» экспансии стало дальнейшее ущемление национального суверенитета Кореи, превращение ее территории в аванпост континентальной японской экспансии.

Форсированное проникновение Японии на Корейский полуостров резко обострило японо-российское соперничество. Все расчеты России на участие в проектах сооружения телеграфных

линий в Корее, приобретение земельных участков на юге в районе Пусан—Мокпхо—Цзинампхо, создание угольного склада и заправочной станции для своего флота в Масане, освоение с выгодой лесных концессий, несмотря на благоприятную позицию корейской стороны, наталкивались на жесткое противодействие Японии. Было очевидно, что Корея прежде всего в силу крайней слабости ее национально-государственного потенциала и узлового геостратегического положения стала аренной ожесточенного межимперского противоборства. В этой связи нет каких-либо оснований для лакировки и односторонней оценки внешней политики Российской империи в Восточной Азии в конце XIX — начале XX в. Достаточно объективными представляются в этой связи исторические свидетельства С.Ю.Витте о том, что в тот период в сознании российского монарха то и дело вспыхивало «стихийное желание двинуться на Дальний Восток и завладеть тамошними странами», в числе которых была и Корея. Персональными символами этой линии стали близкие к Николаю II великий князь Александр Михайлович и ротмистр А.М.Безобразов, инициатор военизированной лесной концессии на российско-корейской границе. «В противовес осторожной и взвешенной политике Витте на Дальнем Востоке они легкомысленно шли на обострение отношений с Японией, что в немалой степени способствовало развязыванию войны 1904—1905 годов», — пишет видный исследователь А.В.Игнатъев.

Тяжелым ударом по внешнеполитическому положению Кореи в начале XX в. стало заключение 17(30) января 1902 г. англо-японского политического договора, значительно осложнившего международный статус не только Кореи, но также Китая и России. Действуя в типичных традициях межимперской дипломатии, Токио и Лондон демагогически провозглашали свой совместный интерес в сохранении «статус-кво и общего мира» на Дальнем Востоке, «независимости и территориальной целостности Китайской и Корейской империй». Однако за этими отвлекающими декларациями таились совершенно иные, экспансионистские цели. Заявив об особых торгово-промышленных интересах в Корее, две державы договорились о «совместных действиях», если возникнут какие-либо угрозы этим интересам, включая «внутренние беспорядки». Во второй статье договора содержалась тонко завуалированная идея вывода из игры потенциальных союзников России (в частности, Франции), если по каким-либо причинам разразится японо-российская война. В статье третьей говорилось, что если одна или несколько держав примут участие в войне против одной из участниц договора (в частности, против Японии), то другая договаривающаяся сторона (в данном случае Англия) «придет ей на помощь и будет вести войну сообща и заключит мир во взаимном с нею согласии».

Первоначально российская дипломатия, введенная в заблуждение декларативными заявлениями о приверженности целям сохра-

нения «независимости Китая и Кореи», довольно спокойно реагировала на заключение японо-британского договора. Однако серьезную тревогу и беспокойство скрытая попытка японо-британского сговора по корейскому вопросу вызвала в самой Корее. 22 января (4 февраля) 1902 г. российский посланник в Сеуле А.И.Павлов был информирован о том, что уже с 1901 г. японская дипломатия предпринимает настойчивые усилия, чтобы склонить императора Коджона к подписанию секретного «союзнического» договора против России. В проект подобного соглашения Токио предполагал включить следующие основные статьи: 1) в случае войны между Кореей и Россией Корея обращается за вооруженной помощью к Японии; 2) в случае финансовых осложнений и необходимости получения внешнего займа Корея также обращается к правительству Японии; 3) власти Японии подвергают аресту и доставляют в Сеул для передачи местным властям всех корейских политэмигрантов, укрывающихся на японской территории.

Оформление англо-японского союза 1902 г. и подписание еще до этого события Протокола Ниси—Розена, снижение роли России как крупной региональной державы усилили угрозу международной блокады и изоляции Кореи. А это обстоятельство, в свою очередь, выдвинуло на политическую авансцену вопрос о целесообразности провозглашения статуса постоянного нейтралитета Кореи. Напомним здесь о том, что впервые концепция международной нейтрализации Кореи была высказана императором Кодзоном вслед за настойчивыми попытками японской дипломатии в июле 1898 г. получить в переговорах с Россией полную свободу действий на Корейском полуострове. Для продвижения идеи нейтрализации Кореи в Токио была направлена специальная дипломатическая миссия во главе с Чо Бен Сиком. Однако Япония не без раздражения прервала в январе 1901 г. переговоры по этому вопросу, поскольку его реализация логически влекла за собой вывод японских воинских гарнизонов из Сеула, Вонсана, Пусана и могла привести к общему ослаблению позиций Токио на полуострове. Вопреки японскому противодействию, влиятельные круги российской дипломатии (В.Н.Ламсдорф, А.П.Извольский, Д.В.Путята и др.) были убеждены в том, что нейтрализация Кореи может в целом весьма благоприятно сказаться на стабилизации международной ситуации в Восточной Азии. «Корея в политической форме нейтральной зоны будет лучшим для нас соседом, чем нынешняя, являющаяся источником недоразумений и предметом забот для будущего», — отмечал полковник Д.В.Путята.

В этой же связи другие видные российские политики и дипломаты (как, например, князь Волконский) недвусмысленно отвергли различного рода проекты межимперского раздела Корейского полуострова между Токио и С.-Петербургом. Как видно из архивных материалов, князь Волконский был убежден в том, что подобная акция, т.е. раздел, отнюдь не удержит Японию от дальнейшей экспансии, не говоря уже о том, что проект «игнорирует су-

ществование 10-миллионного корейского народа», который в самом недалеком будущем во всеуслышание заявит о своих интересах.

После заключения в январе 1902 г. англо-японского союза проблема возможного провозглашения нейтралитета Кореи вновь выходит на первую линию дипломатической активности на Дальнем Востоке. 20 июля (2 августа) 1902 г. российский посланник в Японии А.П.Извольский направил министру иностранных дел России В.Н.Ламсдорфу специальное письмо, в котором обращал внимание на формирование нового баланса сил на Дальнем Востоке после оформления союза между Токио и Лондоном. По мнению автора послания, «самым тревожным элементом политического положения» в регионе является корейский вопрос, который может вызвать крайне опасные осложнения в российско-японских отношениях. Российский дипломат считал, что Япония зашла настолько далеко в своих приготовлениях с целью захвата Корейского полуострова, что выработка какого-либо компромисса в отношениях между Токио и С.-Петербургом представляется маловероятной.

В такой кризисной ситуации сохранить и упрочить российские внешнеполитические интересы на Дальнем Востоке, полагал А.П.Извольский, можно путем уже неоднократно обсуждавшегося российской и корейской сторонами проекта нейтрализации Кореи при надежных международных гарантиях, который мог бы оказаться вполне приемлем для Сеула. «Само корейское правительство, вполне сознающее исходящую ему со стороны Японии опасность, как известно, давно мечтает о признании нейтралитета Кореи, и, хотя оно вряд ли отдаст ясный отчет в сопряженных с ним условиях и обязанностях, оно надеется этим путем обеспечить себе судьбу на случай русско-японского столкновения». Нейтрализация Кореи, по мнению А.П.Извольского, умерила бы японские аппетиты в регионе, содействовала бы международной стабилизации, хотя при этом возникли бы и определенные ограничения для прямого распространения российского влияния на полуострове.

Осознавая сложность формирования международного дипломатического механизма обеспечения нейтралитета Кореи, автор письма склонялся к мысли о том, что указанный статус мог быть гарантирован наиболее заинтересованными государствами, т.е. Японией, Россией, а также США, которые, по крайней мере на данном этапе, не преследуют в Корее определенных политических целей и серьезно заинтересованы в свободе торгово-промышленных отношений. При этом первоначальную инициативу в реализации проекта нейтрализации Кореи предлагалось передать непосредственно самой корейской стороне.

Однако вполне реалистические и достаточно аргументированные доводы А.П.Извольского, отвечавшие государственным интересам Кореи, не были поддержаны в ближайшем политическом

окружении российского монарха. К 11 сентября 1902 г. Николай II получил пространное заключение статского советника А.И.Павлова, который дал отрицательную оценку проекту нейтрализации Кореи, ошибочно полагая, что он может стать тормозом для распространения российского влияния на всю Корею и получения на полуострове незамерзающих портов. Не исключая открытого военного столкновения с Японией, А.И.Павлов наивно представлял его только в одном — победоносном для России варианте. Отсюда его обобщающий вывод: нейтрализация Кореи, не обеспечивая в пользу России осязательных выгод и преимуществ, не представляется желательной, хотя за этим проектом стояли коренные интересы сохранения государственного суверенитета Кореи. Не вникая глубоко в существующие проблемы, Николай II одобрил в целом одностороннее заключение А.И.Павлова.

Осенью 1903 г. в условиях назревания японо-русского военного конфликта Корея вновь пытается поставить вопрос о нейтральном статусе, чтобы не оказаться вовлеченной напрямую в войну между двумя державами. 3(16) сентября 1903 г. в Токио направляется корейская дипломатическая миссия во главе с послом Го Ён Хи с предложением обсудить в случае необходимости вопрос о нейтрализации Кореи перед угрозой возникновения японо-русской войны. Однако МИД Японии с порога отверг инициативу Сеула как «несвоевременную».

Вслед за этим корейский монарх обратился с аналогичным предложением к правительству России. Японцам удалось перехватить текст этого обращения, после чего без всяких дипломатических недомолвок была направлена телеграмма МИД Японии императору Коджону. В ней с поразительным цинизмом говорилось, что Токио в курсе того, что специальный агент Сеула направился тайно в С.-Петербург «просить об объявлении Кореи нейтральной страной». Высказав далее довольно рациональную мысль о том, что «Корея должна быть достаточно сильной и богатой», чтобы провозгласить свой нейтралитет, МИД Японии рекомендовал думать о другом — как обеспечить «спокойствие императорского дома», реорганизовать финансы и армию, разумеется, под прямым японским контролем.

Тем не менее в Сеуле не теряли надежды остаться не вовлеченными в назревающую военную схватку между Японией и Россией. В ноябре 1903 г. корейский монарх направил в С.-Петербург экстренную дипломатическую миссию во главе с Хиен Сан Гном для того, чтобы информировать Николая II о стремлении Кореи провозгласить нейтралитет и в случае нарушения его Японией объявить себя союзным по отношению к России государством. В личном послании корейского монарха Николаю II содержались такие строки: «В случае военного столкновения между Японией и Россией Корея всецело доверится России». Стало очевидно, что Корея последними усилиями пытается противодейст-

водить стремлению Токио установить над ней колониальный протекторат.

Посланец императора Коджона возвратился в Сеул 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) с письмом Николая II, в котором содержалась односторонняя российская гарантия сохранения государственной независимости Кореи. Спустя две недели, 16(29) января глава российской миссии в Сеуле А.И.Павлов, который ранее негативно оценивал перспективы нейтрализации Кореи, передал императору Коджону содержание только что полученной из С.-Петербурга телеграммы: «Заявление о сохранении Кореи нейтралитета в случае столкновения между Россией и Японией встречено вполне сочувственно Императорским правительством, и последнее с удовольствием приняло к сведению данные по этому вопросу заверения».

Но еще до поступления этой депеши корейский МИД при содействии российского и французского консульств в Шанхае приступил к рассылке заверенных гербовой печатью телеграмм с официальным заявлением о нейтралитете Кореи. Послания были адресованы правительствам Австрии, Великобритании, Германии, Италии, Китая, России, США, Франции и Японии. В дипломатических кругах Великобритании и некоторых других стран выразили декларативное сочувствие настойчивой инициативе Сеула, но не более. Однако время для взаимоприемлемого урегулирования корейского вопроса было упущено. К началу 1904 г. японо-русские переговоры зашли в тупик. 24 января (5 февраля) 1904 г. посольство Японии в С.-Петербурге заявило о разрыве дипломатических отношений с Россией, а спустя три дня, в ночь на 27 января 1904 г., японский флот атаковал российскую эскадру на рейде Порт-Артура, а Корейский полуостров стал ареной сражений между двумя державами. Так началась русско-японская война, которая почти на полвека предрешила трудную судьбу корейской нации.

3. «Тоннип хёпхве» и его роль в защите национальной независимости Кореи

Угроза независимости и суверенитету Кореи, непрерывно нараставшая со времени «открытия» Кореи крупными мировыми державами во второй половине XIX в., вызвала к жизни различные формы патриотического народного сопротивления. Это были крестьянские восстания и выступления городских низов, волнения молодежи и государственные перевороты. Особое место в национально-просветительском, реформаторском движении корейского народа во второй половине 90-х годов принадлежало «Тоннип хёпхве» («Обществу возрождения»).

Внешнеполитическая ситуация, сложившаяся вокруг Кореи к середине 1890-х гг., в особенности ожесточенное межимперское соперничество крупных держав за колониальное преобладание и

В Северо-Восточной Азии, во многом определили идейную направленность деятельности корейских националистических кругов того времени. Ведущую роль в них играли выходцы из рядов янбанской интеллигенции, что было обусловлено спецификой социальной структуры позднефеодального общества, в котором новые социальные группы (средние слои, наемные работники и др.) только еще нарождались. Именно отдельные представители аристократии, сумевшие получить образование и побывавшие во внешнем мире, становятся активными сторонниками радикального реформирования традиционного общества.

Среди корейских просветителей и националистов-реформаторов конца XIX — начала XX в. заметно выделяется Ю Гиль Джун (1856—1914), которому довелось после получения конфуцианского образования на родине продолжить изучение естественных наук в Массачусетском университете в США. После возвращения на родину он сближается с участниками движения «кэхва ундон», а после японо-китайской войны выдвигается ваном Коджоном на пост министра внутренних дел. После ухода из правительства продолжает развивать просветительские идеи. В своем оригинальном сочинении «Сою кёнмун» («Об увиденном и услышанном на Западе») Ю Гиль Джун активно отстаивал программу возрождения национального хозяйства на основе рыночного обмена и свободной конкуренции. Как никто другой из корейских просветителей того времени, он ратовал за позитивные по сравнению с консервативными республиканские (выборные) методы формирования административно-управленческой системы. Просветитель осуждал политику национально-государственной замкнутости и изоляции, подчеркивая при этом невозможность возрождения страны без освоения технического и культурного опыта других народов мира.

Такого рода подход проявлялся и в позициях большинства ведущих лидеров «Гоннип хёпхве». Так, Ли Сан Джэ (1860—1929) после заграничной службы в дипломатической миссии Кореи в США (1888 г.) и возвращения на родину включается в работу «Гоннип хёпхве». В качестве редактора «Чосон ильбо» он активно отстаивал патриотические реформаторские идеи приобщения Кореи к мировому прогрессу. Вместе с тем Ли Сан Джэ, как, впрочем, и ряд других видных лидеров «Гоннип хёпхве», склонялся к использованию в освободительном движении методов ненасильственного сопротивления, что не могло не получать одобрения консерваторов. Ли Сан Джэ и его сторонники были убеждены в том, что именно образование, просвещение, культура в состоянии обеспечить прогресс и независимость государства. Вместе с тем репрессивные действия японской военщины в Корее породили мучительное раздвоение в его сознании и психологии.

Весьма противоречива биография другого видного деятеля «Гоннип хёпхве» Нам Гун Ока (1863—1939), редактора реформаторской, патриотической газеты «Хвансан синмун», на страницах которой читатель находил богатую информацию о значении культурно-просветительской деятельности в возрождении страны. Будучи свидетелем японского произвола, Нам Гун Ок отверг заманчивое

предложение перейти на службу в колониальную администрацию удалился в глухой горный уголок провинции Канвон, где занялся выращиванием цветов мугунхва — символа национальной свободы и независимости. Но даже столь мирное занятие патриота не давало покоя японским властям, которые держали его под неусыпным полицейским оком и неоднократно подвергали преследованиям и репрессиям.

Видными деятелями «Тоннип хёпхве» были Ан Чхан Хо (1878—1938), Юн Чи Хо (1864—1946), Со Джэ Пхиль (Филипп Джексон) и другие. Ан Чхан Хо, выходец из рядов янбанской интеллигенции, провел юношеские годы среди учащейся молодежи Сеула. Здесь он без колебаний примыкает к сторонникам патриотической газеты «Тоннип синмун». Будучи одаренным организатором, он создает местное отделение «Тоннип хёпхве» в Пхеньяне, которое стало играть заметную роль в просветительском и реформаторском движении страны. С 1900 по 1906 гг. Ан Чхан Хо вынужден был находиться в эмиграции в США. После возвращения на родину он создает нелегальную освободительную организацию «Синганхве» («Новое народное общество»), открывает школы патриотической ориентации в Пхеньяне, Чонджу и Асане, участвует в учреждении народных библиотек и газеты «Тэхан эмил синбо» («Корейская ежедневная газета»). Ан Чхан Хо был убежденным сторонником ненасильственного сопротивления колониальному режиму, что отталкивало от него некоторых представителей радикальных течений освободительного движения. Однако японские власти подвергали его не менее суровым преследованиям, чем радикалов и сторонников вооруженной борьбы. Многие годы ему пришлось провести в колониальной тюрьме, из которой он вырвался лишь незадолго до начала Второй мировой войны. Патриотические идеи Ан Чхан Хо, несмотря на его сдержанное отношение к организации вооруженного восстания и партизанской борьбе, сыграли заметную роль в формировании общедемократической платформы национально-освободительного движения корейского народа.

Одним из немногих ведущих деятелей «Тоннип хёпхве», прожившим долгую жизнь вплоть до знаменательных дней освобождения и деколонизации Кореи в 1945—1946 гг., был Юн Чи Хо (1864—1946). Подобно другим дворянским просветителям конца XIX — начала XX в., он начал свою политическую деятельность в качестве сторонника «кэхва ундон», что логически привело его в ряды участников реформаторского переворота 1884 г. в Сеуле. Ссылаясь от расправы властей, молодой реформатор нелегально эмигрирует в Китай, где планировалось продолжение его контактов с Ким Ок Кюном. После трагического убийства последнего Юн Чи Хо выехал в США, где продолжил свое образование в университете Вандербильда на теологическом и других факультетах. Осваивая достижения мировой гуманитарной мысли, Юн Чи Хо не переставал поражаться антагонизмом, заложенным в недрах западной демократии. Суровая расовая дискриминация чернокожих и неравноправие желтокожих — выходцев из Восточной Азии явно расходились с гуманистическими принципами американской Декларации независи-

мисти. Отсюда Юн Чи Хо приходит к выводу, что реформаторское преобразование Кореи должно идти своим, просветительским путем, в котором будут учитываться и национальные традиции, и мировой опыт. В середине 1890-х гг. Юн Чи Хо возвращается в Корею и спустя три года (в 1898 г.) избирается председателем «Тоннип хёпхве» и назначается редактором ставшей весьма популярной и влиятельной к тому времени газеты «Тоннип синмун». Весной того же года Юн Чи Хо становится во главе «Маннин Кон-хёпхве» («Всенародное Собрание»), действовавшего на платформе национально-освободительного, антиколониального сопротивления.

Патриотическая деятельность Юн Чи Хо не давала покоя японской охранке. В 1910 г. он оказался за тюремной решеткой по обвинению в соучастии в тайном заговоре против японского генерал-губернатора. Но японские власти не сумели доказать свои обвинения, что вынудило их выпустить патриота на свободу. Продолжая мучительные поиски путей освобождения родины, Юн Чи Хо возлагал особые надежды на поддержку мировой христианской религии, искал сочувствия и понимания правящих кругов и обществ США и даже склонялся к компромиссу и соглашательству с японскими колониальными властями.

Патриотическая деятельность «Тоннип хёпхве» под лозунгами национализма — заметное явление в социально-политической истории Кореи конца XIX — начала XX в. Необычная для условий зависимой страны организация выдвинула содержательную форму обновления и прогресса. Печатная трибуна организа-

«Тоннип синмун», выходявшая вначале тиражом в 100 экз., вскоре перешагнула за 3 тыс. экземпляров, причем новости передавались из рук в руки и нередко читались вслух. Кроме издания на английском языке печаталось с целью более широкого ознакомления зарубежной общественности в США и других странах о ситуации в Корее.

«Тоннип хёпхве» развернуло активную практическую деятельность по созданию новых учебников национальной истории и корейского языка с переходом с вертикального письма на горизонтальное, составлению словарей, переизданию выдающихся произведений корейской культуры, а также популяризации передовых идей Запада в сфере образования и просвещения. Заметным событием в деятельности просветителей стал выход в 1896 г. альманаха «Тэдон ёкса» («История великого восточного государства»), автором которой был Чхве Ён Хван.

Деятельность «Тоннип хёпхве» не ограничивалась только Сеулом и распространялась на другие города и местности Корейского полуострова — Пхеньян, Сувон, Кёнджу, Чонджу, провинцию Чолла. Под эгидой «Тоннип хёпхве» возникло «Общество женщин», которое наряду с другими просветительскими движениями выступило в поддержку широких прогрессивных преобразований. Примечательно, что сторонники этих движений в своих ораторских речах и публикациях ссылались не только на

Декларацию независимости США и европейских просветителей (Руссо, Локка, Монтескье), но и на многие конфуцианские каноны, которые якобы были «преданы забвению» или неверно истолкованы.

За первые три года своей политической активности «Тоннип хёпхве» провело 31 массовой митинг, каждый из которых оставил заметный след в национальном сознании корейского народа.

«Тоннип хёпхве» проводило своеобразные народные собрания в форме открытых состязаний между различными ораторами. На этих собраниях обсуждались четыре основные темы. Первая касалась требований радикальной модернизации системы образования и здравоохранения. Особенно актуальным представлялся перевод образования с ханмуна (китайской иероглифики) на хангыль (корейское фонетическое письмо).

Другая группа программных вопросов корейских просветителей охватывала социально-экономическое развитие страны с акцентом на внедрение паровых двигателей, электричества, содействие торговле как источнику благосостояния общества и государственного богатства. Недопустимой и преступной перед нацией объявлялась передача в какой-либо форме земельного фонда страны иностранным собственникам.

Третий круг обсуждаемых вопросов затрагивал внешнюю политику, безопасность и дипломатию корейского государства. Основой независимого курса государства на международной арене реформаторы считали политику международного нейтралитета. Вместе с тем часть лидеров организации не сумела реалистически оценить внешнеполитические приоритеты Кореи. (В период временного пребывания вана Коджона в российской дипломатической миссии «Тоннип хёпхве» устраивало антироссийские сидячие забастовки, требовало немедленного удаления из страны не только российских моряков, но и финансового советника, военных инструкторов и т.п.). Антироссийская позиция «Тоннип хёпхве» объективно играла на руку японской экспансии.

Четвертый круг проблем в просветительских разработках «Тоннип хёпхве» относился к духовному совершенствованию общества. Подобное совершенствование предполагало, в частности, соблюдение конфуцианского принципа «дао», поклонение культу предков и поддержание духа согласия между правителем и его подданными. В феврале 1898 г. у Арки независимости, возведенной по инициативе «Тоннип хёпхве», была принята петиция, которая, в частности, гласила: «Государство должно отличаться двумя чертами: не опираться на чужую помощь, оставаться самостоятельным. Политика и законы государства должны быть суверенными. Это те основные качества, которые ниспосланы Небом нашему государству. Если этого нет, то нет и государства». В другом публичном заявлении 135 членов «Тоннип хёпхве» содержался призыв к народу: «Послужим императору, поклянемся восстановить само-

стоятельность государства, хотя бы для этого пришлось пожертвовать жизнью».

Эти пророялистские тенденции реформаторов имеют свое историческое оправдание. В сложной внешнеполитической ситуации того времени реформаторы не видели какой-либо альтернативы монархической власти, тем более что ван Коджон, провозгласивший себя в 1897 г. императором, первоначально довольно благожелательно относился к лидерам организации. Некоторые из них были назначены на довольно высокие посты. Более того, не без инициативы реформаторов был принят ряд эдиктов либерального толка, открыто педагогическое училище и военная школа для выпускников из незнатных семей и т.п.

Однако проблема реформирования позднефеодального корейского общества, которое оказалось под угрозой иностранного порабощения, вызвала непримиримый раскол в правящих янбанских кругах. Влиятельная часть консерваторов, в числе которых был министр просвещения Син Ги Сон, в корне отвергала какие-либо позитивные потенции влияния европейской цивилизации на Корею. По определению Син Ги Сона, пример многих «варварских обычаев» Запада совершенно непригоден и даже опасен для Кореи. Отвергались также всякие попытки внедрения алфавитной инициальной письменности хангыль, введения западных образцов более рационального обмундирования для армии и полиции, предоставления гражданам свободы обмена мнениями. В противо-

«Тоннип хёпхве» 23 июля 1898 г. в Сеуле возникает «Хванггук хёпхве» («Императорское общество»), члены которого призваны сыграть роль черносотенцев в борьбе против либеральных идей и преобразований реформаторов-просветителей.

В июне 1898 г. власти начали первые массовые аресты руководителей «Тоннип хёпхве». В октябре того же года императорским указом населению было запрещено «собираться на улицах, заниматься политикой и даже подвергать критике деятельность министров». Но страна продолжала бурлить как встревоженный улей. Поэтому монархия вынуждена была маневрировать. 23 октября 1898 г. император в очередной раз издал указ о реформе государственного управления и объявил кампанию по усилению борьбы против казнокрадства. Уступкой властей деловым кругам было также снятие прежнего запрета на приглашение иностранных специалистов для участия в строительстве железных дорог и разработке природных богатств. Однако наряду с этим указом император объявил о роспуске «Тоннип хёпхве» и немедленном аресте его 17 наиболее видных деятелей. Хотя спустя две недели (14 ноября) император распорядился освободить арестованных, страна продолжала бушевать. 14 ноября 1898 г. Коджон вынужден был разрешить легальное существование «Тоннип хёпхве», одновременно стягивая к столице верные ему воинские подразделения из провинций. 13 декабря 1898 г. регулярные войска начали плановую операцию по тотальному подавлению реформаторско-

просветительского движения. Вновь был издан эдикт императора с запретом собираться в группы более 5—10 человек, причем такого рода сходки должны были проводиться только под присмотром полиции. Большая часть лидеров организации оказалась в тюрьме или в лучшем случае в эмиграции. Попытки воссоздания «Тоннип хёпхве» в последующие годы под другими названиями не имели значительного успеха.

Недолгая история «Тоннип хёпхве» оставила заметный след в истории освободительного движения корейского народа. Неудачная позиция Коджона, оказавшегося в одном стане с крайними консерваторами и не сумевшего уловить прогрессивный потенциал «Тоннип хёпхве», резко сузила социальную базу самой монархии, что, в свою очередь, объективно вело к утрате Кореей независимости.

Контрольные вопросы к разделу четвертому

1. Охарактеризуйте основные причины углубления политическо и социально-экономического кризиса в Корее в середине XIX века.
2. Какие внутренние и международные факторы привели к завершению периода «отшельничества» Кореи?
3. Раскройте основное содержание Канхваского договора 1876 г. и его последствий для Кореи.
4. Раскройте содержание движения «кэхва ундон» в контексте и требования освободительного движения в Корее в конце XIX века.
5. Каковы основные предпосылки, характер и итоги крестьянско восстания 1893—1894 гг.?
6. Каковы причины и последствия японо-китайской войны 1894—1895 гг.?
7. Какие внутренние и внешние угрозы вынудили вана Коджон обратиться в дипломатической миссии России (1896—1897 гг.)?
8. Раскройте основные черты культурного развития Кореи в конце XIX — начале XX века.

Рекомендуемая литература

- Вопросы истории Кореи (Петербургский научный семинар). СПб., 1997.
- История Кореи. Т. I. М., 1974.
- История внешней политики России (Конец XIX — начало XX в.) / ред. А.Н.Сахаров. М., 1999.
- История российской духовной миссии в Корее / Сост. Д.Поддубный. М., 1999.
- Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в. — г. Алматы, 1999.
- Ким Г.Н. История религий Кореи. Алматы, 2002.
- Корея и Россия: Традиции и современность / Под ред. В.Ф.Лисицына и А.А.Волоховой. М., 2003.
- Корейцы на российском Дальнем Востоке. Вторая половина XIX — начало XX в. / Отв. ред. А.А.Торопов. Владивосток, 2002.
- Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные труды. М., 2001.
- Ли Ги Бек. История Кореи: Новая трактовка / Под ред. С.О.Куликова (Пер. с корейского). М., 2000.
- Ли Бомджин / Сост. Б.Д.Пак. М., 2002.
- Парочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956.
- Пам С.Г. Российские корейцы: История и культура. 1860—1920 гг. М., 1998.
- Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979.
- Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. 1860—1888. М., Издательство СПб., 1998.
- Пак Чон Хё. Россия и Корея. 1895—1898. М., 1993.
- Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904—1905 гг. и Корея. М., 1997.

Глава XXIII

КОРЕЯ В УСЛОВИЯХ ЯПОНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО УГНЕТЕНИЯ

1. Русско-японская война и аннексия Кореи

Упорные дипломатические усилия Кореи провозгласить статус международного нейтралитета и тем самым уклониться от соучастия в назревающей войне между Японией и Россией не принесли результатов прежде всего в силу пассивного интереса к данной проблеме крупных держав, включая Россию, хотя последняя высказала явно запоздалую поддержку этой идее. Немалую роль здесь играли заблуждения и просчеты правящих кругов России в оценке стратегической ситуации на Дальнем Востоке.

Российская монархия в случае вооруженного столкновения с Японией исключала первоначально всякий компромисс и намеревалась вести войну до победы, которая привела бы к тому, что империя микадо «не могла больше иметь ни войск, ни флота». В Манифесте царя от 18 февраля 1904 г., т.е. уже в разгар военных действий, говорилось, что Россия ведет войну не только за свою честь и достоинство, но и за тихоокеанское «господство». Правда, после тревожной реакции иностранной дипломатии главе внешнеполитического ведомства В.Н.Ламсдорфу пришлось пояснить, что имелось в виду намерение императора «господствовать на своем берегу Тихого океана». Одновременно российские дипломаты пояснили также, что в случае мирного соглашения с Токио С.-Петербург будет настаивать на восстановлении своих довоенных позиций в Маньчжурии и вытеснении японцев с Корейского полуострова.

В первые же недели войны, вопреки победным реляциям С.-Петербурга, Корея оказалась в японской военно-политической оккупации. Уже к середине марта 1904 г. на стратегическом плацдарме между портом Инчхон и рекой Амноккан была размещена 100-тысячная армейская группировка Японии.

10(23) февраля 1904 г. Сеулу пришлось подписать «дружественное» соглашение с Токио, которое гласило: 1. Правительство Кореи «должно принимать во внимание» советы и рекомендации по управлению страной, исходящие от Японии; 2. Именно Япония призвана «обеспечивать независимость и территориальную целостность Кореи»; 3. В случае возникновения гражданской войны или каких-либо иных угроз Япония принимает на себя ответственность за «защиту императорского дома Кореи»; 4. Япон-

ские власти могут «занимать любой участок земли для военных действий в Корее»; 5. Правительство Кореи лишается права «без согласования с Японией» вступать в дипломатические переговоры и заключать договоры с другими государствами. В дополнение к этому кабальному соглашению японские власти принудили корейского монарха издать 6 мая 1904 г. декрет о денонсации всех официальных договоров, заключенных прежде между Кореей и Россией, в том числе Договора от 7 июля 1884 года.

К середине апреля 1904 г. Япония дополнительно развернула в Корее 45-тысячную армейскую группировку под командованием генерала Куроки. Почти весь полуостров превратился в арену разрозненных сражений между воюющими частями. Один из основных ударов по российской группировке в Порт-Артуре японское командование планировало нанести с оккупированной им корейской территории и пограничных рубежей по реке Амноккан.

Русско-японская война окончательно расколола корейское общество. Некоторая часть выходцев из янбанской среды, офицерства, чиновничества, представителей торгово-промышленного капитала склонялась к сотрудничеству с оккупантами. Вместе с тем война стала сильнейшим толчком для пробуждения антияпонского, патриотического сознания, для нового подъема вооруженного освободительного движения, которое с середины 90-х годов разветвлялось под лозунгами крестьянского народного восстания «Ыйбён» («Армия справедливости»).

Один из первых антияпонских партизанских отрядов численностью около 1 тыс. повстанцев был сформирован весной 1904 г. в провинции Хамгеннамо во главе с Ли Бом Юном, бывшим губернатором района Кандо (Цзяньдао) в Восточной Маньчжурии на левобережье Тумангана, где компактно проживало корейское население. Партизаны Ли Бом Юна проводили успешные операции против японских гарнизонов, оказывали помощь действиям российских войск.

Другим известным антияпонским повстанческим отрядом командовал выпускник российского Чугуевского военного училища Хен Хан Гын. В марте 1904 г. корейский партизанский отряд в районе Вонсана вел упорные бои с японскими подразделениями. В районе Пхеньяна антияпонский партизанский отряд насчитывал около 500 бойцов. Небольшие мобильные повстанческие группы действовали и в южных провинциях, хотя основным районом антияпонской вооруженной борьбы были центр и север Кореи. В июле 1904 г. среди солдат корейской армии, которую японское командование стремилось использовать в своих оккупационных целях, было распространено секретное распоряжение императора Коджона: в русских не стрелять и всячески помогать им в доставке фуража, провианта, ориентировании на местности. Одновременно командование российскими войсками перебросило на северокорейскую территорию 3-тысячный кавалерийский отряд во главе с этническим корейцем Ким Ин Су (Ким Виктор). Стремя-

ельные рейды российских кавалеристов, наладивших взаимодействие с партизанами «Ыйбён», вызывали панику и страх в японских гарнизонах.

Успешные антияпонские действия разрозненных отрядов корейских партизан породили среди командования вооруженными силами России на Дальнем Востоке идею экстренного формирования корейского народного ополчения как весьма эффективного стратегического резерва в войне с Японией. 3(16) ноября 1904 г. подполковник Корф представил своему командованию служебную записку, в которой говорилось, что отряды корейского ополчения способны будут выполнять исключительно важную диверсионную и разведывательную миссию, особенно на флангах и в тылах расположения японских войск. В ряды народного ополчения потянутся все корейское население, недовольное японским оккупационным произволом. Только в двух северо-восточных провинциях под ружье в короткий срок можно было поставить более 6 тыс. ополченцев. Оружие для ополченцев (берданки) предлагалось выдвинуть со складов Приамурского военного округа, а снабжение провиантом могло бы взять на себя местное население. Командные должности в ополчении от взвода и выше предлагалось передать исключительно корейской стороне.

Однако многообещающая идея развертывания вооруженного народного сопротивления на Корейском полуострове не получила практической реализации. Российские власти сочли нецелесообразным столь демонстративно вооружать повстанческую армию Кореи. С декабря 1904 г. японские войска развернули широкое контрнаступление на слабо укрепленные позиции русских войск и корейских партизан, оттесняя их в наиболее глухие и отдаленные районы страны. Сразу же после подписания Портсмутского мирного договора 23 августа (5 сентября) 1905 г. представитель русского командования полковник Павлов и представитель японских войск генерал Хааси оформили официальное двустороннее соглашение, по которому российской стороне предписывалось в течение 5 суток «очистить» корейскую территорию.

Переговоры о прекращении русско-японской войны начались в американском курортном городе Портсмут при посредничестве президента США Т.Рузвельта 27 июля 1905 г. Первым уполномоченным от Российской империи был назначен С.Ю.Витте, вторым — российский посол в Вашингтоне Р.Р.Розен. Дипломатическая директива для российской делегации представляла поразительный набор иллюзий, включавших представление о «предельном истощении» Японии и способности России еще вести длительную, затяжную войну. По вопросу о мирном политическом урегулировании в Корее в директиве говорилось, что Япония заняла корейскую территорию и власть в этой стране вопреки нормам международного права и это явилось «вопиющим нарушением договоров, обеспечивающих независимость и неприкосновенность Корейского государства». Поэтому российская де-

легация должна настаивать на «включении в мирный договор условия признания Японией полной независимости Кореи», а также ее обязательства вывести с корейской территории свои войска в возможно сжатые сроки. Россия может признать «права Японии на преимущественное положение в Корее» как суверенном государстве при условии обязательства Токио не вводить в приграничные районы Северной Кореи войска, не возводить там, а также на юге полуострова крепостных сооружений, уважать свободу судоходства через Корейский пролив.

Между тем Япония как очевидный победитель в войне с Россией стремилась прежде всего закрепить за собой захват Корейского полуострова. В реализации этого замысла немалую роль сыграла прямая дипломатическая поддержка Вашингтона и Лондона. За полторы недели до начала переговоров в Портсмуте в Токио было подписано секретное американо-японское соглашение (Тафта—Кацура), по которому США одобрили установление японского протектората над Кореей. (Позднее к этому соглашению присоединилась и Великобритания.) Тем самым США односторонне дезавуировали свое обязательство по Договору 1882 г. с Кореей, в котором было сказано, что Вашингтон в случае давления или угроз третьей стороны «предложит свои добрые услуги, чтобы добиться полюбовного разрешения вопроса».

В итоге в статье по корейскому вопросу в Портсмутском мирном договоре (подписан 23 августа 1905 г.) полностью обходилось положение о государственном суверенитете Кореи, которая отныне превращалась в сферу имперского владычества Японии. Данная статья, в частности, гласила, что Россия, «признавая за Японией в Корее преобладающие интересы, политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почтить необходимым принять в Корее». Кроме того, договаривающиеся стороны обязались воздерживаться от каких-либо военных мер на корейско-российской границе, могущих угрожать безопасности в данном регионе.

Хотя император Коджон номинально продолжал оставаться в своей резиденции, вся реальная власть оказалась в руках японских «советников» по финансовым, военным, полицейским, образовательно-культурным, протокольным и другим делам. Не осталась без «вознаграждения» и американская сторона. Для того чтобы контролировать и направлять работу МИД Кореи, из США прибыл опытный дипломат и разведчик Стивенс. (Позднее, в 1908 г., он был убит корейскими националистами.)

В самой Корее вести из Портсмута вызвали во всех кругах общества, в первую очередь среди интеллигенции, чиновничества, студенчества и учащейся молодежи, новую волну протеста. В крупных городах стихийно собирались толпы патриотически настроенных жителей. В ходе уличных беспорядков совершались нападения на административные здания, поджоги домов, в которых

проживали прояпонские деятели. Но одновременно с этим про- японской агентуре под прикрытием оккупационных войск удалось организовать шумные выступления люмпенов и пауперов с требо- ванием немедленного установления над Кореей полного прямого протектората империи микадо. Во главе этого коллаборационист- ского движения были поставлены Сон Бён Джун и Ли Ён Гу, со- здавшие прояпонскую организацию «Ильчинхве» («Единое про- грессивное общество») с политической платформой паназиатского взаимодействия всех азиатов под эгидой Японии.

Действуя на волне коллаборационизма, японские власти пере- шли к форсированному оформлению так называемого «Договора о покровительстве», составленного 4(17) ноября 1905 г. Текст этого договора включал пять основных положений: 1. Японское правительство «будет впредь иметь контроль и направлять внеш- ние сношения и дела Кореи», а дипломатические и консульские представители Японии за рубежом берут на себя функции, кото- рые раньше выполняли корейские дипломаты. 2. Япония ставит под свой контроль исполнение всех международных договоров Кореи, которая обязуется заключать международные соглашения только при посредничестве Токио. 3. Японию представит при дворе императора Кореи «генеральный резидент», который будет главным образом вести внешнеполитическими делами Кореи и направлять их. Японией предоставляется право назначать своих ре- презентентов во всех открытых портах и других населенных пунктах Кореи. 4. Остаются в силе все прежние конвенции, заключенные между Японией и Кореей, если они не противоречат данному до- говору. 5. Япония «гарантирует поддержание безопасности и до- стоинства Императорского корейского дома».

Патриотические организации Кореи, несмотря на мощное даве- ние со стороны «Ильчинхве», пытались противостоять японской программе окончательного захвата страны. Тогда японские власти решили форсировать события и запустить в ход силовой вариант введения протектората. Последующие события развивались по следующему сценарию. Находившийся в Сеуле специальный по- сланник микадо Ито Хиробуми и его подрывный генерал Хасегава под прикрытием мощного военного заслона ворвались внезапно во дворец корейского монарха, требуя от него немедленно подпи- сать и завизировать печатью Договор о покровительстве. Натолк- нувшись на упорный отказ императора и членов его кабинета, японцы учинили во дворце настоящие побоище и погром. Они побили на пол и выволокли из помещения премьер-министра Анн Гю Соля, затем овладели в личных апартаментах Коджона императорской печатью, а в помещении правительства Кореи ве- домственной печатью Министерства иностранных дел. Поставив эти две ключевые красные печати под текстом договора, Ито Хи- робуми вновь потребовал от императора Коджона и корейских министров подписать их. Натолкнувшись на новое противодейст-

вие, японские сановники решили пойти на прямой подлог — подделать подписи корейской стороны.

Однако весть о неслыханном произволе в императорском дворце молнией разнеслась по всему Сеулу. Буквально по следам этих событий 13(26) ноября в Сеуле состоялось стихийное совещание 100 бывших министров и сановников, которые составили петицию к представителям иностранных государств, в которой говорилось о вопиющем произволе, совершенном японцами с целью оформления договора. Участники совещания обратились к императору Коджону с просьбой отказаться от ратификации договора и привлечь к ответственности тех трусливых министров, которые согласились завизировать документ.

Кабальный Договор о покровительстве, несмотря на жестокие репрессии интервентов, вызвал новую волну антияпонского вооруженного сопротивления в Корее. (Главный организатор этой противоправной акции маркиз Ито Хиробуми был убит корейским патриотом Ан Чун Гыном 26 октября 1909 г.)

Договор о покровительстве де-факто превращал Корею в воичину Японии. Патриотические силы страны предприняли еще одну отчаянную дипломатическую акцию в попытке спасти от гибели свою государственность. 2(15) июня 1907 г. в Гааге созывалась вторая международная мирная конференция с участием 44 государств. Председателем конференции был избран известный российский дипломат А.И.Нелидов, а участник переговоров и Портсмуте советник МИД России по международно-правовым вопросам Ф.Ф.Мартенс возглавил комиссию по вопросам войны и нейтралитета на море.

Заручившись негласной поддержкой российской дипломатии все еще находившийся номинально у власти император Коджон решил направить в Гаагу свою миссию, чтобы открыть глаза мировому сообществу на трагическую ситуацию на Корейском полуострове. Судя по архивным документам, корейский монарх не мог поверить, что великие державы, одоббившие благородные принципы международных отношений, способны «бросить на произвол судьбы целое государство». Два члена корейской дипломатической миссии (Ли Сан Соль, бывший вице-президент Госсювета, и Ли Джун, бывший следователь Высшего королевского суда) в глубокой тайне от японских властей прибыли во Владивосток, откуда продолжили свой путь в С.-Петербург. Здесь к делегации присоединился Ли Ви Джон (сын Ли Пом Чина, корейского посланника в Российской империи), чтобы направиться далее в Гаагу. В послании Коджона на имя российского монарха содержалось резкое осуждение японского произвола в Корее, которая «перед началом русско-японской войны объявила всем странам своею нейтралитете». Далее Коджон выражал надежду на то, что вторая мирная конференция в Гааге услышит голос бедствующей Кореи и будут приняты необходимые меры для восстановления государственного суверенитета.

Однако МИД России, вопреки своей первоначальной позиции, рекомендовал откровенно игнорировать корейскую делегацию. В секретном послании министра иностранных дел России А.П.Извольского от 29 мая (11 июня) 1907 г. на имя А.И.Нелидова в Гаагу говорилось, что посланцы корейского монарха «не могут считаться облеченными какими-либо официальным положением или миссией» и что следует «воздержаться от сношений с ними на случай, если бы они действительно прибыли в Гаагу». Естественно, корейские дипломаты не знали об этой директиве и смело пытались вступить в контакты с представителями России, США, Великобритании и других стран. Они получили трибуну лишь на соборании Международного пацифистского клуба, где огласили полное горечи письмо корейского монарха к мировой общественности. В письме говорилось, что японский произвол и насилие в Корее не знают границ. Япония «похитила у нас дипломатические права», коварно обманула корейцев. Далее в послании держались такие прозорливые слова: «В будущем это затронет только нас, но и другие страны. Она (т.е. Япония) делает все, что ей угодно. Это противоречит гуманности и международным нормам».

«Гаагский инцидент», как впоследствии стали называть пребывание посланцев угнетенной Кореи на второй международной мирной конференции, произвел в Токио эффект разорвавшейся бомбы. Посыпались один за другим сценарии репрессивных действий (осудить официально линию поведения корейского монарха в заседании кабинета министров, принудить его к публичным извинениям перед микадо и пр.).

В дальнейшем последствия «гаагского инцидента» приняли еще более драматический характер. 6(19) июня 1907 г. японские власти принудили императора Коджона официально отречься от власти и подписать манифест о передаче престола своему сыну — несовершеннолетнему Сунджону. Вслед за этим 11(24) июля 1907 г. Токио навязало Сеулу так называемый «Договор из семи статей», по которому генеральный резидент Японии получал в Корее фактически неограниченный контроль над действиями во всем символического корейского правительства. Примечательно, что Россия после унижительного Портсмутского мира вынуждена была пассивно воспринимать нарастающие аппетиты империи микадо в Восточной Азии. В общеполитической конвенции, подписанной двумя сторонами 17(30) июля 1907 г., Россия приняла обязательство не препятствовать «дальнейшему развитию японо-корейских отношений». Указанная конвенция дополнялась тайным соглашением, которое гласило, что «Корея всецело падает под контроль Японии, а Россия имеет специальные интересы во Внешней Монголии». 4 июля 1910 г. было достигнуто японо-российское соглашение, по которому Россия вела себя на признание ее «специальных интересов» в Северной

Маньчжурии и Монголии обязывалась не препятствовать политике полного поглощения Японией Корейского полуострова.

2. «Ыйбён» («Армия справедливости») в освободительном движении корейского народа

Свергнув императора Коджона и возведя на престол Сунджона, японцы осуществили в Сеуле своего рода государственный переворот «сверху». Во все ключевые звенья центральной и местной власти было дополнительно внедрено около 3 тыс. японских чиновников, получивших важные полномочия. Тем самым была завершена подготовка к нанесению последнего удара по корейской государственности — ликвидации ее вооруженных сил. Декрет о роспуске корейской армии численностью около 10 тыс. солдат и офицеров был под диктовку японского резидента подписан императором Кореи 1 августа 1907 г. Под ружьем оставался лишь слабо оснащенный батальон пехоты и кавалерийский эскадрон для символической личной охраны монарха и его семьи. Однако церемония обнародования императорского декрета, проходившая под усиленной охраной японских штыков, превратилась в открытую демонстрацию неповиновения. Части 1-го гвардейского полка не явились на церемониальное построение и заявили об отказе подчиняться приказу о расформировании армии. Около 1300 взбунтовавшихся солдат и офицеров сеульского гарнизона при поддержке горожан захватили военные склады. Офицер 1-го полка Пак Сон Хван в знак протеста против японского произвола на глазах публики совершил самоубийство. Волнения в армейских частях произошли в Пхеньяне, Сувоне, Кванджу, Тэгу и других городах Кореи. Часть военнослужащих с оружием в руках ушла к партизанам «Ыйбён», что стало мощным пополнением повстанческого движения в стране.

Первые крупные акции «Ыйбён» относятся ко второй половине 1890-х гг. Как и в других стихийных народных восстаниях конца XIX в., партизаны «Ыйбён» выдвигали противоречивую смесь социальных, политических и экономических требований, в число которых входили: изгнание иностранных угнетателей, наказание предателей из числа корейских чиновников, восстановление национальных традиций, снижение удушающих налогов, отмена телесных наказаний и т.п. В провинциях Чхунчхон и Канвон активно действовал отряд «Ыйбён» под командованием Лю Нин Сока. Кровопролитных сражениях под городом Чхонджу отряд нанес тяжелый урон правительственным и японским регулярным войскам. В провинции Канвон, на побережье Восточного (Японского) моря, небольшим партизанским отрядам и группам удалось создать свой отряд и объединенный штаб под командованием Ли Со Чхун. Овладев в результате штурма провинциальным центром Чхунчхон повстанцы изгнали губернатора, захватили арсенал и продовольственные склады, организовали раздачу продуктов питания горожанам.

бедноте. Около двух недель командованию «Ыйбён» принадлежала власть в провинциальном центре. В соседней провинции Чхунчхон партизанам удалось занять и некоторое время удерживать под своим контролем г. Чхонджу. В юго-западной провинции Чолла один из партизанских отрядов, действовавший близ г. Наджу, насчитывал около 1 тыс. бойцов. Отряды «Ыйбён», действовавшие близ г. Пхеньяна, вели вооруженные сражения под девизом «Изгнать японцев из Кореи!» Под натиском таких отрядов японские чиновники и купцы в панике покидали корейскую территорию. Важная особенность повстанческого движения «Ыйбён» в конце XIX в. — стихийная солидарность с участниками освободительного народного восстания ихэтуаней в Китае. Осенью 1900 г. группа вооруженных повстанцев, теснимая в Китае правительственными войсками, перешла границу с Кореей и, создав объединенные формирования, двинулась из провинции Пхенан в южном направлении. Одновременно с сельскими районами начались стихийные антияпонские выступления в городах и на морском побережье, где корейские рыбаки нападали на непрошеные японские рыболовные суда, которые вели грабительскую добычу морепродуктов в корейских территориальных водах. В мае 1901 г. вспыхнуло крупное стихийное восстание против японских чиновников и французских миссионеров на острове Чечжудо.

Японская дипломатия прилагала максимум усилий, чтобы изолировать «Ыйбён» от какой-либо весомой поддержки извне. Недостаточно целеустремленное и организованное, слабо вооруженное, изолированное от внешней поддержки, движение «Ыйбён» на первом этапе потерпело поражение. Однако после русско-японской войны начинается новый этап освободительной войны, отличающийся не только широким размахом и организованностью, но и более активным вовлечением в освободительную борьбу социальных низов — трудового крестьянства, батраков, мелких производителей, служащих, учащейся молодежи, первых поколений рабочих. Вместе с тем лидирующую роль в освободительной борьбе продолжали играть представители патриотического янбанства. Именно под влиянием последних массовая борьба за изгнание японских интервентов органически соединялась с призывами к восстановлению суверенной власти императора Кореи. Но помимо янбанства, в ряды партизанских вожаков впервые выдвигаются чиновники низшей категории, представители крестьянской бедноты, одним из которых был легендарный Хон Бом До. Его повстанческий отряд состоял в основном из бедных крестьян, батраков, ремесленников, горнорабочих, охотников, рыбаков и бывших солдат расформированной корейской армии.

Народный герой корейского народа Хон Бом До родился в семье крестьянина-бедняка. С ранних лет батрачил в хозяйствах местных богачей, познал изнурительный труд за бесценок на рудниках, а затем занялся охотничьим промыслом в районе Пукчхона. Чем больше на земле Кореи появлялось японцев, тем сильнее был гнев молодого Хон Бом До. Организованный им в малодоступных

горах вооруженный отряд дал первый крупный бой японцам в ноябре 1907 г., разгромив крупное воинское подразделение противника. Хитроумные засады партизан сочетались со стремительными рейдами и бросками, которые нередко ставили в тупик каратели и вызывали панику в рядах японской армии и жандармерии. К концу 1908 г. в партизанском соединении Хон Бом До насчитывалось более 800 бойцов. Соединение имело свою штабную службу, оперативную разведку и надежное укрытие в горных пещерах, оружейные мастерские, в которых изготавливались не только ружья, но и самодельные пушки.

После полной аннексии Кореи в 1910 г. японское командование, получив крупное пополнение, развернуло тотальное наступление на партизан. Партизаны Хон Бом До были вынуждены отойти на территорию Маньчжурии, а затем российского Дальнего Востока, которые стали для них внешней базой освободительной борьбы вплоть до окончания гражданской войны на советской территории.

Другой видный партизанский генерал Хо Ви (псевдоним Ван Сан) родился в обедневшей семье янбана в провинции Северная Кансан. Дома под наблюдением опытных педагогов он изучал конфуцианскую классику, математику, астрономию, государственное управление, но особый интерес проявил к трактатам по военному искусству, что сыграло немалую роль в его последующей партизанской деятельности.

В 1899 г. Хо Ви получает важные назначения на государственной службе в качестве профессора Конфуцианской академии, члена Тайного императорского совета (Чунчувон), члена Верховного суда (Пхенивон сори чепханджан) и др. В 1904 г., будучи членом Государственного совета, он разрабатывает проекты неотложных реформ в области образования, укрепления обороны, стабилизации налоговой системы и финансов, а также уничтожения пережитков сословных различий и рабства, упрочения государственного суверенитета перед лицом нарастающей экспансии Японии. Однако эти проекты были оставлены без внимания императорской власти. Это логически привело Хо Ви к нелегальной политической, а затем к вооруженной борьбе против внутренней и внешней реакции, противовес прояпонскому «Ильчинхве» Хо Ви в содружестве с Ли Ен Тхе и Си Ги Соном создает антияпонское «Общество политических друзей» («Чонгукхве»).

Кабальный японо-корейский договор из семи статей, навязанный Токио номинальному монарху Кореи Сунджону 24 июля 1907 г., вызвал новую волну антияпонского вооруженного сопротивления. Только по официальной статистике японских служб, с августа по декабрь 1907 г. на Корейском полуострове произошло 323 крупных боя японских карателей с отрядами «Ыйбён». Общее число участвовавших в этих сражениях повстанцев достигло 44,1 тыс. человек.

В декабре 1907 г. в селении Янджу (провинция Кенги) состоялось подпольное общекорейское совещание командиров наиболее крупных отрядов «Ыйбён». Совещание приняло решение о со-

мании Объединенной партизанской армии во главе с командиром Ли Ин Еном и начальником штаба Хо Ви. Командирам национальных вооруженных сил были назначены видные партизанские командиры: Мин Гын Хо (Канвон), Ли Ган Нён (Чхунчон), Пак Чон Бин (Кенсан), Квон Ый Хи (Кёнги), Пак Ин Чхен (Пхенан), Чон Бон Джун (Хамгён). Общая численность партизанских соединений к этому времени достигла 10 тыс. бойцов.

Лидеры движения организовали штаб партизанского движения и разработали план генерального наступления на Сеул, пытались установить связи с миссиями иностранных государств, объявили о свержении кабального японо-корейского договора о провозглашении независимости и заявили о восстановлении государственного суверенитета. На 1908 г. приходится своего рода «пик» освободительной борьбы «Ыйбён», прошедшей 1451 сражение с карателями, в котором участвовало более 69,8 тыс. корейских партизан.

Глубокий внутрисоциальный кризис в Корее после поражения России в войне с Японией объективно открывал возможности для организации общекорейского сопротивления японским колонизаторам, спасения страны от неуклонно усиливающегося социального порабощения. Однако этому патристическому потенциалу не удалось реализоваться. Одряхлевшая и обессилевшая элита, как и часть консервативного янбанства, под влиянием «чжонхве» оказались в социально-политической коалиции с японскими колонизаторами, что в немалой степени предопределило последующее поражение «Ыйбён». На фоне патристического народного недовольства парадоксальными выглядели рескрипты Сунджона с призывом к патристам немедленно свернуть вооруженное сопротивление. Непримируемое внутреннее размежевание в Корее в ходе освободительной борьбы «Ыйбён» показало, что династия, правившая страной более пяти столетий (с 1392 г.), окончательно изжила себя как национальная сила. Поэтому упразднение феодальной системы в Корее японскими колонизаторами была задачей большой политической сложности.

Основная угроза колониальной политике империи Японии исходила от массового вооруженного народного сопротивления. Вскоре после объединения в Объединенную партизанскую армию штаб «Ыйбён» приступил к подготовке штурма Сеула. Одним из первых к восточным воротам столицы выдвигался отряд Хо Ви в составе 300 партизан. Однако на пути следования, примерно в 15 км от столицы, отряд наткнулся на силную японскую засаду. Произошел ожесточенный бой, в результате которого партизаны вынуждены были отойти. Между тем прибывшие на помощь силы партизан запаздывали, что позволило японцам использовать резервы и сорвать операцию, с которой повстанцы считали свои последующие стратегические расчеты.

В апреле 1908 г. лидеры корейских повстанцев Хо Ви, Ли Ин Ен, Ли Ин Нён, Лю Ин Сок и Пак Чон Бин предприняли новую попытку активизации антияпонской вооруженной борьбы.

одновременно во всех тридцати провинциях страны. В специальном послании повстанцев японскому резиденту в Сеуле содержались требования о немедленном возвращении на престол корейского монарха, восстановлении суверенитета страны, возврате корейскому народу всех земель, рудников, плантаций и других национальных богатств. Напуганная новой активностью «Ыйбён» японская жандармерия развернула настоящую охоту за ее лидерами. 1 июля 1908 г. им удалось, воспользовавшись доносом провокатора, выследить и схватить генерала Хо Ви и некоторых его боевых сподвижников. 18 сентября 1908 г. колониальный суд Сеула вынес Хо Ви смертный приговор, который был приведен в исполнение через три дня. Вскоре тот же суд колонизаторов отправил на виселицу другого видного партизанского командира Ли Ган Нёна. В каторжные тюрьмы были брошены десятки других руководителей освободительной войны.

Однако антияпонская борьба «Ыйбён» оказала глубокое влияние на самосознание корейского народа. С августа 1907 г. по июнь 1911 г. «Ыйбён» провела 2852 сражения, в которых участвовало более 141,8 тыс. партизан. В боях с японскими карателями погибло более 17,6 тыс. корейских повстанцев. Мужественное, героическое антияпонское сопротивление отрядов «Ыйбён» было убедительным доказательством того, что народ Кореи без колебаний отвергает колониальный протекторат и тем более аннексию своего отечества.

К 1910 г. обезглавленное вооруженное сопротивление в Корее пошло на убыль. Многие партизанские отряды или их остатки вынуждены были под напором карателей отойти в соседнюю Маньчжурию и далее в российское Приморье. Это позволило Токио приступить к аннексии Кореи. Предполагалось, что текст документа о полном слиянии Кореи с империей микадо, упразднении суверенного корейского государства и преобразовании его в одну из японских провинций во главе с генерал-губернатором будет подписан всеми членами корейского кабинета и самим монархом. Однако первая акция подписания договора была сорвана противодействием влиятельного в корейском обществе министра просвещения Ли Ен Сика, который заявил: «Я не могу подписать договор о национальном разрушении даже под угрозой казни». Началась новая кампания «выкручивания рук» высшим корейским сановникам. Наконец, 22 августа 1910 г., японскому генеральному резиденту Тераути Масатаке путем давления, шантажа и угроз удалось собрать подписи корейских высших чинов, среди которых были прояпонский премьер-министр Ли Вань Ен и марионеточный император Сунджон. В целях прикрытия прямого колониального поглощения Кореи при японском генерал-губернаторе был учрежден «Чунчхувон» («Высший консультативный совет»), состоявший из корейцев и обсуждавший исключительно вопросы культуры, традиций, обычаев, но отнюдь не узловые проблемы политического или экономического развития страны.

Японская аннексия в августе 1910 г. открыла самый трагический период в новой и новейшей истории корейской нации.

Полное поглощение Кореи японским колониализмом вызвало новую волну национально-патриотического сопротивления, которое нередко принимало в соответствии с корейскими традициями своеобразные формы политических самоубийств. Примером подобного антиколониального протеста является трагическая судьба видного корейского дипломата Ли Пом Чина.

Ли Пом Чин — выходец из аристократической семьи, близкой к королевской династии Ли, родился 3 сентября 1853 г. в Сеуле. Получив классическое образование, ориентированное преимущественно на конфуцианское цивилизационное наследие, молодой янбан проявляет повышенный интерес к мировой культуре. Это постепенно приводит его в ряды так называемой «русифицированной партии», которая группировалась вокруг энергичной королевы Мин Мён Сон. В 1879 г. Ли Пом Чин призывается на военную службу в королевских войсках. Затем он становится вице-министром в Министерстве сельского хозяйства, торговли и промышленности. После трагической гибели королевы Мин Мён Сон Ли Пом Чин — один из ведущих деятелей антияпонской оппозиции, которая настойчиво действовала под девизом погибшей супруги корейского монарха: «Ближе к России, подальше от Японии!». Ли Пом Чин был первым высокопоставленным корейским сановником, которому удалось в роковое утро 8 октября 1895 г., выполнив указание короля, лично добраться до дипломатической миссии в России в Сеуле и информировать российского посланника К.И. Вебера о кровавой резне, учиненной японцами в королевском дворце. Именно эта весть позволила международной дипломатии выступить против злодеяний японских властей в Корею.

В тесном контакте и при поддержке В.И. Вебера Ли Пом Чин организовал 11 февраля 1896 г. сенсационное бегство короля Кореи и его малолетнего сына под крышу дипломатической миссии в России в Сеуле, что во многом предотвратило японское покушение на его жизнь. Начиная с этого дня, на протяжении 375 дней и ночей, корейский монарх пытался при поддержке России остановить японскую экспансию. Немалую роль в этих условиях сыграл Ли Пом Чин, занявший в новом кабинете две ключевые должности: министра юстиции и начальника сеульской столичной полиции. После возвращения короля в свою национальную резиденцию Ли Пом Чин переходит на дипломатическую службу. Вначале (с 1896 по 1900 гг.) он — официальный посланник Кореи в США, представляет свое государство в Великобритании, Франции и других европейских странах. Весной 1900 г. он по распоряжению императора прибывает в С.-Петербург, где 30 июня (12 июля) состоялось вручение им верительных грамот императору России.

Россия с ее уникальной культурной традицией и гуманизмом буквально покоряет корейского дипломата. Опыт солидной дипломатической службы в США и Западной Европе позволил ему полностью успешно войти в аристократические круги С.-Петер-

(его сын Ли Ви Джон впоследствии в октябре 1905 г. вступит в официальный брак с баронессой Е.В.Нолькен).

В период пребывания на дипломатической службе в С.-Петербурге на основе объективного изучения международной ситуации Ли Пом Чин окончательно убеждается в том, какая страшная угроза поглощения нависла над его родной Кореей. В Архиве внешней политики Российской империи сохранились его тревожные обращения в адрес российской дипломатии в связи с тем, что японская агентура вновь начала плести нити заговора против императора Коджона. Корейский дипломат не исключал того, что императору вновь придется просить убежища в дипломатической миссии России. Вместе с тем его отношение к имперской России было свободно от идеализма и односторонности. Невозможно в этой связи не отдать должное дипломатической интуиции Ли Пом Чина по вопросу о Восточноазиатской промышленной компании, представлявшей, как известно, крупную аферу российского криминального капитала на Дальнем Востоке. Несмотря на близость инициатора этой авантюры А.М.Безобразова к царю и мощное давление, исходившее из высоких кругов, Ли Пом Чин выразил несогласие с проектом безобразовцев о создании военизированных российских поселений на корейской границе, несущих в себе угрозу резкого обострения международных противоречий на полуострове.

В январе 1904 г., т.е. в конце русско-японской войны, император Коджон передал в МИД России свое решение «о соблюдении нейтралитета исключительно дабы оградить себя от давления и угроз японцев и их сторонников». Телеграмма в С.-Петербург из Сеула поступила 28 января, и буквально на следующий день корейскому монарху было сообщено телеграфом, что «заявление о сохранении Кореей нейтралитета встречено вполне сочувственно императорским правительством России».

Когда разразилась русско-японская война, Ли Пом Чин и его немногочисленный штат сотрудников организовали скрупулезный сбор и обработку стратегических данных о ситуации на Корейском полуострове. Несмотря на трудности дипломатической связи, Ли Пом Чин информировал Сеул о том, что Россия жизненно заинтересована в «освобождении Кореи» от иностранного господства.

После окончания русско-японской войны и начавшегося процесса поглощения Кореи Японией Министерство иностранных дел Кореи в Сеуле было закрыто (январь 1906 г.). Вслед за этим прекратила официально свою деятельность дипломатическая миссия Кореи в С.-Петербурге. Японские власти настойчиво добивались возвращения Ли Пом Чина и других корейских дипломатов в Сеул, где над ними уже готовилась судебная расправа. Однако корейский монарх Коджон в своем секретном послании настоятельно рекомендовал ему воздержаться от возвращения на родину. «Вы, мой любезный племянник, — писал король Коджон, — хотя и находитесь в затруднительном материальном положении, все-таки оставайтесь в С.-Петербурге и вызывайте о помощи к могущественному Императору Российскому, даже после моей смерти Вы оставайтесь в С.-Петербурге». Ли Пом Чин поддерживает тесные связи с лиде-

рами повстанческой «Армии справедливости». Несмотря на материальные лишения (имущество его семьи было конфисковано в Сеуле), он передал на организацию антияпонского сопротивления значительные средства из своих личных сбережений.

Весьма примечательно, что российские власти, памятуя о годах в антияпонской борьбе Ли Пом Чина, оказавшегося фактически на положении вынужденного политэмигранта, не оставляли его внимания. Указом царя бывшим чиновникам дипломатической миссии в Корее была выдана субсидия в сумме 1325 рублей (в год) на каждый квартал или 29 тыс. руб. в год. Позднее была установлена персональная ежемесячная выплата Ли Пом Чину в 100 руб. в месяц и 5016 руб. на случай возможного возвращения миссии на родину.

Ли Пом Чин, для которого гибель корейской государственности оказалась страшной, невосполнимой утратой, прожил тяжелую и короткую жизнь еще около 5 месяцев. 13(26) января 1911 года совершает самоубийство, оставив потомкам лаконичную записку: «Наша страна погибла, и Его Величество утратил власть, я в отчаянии, что не могу отомстить и наказать наших врагов. Вот почему я должен сегодня покончить жизнь самоубийством». Ли Пом Чин был похоронен при участии российских властей на Успенском (ныне Северном) кладбище С.-Петербурга. (В Республике Корея Ли Пом Чин почитается как национальный герой. В Российской Федерации ныне проживают его потомки в третьем и четвертом поколениях.)

После аннексии Кореи Японией корейский народ развязал широкую освободительную борьбу против японского порабощения. Значительную роль в этой борьбе играли «Армия справедливости», партизанское движение. В борьбе за восстановление Кореи как самостоятельного государства корейские патриоты получали посильную помощь и поддержку со стороны России.

3. Корея в системе японского милитаризма

Бурно возвысившаяся после реформ Мейдзи империя Японии, наравне с другими крупными державами мира вступила на путь колониальной экспансии, и к началу XX в. Корейский полуостров оказался по существу ее единственным значительным внешним приобретением. Это обстоятельство, наряду с суровыми традициями империализма, предопределило особенно жесткие формы и методы колонизации захваченной страны. Целям тотальной колониальной экспансии были подчинены все без исключения имперские институты — дипломатические, экономические, военно-политические, культурно-идеологические и др., задействованные в одном стратегическом направлении — создании тыловой базы для дальнейшей агрессии на евразийском континентальном пространстве.

Еще до полной аннексии Кореи японский капитал приступил к массированному захвату самыми разными способами основных национальных богатств Кореи — ее земельного фонда, с

рым были неразрывно связаны жизненные судьбы почти 85% населения Кореи. Путем издания ряда декретов (прежде всего всеобщего земельного кадастра и т.н. указа об обследовании земель) колонизаторы открыли себе «зеленую улицу» для проникновения в аграрный сектор корейской экономики. В ходе проведения колонизационной переписи огромное число крестьян (в силу традиции устной передачи наследственных наделов, массовой неграмотности и т.д.) оказалось не в состоянии юридически доказать свои права на обрабатываемую ими землю. В такой ситуации «ничейные» участки переходили в фонд японского генерал-губернаторства. В этот же фонд передавались многочисленные казенные, а также не учтенные прежде по разным причинам земли (например, укрываемые от ревизии) и значительные массивы целинных и залежных земель. В дополнение к этим акциям колониальной экспроприации были изданы «Указ о лесных запасах» (1911 г.), «Указ о лесном и полевом земельном кадастре» (1918 г.) и др. Таким образом, японское генерал-губернаторство стало крупнейшим за всю историю Кореи монопольным землевладельцем. К 1930 г. его владения включали 8,8 млн чонбо пахотной земли, лесных и луговых угодий, что составляло свыше 40% всего земельного фонда. Львиная доля экспроприированной земли перешла непосредственно или через систему льготной аренды в руки японских акционерных компаний. Так, одна из них — «Тоньян чхоксик чусик хвеса», учрежденная в 1908 г., сумела в начальный период своего предпринимательства присвоить более 30 тыс. чонбо пахотной земли. К 1930 г. общая площадь земельных угодий этой корпорации, действовавшей под несколько измененным наименованием «Тоньян чхоксик хвеса», достигла 110 тыс. чонбо. Приносивших японским колонизаторам ежегодно около 50 тыс. сок риса.

Японский колониальный капитал, опираясь на феодальные элементы и сельскую верхушку кулацко-ростовщического типа, которые владели более чем половиной обрабатываемой земли, принес в корейскую деревню новое бремя капиталистической эксплуатации. Монополия крупных колониальных аграрных компаний, действовавших вкуче с корейскими помещиками, на водные ресурсы, банковские кредиты, удобрения, закупки сельскохозяйственной продукции, поставки промтоваров, тягловую силу, семена и пр. приводила к тому, что подавляющая масса беднейших арендаторских хозяйств после уплаты кабальных, нередко наследственных долгов, вынуждена была тут же обращаться за новыми кредитами.

При этом всевозможные поборы в колонии намного превышали соответствующие выплаты в самой Японии. Так, за пользование водой для орошения в метрополии брали 10% урожая, а в Корею от 20 до 30%. Арендная плата (обычно натуральная) составляла в Корею примерно 50—70% валового урожая. Ростовщические кредиты достигали, как правило, 60—70%. Особенно тяжелым для более чем 2 млн беднейших хозяйств (арендаторов и полу

предаторов) был период от весеннего сева до сбора нового урожая, когда голод и недоедание становились типичным уделом разоренной крестьянской массы. Хотя в колониальной Корее деревне разворачивались процессы концентрации и капитализации земли, развитие новых производительных сил блокировалось феодально-ростовщическим произволом и гнетом колониальной власти. В конечном итоге у непосредственного производителя вымалась не только прибавочная, но и жизненно необходимая часть продукта.

Поставив под свой контроль природные ресурсы Кореи, колонизаторы значительно ускорили на ее территории развитие добывающей промышленности, энергетики, транспорта, средств связи и т. п. Форсированная разработка месторождений золота в Корее позволила метрополии реорганизовать валютно-финансовую систему и перейти к единой системе золотого стандарта в масштабах всей империи. Японское генерал-губернаторство захватило в свои руки железные дороги, морские гавани и порты, телеграфные линии, огромные лесные массивы, а также монопольные права на торговлю женьшенем, солью, табаком, опиумом. В 1909 г. японцы предели в Сеуле Корейский центральный банк (Хангук ынхэн), во главе которого находились финансовые магнаты метрополии. Его задача состояла в том, чтобы огромные и все растущие расходы на содержание колониального чиновничества в Корее переложить полностью на плечи самих корейцев.

Превращение Корейского полуострова в основной стратегический тыл Японии заметно ускорилося между двумя мировыми войнами, в период ее развернутой агрессии в континентальной Азии. В Сонниме и Норянджине были сооружены металлургические заводы. Форсированными темпами строились военные предприятия. Увеличивалась добыча корейского вольфрама, магнетита, молибдена, золота. В начале 1920-х гг. добыча железной руды составила 500 тыс. т, причем в основном она направлялась в метрополию. Неуклонно возрастала численность армии наемного труда. Под контролем японского капитала находился экспорт Кореи (около 90%), состоявший в основном из риса, бобов, хлопчат, морепродуктов, а также ряда минеральных ресурсов, и импорт (около 65,3%). В Корею поставлялись текстиль, двигатели, металл, оборудование, керосин, жиры и некоторые другие товары.

После полной аннексии в Корее резко меняется соотношение между колониальным и национальным капиталом. Этому в неслыханной степени содействовали дискриминационные декреты японского генерал-губернаторства. Так, по закону о горном деле (1915 г.) запрещалась выдача лицензий на предпринимательскую деятельность иностранному капиталу, кроме японского, что позволяло последнему захватывать горнорудные предприятия, находившиеся ранее в ведении властей Кореи. Одновременно с дискриминационными ограничениями для корейского предпринимательства устанавливались крупные льготы для японского капитала.

Был снят налог с добычи золота, серебра, железа, меди на вновь создаваемых рудниках, принадлежавших японцам, отменены пошлины на импорт оборудования для горнорудных предприятий японского капитала и т.п. Последним предоставлялись также особо льготные условия приобретения земли в зоне их предпринимательской деятельности. Колониальной администрацией был составлен длинный перечень должностей, на которые было за прещено назначать корейцев. Зарплата последних, как правило, была в два раза ниже зарплаты японских специалистов той же категории. Японский империализм насаждал в Корее деспотическую систему иноземного порабощения, которая была значительно жестче, чем колониальные структуры других мировых имперских держав того времени (Великобритании, Франции, США и др.).

О том, какими темпами в народном хозяйстве Кореи разрывалась экономическая экспансия японского монополистического капитала, свидетельствуют следующие данные по горнодобывающей промышленности Кореи в период с 1909 по 1918 г. Удельный вес корейского капитала в продукции горнодобывающей промышленности в 1909 г. составил 325 тыс. вон, а японского — более 1,2 млн вон. К 1914 г. это соотношение составило соответственно 313 тыс. и 1,7 млн вон, в 1918 г. — 299 тыс. и 24,6 млн вон. К 1918 г. валовая горнорудная продукция предприятий японского капитала превышала продукцию предприятий национального капитала примерно в 8 раз.

Капитал метрополии контролировал и многие другие т.н. не стратегические отрасли хозяйства колонии. Соотношение между корейским национальным и японским колониальным капиталами в 1917 г. составило соответственно: в обработке хлопка — 236 тыс. иен и 6,8 млн иен; в кожевенном производстве — 52 тыс. иен и 1,9 млн иен; лесозаготовке — 33 тыс. иен и 544 тыс. иен; мукомольном и рисоочистительном производстве — 546 тыс. иен и 3,6 млн иен; табачной промышленности — 211 тыс. иен и 6,1 млн иен; виноделии — 101 тыс. иен и 1,9 млн иен; выработке электроэнергии и газоснабжении — 384 тыс. иен и 4,4 млн иен. В целом же на долю национального корейского капитала приходилось 1,8 млн иен, японского — 33,6 млн иен и смешанного (японо-корейского) — 409 тыс. иен. Такого рода диспропорции не могли сосуществовать бесконечно, и «горючий материал» национального колониального угнетения неизбежно вел к возникновению социального пожара. Против невыносимого колониального гнета стихийно складывалось массовое антияпонское освободительное движение, в котором лидирующую роль во многом играли традиционные и новые средние социальные слои, в особенности патристические круги национальной интеллигенции.

Колониальная аннексия Кореи резко усилила процесс внешней миграции корейского населения, который начался со второй половины XIX в., т.е. со времени «открытия» Кореи. Завершении

полю самоизоляции и неуклонное втягивание застойного традиционного общества в общемировые связи стимулировали эмиграцию в соседние Россию, Китай, а также в США и даже в Японию с их более высоким уровнем экономического и социально-политического развития. На начальном этапе корейской эмиграции в пореволюционную Россию в ней абсолютно преобладали трудовые слои: крестьяне — 80%, рабочие — 5%, интеллигенция — 5%, городская мелкая буржуазия — 10%. Первые поколения корейских эмигрантов на Гавайские острова (США) испытали на себе всю тяжесть подневольного, полурабского труда. В Японии официальные идеологи представляли корейскую диаспору как сборище людей с низким интеллектом, к тому же еще и «грубых, грязных, ленивых», которым надо платить не более 50% зарплаты самих японцев за тот же труд. Преодолевая неравноправие, дискриминацию, другие формы угнетения, зарубежные корейские диаспоры постепенно становились своего рода внешним катализатором активизации освободительного и революционного движения, выдвигав из своей среды видных патриотов и революционеров.

Глава XXIV

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА ПОСЛЕ АННЕКСИИ

1. Первомайское движение 1919 г.

В памяти каждого народа есть события, воспоминания о которых неизменно вызывают высокие чувства гордости и достоинства. К таким событиям в Корее относится первомайское движение 1919 г., которое стоит в одном ряду с такими знаменательными событиями, как разгром корейским флотоводцем Ли Сун Сином японской морской армады в конце XVI в. и освободительная война «Ыйбён» в начале XX века.

Первомайскому движению 1919 г. в КНДР, РК, России и в других странах посвящены обширные публикации. Но чем многочисленнее исследования по данной тематике, тем разнообразнее обобщающие оценки. Так, одни авторы считают первомайские события «буржуазно-националистическим движением», другие же полагают, что в дни народного протеста был в известной степени поставлен вопрос о радикальном изменении социально-политического строя. Если одни исследователи полагают, что первомайский подъем народной борьбы является частью антиколониального, реформаторского движения, то другие выдвигают тезис о том, что 1 марта 1919 г. в Корее вспыхнула социальная революция буржуазно-демократического типа.

Для более точной оценки требуются дальнейшие, в особенности документально-архивные, исследования. Тем не менее отметим здесь, что «золотая истина» находится, вероятно, где-то в гуще научной полемики. В самом деле, нельзя пройти мимо того, что первомайские события начались как ненасильственное сопротивление, а затем стихийно переросли в вооруженное антияпонское народное восстание. На начальном этапе движения никто из его лидеров не ставил открыто вопрос о ликвидации монархической системы (которая, правда, существовала лишь номинально после аннексии 1910 г.), но закономерным итогом этих событий, несмотря на поражение восстания, стало создание Временного правительства Кореи в шанхайской эмиграции. Стало быть, первомайское движение в силу тех особых (колониально-феодальных) условий, в которых оно вспыхнуло, противоречиво и эклектически соединило в себе ненасильственный реформизм и вооруженное насилие, промонархические иллюзии и буржуазно-демо-

ратическую революционность. И это, пожалуй, главное в оценке этого крупнейшего события в новейшей истории Кореи.

Историческую хронику первоапрельского движения необходимо начинать с мировых событий 1917—1918 гг., когда в колониальной Корее сформировались все основные признаки общенационального кризиса. Свирепая до предела генерал-губернаторская система управления трещала по всем швам. Вместе с тем народные массы и в первую очередь патриотические круги интеллигенции поднимались на решительную борьбу за восстановление национальной государственности.

Ускоренному созреванию кризиса колониального режима содействовали не только внутрисполитические, но весьма значимые международные события того времени. Несомненный импульс освободительной борьбе корейского народа был дан победой Октябрьской революции 1917 г. в России и неуклонным ростом протеста против колониализма, нашедшего своеобразное отражение в известных «14 пунктах» президента США В. Вильсона. Патриотические круги корейской интеллигенции подхватили обнародованные советской властью декларации о полной деколонизации в мировом масштабе, о равенстве и братском единении всех народов и наций. Идеи Октябрьской революции, сыграв роль основного международного катализатора в освободительной борьбе корейского народа, намного ускорили проникновение в страну социалистических и коммунистических доктрин, хотя, возможно, потому не всегда соответствовали социальная база и объективные условия.

Разумеется, конкретные условия и основные цели национально-освободительного движения в Корее имели свою специфику. Осознание общности в борьбе с колониальным угнетением как планетарным явлением привело корейскую патриотическую эмиграцию к участию в Международной конференции социалистических партий в Стокгольме в 1917 г. и Всемирной ассамблее малых наций в Нью-Йорке в 1918 г. После известного бойкота корейских представителей на Гаагской мирной конференции 1907 г. голос закабаленной Кореи впервые был услышан на этих международных форумах, хотя ее представителям и не удалось добиться поддержки со стороны участников Парижской мирной конференции 1919 г., которая тем самым упустила уникальный шанс проявить не только декларативную, но и реальную солидарность с народами, поднявшимися на битву против иноземного угнетения.

Непосредственной предтечей первоапрельского движения 1919 г. в Корее (которое нередко именуется «народным восстанием», «буржуазно-демократической революцией» и т.п.) принято считать события ноября 1918 г., когда группа корейских эмигрантов в Маньчжурии обнародовала сенсационный документ — первую Декларацию независимости Кореи, или Декларацию Муо.

Первая (маньчжурская) Декларация независимости Кореи интересна тем, что она довольно недвусмысленно призывала к сопротивлению всенародного сопротивления колониальной власти, совершившей жестокие преступления на корейской земле, которая, по словам составителей Декларации, стонет от обмана, угрозы, беззакония, жестокости, военного давления и насилия. Путь Кореи к противодействию этому произволу один — денонсация унижительного японо-корейского договора о принудительном «объединении», борьба за полную ликвидацию «милитаристской аннексии», создание независимого, бессословного гражданского общества.

Далее Декларация обращалась к 20 миллионам соотечественников: «Вставайте! Все борцы за независимость! Борец за независимость объединяет небо и землю. Смерть — это путь, который невозможно избежать ни одному человеку. Зачем, уподобившись скотине, напрасно тратить человеческую жизнь? Если Вы пожертвуете одним человеческим телом, двадцать миллионов соотечественников, став единым телом, возродятся. Если жертва одной семьи спасет страну и наша плодородная страна станет собственностью вашей семьи, как можно жалеть жертву одной семьи?»

Основным автором этого патриотического призыва к самопожертвованию ради освобождения отечества считается видный корейский просветитель Чжо Со Анг, и под Декларацией были поставлены подписи 39 патриотов, в том числе Ли Бом Юна, Мун Чан Бома, Ким Гю Сика, Ким Хак Мана, Ли Хон Хвы (Ли Дон Хви), Ли Сын Мана, Ан Чан Хо и других. Через пограничные водные рубежи Амноккана и Тумангана, морскими путями, а иногда через третьи страны маньчжурская Декларация нелегально переправлялась в Корею, где в свою очередь передавалась из рук одних патриотов в другие.

Вторая Декларация независимости Кореи (не без влияния первой) появилась на свет 8 февраля 1919 г., и ее создателем была Всеяпонская токийская корейская молодежная лига независимости. Считается, что основной текст этой патриотической Декларации написал один из лидеров лиги Ли Гван Су при поддержке 11 других студенческих активистов, подписи которых были также поставлены под документом.

В краткой преамбуле токийской Декларации содержался лаконичный экскурс в историческое прошлое Кореи, раскрывали причины и последствия колониальной аннексии полуострова Японией. Свирепый жандармский режим, ограбления и унижения корейского народа свидетельствуют о той дипломатической ошибке, которую в свое время допустили США и Великобритания, одобрив японские притязания на протекторат и аннексию Кореи, указывалось в документе. В новых международных условиях, возникших после революционных перемен в России, совершенно по-иному решаются проблемы войны и мира на Востоке. «Россия от

казалась сейчас от милитаристских устремлений и находится в процессе строительства нового государства, базирующегося на справедливости и свободе», — говорилось в токийской Декларации. Документ призывал народ Кореи «развертывать движение сопротивления», быть готовым к применению всех методов освободительной борьбы и объявлению вечной, смертельной битвы за освобождение Отечества.

В заключительной части токийской Декларации выдвигались требования немедленного созыва общеполитического Конгресса корейской нации, предоставления независимости Корее, признания полномочий корейской делегации на Версальской мирной конференции. Если эти требования не будут удовлетворены, говорилось в Декларации, корейской нации следует развернуть «вечную борьбу» против японских угнетателей. «Мы не будем нести никакой ответственности за трагедии, которые при этом будут происходить», — подчеркивалось в документе.

Обнародованная за три недели до первомагтовского движения токийская Декларация стала наряду с первой, маньчжурской, Декларацией своего рода катализатором духовного пробуждения патриотических умов колонии.

Идейно-политическая взаимосвязь между двумя Декларациями, родившимися в эмиграции, и Декларацией независимости Кореи от 1 марта 1919 г. («Тоннип сононсо»), считающейся основной, несомненна, хотя первомагтовский документ отличается по своему духу и тональности от двух предыдущих прототипов.

Самым удивительным и небывалым было то, что различные религиозно-националистические лидеры и течения в антиколониальном сопротивлении, между которыми прежде не было даже простого взаимопонимания, соединились интуитивно на общей платформе борьбы за достижение независимости. В числе 33 патриотов, подписавших историческую Декларацию независимости от 1 марта 1919 г., оказались 15 деятелей религиозной секты «Чхондогё», 16 христианских проповедников и активистов и 2 буддиста, сумевшие ради высокой цели освобождения отечества отодвинуть на второй план межрелигиозные, межклановые и иные противоречия и противоборство. Накануне движения 1 марта 1919 г. «Чхондогё» насчитывала около 3 млн сторонников, а число сторонников христианских общин достигало 1,5 млн человек.

Непосредственным застрельщиком первомагтовского движения выступили лидеры «Чхондогё», к которым присоединились другие патриотические религиозные течения. Текст Декларации независимости тиражом в 20 тыс. экземпляров был отпечатан в типографии «Чхондогё» и заранее распространен по стране. Первоначальная дата всеобщего выступления была назначена на 1 марта — день похорон умершего экс-монарха Коджона, но затем было решено упредить приготовления полиции и жандарме-

рии и начать митинги и демонстрации 1 марта. В этот памятный день ровно в 14 часов дня на собрании 33 лидеров и активистов движения в ресторане «Тэваган» был оглашен текст Декларации независимости. Затем почти одновременно состоялся массовый молодежный митинг в столичном парке «Паг», на котором Декларация независимости была зачитана уже перед многотысячной толпой. Скандируя «Да здравствует Корея!», патриоты с развеваемыми национальными флагами стали растекаться по всему городу. Несмотря на отсутствие единого координационного центра, первоапрельское движение почти повсеместно стало стихийно перерастать в вооруженное восстание под лозунгами изгнания чужеземцев и проведения радикальных политических перемен в угнетенной стране.

В считанные дни марта состоялось 1524 патриотических выступлений, в которых приняло участие более 2 млн человек, том числе в Сеуле — 57 тыс., Мокпо — 62 тыс., Пусане — 20 тыс., Намвоне — 50 тыс., Тэгу — 23 тыс., Чхорвоне — 70 тыс., Чинампхо — 25 тыс., Пхеньяне — 30 тыс., Чонджу — 55 тыс., Сохчхоне — 35 тыс., Чхольсане — 40 тыс., Канге — 53 тыс. и т.д. Из 218 уездов того времени антиколониальное движение охватило 211 уездов.

На начальном этапе первоапрельского движения антиколониальные выступления корейского народа носили исключительно мирный характер. На необходимости ненасильственного сопротивления акцентировала внимание и третья Декларация независимости Кореи. Более того, составители третьей Декларации, подчеркивая свое миролюбие, особо оговаривали, что корейский народ, несмотря на то, что он пал «жертвой старомодного агрессивного насилия» и подвергается мучительным и унижительным притеснениям, не испытывает чувства мести по отношению к завоевателям. Декларация от 1 марта призывала Японию добровольно «сойти с ошибочного пути», совершить «прорыв в новую дружественную ситуацию», выбросить взаимную злобу, вступить на путь возрождения и взаимного обогащения культур во имя безопасности и благополучия всего Востока. «Во всех действиях наши требования и поведение должны быть честными и законными», — отмечали авторы третьей (основной) Декларации независимости.

Основным автором первоапрельской Декларации считается видный корейский просветитель и гуманист Чо Нам Сон, с которым успешно сотрудничали в доработке текста другие просветители — Хан Ен Ун и Чо Рин Сон. В число 33 подписавшихся под первоапрельской Декларацией и назвавшихся «представителями корейской нации», вошли: Сон Бен Хы (Сон Бен Хи), Ким Сон Чжу, Ли Пхиль Чжу, Сон Енг Бек, Ким Ван Гю, Ким Бен Чжо, Ким Чан Чжун, Квон Дон Джин, Квон Бен Док, Хан Ен Ун, Ли Сын Хун и другие христианские, буддистские и иные религиозные и общественно-политические деятели и активисты.

Выше уже отмечалось, что первоапрельская Декларация независимости по своему содержанию носила менее радикальный, по сравнению с двумя предыдущими документами, характер. Но именно ей суждено было воспламенить факел протеста, переросшего вскоре в народное восстание. Вероятно, это было обусловлено тем, что первоапрельская Декларация родилась непосредственно в самой Корее, в гуще антиколониального протеста и на восходящей волне национально-освободительного движения.

Среди дошедших до наших дней документальных свидетельств первоапрельских событий особый интерес представляют обнаруженные в 1998 г. в печати донесения российского дипломата Я.Я.Лютца. По свидетельству автора дипломатических депеш, в дни траурных церемоний по случаю смерти экс-императора Кореи в Сеул прибыло более 300 тыс. человек. Днем 1 марта около 14 часов по всему городу были разбросаны прокламации, в которых содержались пламенные призывы к провозглашению независимости Кореи. В столичном парке на митинг стихийно собралась толпа примерно из 4 тыс. человек. Одна из митингующих колонн направилась к императорскому дворцу, другая — к центру города, в район главного почтамта и центрального банка, третья — к резиденции Сунджона, четвертая — к зданию японского генерал-губернаторства.

Над толпами демонстрантов реяли корейские национальные флаги, демонстранты дружно скандировали: «Мансе!» («Многие дела!»). Аналогичные выступления происходили в других районах страны. На пути демонстрантов встали карательные отряды. И тогда начались прямые стычки участников движения не только с полицией, жандармерией, но и с регулярными войсками. В городе Сончхоне при столкновении патриотов с карателями было убито около 30 корейцев и один японский офицер. С этого времени неслыханное движение стихийно перерастает в народное восстание. Патриоты забрасывали градом камней полицейских и жандармов, которые то и дело открывали по толпе огонь сначала колесными, а затем боевыми патронами. При этом колониальные власти не переставали заявлять, что японское правление на Корейском полуострове «останется навеки» якобы прежде всего для блага самих же корейцев.

На начальном этапе японские власти стремились парализовать и подавить восстание в Корее исключительно методами репрессий. К этому времени Токио располагал на Корейском полуострове 751 полицейско-жандармским участком с 5402 полицейскими и примерно 8 тыс. жандармов. Однако на подавление корейских патриотов пришлось бросить и регулярные войсковые части. В итоге драконовских репрессий в апрельские дни 1919 г. было убито 7509 человек, ранено 15961 человек, подверглись арестам и судебным гонениям 46948 патриотов.

Сотни патриотов были осуждены на смертную казнь и длительное тюремное заключение. Подписавшие Декларацию независимости религиозные деятели, в том числе лидер «Чхондогё» Сон Бен Хи, были приговорены к трем годам каторжных работ. Столь относительно «мягкий» приговор был, вероятно, обусловлен опасением колониальных властей, что в стране в знак антиколониального протеста может вновь произойти взрыв народного восстания.

Каратели без тени колебаний открывали шквальный огонь по самым густонаселенным кварталам и селениям, уничтожив 715 жилых домов, 47 церквей, много других общественных зданий. Вся Корея онемела от ужаса и гнева, когда в селении Чеамни близ Сеула каратели в ответ на убийство одного японского солдата зажигали в здании христианской церкви десятки мирных прихожан. Страшный пожар полыхал около пяти часов, и все это время каратели продолжали стрелять по окнам и дверям горящего здания, убивая всех, в том числе женщин, детей, престарелых, пытавшихся выбраться из огненного ада. Спасти удалось лишь трем жителям. Попытка японских властей скрыть это преступление провалилась, ибо на месте происшествия сразу же оказалась группа североамериканских миссионеров, которая по свежим следам поведала миру об ужасной трагедии.

Путем жесточайших репрессий японским властям удалось на время усмирить восставший народ. Однако его героическое восстание, не знавшее аналогов в истории страны, не прошло бесследно. Оно имело неосценимое значение, предопределив в немалой степени последующий ход освободительной борьбы корейского народа. В сущности движение 1 марта продолжалось вплоть до освобождения Кореи. Движение во всей полноте раскрыло необходимость общенациональной консолидации всех патриотических и народных сил, в особенности патриотических кругов национальной интеллигенции. Наконец, именно первоапрельское движение окончательно разрушило информационную блокаду вокруг Кореи, что, в свою очередь, стало стимулом для активизации национально-освободительной борьбы в Китае, Вьетнаме, Индии, Индонезии и других странах Азии.

2. Временное правительство Кореи в эмиграции

Подъем общенационального освободительного движения в Корее породил необычайную активность самых различных патриотических сил, тяготевших к платформе национализма. Соответственно, уже в первые два месяца первоапрельского движения в различных регионах Восточной Азии почти одновременно возникают три временных правительства Кореи. Одно из них было провозглашено в Никольск-Уссурийске и Владивостоке, соответственно, 17 и 21 марта, второе — в Шанхае 11 апреля и третье — в Сеуле 21 апреля 1919 года.

Обнародованная российскими корейцами (при ведущей роли О Сон Муна и Мун Чан Бома) Декларация независимости Кореи от 17 марта 1919 г. провозгласила учреждение Корейской национальной ассамблеи (или Корейского национального совета), принявшей эстафету от ранее действовавшего Центрального исполкома корейских национальных обществ. Японские и колчаковские войска, находившиеся в это время в российском Приморье, обрушили суровые репрессии на корейских политэмигрантов, которым пришлось уйти в подполье и в таежные партизанские отряды.

Сеульскому временному правительству удалось установить связи с патриотами во всех 13 провинциях страны, разработать демократическую по своему содержанию временную конституцию. От имени корейского народа временное правительство направляло японским властям петиции с требованиями упразднить оккупационный режим и вывести с полуострова свои войска. Одновременно временное правительство обратилось с призывом к народу начать масштабную кампанию бойкота: не платить налоги колониальной администрации, не признавать юрисдикции японского суда, бойкотировать работу японского аппарата административного управления. Суровые репрессии японской полиции и жандармерии и особенно арест 270 патриотов, участвовавших в создании временного правительства, застопорили его деятельность на корейской территории.

Наиболее эффективным оказалось создание Временного правительства Кореи в эмиграции в г. Шанхае. Поскольку город был наводнен японской тайной агентурой, первое собрание корейских патриотов-националистов было проведено на территории дипломатической миссии Франции. Участники этого собрания объявили о созыве Национального конгресса, создании временного парламента и формировании временного правительства Кореи. В работе Национального конгресса приняли участие патриоты-эмигранты с Корейского полуострова, а также представители корейской эмиграции из Владивостока. На начальном этапе деятельности оно получило поддержку «Чхондогё», христианской церкви, буддистской общины, Всекорейского союза учащихся, Объединенного национального союза, Союза молодежи, Союза земельных арендаторов, Женского патриотического союза, Объединенного рабочего союза, Корейской социалистической партии и других организаций и движений. Возникновение столь представительного республиканского центра власти в эмиграции явилось началом поворота угнетенного корейского общества от монархической и колониальной системы управления к буржуазно-парламентской республике.

Несмотря на дефицит в материальном обеспечении, острые фракционные, межклановые и иные противоречия, Временному правительству в Шанхае в немалой степени удалось стимулировать развертывание вооруженного антияпонского сопротивления, на некоторое время добиться единства действий многочисленных

изолированных повстанческих отрядов, сражавшихся против японцев на маньчжурской территории. В апреле 1921 г. в Пекине с целью разработки стратегии совместной освободительной войны состоялось представительное совещание корейских политических и военных руководителей, действовавших в Маньчжурии. На основе согласованных установок этого совещания начал действовать «Совет национальных представителей Кореи», объединивший довольно пестрые по составу национально-освободительные силы. В условиях активизации антиимпериалистического движения в самом Китае (под эгидой Гоминьдана, компартии и др.) «Тонникун» («Армия независимости») Временного правительства Кореи наносила нередко чувствительные удары колонизаторам. В октябре 1920 г. близ селения Чхонсанни корейский повстанческий отряд численностью около 400 солдат и офицеров разгромил значительно превосходящую по силе японскую бригаду регулярных войск численностью около 1 тыс. человек. В том же году в ожесточенном сражении у селения Понодон повстанческий отряд Хон Бом До во взаимодействии с отрядом Чхве Дон Джина нанес сокрушающий удар по карателям: в итоге боя японская сторона потеряла убитыми 160, ранеными 300 солдат и офицеров.

Острая внутриполитическая конфронтация в рядах Временного правительства Кореи отошла на второй план лишь после начала японо-китайской войны (1937 г.) и нападения Японии на США в бухте Перл-Харбор на Гавайских островах (7 декабря 1941 г.). Временное правительство Кореи без промедления официально объявило войну Японии. Боевые части «Тонникун», объединившись с отрядами «Кванбоккун», во взаимодействии с армиями союзных держав успешно действовали в Индии, Бирме, на других фронтах Тихоокеанской войны. Кроме того, значительное число корейцев служило в вооруженных силах США и Китая, внося свой вклад в разгром японского милитаризма.

Временное правительство Кореи в эмиграции функционировало около 27 лет и вернулось в Корею лишь после капитуляции Японии 23 ноября 1945 г. Лидеры кабинета Ким Гу, Ким Гю Син, Ли Си Ен и другие были встречены с достаточными почестями на родной земле. Создание кабинета Первой Республики Кореи (15 августа 1948 г.) трактуется в южнокорейской историографии как закономерное продолжение процесса деколонизации, начатое более четверти века назад корейскими патриотами-националистами в Шанхае.

Среди ведущих деятелей Временного правительства Кореи в эмиграции на его начальном этапе весьма авторитетную роль играл Ли Дон Хви, потомственный янбан, бывший полковник расформированной японцами императорской армии, христианский миссионер, создатель военно-патриотических учебных центров и ряда национально-освободительных организаций («Синхан минкук», «Кепсондокрипдан» и др.).

В августе 1919 г. в корейском освободительном движении произошло важное событие: представители внутренних и зарубежных патристических течений договорились о том, что два наиболее значительных центра движения — Временное корейское правительство в Шанхае и общество «Кунминхве» (наиболее активно действовавшее в США и в России) объявят о самороспуске с целью последующего формирования нового объединенного временного правительства. В состав нового правительства в качестве ключевых фигур вошли: Ли Сын Ман, президент; Ли Дон Хви, премьер-министр и военный министр; Ли Дон Нен, министр внутренних дел; Син Кю Сик, министр юстиции; Ли Си Ен, министр финансов; Ан Чан Хо, министр труда. Однако в состав объединенного временного правительства Кореи отказались войти пришедшие вместе с Ли Дон Хви из Владивостока Мун Чан Бом (он стал первым, кто подписал российскую версию Декларации независимости) и Чхве Дже Хен, пользовавшийся большим влиянием среди корейцев в Приморье. Позже они вернулись во Владивосток и возобновили деятельность «Кунминхве», обвинив правительство Кореи в Шанхае в отходе от ранее согласованных принципов совместного развертывания вооруженной освободительной борьбы.

Деятельность Ли Дон Хви на посту премьера и военного министра Временного шанхайского правительства продолжалась с октября 1919 г. по январь 1921 г. За это короткое время ему удалось активизировать усилия по созданию корейских вооруженных сил — «Армии независимости». Благодаря его настойчивым усилиям была налажена более тесная координация между корейскими партизанскими силами, действовавшими в тот период в российском Приморье и маньчжурском Кандо. Ли Дон Хви было присуще глубокое понимание роли Советской России в антияпонской борьбе корейского народа. Именно по его настоянию Обьединенное временное корейское правительство направило в Москву делегацию с целью получения чрезвычайной финансовой помощи для решения задач национально-освободительного движения. Провести это решение оказалось отнюдь не простым делом, поскольку весьма влиятельная националистическая группировка во главе с Ан Чан Хо выступила открыто против принятия подобной помощи от правительства Ленина, отказавшегося погашать свой прежний долг правительства России. Тем не менее Ли Дон Хви сумел направить в Москву полномочную делегацию во главе с Ли Хен Гоном, которой удалось провести успешные переговоры с советским правительством.

Несмотря на чрезвычайную ситуацию гражданской войны, правительство Ленина выделило на поддержку корейского освободительного движения 2 млн рублей (в валюте), причем 400 тыс. руб. были доставлены спецкурьерами непосредственно в Шанхай. Изделение Временному правительству Кореи оставшихся 1,6 млн руб. натолкнулось на серьезные препятствия. Ко времени второго

визита Хан Хён Гона в Москву противоречия внутри кабинета Ли Дон Хви подошли к грани раскола, о чем стало известно Ленину. Подтвердив вновь советскую поддержку корейскому освободительному движению, глава правительства Советской России на правил посланца «шанхайцев» к наркому по иностранным делам Г.В.Чичерину. Последний, учитывая сдержанное отношение Коминтерна к Временному правительству Кореи, распорядился о выдаче лишь 200 тыс. руб. валютой, которые, впрочем, оказались также немалой поддержкой для корейских патриотов.

Советская помощь позволила Временному правительству активизировать свои усилия по мобилизации национально-освободительных сил. Кроме того, Ли Дон Хви совместно с китайскими и японскими социалистами удалось создать в Шанхае новую региональную социалистическую организацию «Тонянгчонкук» («Все страны Азии»).

В составе Временного шанхайского правительства Ли Дон Хви воплощал радикальную, во многом революционную линию на организацию вооруженной освободительной войны против японского колониализма. Именно этой стратегией диктовался ряд его попыток реформировать временное правительство, создать эффективный парламент, направить в Маньчжурию, Сибирь, Москву, Пекин, Северную Америку, на Гавайи ведущих членов кабинета. В частности, Ли Дон Хви настойчиво ставил вопрос о переносе штаб-квартиры Временного правительства ближе к корейской границе или же на российскую территорию, в один из городов Сибири.

Однако умеренно-националистическое и правое крыло кабинета (Ан Чан Хо, Ли Сын Ман) не без поддержки корейских эмигрантских организаций в США, Японии и отчасти в самой Корее («Хванхэдо», «Пхенаннамдо» и др.) считало, что вначале надо собрать необходимые силы и ресурсы и лишь затем приступать к подготовке вооруженного освобождения страны. По мере углубления противоречий по вопросам стратегии и тактики освободительной борьбы стали резко обостряться взаимоотношения между премьером Ли Дон Хви и президентом Ли Сын Маном. Последний, несмотря на предостережения, раздававшиеся со стороны радикального фланга еще в период формирования Временного правительства, все сильнее обнаруживал авторитарные склонности, пытаясь представить себя перед иностранными дипломатами в качестве единоличного руководителя внешней политики временного правительства, распространял без ведома последнего облигации государственного займа, саботировал реализацию решений кабинета. Во время своих многократных поездок в США Ли Сын Ман, недооценивая организацию антиколониального сопротивления внутри Кореи, делал акцент на обеспечение поддержки Вашингтона в достижении независимости Кореи на основе известных принципов Вудро Вильсона, т.е. путем проведения беспрепятственных переговоров с Японией.

На ключевом заседании кабинета 5 января 1921 г. Ли Дон Хви в предельно резкой форме заявил, что, пребывая подолгу в США, президент изолировался от реальной ситуации и слабо ориентируется в острейших проблемах, стоящих перед Кореей. Исходя из этой критики, Ли Дон Хви предложил рассмотреть вопрос об упразднении института президентства и введении парламентской системы управления. Присутствовавший на заседании Ли Сын Ман заявил, что предлагаемый проект перехода к парламентской системе напоминает структуру советского правительства во главе с Лениным и, стало быть, непригоден для Кореи. Сторонники группы Ан Чан Хо, разделяя ряд критических высказываний в адрес Ли Сын Мана, не поддержали проект Ли Дон Хви о реформировании кабинета. 24 января 1921 г. после 15-месячного пребывания на посту премьера Ли Дон Хви и его ближайшие соратники ушли в отставку. По всей вероятности, в этой отставке сыграли свою роль не только межфракционные противоречия в кабинете, но и стремление Ли Дон Хви форсировать создание Корё консандан (Корейской коммунистической партии), учредительный съезд которой состоялся в Шанхае в середине мая 1921 г., т.е. вслед за другим учредительным съездом корейских коммунистов в Иркутске.

После подавления первомартовского народного движения неслучайное общественное звучание в антиколониальной борьбе корейского народа (впрочем, как и до первомартовских событий) имели террористические акции против ведущих деятелей колониальной администрации. Незадолго до полной аннексии Кореи в 1910 г., 10 октября 1909 г., молодой корейский патриот Ан Чун Гын совершил смертельное покушение на князя Ито Хиробуми, одного из главных архитекторов японской экспансии в Корее. Патриот считал свою террористическую акцию справедливым актом возмездия. В своем заключительном слове на судебном процессе Ан Чун Гын заявил, что он предпринял покушение на японского наместника в Корее сознательно и продуманно и отнюдь не раскаивается в содеянном. Именно Ито Хиробуми был ключевым фигурой политики, которая силой навязала Корее договор о протекторате, разрушила ее национальный облик и принудила государство к отречению от престола. Ан Чун Гын был приговорен японским судом к смертной казни. (На этом фоне парадоксальным выглядело решение корейского монарха Сунджона выделить 100 тыс. иен семье Ито Хиробуми на его похороны.)

В 1920—1930-е гг. механизм подготовки и осуществления террористических акций против высших чинов империи микадо берут в свои руки глубоко законспирированные подпольные революционные группы. В 1923 г. японской жандармерии едва удалось раскрыть подпольную анархистскую группу Пак Ёля, готовившего покушение на императора Японии. Другую попытку убить микадо взрывом гранаты предпринял в 1932 г. в Токио корейский патриот Ли Бон Чжан. В том же году в центральном го-

родском парке Шанхая корейский патриот Юн Бон Гиль метнул гранату в группу японских генералов и политиков, собравшихся на торжества по случаю дня рождения императора.

Серия террористических актов, взрывов и диверсий против колониальной власти и высоких японских чиновников в 1920-е гг. была организована боевыми группами «Ыйдельдан» во главе с Ким Ван Боном и «Эгуктан» во главе с Ким Гу. Правомерность обращения к террору борцов за национальную независимость не только в Корее, но и других угнетенных странах продолжает дискутироваться в мировой науке. Тем не менее, молодые корейцы сознательно положившие свои жизни на алтарь освобождения отечества, навсегда вошли в пантеон народных мучеников, верных патриотов отечества.

3. Освободительное движение между Первой и Второй мировыми войнами

Первомартовское движение 1919 г. вынудило Токио более широко использовать не только «методы кнута», но и «политику протика». Вслед за жестоким умиротворением, империя микадо провозгласила в колонии так называемую «эру культурного управления». Согласно нововведениям в колонии декларировались некоторые гражданские свободы, карательные функции жандармерии передавались полиции, корейцы могли издавать газеты и журналы на родном языке, а ключевой пост наместника микадо — генерал-губернатора охотно мог замещать не только военный, но и гражданский чин.

Под прикрытием подобной «либерализации» Япония продолжала усиливать систему колониального ограбления Кореи. Прежде всего был значительно укреплен аппарат насилия. Общая численность японских полицейских и жандармов в Корее с 1918 г. к 1930 г. возросла с 14,3 тыс. до 18,8 тыс. Аресты, судебные преследования, цензурные санкции, административные штрафы были повседневной нормой системы «культурного управления».

В период между двумя мировыми войнами Япония резко увеличивает вывоз риса и других видов продовольствия с Корейского полуострова. Так, в 1917—1921 гг. он возрос на 208%, в 1922—1926 гг. — на 409%, в 1927—1931 гг. — на 624%, в 1932—1936 гг. — на 826%. (В то же время за вышеуказанные годы валовое производство риса в Корее выросло лишь на одну треть.) Огромный дефицит риса в самой Корее пополнялся за счет закупок в Китае чумизы, бобов, гаоляна и других низкокачественных видов зерновых. Одновременно монопольно владея оросительными системами, средствами агротехники, ресурсами аграрного кредитования японский капитал продолжал экспроприацию пахотных земель трудового крестьянства.

Только за период с 1919 по 1930 гг. число земледельцев, имеющих свои наделы, снизилось в общей массе крестьянских хозяйств с 39,3% до 31,0%, в то время как число беднейших арендаторов выросло с 37,6% до 46,5%. Ответом обездоленной деревни были различные формы стихийного протеста против колониального и феодального угнетения. С крестьянской борьбой объективно перекликались выступления формирующегося национального пролетариата, молодежи, патриотической интеллигенции, мелкобуржуазных слоев.

В условиях жестокого колониального террора, отсутствия эффективных политических партий, разобщенности различных потоков освободительного движения антиколониальная борьба принимала самые различные формы: легальные, полуполигальные, вооруженные, партизанские, а подчас и диверсионно-террористические.

Одним из проявлений легального национально-освободительного протеста стало создание в 1921 г. в Сеуле «Общества корейского языка» («Чосоно хакхве»). Ведущую роль в обществе играли патриотически настроенные ученые-лингвисты — Ли Гын Но, Чхве Хён Бэ, Ким Юн Гён и другие, основавшие популярный журнал «Хангыль» и написавшие различные пособия и словари корейского языка. Именно «Чосоно хакхве» принадлежит заслуга в определении даты общенационального праздника — «Дня хангыля» (Подробнее антиколониальные тенденции в корейской культуре 20—40-х годов рассматриваются в следующей главе.)

Яркий след в истории корейского освободительного движения 1919—30-х гг. оставило «Синганхве» («Общество обновления») — своего рода легальная организация единого национального фронта, возникшая в Сеуле 15 февраля 1927 г. Рождение «Синганхве» стало плодотворным итогом движения навстречу друг другу различных патриотических сил, прежде всего националистов и коммунистов. В короткий срок в рядах необычайно популярного «Синганхве» оказались националистические, коммунистические, просветительские, реформистские, христианские, буддийские организации, радикальная часть «Чхондогё» и другие движения общей численностью до 30 тыс. человек. В провинциальных городах и селениях Кореи возникло около 100 местных организаций единого фронта. Одновременно «Синганхве» стало быстро обрастать параллельными движениями типа «Кынуххве» («Общество вступающих друзей») и др. На первом этапе деятельности «Синганхве» его возглавили такие видные патриотические деятели, как Ли Сан Чжэ (президент), Ан Че Хон (генеральный секретарь), Хон Мен Хи (ответственный за оргработу), Ли Сын Бок (финансир) и др.

Несмотря на острую полемику внутри руководящего ядра единого фронта, в особенности между националистами и коммунистами, «Синганхве» удалось выработать согласованные ключевые принципы (хотя текст первой декларации фронта пока не выявлен

ни в одном из национальных или зарубежных архивов). «Синганхве» призывало корейскую нацию мобилизоваться и сплотиться в целях политического и экономического возрождения, отвергая унизительные компромиссы с угнетающей Японией, в особенности идею полукOLONиальной «автономии» под эгидой Токио.

В числе практических задач, ожидающих неотложного решения, «Синганхве» выдвигало следующее: освобождение детей из бедных семей от платы за школьное обучение; повсеместное изучение корейцами родного языка; ликвидация учреждений, созданных в целях эксплуатации корейской нации; отмена японской эмиграционной экспансии на Корейский полуостров; отмена дискриминационных законов, направленных против деятельности патриотов, националистов и коммунистов; ограничение прерогатив местных сельскохозяйственных ассоциаций, действующих в качестве орудия колонизации; реорганизация системы образования и свободное изучение общественных наук; признание права корейцев распоряжаться на основе закона своей собственностью и т.п. Решение этих неотложных задач деколонизации тесно увязывалось со стратегическими направлениями в деятельности единого фронта, названными в несколько завуалированных и все же достаточно понятных для патриотов формулировках: повышать уровень политико-экономического самосознания, укреплять консолидацию и отвергать всякие проявления оппортунизма, под которыми понималось прежде всего антинациональное соглашательство.

Первоначально японские власти признали «Синганхве» как вполне «законное» общественное объединение корейцев. Но по мере роста влияния этой организации в массах генерал-губернаторство начинает проявлять признаки тревоги и беспокойства. Начинается усиленная полицейская слежка, а затем и репрессии против активистов единого фронта. В ноябре 1929 г., когда «Синганхве» солидаризировалось с антиколонизальным студенческим выступлением в Кванджу, ряд лидеров и активистов организации был брошен в тюрьмы и подвергнут судебным преследованиям. Прямые репрессии против «Синганхве» еще больше усилились после развязывания вооруженной агрессии Японии против Китая в 1931 г. В такой критической ситуации единый фронт принял решение о самороспуске (16 мая 1931 г.) и переходе на нелегальное положение.

Однако «Синганхве» распалось не только под натиском колониальных репрессий. В руководстве единого фронта резко столкнулись две антагонистические тенденции: умеренно-либеральная и левозэкстремистская. Представители Компартии Кореи признавали вначале ключевой принцип фронта, согласно которому ни одно политическое течение не должно претендовать на свою гегемонию в «Синганхве». Однако в дальнейшем, не без влияния сектантских директив Коминтерна, коммунисты взяли лишенный реальных перспектив курс на установление своей лидирующей роли в едином фронте, что окончательно подорвало и разрушило вре-

менный антиколониальный блок между леворадикальными и буржуазно-национальными силами, столь необходимый в освободительной борьбе корейского народа.

В период между 1919—1940 гг. в Корее то вспыхивали, то на время затихали и поднимались вновь крестьянские, молодежные волнения, выступления рабочего класса, средних слоев, городской бедноты и других представителей социальных низов. Если в 1922 г. в корейской деревне было зафиксировано 24 социально-экономических конфликта, то в 1930 г. — 726 конфликтов, в которых приняло участие более 13 тыс. человек. Если в 1921 г. на Корейском полуострове произошло 36 трудовых конфликтов с участием 3403 рабочих, то в 1931 г. — 205 конфликтов, в которые было втянуто более 21,1 тыс. рабочих. Наиболее крупными выступлениями корейского пролетариата были: всеобщая забастовка портовиков Пусана осенью 1921 г., многотысячное выступление рабочих резиновой промышленности в Сеуле в 1923 г., демонстрация 10 июня 1926 г. в Кванджу, всеобщая забастовка трудящихся Вонсана в январе—феврале 1929 г. и другие.

Непосредственным поводом для июньского выступления 1926 г. стала смерть экс-императора Кореи Сунджона 26 апреля 1926 г. Стремясь упредить «беспорядки», колониальная администрация решила взять в свои руки организацию официальной похоронной церемонии, с тем чтобы изолировать патриотов от масс. Однако этот маневр властей оказался несостоятельным. В день массового траура по умершему — 10 июня 1926 г. — десятки тысяч патриотов вышли на антиколониальную демонстрацию. Они скандировали лозунги и распространяли прокламации, в которых говорилось: «Соотечественники! Прогоним из страны заклятых врагов! Смерть или свобода! Да здравствует Корея! Требуем земли, свободы, риса! Долой японский империализм! Корея — корейцам!» Колониальные власти вновь оказались в состоянии, близком к политическому шоку. К столице стали срочно подтягиваться войсковые резервы. В инчхонской гавани были приведены в состояние повышенной боеготовности четыре крейсера ВМФ Японии. Обрушив на участников демонстрации жестокие репрессии (были арестованы сотни активистов движения), колониальная администрация сумела с трудом предотвратить перерастание политической демонстрации 10 июня 1926 г. во всенародное восстание.

Ошутимый удар по японской колониальной системе в Корее был нанесен всеобщей забастовкой трудового люда Вонсана в январе—феврале 1929 г. Основным организатором этого крупного выступления корейских трудящихся была «Вонсан нодонхве» («Вонсанская федерация труда»). Первыми 14 января 1929 г. объявили забастовку рабочие нефтеперерабатывающего завода, принадлежавшего американскому капиталу. Затем прекратили работу грузчики, транспортники. Вся взаимосвязанная система портового обслуживания оказалась парализованной. Бастующий профсоюз

родском парке Шанхая корейский патриот Юн Бон Гиль метнул гранату в группу японских генералов и политиков, собравшихся на торжества по случаю дня рождения императора.

Серия террористических актов, взрывов и диверсий против колониальной власти и высоких японских чиновников в 1920-е гг. была организована боевыми группами «Ыйдельдан» во главе с Ким Ван Боном и «Эгуктан» во главе с Ким Гу. Правомерность обращения к террору борцов за национальную независимость не только в Корее, но и других угнетенных странах продолжает дискутироваться в мировой науке. Тем не менее, молодые корейцы, сознательно положившие свои жизни на алтарь освобождения отечества, навсегда вошли в пантеон народных мучеников, верных патриотов отечества.

3. Освободительное движение между Первой и Второй мировыми войнами

Первомартовское движение 1919 г. вынудило Токио более широко использовать не только «методы кнута», но и «политику пряника». Вслед за жестоким умиротворением, империя микадо провозгласила в колонии так называемую «эру культурного управления». Согласно нововведениям в колонии декларировались некоторые гражданские свободы, карательные функции жандармерии передавались полиции, корейцы могли издавать газеты и журналы на родном языке, а ключевой пост наместника микадо — генерал-губернатора отныне мог замещать не только военный, но и гражданский чин.

Под прикрытием подобной «либерализации» Япония продолжала усиливать систему колониального ограбления Кореи. Прежде всего был значительно укреплен аппарат насилия. Общая численность японских полицейских и жандармов в Корее с 1918 г. по 1930 г. возросла с 14,3 тыс. до 18,8 тыс. Аресты, судебные преследования, цензурные санкции, административные штрафы были повседневной нормой системы «культурного управления».

В период между двумя мировыми войнами Япония резко увеличивает вывоз риса и других видов продовольствия с Корейского полуострова. Так, в 1917—1921 гг. он возрос на 208%, в 1922—1926 гг. — на 409%, в 1927—1931 гг. — на 624%, в 1932—1936 гг. — на 826%. (В то же время за вышеуказанные годы валовое производство риса в Корее выросло лишь на одну треть.) Огромный дефицит риса в самой Корее пополнялся за счет закупок в Китае чумизы, бобов, гаоляна и других низкокачественных видов зерновых. Одновременно монопольно владея оросительными системами, средствами агротехники, ресурсами аграрного кредитования, японский капитал продолжал экспроприацию пахотных земель трудового крестьянства.

Только за период с 1919 по 1930 гг. число земледельцев, имеющих свои наделы, снизилось в общей массе крестьянских хозяйств с 39,3% до 31,0%, в то время как число беднейших арендаторов выросло с 37,6% до 46,5%. Ответом обездоленной деревни были различные формы стихийного протеста против колониального и феодального угнетения. С крестьянской борьбой объективно перекликались выступления формирующегося национального пролетариата, молодежи, патриотической интеллигенции, мелкобуржуазных слоев.

В условиях жестокого колониального террора, отсутствия эффективных политических партий, разобщенности различных потоков освободительного движения антиколониальная борьба принимала самые различные формы: легальные, полуполигальные, вооруженные, партизанские, а подчас и диверсионно-террористические.

Одним из проявлений легального национально-освободительного протеста стало создание в 1921 г. в Сеуле «Общества корейского языка» («Чосоно хакхве»). Ведущую роль в обществе играли патриотически настроенные ученые-лингвисты — Ли Гын Но, Чхве Хён Бэ, Ким Юн Гён и другие, основавшие популярный журнал «Хангыль» и написавшие различные пособия и словари родного языка. Именно «Чосоно хакхве» принадлежит заслуга в определении даты общенационального праздника — «Дня хангыля». (Подробнее антиколониальные тенденции в корейской культуре 20—40-х годов рассматриваются в следующей главе.)

Яркий след в истории корейского освободительного движения 1920—1930-х гг. оставило «Синганхве» («Общество обновления») — своего рода легальная организация единого национального фронта, возникшая в Сеуле 15 февраля 1927 г. Рождение «Синганхве» стало плодотворным итогом движения навстречу друг другу различных патриотических сил, прежде всего националистов и коммунистов. В короткий срок в рядах необычайно популярного «Синганхве» оказались националистические, коммунистические, просветительские, реформистские, христианские, буддийские организации, радикальная часть «Чхондогё» и другие движения общей численностью до 30 тыс. человек. В провинциальных городах и селениях Кореи возникло около 100 местных организаций единого фронта. Одновременно «Синганхве» стало быстро обрывать параллельными движениями типа «Кынухве» («Общество сочувствующих друзей») и др. На первом этапе деятельности «Синганхве» его возглавили такие видные патриотические деятели, как Ли Сан Чжэ (президент), Ан Че Хон (генеральный секретарь), Хон Мен Хи (ответственный за оргработу), Ли Сын Бок (казначей) и др.

Несмотря на острую полемику внутри руководящего ядра единого фронта, в особенности между националистами и коммунистами, «Синганхве» удалось выработать согласованные ключевые позиции (хотя текст первой декларации фронта пока не выявлен

потребовал радикального увеличения оплаты изнурительного труда и улучшения условий его безопасности, социальных гарантий, включая введение минимального потолка заработной платы. Власти не могли с ходу подавить всеобщую забастовку, ибо с борющимися вонсанцами солидаризировались трудящиеся многих других городов Кореи (Сеула, Пхеньяна, Чхонджина, Синийджу, Чонджу, Анджу, Пусана, Инчхона, Тэджона и др.). Крестьяне окрестных селений присылали бастующим «рисовую помощь» и другие виды продовольствия. О своей солидарности с вонсанцами заявили профсоюзы Японии, Китая, России. Лишь отстранив руководство федерации труда, колонизаторам удалось добиться свертывания забастовки. Несмотря на неполное удовлетворение требований участников, вонсанская забастовка сыграла огромную роль в развертывании освободительной и социальной борьбы корейского народа.

Одна из примечательных черт антиколониального движения в Корее между 1919 и 1940 гг. состоит в том, что в освободительную борьбу в качестве факельщика, а нередко и политического авангарда стали вовлекаться широкие круги молодежи, в первую очередь студенчества. Ярким эпизодом стала стихийная антияпонская студенческая демонстрация в Кванчжу 3 ноября 1929 г., в которой приняло участие более 1 тыс. молодых людей. Распространяемые демонстрантами прокламации бросали открытым вызов империи микадо: «Долой японский империализм! Свободу народу Кореи и всем угнетенным! Долой колониальное обучение! Силой отобьем арестованных лидеров!» Антияпонское движение протеста стремительно перекинулось во многие другие учебные заведения. В Сеуле 4 и 5 декабря в политических манифестациях приняло участие свыше 10 тыс. студентов. В следующем, 1930 г., антияпонские волнения прокатились по 194 учебным заведениям, и в них приняло участие более 54 тыс. человек. Чтобы затормозить антиколониальное движение, японские власти вынуждены были вновь прибегнуть к своему излюбленному средству — тотальным репрессиям. Число арестованных во время и после студенческих волнений в Кванчжу составило 17 тыс. человек, исключенных из учебных заведений — свыше 2,5 тыс., осуждено за «политические преступления» 1642 патриота.

После подавления первомартовского движения в Корее основными внешними базами повстанческого вооруженного сопротивления становятся российское Приморье и Маньчжурия. На Дальнем Востоке России в период гражданской войны и иностранной интервенции действовали корейские партизанские отряды общей численностью около 10 тыс. бойцов. Однако после подписания японо-советской конвенции 1925 г. об основных принципах взаимоотношений возможности использования российского Приморья в качестве опорной базы корейских партизан заметно сужаются. Позднее поголовная сталинская депортация приморских корейцев в Центральную Азию в августе 1937 г. окончательно похоронила

надежды корейских патриотов использовать Приморье как опорный плацдарм для развертывания освободительной борьбы на Корейском полуострове, несмотря на «интернациональную» риторику коминтерновского руководства. К тому же в период депортации в сталинском ГУЛАГе оказалось более 2 тыс. наиболее видных государственно-партийных работников, военные кадры, профессура из числа корейского населения.

История Кореи от первоапрельского движения 1919 г. до капитуляции Японии в 1945 г. неразрывно взаимосвязана с мучительными перипетиями становления левodemократического и коммунистического движения. Появление этого движения обычно связывается с рождением «Ханин сахве тонмен» («Союз корейских социалистов») в апреле 1918 г. У истоков организации стояли Ли Дон Хви, О Сон Мук, Пак Э, Ким Нип, О Хам Ук, Ли Ин Соб, А.П.Ким-Станкевич и другие. Год спустя, 8 мая 1919 г., на базе объединения указанного союза с «Синьминданом» («Союз новых граждан») возникает «Ханин сахведан» («Корейская социалистическая партия») во главе с Ли Дон Хви. Новая партия приняла решение о присоединении к Коминтерну, направив для окончательного решения этого вопроса в Москву Пак Чин Суна.

Большевистское руководство Советской России проявляло повышенный интерес к корейскому освободительному потенциалу как резерву в противодействии японской экспансии на Дальнем Востоке. Именно эти соображения легли в основу его первоначальной линии на интенсивную поддержку корейских социалистов, а затем и коммунистов.

В условиях продолжающихся распрей среди левых сил Кореи предпринимаются новые попытки объединить коммунистические группы. В 1920 г. процесс создания корейских коммунистических организаций активизируется. Они образуются в Иркутске, Чите, Омске, Москве, в Приамурье, Приморском крае и других районах России. Каждая из этих партийных групп стремилась выступать от имени всех корейских коммунистов. Коминтерн же пытался объединить различные организации корейских коммунистов, действовавших в России, Китае, Японии.

В апреле 1921 г. в Шанхае на съезде «Корейской социалистической партии» в форсированном порядке принимается решение о преобразовании «Ханин сахведан» в «Коре консандан» («Корейскую коммунистическую партию»). В состав ЦК вошли: Ли Дон Хви (председатель ЦК), Ким Чхоль Су, Пак Чин Сун, Ли Бон Су, Пак Хен Ен и другие. В политической платформе Корейской компартии в Шанхае достижение национальной независимости Кореи рассматривалось как промежуточная цель на пути к социалистической революции и формированию государства «пролетарского типа путем участия в мировой революции» и построения в конечном итоге «бесклассового общества» в стране. В условиях бурного распространения идей Октябрьской революции партия довольно уверенно набирала силы, достигнув численности в

6 тыс. членов и кандидатов партии. Местные организации «Коре консандан» действовали в Сеуле и Пхеньяне, а также в Харбине, Пекине, Токио, Сан-Франциско и Владивостоке. Представителю «Коре консандан» Пак Чин Суну удалось установить политические контакты с Исполкомом Коминтерна, заручиться его политической поддержкой.

Однако на пути становления молодого корейского коммунистического движения неожиданно возникли тяжелые преграды, обусловленные, с одной стороны, неразберихой в коминтерновском руководстве, а с другой — негативными, прежде всего сектантскими, чертами в традиционном менталитете левой корейской интеллигенции того времени.

Не признавая авторитета «шанхайских националистов», корейские эмигранты в России, заручившись поддержкой представителя Исполкома Коминтерна на Дальнем Востоке Б.З.Шумяцкого, решили идти «своим путем». Их организационно-политической опорой стала корейская секция Дальбюро ЦК РКП(б). К концу 1920 г. к востоку от Урала насчитывалось 16 корейских национальных парторганизаций, объединявших 2305 членов и кандидатов партии, подавляющее большинство которых имело российское гражданство. Успешный опыт участия в гражданской войне на стороне красных в немалой степени подогревал их авангардистское стремление к организационно-политическому размежеванию с «шанхайскими националистами». Первая попытка подобного размежевания состоялась 22 января 1919 г. в Иркутске, когда было объявлено о создании корейской секции коммунистической партии, объединяющей якобы всех российских корейцев-коммунистов. Секцию возглавили Нам Ман Чхун, Ким Чхор Хун, О Хам Ук и другие, которые уже были членами РКП(б). Поэтому их заявление о готовности корейской секции войти в состав РКП(б) носило сугубо формальный характер.

В дальнейшем иркутяне решили продемонстрировать еще большую самостоятельность с претензией на руководство всем освободительным и революционным движением в Корее. В мае 1921 г. им удалось при поддержке Б.З.Шумяцкого провести в Иркутске учредительный съезд еще одной Корейской коммунистической партии, правда, с участием ряда представителей от зарубежных коммунистических групп из Сеула, Харбина, Шанхая. В заключительном документе съезда говорилось, что новая партия объединяет 32 местные организации, в том числе в Корее и Китае, в которых состоят 8730 членов и кандидатов партии. В состав ЦК ККП вошли: Нам Ман Чхун, Хан Мен Се (Хан Мен Ше), Ким Чхор Ун, Чхве Корё, Пак Ми Ран, Ким Ман Гём и др. Стратегической задачей партии было провозглашено не только низвержение с помощью мирового пролетариата японского империализма, но и полная ликвидация в Корее феодальной и иной эксплуатации.

Возникновение двух компартий, каждая из которых претендовала на монопольное руководство национально-освободительным движением в Корее, имело негативные последствия не только для обеих партий, но и для всего процесса антияпонского освободительного движения. Кульминацией трагедии стал т.н. «амурский инцидент» 27 июня 1921 года.

К этому времени дислокация на российской территории многотысячных партизанских вооруженных сил в ходе гражданской войны на Дальнем Востоке стала серьезной политической проблемой для советского государства. Стремясь поставить эти разрозненные силы под свой контроль, Дальбюро ЦК РКП(б) и Коминтерн провели 15 марта 1921 г. в селении Красноярово (Амурская область) Всекорейский партизанский съезд, избравший Военный совет в составе 15 партизанских командиров и подтвердивший подчинение корейских партизан командованию Народно-революционной армии (НРА) Дальневосточной Республики (ДВР). После съезда начались постепенное сосредоточение и перегруппировка корейских партизанских отрядов и корейских боевых частей, входивших в состав НРА ДВР, в районе Красноярово. Партизаны, прибывшие ранее из Маньчжурии и Кореи, были сведены в Сахалинский отряд. Общее число партизан и бойцов вскоре достигло 5 тыс. человек.

Однако в процесс перегруппировки корейских воинских подразделений неожиданно вмешались иркутяне и представитель Исполкома Коминтерна Б.З.Шумяцкий. Сформировав под своей эгидой Корейский революционный военный совет (командующий — Н.А.Каландарашвили, начальник штаба — О.Ха Мук), они потребовали передачи в их исключительное ведение всех вопросов, касающихся корейских партизан. К этому времени в Исполкоме Коминтерна разрабатывался план формирования в Иркутске Корейской революционной армии с последующей организацией ее антияпонского похода через Маньчжурию на Корейский полуостров.

Несмотря на настойчивые возражения председателя Совмина буферной ДВР А.М.Краснощекова и Дальбюро ЦК РКП(б), замысел Исполкома Коминтерна о передислокации корейских вооруженных формирований в Иркутск продолжал реализовываться. Для этого в г. Свободный прибыло командование Корреввоенсовета. Однако общее собрание Сахалинского отряда даже после ареста его начальника Григорьева постановило оставаться в Амурской области, в Иркутск не ехать, отвергнуть посягательства Корреввоенсовета и подчиняться только командарму НРА ДВР. Часть корейских партизан намеревалась с оружием уйти на маньчжурскую территорию.

Корреввоенсовет совместно со штабом НРА ДВР принял решение силой разоружить вышедшие из повиновения части Сахалинского отряда. В бой против них было брошено около 1 тыс.

красных пехотинцев и 300 кавалеристов. Согласно официальному докладу командования НРА ДВР, в ходе боестолкновений в Сахалинском отряде было убито 36 человек, утонуло в реке Зея — около 60 человек, пропало без вести — 60 человек, разоружено — 860 человек. Операцию по насильственному разоружению сахалинцев непосредственно координировал военный министр правительства ДВР В.К.Блюхер.

Трагедия в Свободном, ставшая логическим следствием партизанщины, с одной стороны, и неоправданной жестокости — с другой, вызвала возмущение не только в Советской России, но также в самой Корее, Китае, Японии, США.

В октябре 1922 г. в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) состоялся объединительный съезд. В ходе подготовки к нему был создан объединенный ЦК ККП, в который вошли: Ли Дон Хви, Хо До от шанхайских коммунистов, а также Ан Бён Чхан и Хан Мён Се от иркутской организации. В работе съезда принял участие 131 делегат, в том числе из Кореи, Китая и Японии. Вступительное слово с призывами к примирению и совместной работе произнес встречавшийся с Лениным в ноябре 1921 г. Ли Дон Хви, наиболее авторитетный деятель среди борцов за независимость Кореи. Однако съезд в Верхнеудинске не только не привел к желанной цели, но и выявил новые противоречия и конфликты, которые нанесли огромный ущерб национально-освободительному движению внутри самой Кореи. Иркутяне отвергли предложение мандатной комиссии о предоставлении им и соответственно шанхайцам лишь совещательного голоса и покинули объединительный съезд. С этого времени взаимные обвинения и нападки иркутян и шанхайцев приняли особенно ожесточенный и скандальный характер.

В апреле 1925 г. в Сеуле состоялся конспиративный съезд руководителей коммунистических групп (всего 19 человек), действовавших в Корее. На нем было провозглашено создание Компартии Кореи. Съезд обсудил вопрос о задачах корейской революции, охарактеризовав ее как национально-освободительную, антиимпериалистическую. Съезд избрал Центральный исполнительный комитет в составе 7 человек: Ким Дже Бон, Ким Як Су, Ким Чхан, Ю Джин Хи, Чу Джон Бон, Чо Дон Хо, Чон Ун Хэ. Секретарем ЦК стал Ким Дже Бон. Было решено направить в Москву Чон Ун Хэ для информации о создании Компартии Кореи и получения признания Коминтерна. Компартия просуществовала до 1928 г. и была распущена Коминтерном из-за острой борьбы между различными группировками внутри партии. Коминтерну не удалось объединить различные группировки в корейском коммунистическом движении прежде всего потому, что в Коминтерне слабо знали особенности социальной психологии корейского общества, обремененного наследием традиционной межклановой раздробленности.

Попытки последующего организационно-политического возрождения коммунистического движения в колониальной Корее, несмотря на огромные усилия и немалые кадровые потери, не принесли желаемых результатов, хотя отдельные группы корейских коммунистов в глубоком подполье продолжали упорную революционную борьбу. К 1934 г. в целях консолидации разрозненных левых сил была подготовлена «Платформа действия Коммунистической партии Кореи», внимание в которой акцентировалось на антиимпериалистическом, антифеодальном характере национально-освободительной революции в Корее. Платформа догматически повторяла прежние заблуждения коммунистов о пролетарской гегемонии в освободительном движении, опирающемся на союз рабочего класса и крестьянства, без реального учета других сил социального протеста, в особенности национальной буржуазии.

На 1930-е гг. приходится начало политической деятельности Ким Ир Сена, которого в детстве звали Ким Сон Чжу. Его отец, будучи сельским учителем и протестантским активистом, переехал из Кореи в Маньчжурию в начале 1920-х гг., т.е. после поражения первоапрельского движения 1919 г. Молодой Ким Ир Сен учился в китайской школе и в 1929 г. в 17-летнем возрасте оказался в тюрьме за участие в нелегальной левой организации молодежи. После выхода из тюрьмы он вступает в один из партизанских отрядов Компартии Китая. В 1934 г., когда создается Вторая партизанская армия, действующая близ китайско-корейской границы, Ким Ир Сен назначается командиром 1-го взвода 2-й дивизии. Через два года 24-летний партизан становится командиром 6-й партизанской дивизии, которая совершила рейд на японские позиции в Почхонбо. Северокорейская историография считает Ким Ир Сена одним из организаторов «Чогук кванбокхве» («Общество возрождения родины»), созданного в 1936 г. Программа общества предусматривала ликвидацию японского колониального господства, создание независимого корейского государства, проведение прогрессивных социально-экономических преобразований.

В декабре 1940 г. под натиском японских карателей отряд Ким Ир Сена оказался отесненным на советскую территорию. Здесь 28-летний партизанский командир стал слушателем курсов при Хабаровском пехотном училище, а с середины 1942 г. капитан Ким Ир Сен (по-китайски Цзинь Жичэн) получает назначение в 88-ю отдельную стрелковую бригаду в качестве командира 1-го батальона. Об участии батальона в боевых операциях против Квантунской армии мало документальных сведений. В конце войны Ким Ир Сен был награжден правительством СССР орденом Боевого Красного Знамени.

В конце сентября 1945 г., т.е. уже после разгрома и капитуляции Японии, Ким Ир Сен вернулся в Корею, где стал помощником военного коменданта Пхеньяна. На митинге 14 октября 1945 г. командующий 25-й армией генерал-полковник И.М.Чистяков представил Ким Ир Сена как «знаменитого партизанского вождя» и

«национального героя» Кореи. Так началось восхождение сына сельского учителя к вершинам власти в Северной Корее.

Активной базой партизанской борьбы корейцев против японского колониального режима в 1930-е годы оставался Северо-Восточный Китай, где проживало более 1 млн корейцев. Японские милитаристы стремились внести раскол в национально-освободительное движение народов Китая и Кореи, посеять рознь и недоверие между народами двух стран и одновременно создать предлог для начала крупномасштабных военных действий в Маньчжурии и ужесточения колониального режима в Корее.

В 1931 г. японцы спровоцировали два крупных инцидента в Маньчжурии. В Ваньбаошане японская разведка организовала столкновение между корейскими поселенцами (японскими подданными) и китайцами, затем были спровоцированы погромы китайцев, живущих в Корее, а позднее убиты находившиеся в Маньчжурии японский разведчик капитан Накамура и его спутник. Вокруг этих инцидентов в Японии была поднята провокационная кампания с требованием «раз и навсегда разрешить весь комплекс китайских вопросов».

Еще одним провокационным актом стал подрыв железнодорожного полотна в районе Мукдена в сентябре 1931 г. Ответственность за это японцы возложили на китайских военнослужащих. Эти провокации послужили предлогом для вторжения японских войск в Маньчжурию.

В Корее указанные инциденты вылились в масштабные антикитайские выступления и погромы. Японские колониальные власти всячески стимулировали рост антикитайских настроений в Корее. Однако эти попытки колонизаторов не достигли намеченных целей. Более того, они еще больше сблизили и объединили национально-освободительные силы Кореи и Китая. Немалое количество корейских партизан сражалось в рядах 3-й и 4-й армий Народно-освободительной армии Китая. Совместными действиями корейских и китайских партизан наносились крупные потери японским войскам.

4. Превращение Кореи в базу японского милитаризма. Корея в период Второй мировой войны (1939—1945 гг.)

Колониальное порабощение Кореи качественно усилило экономический потенциал империи микадо, что в свою очередь заметно стимулировало экспансионистские замыслы японского милитаризма. Лишь незначительно меняя методы управления своей колонией, японцы после подавления первоапрельского народного восстания делают особый акцент на тотальную милитаризацию Корейского полуострова, превращение его в ключевой стратегический плацдарм для дальнейшего завоевания всего евразийского и тихоокеанского пространства.

В этом контексте важное значение имел «Меморандум генерала Танака» — специальное послание премьер-министра императору Японии от 25 июня 1927 г., вскоре оказавшееся в руках советской военной разведки в Сеуле и Харбине. В документе говорилось, что первый мощный прорыв в западном направлении с плацдарма Японии и Корейского полуострова должен привести к оккупации Маньчжурии, всего Китая и Монголии. Затем предстоит покорить Индию, Центральную Азию и обширный тихоокеанский бассейн. Меморандум логически дополнялся стратегическим планом под кодовым названием «Оцу», предусматривавшим захват Японией всего российского Дальнего Востока, включая озеро Байкал.

Вряд ли можно сомневаться в том, что без колониального контроля над Корейским полуостровом — этим ключевым континентальным плацдармом — Токио мог даже гипотетически помышлять об установлении своей имперской гегемонии над гигантским евразийским геополитическим пространством. По мере того как Япония усиливала и укореняла свое владычество в колонии, выявлялись новые, не исследованные ранее запасы стратегического сырья — золота, серебра, железной руды, свинца, каменного угля, редкоземельных элементов. Качество и количество залегания многих полезных ископаемых на Корейском полуострове не только не уступали аналогичным запасам метрополии, но и превосходили их. Тем самым минерально-сырьевая база Кореи была использована метрополией для развертывания *колониальной индустриализации*. В ее основу были положены хищническая разработка природных ресурсов Кореи, оптимальные формы эксплуатации рабочей силы в целях создания второго после самой Японии бастиона евразийского милитаризма и агрессии.

Колониальная индустриализация — явление особого рода в истории мировых империй, которые, как правило, делали упор на другие формы и методы эксплуатации покоренных народов. Япония в этом плане стала редким исключением, поскольку на первый план выдвигала стратегию прямого покорения обширной Евразии. Во имя реализации этих замыслов с конца 1920-х — начала 1930-х гг. на Корейском полуострове ведущие японские монополии, действовавшие до этого в основном в обрабатывающей и легкой промышленности, интенсивно переключаются на тяжелую промышленность, топливно-энергетические и другие отрасли, тесно связанные с военным производством. К этому времени завершается сооружение крупного химического комбината в г. Хыннам, гидроэлектростанции на реке Пучжонган, ряда других ключевых индустриальных объектов. Только за период с 1931 по 1936 г. на полуострове было создано около 1300 новых предприятий военного назначения, поставлявших оружие, боеприпасы, снаряжение для боевых формирований Квантунской армии. Одновременно японские власти все более форсировали развитие горно-

добывающей промышленности. За период с 1931 по 1936 г. продукция горнорудных разработок колонии возросла почти на 500%

В период между двумя мировыми войнами полуостров покрывлся густой сетью реконструированных и вновь построенных транскорейских железных и шоссейных дорог, телеграфных линий, которые связывали японские острова с южной оконечностью Корейского полуострова и вели далее к корейско-маньчжурской и корейско-советской границам.

Форсированное военно-индустриальное развитие колонии сопровождалось дальнейшей концентрацией частного финансово-промышленного капитала в руках японских военных монополий — дзайбацу. К началу 1930-х гг. японские монополии контролировали около 80% всех акционерных компаний в Корее. Корейский предпринимательский капитал был вытеснен во второстепенные отрасли хозяйства, и лишь с середины 1930-х гг. колониальные власти частично расширили возможности инвестиций крупной корейской буржуазии в такие отрасли, как горнорудные разработки, лесоводство, морские промыслы и др. Поэтому основной сферой приложения корейского капитала продолжали оставаться текстильные отрасли, коммерческие банки, сельское хозяйство, торговля. Но, несмотря на свое дискриминационное положение, немалая часть корейской буржуазии, особенно крупной, шла на сотрудничество с японским капиталом, выступая тем самым социальной опорой ненавистного корейскому народу колониально-репрессивного режима.

Роль Корейского полуострова как ключевой опорной базы японского милитаризма еще более возрастает в годы Второй мировой войны, когда традиционные довоенные торговые связи метрополии оказались блокированными. По существу Корейский полуостров стал выполнять ту ключевую роль поставщика стратегического сырья, которая ранее отводилась США, Великобритании и зависимым от них странам и колониям. К 1943 г. удельный вес Кореи в общей добыче минерально-сырьевых ресурсов Японии составил: по графиту — 100%, слюде — 100%, магнезиту — 100%, вольфраму — 88%, молибдену — 85%, плавиковому шпату — 95%, бария — 70%, свинцу — 68%. О том, в каких масштабах шло колониальное разграбление природных ископаемых Кореи, довольно красноречиво говорят следующие данные: только за период с 1937 по 1944 г. продукция горнорудного производства в Корее выросла на 300%, добыча железной руды — на 1600%, вольфрама — на 550%, молибдена — на 900%, магнезита — на 430%. К этому следует добавить, что удельный вес тяжелой индустрии в валовом промышленном производстве Кореи к 1943 г. возрос до 49%. Ничего подобного не наблюдалось в какой-либо иной колонии того времени.

Для колониального типа индустриализации, форсированно насаждавшегося на Корейском полуострове, были характерны по крайней мере две особенности: развитие «грязных» видов произ-

водства и варварское разрушение окружающей среды, что никак не увязывалось с пропагандистским мифом Японии о ее «антизападной», «цивилизаторской» миссии на оккупированных землях. Вытесняя путем колониальной индустриализации патриархальные устои, японские власти рассчитывали приобщить основное население к «японскому образу жизни». Однако эта далеко идущая цель оказалась объективно невыполнимой. Такие предприятия колониальной индустрии, как химические комбинаты в Пхеньяне и Хыннаме, Вонсанский завод жидкого топлива, металлургические заводы в Чхонджине и Соннаме, Супхунская ГЭС, цементные заводы в Сынхори и Вонсане, авиасборочный завод в Пхеньяне, судостроительные верфи в Пусане и др., становятся крупными объектами формирования и созревания рабочего класса, в среде которого неуклонно нарастали антиколониальные, антияпонские настроения. Общая численность рабочего класса Кореи в годы войны превысила 2 млн человек.

Составной частью политики превращения Кореи в опорную базу внешней экспансии была аграрная политика Токио на полуострове. Стратегически она была направлена на полное переключение всей аграрной экономики на нужды японского милитаризма и войны. С этой целью японские власти в межвоенный период еще более усилили экспроприацию не только казенных, но и частных земель. Обширные массивы крестьянской земли, в том числе обрабатываемой ранее, изымались в связи с железнодорожным, шоссевым и промышленным строительством по явно заниженным ценам. В итоге колониальная власть становится самым крупным, монопольным обладателем земельного фонда. По данным статистики, на 1930 г., в ведении японского генерал-губернаторства находилось 8,8 млн чонбо пахотной земли, лесов, лугов, что составляло 40% всего земельного фонда Кореи. Большая часть этих земель, являвшихся собственностью генерал-губернаторства, отдавалась позже на льготных условиях в аренду японскому земельному фонду «Тоньян чхоксик хвеса» и колонистам из Японии.

В период между двумя мировыми войнами в Японию вывозилось в среднем более 70% сельскохозяйственной продукции Кореи, что обрекало корейское крестьянство на полуголодное существование, деградацию и прозябание. В целях принудительной экспроприации продовольствия японцами была введена «система ответственности», согласно которой каждое хозяйство, деревня, полость, уезд, провинция обязаны были выполнять твердые обязательные задания по сдаче зерна и другого продовольствия. Торговля зерном была объявлена государственной монополией. В условиях начавшейся войны взрослому корейцу полагалось лишь 150 г зерна в день, а сахар, рыбу и другие продукты получали лишь колониальные чиновники. Произвол колониальной власти усиливал деградацию и парцелляцию всего сельского хозяйства. К 1942 г. более 2,8 млн хозяйств имели крошечные наделы, не

превышающие 1 чонбо земли. Корея была превращена в одну из самых обездоленных стран Восточной Азии, что не оставляло перед крестьянами-пауперами иного выбора, кроме самого активного участия в вооруженной освободительной борьбе.

В годы, предшествовавшие широкой японской агрессии в Северо-Восточной Азии, Токио окончательно переходит к политике тотальной ассимиляции корейской нации. Согласно декрету 1937 г., во всех без исключения общественных местах корейцам предписывалось говорить только на японском языке, поскольку корейский язык был объявлен «иностранным». С 1942 г. во всех учебных заведениях все студенты и учащиеся были обязаны говорить, писать и общаться только на японском языке. В принудительном порядке проводилась замена корейских имен и фамилий на японские. Такая линия призвана была содействовать укоренению «великого японского духа». (См. подробнее главу о культуре Кореи в первой половине XX в.)

Итак, на протяжении трех с половиной десятилетий Корейский полуостров играл важную роль в разработке и реализации планов японских милитаристов, направленных на завоевание евразийского и мирового господства. О том, какое значение Токио придавал потенциалу порабощенной Кореи, красноречиво свидетельствует С.Того, бывший главой внешнеполитического ведомства Японии в 1945 г. После разгрома гитлеровской Германии и во время работы Потсдамской конференции союзных держав правительство Японии предприняло лихорадочную попытку разобщить антигитлеровскую коалицию, не допустить вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Для ведения сверхсекретных переговоров со Сталиным и Молотовым в Москву был направлен принц Коноз. При этом Япония была готова пойти на незначительные уступки. По словам С.Того, император и правительство Японии при обсуждении вопроса о «плате за мир» с СССР пришли к следующему выводу: «Она, по нашим согласованным прикидкам, могла бы включать отмену Портсмутского договора и Пекинской конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом ССР и Японией и восстановление в общих чертах положения, которое существовало до русско-японской войны, при условии вынесения за скобки вопроса об автономии Кореи, который будет решаться по усмотрению Японии». Принц Коноз уполномочивался информировать по дипломатическим каналам советское руководство о том, что Токио готов возвратить СССР Курилы и Южный Сахалин, но решительно против какой-либо деколонизации Корейского полуострова, если Москва откажется от планов войны против Японии. Как известно, советская дипломатия уклонилась даже от формальной дипломатической встречи с принцем Коноз, сохранив тем самым курс на полное военно-политическое крушение агрессивного японского милитаризма.

В годы Второй мировой войны миллионы корейцев не только на самом Корейском полуострове, но и за его пределами с напря-

женным вниманием следили за исходом схватки с гитлеровской Германией и милитаристской Японией, которая в конечном итоге решала и их политическую судьбу. При обсуждении союзными государствами проблем послевоенного устройства мира корейский вопрос постепенно занимал все более важное место. Причем с самого начала особую дипломатическую активность стали проявлять США и Великобритания — соавторы известной Атлантической хартии, обнародованной Черчиллем и Рузвельтом в 1942 г. Ряд видных дипломатов США, трактуя под углом своих интересов провозглашенное в указанной хартии право народов на национальное самоопределение, считал, что для таких «неподготовленных» народов, как корейский (наряду с итальянскими колониями Северной Африки), после разгрома Тройственного пакта должен быть применен принцип международной опеки. С.Уэллес, заместитель госсекретаря США, один из «пионеров» этой идеи, рассуждал примерно так: международная опека в составе США, Китая и СССР продолжительностью в четверть века постепенно подготовит корейцев к самоуправлению. В подтверждение своей концепции американский дипломат приводил следующий аргумент: «Опека будет необходима до тех пор, пока Корея снова сможет стать независимой. Почти 35 лет Корея находилась под гнетом Японии. Местное население было подавлено, но все же чувствует в себе силы и возможности для самоуправления. Тем не менее необходим переходный период. Если Корея немедленно получит статус независимого государства, это может дестабилизировать ситуацию».

Просочившиеся в круги международной дипломатии сведения об американско-английских проектах установления послевоенной опеки Кореи вызвали тревожную реакцию в националистических и патриотических кругах этой страны. От имени Временного правительства Кореи (ВПК) британскому лидеру У.Черчиллю была направлена специальная телеграмма, в которой извещалось, что международный мандат на административное управление Кореей не будет поддержан корейским народом, который добивается только «полной независимости и возражает против всех предложений относительно установления международной опеки» над 30-миллионной нацией, сохраняющей веру в идеалы Атлантической хартии.

Великобритания и другие союзные державы официально не реагировали на дипломатический демарш не признаваемой ими корейской политической эмиграции в Китае. (К этому времени Временное правительство Кореи было признано лишь чанкай-нистским правительством Китая, с которым в 1942 г. было заключено соглашение о взаимодействии ВПК с союзными войсками). Позиция китайской стороны в данном случае сыграла свою роль, и окончательные формулировки по корейскому вопросу в документах Каирской конференции представителей США, Великобритании и Китая (ноябрь—декабрь 1943 г.) носили, по край-

ней мере внешне, более сбалансированный характер. В них, в частности, говорилось, что после разгрома и капитуляции Японии лишается всех прежде захваченных ею территорий. И далее: «Вышеупомянутые три великие державы, принимая во внимание зависимое положение корейского народа, выражают уверенность в том, что в должное время Корея станет свободной и независимой».

Несомненно, это было началом важного дипломатического поворота в судьбе угнетенного корейского народа, своего рода демонстративным пересмотром принципов Портсмутского договора 1905 г., хотя в конференции не участвовал СССР. Однако загадочная фраза «в должное время», исходившая от Рузвельта и Черчилля, вызвала новую тревожную волну опасений среди корейской антиколониальной эмиграции. Глава Временного правительства Кореи Ким Гу заявил, что корейский народ должен обрести государственную независимость немедленно после поражения Японии. Отвергая идею дипломатических проволочек в решении корейского вопроса, другой член ВПК Ли Сын Ман утверждал, что за фразой «в должное время» скрывается намерение сильных мира отсрочить на неопределенное время восстановление независимости Кореи. Его послания по данному вопросу правительствам союзных держав остались без какого-либо ответа.

Ключевое значение для послевоенной судьбы Кореи имела Тегеранская конференция лидеров трех союзных держав (Ф.Д.Рузвельта, И.В.Сталина и У.Черчилля) в 1943 г. Во время краткого обмена мнениями по корейскому вопросу Рузвельт привел в качестве своего рода эталона пример Филиппин, якобы прошедших под эгидой США долгий и успешный путь к самоуправлению. Президент США высказался в том духе, что Корею понадобится «переходный период» сроком до 40 лет, чтобы достичь полной независимости. И.В.Сталин, не вступая в полемику, согласился с мнением американского президента.

Согласованная позиция американо-английской дипломатии в Ялте и Потсдаме во многом определялась аналитической разработкой исследовательской группы во главе с известным британским историком и геополитиком А.Дж.Тойнби. В специальной записке этой группы, подготовленной по заказу МИД Великобритании, содержалась достаточно негативная (что не лишено было некоторых оснований) характеристика политической ситуации в Кореи. В ней на основе проведенного анализа указывалось, что корейцы все еще не обладают в своей массе должным опытом современного управления страной и не в состоянии осуществлять администрирование на необходимом профессиональном уровне. Далее в записке отмечалось, что стереотипам поведения корейцев традиционно присуща склонность к раздорам, склокам не только между отдельными личностями, но и целыми политическими группировками. Итоговые суждения авторов записки носили весьма неутешительный характер: «Временное правительство Кореи

требует своего немедленного признания в качестве законного правительства свободной Кореи, но у нас нет уверенности, что корейские общины за рубежом в состоянии управлять страной и обеспечить необходимую широкую поддержку в Корее.

Нелегальные политические группировки, существующие в Корее и готовые выйти на политическую арену после изгнания японцев, вряд ли смогут установить стабильность без иностранной помощи. Если помощь будет односторонней, без согласия между главными державами-освободителями, это может вызвать серьезные международные осложнения».

Служебная записка А.Дж.Тойнби сыграла отнюдь не последнюю роль в выработке специальных тезисов Госдепартамента США для своей делегации на Ялтинской конференции. В них делался особый акцент на двух позициях: а) выработке четырехстороннего соглашения между США, СССР, Великобританией и Китаем о послевоенной оккупации Корейского полуострова; и б) соответствующем соглашении о временном международном управлении или опеке Кореи. Весьма примечательно, что в тезисах Госдепартамента США временное военное управление Кореи рассматривалось как единое, общекорейское административное управление, а не как разделение на сепаратные зоны, как это предусматривалось в послевоенной Германии.

Итак, спустя 35 лет после японской аннексии Кореи радикальное изменение баланса мировых геополитических сил открыло перед корейской нацией долгожданную перспективу национально-государственного возрождения.

Глава XXV

КОРЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.*

1. Движение за сохранение национальной самобытности

Корейская культура со времени отхода от политики «отшельничества» и до освобождения страны в августе 1945 г. прошла многоэтапный и внутренне противоречивый процесс эволюции. Проникновение в страну достижений западноевропейской цивилизации сопровождалось весьма своеобразным синтезом традиционализма и вестернизации, проявившегося в появлении нетрадиционных форм образования, обновленных жанров в художественной литературе, модернистских тенденций в искусстве, архитектуре, строительном деле и т.п. Однако этот естественный процесс приобщения Кореи к всемирному культурному ареалу был насильственно деформирован на три с половиной десятилетия японским колониальным вторжением, которое оставило свои разрушительные следы во всех сферах культурной жизни страны. В это трагическое колониальное тридцатипятилетие Корея вновь, как в период феодального «отшельничества», оказалась в состоянии интеллектуальной блокады от внешнего мира. Едва наметившийся с середины XIX в. процесс интеграции в общемировую цивилизационный процесс был прерван иноземным вторжением.

В доколониальное время Корея принадлежала к тем обществам Восточной Азии, в которых образование, знание, ученость считались самым высоким человеческим достоянием, открывающим в последующем дорогу к государственной службе и другим успехам. Поэтому не случайно в Корее высоко стоит авторитет педагога, воспитателя, учителя. «Не наступай даже на тень своего учителя!» — это народное изречение, зародившееся на заре корейской цивилизации, прошло испытание историческими эпохами. Школьные учителя, преподаватели средних и высших учебных заведений всегда выступали в своей массе носителями передовых освободительных и реформаторских идей, сторонниками основательной модернизации всей системы обучения и воспитания подрастающего поколения.

Впервые школа современного (неконфуцианского) типа — «Юкен канвон» была открыта в Сеуле в 1886 г. В ней было нала-

* Глава написана при участии доктора политических наук Кан Сам Гу (Республика Корея).

жено основательное изучение английского языка, причем преподавателями были в основном педагоги, прибывшие из США. Заметную роль в распространении современного гуманитарного образования сыграли христианские религиозные миссии. В том же 1886 г. в Сеуле начала действовать первая в стране миссионерская школа «Печже хактан», основанная Северной методистской церковью. В следующем 1887 г. пресвитерианская миссия основала среднюю школу «Кенсин» для подростков и юношей. В последующие годы в стране были открыты созданные различными христианскими миссиями не только средние, но и высшие школы. В 1905 г. при содействии христианских миссионеров США открылся Чосонский христианский колледж, на базе которого впоследствии был создан национальный университет Енсей. В октябре 1900 г. в Сеуле православный миссионер отец Хрисанф открыл миссионерскую школу, в которой по программе начального курса изучались не только корейский, но и впервые русский языки.

К 1919 г. на Корейском полуострове насчитывалось более 300 тыс. последователей христианского вероучения, действовало около 650 учебных заведений и центров, находившихся под эгидой протестантских и католических миссий. Наиболее заметные позиции среди иностранных миссионеров занимали американцы, которые содержали более 2 тыс. христианских церквей и молитвенных домов. Под их эгидой действовало «Кидоккё чхоннёнхве» («Молодежное христианское общество»), притягивавшее довольно значительные слои молодого поколения. Однако в 1930-е гг. в условиях обострения японо-американского противостояния колониальные власти резко ограничивали деятельность западных миссий, хотя, разумеется, они были не в состоянии подавить и выкорчевать христианство, поддерживавшее в целом идеи деколонизации Кореи.

Немалую роль в духовном пробуждении угнетенного корейского народа сыграла буддистская церковь и, в частности, его модернизированная секта вон-буддизма. Основоположник обновленного учения Хан Ён Ун (Вонгван), опираясь на обновленные догматы своей религии, настойчиво призывал корейских вон-буддистов не склонять головы, не терять веру в высокие идеалы, быть трудолюбивыми и бережливыми, осваивать современные знания и новые земли. Особое место в проповедях вон-буддизма занимал призыв беречь как зеницу ока живую природу, признавать право на жизнь за всеми, кто обитает на планете. Такого рода проповеди воспринимались в народе как завуалированный призыв к восстановлению исторической справедливости на земле Кореи.

Заметный толчок развитию обновленной образовательной системы Кореи дало просветительское и реформаторское движение, развернувшееся в стране в конце XIX — начале XX в. Только за период с 1905 по 1910 г. возникло более 5 тыс. национальных школ, в которых преподавались основы современных знаний (ма-

тематика, физика, география и др.), а также история Кореи и корейский язык. Национальные школы нового типа играли ключевую роль в формировании национального самосознания и патриотических настроений не только среди подрастающего поколения, но и во всем корейском обществе.

Японская аннексия в корне изменила ситуацию в сфере образования и просвещения. Политика Токио, направленная на тотальную ассимиляцию корейской нации, сопровождалась гонениями на национальные школы, их закрытием и введением системы официального колониального образования, призванного, в первую очередь, насаждать среди корейцев чувство безропотного преклонения, покорности и послушания перед иноземными властителями. Гонений избежали лишь те конфуцианские школы, программы и методика преподавания которых были почти полностью сориентированы на проповедь паназиатизма и слепое преклонение перед японским колониальным могуществом. Правда, форсированная милитаризация требовала, чтобы молодые люди, мобилизуемые в военную промышленность, владели трудовыми навыками и элементарной грамотностью. Но эта цель достигалась путем дискриминации корейского языка и принудительного насаждения японского языка.

Вначале колониальные власти отменили изучение в учебных заведениях истории Кореи, затем (в период Второй мировой войны) полностью запретили изучение корейского языка на хангыле. Были закрыты ведущие национальные издания, выходившие на корейском языке, в том числе газеты «Чосон ильбо» и «Тона ильбо». Прекратили деятельность многие корейские научные и просветительские общества, а их члены подвергнуты суровым репрессиям. Не только в школе, но и в семье корейцы (по закону 1942 г.) обязаны были говорить только на японском языке. В дополнение к этой политике «культурной ассимиляции» стала проводиться кампания «чханси», направленная на принудительное изменение корейских фамилий и имен на японские.

Но даже в этих условиях дискриминации подавляющей массе подрастающего поколения страны был закрыт доступ к образованию. К концу колониального периода начальная школа охватывала менее $\frac{1}{3}$ корейских детей школьного возраста, только один молодой человек из 20 мог быть принят в среднюю школу и лишь единицы поступали в колледж. Действующая система образования была призвана обслуживать в первую очередь японских колонистов. Их число по отношению к корейцам было представлено следующим соотношением: 1:6 в начальной школе; 1:21 в мужской средней школе; 1:107 в женской средней школе; 1:26 в техникуме и 1:109 в высших учебных заведениях.

Ответом корейской интеллигенции, студенческой и учащейся молодежи было нарастающее сопротивление. Общенациональный характер в годы аннексии приобрело движение «Чосоно хаххве» («Общество корейского языка»), во главе которого встали после-

дователи видного корейского просветителя Чу Си Гёна — Ли Юн Джэ, Ли Гын Но, Чхве Хён Бэ, Ким Юн Гён и другие. «Чосоно хахве» принадлежит решающая заслуга в определении национально-исторической даты в культурной истории Кореи — «Дня хангыля». В противовес колониальной ассимиляции по всей стране возникают частные учебные заведения, вечерние школы, различные курсы, школы крестьянской молодежи и др., которые обучали детей, оказавшихся за пределами официальной школы.

Весьма примечательно, что национально-патриотические настроения усиливались даже в рядах корейских юношей и девушек из привилегированных янбанско-буржуазных семей, выезжавших на учебу в другие страны. (В 1931 г. в Японии обучалось 3639, а в США — 493 корейца). Немалая часть корейских студентов за рубежом находилась под влиянием видных корейских историков-патриотов (Пак Ын Сик, Син Чхэ Хо и др.), оказавшихся в вынужденной политической эмиграции.

Стойкость и мужество подавляющей массы патриотической интеллигенции, действовавшей при широкой народной поддержке, позволили сохранить корейскую культуру от иноземного разрушения в самый тяжелый и мрачный период истории страны.

2. Идеи освобождения в национальной прозе и поэзии

Корейская проза с конца XIX в. до аннексии 1910 г. и вступления на путь независимости в августе 1945 г. наиболее масштабно, по сравнению с другими жанрами, отражала дух антиколониального протеста и неуклонное приобщение к общемировым культурным ценностям. Именно для этого периода характерен постепенный закат классического романа на ханмуне и интенсивное становление современной прозы на хангыле.

Крупнейшими романами 1920—1930-х гг., написанными на остросоциальные темы, раскрывающими униженное и бедственное положение рядового корейца, стали произведения Чхве Со Хэ «Тхальчхульги» («Бегство», 1925 г.); Чо Мён Хи «Нактонган» («Река Нактон» 1927 г.); Ли Ги Ёна «Кохан» («Отечество», 1934 г.); Хан Сорь Я «Хванхон» («Сумерки») и др. Их создателями были литераторы, продолжившие свое образование в США и Японии. И здесь вновь прослеживается культурно-исторический парадокс: с творчеством Диккенса, Оскара Уайльда, Золя, Мопассана, Толстого, Тургенева, Достоевского и других европейских классиков корейские литераторы впервые знакомились в японских переводах. При этом многие молодые писатели, вступавшие в литературу в начале XX в., были потрясены не только содержанием, но и реалистической формой отражения действительности, невероятными страданиями и одновременно верой в жизненные силы человека у западных мастеров пера. Оказывается, неудачи, кризисы, несправедливость, отчаяние, страхи — это явления общемирового плана, но в обществе, лишенном своей государствен-

ности, а стало быть и самобытности, они проявляются еще острее и разрушительнее. Не случайно литераторы левой антияпонской ориентации создают в 1925 г. «Корейскую ассоциацию пролетарских писателей» (КАПП), в которую вошли и писатели группы «Нового направления», созданной в 1923 г. КАПП весьма активно действовала на литературной арене страны почти целое десятилетие.

Заметный вклад в развитие корейской художественной литературы 1920—1930-х гг. внесли Ли Гван Су (1892—1951), Чхве Нам Сон (1890—1957), Ким Дон Ип (1900—1951), Ём Сан Соп (1895—1963) и другие. Болезненно размышляя над уроками первоапрельского движения, видные мастера слова продолжали на поле литературного творчества мучительные поиски путей освобождения своей родины от иноземного господства.

Одним из первых современных корейских произведений, созданных под влиянием западной литературной традиции, был роман Ли Ин Чжика «Кровавые слезы», вышедший в свет в 1906 г. Написанное на стыке старого классического и нового реалистического стиля сочинение Ли Ин Чжика поставило во весь рост такие значимые общественные проблемы, как заключение брака по любви, острая необходимость просвещения и модернизации.

Роман нового стиля, вышедший из-под пера Ли Гван Су в 1917 г. под названием «Бессердечие», на основе остроконфликтного сюжета раскрывает безысходную трагедию представителя нарождающегося среднего класса после японской аннексии Кореи. Писатель возвышает голос против отжившего консервативного наследия, уродующего отношения между женщиной и мужчиной. В поисках выхода из духовного кризиса писатель обращается ко всем мировым религиозным учениям (христианству, буддизму, гандизму) и находит выход в идее искупительного и очистительного самопожертвования. Именно таков смысл преждевременной гибели его главной героини в романе «Возрождение».

Будучи большим мастером художественной прозы, Ли Гван Су, к сожалению, не сумел осознать невозможность сотрудничества и соглашения с колониальными угнетателями. В 1939 г. он создает «Чосон мунип погукхве» («Патриотическое общество корейских литераторов»), которое одобряло победы Японии на фронтах Второй мировой войны. Однако к подобным позициям склонялась лишь узкая группа мастеров слова. Подавляющая масса литераторов занимала последовательно антияпонские позиции или же склонялась к нейтральности, уходя нередко в мир романтики и иллюзий.

Среди корейских новеллистов колониального периода выделяется имя Хен Чжин Гона, творчество которого испытало немало влияние Мопассана и Чехова. В небольшом рассказе «Удачный день» (1923 г.) с поразительной силой раскрыт внутренний ми

обездоленного рикши, обреченного на обременительную и бесконечную гонку.

В аналогичной художественной манере написан небольшой рассказ Чхве Со Хэ «Тхальчхульги» («Исповедь беглеца»), в котором с большой силой внутреннего убеждения раскрыты бесконечные скитания молодого героя, его беременной жены и матери в поисках средств существования. Но никакие его усилия и изобретательность не избавляют семью от мытарств и беспредела. После мучительных раздумий и колебаний герой вынужден расстаться с родными, чтобы уйти в ряды нелегальной освободительной организации.

Показателем зрелости нового постклассического корейского романа стали сочинения Ём Сан Сопэ «Прежде чем прозвучало "Ура"!» (1923 г.) и «Три поколения» (1931 г.), в которых с необычайной силой разоблачения показаны жестокость угнетателей, бесправие и страдания обездоленного человека. Еще один романист-сатирик Чхэ Ман Сик создал в романе «Мир под небесами» (1937 г.) образ корыстолюбивого, грубого, беспринципного янбана, утратившего всякие патриотические чувства.

Немалую роль в пробуждении национального сознания играли и разное время такие патриотические газеты и журналы, как «Тэхан мэиль синбо», «Чогук синмун», «Хвансон синмун», а также литературные и общественно-политические издания «Чхангё», «Пхехо», «Кэбек», «Пекчо» и другие, выходившие в свет в период с 1919 по 1922 год.

Корейская поэзия первой половины XX столетия, включая мрачный период японской аннексии, выступала, с одной стороны, хранителем традиций классического наследия сиджо (см. гл. XVIII), а с другой, — сторонником символизма, декаданса, мистицизма, модернизма и других вестернистских веяний, перекликавшихся с духом угнетенного положения Кореи.

Наиболее видными сторонниками «свободного» корейского стихосложения были Чу Ё Хан (1900—1979), Ким Со Воль (1902—1934), Ли Сан Хва (1901—1943) и др. Еще одно модернистское направление «чистой поэзии» было представлено Чон Чи Ёном (род. 1903 г.) и Ким Ён Наном (род. 1903 г.). Наконец, в «экспериментальной» поэзии оставили свой след Ли Сан, Со Чон Джу, Ю Чхи Хван и др.

Выше уже говорилось о роли переводов произведений западных авторов на японский язык для развития художественной прозы Кореи. Это явление было характерно и для корейской поэзии. Именно в японском переводе многие молодые корейские поэты начала XX в. прочитали знаменитое сочинение Саймонса «Символизм как литературное течение», оказавшее весьма ощутимое влияние на целое поколение корейских поэтов первой половины XX века.

Один из пионеров новой модернистской волны в корейской поэзии Ким Со Воль (1902—1934), проживший очень короткую, но яркую жизнь, оставил потомкам каскад лирических эссе, написанных на живом, красочном, народном языке, бросавшем прямой вызов полуофициальному стилю на ханмуне. Его лирическая «Азалия», пронизанная грустью, пессимизмом, раздумьями о смерти, еще при жизни поэта завоевала огромную популярность среди молодого поколения.

Другой видный представитель нового поколения корейских поэтов первой половины XX в. Чон Жи Ен (род. в 1902 г.) внес заметный вклад в создание имажинистских образов, проложивших в свою очередь дорогу к литературному модернизму. В известном стихотворении «Море» поэт обращается к таким новаторским образам, как «хлопающий пролив», «загорающая азалия», «ласточка, рассекающая небо», «съежившийся тигр», «белая струйка дыма как море» и др.

Наряду с лирическими имажинистами и модернистами, в корейской поэзии первой половины XX в. заметную роль играло литературное направление, которое тяготело к романтизму и реализму. Поэтому творившие в это сложное и трудное время Хан Ён Ун (1879—1944), Ли Юк Са (1904—1944), Юн Дон Чжу (1917—1945) и другие сумели выразить в своих ярких и оригинальных стихах гневный протест против иноземного угнетения, открыты призыв к сопротивлению и независимости. Японские власти с особой тревогой и опаской следили за творческой деятельностью поэтов и писателей этого направления, и в середине 1930-х гг. разогнали «Корейскую ассоциацию пролетарских писателей», в рядах которой объединялась наиболее активная и патриотическая часть корейских мастеров слова.

3. Научная мысль, искусство и архитектура в период аннексии

Революционные перемены общемирового звучания в России 1917 г. и вслед за этим первомартовское движение 1919 г. в небольшой степени стимулировали формирование радикальных тенденций в рядах художественной интеллигенции Кореи. В середине 20-х годов возникает «Чосон пролетариаты есуль чхондонмэ» («Корейская ассоциация пролетарского искусства»), объединившая в своих рядах свыше двухсот прозаиков, поэтов, артистов, художников, музыкантов, публицистов и др. Ассоциация имела важные филиалы в провинциальных центрах (Пхеньяне, Вонсане, Хэджу, Кэсоне и др.), выпускала в разное время журналы «Кунги» («Боевое крещение»), «Есуль ундон» («Движение за искусство»), «Чиптан» («Коллектив») и др. Правда, явная переоценка социалистических и недооценка общедемократических задач освободительного движения существенно ограничивала влияние ассоциации в массах.

На годы аннексии приходится становление основ современного театра, реалистического кино и романтического музыкального искусства. Первый театр современного типа «Хёксиндан» («Труппа новаторов») был открыт в Сеуле в 1911 г. Его основателями были Им Сон Гу, Ким До Сан, Ким Со Ран, Ян Сон Хён и другие актеры, освоившие драматическую игру нового реалистического стиля.

В 1922 г. в Корее появился еще один современный театр «Тхольхве» («Общество земли и луны»), созданный Ким Ги Джинем, Ким Бок Чинем и другими молодыми корейцами, вернувшимися на родину после учебы в Японии. В репертуаре театра преобладали популярные постановки реалистического типа, в том числе по сюжетам «Воскресения», «Кармен» и др.

Благодаря новаторским усилиям театральной интеллигенции корейские зрители еще в мрачные для них 30-е годы сумели познакомиться с творчеством мастеров мировой классики.

В танцевальном и балетном творчестве Кореи до начала 20-х годов абсолютно преобладал классический стиль. Однако в середине 1921 г., несмотря на сложную международную ситуацию, в Сеуле, а затем в Вонсане состоялись сенсационные для того времени гастроли музыкально-танцевального ансамбля из Владивостока, состоявшего из этнических корейцев. В репертуаре гастрольного коллектива были превосходно отрепетированные русско-казахские, венгерские, испанские и другие зажигательные народные танцы, отдельные номера балетной классики Запада. Вслед за этим событием корейская танцовщица Пэ Гу Чжа открывает студию современного балета с использованием национального фольклора. В 1930 г. в Сеуле с программой классического балета выступала знаменитая русская балерина Анна Павлова, оставившая неизгладимый след в сердцах поклонников балетного искусства. А спустя несколько лет (в 1937—1939 гг.) в США, странах Латинской Америки и в Западной Европе было дано более ста спектаклей нового корейского ансамбля под художественным руководством Чо Тхэк Вон и Чхве Сын Хи, раскрывших, по оценке критиков, безграничные возможности синтеза корейского фольклорного колорита и искусства западной хореографии. Преодолевая барьеры колониальной цензуры, на ниве сохранения и развития национальной культуры упорно трудились патриотически ориентированные музыканты, художники, скульпторы. Деятельность композиторов направлялась, с одной стороны, на спасение традиционной национальной оперы, а с другой — на сочинение популярных песен, сочувных целям освободительного движения.

Немалый вклад в развитие живописи патриотического направления внесли художники левой ориентации. В 1930 г. в городе Сунон открылась первая в истории Кореи выставка пролетарского изобразительного искусства. Через несколько дней она была закрыта властями, а ее устроители брошены в тюрьмы за сюжеты,

не устраивающие колониальную администрацию. Среди художественных полотен, созданных в 30-е годы, видное место занимает картина Чон Ха Бо «Судебный процесс», представляющая контр-обвинение устроителям несправедливого судилища над честным и мужественным человеком.

В суровых условиях японской цензуры происходило становление корейского кино, развитие национальной музыки и живописи. Первое корейское акционерное кинообщество «Чосон кинема» возникло в 1923 г. В одном из первых корейских фильмов «Сказание о девушке Симчон» роль незрячего отца героини сыграл На Ун Гю, ставший впоследствии не только видным актером, но и сценаристом, режиссером, постановщиком многих кинопроизведений. Ни разрыв с «Чосон кинема», ни репрессии японской цензуры, ни другие неудачи не останавливают истинного мастера кино. Созданные им или при его участии более двух десятков кинофильмов, посвященные социальным и патриотическим сюжетам, стали заметным явлением в культурной истории Кореи 1920—1930-х годов.

Завершение периода «отшельничества» и интенсивное вторжение западного модернизма оставили глубокий след в архитектурном облике Кореи первой половины XX в. С нарастанием внешней экспансии в архитектуре страны резко усиливаются утилитарные тенденции, отвечавшие прагматическим целям новой власти. По ее прихоти, а нередко по прямому заказу возводились внешне помпезные, обрамленные колоннадой, романизированные здания, которые явно довлели над традиционной природой национального зодчества. Соответственно, в начале XX в. на территории императорского комплекса Токсугун в Сеуле по проекту английских зодчих была возведена новая резиденция корейского монарха в стиле неоренессанса. Позднее в этой двухэтажной каменной глыбе разместился Национальный музей Кореи. Но еще ранее (1898 г.) в Сеуле появился грандиозный католический собор Мендон, спроектированный в готическом стиле. К этим новостройкам западного типа затем присоединились здание главного банка Кореи в стиле ренессанс (1912 г.), англиканская церковь в Сеуле в романском стиле (1916 г.), Сеульский железнодорожный вокзал и здание мэрии (1925 г.). Около десяти лет японские власти союжничали свой главный административный форпост в Корее штаб-квартиру генерал-губернатора. Четырехэтажная громадина, спроектированная германскими зодчими, была выполнена в стиле ренессанс. Всем своим внешним обликом, местом расположения и ориентацией в центре корейской столицы она подчеркивала всевластие империи микадо. Из числа корейских зодчих к крупным новостройкам удалось прорваться лишь Пак Ки Рену и Пак Тон Чжину, разработавшим проекты зданий универмага «Хвасин» и основного корпуса университета Корё.

К концу последней четверти XIX в., т.е. ко времени открытия Кореи внешнему миру, в стране существовала солидная научная

традиция, опирающаяся, в частности, на достижения научной мысли соседнего Китая. Однако японская политика ассимиляции и геноцида застопорила на десятилетия прогресс научного творчества. Поэтому реальное развитие получили лишь биологические и географические исследования, касавшиеся самой Кореи. В 1931 г. была опубликована уникальная работа Вон Хон Гу, в которой впервые было дано описание 45 семейств и 245 видов птиц страны от гор Пэктусана на севере полуострова до южных склонов Халасан на острове Чечжудо.

Завершение эпохи «отшельничества» и переход Кореи к юридическому оформленным международным взаимосвязям вызвал повышенный интерес к истории корейской цивилизации и ее культуре в США, Японии, России, Германии и других странах, что, в свою очередь, привело к зарождению мирового корееведения как самостоятельной научной дисциплины.

Весьма примечательно, что становление корееведения продемонстрировало очень важную закономерность — неподвластность научной мысли всякому силовому давлению. Так, японскими корееведами, базировавшимися на исследовательской базе Сеульского императорского университета, была проведена глубокая научная инвентаризация классических письменных памятников Кореи на ханмуне, разработана и опубликована многотомная, фундаментальная библиография Кореи, проведены другие ценные археологические и историко-этнографические исследования, которые нередко, вопреки односторонним оценкам их авторов, объективно свидетельствовали о непреходящих ценностях корейской цивилизации.

На рубеже XIX—XX вв., зарождается научное корееведение в Российской империи. Немаловажную роль в его зарождении и развитии играли дипломаты-востоковеды. Бывший сотрудник дипломатической службы России в Китае и Кореи П.А.Дмитриевский издал в переводе с китайского «Географическое описание Кореи» (1883 г.). Бывший поверенный в делах Российской империи в Корею К.И.Вебер создал к 1908 г. в С.-Петербурге уникальные труды: «О корейском языке и корейском чтении китайских иероглифов» и «Пробная транскрипция всех городов Кореи». На восточном факультете С.-Петербургского университета в 1897 г. впервые в Европе вводится программа изучения корейского языка. Открывшийся во Владивостоке в 1899 г. Восточный институт имел в своей структуре корейско-китайское отделение, преобладающее позднее в корейско-японское.

Японская аннексия Кореи в 1910 г. серьезно ограничила становление российского корееведения, но не могла его заблокировать или остановить. Целая плеяда выдающихся российских востоковедов (Г.В.Подставин, Н.В.Кюнер, В.М.Ключников, И.И.Конрад, Е.И.Поливанов, А.А.Холодович и др.) создали фундаментальные труды, которые в конечном итоге стали выражени-

ем искреннего уважения к уникальной цивилизации корейского народа, жаждущего освобождения и независимости.

Итак, культура Кореи в первой половине XX в., пройдя через невероятные испытания, сумела сохранить свою самобытность и уникальность. И в этом проявился, пожалуй, один из основополагающих законов всемирной истории, когда даже самое суровое насилие не в состоянии разрушить генетический код нации, если в его защиту поднимается весь народ.

Контрольные вопросы к разделу пятому

1. Какую роль играл корейский вопрос в развязывании русско-японской войны (1904—1905 гг.)?
2. Каковы основные положения Портсмутского мирного договора (август 1905 г.), касающиеся политического статуса Кореи?
3. Раскройте основные черты японского колониального закабаления Кореи после ее аннексии в 1910 году.
4. Охарактеризуйте политическую платформу Первомартовского движения 1919 г. и основные причины его поражения.
5. Дайте характеристику Временного правительства Кореи в Шанхае, состава правительства, его программы.
6. Какую политику проводила Япония в Корее между двумя мировыми войнами?
7. Какое развитие в Корее после 1919 г. получило коммунистическое и социалистическое движение? В чем причины его кризиса и распада?
8. Какую роль в антияпонской национально-освободительной борьбе играли зарубежные корейские диаспоры (в Китае, России, США и др. странах)?

Рекомендуемая литература

Ан Чжун Гын и антияпонское освободительное движение на территории России. Владивосток, 2001.

«Белая книга» о депортации корейского населения России в 30—40-х гг. / Сост. В.Ф.Ли (Ли У Хё), Ким Ен Ун. Кн. 1—2. М.: Интерпракс, 1992, 1995.

Вопросы истории Кореи (Петербургский научный семинар). СПб., 2002.

История Кореи. Т. I. М., 1974.

Ли Вл.Ф. Россия и Корея в геополитике евразийского Востока. М., 2000.

Ли Ги Бек. История Кореи: Новая трактовка / Под ред. С.О.Курбашова (Пер. с корейского). М., 2000.

Пак Б.Д. Корейцы в Советской России. 1917 — конец 90-х гг. М. -Иркутск—СПб., 1995.

Первомартовское движение за независимость Кореи. Новое освещение / Под ред. Б.Б.Пак, Ли Хен Гына. М., 1999.

Российское корееведение // Альманах Международного центра корееведения при МГУ. М., 1999.

Толстокулаков И.А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002.

Усова Л.А. Корейское коммунистическое движение. 1918—1945. М., 1997.

Цой В.В. Чхве Джэ Хём. 1860—1920. Алматы, 2001.

Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940—1945). М., 1992.

Ше Де Сук. Корейское коммунистическое движение. 1918—1948 гг. (Пер. с англ. А.Н.Пак). М., 2002.

Глава XXVI

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ ПОСЛЕ РАЗГРОМА ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1. Корея после освобождения. Деятельность военных администраций на Севере и Юге Кореи

Освобождение от японского колониального господства означало вступление Кореи в эпоху национального возрождения. После победы над германским фашизмом в Европе Советский Союз в соответствии со своими обязательствами, данными на Ялтинской (февраль 1945 г.) конференции лидеров антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания), 9 августа 1945 г. объявил войну Японии и начал боевые действия против японской квантунской армии в Маньчжурии и Корее.

Войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов прорвали мощную оборону японцев вдоль советско-маньчжурской границы. Одновременно корабли Тихоокеанского флота нанесли удары по японскому флоту у берегов Кореи. На Севере Корейского полуострова был высажен советский десант морской пехоты. Части 25-й армии под командованием генерал-полковника И.М.Чистякова вступили в боевые действия против сухопутных сил Японии.

В результате ожесточенных сражений советские войска 12 августа овладели хорошо укрепленными военно-морскими базами Унги и Раджин, 16 августа — крупным портом Чондин. 24 августа десант 25-й армии был высажен в тылу японских войск в Пхеньяне и Хамхыне. 25 августа 1945 г. Советская Армия завершила разгромление японских сил на территории Северной Кореи. Потери только 25-й армии составили 4717 человек (убитые и раненые). Но еще 15 августа командование квантунской армии объявило о прекращении боевых действий и капитуляции. 2 сентября представители Японии подписали акт о капитуляции. Таким образом Вторая мировая война закончилась и на Дальнем Востоке. Корея была полностью освобождена от японского колониального господства.

Советская Армия принесла освобождение корейскому народу. Войска других государств, а также какие-либо корейские вооруженные формирования непосредственного участия в освобождении Кореи не принимали. Вооруженные силы США высадились на юге полуострова лишь 9 сентября, т.е. спустя 25 дней после

капитуляции квантунской армии. Задача американцев состояла в том, чтобы принять капитуляцию разгромленных японских войск.

Разгром японского милитаризма открыл перед корейским народом возможность для национального возрождения. Однако политическая ситуация в мире после окончания Второй мировой войны стала развиваться по конфронтационному сценарию. Острые идеологические разногласия и соперничество между Советским Союзом, с одной стороны, и США и их союзниками — с другой, оказали негативное влияние на обстановку в Корее.

В соответствии с Потсдамскими договоренностями (июль, 1945 г.) было установлено, что разграничительной линией между советскими и американскими войсками в Корее будет 38-я параллель, к северу и югу от которой обе стороны должны провести пленение и разоружение японских сил. Фактически же на Севере и Юге начался процесс формирования двух корейских государств, ориентировавшихся соответственно на СССР и США. Параллельно происходило размежевание политических сил в обеих частях Кореи. С Севера на Юг уходили крупные бизнесмены и лица, сотрудничавшие с японской колониальной администрацией, тогда как с Юга на Север переходили патриотически настроенные политические деятели, лидеры националистских движений, представители науки, культуры и творческой интеллигенции.

Советское военное командование на Севере Кореи в первую очередь приступило к проведению мероприятий, направленных на ликвидацию последствий японского колониального господства в политической и экономической жизни, на уничтожение колониального аппарата.

В директиве И.В.Сталина от 20 сентября 1945 г. давалось указание командованию 25-й армии не препятствовать созданию в Северной Корее антияпонских демократических партий и организаций, защищать частную и общественную собственность корейских граждан, не препятствовать исполнению религиозных обрядов, не трогать храмы и другие религиозные учреждения.

Уходя из Кореи, японские колонизаторы нанесли огромный ущерб экономике страны. Были уничтожены или разграблены десятки крупных предприятий, затоплено 64 шахты и рудника, выведен из строя железнодорожный транспорт. Бездействовали более тысячи крупных и средних предприятий, почта, телеграф. Все это необходимо было восстановить в кратчайшие сроки. Однако в стране не было опытных администраторов, экономистов, инженерно-технических работников, даже просто грамотных людей было мало.

Для налаживания нормальной жизни населения в провинциях и уездах были созданы военные комендантуры — 7 городских, 6 провинциальных и 85 уездных. Позже было образовано Управление советской гражданской администрации. Аппарат управления состоял из специалистов различных отраслей народного хозяйства.

зайства, культуры, здравоохранения. Задача состояла в том, чтобы как можно скорее восстановить экономическую жизнь.

Сразу после освобождения на Севере Кореи стали создаваться органы местного самоуправления — народные комитеты. Советское командование оказывало им поддержку и направляло их деятельность. К концу 1945 г. в народных комитетах работало свыше 10 тыс. человек. Для координации деятельности народных комитетов было учреждено Административное бюро пяти провинций, а также 10 департаментов, которые руководили основными отраслями экономики, просвещением и здравоохранением. Председателем бюро стал один из лидеров националистов Чо Ман Сик.

На первых порах в народных комитетах Северной Кореи доминировали националисты, однако левые постепенно вытеснили националистов и заняли лидирующие позиции в новых органах власти.

8—14 сентября 1945 г. на конференции представителей коммунистических групп в Сеуле была воссоздана Коммунистическая партия Кореи, избран ЦК во главе с видным деятелем корейского левого движения Пак Хен Еном. Для руководства партийными организациями на территории Северной Кореи создано Северо-корейское оргбюро компартии Кореи, которое организационно оформилось на совещании представителей провинциальных организаций в Пхеньяне 10 октября 1945 г. Первым секретарем оргбюро был избран Ким Ен Бом, а в декабре на этом посту его сменил Ким Ир Сен. В то время в партии насчитывалось 4530 человек.

В феврале 1946 г. при ведущей роли компартии был создан Временный народный комитет Северной Кореи, который возглавил Ким Ир Сен, руководитель одного из партизанских отрядов, действовавших главным образом в Северо-Восточном Китае.

В течение 1946 г. на Севере был принят ряд законов, которые положили начало формированию экономической базы нового режима. Эти законодательные акты (о земельной реформе, национализации промышленности, транспорта, связи и банков) по сути своей имели общедемократический характер. В результате земельной реформы было конфисковано 1 млн 325 тыс. чонбо. Более 700 тыс. крестьян стали владельцами земельных участков. Национализация промышленных объектов (свыше 1 тыс.) привела к созданию крупного госсектора, охватившего около 80% промышленного производства. Опираясь на помощь советских специалистов, народные комитеты в 1946—1947 гг. организовали восстановление промышленных предприятий, шахт, налаживали торговлю, систему здравоохранения и просвещения. В результате приступили к работе более 40 предприятий тяжелой промышленности, 79 угольных шахт, а также предприятия текстильной, рыбной, бумажной промышленности.

Формировалась смешанная, государственно-частная структура экономики. Наряду с законом о национализации было принято специальное постановление Временного народного комитета Северной Кореи об охране права частной собственности. Допускалась деятельность частных капиталистических предприятий с числом рабочих не более 50. Банкам предоставлялось право выдавать частным предприятиям и бизнесменам краткосрочные кредиты.

Крупные изменения происходили в политической структуре общества. В 1946 г. компартия объединилась с Новой народной партией и стала называться Трудовой партией Кореи (ТПК). Затем были созданы контролируемые ею общественные организации — Союз демократической молодежи, Союз демократических женщин, профсоюзы, Крестьянский союз. Сформировалась также Демократическая партия Кореи, которую на первых порах возглавлял Чо Ман Сик. Спустя некоторое время, он был заменен соратником Ким Ир Сена по партизанской борьбе Цой Ен Генем. Тесно сотрудничала с ТПК Партия молодых друзей Чхондо (учение небесного пути) — религиозная организация.

В августе 1946 г. политические партии и общественные организации Северной Кореи объединились в Единый демократический национальный фронт (ЕДНФ). Это объединение произошло по инициативе коммунистов и нашло полную поддержку со стороны Советского военного командования. ЕДНФ действовал только на Севере, но имел в 1946—1947 гг. и достаточно сильные позиции на Юге Кореи.

Для укрепления формирующейся на Севере экономической и политической системы по просьбе северокорейского руководства из Советского Союза в 1945—1948 гг. в Северную Корею были направлены несколько сотен советских корейцев, в задачу которых входило оказание помощи в работе народных комитетов, налаживание деятельности органов здравоохранения, просвещения, промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Одновременно сотни северокорейских юношей и девушек были направлены в Советский Союз на учебу.

Таким образом, СССР предпринимал серьезные усилия, чтобы создать на Севере Кореи такую систему власти, которая смогла бы обеспечить политическую стабильность, экономическое развитие страны и была бы дружественно настроена в отношении Москвы.

Из советских архивных материалов стало известно, что сразу после освобождения Кореи Советский Союз не собирался создавать на Севере структуры, аналогичные советским. В уже упомянутой директиве И.В.Сталина от 20 сентября 1945 г. содержалось указание не вводить в Северной Корее советских порядков, содействовать установлению там буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических организаций. На первых этапах сотрудничество с национали-

тическими кругами Севера, в частности с Чо Ман Сиком, было достаточно конструктивным. Однако противоречия внутри политических сил Кореи по вопросам дальнейшего развития страны нарастали. Попытки советской военной администрации примирить оппонентов не увенчались успехом. Москва, естественно, делала ставку на коммунистические силы во главе с Ким Ир Сеном, но не рекомендовала ему копировать советский опыт строительства социализма и побуждала его к созданию народно-демократического режима власти.

После высадки 9 сентября 1945 г. войск США на юге Корейского полуострова была создана американская военная администрация. Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Д.Макартур издал приказ о том, что вся административная власть в Южной Корее принадлежит ему.

С другой стороны, на Юге также формировались народные комитеты. В сентябре 1945 г. в Сеуле состоялась конференция представителей народных комитетов Южной Кореи. Была одобрена программа создания единого корейского государства. В различных районах Южной Кореи проходили массовые выступления населения в поддержку этой программы. Под эгидой коммунистов был создан Центральный народный комитет Южной Кореи. Активно действовала компартия во главе с Пак Хен Еном. Всего же на Юге насчитывалось более 200 политических партий и общественных организаций.

Американское командование предприняло жесткие меры против действовавших в Южной Корее левых партий и организаций, и также народных комитетов. Провозглашенная до высадки американских войск на Юге левыми силами Народная Республика не была признана военной администрацией США, как впрочем и возвратившееся из Китая Временное правительство во главе с Ким Гу. В феврале 1946 г. под контролем американских военных были сформированы учредительное собрание, а также демократическая палата Южной Кореи в составе 27 человек. Демократическая палата вскоре была распущена и вместо нее создана законодательная палата в качестве консультативного органа при американской военной администрации. В ее функции входило одобрение законопроектов, разрабатывавшихся военными властями США. Военное командование США не допустило участия коммунистов ни в учредительном собрании (председатель Ли Сын Ман), ни в законодательной палате (председатель Ким Гю Сик), ни в гражданской администрации (глава Ан Дже Хон).

Генерал Д.Макартур, по сути дела, сохранил систему власти, которую установили японцы, взял под свое покровительство государственных чиновников и предпринимателей, сотрудничавших с колониальными властями. При военной администрации были учреждены департаменты, руководившие различными отраслями хозяйства, а также оборонной, военной полицией и безопасностью. Был усилен американский контроль за органами юстиции, проку-

ратуры и судопроизводством. На главных железнодорожных станциях размещены полицейские посты.

Американские военные власти произвели реорганизацию местного управления. Наряду с аппаратом южнокорейской администрации на местах из числа американских офицеров были назначены военные губернаторы провинций, мэры городов, начальники уездов. Созданы также отделы информации, функции которых состояли в сборе сведений о политических настроениях населения, учете и регистрации политических партий и общественных организаций.

Таким образом, на Юге при активном участии США формировались структуры власти, призванные впоследствии стать опорой режима, который ориентировался на Соединенные Штаты.

Как уже упоминалось ранее, вопрос о Корее неоднократно обсуждался на международных конференциях лидеров антигитлеровской коалиции. При этом на Ялтинской конференции США предложили установить опеку над Кореей после разгрома Японии. Они считали, что опека над Кореей должна быть установлена с участием Вашингтона, Москвы и режима Чан Кайши. В принципе СССР не возражал против установления опеки, но на краткосрочный период, имея в виду, что этот срок необходимо использовать для оказания помощи корейскому народу в достижении национальной независимости.

2. Московское совещание министров иностранных дел и проблема международной опеки

В соответствии с ялтинскими договоренностями с 16 по 26 декабря 1945 г. в Москве состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, на котором в числе других проблем обсуждался вопрос о Корее. Между сторонами развернулась острая политическая дискуссия. США предложили, чтобы Корея прошла два этапа иностранного управления: на первом — создание объединенной военной администрации США и СССР; на втором — образование четырехстороннего (США, СССР, Китай, Великобритания) административного органа для установления опеки. Срок опеки устанавливался в 5 лет, но мог быть продлен еще на 5 лет.

Советский Союз выступил за образование общекорейского Временного правительства в целях восстановления Кореи как независимого государства. СССР толковал учреждение временной опеки как средство помощи корейцам в создании единого правительства. Согласно советскому проекту, условия опеки должны быть выработаны с обязательным участием корейского правительства, и она должна осуществляться также с участием Временного корейского правительства и его органов, а не иностранными органами. Срок опеки — до 5 лет, его продление исключалось.

После острой дипломатической борьбы министрам иностранных дел СССР, США и Великобритании удалось выработать согласованные решения:

- В целях восстановления Кореи как независимого государства создается Временное корейское демократическое правительство.
- Для оказания содействия образованию Временного корейского правительства создается Совместная комиссия из представителей командования американских войск в Южной Корее и советских войск в Северной Корее.
- Совместной комиссии поручается с участием Временного корейского правительства разработать меры помощи и содействия (опеки) политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа. Предложения Совместной комиссии передаются на рассмотрение правительств США, СССР, Великобритании и Китая для выработки соглашения об опеке четырех держав в отношении Кореи на срок до пяти лет.
- Для рассмотрения срочных вопросов в двухнедельный срок созывается совещание представителей американского и советского командования в Корее.

На Севере Кореи отношение населения к решениям Московского совещания было в целом благожелательным. Попытки лидеров националистов Чо Ман Сика выступить против опеки закончились неудачно. Чо Ман Сик был подвергнут домашнему аресту. Руководимая им Демократическая партия раскололась. Часть ее членов перешла на Юг, оставшиеся избрали новое руководство во главе с Цой Ен Геном.

В отличие от Севера вопрос об опеке вызвал в Южной Корее острые противоречия. Коммунисты во главе с Пак Хен Еном и близкие к ним националисты, возглавляемые Е Ун Хеном, поддерживали опеку. Правые группировки во главе с Ли Сын Маном и Ким Гу категорически отвергли ее и требовали незамедлительного предоставления независимости. В Сеуле и других городах Южной Кореи состоялись массовые выступления против опеки. Созданный противоборствующими сторонами Комитет примирения не смог выработать компромисс.

Вопрос об опеке углубил и без того серьезные противоречия, которые существовали между левыми силами, контролировавшими Северную Корею, и правыми, доминировавшими на Юге. Примечательно, что инициаторы введения опеки — США, почувствовав неприятие этой идеи среди значительной части корейского населения, не проявляли настойчивости в ее реализации и вели достаточно тонкую игру вокруг опеки. Советское командование, левые силы на Севере и Юге, наоборот, были весьма активны в продвижении этой идеи, что вызывало резко отрицательную реакцию южнокорейцев. Этим воспользовались такие деятели, как

Ли Сын Ман и Ким Гу, чтобы подорвать влияние левых на Юге, укрепить негативное отношение населения Южной Кореи к Советскому Союзу.

Состоявшиеся в 1946 г. переговоры между представителями военного командования СССР и США в Корее по вопросам взаимных поставок товаров и продовольствия на Север и Юг, общения населения двух зон не дали положительных результатов, хотя сторонам удалось согласовать решение о восстановлении транспортного сообщения между двумя зонами. Это решение, однако, так и осталось на бумаге.

Созданная на Московском совещании Совместная советско-американская комиссия по Корее также не смогла добиться реализации договоренностей о создании Временного корейского правительства. Заседания Комиссии проходили весьма напряженно. Каждая из сторон стремилась продвинуть своих сторонников из числа корейцев для участия в консультациях по формированию Временного правительства. Длительные дискуссии и споры велись по поводу того, какие партии и организации считать демократическими, а какие реакционными. В сентябре 1947 г. советская делегация в Совместной комиссии внесла предложение об одновременном выводе из Кореи войск СССР и США и предоставлении корейцам права самим решать свои проблемы. Американская сторона отказалась принять это предложение.

К концу 1947 г. СССР и США не удалось прийти к компромиссу по вопросу создания Временного корейского правительства. Проведение выборов автоматически обеспечивало бы преимущество для тех сил на Юге, которые поддерживались США, поскольку население Южной Кореи по численности в полтора раза превосходило население Севера. Такая перспектива не устраивала руководство Северной Кореи. В итоге обе части Кореи взяли курс на создание на Корейском полуострове режимов — антиподов, что, в конце концов, привело к росту недоверия, враждебности и жесткого противостояния между Северной и Южной Кореей.

3. Образование двух государств: Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики

Не договорившись в рамках Совместной комиссии о восстановлении Кореи как единого независимого государства, СССР и США стали целенаправленно укреплять режимы соответственно на Севере и Юге. Причем американцы решили форсировать создание сепаратного правительства в Сеуле. По инициативе США Генеральная Ассамблея ООН в 1947 г. начала обсуждение корейского вопроса. В ходе дискуссии СССР вновь выдвинул предложение об одновременном выводе из Кореи советских и американских войск и приглашении представителей корейского народа участвовать в обсуждении вопроса о Корее. Имея большинство в ООН, Соединенные Штаты добились отклонения советского

предложения. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию о создании Временной Комиссии ООН по Корее, которой было поручено контролировать проведение выборов в обеих зонах Кореи и создание корейского правительства. Весьма важным пунктом принятой резолюции являлось то, что выборы должны проводиться на основе пропорционального представительства северной и южной зон.

В Южной Корее решение о проведении выборов в национальное собрание было воспринято неоднозначно. Если ориентировавшиеся на США политические силы поддержали эту идею, то многие организации выступили против сепаратных выборов. В различных районах Южной Кореи были организованы массовые выступления, а на острове Чечжудо произошло вооруженное восстание, которое сорвало проведение выборов.

Политические партии и общественные организации Северной и Южной Кореи в апреле 1948 г. провели в Пхеньяне совещание, в ходе которого решение ООН о выборах было подвергнуто резкому осуждению. На совещании было принято обращение к правительствам СССР и США одновременно вывести свои войска с Севера и Юга и дать корейскому народу возможность самому организовать всеобщие выборы и создать демократическое правительство, которое провозгласило бы образование независимого корейского государства.

Вслед за этим совещанием, 30 апреля 1948 г., в Пхеньяне состоялась встреча руководителей более 40 политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи. В этой встрече приняли участие Ким Ир Сен, Ким Ду Бон, Пак Хен Ен, а также такие видные южнокорейские деятели правого толка, как Ким Гу, Ким Гю Сик и другие. Представители Севера и Юга высказались за немедленный одновременный вывод всех иностранных войск с Корейского полуострова и заявили, что они не признают результаты сепаратных выборов и не поддерживают правительство, которое будет создано после проведения выборов.

Однако Ли Сын Ман настаивал на провозглашении суверенитета Южной Кореи еще в 1947 г., независимо от результатов деятельности Совместной советско-американской комиссии по объединению, а также консультаций политических партий Севера и Юга. Он торопился взять власть, поскольку движение националистических сил, выступавших против юридического оформления раскола страны, неуклонно нарастало.

Выборы на Юге состоялись 10 мая 1948 г. Комиссия ООН по Корее признала их законными. 15 августа 1948 г. было провозглашено создание Республики Корея (РК). Президентом РК стал Ли Сын Ман. США и другие западные страны установили с РК дипломатические отношения. Таким образом, формальный раздел Кореи превратился в юридически оформленный раскол страны.

В ответ на создание сепаратного правительства на Юге политические партии и общественные организации Северной и Южной Кореи в конце июня — начале июля 1948 г. создали в Пхеньяне совещание, которое не признало результаты выборов в Южной Корее и приняло решение провести на Севере и Юге Корейского полуострова выборы в единый законодательный орган страны — Верховное Народное Собрание (ВНС). Оно было сформировано по итогам выборов, состоявшихся 25 августа 1948 г. выборов было сформировано ВНС. Первая сессия, проходившая с 2 по 8 сентября, провозгласила образование Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) и приняла Конституцию КНДР. Председателем Президиума ВНС стал Ким Ду Бон, Председателем Кабинета министров — Ким Ир Сен. Советский Союз первым признал КНДР и установил с ней дипломатические отношения (12 октября 1948 г.). Затем и другие социалистические страны установили дипломатические связи с КНДР.

Таким образом, на Корейском полуострове было создано два самостоятельных корейских государства. С этого периода началась еще более жесткая конфронтация между Севером и Югом, вылившаяся в конце концов в кровопролитную трехлетнюю войну 1950—1953 годов.

4. Корейская война 1950—1953 гг. и ее последствия

Раскол Корейского полуострова на две части и создание двух государств с противоположными социально-политическими экономическими системами, за спиной которых стояли мощные союзники (за КНДР — СССР, за РК — США), усилили напряженность между Севером и Югом. Со своей стороны Соединенные Штаты и Советский Союз всемерно способствовали укреплению соответственно северокорейского и южнокорейского режимов.

В 1948 г. США и РК подписали соглашение об американском содействии в создании южнокорейской армии. На Юге были сформированы вооруженные силы численностью 300 тыс. человек. Сеул получил от США более 500 млн долл. военно-экономической помощи. В рядах южнокорейской армии находилось почти 2,5 тыс. американских военных советников.

Северокорейское руководство во главе с Ким Ир Сеном также форсировало военные приготовления. После вывода из КНД частей Советской армии (октябрь 1948 г.) практически все вооружение и боевая техника были оставлены Корейской народной армией (КНА). Советские военные инструкторы и советники оказывали большую помощь в формировании КНА. Только накануне войны КНДР получила значительную военно-техническую помощь из СССР: 66 танков, 48 артиллерийских орудия, 86 самолетов.

Из рассекреченных советских архивных документов видно, что к началу корейской войны соотношение вооруженных сил между Югом и Севером составляло: по численности сухопутных войск 1:2, по количеству артиллерийских орудий — 1:2, пулеметов — 1:7, автоматов — 1:13, танков — 1:6,5, самолетов — 1:6 в пользу северных корейцев.

Перед началом военного конфликта обе корейские стороны развернули широкую пропагандистскую кампанию. Однако, если правительство Ли Сын Мана выступало с воинственными заявлениями о том, что «Южная Корея готова к вторжению на Север», что «составлен план удара по коммунистам в Пхеньяне» и т.п., то северокорейское руководство выдвигало «мирные инициативы» в целях объединения Кореи. За неделю до начала войны Пхеньян предложил идею слияния парламентов Севера и Юга для разработки конституции единой Кореи и формирования правительства.

Фактически, обе корейские стороны готовились к военному конфликту. В конце 1949 г. — начале 1950 г. обстановка в районе 38-й параллели резко обострилась. Между военнослужащими Севера и Юга постоянно вспыхивали перестрелки. Вооруженные столкновения приобретали характер позиционной войны с применением стрелкового оружия и артиллерии.

Из рассекреченных советских архивных документов (переписка И.В.Сталина с Ким Ир Сеном и Мао Цзэдуном) можно составить четкое представление о том, как шла подготовка к развязыванию военных действий на Корейском полуострове, какие позиции занимали СССР и Китай в отношении настойчивых требований Ким Ир Сена добиться объединения Кореи военным путем.

Северокорейское руководство и лично Ким Ир Сен последовательно убеждали И.В.Сталина «дать добро» на «освобождение» Южной Кореи. Советский лидер какое-то время (до января 1950 г.) колебался, однако затем изменил свою позицию. Во время встречи с Ким Ир Сеном весной 1949 г. И.В.Сталин в ответ на предложение руководителя КНДР «прощупать Южную Корею штыком» рекомендовал обдумать все аспекты этой идеи, сделать все необходимые подсчеты и приехать в Москву вновь с конкретным планом.

В апреле 1950 г. в Москве состоялась новая встреча И.В.Сталина с Ким Ир Сеном. Во время переговоров руководитель СССР сказал, что «в силу изменившейся обстановки» он согласен с предложением Ким Ир Сена приступить к объединению. При этом И.В.Сталин настаивал на том, чтобы и Китай поддержал идею военного решения проблемы объединения Кореи.

Во время визита Ким Ир Сена в Пекин в мае 1950 г. Мао Цзэдун одобрил замыслы северокорейских руководителей и пообещал китайскую поддержку. Изменение отношения И.В.Стали-

на к объединению Кореи военным путем обусловлено, как представляется, несколькими факторами.

Во-первых, война в Корее уже практически шла с весны 1949 г. Американцам не удалось удержать Ли Сын Мана от идеи «похода на Север».

Во-вторых, США опубликовали заявление госсекретаря Д.Ачесона о том, что Южная Корея исключена из сферы приоритетных интересов США.

В-третьих, победа в Китае коммунистов и создание в СССР атомной бомбы существенно меняли баланс сил на мировой арене.

В-четвертых, Пекин был полон решимости освободить Тайвань, и в такой ситуации война в Корее представлялась для Москвы меньшим из двух зол.

Возможно, эти или какие-то еще соображения в конечном итоге убедили И.В.Сталина в том, что у Пхеньяна есть шансы военными средствами объединить Корею. Ряд исследователей полагают, что советский руководитель допустил в Корее стратегическую ошибку, которая привела к тяжелейшим последствиям.

Нанеся 25 июня 1950 г. внезапный удар по формированиям южнокорейской армии (войска США покинули Юг в июне 1949 г.), северокорейские вооруженные силы в течение трех дней овладели Сеулом и в сентябре подошли к Пусану (овладев 95% территории РК), где столкнулись с хорошо укрепленным оборонительным плацдармом. Северокорейцы не смогли взять его.

Начало военного конфликта вызвало негативную реакцию в мире. 25 июня 1950 г., т.е. в день начала войны, по требованию США собрался Совет Безопасности ООН, который принял резолюцию с обвинением КНДР в нарушении мира и призывом к немедленному прекращению военных действий. Представитель СССР отсутствовал на этом заседании, что сегодня нельзя расценивать иначе, как дипломатический просчет.

27 июня 1950 г. Совет Безопасности ООН принял вторую резолюцию, рекомендовавшую государствам — членам ООН поддерживать южнокорейское правительство в той мере, в какой это «может оказаться необходимым для отражения вооруженного конфликта».

На совещаниях, проведенных президентом США с военным командованием в конце июня 1950 г., было принято решение направить в Корею американские войска.

7 июля 1950 г. Совет Безопасности ООН одобрил резолюцию о направлении вооруженных сил ООН в распоряжение объединенного командования ООН в Корее. В войне на стороне Южной Кореи принимали участие воинские контингенты из 16 государств.

В сентябре 1950 г. США высадили в районе Инчхона крупный военный десант (50 тыс. человек), оснащенный танками, артиллерией

рией, поддержанный ВМС и авиацией (до 800 самолетов), и освободили Сеул. 20 октября пала столица КНДР Пхеньян. Северокорейская армия была практически разгромлена. К концу октября войска ООН вышли к границе с Китаем. После довольно сложных переговоров советским лидерам удалось убедить китайское руководство вмешаться в корейский конфликт на северокорейской стороне и не допустить полного разгрома КНДР и потери ею независимости.

25 октября 1950 г. китайские народные добровольцы, а фактически регулярные части Народно-освободительной армии Китая (до 1 млн человек) вступили на Север и довольно успешно потеснили американские войска на Юг. К началу 1951 г. фронт стабилизировался в районе 38-й параллели. В середине 1951 г. между воюющими сторонами начались мирные переговоры, продолжавшиеся два года. Как явствует из советских документов периода корейской войны, И.В.Сталин не проявлял заинтересованности в скорейшем продвижении переговоров о прекращении военных действий. Он считал, что продолжение корейского конфликта выгодно коммунистическому блоку, так как связывает силы США, наносит урон американской администрации внутри страны и на международной арене.

После смерти И.В.Сталина советское руководство взяло курс на безотлагательное прекращение военного конфликта в Корее. 27 июля 1953 г. было подписано Соглашение о перемирии в Корее. Правительством Ли Сын Мана настаивало на продолжении войны и отказалось подписать соглашение. Подпись под документом поставили представители Корейской народной армии и китайских народных добровольцев, с одной стороны, и представители командования войск ООН — с другой. Юридически Южная Корея не является участником Соглашения о перемирии.

В ходе корейской войны в правящих кругах США неоднократно обсуждался вопрос о возможности применения ядерного оружия. Американские генералы настойчиво убеждали президентов Д.Эйзенхауэра и Г.Трумэна пойти на использование ядерного арсенала против северокорейско-китайских войск, однако президенты не поддались давлению военных по крайней мере по трем причинам: во-первых, вооруженные силы США не были готовы к действиям в условиях применения тактического ядерного оружия, во-вторых, эти планы натолкнулись на оппозицию союзников США и, в-третьих, в Вашингтоне опасались ответных действий со стороны Советского Союза, который к тому времени также обладал ядерным оружием.

Соглашение о перемирии создало международно-правовой механизм для прекращения военных действий до окончательного мирного урегулирования. Документом предусматривался созыв международной конференции по мирному урегулированию корейского вопроса.

Война принесла огромные страдания населению Северной и Южной Кореи. Потери северных корейцев и китайцев в конфликте составили от 2-х до 4-х млн человек (убитые, раненые, пропавшие без вести). Потери южнокорейцев составили 400 тыс. человек, американцев — 142 тыс. Материальный ущерб Южной Кореи равен 4 млрд долл.; разрушено 43% промышленных объектов, 41% электростанций, 50% шахт, 30% жилых домов.

Огромные материальные потери понесла и КНДР. Было разрушено около 9 тыс. промышленных предприятий, 600 тыс. домов, 28 тыс. культурно-просветительных учреждений. Общий ущерб оценивался в более, чем 400 млрд вон.

Помимо чисто материальных и людских потерь, корейская война оказала долгосрочное негативное влияние на общую обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Она привела к формированию системы военных блоков, росту напряженности, возникновению конфликтных ситуаций на Корейском полуострове. Перманентная военно-политическая напряженность не раз ставила оба корейских государства на грань новой войны.

Война серьезно усугубила раскол Кореи, посеяла семена вражды и недоверия корейцев друг к другу, на многие десятилетия задержала возможность межкорейского диалога. В то же время война продемонстрировала невозможность решения корейской проблемы военными методами. Этот конфликт также показал, что путь к урегулированию обстановки на Корейском полуострове нужно искать исключительно на основе диалога, мирными, дипломатическими средствами.

После достаточно острой дипломатической борьбы удалось добиться реализации четвертого пункта Соглашения о перемирии, который предусматривал созыв политического совещания по вопросам послевоенного устройства Кореи. В конце апреля 1945 г. в Женеве открылось совещание на уровне министров иностранных дел, в котором приняли участие делегации СССР, КНР, США, Великобритании, Франции, КНДР и РК, а также 12 других государств-участников корейской войны.

На первом же заседании делегация КНДР внесла предложение «О мерах по восстановлению национального единства Кореи и проведению выборов». Оно включало организацию выборов в национальное собрание, образование единого правительства, вывод всех иностранных войск с территории Кореи (на Севере находились китайские войска, а на Юге — американские войска), гарантии мирного развития Кореи со стороны соответствующих государств.

Со своей стороны южнокорейская делегация выступила с программой объединения Кореи из 14 пунктов. Суть ее сводилась к проведению на всей территории Кореи выборов под наблюдением ООН, образованию межкорейской комиссии для разработки избирательного закона, созыву парламента, выводу китайских войск з

один месяц до выборов, а войск ООН — после того, как единое правительство Кореи установит свой полный контроль над всей территорией Кореи, а также гарантиям ООН территориальной целостности и независимости Кореи.

Состоявшиеся дискуссии по двум проектам выявили неприятие их как корейскими сторонами, так и поддерживающими их государствами. США, Южная Корея, другие западные страны настаивали на том, чтобы контроль за выборами в Корее осуществлялся ООН. СССР, КНР и КНДР предлагали создать комиссию из нейтральных государств.

После длительных дебатов северокорейская делегация внесла новые предложения: вывод из Кореи всех иностранных войск, сокращение до 100 тыс. человек численности вооруженных сил КНДР и РК, признание несовместимыми с целями мирного объединения Кореи соглашения с другими государствами, содержащие военные обязательства той или иной части Кореи (в 1953 г. РК и США заключили договор о взаимной обороне; КНДР не имела союзных договоров с СССР и КНР), образование общекорейского комитета по установлению и развитию связей между Севером и Югом Кореи, гарантии со стороны государств-участников Женевского совещания мирного развития и объединения Кореи. Однако и эти предложения не были приняты США, РК и их союзниками.

Переговоры по корейскому вопросу в Женеве завершились безрезультатно. Ни одна из сторон не была готова идти на компромисс. Международная обстановка также не способствовала мирному разрешению корейской проблемы. «Холодная война» в мире была в самом разгаре. Между Советским Союзом и США продолжалась, а периодически и усиливалась политическая конфронтация. Два противоположных лагеря разворачивали масштабную гонку вооружений. В различных регионах мира возникали острые очаги напряженности. Все это не могло способствовать поиску мирных путей урегулирования «горячих точек», одной из которых оставался Корейский полуостров.

Глава XXVII

ПУТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРА И ЮГА КОРЕИ

1. Узловые проблемы развития КНДР (1953—2000 гг.)

После окончания корейской войны КНДР приступила к восстановлению народного хозяйства. Пленум ЦК ТПК (август 1953 г.) одобрил трехлетний план (1953—1956 гг.) экономического развития, в ходе которого при помощи СССР, Китая, других социалистических государств было восстановлено около 240 и вновь построено 80 промышленных объектов.

Социалистические страны оказали КНДР безвозмездную помощь в сумме 800 млн руб. (в ценах 1953 г.), в том числе СССР — 292,5 млн КНР — 258,4 млн, ГДР — 122,7 млн, Польша — 81,5 млн, Чехословакия — 25,4 млн, Румыния — 5,6 млн, Венгрия — 5,6 млн, Болгария — 4,5 млн рублей. Удельный вес финансовой помощи этих стран в доходной части государственного бюджета КНДР в 1954 г. составил 34%, в 1955 г. — 21,7%, в 1956 г. — 16,5%. Доля безвозмездной помощи в капитальных вложениях составила 75,1%.

Форсированными темпами восстанавливалось сельское хозяйство. Строились дамбы, плотины, насосные станции. Одновременно шло кооперирование деревни. К концу 1956 г. кооперативы объединили 81% всех крестьянских хозяйств, владевших 78% земли, а к 1958 г. кооперирование крестьянских хозяйств было завершено.

Выполнив задачи восстановительного периода, правительство КНДР разработало пятилетний план развития народного хозяйства (1956—1961 гг.). По плану к концу пятилетки валовая промышленная продукция должна была возрасти в 2,6 раза. В промышленности были намечены важные структурные преобразования. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в этот период составляли 36,6%, что обеспечило досрочное выполнение пятилетки. В 1961 г. КНДР производила 9,7 млрд кВт/ч электроэнергии, 12 млн т угля, 600 тыс. т чугуна, 700 тыс. т стали, 2,4 млн т цемента.

В 1960 г. Север опережал Южную Корею по всем основным экономическим показателям. Руководство ТПК объявило о превращении КНДР в индустриально-аграрное государство. Достижения КНДР во многом были связаны с огромной помощью Совет-

ского Союза, КНР и других стран так называемого социалистического лагеря. В 1960 г. предприятия, построенные при техническом содействии СССР, давали 40% производимой электроэнергии, 51% чугуна, 53% кокса, 90% аммиачной селитры, 67% хлопчатобумажных тканей.

Посчитав, что на народном энтузиазме и при советской экономической помощи можно и далее столь же форсированно развивать экономику, руководство КНДР принимает новую программу ускоренного экономического развития. IV съезд ТПК (сентябрь 1961 г.) одобрил семилетний план (1961—1967 гг.). Была поставлена задача создания «самостоятельной национальной экономики» путем преимущественного развития тяжелой индустрии. По плану объем промышленного производства должен был возрасти в 3,3 раза, национальный доход — в 2,7 раза.

В этот же период в КНДР появляются так называемые «красные письма» ЦК ТПК с призывами начать всенародное движение за форсированное строительство социализма — «движение Чхонлима» (согласно корейской легенде, это конь, пробегающий за день 1000 ли — 250 км), «движение от станка станок» и др. ЦК ТПК выдвигает лозунги: «Смело думать и смело дерзать», «преодолевать консерватизм и мистицизм», «делать 10 шагов там, где другие делают один, 100 шагов там, где другие — 10». Фактически, это был призыв к «большому скачку», который осуществлялся в этот период в Китае. В стране разворачивается строительство небольших металлургических, машиностроительных, цементных предприятий с годовой мощностью 10—20 т, ускоренно сооружаются предприятия местной промышленности. Только за 1958 г. в КНДР было сооружено более 2 тыс. предприятий местного значения, по 10 в каждом уезде.

На рубеже 50—60-х годов Ким Ир Сен объявляет о том, что ТПК руководствуется идеологией «чучхе» (в переводе с корейского означает субъект как носитель активности в отношении объекта), что, согласно его интерпретации, являлось дальнейшим развитием марксизма-ленинизма применительно к условиям КНДР. Одновременно провозглашается курс «опоры на собственные силы» («чарёк кенсен»), а также «независимость в политике, самостоятельность в экономике, самооборона в защите страны».

В середине 50-х годов в руководстве КНДР обостряется борьба за власть. Ряд деятелей «просоветской» группировки (лидер Пак Чан Ок) в правящей элите выступил против насаждения культа личности Ким Ир Сена, за укрепление демократических начал в деятельности партии, в поддержку решений XX съезда КПСС. Со стороны «партизанской» группировки (ее возглавлял Ким Ир Сен) «советская фракция» подверглась жесткой критике за попытки внедрить в партийные ряды буржуазную идеологию. За отстранение Ким Ир Сена выступила также «прокитайская фракция» (лидер Чой Чан Ик). На пленуме ЦК ТПК (август 1956 г.) Ким Ир Сен был подвергнут критике за культ личности, волюнтаризм,

за создание в стране полицейского режима. Пак Чан Ок и Цой Чан Ик пытались склонить участников пленума проголосовать за недоверие Ким Ир Сену, однако «партизанской» фракции удалось одержать победу. Ким Ир Сена поддержала большая часть правящей элиты и армия. Это и решило исход борьбы в его пользу. Многие члены «прокитайской» группировки бежали в Китай. Ряд деятелей из просоветской и прокитайской фракций были репрессированы. Попытки А.И.Микояна и Пэн Дэхуая примирить «оппонентов» (они специально прибыли в Пхеньян с этой целью) окончились неудачей. Хотя на сентябрьском пленуме ЦК ТПК (1956 г.) Ким Ир Сен и обещал не предпринимать против них жестких мер, он все же это сделал.

Ким Ир Сен (настоящее имя Ким Сон Чжу) занимает видное место в истории Кореи (см. 3 гл. XXIV).

После освобождения Кореи Советской Армией он возвратился в Корею и возглавил Компартию Северной Кореи (Трудовую партию). В 1946 г. избран председателем Временного народного комитета Северной Кореи. После образования КНДР (9 сентября 1948 г.) возглавил Кабинет министров. В октябре 1966 г. стал Генеральным секретарем ЦК ТПК, в 1972 г. избран Президентом КНДР.

В годы корейской войны был Председателем Комитета обороны КНДР, Верховным главнокомандующим КНА. В феврале 1953 г. ему было присвоено звание маршала КНДР; трижды герой КНДР и герой труда КНДР. В 1992 г. по случаю 80-летия со дня рождения Ким Ир Сена присвоено звание Генералиссимуса КНДР. Умер в июле 1994 г. Согласно принятым в сентябре 1998 г. поправкам к Конституции, покойный вождь является «вечным» Президентом КНДР.

Его авторитет среди северных корейцев был обусловлен тем, что он являлся одним из лидеров национально-освободительного движения. С его именем связано возрождение корейского национального государства на Севере страны.

Его стиль и методы руководства партией и государством сложились в годы антияпонского национально-освободительного движения за независимость страны. Вероятно, он был достаточно жесток со своими врагами, но, если посмотреть с другой стороны, он поступал так, как тогда было принято поступать на Востоке.

Он умел использовать слабости своих политических оппонентов, что позволило избавиться от присущего корейскому коммунистическому движению фракционизма, а также от тех, кто не разделял его взглядов и убеждений. В обстановке постоянной напряженности на полуострове он создал уникальное общество с военной дисциплиной и авторитарным режимом власти. Провозгласив курс на самостоятельность и независимость, Ким Ир Сен активно проводил в жизнь «идеологию чучхе», доктрину строительства «социализма корейского образца».

Внутренняя борьба в северокорейском руководстве в конце 50-х — начале 60-х годов сопровождалась критикой внутренней и

внешней политики и практических действий КПСС, свертыванием экономических и военных связей с Советским Союзом. В 1962 г. Ким Ир Сен, недовольный отказом Н.С.Хрущева предоставить КНДР безвозмездную военную помощь, решает проводить курс на параллельное экономическое и оборонное строительство. Экономика оказалась не готовой к таким перегрузкам, и шестилетний план не был выполнен. Руководство страны пролонгирует шестилетку до 1970 года.

К 1970 г. Северная Корея еще не исчерпала экстенсивные методы экономического развития и продолжала опережать Южную Корею по производству некоторых видов промышленной продукции, о чем свидетельствует следующая таблица.

Таблица № 1

Сравнительные показатели производства некоторых видов промышленной продукции в КНДР и РК в 1970 г.

Продукция	КНДР	РК
Электроэнергия, млрд кВт/ч	16,5	11,0
Уголь, млн т	27,5	12,4
Сталь, млн т	2,2	1,3
Минеральные удобрения, млн т	1,5	0,6
Химическое волокно, тыс. т	33,0	25,0
Бумага, тыс. т	113,0	103,0

В 1970 г. принят второй шестилетний план (1971—1976 гг.), главная задача которого — дальнейшее укрепление материально-технической базы социализма. Рост промышленной продукции планировалось увеличить в 2,2 раза, в том числе предметов широкого потребления — в 2 раза, среднегодовые темпы прироста должны были составить 10,3%; к 1976 г. национальный доход на душу населения должен был вырасти до 900 вон против 500 вон в 1966 г. Хотя официально об итогах выполнения шестилетки не сообщалось, однако по ряду показателей экономика КНДР заметно продвинулась вперед. В частности, производство электроэнергии выросло до 28 млрд кВт/ч (в 1970 г. — 16,5), угля — до 50 млн т (27,5), стали — до 3,8 млн т (2,2), цемента — до 7,5 млн т (4,0).

СССР сыграл значительную роль в экономическом строительстве в Северной Корее. Именно благодаря помощи Советского Союза в КНДР были созданы основы национальной экономики. При советской помощи на Севере построено более 70 народнохозяйственных объектов. На этих предприятиях в конце 80-х годов производилось около 60% всей электроэнергии, 33% стали и проката черных металлов, 10% кокса, 50% нефтепродуктов, 13% химических удобрений, 19% тканей, добывалось 40% железной

руды. Общий долг КНДР перед СССР к 1991 г. составлял около 4 млрд рублей в ценах 1990 года.

Советская помощь, конечно же, не могла решить всех проблем КНДР. С годами она сокращалась, чему в немалой степени способствовало негативное отношение Пхеньяна к международной экономической кооперации и интеграции.

На V съезде ТПК (1970 г.) были подведены итоги политического развития страны. В частности, было заявлено, что в результате предпринятых мер «были сорваны заговорщические происки классовых врагов, изолирована ничтожная кучка враждебных элементов». Речь, естественно, шла об устранении Ким Ир Сеном тех кадровых работников, которые либо ориентировались на соблюдение демократических норм жизни в партии и в государстве, либо отстаивали свои клановые интересы.

На съезде было также декларировано установление в корейском обществе «единой идеологической системы». Подчеркивалось, что все население руководствуется принципом — «не признавать никаких других идей, кроме революционных идей чучхе». Важным тезисом, прозвучавшим с трибуны съезда, стало заявление о том, что руководству КНДР удалось добиться усиления военной мощи «путем вооружения всего народа и превращения всей страны в крепость».

Таким образом, к началу 70-х годов, группировка Ким Ир Сена одержала окончательную победу над своими противниками. В КНДР утвердилась система неограниченной власти Ким Ир Сена, который последовательно проводил курс на построение тоталитарного общества — «социализма корейского образца».

В этот период активизируются международные связи КНДР. Ее внешнеполитические приоритеты концентрируются главным образом в «третьем мире». Если в 1970 г. Северная Корея поддерживала дипломатические отношения с 35 государствами, то в 1975 г. — с 78, а в 1982 г. их число возросло до 108. В 1973 г. КНДР получила статус постоянного наблюдателя при ООН; в 1975 г. — член движения неприсоединения; в 1976 г. — член «группы 77».

Изменения в экономической и общественно-политической жизни северокорейского общества, произошедшие после 1948 г., были отражены в новой конституции 1972 г. В основном законе КНДР нашли юридическое закрепление сформулированные Ким Ир Сеном особенности внутренней и внешней политики. Идеи «чучхе» объявлены государственной идеологией, за ТПК закреплена руководящая роль в обществе. Принципам самостоятельности, независимости, самообороны придан высший правовой статус.

Кардинальные изменения были осуществлены в структуре высших и местных органов власти. Введен пост Президента КНДР, на который был избран Ким Ир Сен. Центральный на-

родный комитет (ЦНК) объявлен «высшим руководящим органом». Фактически он сочетал в себе функции главы государства, госсовета и правительства. Работой ЦНК руководил президент страны.

В период 1978—1984 гг. в КНДР осуществлялся семилетний план экономического развития. В течение этих лет в экономике страны усилились межотраслевые диспропорции, продолжали нарастать экономические трудности. Сделав развитие тяжелой индустрии приоритетом экономической политики, руководство КНДР не уделяло должного внимания вопросам повышения жизненного уровня населения. В стране продолжалось нормированное снабжение населения продуктами питания и товарами широкого спроса. Ставка была вновь сделана на энтузиазм народных масс. Активизировалась пропаганда лозунгов «опоры на собственные силы», «тэанской системы», «духа и метода Чхонсанри» и др. (В конце 70-х годов по инициативе Ким Чен Ира проводятся «70-дневные, 100-дневные скоростные бои», в ходе которых трудовые коллективы обязаны выполнить свои плановые задания. Согласно «тэанской системе», партком становится главным управляющим производством. В 1961 г. Ким Ир Сен посетил тэанский электромеханический завод, после чего было объявлено о создании этой системы.)

«Дух и метод Чхонсанри» также создан Ким Ир Сеном. В 1960 г. он посетил село Чхонсан, провел там несколько дней, дал указания о том, как вести сельское хозяйство. Основной смысл «метода»: руководители должны «идти в массы», показывать пример энтузиазма и мобилизовывать людей на выполнение производственных планов).

Семилетний план 1978—1984 гг. оказался невыполненным. Было принято решение продлить его осуществление на два года. 1985—1986 гг. были объявлены периодом «нормализации» экономики. Руководство страны попыталось ввести некоторые изменения в действовавший с начала 60-х годов хозяйственный механизм. Основная идея реформы — внедрение хозрасчета в работу промышленных и сельскохозяйственных предприятий. При этом подчеркивалось, что «тэанская система» и «метод Чхонсанри» остаются незыблемыми элементами хозяйственного механизма.

Наряду с внедрением хозрасчетных отношений формировались крупные производственные объединения по отраслевому и территориальному принципу. В самостоятельные производственные единицы были сведены металлургические заводы с шахтами и рудниками, теплоэлектростанции с угольными бассейнами и транспортными предприятиями, текстильные фабрики и заводы химического волокна. С точки зрения организации производства объединения были наделены определенной самостоятельностью. Реальной отдачи эти нововведения все же не дали, хотя пресса

уверяла, что достигнуты «огромные» успехи в выполнении экономических планов.

В октябре 1980 г. на VI съезде Трудовой партии Кореи были рассмотрены итоги 10-летнего развития КНДР и задачи на 80-е годы. Съезд констатировал успешную реализацию провозглашенного курса на форсированное осуществление «трех революций — идеологической, технической и культурной». На предприятия, в кооперативы и государственные учреждения были направлены «группы трех революций» из числа молодых специалистов, в задачу которых входило оказание помощи партийным организациям. Фактически же это были группы молодежи, которые подчинялись непосредственно ЦК ТПК и имели право снимать с должности руководящих работников на местах.

В области «технической революции» ставились три задачи: сокращение различий между тяжелым и легким трудом, между сельскохозяйственным и промышленным трудом, а также освобождение женщин от «бремени домашних работ».

Осуществление «культурной революции» предполагало ускоренное развитие образования. На съезде отмечалось, что в стране полностью решена задача подготовки национальных кадров, создана широкая сеть вузов (170) и техникумов (481). Подготовлен 1 млн инженерно-технических работников. Введено всеобщее обязательное 11-летнее школьное обучение.

Съезд объявил генеральную линию в области идеологии — «преобразование всего общества на основе идей чучхе». Реализация этой задачи связывалась с «революционизированием всего общества по образцу рабочего класса, его интеллигентизацию». Достижение этих целей должно быть осуществлено путем перевода кооперативной собственности в общенародную, перевоспитания крестьянства и интеллигенции, поскольку считалось, что в их среде сохраняется «немало пережитков прошлого».

Осуществить перечисленные выше задачи северокорейское руководство намеревалось путем «форсированного развития народного хозяйства», что означало «подведение под него чучхейской базы, модернизацию и внедрение науки в производство».

На VI съезде ТПК была одобрена амбициозная экономическая программа — так называемые «10 экономических высот». Эти «высоты» стали заданиями семилетнего плана (1987—1993 гг.). Однако семилетка также не была выполнена, о чем было сообщено на декабрьском (1993 г.) Пленуме ЦК ТПК. Главными причинами невыполнения назывались осложнение международной обстановки, разрушение социалистического рынка, отвлечение значительных средств на оборону. Основные оценочные показатели экономического развития КНДР в 90-е годы изложены в следующей таблице.

Основные показатели экономического развития КНДР в 90-е годы

	Задания 3-го семи- летнего плана на 1993 г.	1990 г.	1993 г.	1995 г.	1998 г.	2000 г.
		оценка	оценка	оценка	оценка	оценка
Электроэнергия, млрд кВт/ч	100	35	27	18—20	15—18	14—16
Уголь, млн т	120	49,5	42	20—25	18—20	16—18
Сталь, млн т	10	4,2	3,2	20—21	1,8	1,6
Цветные металлы, млн т	1,7	0,3	0,3	0,18—0,2	0,15	0,13
Цемент, млн т	22	7,6	8,5	5,0—6,0	5,2	4,8
Химические удобрения, млн т	7,2	4,4	3,1	1,5—2,0	1,9	1,6
Ткани, млн пог. м	1500	600	200	120—140	110	100
Зерновые, млн т	15	6,8	5,6	3,7—3,9	4,5	5,1
в том числе рис	7	4,1	3,1	1,5—1,6	2,0	2,3
кукуруза	—	1,5	2,2	1,7—1,8	2,3	2,6
Морепродукты, млн т	11	2,2	1,2	0,6—0,7	0,6	0,5

Как видно из приведенной таблицы, экономическая ситуация в КНДР значительно ухудшилась. Властям не удалось затормозить темпы экономического спада. Ни интенсивная индоктринация всех слоев общества, ни организация массовых кампаний не смогли обеспечить вывод страны из тяжелого кризиса экономики. Вполне стало очевидным, что в КНДР сложилась недееспособная административно-командная система хозяйствования. Ее отличительные черты — приоритет военно-политических интересов над социальными запросами населения, «опора на собственные силы», всеохватывающее директивное планирование, ограничение материальных стимулов организации производства. В условиях кризисной ситуации в экономике руководство КНДР предприняло попытку привлечь в страну иностранный капитал. В 1993 г. принимаются законы об иностранных инвестициях, иностранном предпринимательстве, а также закон о свободных экономических зонах (СЭЗ). Одна из таких зон создана в районе Раджин-Сонбон (на границе с Китаем), однако вскоре выяснилось, что иностранные инвестиции не «спешат» в Северную Корею.

После распада СССР и ликвидации т.н. социалистического лагеря Северная Корея лишилась решающей экономической поддержки извне. Доказать преимущества своей «независимой» экономики она пока не смогла. Установление бывшими социалистическими странами дипломатических отношений с Южной Кореей,

объединение Германии, крушение режима Н. Чаушеску в Румынии были болезненно восприняты северокорейским руководством. Все его усилия в начале 90-х годов концентрировались на том, чтобы приспособиться к изменившейся международной обстановке, не допустить крушения режима и выжить.

В июле 1994 г. умирает Ким Ир Сен. Правящая элита объединяется вокруг его сына Ким Чен Ира, который становится Председателем Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР, Генеральным секретарем ТПК. Вопрос о передаче власти от Ким Ир Сена Ким Чен Иру был решен еще при жизни вождя. В 1973 г. группа ветеранов партии (Ким Ир — первый вице-президент КНДР, соратник Ким Ир Сена по партизанскому движению, О Дин У — министр обороны и др.) обратилась в Политкомитет ЦК ТПК с предложением «обеспечить наследование великого дела вождя». Это обращение было одобрено на закрытом заседании VI съезда ТПК (октябрь 1980 г.) и «единодушно воспринято всей партией, всей армией и народом».

В стране была развернута интенсивная кампания, призванная поднять авторитет Ким Чен Ира до уровня вождя нации. В Северной Корее слагаются легенды о его рождении, детских и юношеских годах жизни, публикуются романы, создаются произведения искусства, восхваляющие различные стороны его характера, публичной деятельности.

По официальной северокорейской версии, Ким Чен Ир родился 16 февраля 1942 г. в Корее в партизанском лагере в районе горы Пэктусан (по другим источникам — 16 февраля 1941 г. в военном городке под Хабаровском). В 1960 г. Ким Чен Ир окончил общеобразовательную школу, в 1964 г. — отделение политэкономии экономического факультета Университета им. Ким Ир Сена. Работал в аппарате ЦК ТПК, Главном управлении правительственной охраны.

В 1973 г. Ким Чен Ир кооптируется в члены ЦК ТПК и избирается секретарем ЦК ТПК.

В феврале 1974 г. он становится членом Политкомитета ЦК ТПК, в октябре 1980 г. избирается членом Президиума ЦК ТПК. В 1978 г. Ким Чен Иру присваивается звание героя КНДР за организацию и руководство «скоростными боями» и «успехи в укреплении экономики и обороноспособности страны». По случаю сорокалетия со дня рождения (1982 г.) ему вторично присваивается звание героя КНДР.

В 1991 г. Ким Чен Ир становится Верховным главнокомандующим КНА. Ему присваивается звание маршала КНДР.

После смерти Ким Ир Сена в руках Ким Чен Ира сосредоточилась огромная власть. Под его руководством осуществляется линия на приоритетное развитие армии.

По оценкам западных политологов, Ким Чен Ир обладает хорошими организаторскими способностями, является энергичным руководителем, склонен к принятию волевых, эмоциональных ре-

шений, рассчитанных на внешний эффект. В отношениях с подчиненными строг и требователен.

По своему мировоззрению Ким Чен Ир является выразителем корейской национальной идеи о приоритете субъективного начала по отношению к материальному миру, которая была заложена Ким Ир Сеном в идеях «чучхе».

После прекращения экономической помощи со стороны России, бывших социалистических стран, свертывания торгово-экономических связей с ними, а также ряда неурожайных лет и крупных стихийных бедствий ситуация в народном хозяйстве КНДР во второй половине 90-х годов стала крайне сложной. Ощущалась острая нехватка электроэнергии, топлива, большинства видов сырья. Около 80% промышленных предприятий практически бездействовало. Функционировал только военно-промышленный комплекс, в который направлялось до 80% средств госбюджета. Из-за стихийных бедствий, отсутствия химических удобрений и топлива сельское хозяйство испытывало серьезные трудности. В стране ежегодно ощущался дефицит продовольствия.

Особенно тяжелый период выпал на 1995—1997 гг., когда население КНДР постиг голод. От недоедания и болезней резко возросла смертность населения. По зарубежным данным, в середине 90-х годов в КНДР умерло более 1 млн человек. Ежедневная норма выдачи продуктов питания составляла 100—200 граммов. Международные гуманитарные поставки продовольствия помогали стране выжить. В 1996—2000 гг. Северная Корея получала ежегодно до 1 млн т продовольствия в виде гуманитарной помощи, главным образом, из США, Южной Кореи, Японии и Китая. Однако указанная помощь не решала продовольственную проблему, поскольку она не была направлена на совершенствование производственной базы земледелия.

Экономический кризис привел к фактической деиндустриализации страны. Темпы падения производства промышленной продукции в 1992—1999 гг. составили около 80%, ВВП, по оценкам, сократился до 9 млрд долл. (в 1990 г. — 22 млрд долл.). По южнокорейским данным, объем ВВП КНДР в 2001 г. составил 16,8 млрд долл. Более 1 млн человек стали безработными. Свыше 500 тыс. человек вынуждены покинуть города и перебраться в сельские районы в надежде заняться там сельским хозяйством. Примерно такое же количество граждан КНДР незаконно иммигрировало в Китай.

В условиях жесткого экономического кризиса власти в очередной раз делают ставку на усиление корейского национализма. Население убеждали, что «корейская нация лучше всех», а первейшим долгом всех корейцев является защита «идей, политики, здоровья и авторитета полководца Ким Чен Ира», а также строительство «могучей державы». При этом указывается, что могуществен-

ная держава уже построена в области идеологии, политики и обороны. Осталось «достроить» лишь экономическую составляющую.

Одновременно происходит дальнейшая милитаризация общественной жизни. Укрепление обороноспособности объявлено «важнейшим» из всех государственных дел. По зарубежным источникам, в конце 90-х годов армия КНДР насчитывала в своих рядах более 1 млн человек, 3600 танков, 600 самолетов, более 400 кораблей. Кроме того, в стране сформированы красная гвардия (1,5 млн чел.) и 700-тысячная молодежная гвардия. На все эти цели тратится до 25% ВВП.

Обстановка «осажденной крепости», повседневно использование военных методов управления и организации общественной жизни стали единственной альтернативой выживания режима, а армия — гарант обеспечения этой альтернативы.

Стратегическая линия на «приоритет винтовки» нашла юридическое закрепление в поправках к Конституции КНДР, принятых в 1998 г. В частности, повышен статус и расширены функции Государственного комитета обороны (ГКО), в ведение которого переданы «важнейшие политические, военные и экономические вопросы».

Северокорейский военный истеблишмент получил широкое представительство в Верховном Народном Собрании (10%). Укрепились позиции военных и в партийных органах (в составе ЦК ТПК им принадлежит 10% мест). Усиление влияния военных сопровождалось снижением роли ТПК и ее органов. Более 20 лет не созывается партийный форум (последний VI съезд ТПК состоялся в октябре 1980 г.).

Поправки к Конституции коснулись прежде всего системы высших органов государственной власти. Упразднен пост президента страны. Коллективным главой государства стал Президиум Верховного Народного Собрания, а его председатель выполняет функции главы государства во внешних сношениях.

Вновь воссоздана система Кабинета министров — правительства страны, которая заменила ранее существовавшие Центральный народный комитет и Административный совет. Административно-экономические комитеты на местах упразднены, функции органов исполнительной власти теперь выполняют народные комитеты.

Установленная Конституцией система высших и местных органов власти находится фактически под контролем ГКО и его территориальных органов, работает в соответствии с указаниями этого комитета.

Председателем Президиума ВНС избран Ким Ен Нам, один из опытных государственных деятелей страны.

Ким Ен Нам родился в 1928 г., в 50-х годах окончил исторический факультет Ростовского университета, затем учился в аспиран-

туре Академии общественных наук при ЦК КПСС. Хорошо владеет русским и японским языками.

Его послужной список связан с ЦК ТПК и МИД. Он был заведующим международным отделом ЦК ТПК (1972—1983 гг.), секретарем ЦК ТПК (1974—1983 гг.), кандидатом в члены, затем членом Политбюро ЦК ТПК (1974—1983 гг.).

С 1983 г. Ким Ен Нам становится заместителем Премьера Административного совета и министром иностранных дел. В 1998 г. — Председателем Президиума Верховного Народного Собрания КНДР.

Будучи одним из приближенных к Ким Чен Иру лиц, Ким Ен Нам как бы «уравновешивает» мощную армейскую группировку в руководстве. Благодаря его усилиям удалось нейтрализовать наиболее жесткие акции американской администрации в отношении КНДР.

2. Основные этапы развития Республики Корея (1948—2000 гг.).

От Второй до Шестой Республики

Национальное собрание, избранное на Юге Кореи 10 мая 1948 г., приняло конституцию западного образца, которая представляла собой комбинацию президентской и парламентской форм правления, а 20 июля избрало президентом страны 73-летнего ветерана национально-освободительного движения Ли Сын Мана. Со времени инаугурации первого президента в августе 1948 г. ведется отсчет периода Первой республики.

Ли Сын Ман настаивал на провозглашении суверенитета Южной Кореи еще в 1947 г., независимо от результатов деятельности Совместной советско-американской комиссии по Корее, а также консультаций политических партий Севера и Юга. Он торопился взять власть, поскольку движение националистических сил, выступавших против юридического оформления раскола страны, неуклонно нарастало.

К тому времени на Юге насчитывалось свыше двухсот политических партий, соперничавших за власть. В качестве правящей выступала Корейская национальная партия (Тэхан кукминдан), созданная в 1948 г. и преобразованная затем в Либеральную партию (Чаюдан). Основной оппозиционной стала Демократическая национальная партия (Минчжу кукминдан), переименованная в 1955 г. в Демократическую партию (Минчжудан). Попытки создать коалицию умеренных центристов оказались неудачными. Деятельность левых и националистов, которые к моменту освобождения страны оказались наиболее организованной и влиятельной силой, была запрещена, а их лидеры подверглись репрессиям. Некоторым из них, в том числе руководителю южнокорейских коммунистов Пак Хен Ену удалось бежать на Север. Судьба других претендентов на пост президента сложилась трагически.

Лидер националистов, бывший союзник Ли Сын Мана в борьбе за независимость страны, председатель Временного правительства Кореи в Шанхае Ким Гу, руководители крайне правой Демократической партии Кореи Сон Дин У, умеренной правой коалиции Чан Док Су и Е Ун Хен были уничтожены накануне президентских выборов. Таким образом, у Ли Сын Мана не оказалось серьезных соперников, к тому же он был единственным претендентом на президентский пост, которого поддерживала американская военная администрация.

Политическая биография Ли Сын Мана (1875—1965) складывалась под влиянием движения сопротивления корейцев японскому колониальному господству. В 1898—1904 гг. он попадает в тюрьму за участие в студенческом движении, требовавшим избрания корейского национального собрания. После выхода из тюрьмы Ли Сын Ман уезжает в Америку. Большую часть своей жизни провел в США, стал первым корейцем, который получил в США ученую степень доктора и профессора. В 59-летнем возрасте он женится на австрийке Франческе Доннер (1900—1992).

В 1919 г. Ли Сын Ман участвовал в создании Временного корейского правительства в Шанхае и был, как упомянуто ранее, избран его председателем. В 20-х годах Ли Сын Ман предпринял безуспешные попытки установить связи с Коминтерном в целях обеспечения сотрудничества между коммунистами и антияпонским движением националистов. До 1945 г. проживал в США.

Личность Ли Сын Мана продолжает привлекать внимание исследователей, поскольку он оказал большое влияние на развитие не только Кореи, но и политической обстановки в регионе. Его трактовка ряда аспектов национальной независимости и реформирования постколониального общества дает возможность понять мотивы как позитивных перемен, так и ошибок, имевших место в период Первой республики, составить более полное представление о политических реалиях современной РК.

Мировоззрение Ли Сын Мана, крупного деятеля национально-освободительного движения и одного из «отцов-основателей» корейской государственности на Юге Кореи, формировалось под влиянием христианского Запада. Свою миссию он видел в том, чтобы приблизить Корею к англо-американскому Западу, к мировой цивилизации. При этом его не интересовало, как скажется вестернизация на этнической ментальности корейцев. Россия была антиподом его идеалов и представлялась ему средоточием зла, алчности и бесцеремонности.

Пройдя американскую школу жизни, Ли Сын Ман не стал демократом. На посту президента Республики Корея он проявил себя как жесткий диктатор, не признающий политических соглашений или компромиссов. Мир он видел как существование черного и белого, без оттенков и нюансов. Его стремление к упрочению личной власти вступало в конфликт с той политической системой, которую он в силу своих обязательств перед США был вы-

нужден создавать. В конечном счете, он все же свел на нет систему демократических выборов, а также конституционные гарантии предотвращения произвола со стороны исполнительной власти. В 1954 г. ему удастся с помощью силы заставить парламент отменить ограничение на избрание президента больше, чем на два срока подряд. Таким образом, на этот пост он переизбирался трижды в 1952, 1956 и 1960 годах.

Основным инструментом реформирования в сторону авторитаризма созданной на Юге Кореи политической системы стал Закон о национальной безопасности, принятый парламентом по инициативе президента в ноябре 1948 г. Формально закон был призван пресекать антиправительственную деятельность, но фактически он стал орудием политической борьбы властей против любой оппозиции. Политической проверке подвергались все государственные структуры, включая армию, средства массовой информации, учебные заведения. К весне 1950 г. в тюрьмах оказалось около 60 тыс. человек, большинство из которых не имело никакого отношения к коммунистам или другим левым организациям, в том числе 60 членов парламента.

По мере обострения противоречий между США и СССР — бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции их отношения переросли в конфронтацию. В США была развернута шумная антикоммунистическая кампания, которая оказалась созвучной политическим настроениям в Сеуле. Ли Сын Ман оказался более непримиримым противником левых, чем Запад. Его откровенные призывы атаковать Север и покончить с коммунистами, даже если это приведет к третьей мировой войне, шокировали официальный Вашингтон. Западные обозреватели называли Ли Сын Мана «человеком войны». Поэтому ни для кого не стали неожиданными вооруженные конфликты вдоль 38-й параллели в Корее, которые начались еще весной 1949 г. и приобрели форму позиционной войны. Логичным был и отказ Ли Сын Мана подписать соглашение о перемирии в 1953 г., поскольку он настаивал на продолжении войны до победного конца.

После освобождения экономика Южной Кореи находилась в состоянии разрухи и хаоса. К концу 1949 г. в стране наметились позитивные перемены. При поддержке США стабилизировались финансы, стало налаживаться промышленное и сельскохозяйственное производство. В 1950 г. проведена неоднократно откладывавшаяся властями земельная реформа, которая дала возможность крестьянам работать на своих наделах, но не избавила их от бедности. Появились первые финансово-промышленные корпорации, которые, пользуясь привилегиями со стороны правительства, монополизировали рынок сбыта, потеснив традиционный для Кореи малый и средний бизнес на вторые позиции.

Однако справиться с трудностями переходного периода в период Первой республики правительству не удалось, поскольку в стране не было политической стабильности. В итоге страна оказа-

лась ввергнута в более серьезный экономический кризис, чем могли предполагать американские советники, и более опасную политическую смуту, которую могли бы инспирировать левые.

Открытое проявление недовольства вызывало стремление Ли Сын Мана сохранить власть любой ценой, в том числе в ущерб демократии. Постоянным раздражителем было также то, что он сохранил собственность и привилегии тех, кто ранее сотрудничал с японскими колониальными властями. Рост инфляции и безработицы, застой в экономике становились причиной многочисленных конфликтов. Демонстрации, протесты, забастовки расценивались властями как происки коммунистов и подавлялись силами полиции и армии.

Очередные президентские выборы 15 марта 1960 г. и их грубая фальсификация послужили поводом к народному восстанию. Студенческие демонстрации в Масане, а затем в Сеуле с требованием «Долой Ли Сын Мана!» власти в очередной раз пытались подавить с помощью полиции и армии. Однако солдаты не выполнили приказ стрелять в безоружных людей. Понимая неизбежность падения режима Ли Сын Мана, от его поддержки отказались и американцы. Восстание набирало силу, в нем участвовало почти полмиллиона человек. Не обошлось и без жертв: около двухсот человек погибло, число раненых превысило 6 тыс. человек. В этих условиях парламент принял резолюцию, требующую отставки президента. Ли Сын Ман был вынужден покинуть страну и до конца своей жизни (1965 г.) обосноваться на Гавайях.

Вторая Республика начала отсчет времени с 1 октября 1960 г., когда вступил в должность президента лидер Демократической партии Юн Бо Сон.

Просуществовавшее с апреля по октябрь 1960 г. переходное правительство Хо Джона не имело времени для проведения существенных перемен в жизни страны. Оно ограничилось наказанием некоторых полицейских чиновников, виновных в расстрелах демонстрантов и фальсификации выборов. Требование расследовать преступления прежнего режима осталось без внимания, что породило популярный в то время афоризм — «украли революцию». Претензии к прежней власти переносились частично и на американское военное командование, которое не помешало направить вооруженные силы РК на подавление демонстрантов.

Юн Бо Сон был избран президентом на заседании двухпалатного Национального собрания в августе 1960 г., премьер-министром стал Чан Мён. Приход к власти прежних оппозиционеров породил иллюзии торжества свободы, всеобщей демократии и справедливости. Политические партии и общественные организации обрели возможность открыто провозглашать свои идеалы, выдвигать требования к властям. В правящей партии произошел раскол, в 1961 г. от нее отделилась Новая демократическая партия

(Синминдан), ставшая оппозиционной. Президент остался в прежней партии, тогда как премьер-министр Чан Мён — в новой.

Заметные перемены произошли в подходе Сеула к проблемам объединения страны. На смену воинственной доктрине «похода на Север» приходили рассуждения о диалоге и мирном объединении с Севером. Хотя предложение Пхеньяна о создании конфедерации Севера и Юга было отвергнуто, власти впервые после 1945 г. не стали запрещать обсуждения в печати проблем воссоединения. Веским аргументом в пользу нового подхода к КНДР были надежды на восстановление хозяйственных связей на полуострове, что могло бы оздоровить финансы и деловую активность, ослабить инфляцию и безработицу на Юге.

Таким образом, после 12-летнего правления «твердой руки» наступила пора политического хаоса, активизации движения за установление контактов с Северной Кореей, что вызывало тревогу у правящей элиты. Решение сократить армию и военные расходы оказалось роковым для властей.

Военный переворот. Третья и Четвертая республики. 16 мая 1961 г. военная хунта во главе с генералом Пак Чжон Хи совершила государственный переворот с согласия президента Юн Бо Сона, как утверждают некоторые историки. В стране было введено военное положение. Правительственные учреждения были взяты под контроль армией, распущены парламент и политические партии, запрещены митинги, демонстрации, закрыт ряд газет и журналов, введена цензура.

Высший совет государственной реконструкции, состоящий из 32 военных чинов и наделенный законодательной и исполнительной властью, взял курс на искоренение коррупции, развитие экономики и объединение нации, а также обязался передать власть гражданскому правительству после выполнения задач революции.

Военный переворот 1961 г. положил начало 30-летнему периоду правления генералов в истории Южной Кореи. Все они приходили к власти с помощью силы.

В период правления военной хунты страна находилась в режиме военного времени. В административных органах преобладали военные офицеры, военные трибуналы заменяли гражданское судопроизводство. Политическая жизнь в стране находилась под контролем созданного в июне 1961 г. полковником Ким Чжон Пхилем Центрального разведывательного управления с полномочиями американского ЦРУ и ФБР вместе взятыми. Опубликованы списки 4 тыс. политических деятелей (левых, центристов и консерваторов), которым запрещалось заниматься политикой в течение шести лет.

В феврале 1963 г. Ким Чжон Пхиль создает Демократическую республиканскую партию (Минчжу конхвадан), которая лишь формально считалась правящей, но фактически ей отводилась

роль популяризатора политики военных властей. В октябре 1963 г. Пак Чжон Хи вышел в отставку с военной службы и был избран президентом РК. В декабре вступила в силу новая конституция, ознаменовавшая начало Третьей республики.

Пак Чжон Хи (1917—1979) начинал свою трудовую деятельность в качестве школьного учителя, затем перешел на военную службу, закончил военную академию в Корее, а затем в Японии. В 1948 г. принимал участие в революционном движении молодых революционеров, за что был приговорен к расстрелу, но помилован. Его брат был казнен американской военной администрацией за причастность к коммунистическому движению.

К концу корейской войны Пак Чжон Хи дослужился до звания бригадного генерала, учился в артиллерийской школе в США, в 1961 г. стал полным генералом.

Пак Чжон Хи был еще дважды переизбран президентом РК на выборах в 1967 и 1971 годах. Его 18-летнее правление ознаменовалось большими переменами в жизни страны и населения. Главным его достижением было то, что впоследствии получило название «корейского экономического чуда». В наследство режиму досталась слабая и отсталая экономика. Более 50% бюджета страны и 70% ее военных расходов обеспечивалось за счет экономической помощи США. Южнокорейская элита не могла примириться с тем, что Северная Корея опережала РК практически по всем параметрам экономического развития.

Администрация Пак Чжон Хи берет на вооружение экспортно-ориентированную модель развития, вводит практику пятилетнего планирования экономики, предоставляет финансовые льготы и государственные кредиты предприятиям, работающим на экспорт. К концу 1970 г. образовалось 15 крупных финансово-промышленных групп, пользующихся поддержкой правительства. Возросла роль мелкого и среднего бизнеса, технократов и интеллектуалов в администрации. Среднегодовой прирост в экономике составил 9,2%, ВВП на душу населения вырос с 87 долл. в 1962 г. до 1503 долл. в 1980 г. Темпы роста экспорта за тот же период составили 32,8%. Развернутое по инициативе президента в 1971 г. движение «за новую деревню» изменило условия жизни и эффективность труда крестьян. Послереформенное крестьянство при поддержке властей постепенно выходило из состояния нищеты. К 1971 г. южнокорейский бюджет перестал зависеть от американской экономической помощи, а военная — составляла 10% расходов соответствующей статьи бюджета.

За время своего правления Пак Чжон Хи прошел путь от военной диктатуры до «демократии корейского образца», которая не исключала авторитарного стиля руководства и возможности применения силы. Он не приветствовал участие политических партий и широких масс населения в решении общенациональных проблем. В соответствии с принятым в июле 1961 г. «антикоммунистическим законом» запрещались дискуссии или какие-либо

акции в поддержку объединения Севера и Юга Кореи. Нарушители закона карались смертной казнью или тюремным заключением на срок от 5 до 15 лет. За годы военного режима было наказано более 20 тыс. человек, в том числе лидеры правых и националистических партий, ученые, редакторы газет, преподаватели университетов, деятели культуры.

В октябре 1972 г. президент принимает решение сконцентрировать в своих руках все рычаги власти и все ресурсы страны в целях обеспечения политической стабильности, превосходства в экономическом соревновании с КНДР и выхода республики на уровень развитых стран мира. Снова распускаются парламент и политические партии, изменяется конституция. Вместо Национального собрания учреждается Национальная конференция объединения, состоящая из 2359 независимых депутатов, одна треть которых назначается президентом страны.

Новая конституция, названная конституцией «Юсин» («Обновление»), была одобрена на референдуме и символизировала начало Четвертой республики. Фактически она узаконила диктатуру президента и возможность продления его власти на неограниченный срок. Идеологической основой обновления стали идеи «чучхесон» (субъективности), предполагающие приоритет национальных интересов.

Существуют различные мнения по поводу мотивации конституционной революции «Юсин». Одни считают, что концентрация ничем не ограниченной власти понадобилась президенту для подавления растущей активности оппозиционных сил. Другие полагают, что для Пак Чжон Хи было важно обеспечить политическую стабильность и общественный порядок в стране в начавшемся процессе сближения Севера и Юга Кореи. Третьи видят в реформах Пак Чжон Хи стремление создать государство с развитой экономикой, а, следовательно, и с более независимой внешней политикой. В любом случае реформы «Юсин» явились одной из причин задержки демократического развития и сохранения авторитарных тенденций в политической культуре страны.

Во внешней политике Пак Чжон Хи удалось достигнуть немалых результатов. В июне 1965 г. происходит нормализация отношений РК с Японией, что стимулировало дальнейшую модернизацию южнокорейской экономики. В 1965—1973 гг. РК посылает в Южный Вьетнам свой воинский контингент. Через вьетнамскую войну прошло более 350 тыс. южнокорейских солдат и офицеров, которые воевали на стороне США. В этой войне погибло свыше 3 тыс. корейцев.

Трудным испытанием для Пак Чжон Хи явилось решение США о сокращении своего военного присутствия в Азии. Доктрину Никсона в декабре 1969 г. Пак Чжон Хи воспринял как признак ослабления американской экономической и военной гегемонии, от которой во многом зависели безопасность и процветание

Южной Кореи. Последовавший за этим вывод в 1970 г. из Южной Кореи одной из расквартированных там двух пехотных дивизий США (20 тыс. солдат) подтвердил опасения Сеула.

Пак Чжон Хи прослыл как последовательный националист и довольно строптивый генерал, который не всегда принимал во внимание интересы своего американского союзника. По его инициативе в конце 70-х годов в Южной Корее была предпринята попытка производства ядерного оружия, которое, как он полагал, должно было удерживать Северную Корею от агрессии на Юг. Американцам потребовалось немало усилий для того, чтобы остановить ядерные амбиции Сеула. Весной 1975 г. в США разразился скандал, связанный с тем, что ЦРУ Южной Кореи пыталось подкупить ряд конгрессменов в обмен на принятие сенатом США выгодных для Сеула решений («Koreagate»).

Крупные подвижки произошли в межкорейских отношениях. После первых конфиденциальных контактов между Севером и Югом Кореи в 1961 г., которые не дали практических результатов, в 1971 г. состоялись переговоры на уровне представителей обществ Красного Креста, а в мае 1972 г. — политические контакты. Итогом переговоров явилось Совместное заявление от 4 июля, в котором стороны зафиксировали стремление добиваться объединения страны мирным путем.

В период правления Пак Чжон Хи были установлены первые неофициальные контакты между СССР и РК на уровне представителей общественности.

Авторитарный и репрессивный режим президента все более вступал в противоречие с ростом экономического потенциала страны. Благополучие граждан, гарантия их прав и свобод не соответствовали уровню экономического развития республики. Трудовые конфликты и забастовки рабочих стали обыденным явлением. Арест в 1979 г. лидеров оппозиции Ким Дэ Чжун и Юн Бо Сона, лишение Ким Ен Сама депутатского мандата обострило политическую ситуацию. Разразился парламентский кризис, в регионах начались массовые демонстрации.

В октябре президент объявил в стране военное положение. 26 октября 1979 г. начальник ЦРУ Ким Чэ Гю потребовал от Пака уступок и реформ, но, получив отпор, убил президента. Премьер-министр Цой Гю Ха (Чхве Гю Ха) становится исполняющим обязанности президента и вводит в стране военное положение. Вскоре Национальная конференция объединения избирает его президентом.

Пятая республика. Избрание Цой Гю Ха президентом не принесло стабильности Южной Корее. В стране продолжались антиправительственные выступления. Более 20 южнокорейских городов было охвачено волнениями. Наиболее крупные демонстрации, переросшие в восстание, развернулись в г. Кванчжу в мае

1980 г. На подавление восстания были брошены специальные войска, которыми руководил генерал Чон Ду Хван.

В условиях нарастания серьезного политического кризиса южнокорейские военные во главе с Чон Ду Хваном совершили государственный переворот. Гражданское правительство президента Цой Гю Ха было отстранено от власти, парламент распущен, разогнаны политические партии.

В октябре 1980 г. обнародуется новая Конституция РК. В феврале 1981 г. Чон Ду Хван избирается президентом РК на семилетний срок.

После отмены военного положения в январе 1981 г. появилась возможность для легализации политической жизни. В апреле приступило к работе Национальное собрание.

Чон Ду Хван родился 18 января 1931 г., получил классическое конфуцианское воспитание. В 1951 г. окончил военную академию, проходил воинскую службу вместе с Пак Чжон Хи, был его секретарем в звании капитана. В 70-х годах воевал во Вьетнаме на стороне американских войск. В 1979 г. был командующим войсками общественной безопасности. В звании бригадного генерала принимал участие в подавлении восстания жителей г. Кванчжу, где погибло, по меньшей мере, 190 мирных жителей.

Как и ожидалось, Чон Ду Хван сохранил тот же авторитарный режим власти, который существовал при Пак Чжон Хи. Поэтому обстановка в стране оставалась довольно напряженной. Проблема легитимности режима вызывала острые дискуссии, оппозиционные силы в парламенте требовали введения системы прямых выборов президента.

Несомненной заслугой генерала было то, что он не стал добиваться повторного избрания на пост президента. Впервые власть мирно перешла к другому президенту конституционным путем.

Шестая республика привела к власти очередного военного деятеля, генерала Ро Дэ У, который попытался заменить авторитарные традиции политической жизни демократическими. Выйдя в отставку, генерал предложил новую редакцию конституции. Он избирается президентом на первых за минувшие 16 лет прямых выборах в декабре 1987 года.

Ро Дэ У родился 4 декабря 1932 г. в крестьянской семье. С 1950 г. служил в армии, в 1955 г. окончил военную академию, воевал во Вьетнаме. В 1981 г. ушел в отставку и был назначен министром по политическим делам, затем министром по делам спорта, министром внутренних дел в правительстве Чон Ду Хвана, председателем оргкомитета сеульских Олимпийских игр. В 1985 г. избирается членом Национального собрания, председателем правящей Демократической партии справедливости.

Завоевав пост президента, Ро Дэ У делает ставку на сотрудничество с оппозиционными силами и принимает практически все их требования. Население приветствовало отмену ряда недемокра-

тических законов, освобождение части политических заключенных, прекращение вмешательства правительства в деятельность органов информации. Начинается расследование преступлений прежних властей, в том числе расправы над сторонниками демократических реформ в г. Кванчжу.

На выборах в Национальное собрание в апреле 1988 г. большинство мест получила правящая Демократическая партия справедливости, за ней следовали Партия за мир и демократию Ким Дэ Чжуна, Демократическая партия за объединение Ким Ен Сама и Новодемократическая республиканская партия Ким Чжон Пхия. В январе 1990 г. правящая партия объединилась с партиями Ким Ен Сама и Ким Чжон Пхия, образовав Новую демократическую, с 1991 г. — Демократическую партию.

В годы правления администрации Ро Дэ У республика достигла заметного прогресса. Усилия президента по примирению и консолидации общества способствовали развитию экономики и росту благосостояния населения. В лучшую сторону изменился имидж РК на международной арене. Впервые в своей истории страна стала хозяйкой летних Олимпийских игр 1988 года.

Позитивные результаты принесла т.н. «северная политика» президента, реализация которой дала возможность стране нормализовать отношения с СССР и Китаем, вступить в ООН, провести серию контактов между Севером и Югом Кореи на уровне премьер-министров. Ро Дэ У был первым президентом РК, который в декабре 1990 г. посетил СССР и подписал Декларацию об общих принципах отношений между двумя странами. Ориентируясь преимущественно на внешнеполитический курс США, Ро Дэ У стремился строить отношения с соседними государствами на основе интересов своей страны.

Администрация Ким Ен Сама функционировала в рамках конституции Шестой республики. Избранный в декабре 1992 г. Ким Ен Сам стал первым после военного переворота 1961 г. гражданским президентом. Будучи на протяжении многих лет одним из лидеров оппозиции, он пришел к власти благодаря поддержке правящей партии.

Ким Ен Сам оказался в ситуации, когда основные перемены демократического характера были осуществлены прежней администрацией. Поэтому он сосредоточил усилия на оздоровлении общества, на борьбе с коррупцией. Во внешней политике он избрал курс на глобализацию связей РК, а также на улучшение отношений с Северной Кореей.

Ким Ен Сам родился 30 декабря 1927 г. в семье рыбака. В 1952 г. окончил Сеульский национальный университет и избрал политическую карьеру. В 1954 г. становится депутатом Национального собрания, с 1961 г. — один из лидеров оппозиции. В 1974 г. его избирают руководителем Новой демократической партии. Неоднократно подвергался преследованиям со стороны военных властей.

Приобрел репутацию опытного политика и последовательного борца за демократию.

За время правления администрации Ким Ен Сама происходила дальнейшая демократизация общественной жизни, укреплялась дисциплина, поощрялось трудолюбие, приверженность нравственным и духовным принципам.

Борьба с коррупцией приобрела небывало широкий размах. Публиковались сведения о финансовом состоянии политических деятелей, правительственных чиновников, военных начальников, университетской профессуры и деятелей культуры. Часть депутатов Национального собрания, министров правительства и чинов администрации была вынуждена уйти в отставку, в отношении других было возбуждено следствие. В тюремном заключении оказались «неприкасаемые» в прошлом министры обороны и начальники штабов родов войск, высшие чины полиции, банкиры. Кульминацией кампании по восстановлению законности стал суд над двумя предыдущими президентами страны Чон Ду Хваном и Ро Дэ У, приговоренными к тюремному заключению за причастность к гибели демонстрантов в Кванчжу и коррупцию.

Антикоррупционные реформы Ким Ен Сама получили название «спокойной революции», но они дорого обошлись самому президенту, члены семьи которого оказались замешанными в финансовых махинациях. И только точный расчет президента на поддержку его курса со стороны широких слоев населения не позволил дестабилизировать политическую обстановку в стране.

Однако власти упустили момент, когда экономика исчерпала резервы развития и стала пробуксовывать. Попытки сохранить темпы развития за счет новых инвестиций оказались неэффективными, а на глубокое реформирование экономики власти не решились. К концу правления администрации Ким Ен Сама кризисные тенденции в экономике неотвратимо нарастали.

Во внешней политике Ким Ен Сам продолжал ориентироваться на США, выдвигая в качестве приоритетной задачи участие в процессе глобализации. Проявилась тенденция к игнорированию интересов России в урегулировании проблем Корейского полуострова, к замедлению темпов развития двусторонних торгово-экономических связей.

У администрации были планы радикального улучшения отношений с Северной Кореей, но она не смогла их реализовать, допустив ряд тактических просчетов: возобновила проведение совместных с США военных маневров, неадекватно отреагировала на смерть президента КНДР Ким Ир Сена. Намечавшаяся на осень 1994 г. встреча Ким Ен Сама и Ким Ир Сена не состоялась, в межкорейском диалоге наступила длительная пауза.

Администрация Ким Дэ Чжуна. На президентских выборах в декабре 1997 г. победу впервые одержал известный борец за демо-

кратию, лидер оппозиции Ким Дэ Чжун. Вступил в должность президента 25 февраля 1988 года.

Ким Дэ Чжун родился 3 декабря 1925 г. в крестьянской семье, окончил коммерческую школу, работал в судоходной компании. В 1970 г. получил степень магистра экономики в университете Кенхи, в 1992 г. — доктора политических наук в Дипломатической академии МИД России.

В политическую деятельность включился в 1960 г. в качестве спикера правящей Демократической партии. На следующий год избирается депутатом Национального собрания, которое было распущено через четыре дня после выборов. С ноября 1963 г. — депутат Национального собрания, с 1965 г. — член руководства оппозиционной Демократической, затем Новой демократической партии.

Своими выступлениями против диктатуры военной хунты Ким Дэ Чжун приобрел известность как последовательный приверженец демократических свобод. На этой почве он неоднократно вступал в конфликт с властями, за что подвергался преследованиям. В общей сложности он провел шесть лет за тюремной решеткой, пережил 55 домашних арестов и 16 лет запрета на политическую деятельность. В 1972 г. Ким Дэ Чжун был вынужден эмигрировать в Японию, но агенты ЦРУ Южной Кореи в августе 1973 г. похитили Ким Дэ Чжуна и вывезли в РК.

За антиправительственную деятельность в 1980 г. ему выносят смертный приговор, который затем заменяют тюремным заключением сроком на 20 лет. В 1982 г. Ким Дэ Чжуну удается выехать в США. По возвращению на родину в 1985 г. он вновь подвергается домашнему аресту. Полностью реабилитирован и восстановлен в правах в 1987 г. Ким Дэ Чжун трижды баллотировался на пост президента в 1971, 1987 и 1992 годах.

Правление администрации Ким Дэ Чжуна совпало с началом финансового кризиса в ряде стран Азии, который стал для РК тяжелым испытанием. Для погашения долгов и предотвращения банкротства страны потребовались самоотверженные усилия всего населения, а также свыше 50 млрд долл., которые предоставил МВФ и другие международные организации.

Кризис и его последствия в значительной мере предопределили главные направления деятельности администрации президента. Ситуация осложнялась еще тем, что большинство мест в парламенте оказалось на стороне оппозиционной Партии великой страны (Ханнарадан). Тем не менее администрации Ким Дэ Чжуна удалось консолидировать общественные силы и выйти из состояния кризиса. Начаты реформы, призванные оздоровить экономику.

Крупным достижением администрации во внешней политике следует признать реализацию политики «солнечного тепла» в отношении Северной Кореи, благодаря которой 15 июня 2000 г. состоялась первая после раскола Кореи в 1945 г. встреча лидеров Севера и Юга страны.

В конце своего президентского срока Ким Дэ Чжун подвергается жесткой критике со стороны оппозиции за коррупцию (двое сыновей президента были арестованы за коррупционные связи), за провалы политики «солнечного тепла» в отношении КНДР. Правящая партия потерпела сокрушительные поражения на выборах в местные органы власти и дополнительных выборов в парламент в 2002 году.

3. Сравнительные характеристики развития двух корейских государств. Чучхеизм и либерализм

На протяжении полувека Север и Юг Кореи прошли нелегкий путь преодоления наследия колониального прошлого — экономической отсталости и низкого уровня жизни населения, конфуцианско-феодальных устоев общественной жизни. Возрождение национальной государственности, национального суверенитета происходило высокими темпами в условиях обострения противоречий между многочисленными политическими течениями.

Становление демократии на Севере и Юге Кореи. В качестве инструмента достижения общественного согласия Север и Юг Кореи избрали принципы демократизма. Политические лидеры Северной Кореи взяли за основу советскую систему общественного развития, тогда как южнокорейские — западную. Первую, обычно, относят к демократии республиканского типа, когда общенациональные интересы превалируют над интересами личности, вторую — к плюралистскому типу, рассматривающему общие интересы в качестве базы для обеспечения личных. В принципе, эти демократические тенденции оказали позитивное влияние на социальное развитие в обеих частях Кореи, поскольку они в значительной мере соответствовали бурному росту общественного самосознания населения.

Дальнейшее развитие общества проходило под влиянием традиционной корейской политической культуры. От импортных моделей демократии корейцы брали, прежде всего, внешние формы, тогда как правила политической борьбы в значительной мере оставались традиционными. Предпочтение отдавалось не столько равенству прав граждан, сколько строгой иерархии подчинения нижестоящих верхам, не сообществу свободных людей, а команде единомышленников, действующей в рамках жесткой дисциплины и всеобъемлющего контроля над личностью. Вероятно, этим обстоятельством можно объяснить существование на Юге «демократии корейского образца» времен Пак Чжон Хи или «социализма корейского образца» на Севере при Ким Чен Ире.

На рубеже веков обе Кореи оказались на разных ступенях демократии: на Юге растет тенденция к утверждению принципов либеральной демократии, тогда как на Севере демократические институты оказались значительно ослабленными в результате осу-

ществления т.н. «военно-ориентированной», а по существу — тоталитарной политики.

С конца 50-х вплоть до начала 80-х годов общественная жизнь в КНДР внешне выглядела более демократичной, чем в Южной Корее периода военных диктатур Пак Чжон Хи и Чон Ду Хвана. Тем не менее, она оставалась довольно своеобразной и, в свою очередь, заметно отличалась от характера демократий, которые существовали в странах Восточной Европы. Специфика социализма в КНДР была настолько существенной, что перспектива подключения ее к интеграционным процессам и институтам (Совету экономической взаимопомощи, Варшавскому договору) представлялась нереальной и в практическом плане никогда не рассматривалась.

После смерти президента Ким Ир Сена КНДР фактически перешла на режим чрезвычайного положения, когда лидирующие позиции в обществе стала занимать армия и присущие ей методы управления. Демократические нормы жизни, закрепленные в конституции и в уставе правящей Трудовой партии не соблюдались.

Существует мнение, что укрепление позиций армии в северокорейском обществе является вынужденной мерой, призванной обеспечить стабильность режима в чрезвычайных условиях, что по мере выхода из экономического кризиса общественная жизнь может вернуться в русло демократического развития. Как учит история, «сильная рука» военных в подобных условиях в Чили и в самой Корее способна сконцентрировать силы нации на преодоление трудностей. Другие полагают, что на этом пути у КНДР нет никаких перспектив, что ее дальнейшая судьба зависит от проведения радикальных реформ.

Республика Корея совершила поворот в сторону реальной демократии сравнительно недавно. В частности, комендантский час, введенный в период корейской войны, отменен только в январе 1962 г., тогда как другие законы военного времени продолжают действовать. Долгие годы существовала проблема легитимности режимов власти, соблюдения прав человека в Южной Корее. Не случайно в течение десяти лет южнокорейские президенты не приглашались в США, а этой чести Чон Ду Хван удостоился лишь в 1981 г. Как полагают южнокорейские ученые, страна покончила с системой военной диктатуры только в 1987 г., когда состоялись первые в истории РК прямые президентские выборы на основе всенародно одобренной конституции. Первое гражданское правительство пришло к власти в феврале 1993 года.

Процесс утверждения демократических принципов в жизни общества проходит в условиях противостояния политических сил, ориентирующихся на Запад, на глобализацию международных связей, и приверженцев традиционной политической культуры и корейского национализма. Эта борьба имеет длительную историю,

продолжается она с переменным успехом. В 80-х годах РК взяла курс на участие в процессе глобализации. К концу XX в. противостояние традиционалистов и реформаторов все больше складывается в пользу либеральной демократии и западных ценностей. Вместе с тем, южнокорейскую общественность тревожит тенденция к росту индивидуализма, местного регионализма, лоббирования корпоративных интересов. Раздаются голоса в пользу оздоровления существующей системы демократии за счет усиления акцентов на общие интересы народа.

4. Соотношение экономических потенциалов Севера и Юга Кореи

После 1945 г. на протяжении четверти века КНДР значительно опережала РК по большинству параметров промышленного и сельскохозяйственного развития, кроме валового сбора зерновых культур. Утрата лидирующих позиций в экономике явилась для Пхеньяна крупной неожиданностью, а попытки вернуть преимущества за счет собственных сил и посредством создания экономической автаркии не увенчались успехом.

Из всех возможных вариантов политического и экономического развития страны северокорейское руководство избрало наиболее консервативный. Он был рассчитан на сохранение существующей системы без крупных изменений и позволял выиграть время, по крайней мере, до конца века, не прибегая к каким бы то ни было реформам или рискованным экспериментам. В итоге с начала 90-х годов КНДР оказалась в состоянии глубокого кризиса, поразившего практически все отрасли экономики: добывающую и обрабатывающую промышленность, энергетику, транспорт, сельское хозяйство. В сочетании с неблагоприятными погодными условиями все это привело к тяжелому продовольственному кризису, в результате чего резко снизился уровень жизни населения, сократилась его численность.

В свою очередь, Южная Корея совершила в 70-х годах большой рывок в экономическом развитии. В 1966 г. Юг догнал, а в 1968 г. превзошел Север по темпам прироста промышленной продукции. Высокие темпы роста сохранялись и в 80-е годы, когда страна вошла в первую десятку государств по ряду основных параметров. В 2000 г. Южная Корея занимала 1 место в мире по строительству морских судов, 3-е — по производству компьютерной памяти, 4-е — по производству стали, 5-е — по выпуску автомобилей, использованию сотовой связи и Интернета (24 млн пользователей), 10-е — по числу студентов (11,4 млн) и лиц, имеющих высшее образование. РК вышла на 13-е место в мире по объему товарооборота (321 млрд долл.).

По ряду основных показателей экономического развития Республика Корея значительно опережает КНДР.

**Сравнительные показатели экономического развития
Севера и Юга Кореи (по состоянию на 2000 г.)**

Экономические показатели	Единицы измерения	КНДР	РК
Численность населения	млн человек	22	47
Валовой национальный продукт	млрд долл.	16,8	455,2
в том числе на душу населения	долл.	757	9 628
Экспорт	млрд долл.	0,56	172,2
Импорт	"	1,41	161
Доля внешней торговли в национальном доходе	%	11,7	73,1
Производство электроэнергии	млрд кВт/ч	19,4	266,4
Импорт нефти	млн баррелей	2,5	893,0
Производство стали	млн тонн	1,09	43,1
Производство автомобилей	штук	6600	3 115 000
Урожай риса	млн тонн	1,42	5,29

Финансовый кризис 1997—1998 гг. выявил изъяны южнокорейской экономики, вынудил власти проводить структурные реформы, а также искать новые резервы развития. Предпринимаются меры по преодолению коррупции, монопольных позиций крупнейших финансово-промышленных групп, большему доступу иностранных товаров на корейский рынок. Существующая в стране безработица и возникающие время от времени трудовые конфликты указывают на наличие проблем в обеспечении прав и социальной защищенности населения.

Внешнеполитические приоритеты Республики Корея. Нормализация отношений с Советским Союзом и Китаем, вступление в ООН (сентябрь 1991 г.) предоставили РК шанс избрать более либеральный внешнеполитический курс, в частности, в вопросах обеспечения региональной безопасности и развития межкорейских отношений. Однако инициативы Сеула в этом направлении оказались недостаточно результативными по разным причинам. Они не всегда вписывались в стратегические планы США в Азии, а с другой стороны, для РК главным внешнеполитическим приоритетом остаются проблемы собственной безопасности и союзнические отношения с США.

США воспринимаются в Южной Корее как гарант безопасности на полуострове. Сеул заинтересован в сохранении американского военного присутствия в Южной Корее после того, как Корея станет единым государством.

В соответствии с Договором о взаимной обороне между РК и США (1954 г.) стороны осуществляют военную деятельность на

полуострове на базе совместного командования войсками РК и США, проводят регулярные консультации по вопросам безопасности в регионе, координируют свои действия в отношении КНДР.

США остаются главным торгово-экономическим партнером РК, на долю которого в 2000 г. приходилось 20% объема южнокорейского товарооборота, что составило 66,8 млрд долл.

Япония — второй крупный партнер РК. Дипломатические отношения между ними установлены в 1965 г. При финансовой и технической поддержке Токио Южная Корея совершила прорыв к экономическому прогрессу. Япония — второй основной торговый партнер РК, на долю которого в 2000 г. приходилось 15,7% товарооборота страны. Объем импортно-экспортных сделок между ними превысил 52 млрд долл.

С 1998 г. Япония становится участником двусторонних (Сеул—Токио), а затем и трехсторонних (Вашингтон—Сеул—Токио) консультаций по вопросам региональной безопасности и отношений с Северной Кореей. Вместе с тем, быстрый рост военного потенциала Японии, ее решение об участии сил самообороны в операциях за пределами страны вызывают серьезную озабоченность у корейцев на Севере и на Юге, которые не могут забыть печальные страницы в истории японо-корейских отношений.

Третьим партнером Южной Кореи в регионе является Китай, с которым Сеул нормализовал отношения в 1992 г., на год позже, чем с Москвой, но продвинулся в сотрудничестве гораздо дальше, чем это удалось России. Объем товарооборота между РК и КНР в 2001 г. составил 39,9 млрд долл.

С охлаждением отношений между Россией и КНДР в начале 90-х годов роль Китая в регионе значительно возросла. Китай воспринимается на Юге Кореи как естественный стратегический партнер, более близкий с точки зрения цивилизационной идентичности, нежели США или Россия. Оставаясь центром азиатской культуры и многовекового политического доминирования, Китай оказывает стабилизирующее влияние на обстановку в Корее, выступает в качестве посредника в отношениях между Севером и Югом Кореи, а также гарантом их мирного объединения.

Отношения с Россией занимают четвертое (после США, Японии и Китая) место во внешней политике Сеула.

После нормализации дипломатических отношений в сентябре 1990 г. Россия и РК приобрели определенный опыт сотрудничества, создали договорно-правовую базу развития экономических, научно-технических и культурных связей. Достигнут более высокий уровень взаимопонимания по ряду международных проблем, предпринимались шаги на пути установления политического партнерства.

Тем не менее, в ситуациях, когда требуется принятие ответственных решений, касающихся проблем безопасности, Москва и

Сеул нередко предпочитают действовать порознь. После распада Советского Союза Россия перестала восприниматься в Корее как стратегически важный партнер.

Тенденция к игнорированию интересов России на Корейском полуострове, недооценка ее роли в межкорейском урегулировании в той или иной степени постоянно проявляются в политике Сеула. Так было, например, в 1993 г., когда рассматривалась возможность применения санкций в отношении КНДР в связи с ее ядерной деятельностью, а затем в 1996 г., когда создавалась структура четырехсторонних переговоров по вопросам мира и безопасности в Корее без участия России и Японии. Активизация политических контактов между Москвой и Пхеньяном в 2000—2001 гг. повысила роль России в регионе, побудила РК несколько скорректировать свое отношение к нашей стране.

Надежды российской стороны на значительный рост экономических связей с РК не оправдались. Объем товарооборота держится в пределах 3 млрд долл. в 2001 г. (3,7 млрд долл. в 1996 г. и 2,6 млрд долл. в 2000 г.). Южнокорейские инвестиции в российскую экономику весьма скромные. В 2000 г. они составили 153 млн долл., что меньше объема инвестиций РК в экономику Узбекистана или Украины. Для Сеула Россия пока не является перспективным экономическим партнером, к тому же она остается должником Южной Кореи и вынуждена возмещать предоставленный ей в 1990 г. кредит в размере 1,4 млрд долл.

В 2002 г. в результате контактов между Россией, РК и КНДР достигнута принципиальная договоренность о соединении Транскорейской железной дороги с Транссибом и организации контейнерных перевозок с юга Корейского полуострова в Западную Европу.

КНДР не фигурирует в качестве ведущих приоритетов внешней политики Сеула. Северная Корея рассматривается как элемент угрозы или, по крайней мере, нестабильности, но не как партнер. Тем не менее, от состояния межкорейских отношений во многом зависит как внутренняя ситуация на Юге, так и уровень взаимопонимания между Сеулом и другими государствами региона. С этим вынуждены считаться лидеры РК и КНДР, что и было продемонстрировано в ходе визита президента Ким Дэ Чжуна в Пхеньян и его переговоров с председателем Государственного комитета обороны КНДР в июне 2000 года.

Объем торговли между Севером и Югом в 2001 г. — 403 млн долл., что составляет 19% годового товарооборота КНДР.

Внешнеполитические приоритеты КНДР. Отношения КНДР с РК носят особый характер. Их состояние определяют уровень безопасности страны, а также более чем полувековое соревнование двух общественных и экономических систем, различных концепций развития культуры, науки и образования, неодинакового восприятия жизненных ценностей. Практически все крупные акции

КНДР на международной арене в той или иной мере подчинены интересам ее отношений с РК.

Отношения с Китаем являются одним из основных приоритетов внешней политики КНДР. КНДР сохранила военный альянс с Китаем и наиболее высокий уровень сотрудничества в сфере внешней политики, торгово-экономических и военных связей.

Стратегическое значение Китая для безопасности Северной Кореи определяется не только географической близостью, но и историческими традициями. Китай всегда воспринимался в Пхеньяне как естественный и надежный тыл на тот случай, если другие государства попытаются оказать на КНДР чрезмерное давление. В то же время северокорейские лидеры вынуждены считаться с интересами Пекина, для которого обострение ситуации на полуострове нежелательно.

Ким Чен Ир дважды, в мае 2000 г. и в январе 2001 г., посетил Китай для консультаций с китайским руководством по проблемам межкорейского диалога, отношений с Японией и США, а также для ознакомления с опытом экономических реформ в Китае.

Китай является главным торговым партнером КНДР, общая сумма торговых сделок между ними в 2001 г. составила 580 млн долл., т.е. почти треть объема внешнего товарооборота Северной Кореи.

Отношения с Россией позволяют руководству КНДР укрепить свои позиции в диалоге с Южной Кореей, а также ослабить давление со стороны Вашингтона. После развала СССР и решения России расторгнуть союзный договор с КНДР в отношениях двух стран наступило похолодание. Вплоть до 1994 г. Россия воспринималась в Пхеньяне как «враждебное государство». Возобновление политических контактов между Москвой и Пхеньяном привело к подписанию в феврале 2000 г. Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой.

Совпадение позиций двух государств по ряду проблем современности открывает возможность углубления сотрудничества в интересах мира и безопасности в регионе. Указанная тенденция была закреплена соответствующими декларациями, подписанными в ходе визита В.В.Путина в КНДР в июне 2000 г. и ответного визита председателя Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Ира в Россию в августе 2001 г., а также визита Ким Чен Ира в августе 2002 г. на российский Дальний Восток, где состоялась его третья встреча с Президентом России.

Россия занимает скромное место в торгово-экономических связях с КНДР — 115 млн долл. в 2001 г., что составляет 5% ее товарооборота.

Процесс нормализации отношений КНДР с США принял загляжной характер и сопровождается периодическим обострением общей ситуации на полуострове. Достигнутые между Вашингто-

ном и Пхеньяном договоренности на основе Рамочного соглашения 1994 г. помогли сблизить позиции сторон по вопросам ядерной безопасности. Американцы обещали установить дипломатические отношения с Северной Кореей, построить там атомную электростанцию на «легкой воде» в обмен на замораживание северокорейской ядерной программы. Однако выполнение зафиксированных договоренностей затянулось. Президент США Дж.Буш поставил под сомнение эффективность политики прежней администрации по отношению к Северной Корее и предложил пересмотреть достигнутые договоренности, но уже на других условиях, когда КНДР была отнесена им к т.н. «оси зла». Товарооборот между двумя странами сократился с 2,8 млн в 2000 г. до 0,6 млн долл. в 2001 году.

В 2003 г. северокорейско-американские отношения резко обострились. КНДР объявила о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия. США прекратили выполнять свои обязательства по Рамочному соглашению 1994 года. На Корейском полуострове разразился новый ядерный кризис.

Многолетние попытки **Японии** нормализовать отношения с КНДР на своих условиях результатов не дали. Однако в сентябре 2002 г. в отношениях Пхеньяна и Токио произошло историческое событие. Премьер-министр Японии Д.Коидзуми совершил визит в КНДР, в ходе которого им и Ким Чен Иром была подписана совместная декларация. Стороны договорились ускорить процесс нормализации двусторонних отношений. Япония принесла извинения за причиненные корейскому народу ущерб и страдания в период колониального господства. КНДР заявила о готовности принять соответствующие меры по недопущению действий, ставящих под угрозу жизнь и безопасность японских граждан. Пхеньян объявил также о сохранении моратория на пуски ракет и после 2003 г. Япония пообещала оказать КНДР экономическую помощь.

Токио остается вторым торговым партнером КНДР — 435 млн долл. в 2001 году.

Приоритетным направлением внешней политики КНДР с началом нового века стали **страны Европейского союза**. В 2000—2001 гг. КНДР установила дипломатические отношения с рядом ведущих государств Европы: Бельгией, Великобританией, Германией, Грецией, Испанией. В результате образовался новый для Северной Кореи резерв внешнеполитического маневрирования, способный упрочить ее позиции на международной арене, а также открыть дополнительные возможности для установления экономических связей. Объем торговли КНДР со странами Евросоюза в 2001 г. составил 270 млн долл. или 12% товарооборота страны.

Глава XXVIII

ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ В КОРЕЕ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1. КНДР и РК в годы холодной войны

Корейский полуостров, где после войны 1950—1953 гг. сохранялась неустойчивая ситуация типа «ни войны, ни мира», долгие годы оставался одним из потенциальных детонаторов мирового конфликта. Уровень военного противостояния там был наиболее высоким в Азии: около 1 млн хорошо обученных и вооруженных солдат, а также почти 3 млн готовых к боевым действиям резервистов.

Идея заключения с КНДР союзного договора подобного тому, который был подписан между СССР и Китаем в феврале 1950 г., вначале отвергалась в Москве как нереальная и даже опасная, поскольку страна находилась в состоянии военного перемирия. Безопасность в Корее гарантировалась тогда в рамках двухступенчатой системы: СССР достаточно иметь союзный договор с Китаем, а Китай защищает КНДР.

Однако уже в 1958 г. в советской политике по отношению к Корее появились определенные изменения. Военный альянс с КНДР стал рассматриваться как инструмент сдерживания агрессии посредством уравнивания военных возможностей Юга и Севера в условиях, когда США уже имели аналогичный договор с Южной Кореей.

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР был подписан 6 июля 1961 г., на восемь лет позже договора о взаимной обороне между США и Республикой Корея (1 октября 1953 г.) и на пять дней раньше аналогичного договора КНДР с Китаем (11 июля 1961 г.). Эти договоры создавали пусть несовершенную, но достаточно надежную систему, которая позволила обеспечить безопасность в этом беспокойном регионе и предотвратить развязывание еще одной войны в Корее.

Союзный договор между СССР и КНДР был предельно категоричен. Его первая статья гласила, что если одна из сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны какого-либо государства, то другая сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Такие безусловные обязательства в военной области в то время прецедентов не имели. Аналогичная статья в американско-южноко-

рейском договоре о взаимной безопасности 1953 г., предусматривает проведение консультаций в случае возникновения угрозы вооруженного вторжения извне.

Неотъемлемой частью союзного договора было заявление правительства КНДР, сделанное при его подписании, в котором говорилось, что все военно-политические договоры и соглашения, заключенные как Южной, так и Северной Кореей до объединения страны, теряют свою силу, когда Корея будет объединена на мирной и демократической основе.

Практика отношений СССР и КНДР выявила две противоположные тенденции в подходе Пхеньяна к договору. С одной стороны, Северная Корея была заинтересована в обеспечении его эффективности, особенно той его части, которая предусматривала автоматическое вступление в силу военной статьи. Другая тенденция вела к субъективной оценке договора как документа, мешающего объединению страны.

В 1971 г. в Пхеньяне созрел план одновременной денонсации союзных договоров Севером и Югом с целью создания благоприятной обстановки для объединения страны. План был рассчитан на устранение правовой основы американского военного присутствия в Корее, а также предотвращение возможности военного вмешательства великих держав в локальный конфликт на Корейском полуострове.

Советский Союз не поддержал этот проект, поскольку не было оснований рассчитывать, что США пойдут на денонсацию своего договора с Республикой Корея. Неясна была позиция Пекина по вопросу денонсации китайско-корейского союзного договора. Правительство СССР предложило придерживаться позиции, изложенной в заявлении правительства КНДР при подписании договора 6 июля 1961 года.

Больше всего беспокоило Москву доставляла тенденция к росту напряженности в Корее, вероятность перерастания вооруженных инцидентов в военный конфликт и втягивания в него нашей страны. В 60—70-е годы КНДР осуществляла курс на форсирование объединения страны. Оно рассматривалось в Пхеньяне как задача, которая «не терпит ни малейшего отлагательства». Ситуация на Юге оценивалась как предреволюционная. Поскольку революция на Юге, как считали в Пхеньяне, может произойти в любой момент, то возникнет война, которая перерастет рамки локальной, распространится на СССР и КНР.

В октябре 1966 г. КНДР приняла решение о форсировании военного строительства. Были поставлены задачи превратить армию в кадровую, модернизировать ее, вооружить весь народ, создать материальные резервы для ведения войны длительное время. Более половины государственного бюджета расходовалось в те годы на военные нужды. В стране ощущался острый недоста-

ток стали, строительных материалов, дефицит рабочей силы приближался к 400 тыс. человек.

Не отставала, а временами лидировала в гонке вооружений и Южная Корея, чему в немалой степени способствовала война во Вьетнаме. Военные расходы РК за пять лет (1965—1969 гг.) возросли почти в три раза. Резко увеличились размеры американской военной помощи. Если до начала вьетнамской войны (1961—1965 гг.) они составили 815 млн долл., то в ходе этой войны (1966—1970 гг.) они увеличились до 1,68 млрд долл. Значительная часть армии РК получила новое, более современное американское оружие, а ее солдаты приобрели во Вьетнаме боевой опыт. Создавался корпус резервистов численностью в 2,5 млн человек. Промышленность страны получила ряд выгодных военных заказов США. В начале 70-х годов в Сеуле делались заявления о готовности принять вызов Северной Кореи и нанести ей военное поражение.

Участились вооруженные инциденты в районе демилитаризованной зоны. По данным командования ООН, число серьезных вооруженных столкновений достигло наивысшего уровня за период после окончания корейской войны. В 1966 г. их было 50, в 1967 г. — 829, в 1968 г. — 761. На полуострове неоднократно возникали чрезвычайно острые конфликтные ситуации, причем каждый раз СССР ставился перед свершившимся фактом.

Курс на форсирование объединения Кореи вступал в противоречие с целями Москвы по сохранению мира и безопасности на Дальнем Востоке, ставил под прямую угрозу государственные интересы Советского Союза. К концу 60-х годов ситуация становилась все более угрожающей. Политики в Москве приходили к неутешительным выводам: СССР против своей воли может быть втянут в военный конфликт на Корейском полуострове.

Шесть лет спустя после подписания союзного договора встал вопрос об уточнении характера вытекающих из него обязательств, о его толковании как сугубо оборонительного. Была создана новая концепция договора, которая давала Советскому Союзу возможность выбора политических средств реагирования на военный кризис в Корею, исключала опасность вовлечения страны в военный конфликт. Согласно этой концепции СССР мог выполнять свои обязательства в случае если: а) военной акции предшествовали консультации сторон; б) КНДР сама не спровоцировала вооруженное столкновение крупного масштаба; в) КНДР не вовлечена в конфликт в силу обязательств по договору с третьим государством; г) КНДР не оправдывает конфликт интересами объединения страны.

Предложенное толкование советско-корейского договора было одобрено 18 января 1968 г. и совпало по времени с целой серией серьезных инцидентов на Корейском полуострове. 21 января в центре Сеула произошло нападение отряда вооруженных людей на дворец президента. Оставшиеся в живых нападавшие сообще-

ли, что являются военнослужащими северокорейской армии и имели задание уничтожить президента РК.

23 января 1968 г. военно-морские силы КНДР задержали военный корабль США «Пуэбло» у берегов Северной Кореи. В ответ на требование американцев возвратить корабль представитель военного командования КНДР предупредил, что, если США предпримут вооруженную акцию с целью освобождения команды «Пуэбло», американские моряки будут уничтожены. Никогда еще после войны 1950—1953 гг. Корея не была так близка к крупному военному конфликту.

Находясь под защитой ракетно-ядерного зонтика СССР и будучи уверенным, что США не решатся нанести удар по КНДР, северокорейское руководство стремилось извлечь из конфликта максимальный политический эффект. Пхеньян стремился выйти на прямые контакты с США, повысить уровень переговоров, доведя их до официальных, правительственных, что могло бы означать признание КНДР де-факто со стороны США.

Политические лидеры СССР и США в данном случае проявили благоразумие. Обмен посланиями между президентом Л.Джонсоном и Председателем Совета министров СССР А.Н.Косыгиным прояснил позиции и намерения сторон в конфликте. Американский президент с пониманием воспринял озабоченность советской стороны обстановкой на Дальнем Востоке «вблизи советских границ». 28 января американцы предложили северокорейцам провести в Пханмунджоме закрытые переговоры по вопросу о «Пуэбло». Конфликтующие стороны вступили в прямой контакт, что вселяло надежду на мирный исход. В результате переговоров, которые продолжались одиннадцать месяцев, 23 декабря 1968 г. было достигнуто соглашение об освобождении 82 членов экипажа «Пуэбло».

Главный итог кризиса состоял в том, что в Москве осознали необходимость проведения собственной политики в Корее, основанной на своем видении существующих там проблем и отвечающей интересам нашего государства. Была апробирована рациональная трактовка военных обязательств по союзному договору с КНДР, и она была доведена до сведения руководства КНДР. СССР и США оказались в этом кризисе единственными государствами, способными осуществлять консультации и обмениваться информацией в интересах урегулирования конфликта за столом переговоров.

2. Проблема воссоединения Кореи. Объединительные концепции

Мировой опыт дает немало примеров, когда единые в прошлом нации распадались и существовали затем раздельно. Некоторые впоследствии объединялись вновь. Побудительным стиму-

лом для такого рода национальных катаклизмов, как правило, были внутренние обстоятельства, воспринимаемые как «воля нации». Другими словами, если созрели условия, ничто не может помешать расколу или добровольному объединению нации. Следовательно, причины продолжающегося раскола Кореи также следует искать внутри самой Кореи.

Идея объединения еще не стала доминирующей ни на Севере, ни на Юге. Высшим приоритетом национальной политики в Пхеньяне и Сеуле по-прежнему считают интересы безопасности каждого из государств, а не объединение. Несмотря на то, что о национальном единстве в Корее много говорят, мало кто верит в его осуществление, еще меньше тех, кто представляет, как это произойдет.

Опросы общественного мнения, проводимые в Южной Корее, указывают на тенденцию ослабления интереса к объединению страны. У многих процесс объединения ассоциируется с лишениями, угрозой потерять работу, положение в обществе, подвергнуться репрессиям. Люди в РК не хотят рисковать жизнью и имеющимся уровнем благосостояния ради того, чтобы форсировать объединение.

Общенациональные стимулы к объединению в Корее или отсутствовали вовсе или проявляются крайне слабо. У корейской нации не было ни общей политической платформы, ни общей идеологии для сближения. Возможно поэтому собственно национальная, субъективная мотивация к объединению не всегда была доминирующей в практической политике Севера и Юга.

После освобождения Кореи от колониальной зависимости в политических кругах Севера и Юга преобладали в основном наивные представления о способах достижения национального единства. Казалось, что стоит только организовать общекорейские выборы в парламент или открыть границы между Севером и Югом и проблема объединения сразу же будет решена. Одновременно существовало мнение, что другая половина Кореи представляет собой незаконно образованное государство и, следовательно, подлежит присоединению с помощью силы.

Принято считать, что начало переговорам между Севером и Югом было положено в 1972 г. Тем не менее, попытки выяснить намерения друг друга предпринимались и ранее. Один из таких контактов состоялся вскоре после прихода к власти в Сеуле генерала Пак Чжон Хи. В августе 1961 г. южнокорейская сторона предложила провести обмен мнениями по вопросам, связанным с объединением страны на уровне офицеров разведки. Согласие Севера участвовать в переговорах было получено довольно быстро.

Переговоры на уровне двух офицеров и секретаря с каждой стороны открылись 28 сентября 1961 г. в северокорейском городе Хэчжу, а затем проходили в море на небольшом судне или на острове Енмэдо в условиях полной конспирации. Южнокорейская

сторона предложила обсудить возможность учреждения в Сеуле и Пхеньяне постоянных военных представительств сторон, организации торговых связей, свободного передвижения населения через 38-ю параллель, восстановления почтового обмена. Переговоры продолжались до лета 1962 г., в течение десяти месяцев состоялось 15 встреч. Ни по одному из обсуждавшихся вопросов достигнуть договоренности не удалось, и переговоры офицеров были прекращены.

Похоже, что в то время Пак Чжон Хи не имел каких-либо планов относительно объединения страны и предложил переговоры с целью выяснить намерения Севера в отношении Юга после подписания союзного договора между СССР и КНДР. После военного переворота Сеул нуждался в стабилизации внутривнутриполитической обстановки, ему нужна была передышка в конфронтации с Севером. Пхеньян, со своей стороны, пытался выяснить, можно ли рассчитывать на Пак Чжон Хи в том, чтобы добиться вывода американских войск.

Официальной политикой Южной Кореи с 1945 по 1960 г. был «поход на Север» в целях объединения. Тему объединения запрещалось публично обсуждать, поскольку считалось, что она затрагивала интересы государственной безопасности. Официальная концепция Сеула не уходила дальше общих рассуждений о общекорейских выборах под наблюдением ООН. В 60-х годах акцент делается на необходимость наращивания сил, способных противостоять Северу, после чего не исключалась возможность переговоров и мирное сосуществование двух Корей.

КНДР делала ставку на самостоятельное объединение страны, т.е. свободное волеизъявление корейцев, которое, по представлениям северокорейских политиков, можно обеспечить только после вывода с Юга американских войск. Предусматривались два пути объединения: 1) мирный — на основе свободного передвижения населения между Севером и Югом, свободной деятельности политических партий, посредством свободных выборов достигается объединение страны на демократических началах, провозглашается нейтралитет Кореи; 2) немирный — развертывание партизанской борьбы в случае возникновения войны в Корее или мировой войны.

Руководство КНДР не исключало возможности использования силы для объединения. Оно полагало, что в Корее может возникнуть ситуация, когда революционными силами на Юге потребуются вооруженная помощь Севера. Следовательно, по логике Пхеньяна, война в Корее могла возникнуть в любой момент помимо желания Севера, быстро перерасти рамки локальной войны и распространиться на Советский Союз и Китай, с которыми у КНДР были военные договоры.

В эту же схему укладывались усилия КНДР по воссозданию на Юге коммунистической партии. Одно время там действовала Пар-

тия трудового народа во главе с Чо Бон Амом, который прежде состоял в компартии, учился в Москве и был министром сельского хозяйства при Ли Сын Мане. Связи Чо Бон Ама с Пхеньяном стали известны властям, он был расстрелян, а партия распущена. Руководитель другой партии — социалистической — Чо Сон Хун разоблачен как агент южнокорейских спецслужб.

В октябре 1966 г. конференция ТПК поставила задачу создания на Юге революционной партии и «единого антиамериканского фронта». В июне 1970 г. печать КНДР сообщила, что в августе 1969 г. в Южной Корее создана Революционная партия объединения. Речь шла о подпольной организации. Ее печатный орган издавался в Японии.

Объединительные концепции Северной Кореи 60-х годов. Среди перспективных концепций объединения Кореи привлекает внимания идея конфедерации, предлагаемая Севером, и идея содружества, разработанная на Юге. В принципе обе эти идеи довольно близки как по существу поставленных задач, так и по формам их воплощения, что само по себе подтверждает наличие идентичных мотивов, формирующих взгляды Севера и Юга на проблему объединения.

Следует признать, что к идее конфедерации в Пхеньяне пришли давно. В ноябре 1960 г. Верховное Народное Собрание КНДР одобрило предложение Ким Ир Сена о конфедерации Севера и Юга в качестве переходного этапа к мирному объединению страны. Спустя двадцать лет КНДР вернулась к идее конфедерации, предложив развернутую программу создания Демократической конфедеративной республики Коре (ДКРК). Предполагалось, что в рамках конфедеративного государства Север и Юг сохранят существующие режимы власти, разные общественные системы и идеологии. Для управления таким государством предлагалось создать единое правительство и парламент, которые могли бы решать вопросы политики, обороны и внешних отношений, касающиеся интересов нации. ДКРК должна была стать нейтральным, внеблоковым государством.

Конкретные направления политики конфедеративного государства выглядели следующим образом:

1. Самостоятельный, независимый от внешних сил характер политики ДКРК как неприсоединившегося государства.
2. Обеспечение демократии на территории конфедерации и во всех сферах жизни общества, отказ от преследований и мести по политическим мотивам, гарантия свободы и прав человека.
3. Развитие экономического сотрудничества между Севером и Югом, сохранение всех форм собственности — государственной, кооперативной, частной и личной.
4. Обмен в области науки, культуры, образования.
5. Восстановление транспортных артерий и средств связи, их совместная эксплуатация.

6. Стабилизация жизни народа, обеспечение достойной жизни неимущим.

7. Прекращение военной конфронтации, сокращение численности вооруженных сил обеих сторон до 100—150 тыс. человек, ликвидация военно-демаркационной линии и военных сооружений, расположенных в ней, роспуск гражданских военизированных формирований. Создание объединенной армии путем слияния Корейской Народной Армии и Армии национальной обороны и объединенного командования.

8. Совместная защита прав и интересов соотечественников за рубежом.

9. Координация действий на международной арене, аннулирование военных и других договоров, которые противоречат интересам национального сплочения.

10. Миротворческая внешняя политика, единое представительство в ООН и других международных организациях. Объединенная Корея не будет угрожать соседям или другим странам, не будет участником военных акций, не допустит размещения на своей территории иностранных войск и баз, запретит производство, ввоз, хранение ядерного оружия, превратит полуостров в безъядерную зону.

До середины 70-х годов КНДР опережала Юг по большинству позиций в экономическом развитии, опиралась на широкую международную поддержку своих союзников и соседей. Поэтому она смело предлагала Сеулу различные варианты переговоров в интересах разрядки, которые отвергались Югом из опасений потерять контроль за развитием внутривнутриполитической обстановки в собственной стране.

3. Межкорейский диалог

Первый контакт между Севером и Югом на официальном уровне состоялся в ходе визита в Пхеньян директора ЦРУ Южной Кореи Ли Ху Рака 2—5 мая 1972 г. и его переговоров с Ким Ир Сеном. Визит проходил в строжайшей тайне. Сообщение о достигнутых договоренностях появилось в печати только два месяца спустя после завершения переговоров. Опубликованное 4 июля 1972 г. совместное заявление содержало три принципа объединения Кореи: 1) самостоятельно, без вмешательства извне, 2) мирным путем, 3) на основе национальной консолидации.

В документе предусматривалось прекращение пропагандистских выпадов друг против друга, предотвращение вооруженных конфликтов, для чего устанавливалась прямая телефонная связь. Создавались структуры совместной деятельности: Координационный комитет и пять подкомитетов (политический, военный, дипломатический, экономический, культурный).

Отойти от традиционной враждебности и вступить в столь серьезный и результативный диалог Север и Юг побудил целый ряд обстоятельств внешнего порядка и, прежде всего, изменения баланса стратегических сил в Азии. После поражения США во Вьетнаме менялась американская политика в отношении Азии. Президент США Р.Никсон в июле 1969 г. обещал американскому народу не вмешиваться больше во внутренние конфликты в Азии. Новая политика США, получившая название «доктрины Никсона», предусматривала сокращение военного присутствия США в том числе и в Южной Корее. В июне 1971 г. был завершен вывод 20 тыс. американских военнослужащих из Кореи. Сеул оказался перед необходимостью в большей степени самому заботиться о своей безопасности.

Визит Р.Никсона в Пекин и Шанхайское коммюнике в феврале 1972 г. символизировали не только сближение прежних врагов, но и создание новой геополитической структуры, которая приходила на смену прежней идеологической и была направлена против СССР. Отношения между Москвой и Пекином были крайне напряженными после военного конфликта на острове Даманский весной 1969 г. В сентябре 1971 г. КНР нормализовала отношения с Японией. Позиции СССР в Азии резко ухудшались

Ни Север, ни Юг Кореи оказались не готовыми к этим стратегическим подвижкам. Опасаясь, что судьба Кореи может быть решена вопреки их воле, они были вынуждены искать решения, адекватные переменам в мире.

Побудительным мотивом для Сеула к переговорам с КНДР были, прежде всего, соображения безопасности в новых условиях, а также обострившиеся внутренние политические и экономические проблемы. На президентских и парламентских выборах весной 1971 г. оппозиция потребовала сократить численность вооруженных сил и установить неполитические контакты с Северной Кореей.

КНДР еще сохраняла преимущества в экономическом развитии и обороноспособности, хотя Южная Корея уже наступала ей на пятки в этом соревновании. Национальный доход на душу населения в то время составлял на Севере 286 долл., на Юге — 248. Северная Корея была уверена в собственных силах и полагала, что после объединения Вьетнама должно последовать объединение Кореи.

Однако надежды на быструю нормализацию отношений между Севером и Югом не оправдались. Стороны не смогли преодолеть глубокого недоверия друг к другу, пойти на компромисс ради сближения своих позиций. Каждая из них стремилась решить свои проблемы, не пытаясь понять партнера.

В ходе работы Координационного комитета выяснилось, что он не может обеспечить реализацию интересов обеих сторон. Подчинять же свои интересы общенациональным никто не соби-

рался. Непосредственным предлогом для прекращения диалога стал скандал, связанный с похищением спецслужбами Южной Кореи лидера оппозиции Ким Дэ Чжуна, находившегося в Японии. Возобновились вооруженные столкновения в демилитаризованной зоне. В январе 1975 г. Координационный комитет и другие структуры, созданные для диалога, прекратили существование.

Попытка Севера и Юга добиться разрядки была самой значительной в эпоху холодной войны. Она оставила заметный след в истории отношений двух частей Кореи — принципы объединения, верность которым стороны продолжают декларировать.

Однако Северу и Югу понадобилось еще двадцать лет, чтобы сделать очередной крупный шаг к взаимопониманию.

Объединительные концепции Южной Кореи 80-х годов. К идее создания переходного общества в Сеуле пришли позднее, когда разрядка на полуострове стала приобретать реальные очертания. В сентябре 1989 г. президент Ро Дэ У назвал его «Национальным сообществом». Он предложил создать общие для Севера и Юга органы управления: Совет президентов, Совет министров, а также комитеты гуманитарный, политико-дипломатический, экономический, военный и социально-культурный. Конечной задачей «Национального сообщества» было создание единой Кореи посредством выборов.

Отличительной чертой идеи «Национального сообщества» было обоснование многоступенчатого характера процесса, в ходе которого предстояло накопить опыт сосуществования и объединения страны. В ряде исследований указывалось также на то, что два государства в таком сообществе могут оставаться какое-то время совершенно независимыми, подобно государствам Британского содружества.

«Северную политику» президента Ро Дэ У можно оценить как наиболее успешную и результативную. В длительном соревновании двух политических систем к концу 80-х годов вперед вырвалась Южная Корея, успешно реализовав в условиях международной разрядки большинство своих внешнеполитических задач. Южная Корея нормализовала отношения с СССР и Китаем, вступила в ООН, успешно провела Олимпийские игры — первые в ее истории, достигла договоренности с Севером о примирении, сотрудничестве и обменах, а также о безъядерном статусе полуострова.

Очередной прорыв в диалоге между Севером и Югом произошел в конце 1991 г. на фоне мирового политического кризиса, связанного с распадом Советского Союза и мировой системы социализма. КНДР в одночасье лишилась политической, экономической и военной поддержки одного из главных своих союзников. Надежды на братскую помощь Пекина оказались нереальными, поскольку у китайского руководства были свои стратегические цели в отношении США и Японии. Позиции КНДР в диалоге с Югом были ослаблены.

13 декабря 1991 г. переговоры на уровне премьер-министров завершились подписанием документа исторического значения — «Соглашения о примирении, взаимном ненападении, сотрудничестве и обменах», в котором стороны впервые официально признали суверенитет друг друга, как и сам факт существования на полуострове двух государств.

С подписанием этого документа положен конец правовой неопределенности и политической двусмысленности ситуации в Корее. Долгие годы обе стороны смотрели друг на друга как на временно оккупированную территорию, которая рано или поздно должна быть возвращена в лоно единой Кореи. При этом каждая из сторон считала себя единственным законным государством на полуострове. Закрепленные в конституциях такого рода амбициозные притязания, по сути дела, оправдывали любые действия в отношении «временно отторгнутой» части страны.

В соответствии с Соглашением стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не предпринимать действий, направленных на подрыв существующего строя. Впервые на официальном уровне провозглашен отказ от применения силы, от агрессии друг против друга, т.е. закладывались контуры будущего мирного договора в Корее, который должен заменить существующее после корейской войны состояние военного перемирия. Важной частью договоренностей стали намерения сторон развивать экономические и торговые связи, обмены в области науки, культуры, информации, спорта, взаимные поездки людей.

Вслед за этим Соглашением были опубликованы другие документы, сыгравшие важную роль в процессе разрядки на полуострове. Среди них Декларация между Севером и Югом о безъядерном статусе Корейского полуострова от 31 декабря 1991 г., Соглашение о передаче ядерных объектов КНДР под контроль МАГАТЭ от 30 января 1992 г., заявление президента РК от 18 декабря 1991 г. об отсутствии на территории страны ядерного оружия.

Партнерам по переговорам удалось сблизить подходы практически по всему комплексу межкорейских отношений и достичь согласия на более высоком уровне взаимопонимания, чем это было когда-либо прежде. Подписанные соглашения явились итогом не только взаимных уступок тактического порядка, но и существенной корректировки политического курса обеих сторон. Прежде всего, они приблизились к пониманию того, что объединение — это не разовое действие, а сложный и многоэтапный процесс, что на пути к объединению необходим переходный период мирного сосуществования, сотрудничества и сближения. Стороны признали очевидность того, что потребуется время, чтобы пересмотреть внутреннее законодательство, регламентирующее отношения двух корейских государств и контакты на человеческом уровне, подготовить население к восприятию иной социальной и культурной среды. Работа по упорядочению законода-

тельства ведется как на Юге, так и на Севере, затрагивая сферы гражданских прав, пограничного и таможенного контроля, финансовой, торговой и предпринимательской деятельности.

Программа консолидации Ким Ир Сена. В новых геополитических условиях, когда военная конфронтация великих держав ушла в прошлое, КНДР корректирует свою концепцию отношений с Южной Кореей. Выдвинутая Ким Ир Сеном 6 апреля 1993 г. «Программа великой консолидации всей нации за объединение родины из десяти пунктов» предлагает более гибкую схему сближения, позволяющую выстраивать такие структуры, какие окажутся посильными для политиков в конкретных условиях. Учен также опыт межкорейского диалога, новая обстановка, возникшая после подписания пакета соглашений между Севером и Югом в конце 1990 г. Основной смысл программы состоит в следующем:

1. Создание единого конфедеративного государства при сохранении существующих ныне двух систем и двух правительств. Единое государство должно быть неприсоединившимся и нейтральным.

2. Обеспечение сплоченности народа на основе национальной самостоятельности.

3. Взаимное признание и уважение идей, идеалов и систем друг друга, обеспечение сосуществования, процветания, общего прогресса независимо от региональных и классовых интересов во имя достижения единства нации.

4. Прекращение политического противоборства, клеветы и инсинуаций.

5. Ликвидация угрозы нападения, поглощения или навязывания своей системы другой стороне, достижение взаимного доверия.

6. Обеспечение демократичности процесса объединения, отказ от преследований инакомыслящих, реабилитация политических узников.

7. Защита государственной, кооперативной и частной собственности, сохранение социального положения и заслуг человека в обществе.

8. Устранение преград для передвижения и контактов между людьми, политическими партиями и группировками, развитие диалога на всех уровнях.

9. Консолидация усилий корейцев на Севере, на Юге и за пределами Кореи в интересах объединения родины.

10. Должная оценка людей, внесших вклад в объединение родины, великодушие к тем, кто предал интересы нации, но раскался в содеянном.

Трехфазовая концепция объединения Ким Ен Сама. Свой вариант политики объединения был сформулирован президентом Ким Ен Самом 24 мая 1993 г. В нем учтен уровень взаимопонимания,

который был достигнут между сторонами и зафиксирован в основном Соглашении, вступившем в силу в феврале 1992 г. Принимался также во внимание значительный разброс мнений в самой Южной Корее относительно сроков и методов сближения двух корейских государств.

Первая фаза — примирение и сотрудничество, преодоление враждебности. Причем, речь шла не о декларациях, а о конкретных шагах в области мер доверия и сотрудничества.

Вторая фаза — корейское содружество — возникает на основе опыта и достижений первой, когда потребуется создать механизм мира и сотрудничества. Оба правительства согласуют структуру и функции корейского содружества: Совет президентов, Совет министров и другие необходимые органы.

Третья фаза — создание единого корейского государства. Представители Севера и Юга принимают конституцию единой Кореи, на ее основе проводятся общие выборы, формируется единый парламент и единое правительство.

Одновременно предлагались три «руководящих принципа» объединения. Первый из них предусматривал приоритет демократического национального консенсуса над другими способами принятия решений. По мнению сеульских политиков, это позволит в процессе объединения учитывать настроения собственного населения, либералов и консерваторов, нейтрализовать воздействие спонтанных выступлений какой-то части народа. Второй принцип предусматривал сосуществование и процветание по мере ослабления конфронтации. Он исходит из того, что жизнь вместе в бедности и без свободы не может быть желанной целью единой нации. Третий принцип призван обеспечить всем корейцам равный жизненный уровень и гарантии социального благосостояния.

Таким образом, если сопоставить последние концепции национального объединения, разработанные на Севере и Юге, обнаруживается высокая степень совпадений целей и подходов обеих сторон как в принципиальных вопросах, так и в деталях. Программа содружества несет в себе некоторые черты программы консолидации, разработанной в КНДР, особенно в тех разделах, где речь идет о существовании межкорейских отношений в переходный период.

Администрация Ким Ен Сама имела большие планы в отношении развертывания контактов с Севером, в том числе и на высшем уровне. Ожидались сенсационные договоренности на объявленной встрече Ким Ен Сама и Ким Ир Сена в 1994 г. Но развитие событий пошло по другому пути.

США заподозрили Северную Корею в производстве ядерных материалов для военных целей и потребовали инспекции ее ядерных объектов. Одновременно США и РК объявили о возобновлении в марте 1993 г. крупномасштабных военных маневров «Тим спирт», что нарушало договоренности, достигнутые между сторо-

нами в 1991 г. Поскольку речь шла о применении международных санкций в отношении КНДР, Пхеньян заявил о выходе из договора о нераспространении. В очередной раз на полуострове возникла кризисная ситуация.

Расчеты на то, что Север можно загнать в угол, создать вокруг него обстановку международной изоляции, не оправдались. Не подтвердились также ожидания развала политической системы Северной Кореи. В довершение кампании давления на КНДР Сеул отреагировал на смерть Ким Ир Сена повышением боеготовности своей армии, чем надолго испортил отношения с Пхеньяном. Межкорейский диалог оказался сорванным.

4. Политика «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна

Эта политика учла опыт прежних проектов, а также новые реалии в мире и в Корее. Она была ориентирована на то, чтобы вернуть проблемы Корейского полуострова в рамки межкорейского диалога. Отличительной особенностью этой политики было то, что она не затрагивала проблему объединения Севера и Юга, где противоречия наиболее очевидны. В Сеуле исходили из того, что объединение страны не актуально. Поэтому президент декларировал только намерения: Юг не собирается поглощать Север; Юг строит отношения с Севером по принципу отделения политики от экономики. В программе Ким Дэ Чжуна не содержалось каких-либо предварительных условий. Она выглядела достаточно гибкой, приспособленной к разным ситуациям, которые могут возникнуть на полуострове в будущем.

В КНДР политика «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна была воспринята без энтузиазма. Отношение к ней в самой Южной Корее было неоднозначно. Одни считали, что если Север не готов к сотрудничеству, то Юг может и подождать. Другие же полагали, что Юг идет на слишком большие уступки Северу и что реализовать эту политику следует после того, как Север станет открытым обществом.

Корейский саммит. Центральным событием в Корее на пороге нового века стала встреча лидеров Севера и Юга Кореи на высшем уровне 13—15 июня 2000 г. в Пхеньяне. Историческое значение встречи президента РК Ким Дэ Чжуна и председателя Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Ира предопределено тем, что она состоялась впервые за 55 лет раздельного существования Севера и Юга Кореи. Безусловно, она способствовала созданию атмосферы большего взаимопонимания и доверия между Севером и Югом.

Впервые на высшем уровне обсуждался широкий круг вопросов двусторонних отношений, подписаны совместная Декларация и другие соглашения. Главный результат саммита состоял в том, что Север и Юг договорились двигаться к решению вопроса объеди-

нения самостоятельно, соединив усилия всей корейской нации. Констатируя сходство предложений Севера о создании на первоначальном этапе Конфедерации и предложений Юга о создании Содружества для объединения страны, стороны договорились и дальше продвигаться в этом направлении. Таким образом, лидеры Севера и Юга продемонстрировали способность договариваться практически по всем проблемам Корейского полуострова и намерение самим решать свои внутренние дела.

Тем не менее, в Вашингтоне посчитали, что темпы сближения Севера и Юга не отвечают американским интересам в регионе. Даже весьма отдаленная перспектива объединения Кореи может вынудить США вывести свой военный контингент передового базирования из Южной Кореи, что приведет к перераспределению сил в регионе. Президент Дж. Буш решил скорректировать политику прежней администрации США по отношению к КНДР в сторону большей жесткости. Одновременно Сеулу рекомендовали соизмерять сближение между Севером и Югом с реальными переменами в политике КНДР. Таким образом, в межкорейском диалоге образовалась очередная пауза.

Основной критерий, определяющий степень готовности партнеров к сотрудничеству, сводится к наличию общих интересов. Существует мнение, что если исключить интересы определенных политических группировок, то аргументы в пользу объединения Кореи недостаточно убедительны. Корейская культура имеет общие корни, но единой культуры сегодня нет. Часть населения хотела бы воссоединиться со своими родственниками в другом корейском государстве, но это незначительное меньшинство населения. Экономические структуры мало зависимы друг от друга. Поэтому считается, что две Кореи могут сотрудничать и сотрудничать и без объединения.

В ряде исследований делаются предположения, что при определенных условиях развития обстановки в СВА для корейцев было бы предпочтительно раздельное сосуществование. Тем не менее, главной тенденцией развития общественного сознания на Севере и Юге является стремление к воссоединению.

Объединительные концепции Севера и Юга Кореи не отличаются друг от друга настолько, чтобы их невозможно было превратить в общекорейскую платформу по воссоединению страны. Их сравнение выявляет очевидную тенденцию — отодвинуть наиболее ответственный этап национального объединения на более отдаленную перспективу. И это понятно, поскольку проблема безопасности на полуострове продолжает оставаться актуальной, и в том случае, когда корейцам приходится делать выбор между объединением и безопасностью, они предпочитают последнюю. В этих условиях, полагают ученые, перспективной может оказаться идея нейтрализации Севера и Юга Кореи в переходный период к объединению при наличии международных гарантий безопасности на полуострове.

Корейцы не исчерпали возможностей выработать собственный путь, рассчитанный на естественное и бесконфликтное сближение на основе прагматизма и национализма. Им предстоит пройти определенный этап демократического развития, прежде чем будет достигнут такой уровень плюрализма идей в обществе, при котором не смогут прорасти семена недоверия и враждебности.

5. Безопасность в Северо-Восточной Азии и позиции великих держав по корейскому вопросу

Международный аспект корейской проблемы обусловлен тем, что обстановка на полуострове и тенденции ее развития в той или иной мере затрагивают интересы соседних государств и мирового сообщества в целом.

Геополитическое положение Корейского полуострова, примыкающего к Китаю, России и находящегося в двух шагах от Японии, всегда привлекало к себе внимание внешних сил. Основной предмет заботы заинтересованных государств лежит в плоскости обеспечения собственной безопасности. В этом смысле интересы граничащих с Кореей государств (России, Китая, Японии) отличаются от интересов государств, для которых безопасность в Корее является одним из элементов глобальной или региональной политики.

Нерешенность корейской проблемы остается дестабилизирующим элементом в регионе. В условиях растущей роли собственных усилий корейцев Севера и Юга проблемы Кореи все еще требуют внимания соседних государств, а также усилий мирового сообщества.

Ядерная безопасность. В конце 60-х годов на Севере и Юге Кореи возник интерес к созданию ядерного оружия. С тех пор оба корейских государства «переболели» ядерной болезнью с примерно одинаковыми симптомами.

Непосредственным стимулом к началу ядерных исследований в военной области в КНДР послужило сдержанное отношение Москвы к планам наращивания военного потенциала КНДР. В августе 1963 г. КНДР отказалась присоединиться к Московскому договору о частичном запрещении ядерных испытаний. На мировой арене КНДР встала в оппозицию к проводимой Москвой политике разрядки международной напряженности, разоружения, мирного сосуществования, нормализации советско-американских отношений.

Ядерная программа КНДР осуществлялась на ее собственной базе. СССР был причастен к этой программе лишь косвенно. В частности, с его помощью в Северной Корее в 1965 г. был построен исследовательский реактор мощностью 8 мегаватт, открыты на территории КНДР месторождения урана, запасы которого оцениваются в 15 тыс. тонн. В 1968 г. КНДР отказалась присо-

единиться к международному Договору о нераспространении ядерного оружия, однако в декабре 1985 г. она была вынуждена сделать это в связи с планами строительства атомной электростанции. Контрольные соглашения с МАГАТЭ были подписаны 6 лет спустя, 30 января 1992 г.

В сентябре 1988 г., накануне Олимпийских игр в Сеуле, США распространили информацию о том, что их космические средства наблюдения зафиксировали строительство в Северной Корее крупного ядерного объекта, который, как предполагалось, предназначался для регенерации ядерного топлива и извлечения из него плутония, пригодного для изготовления ядерного оружия. Инспекторы МАГАТЭ подтвердили, что КНДР располагает мощностями по производству плутония, и Северную Корею заподозрили в разработке ядерного оружия. Вопрос об отказе КНДР открыться для контроля все объекты, которые заинтересуют чиновников МАГАТЭ, был передан на рассмотрение Совета Безопасности ООН. В ответ КНДР заявила о выходе из Договора о нераспространении.

В политических кругах США выявились настроения в пользу нанесения «ограниченных ударов» по атомным объектам КНДР, подобных тем, которые применялись в отношении ядерных объектов Ирака. Не ожидая результатов обсуждения ситуации в Совете Безопасности ООН, Россия предприняла односторонние акции в отношении Северной Кореи, отозвав в срочном порядке всех российских специалистов, работавших там на строительстве атомной электростанции.

Российская позиция в отношении международных санкций против КНДР оказалась недостаточно последовательной. С одной стороны, она не исключала возможности их применения, а с другой — предлагала дать Пхеньяну время на отмену решения о выходе из Договора о нераспространении. Пассивность России не устраивала ни Пхеньян, ни Сеул. Если в Северной Корее полагали, что Москва играет на руку Вашингтону, то в Сеуле реакцию Москвы посчитали недостаточно твердой. Заметно подпортив свои отношения с Северной Кореей, Россия оказалась неспособной играть посредническую роль в кризисной ситуации.

Проблема ядерной безопасности в Корее была снята в результате подписания 21 октября 1994 г. в Женеве Рамочного соглашения между США и КНДР, в соответствии с которым: стороны нормализуют двусторонние отношения и обмениваются дипломатическими представительствами; КНДР возвращается в Договор о неприсоединении и замораживает работу реакторов, способных производить плутоний; США дают КНДР гарантии неприменения ядерного оружия, обещают построить в КНДР реактор на легкой воде, а до его ввода в действие — поставлять Северной Корее 500 тыс. тонн жидкого топлива ежегодно.

Последующие северокорейско-американские контакты привели к подписанию Соглашения о создании КЕДО (Организация содействия развитию энергетики Корейского полуострова), на которую возложена задача реализации проекта сооружения станций на основе легководных реакторов (ЛВР). Стоимость проекта оценивается в 3,6 млрд долл., причем более 50% затрат взяла на себя Южная Корея.

Согласно Рамочному соглашению, строительство станции должно быть завершено в 2003 г., однако на конец 2000 г. практические работы по сооружению ЛВР не начинались. По оценкам специалистов, вступление в строй АЭС возможно не ранее 2010 г. В Пхеньяне полагают, что затягивание сроков сооружения АЭС вынудит КНДР возобновить свою ядерную программу, так как сложившаяся ситуация наносит серьезный ущерб народному хозяйству страны.

Южная Корея подключилась к исследованиям в области ядерной физики позже Севера, но прошла путь развития ядерных технологий довольно высокими темпами. В отличие от Северной Кореи Юг присоединился к Договору о нераспространении в июле 1968 г., хотя ратифицировал его лишь в марте 1975 года.

Военное поражение США во Вьетнаме и значительное сокращение американского военного присутствия в Южной Корее в 1971 г. заставили Сеул задуматься о гарантиях собственной безопасности. В этой обстановке президент РК Пак Чжон Хи принимает решение о необходимости создания ядерного оружия как средства сдерживания Северной Кореи на тот случай, если США уберут свой ядерный зонтик из Кореи. Южная Корея успешно продвигалась в реализации престижной программы. В 1978 г. там начала работать первая атомная электростанция мощностью 600 мегаватт.

Администрация президента Дж.Картера отдавала себе отчет в том, что будет означать для США распространение ядерного оружия в регионе. Создание Сеулом атомного оружия могло спровоцировать не только Пхеньян, но и Японию на ядерное вооружение, а это нарушило бы баланс сил в АТР. В 1976 г. США пресекли сделку по продаже Южной Корее французского оборудования по извлечению плутония. Вашингтон и Сеул достигли договоренности о размещении на территории Южной Кореи ядерного оружия США в обмен на отказ Южной Кореи от разработки собственного ядерного оружия.

Таким образом, США дважды предпринимали решительные шаги с целью не допустить появления ядерного оружия в Корее. Однако судьба южнокорейских исследований в военной области остается неизвестной. По многочисленным сведениям, Республика Корея способна изготовить ядерное оружие в короткие сроки.

Проблема ограничения ракетных технологий в Корее возникла в связи с тем, что КНДР стала производить ракеты с радиусом действия, превышающих размеры Корейского полуострова. В мае 1993 г. она провела испытания ракеты класса земля—земля «Нодон-1» с дальностью полета около 1 тыс. километров и приступила к изготовлению ракеты «Нодон-2», способной поразить цель на расстоянии до 2 тыс. километров. 31 августа 1998 г. Северная Корея заявила о том, что осуществлен запуск искусственного спутника Земли «Кванменсон» с помощью трехступенчатой ракеты-носителя. Выход северокорейской ракетной технологии на новый уровень указывал на намерение Пхеньяна создать межконтинентальную ракету, способную поразить любую цель на планете.

Вряд ли Пхеньян вынашивает планы нанесения превентивного ракетного удара по Южной Корее, Японии, США или какой-нибудь другой стране. Скорее всего, КНДР не нашла другого способа обеспечить свою безопасность и предпочла иметь средство сдерживания на тот случай, если кто-либо попытается оказать на нее чрезмерное давление.

В октябре 1999 г. вашингтонская администрация предложила КНДР план прекращения разработок, испытания, развертывания и экспорта ракет большой дальности, известный как доклад представителя Госдепартамента США В.Перри. Предлагалось провести переговоры с КНДР, установить между двумя странами дипломатические отношения, снизить порог политического и иного давления, проводить политику мирного сосуществования. Однако состоявшиеся между США и КНДР переговоры не привели к достижению договоренностей.

В ходе визита В.В.Путина в КНДР в июне 2000 г. Северная Корея выразила готовность отказаться от своей ракетной программы, включая испытания ракет, если другие страны предоставят Пхеньяну возможность запускать в год один—два исследовательских спутника.

Мирный договор. Руководство КНДР давно проявляло интерес к подведению итогов корейской войны и подписанию мирного договора, участником которого, по мнению Пхеньяна, могут быть только США. Еще в марте 1974 г. Верховное Народное Собрание КНДР направило Конгрессу США соответствующее предложение на этот счет.

С 1994 г. КНДР предпринимает попытки пересмотра Соглашения о перемирии. Министерство иностранных дел КНДР объявило этот документ недействующим. Под давлением Пхеньяна представитель Китая был вынужден в декабре 1994 г. покинуть военную комиссию по перемирию. В марте 1995 г. власти КНДР вынудили представителя Польши в комиссии нейтральных государств по наблюдению за перемирием прекратить выполнение своих функций. Чехословацкий представитель в этой же комиссии

покинул Северную Корею ранее. Таким образом, разрушался механизм перемирия, который на протяжении 40 с лишним лет после окончания войны являлся единственным инструментом урегулирования недоразумений, инцидентов и конфликтных ситуаций, возникавших между Севером и Югом.

16 апреля 1996 г. Президент Б.Клинтон и президент Ким Ен Сам предложили Северной Корее решать проблемы мирного урегулирования на полуострове в рамках четырехсторонних переговоров (Север и Юг + США и Китай). Серия последовавших встреч «четверки» выявила серьезные расхождения в позициях сторон. Северная Корея настаивала на заключении мирного договора между США и КНДР с последующим выводом из Южной Кореи американских войск. Такой подход не устраивал Вашингтон и Сеул. Россия оказалась вне рамок переговорного процесса по формальной причине: она не была участником корейской войны.

На Корейском полуострове пересекаются интересы четырех соседних государств. Естественно, что у них существуют разные представления о региональной безопасности и средствах ее достижения.

Политика России в отношении Корейского полуострова претерпела за последние 10 лет существенные изменения. Россия заинтересована в сохранении стабильности и безопасности на Дальнем Востоке, где ее сухопутные и морские границы соприкасаются с Китаем, Кореей и Японией. Там сконцентрирована значительная часть экономического и военного потенциала России. Поэтому общая ситуация в Корее в значительной степени влияет на безопасность дальневосточных районов России.

Значение России как гаранта безопасности в Корее было существенно ослаблено ее отказом пролонгировать срок действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанного в 1961 г. между СССР и КНДР. В историческом плане союзный договор сыграл позитивную роль как инструмент сохранения мира и стабильности в Корее.

Некоторые исследователи отстаивают ту точку зрения, что мир в Корее обеспечивался благодаря присутствию там американских войск. Такое суждение справедливо отчасти, так как никто не знает, что было бы с Кореей, если бы Москва и Пекин не имели союзных отношений с Северной Кореей. Наличие договора между СССР и КНДР позволило в период холодной войны избегать развязывания военного конфликта в Корее, хотя поводов к этому было предостаточно.

По логике вещей, судьба указанного договора должна была бы решаться в увязке с судьбой других военных альянсов в регионе, в частности, договоров между США и Японией, США и Южной Кореей. Однако Россия избрала путь односторонних уступок, она просто уходила из Северной Кореи. США, Япония и Южная Корея не последовали примеру России, напротив, они не устава-

ли подтверждать верность своим союзническим обязательствам и не упускали случая продемонстрировать это на деле.

Со временем в Москве пришли к выводу, что свертывание отношений с Пхеньяном не пошло на пользу России и ее интересам на Дальнем Востоке. С 1994 г. Москва стала предпринимать шаги к возобновлению связей с КНДР. К этому ее стимулировала также происходившая нормализация американо-северокорейских отношений.

9 февраля 2000 г. между РФ и КНДР был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Документ предусматривает механизм консультаций в случае агрессии в отношении одной из них или возникновения ситуации, угрожающей миру и безопасности. По сути дела, в данном случае речь идет о своеобразной «мягкой» форме политических гарантий безопасности Северной Кореи.

Существует также иная точка зрения, ставящая под сомнение целесообразность сближения России с КНДР по причинам идеологического и политического характера. Однако, как показывает практика, такого рода мотивы не мешают странам Европейского союза иметь нормальные отношения с Северной Кореей. Россия же расположена ближе к Корее, чем указанные государства, и уходить ей из этого региона нет никакого смысла.

Сохранение добрососедских отношений с КНДР дает России возможность упрочить свое влияние в регионе, где она имеет свои интересы — обеспечение безопасности дальневосточных рубежей нашего государства. Для Москвы важно, что КНДР проводит самостоятельный внешнеполитический курс, разделяет подходы России по важным для нее вопросам сохранения режима ПРО, ведущей роли ООН в международных делах, нерасширения НАТО. В ходе визита В.В.Путина в КНДР в июне 2000 г. и его переговоров с Ким Чен Иром выявилось совпадение интересов России и КНДР по такому принципиальному вопросу, как снижение уровня военной напряженности на Корейском полуострове. Общность позиций открывает возможность взаимодействия двух стран в интересах мира и безопасности в США.

Во время визита В.В.Путина в Сеул в феврале 2001 г. были сформулированы основные элементы российской политики на Корейском полуострове, суть которых сводится к следующему:

- поддержка самостоятельного, без вмешательства извне, процесса примирения в Корее;
- решение проблем полуострова исключительно мирным, дипломатическим путем;
- поддержка перспективы создания дружественного России единого корейского государства; безопасность на полуострове обеспечивается путем выработки международно-правовых гарантий;

- освобождение полуострова от оружия массового уничтожения, поддержка его безъядерного статуса, ракетное нераспространение;
- создание экономического фундамента стабильности путем осуществления многосторонних взаимовыгодных проектов с участием государств СВА, в том числе двух Корей.

Существенным элементом политики России является то, что она в принципе позитивно относится к перспективе объединения Корей. Создание на Корейском полуострове единого государства выгодно для России, поскольку в этом случае устраняется очаг напряженности вблизи российских границ и стратегически важных военно-морских баз России на Тихом океане.

Тем не менее, существует мнение, что все эти выгоды могут оказаться реальными только в том случае, если единая Корея станет дружественным по отношению к России государством, не будет участницей какого-либо военно-политического альянса или базой для размещения иностранных вооруженных сил и оружия массового уничтожения. В случае если единая Корея останется военным союзником США, то для России это будет означать то же самое, что и расширение НАТО на Восток в азиатском варианте исполнения. Как бы ни складывались наши отношения с США в будущем, включение территории единого корейского государства в сферу военных интересов Вашингтона, несомненно, будет восприниматься как стремление создать непосредственно у границ России рубеж передового военного базирования, что при любых обстоятельствах будет контролировать и ограничивать потенциал российской безопасности на Дальнем Востоке.

Геополитическое положение Кореи таково, что реальные гарантии ее безопасности могут быть обеспечены, если она будет независимым и нейтральным государством. Однако такая точка зрения не встречает понимания в политических кругах ряда государств и, прежде всего, в Южной Корее.

Позитивная роль России как одного из гарантов безопасности на полуострове справедлива лишь для той ситуации, если она будет поддерживать нормальные добрососедские отношения с двумя корейскими государствами. Перекосы в наших отношениях в сторону одного из них будут неизбежно снижать интерес к России в регионе. Она может быть полезным партнером для Пхеньяна, если будет присутствовать в Сеуле. С Россией станут больше считаться в Сеуле, если она сохранит свои отношения с Пхеньяном.

В данном случае речь не идет о сохранении определенного баланса в отношениях с Севером и Югом Корей или проведении политики равноудаленности от Сеула и Пхеньяна. Обеспечить такой баланс практически невозможно, да в этом и нет необходимости. У России сложились разные отношения с Северной и

Южной Кореей, и с каждой из них они имеют свою собственную ценность.

Российские политики убеждены, что углубление отношений партнерства с Республикой Корея отвечает интересам народов обеих стран и укрепления безопасности и стабильности в Северо-Восточной Азии. Аналогичная точка зрения была высказана и южнокорейской стороной в ходе визита В.В.Путина в Сеул в феврале 2001 г. Руководители двух стран договорились об углублении диалога и сотрудничества по проблемам экономического развития в интересах дальнейшего расширения двусторонних связей в области торговли и инвестиций.

Политика Китая в отношении Корейского полуострова. Интересы Пекина к Корейскому полуострову заметно возросли после нормализации дипломатических отношений между Китаем и Республикой Корея в августе 1992 г. Китай оказался единственной страной, сохранившей нормальные отношения и военный договор с КНДР. Когда в 1993 г. на полуострове сложилась кризисная ситуация в связи с решением Пхеньяна выйти из Договора о нераспространении ядерного оружия, Китай вместе с США, Японией и Южной Кореей участвовал в поисках компромиссных решений.

Зарубежные исследователи склонны считать, что сохранение статус-кво на полуострове отвечает стратегическим интересам Китая. Пока Пекин не достигнет поставленных целей в экономическом броске и не завершит модернизацию своих вооруженных сил, серьезные перемены в Корее для него нежелательны.

На протяжении последних 50 лет северокорейско-китайские отношения переживали взлеты и падения. Тем не менее КНДР всегда рассматривала Китай в качестве «мощного» тыла на случай осложнения обстановки на Корейском полуострове и угрозы со стороны США и Южной Кореи. Китайские народные добровольцы отстаивали независимость Северной Кореи в годы Корейской войны 1950—1953 гг. В 1961 г. Пхеньян и Пекин подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который продолжает действовать и по сей день. В Китае военная статья этого документа трактуется с точки зрения недопущения автоматического втягивания КНР в возможный военный конфликт на полуострове.

В отношениях между двумя странами были периоды острых разногласий. В годы «культурной революции» на корейско-китайской границе происходили инциденты. Ким Ир Сен не мог согласиться с китайскими утверждениями об универсальности «идей Мао» и продолжал настойчиво отстаивать собственные «идеи чучхе». В КНДР довольно резко отреагировали на появившиеся в Китае сообщения о якобы произошедшем в Пхеньяне государственном перевороте (1967 г.). В 1970 г. КНДР посетил Чжоу Эньлай, после чего отношения между двумя странами нормализовались.

Новое охлаждение в северокорейско-китайских отношениях наступило в 1991 г., когда Пекин установил дипломатические отношения с Сеулом. Северокорейское руководство не могло простить предательства со стороны «верного союзника». Однако спустя несколько лет обе стороны пошли на улучшение отношений. КНДР в условиях глубокого экономического кризиса была сильно заинтересована в помощи и поддержке Китая. Пхеньян возобновил контакты с Пекином на высшем уровне. Ким Чен Ир дважды посетил Китай — в 1999 г. и 2000 г.; в 2001 г. в КНДР с официальным визитом побывал председатель КНР Цзян Цзэминь.

Китай остается одним из немногих доноров Северной Кореи. Ежегодно Пекин предоставляет Пхеньяну гуманитарную помощь продовольствием, осуществляет поставки нефтепродуктов. Объем товарооборота между КНДР и КНР в 2001 г. составил более 400 млн. долл. Во время визита в Пхеньян в 2001 г. Цзян Цзэминь объявил о безвозмездном предоставлении КНДР 200 тыс. т продовольствия и 30 тыс. т дизельного топлива.

Северокорейская задолженность Китаю составляет 4,5 млрд долл. Однако Пхеньян из-за экономического кризиса не способен погасить свой долг перед КНР.

Китайская сторона на разных уровнях пытается подтолкнуть северных корейцев к проведению экономических реформ, убедить их на собственном примере в целесообразности реформирования существующей в КНДР директивной экономической системы.

Со стороны Китая оказывается поддержка КНДР в вопросах межкорейских отношений. Пекин приветствовал мирный диалог между Севером и Югом, выразил солидарность с итогами первой встречи лидеров КНДР и РК в Пхеньяне в июне 2000 г. КНР поддерживает расширение внешнеполитических связей КНДР, нормализацию ее отношений с Европейским союзом. Китай выступает за улучшение связей КНДР с США и Японией.

К началу XXI в. КНДР и КНР подошли с достаточно прочным багажом двусторонних отношений. Сложное экономическое положение КНДР, военно-политическое давление на нее со стороны США и их союзников побуждают северокорейское руководство опираться на Китай, видя в нем мощного стратегического союзника.

Политика Соединенных Штатов Америки в отношении Корейского полуострова. Свертывание военных союзов в треугольнике Россия—Китай—КНДР и ослабление противостояния на Дальнем Востоке не вызвали адекватных подвижек с другой стороны. Наоборот, система военных альянсов США с Южной Кореей и Японией продолжает совершенствоваться в направлении создания «военного треугольника», где лидирующая роль принадлежит США.

Главная задача политики США в Корее — сохранить свое военное присутствие, в том числе и после того, как Корея будет

объединена. Американский военный корпус в Корее насчитывает 36,4 тыс. человек и является элементом передового базирования вооруженных сил США на азиатском материке.

Американцы с осторожностью относятся к перспективе сближения между Севером и Югом Кореи, полагая, что на этом пути неизбежно возникнет проблема вывода американского военного контингента из Южной Кореи. В Вашингтоне существуют опасения, что Сеул способен пойти на такие соглашения с Севером, которые могут причинить ущерб интересам США в регионе. Поэтому администрация президента Дж.Буша настаивает на том, чтобы крупным подвижкам в межкорейских отношениях предшествовали реальные изменения в политике КНДР. Фактически это означает, что США намерены контролировать, а если необходимо, то и сдерживать межкорейский диалог.

Политика США в отношении КНДР последовательно не отличалась. Северная Корея выполнила свои обязательства по Рамочному соглашению, остановив работу реактора, способного производить плутоний. Вашингтон не торопился реализовывать соглашение в той его части, которая предусматривала установление дипломатических отношений с КНДР и сооружение атомной электростанции. Американцы выдвинули новые условия — мораторий на ракетные программы Северной Кореи. Поездка в США первого заместителя председателя Комитета обороны КНДР вице-маршала КНА Чо Мен Рока, а также визит в Пхеньян государственного секретаря США М.Олбрайт в 2000 г. создали условия для продолжения переговоров. США добивались от Пхеньяна отказа от запусков баллистических ракет и экспорта ракетных технологий в страны Ближнего и Среднего Востока. На переговорах была обсуждена идея Пхеньяна отказаться от испытаний ракет большой дальности в обмен на предоставление возможностей для запуска гражданских спутников.

Однако администрация президента Дж.Буша заподозрила КНДР в нарушении договоренностей по вопросам распространения ядерного оружия и средств его доставки и решила пересмотреть Рамочное соглашение в 1994 г. В марте 2001 г. Дж.Буш объявил, что США рассматривают Северную Корею в качестве угрозы, а в январе 2002 г., выступая перед конгрессом с ежегодным посланием, назвал КНДР, Иран и Ирак «осью зла». В итоге на полуострове возникла очередная конфликтная ситуация, наступила пауза и в межкорейском диалоге.

Политика Японии ориентирована на сохранение статус-кво на Корейском полуострове. Радикальные перемены в Корее, чреватые обострением напряженности и вооруженными конфликтами, не отвечают ее интересам. Неоднозначная для Японии ситуация может сложиться лишь в том случае, если объединенная Корея превратится в сферу исключительного влияния США, России или

Китай. Поэтому Японии сдержанно относится к перспективе объединения Кореи в одно государство.

В отношениях с обоими корейскими государствами у Японии существует ряд сложных проблем, связанных с ее прошлой колониальной политикой. Причем, Север и Юг в данном случае выдвигают порой идентичные претензии: их беспокоят, в частности, попытки японских политиков оправдать аннексию Кореи, тенденции к наращиванию Японией своей военной мощи и расширению сферы деятельности японских сил самообороны за пределами своей территории.

В свою очередь, Япония озабочена исходящими из Кореи угрозами. Очевидно, например, что наличие крупных вооруженных сил, ракетно-ядерного оружия в расчлененной или в объединенной Корее — не лучшая стратегическая перспектива для Токио. Посредством системы военных альянсов между США и Японией, а также между США и Южной Кореей Токио все более втягивается в военное сотрудничество с Сеулом, создавая своеобразный стратегический «треугольник» в СВА.

Отношения между КНДР и Японией остаются неурегулированными. Северная Корея требовала от японского правительства извинений за колониальное прошлое, выплату компенсаций (примерно 20 млрд долл.) и возвращение культурных реликвий, вывезенных из Кореи в годы японского колониального господства. Со своей стороны японцы выдвигали перед Пхеньяном контрпретензии — прекращение ракетно-ядерных программ КНДР, возвращение похищенных северокорейскими спецслужбами японских граждан.

В декабре 1999 г. Пхеньян посетила японская делегация во главе с бывшим премьер-министром Т.Муроямой. Была достигнута договоренность возобновить переговоры о нормализации северокорейско-японских переговоров. Однако состоявшиеся контакты пока не принесли позитивных сдвигов. Японская сторона отклонила требования компенсировать ущерб, нанесенный Северной Корее в колониальный период. КНДР не согласилась признать, что ее ракетная программа создает угрозу безопасности Японии, а также отклонила обвинения в похищении японских граждан.

На консультациях между обществами Красного Креста Японии и КНДР, которые проходили в 2001 г. в Пекине, северокорейская сторона выразила готовность продолжать поиски пропавших без вести японцев на своей территории, а Япония согласилась провести расследование судеб корейцев, исчезнувших в период японского колониального правления в Корею до 1945 г. Япония также объявила о намерении добиваться восстановления воздушного сообщения с КНДР, отменить санкции в отношении Пхеньяна и возобновить оказание гуманитарной помощи. По со-

стоянию на 2001 г., Япония предоставила КНДР 500 тыс. т продовольствия.

Определенную надежду на оздоровление северокорейско-японских отношений вызвал визит в Пхеньян в сентябре 2002 г. премьер-министра Японии Коидзуми. Стороны пришли к договоренности приступить к переговорам о нормализации межгосударственных связей.

Таким образом, к началу XXI в. корейская проблема продолжает оставаться одной из узловых в международных отношениях. От ее конструктивного урегулирования во многом зависят мирное сотрудничество, безопасность и стабильность не только в Северо-Восточной Азии, но и во всем обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Глава XXIX

ДВЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО РАСКОЛА

1. Корейская нация и корейский язык после освобождения

Раскол Кореи на Север и Юг в 1945 г., закреплённый образованием в 1948 г. двух отдельных государств — Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея, между которыми уже более полувека отсутствуют нормальные контакты, привел к фактической **дивергенции единой прежде корейской нации**.

Не предпрещая ответ на требующий специального исследования теоретический вопрос о сущности национальных образований на Севере и Юге (еще недавно мы бы определили их как социалистическая и капиталистическая корейские нации), отметим, что об очевидном для представителей старшего поколения корейцев едином национальном самосознании довольно проблематично говорить применительно к большей части населения, которая родилась уже после раскола страны, особенно после Корейской войны 1950—1953 гг., до предела антагонизировавшей отношения Севера и Юга и создавшей между ними буквально непреодолимые барьеры.

Естественно, мы далеки при этом от утверждения о завершении размывания этнической общности корейцев на Севере и Юге полуострова, хотя подобные процессы теоретически допустимы и зафиксированы мировой историей, но требуют гораздо более продолжительных исторических сроков.

Дивергенция корейской нации происходит по таким направлениям, как раздел территории прежде единой страны и проживающего на ней населения, обособление экономик, политической и социальной жизни, накопление различий в языке, утверждение разных, зачастую антагонистических систем идеологии и художественных культур.

Говоря о языковой ситуации на Корейском полуострове, следует констатировать, что в КНДР и Республике Корея сформировались **два варианта корейского литературного языка** — соответственно «мунхвао» («культурный язык») и «пхёджуно» («нормативный язык»).

Если к 20-м годам XX в. в Корее на базе сеульского говора центрального диалекта в основном сложился современный корей-

ский литературный язык, нормы которого были кодифицированы в 30-е годы, то после раскола страны литературный язык на Севере и Юге развивался в условиях почти полного отсутствия контактов между двумя частями Кореи с различным общественным строем, проведения разнонаправленной языковой политики, влияния разных диалектов и иностранных языков при недостаточно укоренившихся в предшествующий период нормах литературного языка. Вследствие всего этого степень расхождения вариантов литературного языка в КНДР и РК оказалась весьма значительной, несмотря на исторически короткий период их раздельного функционирования.

Наиболее существенны лексико-семантические расхождения. Различия в грамматике минимальны, невелики они в орфоэпии, но довольно значительны в стилистике. Несколько различаются также орфография и пунктуация. В Южной Корее продолжается употребление — хотя и существенно сократившееся с конца 60-х годов — иероглифики наряду с национальным алфавитом, тогда как на Севере от нее отказались на письме еще в конце 40-х годов.

Впрочем все это пока не привело к серьезному нарушению возможности языковой коммуникации носителей двух разных вариантов, хотя и накладывает яркий отпечаток на речь северян и южан.

2. Идеологическая конфронтация на разделенном полуострове

В основе существенных различий в культуре и искусстве КНДР и РК, в первую очередь, лежит формирование там двух различных систем идеологии.

Еще во времена японского колониального господства немалое число представителей различных слоев корейского общества искало ответы на существовавшие острые проблемы в популярных тогда в мире идеях социализма и коммунизма, противопоставляя себя приверженцам национализма. Однако до определенного момента цели антияпонского сопротивления сближали социалистов и националистов. Раскол между ними обострился с обретением независимости, когда встала задача определения путей дальнейшего развития страны в условиях разворачивавшейся холодной войны. Впрочем, на Севере и Юге в то время наблюдались и некоторые схожие моменты в идеологической жизни.

Так, в обеих частях страны сразу после освобождения в качестве важной задачей было провозглашено преодоление идейного наследия японского колониализма. Все связи с Японией были прерваны, проживавшие в Корее японцы в массовом порядке возвращались на родину, японский язык в роли официального был замещен корейским. Насаждавшийся в качестве государственной

религии синтоизм, естественно, тоже подвергся бойкоту, а храмы закрыты. Корейцы, работавшие в японских органах государственного управления и активно сотрудничавшие с колонизаторами, были подвергнуты разного рода ограничениям и притеснениям.

Одновременно в стране в русле начавшейся демократизации и модернизации общественной жизни преодолевались пережитки архаичного уклада — законодательно устанавливалось равенство полов (на Севере в 1946 г. был принят закон о равноправии женщин, соответствующее положение позже было зафиксировано в конституции РК), была осуществлена земельная реформа (весьма радикальная на Севере с 1946 г. и гораздо более мягкая на Юге с 1949 г.), ликвидировавшая помещичье землевладение, батрачество и даже остатки домашнего рабства.

Наряду с этими общедемократическими преобразованиями на Севере и Юге Кореи при активном участии действовавших там советской и американской военных администраций постепенно устанавливались разные идеологические системы. В Северной Корее пропагандировались левые, коммунистические идеи, копировался опыт Советского Союза по социалистическому устройству жизни. В Южной Корее в дополнение к националистической идеологии насаждались либеральные ценности американского образца и ограничивались противоположные идеи, что нашло отражение в запрете деятельности компартии. В такой обстановке многие приверженцы левых и правых идей нелегально переходили, соответственно, на Север и на Юг. Тотальное идеологическое размежевание, абсолютная нетерпимость к носителям противоположных взглядов закрепились в ходе Корейской войны.

Таким образом, идеологическая конфронтация социалистической и капиталистической систем нашла в Корее свое самое прямое выражение. Носители чуждых взглядов и на Севере, и на Юге объявлялись врагами, становились объектом преследований, что непосредственно отразилось и в законодательстве (см., например, Уголовный кодекс КНДР и Закон о национальной безопасности РК).

Современную идеологию КНДР можно представить как сложное образование, состоящее из нескольких пластов и разноплановых элементов. В основе ее — на субстратном уровне — лежат традиционные воззрения, господствовавшие в корейском обществе до 1945 г. — конфуцианские ценности, а также — особенно в быту — элементы шаманизма, суеверий, буддизма и христианства. Однако все эти воззрения подвергались серьезным ограничениям со стороны властей в период Корейской войны, в процессе социалистических преобразований, и к середине 50-х годов их непосредственные проявления практически исчезли со сцены северокорейской общественной жизни, были заменены усиленно насаждавшейся официальной идеологией — сначала привнесенной из СССР сталинской интерпретацией марксизма-ленинизма, а позже собственными «идеями чучхе». (Первоначально идеи «чучхе» ин-

терпретировались как творческое применение марксистско-ленинского учения к конкретным условиям Кореи, а позже — как новая оригинальная идеология, отвечающая потребностям XX в. Несут они в себе и серьезный заряд национализма, пропагандируя лозунг «корейская нация — прежде всего».)

Важным этапом идеологической эволюции северокорейского общества стал конец 60-х годов, когда в ходе начавшегося в 1967 г. «движения за установление единой идеологии партии» была поставлена цель «монохроматизации общества» под лозунгом «Не знать никаких других идей, кроме революционных идей великого вождя товарища Ким Ир Сена». В качестве конкретных задач этого периода выдвигались искоренение проявлений «ревизионизма» в партии и обществе (т.е. мнений, отличных от взглядов вождя), преодоление тенденций «архаизации», трактуемой как некритическое наследование традиционной национальной культуры, и иностранного влияния. Указанное движение в ряде аспектов напоминает «великую пролетарскую культурную революцию», проходившую в Китае примерно в это же время.

Фактически эти же установки, хотя и в модернизированной, не столь жесткой форме, с несущественными вариациями действуют поныне. Правда, на смену идеям Ким Ир Сена, скончавшегося в 1994 г., как их продолжение и дальнейшее развитие сейчас выдвигаются идеи его сына — Ким Чен Ира, председателя Государственного комитета обороны КНДР, генерального секретаря Трудовой партии Кореи, верховного главнокомандующего Корейской народной армии.

Естественно, что в пропагандистской работе ТПК идеологические установки постоянно конкретизируются, увязываются с задачами каждого отдельного периода в жизни страны — демократических реформ, войны 1950—1953 г., социалистических преобразований, «движения Чхоллима», параллельного экономического и оборонного строительства, преодоления трудностей после распада социалистического лагеря, особенно СССР, кончины Ким Ир Сена, природных катаклизмов (засухи, наводнений).

Социалистическая конституция КНДР (редакция 1998 г.) провозглашает «идейно-политическое единство всего народа, основанное на союзе рабочих и крестьян, в котором руководящая роль принадлежит рабочему классу» (статья 10), а также руководящую роль в стране Трудовой партии Кореи (статья 11). Констатируется, что государство «создает подлинно народную и революционную культуру, служащую социалистическим труженикам. В процессе строительства социалистической национальной культуры государство выступает против культурной экспансии империализма и тенденции к беспринципному сохранению и восстановлению старого, охраняет национальное культурное наследие, хранит и развивает его в соответствии с реалиями социалистического общества» (статья 41).

Что касается идеологии южнокорейского общества, то при всем ее относительном плюрализме, затрудняющем четкое и однозначное определение этой идеологии, в целом в ней в гораздо большей степени прослеживаются традиционные воззрения, которые (за исключением японского влияния) в РК никто специально не ограничивал.

Огромное значение на Юге имеют религия и традиционные верования — шаманизм, конфуцианство, буддизм, христианство в его католической и протестантской разновидностях. Причем в силу специфики исторического развития страны (смена одной ведущей религии другой, ограничение буддизма в пользу конфуцианства в отдельные периоды эпохи Чосон, гонения на католиков в последний период Чосон, насаждение синтоизма японцами) в Южной Корее около половины населения не считает себя исповедующим какую-либо религию, а другая половина делится примерно поровну на буддистов и христиан. При этом стремительный рост числа приверженцев протестантизма в XX в., особенно в его второй половине, объясняют реакцией на поощрение буддизма японцами и влиянием американских и других западных миссионеров. Тем не менее, в целом для РК характерны веротерпимость и законодательное закрепление светского характера государства. Более того, в реальной жизни происходит взаимопроникновение различных верований — даже члены одной семьи могут исповедовать разные религии. Конфуцианские обряды поклонения предкам, почитание Тангуна как основателя нации стали частью национальной культуры и соблюдаются большинством населения безотносительно к конкретному вероисповеданию.

Изменения в традиционном укладе жизни и в идеологии южнокорейского общества происходят, прежде всего, под влиянием экономических преобразований в стране и сильного западного, особенно американского, влияния. Для Юга сегодня весьма характерно сочетание традиционализма, корейского национализма с ускоренной вестернизацией.

Южнокорейские философы и социологи в той или иной мере восприняли основные течения западной научной мысли (экзистенциализм, прагматизм, позитивизм и т.д.) и попытались на их основе проанализировать состояние своего общества, спрогнозировать пути его развития. Однако эти усилия большей частью не выходили за рамки научных школ и не оказывали серьезного воздействия ни на политику правящих кругов РК, ни на общество в целом.

С господствующей на Севере идеологией ТПК на Юге, пожалуй, можно сопоставить лишь общие идеи либеральной демократии, национализма и антикоммунизма, разделяемые основными политическими партиями и общественностью. При этом на разных этапах развития РК акцент делался на разные составляющие этой триады. Например, по мере смены поколений, развития

межкорейского диалога была приглушена пропаганда антикоммунизма: с конца 80-х годов допускается научное издание марксистской литературы, а с середины 90-х годов — ограниченное знакомство с политической литературой КНДР.

Меняется характер общественного поведения. В 50-е годы жажда избавления от жизненных невзгод, трудностей, вызванных политическим и экономическим несовершенством общества, приводила к широкому распространению аполитичности, индивидуализма, пессимизма и цинизма. Однако в 1960 г. общественный протест привел к свержению режима Ли Сын Мана, а значительно позже и к демократизации страны. Параллельно в 60—70-е годы властям удалось мобилизовать силы общества на достижение экономического подъема страны при ограничении демократии, использовании националистических лозунгов («минджок чучхесон» — «национальная самобытность») и элементов кооперации (движение «сэмабыль» — «за новую деревню»). Уже в 90-е годы на базе достигнутого развернулась пропаганда лозунгов либеральной демократии и рыночной экономики, глобализации — сближения с передовым миром в целях нахождения собственной ниши в международном разделении труда и вывода страны на самые передовые рубежи.

Культура и искусство РК в той или иной форме отражали идейные искания и общественное движение в стране.

Конституция РК (редакция 1987 г.) предусматривает, что государство сохраняет и развивает культурное наследие, поощряет национальную культуру (статья 9).

3. Особенности развития культуры в КНДР

Весьма низкий образовательный уровень населения Северной Кореи на момент освобождения (2,3 млн неграмотных, в школах обучалось лишь $\frac{1}{3}$ детей, отсутствовали вузы) и задачи преобразования общественной жизни на новых началах побудили руководство страны (на первых порах вместе с советской администрацией) уделять особое внимание развитию просвещения.

В результате энергичной работы к весне 1949 г. неграмотность была в основном ликвидирована. Одновременно были упразднены частные, миссионерские, муниципальные школы и создана единая система общего образования. К середине 50-х годов КНДР выполнила задачу всеобщего обязательного начального обучения. С 1975 г. осуществляется всеобщее обязательное 11-летнее обучение (включая одногодичное дошкольное).

Быстро развивалась система высшего образования, на первом этапе — с помощью Советского Союза. В 1946 г. в Пхеньяне был основан Университет им. Ким Ир Сена, первое высшее учебное заведение на Севере Кореи. На сегодня в КНДР функционирует более 200 вузов, включая вузы и учреждения заочного и вечернего обучения, велика доля специалистов с высшим и средним специальным образованием среди занятых в народном хозяйстве. По-

добные достижения обусловили выдвижение в 80-е годы лозунга «интеллигентизации всего общества», т.е. перехода в перспективе к обязательному высшему образованию.

Объективности ради следует отметить, что количественные показатели развития образования в КНДР не подкрепляются в должной мере качественными. Наряду с передовыми учебными заведениями (Университет им. Ким Ир Сена, Политехнический университет им. Ким Чхэка, Народный дворец учебы, Корейский компьютерный центр, столичная средняя школа № 1 — все в Пхеньяне) существует немало таких, в которых материально-техническая база далеко не соответствует международным стандартам, крайне ограничен доступ преподавателей и учащихся к научным достижениям других стран. Серьезные экономические трудности, переживаемые страной в последнее десятилетие, усугубляют подобную неблагоприятную ситуацию.

Руководство КНДР в последнее время проявляет заинтересованность в возобновлении сотрудничества с Россией в области образования, в подготовке кадров в российских вузах.

Становление КНДР в качестве суверенного государства сопровождалось неуклонным развитием сети научных учреждений в стране. В октябре 1952 г. была открыта Академия наук КНДР, позже от нее отпочковались Академия общественных наук и Академия сельскохозяйственных наук, были созданы Академия медицинских наук и Академия педагогических наук, другие научные центры. Несмотря на охват этой сетью всех основных отраслей науки, приоритет отдается естествознанию и технике, прикладным исследованиям. В 50—70-е годы известностью в мире пользовался химик, создатель синтетического волокна виналон Ли Сын Ги, избранный иностранным членом АН СССР.

Проблемами для науки КНДР, как и для просвещения, являются отставание материальной базы, недостаточное финансирование, слабые связи с мировой наукой. В таких условиях государство стремится сконцентрировать ограниченные средства на ключевых для себя направлениях.

В августе 2001 г. было подписано новое Соглашение о сотрудничестве между РАН и АН КНДР.

Литература КНДР унаследовала традиции общекорейской демократической литературы 1920—1930-х гг., да и ее создателями часто выступали писатели, заявившие о себе еще до освобождения Корею — прозаики Ли Ги Ён, Хан Сор Я, Пак Тхэ Вон, драматург Сон Ён, поэты Пак Пхар Ян, Пак Се Ён и многие другие. Из Советского Союза в КНДР переехал талантливый поэт Чо Ги Чхон, которого иногда называют «корейским Маяковским» и который погиб в войну во время бомбежки. Позже приобрели известность такие писатели, как Хван Гон, Чхон Се Бон, Сок Юн Ги и другие.

Особенностью северокорейской литературы стало освоение творческого метода социалистического реализма, активный отклик на переживаемые страной события — земельная реформа и другие преобразования, война, восстановление народного хозяйства. В то же время среди писательской общественности при активной роли ТПК развернулась «борьба против формализма и идеологической нечеткости в творчестве». Все это отражало соответствующие процессы в жизни страны в целом. Крупнейшей идеологической кампанией в литературе и искусстве, радикально изменившей ее облик, стало «движение за установление единой идеологии партии», начавшееся в 1967 году.

Прошедшая унификация искусства на революционных принципах, отказ от многих достижений предшествующего периода уже со второй половины 70-х годов стали постепенно пересматриваться, многие запрещенные авторы и их произведения вновь вернулись к читателям.

В 70—80-е годы в КНДР широко использовался метод «коллективного творчества» групп авторов при разработке наиболее ответственных тем (роман-эпопея «Бессмертная история», изображающая революционную деятельность Ким Ир Сена, посвященные ему поэмы).

В 50-е — первой половине 60-х годов и с начала 80-х годов в КНДР довольно широко издавалась (с соответствующими комментариями) классическая корейская литература, мировая классика, включая русскую и советскую литературу. Но в основном население удовлетворяет свою тягу к чтению современной северокорейской художественной литературой.

Большое внимание идейному руководству развитием литературы и искусства в КНДР уделяли ее высшие лидеры — Ким Ир Сен и Ким Чен Ир, которые посвятили этим проблемам немало статей и выступлений, содержащих конкретные установки для писателей и деятелей искусств. От авторов требуется создание национальных по форме и социалистических по содержанию произведений, также обращается внимание на их «классовость», «народность».

Работа с творческой интеллигенцией ведется партийным аппаратом ТПК через Ассоциацию деятелей литературы и искусства Кореи и входящие в нее отраслевые союзы.

В развитии в КНДР театрального, сценического искусства можно выделить два этапа. Если на первом шло активное освоение разнообразных жанров, то на втором, с середины 60-х годов, в основном используются те, которые в наибольшей мере отвечают политическим задачам ТПК. Так, в КНДР отказались от классического балета как от импортированного вида искусства, якобы не соответствующего эстетическим вкусам корейцев и не способного отразить социалистическую действительность. Одновременно исчезла национальная опера «чхангук», как основанная на тради-

ционном пении юго-западных провинций Кореи и плохо воспринимаемая современными трудящимися. Из репертуара были сняты драматические и оперные спектакли по произведениям зарубежных авторов.

В музыкальном театре остались лишь оперы нового типа, базирующиеся на «куплетных песнях», как наиболее понятные народу (без арий, речитатива и других черт европейской оперы). На таких принципах в конце 60-х — начале 70-х годов были поставлены «образцовые революционные оперы» — «Море крови», «Цветочница», «Расскажи, тайга», «Песня о Кымгансане». В таком же ключе строятся и последующие оперные спектакли, в том числе по произведениям национальной классики («Сказание о Чхунхяне»).

Драматический театр (к его достижениям последних лет относят революционные спектакли «Молельня», «Смерть на международной конференции», «Письмо от дочери», «Три фракции») был потеснен на сцене и на телевидении малыми формами сценического искусства — песнями, танцами, короткими инсценировками, отличающимися пропагандистской направленностью и легкой доступностью восприятия. Даже более крупные формы, которые иногда появляются в театрах, зачастую представляют собой те же номера, нанизанные на нежесткую сюжетную линию (музыкально-хореографическое повествование «Песня о вольном крае», хореографическая композиция «Времена года»).

Мобилизационные задачи сценического искусства в КНДР обусловили создание на базе художественных ансамблей профессиональных «отрядов художественной пропаганды» во всех провинциях, в ряде министерств и ведомств.

Что касается инструментальной музыки, то в стране функционирует один симфонический оркестр, причем его концерты проводятся довольно редко и произведения иностранных композиторов обычно не исполняются. Оркестры киностудий, театров, ансамблей песни и танца обеспечивают музыкальное сопровождение кинофильмов, спектаклей, вокальных и хореографических выступлений или, в крайнем случае, исполняют короткие музыкальные номера современных корейских композиторов. К достижениям в музыкальной сфере относят сочетание западных и национальных инструментов в одном оркестре. В последнее время корейские музыканты возобновили участие в международном конкурсе им. П.И.Чайковского в Москве в целях повышения профессионального уровня исполнителей.

В то же время в КНДР уделяется исключительное внимание песенному жанру, как профессиональной, так и массовой песне. Регулярно создается большое количество новых произведений, которые постоянно звучат по радио и телевидению, в трудовых и учебных коллективах.

Огромной популярностью в КНДР пользуется цирковое искусство, причем корейские мастера высоко оцениваются и на международной арене.

Из известных деятелей искусств КНДР следует упомянуть прославившуюся еще в 30-е годы танцовщицу Цой Сын Хи (органично соединившую национальную и современную хореографию, а в 50—60-е годы активно готовившую творческую смену, ставившую отдельные танцы и балетные спектакли), композиторов Ли Мён Сана (оперы, песни, симфонии), Ким Вон Гюна (автор гимна КНДР), выпускницу Ленинградской консерватории (симфонии, песни) Мун Гё Нок, Ан Ги Ока («чхангык»). Профессиональный уровень современных деятелей искусств КНДР, как авторов, так и исполнителей, также весьма высок, несмотря на ограниченность репертуара, представленного населению.

Весьма востребован в КНДР кинематограф. Поскольку иностранные ленты почти не демонстрируются, то отечественные картины постоянно идут и в кинотеатрах, и по телевидению. В стране работают Корейская киностудия художественных фильмов, Киностудия художественных фильмов «25 апреля» (армейская тематика), а также студии документальных, научно-популярных и детских фильмов.

Первый полнометражный художественный фильм «Моя родина» вышел на экран еще в 1949 г. Из фильмов последних лет в КНДР отмечают несущие большую идеологическую нагрузку работы «Звезда Кореи» (о раннем периоде революционной деятельности Ким Ир Сена) и многосерийную эпопею «Нация и судьба».

В Пхеньяне регулярно проводятся фестивали кино неприсоединившихся и развивающихся стран, а северокорейские кинематографисты принимают участие в Московских кинофестивалях. Большое внимание этому виду искусства, как его материальному оснащению, так и содержательной стороне, подготовке кадров, уделяет Ким Чен Ир (его подходы изложены в большой работе «Теория киноискусства»).

В изобразительном искусстве КНДР развиваются осовремененная традиционная живопись «чосонхва» (без монохромной живописи черной тушью, которая рассматривается как пережиток прошлого), живопись маслом, гравюра, скульптура, прикладное искусство (художественная вышивка, керамика, лаковые изделия). Большое внимание уделяется монументальной пропаганде, агитационному плакату. По идейным соображениям считается неприемлемым абстрактное искусство.

В архитектуре поощряется сочетание национальных традиций с современным стилем, что наиболее полно проявляется в новом облике столицы КНДР Пхеньяна, который был полностью разрушен во время войны 1950—1953 гг. и сейчас представляет собой образец северокорейского зодчества.

Помимо профессионального искусства, в КНДР активно развивается художественная самодеятельность, что соответствует установкам ТПК относительно «жизни в организации» и использования искусства в качестве средства идеологического воздействия на население.

Говоря в целом о культуре КНДР, нельзя не отметить огромное влияние советской культуры на ее становление и развитие. Несмотря на свертывание связей с СССР с начала 60-х годов, это влияние прослеживается и поныне (стилевые особенности музыки, архитектуры, исполнительского искусства; научные школы, система подготовки кадров и т.д.).

Несмотря на длительные и широкие контакты с КНР, воздействие современной китайской культуры (о безусловном глубоком влиянии старой китайской культуры на традиционную корейскую здесь речи не идет) оказалось более слабым. Одним из примеров такого влияния можно, пожалуй, назвать особенности «чосонхва», отличающие ее от южнокорейской традиционной живописи «тоньянхва», но сближающие с современной китайской в национальном стиле.

В настоящее время ограниченное знакомство населения КНДР с зарубежным искусством происходит через литературу, гастроли музыкальных и хореографических коллективов, редкие демонстрации кинофильмов (советских, китайских, развивающихся государств), а также в рамках ежегодных фестивалей искусств «Апрельская весна», приуроченных ко дню рождения Ким Ир Сена. Отрадно отметить, что в последнее время налаживаются и российско-корейские культурные связи.

Несмотря на ограниченные материальные возможности, руководство КНДР продолжает уделять повышенное внимание развитию культуры, включая просвещение, науку, искусство, телевидение, печать, спорт. В стране функционирует сеть педагогических вузов (есть в каждой провинции), в Пхеньяне работают консерватория, институты театра и кино, хореографический, изобразительных искусств, физкультуры. В каждой провинции есть училище искусств, в столице построено немало современных театров, имеются они и в провинциальных центрах. Подобное внимание объясняется тем, что культура рассматривается как важный элемент в проведении «трех революций — идеологической, технической и культурной», направленных на преобразование общества в духе политических установок ТПК, на развитие производительных сил страны.

4. Основные черты культурной эволюции в Республике Корея

Развитие культуры в РК после 1945 г. имеет ряд особенностей, обусловленных перипетиями истории и уровнем развития экономики страны, характером южнокорейского общества в его дина-

мике. В частности, долгие годы из-за сложного экономического положения государство недостаточно финансировало культуру за исключением, пожалуй, просвещения, направляя ограниченные бюджетные средства на другие нужды. В отличие от КНДР, в Южной Корее значительную роль в развитии культуры неизменно играет частная инициатива. На облик культуры глубокий отпечаток накладывают господствующие в обществе рыночные отношения при том, однако, что, в отличие от западных стран, в РК государство никогда не выпускало эту сферу из-под своего плотного контроля, даже в самый последний период демократизации страны. Огромно американское влияние на южнокорейскую культуру, оказываемое через широкие контакты между людьми, обучение в США десятков тысяч южнокорейских студентов, импорт произведений искусства. Такое положение вызвано тем обстоятельством, что с Японией до середины 60-х гг. не было отношений, а затем оставались жесткие ограничения на культурные контакты с бывшей метрополией. С Россией (хотя русская классическая литература и музыка всегда были популярны) и Китаем связи отсутствовали до начала 90-х годов, а влияние Западной Европы из-за географической удаленности по необходимости было ограниченным. Наконец, в культурной политике РК нельзя не заметить аспекты противостояния и соревновательности с КНДР.

Состояние образования в Южной Корее к моменту освобождения страны мало отличалось от северокорейского, хотя именно в Сеуле как столице были сосредоточены основные образовательные и культурные учреждения. Поэтому еще в 1948 г. был принят, а с 1953 г. стал фактически осуществляться закон об обязательном начальном (6 лет) образовании, которое является бесплатным. С 2002 г. вводится обязательное неполное среднее (до 9 класса включительно) образование.

Нынешняя система образования в РК в целом удовлетворяет потребности общества. В стране в 2000 г. насчитывалось 172 вуза с числом студентов в 1,7 млн человек. Несмотря на большие конкурсы и высокую плату за обучение, особенно в частных университетах, в вузы и колледжи поступает 68% выпускников повышенных средних (12 лет обучения) и других соответствующих школ. По мере развития страны неуклонно сокращается число учащихся на одного преподавателя, наполняемость классов, увеличиваются расходы на одного обучающегося.

Пристальное внимание к просвещению со стороны общества и государства объясняется потребностями развития экономики, конфуцианской традицией культа учености, а также идеологическими соображениями в условиях противостояния с КНДР. Государство определяет основные принципы просвещения и плотно контролирует ситуацию в сфере образования вплоть до высшего, в котором допускается функционирование частных вузов (финансирование, лицензирование, допуск к преподаванию, система экзаменов, учебные программы, численность студентов, обучение за рубежом

и т.д.). Это внимание проявляется и в том, что в настоящее время министр образования и развития людских ресурсов по должности является заместителем премьер-министра РК (одним из двух, наряду с министром финансов и экономики).

«Перепроизводство» специалистов с высшим образованием, приводящее к невозможности устроиться на работу по специальности, вынуждает власти ограничивать число студентов, а выпускников — переквалифицироваться, осваивая прикладные специальности.

Система организации науки в РК изначально существенно отличалась от советской и северокорейской. Основная часть исследований проводилась в университетах, традиционно слабо были развиты точные науки, существовал крен на подготовку специалистов гуманитарного профиля. Организованная в 1954 г. Академия наук РК выполняла лишь координационные функции, не имея в своем составе исследовательских структур. Однако по мере индустриализации страны, развития ее экономики в 1967 г. было создано Министерство науки и технологий, в 1966 г. открыт Корейский институт науки и техники, в последующем появились мощные исследовательские центры ведущих корпораций. В 1999 г. был создан Национальный совет по науке и технологиям во главе с президентом РК.

Если в 60–70-х годах ставилась задача внедрения, адаптации и применения иностранных технологий, то с 80-х годов акцент смещается на планирование и осуществление национальных проектов в области развития науки и технологий, растет внимание к фундаментальной науке. В настоящее время приоритетными отраслями для РК являются информационные технологии, биотехнологии, создание новых материалов, ядерная энергетика, космическая техника и другие. Общие инвестиции в НИОКР в 2000 г. достигли 10 млрд долл. (2,46% ВВП), а число ученых-исследователей — 135 тыс. Продолжая направлять студентов и исследователей на обучение за границу, Южная Корея все шире приглашает на работу иностранных ученых, в том числе из России и других стран СНГ. В России функционируют совместные российско-южнокорейские научно-исследовательские центры, в которых доводятся до стадии внедрения в производство перспективные разработки российских ученых.

На протяжении более чем полувекового существования РК литература занимала, пожалуй, ведущее место в художественном творчестве, была неизменно востребованной обществом, хотя в последние годы она сталкивается с серьезной конкуренцией телевидения, массовой культуры.

После освобождения страны и до начала Корейской войны в литературе продолжались процессы, характерные для предшествующего этапа, противостояние авторов, проповедующих идеи чистого искусства и разрабатывающих социальные проблемы, в том

числе с левых позиций. Однако в ходе войны и после нее второе направление сошло на нет и в видоизмененной форме общественно-политического сознания возродилось лишь на рубеже 60-х годов — в южнокорейскую «оттепель».

Начиная с Корейской войны, в литературе РК усилилась пропаганда антикоммунизма, конфронтации с Севером, на смену старому социально-психологическому роману пришли произведения в духе экзистенциализма.

Молодые авторы, пережившие ужасы гражданской войны, занялись поиском смысла жизни в обстановке жестокости и коррупции, царивших в послевоенном обществе. Не находя ответов на волновавшие их вопросы, они выражали в своих произведениях пессимизм и нигилизм.

Схематично вторая половина 60-х и 70-е годы характеризуются литературоведами как период застоя в художественной прозе, что связано с условиями военной диктатуры в стране, 80-е годы — как период идейности, а 90-е — как период индивидуальной чувственности.

Эти же характеристики можно отчасти отнести и к поэзии. Например, такие известные поэты, как Ким Жи Ха и Ко Ын, являвшиеся своего рода знаменосцами борьбы против диктатуры, за демократию и подвергавшиеся преследованиям властей, с начала 90-х годов, когда достаточно широкие круги населения смогли воспользоваться социальными и экономическими достижениями в развитии страны, перешли в своем творчестве от общественной проблематики к лиризму.

По своей форме южнокорейская поэзия в целом далеко отошла от северокорейской, где не допускаются модернистские эксперименты. Проза в этом смысле более консервативна.

Что касается тематики произведений литературы РК, то авторы много пишут о войне 1950—1953 гг., национальном расколе жизни страны в разные ее периоды, весьма популярны исторические сюжеты. Эти темы разрабатываются и в наши дни, несмотря на стабилизацию жизни и рост внимания к межличностным отношениям.

Из известных южнокорейских писателей следует назвать таких представителей старшего поколения, как Ким До Нин, Хван Су Вон, Ём Сан Соп, Сон У Хви, и выступивших на литературную арену после освобождения: Пак Кён Ни (ее роман-эпопея «Земля» часто оценивается как наиболее выдающееся произведение южнокорейской литературы), Чо Джон Нэ (эпопея о расколе и войне «Тхэбэксан»), Ли Мун Нель (весьма плодовитый писатель наших дней), Хван Со Гён (исторический роман «Чангильсан»), Цой Ин Хун (на русский язык переведен роман «Площадь»), Ли Хо Чхоль и многие другие.

В изобразительном искусстве РК развиваются как современная живопись западного стиля («соянхва»), так и традиционная вос-

точная («тонъянхва»), причем и то, и другое в творчестве различных художников может быть в разной степени осовременено. Из представителей первого направления можно выделить Ким Ин Сына, Ли Джун Сопа, выдающегося художника-самоучку Пак Су Гына, второго — Ли Сан Бома, Ким Ги Чхана, Пэк Нэ Хён, Ли Ын Но, Пён Гван Сика.

Среди художников европейского направления особо следует отметить авторов, вышедших за рамки модернизации стиля и перешедших под западным влиянием к абстракционизму, экспрессионизму и другим разновидностям авангардизма, — Ким Хван Ги, Ким Хын Су (его персональная выставка в 1993 г. прошла в Москве и Санкт-Петербурге) и многих других.

Уже в 80-е годы зародилось движение «искусство для масс», представители которого обращаются к острым социальным проблемам и пытаются своим творчеством повлиять на общество.

Подобные явления имеют место и в скульптуре, что можно наблюдать на улицах Сеула, других городов. В РК и в мире популярен проживающий сейчас в США видеохудожник-авангардист Пэк Нам Джун. Активно развиваются в РК каллиграфия, прикладное искусство.

О соотношении традиционных и модернистских течений в современном изобразительном искусстве Южной Кореи можно судить по экспозиции огромного Государственного музея современного искусства в пригороде Сеула Квачхоне, где явно преобладают произведения второго из них. Регулярно выставляются художники-авангардисты и на международной выставке «Кванджу-биеннале», организаторы которой подчеркивают, что южнокорейское искусство развивается в русле мирового и претендует в нем на видное место. Естественно, что в КНДР ничего подобного нет.

В Южной Корее существуют две разновидности музыки — национальная и европейская, причем и та, и другая представлены произведениями, написанными как в традиционной манере, так и модернизированной, хотя, за исключением эстрады, композиторы, в отличие от художников, предпочитают традиционное направление.

Исполнители национальной музыки, как дворцовой, так и народной, стремятся донести ее в первозданном виде, а при создании новых произведений в этих жанрах композиторы, как правило, не допускают смещения принципов этой музыки с европейскими. В этом они расходятся с северокорейскими коллегами, сознательно осовременивающими свои произведения в народном стиле.

Следует также признать, что, несмотря на активную поддержку со стороны государства, традиционная музыка гораздо менее популярна среди современных слушателей в РК, чем серьезная европейская или тем более эстрадная.

Симфоническая музыка в РК регулярно исполняется в концертах и по телевидению. В Сеуле и в провинции функционирует около 30 симфонических оркестров, часты гастролы зарубежных коллективов и отдельных исполнителей.

Из корейских композиторов, пользующихся мировой известностью, следует назвать приверженца экспериментального направления Юн И Сана, долгие годы жившего в ФРГ и подвергавшегося преследованиям на родине за контакты с Пхеньяном.

Из вокалистов сейчас популярны сопрано Чо Су Ми, Син Ён Ок, Хон Хе Гён, из исполнителей — дирижер и пианист Чон Мён Хун и его сестры — виолончелистка Чон Мён Хва и скрипачка Чон Гён Хва. Все они много гастрوليруют и своим искусством представляют не только корейскую, но и интернациональную культуру.

Из эстрадной музыки современная южнокорейская молодежь предпочитает поп-музыку, рок, рэп и другие идентичные западным направления, среднее и старшее поколение — более традиционную, напевную — так называемые песни «трот», напоминающие японскую эстраду 50—60-х годов. На Юге наблюдается бум пения в караоке — «норэбан».

В южнокорейском танцевальном искусстве развиваются такие направления, как дворцовые танцы, народные и современные танцы, а также классический балет.

В РК сегодня представлены самые разнообразные виды театрального искусства — драма, опера, «чхангык», балет. Весьма популярны мюзиклы, в том числе оригинальные корейские — например, «Последняя императрица».

На базе Национального театра, Сеульского центра искусств, Культурного центра им. Седжона, театра «Чондон» и других в столице и провинции дают представления государственные, муниципальные и частные коллективы. Особенностью южнокорейского театра является то, что в нем мало трупп со своим помещением и постоянным репертуаром. Подготовив при поддержке спонсоров тот или иной спектакль, в том числе с приглашением артистов со стороны, его показывают по всей стране, иногда за рубежом, а затем принимаются за новую работу. Драматические труппы, в отличие от оперных или балетных, небольшие по составу.

О жанровом разнообразии южнокорейского театра можно судить, например, по проходившему в апреле—июне 2002 г. на базе Национального театра в Сеуле в связи с чемпионатом мира по футболу фестивалю «Влюбленная Чхунхян», в ходе которого было показано 9 театральных версий на сюжет известного произведения классической корейской литературы — драма, опера, фольклорное действо, кукольный спектакль, современная музыкальная пьеса, чхангык, мюзикл на английском языке в исполнении детей, пхансори (исполнение всего произведения одним актером речитативом и пением под аккомпанемент барабана), хореографическая драма.

Кино всегда оставалось наиболее массовым, общедоступным видом искусства в РК. Особенно активно кинематограф развивался во второй половине 50-х и 60-е годы, когда ежегодно выпускалось до 200 фильмов. В 70-е и 80-е годы произошел спад из-за быстрого развития телевидения и снижения посещаемости кинотеатров. Однако с конца 80-х годов посещаемость вновь возросла в связи с увеличением импорта зарубежных фильмов, главным образом американских, и повышением уровня отечественных. Государство целенаправленно поощряет национальную киноиндустрию путем квотирования показа иностранных фильмов, налогового регулирования, материальной помощи студиям, организации фестивалей (Пусанский стран Азии и другие). Порой это вызывает трения в рамках ВТО.

Из современных режиссеров наиболее известны Лим Гвон Тхэк («Сопхёндже», «Наемная мать», «Сказание о Чхунхян»), Син Сан Ок, Ю Хён Мок, Ким Гиён. В последние годы на международных фестивалях привлекли внимание также работы Ким Ги Дока («Остров», «Адрес неизвестен»), Кан Джэ Гю («Свири»), Чан Сон У («Ложь»), Пак Чан Ука («Совместная зона охраны»).

Весьма развиты в РК также телевидение, периодическая печать и книгоиздание, в последние годы — информационные технологии (поголовное увлечение молодежи Интернетом, электронными играми).

Анализируя развитие культуры, в частности художественного творчества, в Южной Корее следует отметить такой аспект роли государства в ее развитии, как довольно жесткую цензуру, особенно на предыдущих этапах, что обусловлено идеологической обстановкой в разделенной стране, а также конфуцианскими традициями. Подобную работу проводят Комитет по вопросам этики в области культуры и искусства, Академия искусств и другие учреждения. Причем запрещались не только произведения, в которых можно было заметить сочувствие КНДР, чрезмерную эротику и т.д., но и, например, печальные мелодии, близкие японским. Известная эстрадная певица Ли Ми Джа вспоминала, как на закрытых приемах президент Пак Чон Хи просил ее исполнить понравившуюся ему лирическую песню «Девушка-камелия», которая была запрещена в то время. Впрочем, с конца 80-х годов ограничения постепенно ослабевают: стали перепечатываться ранние произведения писателей, перешедших затем на Север, расширен доступ в РК японской культуры, менее строги теперь критерии доступного с позиций общественной морали.

Захваченная потоком глобализации, корейская культура на юге страны, как и образ жизни населения, сохраняя свои традиционные корни, активно подвергается вестернизации.

В целом культуры Севера и Юга Кореи в условиях национально-государственного разделения все более расходятся: удельный вес общего культурного наследия в них уменьшается (да и понимается это наследие по-разному), а обновленной культуры, созданной после 1945 г., в КНДР и РК взаимно не знают. Помимо идеологических различий, отличающей друг от друга культурной политики, дивергенция обусловлена и разным внешним влиянием — преимущественно американским на Юге и советским (длительной время) на Севере. Даже в спорте, например, весьма популярные на Юге бейсбол и гольф практически неизвестны широкой общественности на Севере. Судя по откликам, в ходе ограниченных межкорейских культурных контактов в последние годы южане зачастую воспринимали северокорейское искусство (детский ансамбль, цирковая труппа, симфонический оркестр) как довольно однообразное, чересчур прямолинейное и простое, а северяне южное (артисты эстрады, детский ансамбль) — как что-то необычное, трудное для восприятия из-за архаичности или вестернизации.

Впрочем, как показывает богатый опыт Вьетнама или Германии, в случае объединения страны культурные различия под влиянием интеграционных процессов в рамках общего государства довольно интенсивно нивелируются или, напротив, становятся фактором обогащения и синтеза общенациональных культурных ценностей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Раздел первый	
КОРЕЯ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	
Глава I. Древнейшее прошлое Кореи	13
1. Палеолит Кореи	13
2. Неолит Кореи	15
3. Период бронзы и ранний железный век	19
Глава II. Древний Чосон — первое государственное образование в Корее	23
1. Первые сведения о Древнем Чосоне	23
2. Основные этапы истории Древнего Чосона	26
3. Корейские племена после падения Древнего Чосона	29
Глава III. Государство Когурё	33
1. Основание и развитие государства Когурё	33
2. Социально-политический строй, экономика и культура	41
Глава IV. Государство Пэкче	46
1. Основание и развитие государства Пэкче	46
2. Социально-политический строй, экономика, культура	52
Глава V. Государство Силла до объединения	56
1. Формирование государства Силла	56
2. Развитие Силла при правителях из рода Ким	59
Глава VI. Борьба за гегемонию на Корейском полуострове	65
1. Борьба Силла за объединение полуострова	65
2. Противодействие китайской экспансии	67
Глава VII. Государство Объединенное Силла	70
1. Расцвет Объединенного Силла	70
2. Правление боковых ветвей династии Ким	73
3. Упадок и крушение Объединенного Силла	74
Глава VIII. Общественный строй, государственное устройство и культура Силла	77
1. Сословная структура и земельная собственность	77
2. Культура Объединенного Силла	81

Раздел второй

КОРЕЯ В ЭПОХУ КОРЁ

Глава IX. Образование и развитие государства Корё в X—XI вв.	89
1. Основание государства Корё и отношения с киданями . . .	89
2. Реформы государственного управления	93
Глава X. Государство Корё до монгольского завоевания (XII — начало XIII в.)	96
1. Войны с чжурчжэнями	96
2. Начало ослабления Корё	97
Глава XI. Государство Корё в XIII—XIV вв.	101
1. Внутреннее положение и борьба против монгольского нашествия.	101
2. Монгольское владычество в Корее	103
3. Корея во второй половине XIV в.	106
Глава XII. Государственный и общественный строй Корё	111
1. Социальная структура и система управления	111
2. Развитие экономики Корё	115
Глава XIII. Культура Корё	117

Раздел третий

ГОСУДАРСТВО ЧОСОН В XV—XVIII вв.

Глава XIV. Приход к власти династии Ли	131
1. Становление новой династии	131
2. Государственный аппарат и чиновничество	136
Глава XV. Общество и сословия в государстве Чосон	146
1. Эволюция янбанского сословия	146
2. Податные сословия: торговцы, ремесленники, крестьяне	152
Глава XVI. Внешняя политика Кореи в XV—XVII вв.	156
1. Основные направления внешней политики	156
2. Имджинская война 1592—1598 гг.	158
3. Сопrotивление маньчжурским вторжениям	166
Глава XVII. Корея в XVII—XVIII вв.	170
1. «Партии» и дворцовые конфликты	170
2. Перемены в экономике и в обществе	175
3. Внешняя политика Кореи в XVII—XVIII вв.	179
4. Новые идеологические течения. Движение «сирхак» и распространение христианства.	182
Глава XVIII. Культура эпохи Чосон	185

Раздел четвертый

КОРЕЯ В ПЕРИОД РАСШИРЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ЭКСПАНСИИ (XIX — начало XX в.)

Глава XIX. Корея в первой половине XIX в.	
Реформы тэвонгуна	199
1. Правление янбанских кланов	199
2. Начало колониальной экспансии	202
Глава XX. Кризис и упадок позднефеодальной государственности в Корее (вторая половина XIX в.)	206
1. Кризис системы янбанского деспотизма	206
2. Усиление внешней экспансии и завершение периода самоизоляции	212
3. Корея в системе международных договоров второй половины XIX в.	216
Глава XXI. Внутреннее и внешнеполитическое положение Кореи в 90-е годы XIX в.	226
1. Движение «кэхва ундон» и обострение внутривластной борьбы	226
2. Крестьянское восстание 1893—1894 гг. в Корее и японо-китайская война	233
3. За кулисами заговора против королевы Мин Мён Сон	239
Глава XXII. Российско-корейское сближение в середине 90-х годов XIX в. Проблема нейтрализации Кореи	243
1. Бегство вана Коджона под покровительство российской миссии	243
2. Обострение борьбы между Россией и Японией за Корею	248
3. «Тоннип хёпхве» и его роль в защите национальной независимости Кореи	254

Раздел пятый

КОРЕЯ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1910—1945 гг.)

Глава XXIII. Корея в условиях японского колониального угнетения	265
1. Русско-японская война и аннексия Кореи	265
2. «Ыйбён» («Армия справедливости») в освободительном движении корейского народа	272
3. Корея в системе японского милитаризма	279
Глава XXIV. Национально-освободительная борьба корейского народа после аннексии	284
1. Первоапрельское движение 1919 г.	284
2. Временное правительство Кореи в эмиграции	290
3. Освободительное движение между Первой и Второй мировыми войнами	296

4. Превращение Кореи в базу японского милитаризма. Корея в период Второй мировой войны (1939—1945 гг.)	306
Глава XXV. Корейская культура в первой половине XX в.	314
1. Движение за сохранение национальной самобытности	314
2. Идеи освобождения в национальной прозе и поэзии	317
3. Научная мысль, искусство и архитектура в период аннексии	320

Раздел шестой

КОРЕЯ В УСЛОВИЯХ ДЕКОЛОНИЗАЦИИ И САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Глава XXVI. Корейский полуостров после разгрома Японии во Второй мировой войне	329
1. Корея после освобождения. Деятельность военных администраций на Севере и Юге Кореи	329
2. Московское совещание министров иностранных дел и проблема международной опеки	334
3. Образование двух государств: Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики	336
4. Корейская война 1950—1953 гг. и ее последствия	338
Глава XXVII. Пути социально-экономического и политического развития Севера и Юга Кореи	344
1. Узловые проблемы развития КНДР (1953—2000 гг.)	344
2. Основные этапы развития Республики Корея (1948—2000 гг.). От Второй до Шестой Республики	355
3. Сравнительные характеристики развития двух корейских государств. Чучхеизм и либерализм	367
4. Соотношение экономических потенциалов Севера и Юга Кореи	369
Глава XXVIII. Проблема урегулирования в Корее в контексте безопасности в Северо-Восточной Азии	375
1. КНДР и РК в годы холодной войны	375
2. Проблема воссоединения Кореи. Объединительные концепции	378
3. Межкорейский диалог	382
4. Политика «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна	388
5. Безопасность в Северо-Восточной Азии и позиции великих держав по корейскому вопросу	390
Глава XXIX. Две культурные тенденции на Корейском полуострове в условиях национального раскола	402
1. Корейская нация и корейский язык после освобождения	402

2. Идеологическая конфронтация на разделенном полуострове	403
3. Особенности развития культуры в КНДР.	407
4. Основные черты культурной эволюции в Республике Корея	412
Послесловие	421
Коротко об авторах.	424

ИСТОРИЯ КОРЕИ (Новое прочтение)

Художественное оформление *А.Е. Грибов и Н.Н. Попов*
Технический редактор *В.А. Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 09.04.2003.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,0. Уч.-изд. л. 29,9. Тираж 1000 экз.
Заказ № 7900

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./Факс 334-81-62 (отдел реализации)

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6